arv f

D 1 7

Проф. В. Бузескулъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

Современное научное движеніе въ области греческой исторіи.—Θукидидъ и новѣйшая историческая наука.—Женскій вопросъ въ древней Греціи.—Пренія о смертной казни назадъ тому 2300 съ лишкомъ лѣтъ.—Къ исторіи папства въ XI стол.—Реформаторъ XII в.—Новый источникъ для культурной исторіи начала XVI стол.—Леопольдъ Ранке.—Генрихъ Зибель, какъ историкъ-политикъ.—Альбертъ Сорель, какъ историкъ французской революціи. — Профессоръ-гуманистъ. — «Харьковскій Грановскій». — Изъ исторіи Харьковскаго университета при дѣйствіи устава 1884 г.—Амфіанъ Степановичъ Лебедевъ.—Приложеніе: Къ какому времени года относятся похожденія Чичикова?

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1911

Р 28 53
1 87
11

4115
БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛІСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
52804

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приближаясь къ закату, къ концу поприща, чувствуешь потребность оглянуться назадъ, на пройденный путь... Таковъ, прежде всего, личный мотивъ, побудившій автора издать настоящій сборникъ „Историческихъ этюдовъ“,—статей, появлявшихся большею частью на страницахъ разныхъ журналовъ въ теченіе 25-лѣтняго съ лишкомъ промежутка.

Въ сборникъ этотъ вошли не всѣ мои статьи. По различнымъ причинамъ я не включилъ въ него ни моей первой печатной, довольно большой по размѣрамъ, работы по русской исторіи (о Мстиславѣ Удаломъ, въ „Ж. М. Н. Пр.“, 1883; отрывокъ изъ нея—тамъ же, еще въ 1881 г.), ни первой—пробной—лекціи моей въ университетѣ („Обзоръ нѣмецкой литературы по исторіи средн. вѣковъ“, 1885), слишкомъ устарѣлыхъ и требовавшихъ большихъ передѣлокъ, ни добавочной главы къ „Лекціямъ“ проф. М. Н. Петрова о реформаціи и католической реакціи въ Польшѣ, ни другихъ нѣкоторыхъ мелкихъ работъ по новой исторіи, ни цѣлаго ряда статей, имѣющихъ отношеніе къ греческой исторіи. Большая часть этихъ послѣднихъ вошла, въ томъ или иномъ видѣ, въ мои книги о Периклѣ (1889), объ „Аѳинской Политіи“ Аристотеля (1895) и въ особенности въ мое „Введеніе въ исторію Греціи“ (нѣск.

изд.). Изъ рецензій я помѣщаю въ настоящемъ сборникѣ только одну, а изъ некрологовъ—лишь немногіе.

Выборъ статей сдѣланъ, быть можетъ, нѣсколько субъективно, иногда подъ вліяніемъ воспоминаній, дорогихъ для автора. Но я включилъ преимущественно статьи, которыя на мой взглядъ не имѣли слишкомъ спеціальнаго характера и могли представлять нѣкоторый, болѣе общій интересъ. Я рѣшился помѣстить и нѣсколько мелкихъ статей въ виду ихъ темъ, напр. историческую справку о преніяхъ по вопросу о смертной казни назадъ тому 2300 съ лишкомъ лѣтъ и замѣтку о Сорелѣ. На нихъ можно смотрѣть, какъ на своего рода приложенія или экскурсы къ предшествующимъ, болѣе крупнымъ этюдамъ: первая, „справка“, является какъ-бы иллюстраціей положенія о близости античности и современности, проводимаго и въ трехъ предыдущихъ этюдахъ, а вторая замѣтка служитъ дополненіемъ къ статьѣ о Зибелѣ, касаясь историка, писавшаго на ту же тему, что и Зибель. Наиболѣе обширный этюдъ посвященъ исторіи мѣстной—исторіи Харьковскаго университета при дѣйствіи устава 1884 г. Напомнить о фактахъ недавняго прошлаго мнѣ казалось особенно умѣстнымъ теперь, когда является стремленіе вернуться къ этому прошлому, къ порядкамъ и пріемамъ въ отношеніи къ университетамъ, уже испытаннымъ и оказавшимися непригодными. Быть можетъ, объективное, чисто фактическое изложеніе, требовавшееся самымъ характеромъ того изданія, для котораго этотъ этюдъ былъ написанъ, даже безъ всякихъ комментаріевъ, будетъ нелишнимъ. Только одинъ этюдъ носитъ спеціальный характеръ. Это—„Къ исторіи папства въ XI стол.“ Но онъ отчасти затрогиваетъ методологическіе вопросы и касается изслѣдованія, принадлежащаго лицу, нынѣ извѣстному по своей политической дѣятельности

въ рядахъ крайнихъ правыхъ, но раньше работавшему на научномъ поприщѣ, на которомъ его труды были встрѣчены съ такимъ сочувствіемъ не однимъ мною, но и другими, въ томъ числѣ кн. Е. Н. Трубецкимъ и академикомъ В. Г. Васильевскимъ, и которое имъ покинуто ради иного...

Въ сборникѣ, не смотря на его видимую пестроту, есть, по мнѣнію автора, нѣкоторое единство; есть, по крайней мѣрѣ, внутренняя связь между отдѣльными этюдами. Такъ, первые четыре этюда могли бы быть озаглавлены: „Античность и современность“; общая имъ мысль—какъ близокъ намъ античный міръ и какъ онъ долженъ быть намъ понятенъ... Оба слѣдующіе этюда касаются средневѣкового папства. Большинство остальныхъ посвящены или выдающимся представителямъ науки въ области преимущественно новой исторіи—Ранке, его ученику, Зибелю, и Сорелю, работавшему надъ той же темой, что и Зибель,—или родному для меня Харьковскому университету и его дѣятелямъ. Статья: „Новый источникъ для культурной исторіи начала XVI стол.“, и замѣтка о М. С. Корелинѣ составляютъ какъ-бы переходъ отъ одного отдѣла къ другому: первая—отъ этюдовъ по средней исторіи къ этюдамъ по новой, а вторая—отъ исторіи всеобщей къ русской или мѣстной, харьковской. Совершенно особнякомъ стоитъ помѣщенная въ видѣ „Приложенія“ замѣтка о времени похожденій Чичикова, не имѣющая отношенія къ исторіи. Но и въ ней косвеннымъ образомъ затрогивается вопросъ, небезразличный и для исторической критики.

Статьи перепечатываются большею частью съ нѣкоторыми небольшими поправками и измѣненіями. Что касается замѣчаній по вопросу о происхожденіи войны 1870 г. (въ этюдѣ о Зибелѣ, стр. 218 сл.), то не смотря на то, что въ послѣднее

время по этому вопросу опубликовано много важныхъ матеріаловъ [1]), какихъ-либо существенныхъ измѣненій дѣлать тутъ не понадобилось: новыя публикаціи не опровергаютъ, а скорѣе подтверждаютъ сказанное.

В. Бузескулъ.

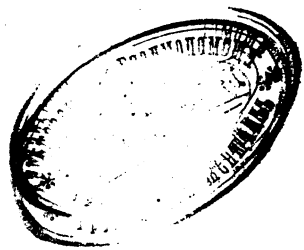
Гурзуфъ, на южномъ берегу Крыма.
Августъ 1910 г.

[1]) Кромѣ упомянутыхъ въ прим. на стр. 221 публикацій, слѣдуетъ указать на изданіе дипломатическихъ документовъ, предпринятое французскимъ правительствомъ (Les origines diplomatiques de la guerre de 1870—1), и на только что вышедшую монографію *Welschinger*, La guerre de 1870. Causes et responsabilité, въ которой особенно выясняется роль крайнихъ патріотовъ-бонапартистовъ и придворныхъ сферъ, съ императрицею Евгеніей во главѣ, въ дѣлѣ возникновенія войны.

Оглавленіе.

	стран.
Предисловіе	III
I. Современное научное движеніе въ области греческой исторіи.	1
II. Ѳукидидъ и новѣйшая историческая наука	29
III. Женскій вопросъ въ древней Греціи	38
IV. Пренія о смертной казни назадъ тому 2300 съ лишкомъ лѣтъ.	71
V. Къ исторіи папства въ XI столѣтіи	75
VI. Реформаторъ XII вѣка	112
VII. Новый источникъ для культурной исторіи начала XVI стол.	156
VIII. Леопольдъ Ранке	172
IX. Генрихъ Зибель, какъ историкъ-политикъ	187
X. Альбертъ Сорель, какъ историкъ французской революціи.	228
XI. Профессоръ-гуманистъ (памяти М. С. Корелина)	236
XII. „Харьковскій Грановскій“ (профессоръ М. М. Лунинъ)	248
XIII. Изъ исторіи Харьковскаго университета при дѣйствіи устава 1884 г.	302
XIV. Амфіанъ Степановичъ Лебедевъ	388
Приложеніе: Къ какому времени года относятся похожденія Чичикова въ I т. „Мертвыхъ Душъ“?	403

Харьковск. ист.-филол. общ. Библіотека



I.

Современное научное движеніе въ области греческой исторіи [1]).

Въ обществѣ широко распространено мнѣніе, что въ древней исторіи все уже изучено до послѣднихъ подробностей, что все здѣсь давно уже извѣстно, и изслѣдователю, работающему въ этой области, ничего не остается, какъ только повторять зады, старое, избитое. Нѣтъ ничего ошибочнѣе подобнаго мнѣнія. Наоборотъ, ни въ одной, быть можетъ, области историческаго знанія не замѣчается въ настоящее время такого оживленія, не совершается такого быстраго движенія, не дѣлается такихъ открытій, какъ въ греческой исторіи.

Начало этого движенія относится къ 70-мъ годамъ XIX в. Я не буду подробно останавливаться на его ходѣ и коснусь лишь наиболѣе характерныхъ чертъ его, преимущественно съ точки зрѣнія взаимодѣйствія новыхъ открытій въ области греческой древности и новыхъ воззрѣній на предметъ, задачи и методъ исторической науки. Дѣло въ томъ, что тутъ наблюдается интересное совпаденіе: съ одной стороны, мѣняются вообще воззрѣнія на историческій процессъ и его факторы; обращается вниманіе на такія явленія исторической жизни, которыя до сихъ поръ оставлялись въ пренебреженіи, въ тѣни;

[1]) Рѣчь, произнесенная на Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ, въ авг. 1899 г. (Русск. Мысль, 1900, февр.). Перепечатывается, какъ и большинство остальныхъ этюдовъ, съ нѣкоторыми измѣненіями. Ср. мое „Введеніе въ исторію Греціи", гдѣ можно найти и подробныя библіографическія указанія.

къ исторіи, какъ къ наукѣ, предъявляются новыя требованія, ей ставятся новыя задачи; съ другой стороны — открывается новый матеріалъ для рѣшенія этихъ задачъ въ области греческой исторіи.

Первое, что̀ характеризуетъ изученіе греческой исторіи за послѣднія десятилѣтія, есть именно *чрезвычайный ростъ матеріала. открытіе новыхъ данныхъ.*

Этимъ мы обязаны прежде всего *археологіи,*—тѣмъ замѣчательнымъ раскопкамъ, которыя начались съ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка. Достаточно вспомнить, что къ этому времени относятся раскопки Шлимана на Гиссарликѣ (мѣстѣ древней Трои) и въ Пелопоннесѣ — въ Микенахъ и Тиринѳѣ; что открыта была цѣлая культура, которую принято называть *микенскою* и о существованіи которой раньше мы и не подозрѣвали или лишь смутно догадывались. Такимъ образомъ приподнята была завѣса, которая скрывала отъ насъ древнѣйшій періодъ греческой исторіи. А затѣмъ, уже послѣ смерти Шлимана, въ 90-хъ годахъ, сотрудникамъ и продолжателямъ его дѣла, главнымъ образомъ Дерпфельду, удалось ближе изслѣдовать такъ называемый *шестой* городъ на Гиссарликѣ и доказать, что онъ принадлежалъ микенской эпохѣ и что если какое-либо поселеніе и можно сравнивать или отождествлять съ гомерическою Троей, то именно этотъ шестой городъ.

Въ 70-хъ же годахъ XIX ст., по мысли извѣстнаго историка Эрнста Курціуса и на средства германскаго правительства, предприняты были раскопки въ Олимпіи, имѣвшія также богатые результаты; вспомнимъ хотя бы объ открытіи фронтоновъ храма и о статуѣ Гермеса, произведеніи знаменитаго Праксителя. А въ Аѳинахъ основано отдѣленіе Нѣмецкаго Археологическаго Института, такъ много содѣйствующаго изученію исторіи, археологіи и топографіи древней Эллады.

Около того же времени Гуманъ началъ свои раскопки въ Пергамѣ, давшія намъ между прочимъ такіе памятники античнаго искусства временъ эллинизма, какъ рельефы съ изображеніемъ „гигантомахіи“, борьбы гигантовъ съ богами. Съ 70-хъ же годовъ начались многочисленныя находки *танагрскихъ фигуръ*, этихъ терракотовыхъ статуэтокъ, которыя наглядно знакомятъ насъ съ обыденною жизнью грековъ, ихъ

занятіями, забавами, туалетомъ. Въ 80-хъ и 90-хъ гг. истекшаго вѣка и въ другихъ мѣстностяхъ Греціи, на островахъ, въ Малой Азіи, совершенъ рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ находокъ, начиная съ обширной, начертанной на стѣнѣ развалившагося античнаго зданія, *гортинской надписи* (на Критѣ), представляющей цѣлый кодексъ гражданскаго права, и гимна Аполлону, съ нотными знаками, на мраморной плитѣ въ Дельфахъ, и кончая открытіемъ цѣлаго города въ Пріэнѣ, съ яснымъ очертаніемъ улицъ и площадей, съ остатками окружной стѣны, храма, портиковъ, театра, частныхъ домовъ. Въ началѣ XX в. послѣдовали еще болѣе поразительныя открытія: на Критѣ, на мѣстѣ древняго Кносса, „великаго города", англичанинъ Эвансъ открываетъ развалины обширнаго „дворца Миноса", съ залами, корридорами, фресками, магазинами или кладовыми, цѣлымъ архивомъ глиняныхъ табличекъ, съ начертанными на нихъ, еще не разобранными, письменами, и развалинами древнѣйшаго въ мірѣ театра; а итальянцы на мѣстѣ другого города, Феста, на югѣ Крита, открываютъ еще болѣе грандіозный дворецъ въ подобномъ же родѣ и въ окрестностяхъ его, въ Hagia Triada, — развалины загороднаго дворца или виллы, тоже съ интересными фресками, различными предметами, саркофагомъ и проч. [1]).

Можно сказать, что въ настоящее время почти всѣ націи образованнаго міра—отдѣльныя лица, ученыя общества, и правительства, основанные въ Аѳинахъ „Археологическіе институты" (нѣмецкій) и „школы" (французская, англійская, американская)—соперничаютъ другъ съ другомъ на этомъ поприщѣ, и обыкновенно каждая изъ націй имѣетъ какъ бы свой излюбленный районъ, гдѣ преимущественно ея представителями или на ея счетъ производятся раскопки. Французы, напр., избрали своимъ райономъ островъ Делосъ и Дельфы, нѣмцы — кромѣ уже упомянутыхъ Олимпіи и Пергама — Аѳины, Орхоменъ, Пріэну, Милетъ, островъ Ѳеру, Эгину; греки — тоже Аѳины, Микены и Тиринѳъ (уже послѣ Шлимана), Элевсинъ, Эпидавръ; итальянцы—Критъ; американцы—другую часть Крита, Евбею, Аргосъ; австрійцы—Эфесъ; шведы—Калаврію; англи-

[1]) Подробности—въ моемъ „Введеніи въ исторію Греціи".

чане—Навкратисъ въ Египтѣ, Кноссъ на Критѣ и т. д. Что касается русскихъ, то предметомъ ихъ изслѣдованій были древне-греческія колоніи на югѣ Россіи—Пантикапея, Херсонесъ, Ольвія, Танаисъ...

Среди матеріала для исторіи Греціи особенно видное мѣсто теперь занимаютъ *надписи*, начертанныя большею частью на камняхъ и имѣющія для древней исторіи то же значеніе, что для новой—архивные документы. Это — какъ бы „каменный архивъ" Эллады. Въ Аттикѣ почти каждый городъ, каждая деревушка имѣла свой подобнаго рода архивъ. Надписи, какъ извѣстно, содержатъ въ себѣ государственные и частные договоры; законы, постановленія народнаго собранія, совѣта, отдѣльныхъ общинъ, фратрій, товариществъ, списки дани аѳинскихъ союзниковъ; списки архонтовъ и другихъ должностныхъ лицъ, павшихъ въ бою воиновъ, побѣдителей на состязаніяхъ, эфебовъ; инвентари, описи и счета, декреты въ честь того или другого лица, контракты, долговыя обязательства, отпускныя грамоты, посвященія, эпитафіи и т. д. Такимъ образомъ, надписи обнимаютъ государственную, религіозную и частную жизнь; проливаютъ свѣтъ на внѣшнюю политическую исторію греческихъ государствъ, ихъ внутреннее положеніе и организацію, ихъ право, ихъ финансы, экономическія отношенія, численность населенія и проч. Онѣ дополняютъ или исправляютъ свидѣтельства древнихъ авторовъ, сообщаютъ намъ новые для насъ факты.

Надписями интересовались и раньше (напр., еще Кириакъ изъ г. Анконы въ XV в., въ эпоху гуманизма). Ими пользовался Бекъ для своего извѣстнаго труда о „Государственномъ хозяйствѣ аѳинянъ". Бекъ же положилъ начало научному изданію надписей знаменитымъ собраніемъ „Corpus Inscriptionum Graecarum" (I т. 1825—8 г.); онъ явился основателемъ особой дисциплины — *эпиграфики*. Но все это были скорѣе исключенія, единичныя явленія, и послѣ Бека—до самаго конца 60-хъ гг. XIX ст.—надписями, говоря вообще, пользовались сравнительно мало; ихъ оцѣнили не сразу, и какъ историческій источникъ, онѣ долго еще стояли на заднемъ планѣ. Доказательствомъ служатъ даже такіе капитальные труды, какъ „Исторія Греціи" Грота или Курціуса и „Греческія древности" Шемана.

Вполнѣ надписи оцѣнены и на нихъ обращено надле-

жащее вниманіе лишь въ разсматриваемый нами періодъ [1]). Именно за послѣднія десятилѣтія эпиграфика сдѣлала громадные успѣхи, достигла блестящаго развитія, благодаря главнымъ образомъ трудамъ Келера, Кирхгофа, Диттенбергера, Бузольта, Фукара, В. В. Латышева и друг., и въ изученіи греческой исторіи возобладало *эпиграфическое направленіе*, съ его нерѣдко крайностями и односторонностями. Появился цѣлый рядъ особыхъ собраній (Corpus) надписей, напр. надписей аттическихъ (Corpus Inscriptionum Atticarum, съ 1873 г.), сѣверной Греціи, Пелопоннеса, острововъ Эгейскаго моря, Сициліи и Италіи, сѣвернаго побережья Чернаго моря, Кавказа и друг.; надписей древнѣйшихъ, діалектическихъ, юридическихъ, сакральныхъ, метрическихъ и т. д. и т. д. Въ періодическихъ изданіяхъ, въ родѣ Mittheilungen des Deutschen Archaeolog. Institutes и Bulletin de correspondance hellénique, и въ филологическихъ журналахъ публикуется масса вновь находимыхъ надписей, и можно сказать, что каждый день приноситъ намъ новый эпиграфическій матеріалъ. А какъ вообще возросъ этотъ матеріалъ за послѣдніе годы, лучше всего показываютъ слѣдующія цифры: у Бека, въ I-мъ томѣ его собранія, всѣхъ аттическихъ надписей напечатано менѣе 1.000, а теперь аттическія надписи наполняютъ собой цѣлыхъ 4 т.: въ общей сложности ихъ собрано до 9.000 нумеровъ.

Что касается *монетъ*, то хотя за послѣдніе десятки лѣтъ и появилось нѣсколько выдающихся изслѣдованій, посвященныхъ имъ каталоговъ и описей, но все-таки, несмотря на значеніе нумизматическихъ данныхъ, какъ источника для исторіи торговли, экономическихъ и даже внѣшнихъ, политическихъ отношеній, новѣйшіе историки Греціи въ общемъ удѣляютъ имъ сравнительно мало вниманія.

На-ряду съ археологическими раскопками и разысканіями слѣдуетъ отмѣтить *путешествія* и изслѣдованія по *топографіи* Греціи, которымъ наука обязана новыми данными для исторіи и географіи древне-эллинскаго міра, частью подкрѣпляющими, частью исправляющими свидѣтельства древнихъ авторовъ. Въ

[1]) За исходный пунктъ можно принять появленіе извѣстнаго изслѣдованія Келера о делосско-аттическомъ союзѣ (1869 г.), основаннаго на надписяхъ.

особенности это нужно сказать о топографической съемкѣ Аттики, произведенной офицерами германскаго генеральнаго штаба, и объ экскурсіяхъ и путешествіяхъ напр. въ Малую Азію, преимущественно австрійскихъ ученыхъ.

Наконецъ, поразительно увеличился и матеріалъ *рукописный*, особенно за послѣднія двадцать лѣтъ. Можно смѣло сказать, что такихъ открытій по части древнихъ рукописей, какими ознаменовался конецъ XIX и начало XX ст., не было со временъ гуманизма и возрожденія. Найдена масса папирусовъ, содержащихъ разнаго рода документы, отрывки и даже цѣлыя произведенія древнихъ авторовъ, между ними такіе, которые раньше были неизвѣстны намъ или считались утраченными навсегда. Наступила эпоха *папирологіи*.

Не говоря о болѣе мелкихъ находкахъ и о папирусахъ, вывезенныхъ Флиндерсомъ Петри изъ Египта, напомнимъ о двухъ новыхъ для насъ рѣчахъ Гиперида, современника Демосѳена и его соперника въ ораторскомъ искусствѣ, о комическихъ бытовыхъ сценахъ, такъ называемыхъ миміамбахъ, Герода или Геронда и о знаменитомъ трактатѣ Аристотеля, впервые изданномъ Кеніономъ, дающемъ намъ болѣе или менѣе связную исторію и описаніе государственнаго строя Аѳинъ, вызвавшемъ почти необозримую литературу и, несмотря на всѣ свои недостатки и пробѣлы, являющемся очень интереснымъ и важнымъ источникомъ, который сообщаетъ рядъ новыхъ для насъ фактовъ и проливаетъ новый свѣтъ на многіе вопросы. Съ открытіемъ этого трактата изученіе исторіи аѳинской демократіи вступило какъ бы въ новый фазисъ: ее пришлось во многомъ передѣлывать, и всѣ труды по греческой исторіи, вышедшіе въ свѣтъ до 1891 г.,—года опубликованія Аристотелева трактата Кеніономъ, — сразу оказались устарѣлыми въ той части, которая касалась Аѳинъ.

Не можемъ не напомнить также о послѣдующихъ важнѣйшихъ находкахъ — объ одахъ и балладахъ Бакхилида, современника и соперника Пиндара, о „Персахъ“ Тимоѳея Милетскаго, комедіяхъ Менандра и о папирусахъ изъ Оксиринха [1]),

[1]) Нынѣшн. Behneseh, въ 120 англ. миляхъ къ югу отъ Каира, на границѣ Ливійской пустыни.

между которыми находятся: раньше неизвѣстное намъ стихотвореніе, приписываемое Сафо; разнообразные документы и частныя письма, въ томъ числѣ приглашеніе на свадебный обѣдъ приблизительно такого содержанія: „Такая-то проситъ тебя принять участіе въ обѣдѣ по случаю свадьбы ея дѣтей въ ея домѣ завтра, 5-го, въ 3 часа“...; большіе отрывки изъ греческой исторіи, касающіеся событій 396/5 г. до Р. Х. и приписываемые одними учеными Ѳеопомпу, другими — Кратиппу; пэаны Пиндара, значительная часть Еврипидовой трагедіи „Ипсипила“ и т. под.

Въ общемъ нашъ рукописный матеріалъ возросъ чрезвычайно. Нечего говорить, какъ важны и интересны вновь открытыя произведенія; но не лишены значенія и тѣ папирусы, которые содержатъ уже извѣстныя намъ раньше сочиненія, такъ какъ иногда они представляютъ болѣе древнюю рукопись, чѣмъ прежнія, которыми мы до сихъ поръ располагали. Что касается папирусовъ, содержащихъ документы, то это — самый разнообразный матеріалъ: счета, квитанціи, завѣщанія, контракты, правительственныя распоряженія, письма, приказы, донесенія, прошенія, жалобы, судебные приговоры и т. п. Матеріалъ этотъ относится преимущественно ко времени Птолемеевъ и подробно знакомитъ съ государственнымъ устройствомъ, администраціей, податною системою (особенно интересенъ податной уставъ Птолемея Филадельфа 259—8 г. до Р. Х.), хозяйствомъ и вообще положеніемъ Египта въ Александрійскую эпоху. Надъ изученіемъ и изданіемъ греческихъ папирусовъ въ настоящее время работаетъ рядъ ученыхъ, какъ Вессели, Вилькенъ, Кеніонъ, Магаффи, Гренфель и Хентъ; публикуются цѣлые сборники или коллекціи этого матеріала, хранящагося въ Вѣнѣ (напр. папирусы эрцгерцога Райнера), Берлинѣ, Женевѣ, Парижѣ, Лондонѣ (въ томъ числѣ и упомянутые папирусы изъ Оксиринха). Въ дѣлѣ открытія папирусовъ много сдѣлано Лондонскимъ Обществомъ Egypt Exploration Fund, учредившимъ особую секцію съ спеціальною цѣлью—открывать и изучать остатки греко-римской культуры въ странѣ фараоновъ.

Но не только чрезвычайно возросъ матеріалъ по греческой исторіи; измѣнилось и самое *отношеніе къ матеріалу*.

Во-первыхъ, прежде исторію Греціи излагали, основываясь почти исключительно на древнихъ авторахъ; теперь первое мѣсто нерѣдко отводится надписямъ и—въ послѣднее время—папирусамъ, т.-е. матеріалу по преимуществу документальному, въ своемъ родѣ архивному. Такимъ образомъ, исторія Греціи получила характеръ *документальный*. Другими словами, въ ея разработкѣ совершилась такая же перемѣна, какая въ разработкѣ новой исторіи произошла гораздо раньше, еще въ 20-хъ годахъ XIX ст. Было время, когда, напр., и исторію Западной Европы въ XV и XVI вв. излагали по историческимъ сочиненіямъ Гвиччіардини, Бокера и т. п.; Ранке, можно сказать, впервые указалъ на архивы, на хранящіеся въ нихъ документы, какъ на важнѣйшій и несравненно болѣе достовѣрный источникъ, и съ тѣхъ поръ архивный, документальный матеріалъ является главнымъ для изслѣдователя, занимающагося новою исторіей. Подобно тому, какъ этотъ изслѣдователь обращается къ наполненнымъ бумагами архивамъ, такъ и новѣйшіе историки Греціи обращаются къ „каменному архиву“ Эллады, и какъ въ области разработки новой исторіи „архивное направленіе“ подчасъ вырождается въ крайность и односторонность, такъ и въ области разработки древней увлеченіе эпиграфическимъ матеріаломъ заходитъ иногда слишкомъ далеко, и изъ-за этого матеріала слишкомъ ужъ пренебрегаются источники литературные.

Измѣнился въ послѣднее время и взглядъ на древнихъ авторовъ. Въ 60-хъ и отчасти въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка господствовала такъ называемая Einquellentheorie, т.-е. мнѣніе, будто древніе авторы, подобные Плутарху и Діодору, клали въ основу своего изложенія каждый разъ лишь одинъ какой-нибудь источникъ, списывая его механически или дословно. Въ сущности это было распространеніе на античную исторіографію того положенія, которое было примѣнимо къ средневѣковой. И въ Германіи появился цѣлый легіонъ диссертацій, программъ и статей, авторы которыхъ старались, по насмѣшливому выраженію одного извѣстнаго нѣмецкаго ученаго, „für jede Zeile den Vater ausfindig zu machen“, т.-е. отыскать, у кого, напр., Плутархъ взялъ ту или другую главу или фразу? причемъ одинъ доказывалъ, что такая-то глава или

фраза взята у Θеопомпа; другой съ неменьшею увѣренностью утверждалъ, что у Эфора или Стесимброта. По большей части, это была безплодная работа, и въ настоящее время Einquellentheorie можетъ считаться ужъ оставленною, какъ совершенно невѣрная по отношенію къ древнимъ авторамъ.

XIX вѣкъ отличался, между прочимъ, высокимъ развитіемъ исторической критики. Послѣдняя доходитъ иногда даже до крайности, до натяжекъ и ухищреній, превращается въ гиперкритику и въ излишній скептицизмъ. Такое направленіе отразилось и на разработкѣ греческой исторіи. Оно выразилось, во-первыхъ, въ оцѣнкѣ древнихъ историковъ. Напр., въ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ истекшаго вѣка талантливый, но увлекающійся критикъ, Миллеръ-Штрюбингъ, выступилъ съ рѣзкими нападками на Θукидида. Примѣры гиперкритики мы видѣли не такъ давно и въ оцѣнкѣ новооткрытаго трактата объ аѳинскомъ государственномъ строѣ, трактата, принадлежность котораго перу Аристотеля отвергалась нѣкоторыми скептиками на томъ основаніи, что великій философъ не могъ написать подобнаго, будто бы „негоднаго“, произведенія. Крайности критики проявлялись также въ отношеніи къ фактамъ и въ отзывахъ объ историческихъ дѣятеляхъ древней Греціи. Одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей современнаго направленія въ разработкѣ греческой исторіи, Белохъ, отвергаетъ такой общепризнанный фактъ, какъ вторженіе дорянъ въ Пелопоннесъ. Другой новѣйшій историкъ (Низе) отвергаетъ существованіе когда-либо въ Аѳинахъ Солоновой конституціи: Солонъ, по его мнѣнію, далъ аѳинянамъ гражданскіе и уголовные законы, а не конституцію. Въ началѣ 80-хъ годовъ почти одновременно, но независимо одинъ отъ другого, нѣсколько извѣстныхъ нѣмецкихъ ученыхъ (Максъ Дункеръ, Белохъ и друг.) пытались развѣнчать Перикла и доказывали его полную будто-бы неспособность, какъ полководца и государственнаго дѣятеля. Наконецъ, гиперкритика обнаруживается и въ общей оцѣнкѣ аѳинской демократіи у Юліуса Шварца, который въ своей книгѣ: „Die Demokratie“, говоритъ о ней съ ненавистью, ироніей и сарказмомъ, и, останавливаясь исключительно на темныхъ сторонахъ ея, доказываетъ, что она нисколько не содѣйствовала ни духовному, ни нравственному, ни матеріаль-

ному развитію человѣчества; что преклоненіе предъ аѳинянами — предразсудокъ и что если они и имѣютъ какія-либо заслуги, то только въ области пластики и драмы.

Но рядомъ съ такимъ скептицизмомъ и гиперкритикой существовало и иное, болѣе умѣренное, направленіе, и оно въ настоящее время восторжествовало. Многіе вопросы были пересмотрѣны вновь, и нападки и сомнѣнія представителей крайняго критическаго направленія оказались далеко не во всемъ основательными. Въ глазахъ спокойнаго и безпристрастнаго изслѣдователя Ѳукидидъ, напр., несмотря на неизбѣжные недостатки и пробѣлы, неточности и ошибки, встрѣчающіеся въ его трудѣ, попрежнему остается однимъ изъ величайшихъ историковъ, достовѣрнымъ настолько, насколько вообще можетъ быть достовѣрно произведеніе человѣка, „писателемъ, воодушевленнымъ чистыми намѣреніями искателя истины, не ослѣпленнымъ личными и политическими отношеніями до сознательнаго извращенія фактовъ“ [1]). Вообще мы склонны теперь относиться довѣрчивѣе къ исторической традиціи грековъ. Новѣйшія великія открытія, какъ ни поразительны ихъ результаты, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подтвердили, однако, свидѣтельство поэтовъ и историковъ и должны были подѣйствовать умѣряющимъ образомъ на нашъ скептицизмъ, внушить больше довѣрія къ античной традиціи. Открытія Шлимана и друг. показали, что въ гомерическомъ эпосѣ не все ложь и вымыселъ: на мѣстѣ древняго Иліона, какъ оказалось, дѣйствительно былъ городъ, во многомъ похожій на гомерическую Трою; Микены дѣйствительно были резиденціей владыкъ и „златообильными“, какъ ихъ называетъ поэтъ. Можно сказать даже, что иногда поэтическая фантазія была ниже дѣйствительности. Преданія о вліяніи культурныхъ странъ древняго Востока тоже нашли себѣ подтвержденіе въ данныхъ археологіи. Затѣмъ оказалось, что документальныя свидѣтельства, которыя могли лечь въ основу исторической традиціи грековъ, восходятъ къ сравнительно болѣе древнему времени; уже въ VI в. въ Аѳинахъ имѣлись начертанныя на камнѣ

[1]) *Ѳ. Г. Мищенко*: „Послѣсловіе къ переводу Ѳукидида“, стр. CCXIII—XIV. М., 1888.

надписи, и, слѣдовательно, аттическіе хронисты могли пользоваться ими.

А въ результатѣ рѣзкихъ нападокъ на аѳинскую демократію и ея дѣятелей, подобныхъ Периклу, вмѣсто прежняго, нерѣдко слѣпого, преклоненія предъ ними, явилось болѣе безпристрастное отношеніе къ нимъ, болѣе сознательное признаніе ихъ заслугъ, причемъ роль отдѣльныхъ личностей въ дѣлѣ развитія аѳинской демократіи пришлось значительно ограничить и признать замѣчательную послѣдовательность, закономѣрность и, такъ сказать, органичность этого развитія.

Здѣсь мы уже вступаемъ въ область общихъ воззрѣній на историческій процессъ и роль личности въ исторіи.

Естественно, что общее движеніе исторической науки, перемѣны во взглядахъ на историческій процессъ и его факторы, на задачи и предметъ исторіи, — все это должно было отразиться и на изученіи исторіи древней Греціи.

Въ нашъ демократическій вѣкъ и историческая наука обнаруживаетъ тенденцію къ нѣкоторой, такъ сказать, нивеллировкѣ: она умаляетъ значеніе отдѣльной личности, роль „великихъ людей“, и на первый планъ выдвигаетъ массу, общество. Самымъ яркимъ выразителемъ такого направленія въ настоящее время можно считать извѣстнаго нѣмецкаго историка Лампрехта, взгляды котораго возбуждаютъ въ Германіи такой горячій и даже страстный споръ и вызвали цѣлую литературу. Самъ Лампрехтъ свое направленіе называетъ „коллективистическимъ“ и противополагаетъ его прежнему, „индивидуалистическому“. По его воззрѣніямъ, личное начало — совершенно стушевывается; генеричными, лишенными всякой свободы признаются поступки только массы, и поэтому принципъ причинности оказывается примѣнимымъ лишь въ исторіи *быта, состоянія массъ*: тутъ именно сфера эволюціи и здѣсь особый методъ сравнительно съ исторіей выдающихся личностей.

Стремленіе къ умаленію роли личности отражается и въ области разработки греческой исторіи. Мы встрѣчаемъ его между прочимъ у Белоха, автора одной изъ новѣйшихъ и лучшихъ „Исторій Греціи“: по его словамъ, „кто видитъ движущую силу историческаго развитія въ отдѣльныхъ личностяхъ, въ „великихъ людяхъ“, а не въ народныхъ массахъ,

тотъ пусть лучше не прикасается къ древней исторіи“ [1]). Или, напр., теперь господствуетъ взглядъ, по которому въ Спартѣ вовсе не было „великаго законодателя“, давшаго ей государственное устройство. Въ этомъ устройствѣ видятъ частью созданіе глубокой древности, сохранившееся только въ Спартѣ, частью продуктъ постепеннаго развитія, подъ вліяніемъ и взаимодѣйствіемъ различныхъ факторовъ; личность же Ликурга признается миѳическою.

Вообще идея *эволюціи*, имѣющая столь важное значеніе въ естественныхъ наукахъ, переносится и въ область наукъ общественныхъ и историческихъ. Она находитъ себѣ примѣненіе и въ исторіи Греціи. А нашъ новый матеріалъ, какъ археологическій, такъ и литературный, даетъ ей новую опору. Благодаря ему, открываются промежуточныя звенья между періодами и явленіями, не имѣющими, казалось бы, ничего общаго между собою, раздѣленными, повидимому, цѣлою пропастью, и устанавливается неразрывная связь тамъ, гдѣ ея прежде и не подозрѣвали. Такъ, открытая Шлиманомъ микенская культура на первыхъ порахъ поразила своею своеобразностью и отличіемъ отъ культуры позднѣйшей, чисто-эллинской; а благодаря новѣйшимъ раскопкамъ и находкамъ между ними открываются все новыя и новыя точки соприкосновенія и переходныя ступени... Многое изъ того, что признавалось созданіемъ отдѣльной личности и болѣе поздняго времени, при ближайшемъ изслѣдованіи и благодаря новымъ даннымъ, оказывается созданіемъ чисто-народнымъ, существовавшимъ уже гораздо раньше.

Въ этомъ отношеніи важенъ и открытый въ 1891 г. трактатъ Аристотеля: изъ него мы видимъ, съ какою послѣдовательностью, безъ скачковъ, чисто-органически, развивался государственный строй Аѳинъ. Переходъ, напр., отъ монархіи къ господству аристократіи, по изложенію Аристотеля, совер-

[1]) Нужно, однако, замѣтить, что самъ Белохъ въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи отступаетъ отъ этой точки зрѣнія неразъ, придавая отдѣльнымъ личностямъ даже слишкомъ большое значеніе и возлагая на нихъ отвѣтственность за такія явленія, которыя были результатомъ цѣлаго сложнаго процесса или многихъ условій и причинъ. Это обнаруживается и въ его отзывахъ о Периклѣ.

шился съ замѣчательною постепенностью: архонтъ, первоначально лицо менѣе важное, занимавшее третье мѣсто, возвышается мало-по-малу до положенія первенствующаго сановника, становится выше самого царя, басилевса, совѣтникомъ и помощникомъ коего онъ, вѣроятно, былъ сначала, а басилевсъ изъ монарха превращается во второстепенное лицо, во *второго* архонта, завѣдующаго преимущественно культомъ. Такимъ образомъ, какого-либо переворота или формальной отмѣны царской власти въ Аѳинахъ нашъ новый источникъ не знаетъ; предъ нами здѣсь не революція, а именно *эволюція*. Далѣе, оставляя даже въ сторонѣ пресловутую Драконову конституцію, какъ сомнительную, приходится все же признать, что многое изъ того, что̀ приписывалось прежде Солону, существовало уже раньше, до него. *Тираннъ* Писистратъ является продолжателемъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ завершителемъ дѣла перваго *предстателя народа*, Солона, а во внѣшней политикѣ онъ уже намѣчаетъ тотъ путь, по которому впослѣдствіи пойдетъ аѳинская демократія въ пору своего расцвѣта и высшаго могущества. Даже такая, повидимому, искусственная и коренная реформа, какъ реформа Клисѳена, раздѣлившаго населеніе Аттики на новыя филы, съ цѣлью окончательно сломить политическое преобладаніе знати, оказывается имѣющею связь съ прошлымъ, нѣкоторую аналогію уже въ предшествующемъ строѣ, и является дальнѣйшимъ развитіемъ, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, началъ, которыя въ зачаткѣ уже существовали, чѣмъ и объясняется ея прочность и жизненность. Вспомнимъ также, съ какою постепенностью, судя по изложенію того же трактата, совершалась демократизація аѳинскаго строя послѣ Клисѳена,—какъ низшимъ классамъ лишь мало-по-малу открывался доступъ къ высшимъ должностямъ; какъ и впослѣдствіи въ аѳинскихъ учрежденіяхъ сохранялись своего рода „переживанія“, въ родѣ двойного жребія при выборахъ архонтовъ. Наконецъ, и Периклъ оказывается вовсе не такимъ новаторомъ, какимъ его еще не такъ давно изображали нѣкоторые историки: его роль въ дѣлѣ развитія аѳинской демократіи была менѣе значительною и довольно скромною. Словомъ, нашъ новый источникъ еще яснѣе показываетъ намъ, что аѳинская демократія была народнымъ созданіемъ, плодомъ

Моск. О-во Взаимопом.

работы цѣлаго ряда дѣятелей и многихъ поколѣній, а не результатомъ честолюбія и интригъ отдѣльныхъ личностей [1]).

Съ общимъ направленіемъ современной исторической науки, съ ея нивеллирующею тенденціей, съ ея стремленіемъ изучать исторію народной массы, а не только „великихъ людей", обращать вниманіе больше на „состояніе", чѣмъ на „событія", можетъ быть поставлено отчасти въ связь и то обстоятельство, что въ послѣднее время изслѣдователи стали особенно интересоваться жизнью и судьбою даже второстепенныхъ и третьестепенныхъ греческихъ городскихъ общинъ, а также исторіей Аѳинъ во времена ихъ упадка и утраты политической самостоятельности. Въ этомъ отношеніи характерна „Исторія Греціи" Белоха: въ ней Спартѣ и Аѳинамъ вовсе не отводится такого главнаго, можно сказать привилегированнаго, мѣста, какъ обыкновенно; у Белоха онѣ стоятъ не на переднемъ планѣ, почти совершенно заслоняя собою остальную Грецію, а на-ряду съ другими греческими городами; ихъ исторія введена въ рамки обще-греческой и неразрывно связана съ нею. Кромѣ того, появился цѣлый рядъ спеціальныхъ монографій и изслѣдованій, посвященныхъ исторіи разныхъ второстепенныхъ государствъ или Аѳинъ III—II в. до Р. Х.

Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что пробужденіе такого интереса къ этой исторіи находится въ прямой связи съ открытіемъ новыхъ надписей: именно надписи впервые дали для нея надлежащій матеріалъ. Прежніе изслѣдователи, если бы даже и интересовались судьбою и жизнью второстепенныхъ городскихъ общинъ Эллады, ничего не могли бы сдѣлать въ этой области просто за недостаткомъ матеріала. Теперь же надписи освѣтили внѣшнія отношенія и положеніе этихъ городовъ и исторію Аѳинъ времени македонскаго и римскаго владычества. Такимъ образомъ, для изслѣдователей открылась новая, еще не разработанная область, и естественно, что они обратили сюда свое вниманіе.

Въ наше время вопросы и отношенія *соціально-экономическіе* стоятъ на первомъ планѣ; они интересуютъ и волнуютъ

---

[1]) См. мою книгу: „Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государств. строя Аѳинъ..." Харьковъ, 1895 г., стр. 475—476.

общество, и современная историческая наука, при изученіи прошлаго, обращаетъ особенное вниманіе на нихъ. Соціально-экономическое направленіе можно считать теперь господствующимъ въ ней; оно иногда впадаетъ даже въ крайность, въ односторонность,—стоитъ только вспомнить хотя-бы о такъ называемомъ „экономическомъ матеріализмѣ“.

Интересъ къ соціально-экономической сторонѣ обнаружился—преимущественно съ начала 90-хъ годовъ прошедшаго вѣка—и въ области изученія греческой исторіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ монографій и изслѣдованій, брошюръ и статей, появившихся въ послѣднее время и касающихся соціальныхъ и экономическихъ отношеній въ древней Элладѣ [1]). Но выясненіемъ этой стороны въ исторіи Греціи мы болѣе всего обязаны *Белоху*, *Эдуарду Мейеру* и *Пельману*, которые вообще являются главными представителями современнаго направленія въ изученіи исторіи древняго міра. До тѣхъ поръ въ общихъ трудахъ по исторіи Греціи соціально-экономическая сторона обыкновенно игнорировалась или оставалась слишкомъ въ тѣни. Англійскій историкъ Гротъ, самъ политическій дѣятель, либералъ и приверженецъ Манчестерской школы съ ея девизомъ „laissez faire, laissez passer“, интересовался преимущественно политическою исторіей и политическою борьбой партій. Эрнстъ Курціусъ писалъ свою „Греческую исторію“ больше какъ археологъ и эстетикъ. Белохъ, раньше пріобрѣвшій себѣ извѣстность монографіей о „Населеніи греко-римскаго міра“ (Leipz., 1886), въ своей „Исторіи Греціи“ (1893) впервые удѣлилъ надлежащее мѣсто соціально-экономическимъ отношеніямъ; обзору хозяйственной жизни грековъ и положенія разныхъ общественныхъ классовъ онъ посвящаетъ здѣсь цѣлые отдѣлы или главы. Большое вниманіе на эту сторону обращаетъ также Эдуардъ Мейеръ въ своей „Исторіи древности“, второй томъ которой, открывающій собою исторію Греціи, появился почти одновременно съ трудомъ Белоха. Здѣсь прекрасно выясняется значеніе соціально-экономическихъ факторовъ въ исторіи Греціи, хотя Мейеръ чуждъ всякой

[1]) Указанія см. въ моемъ „Введеніи“ (изд. 1904—стр. 480—1; изд. 1910—стр. 232–3).

крайности и односторонности и далекъ отъ „экономическаго матеріализма“. Кромѣ того, хозяйственному развитію древняго міра и рабству въ древности Э. Мейеръ посвятилъ особые доклады или чтенія, въ которыхъ опровергаетъ укоренившіеся на этотъ счетъ предразсудки и ошибочныя мнѣнія. Приводимыхъ имъ тутъ воззрѣній мы еще коснемся впереди.

Самый же яркій представитель и горячій поборникъ соціально-экономическаго направленія въ разработкѣ греческой исторіи—Пельманъ, авторъ обширной монографіи объ античномъ коммунизмѣ и соціализмѣ [1]), цѣлой серіи статей на сродныя темы [2]) и „Очерка греческой исторіи“, въ которомъ онъ удѣляетъ большое вниманіе борьбѣ общественныхъ классовъ въ Греціи. Пельманъ особенно интересуется соціально-экономическою исторіей древней Эллады. Вездѣ онъ проводитъ аналогію между древностью и нашимъ временемъ. Онъ доказываетъ, что соціально-экономическій элементъ былъ могущественнымъ факторомъ и въ исторіи Греціи, что имъ въ значительной мѣрѣ обусловливался ходъ этой исторіи, борьба партій, перевороты, самое паденіе греческой независимости и торжество Македоніи. Въ нашихъ литературныхъ источникахъ—у древнихъ авторовъ—оказался богатый и почти непочатый матеріалъ, освѣщающій общественныя и экономическія отношенія грековъ. Этимъ матеріаломъ прежде всего воспользовался Пельманъ. Онъ, между прочимъ, отмѣтилъ и вполнѣ оцѣнилъ значеніе воззрѣній Платона и Аристотеля, раскрывающихъ язвы тогдашняго политическаго и общественнаго строя, и выяснилъ связь этихъ воззрѣній съ современною имъ дѣйствительностью.

Но если теперь обращается такое вниманіе на хозяйственныя отношенія древнихъ грековъ, то и тутъ, кромѣ общаго преобладающаго теченія въ современной исторической наукѣ, вліяло также открытіе новаго матеріала, именно—надписей, безъ которыхъ многіе вопросы и стороны хозяйственной жизни Эллады оставались бы попрежнему невыясненными и даже не

[1]) Русск. пер. помѣщенъ во II т. „Общей исторіи европ. культуры“. Спб. 1910.

[2]) Собраны подъ заглавіемъ: *Aus Alterthum und Gegenwart.* München, 1895.

могли быть изучаемы. Какъ было уже упомянуто, надписи не только знакомятъ насъ съ положеніемъ и устройствомъ финансовъ, но и сообщаютъ, напр., свѣдѣнія о величинѣ процентовъ, арендной и заработной платы, о цѣнахъ на хлѣбъ, масло и другіе продукты, о стоимости скота, одежды, жилыхъ помѣщеній, строительнаго матеріала и проч. Слѣдовательно и здѣсь мы видимъ совпаденіе и, такъ сказать, взаимодѣйствіе между новыми открытіями и новыми воззрѣніями въ исторической наукѣ: надписи даютъ матеріалъ для рѣшенія многихъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые ставитъ современная наука.

Вообще, если было время, когда ограничивались исторіей только *внѣшней*, военной и дипломатической, если затѣмъ интересъ сосредоточивался преимущественно на исторіи *государства, государственныхъ учрежденій* и *политическихъ* партій, какъ это видимъ мы еще у Грота, то теперь обращается особенное вниманіе на исторію *общества* и общественныхъ классовъ, на борьбу этихъ классовъ и на отношеніе къ ней государства. Это введеніе понятія *общества* въ кругъ историческихъ изслѣдованій, этотъ „соціально-историческій методъ“ и анализъ, который оцѣниваетъ политическія учрежденія и идеи не съ точки зрѣнія доктрины, а по ихъ общественной пригодности, и который выясняетъ взаимныя отношенія между государствомъ и общественными элементами, въ глазахъ Пельмана — самый важный и богатый послѣдствіями успѣхъ, достигнутый исторической наукой въ новѣйшее время. Въ особенности необходимо, по мнѣнію Пельмана, различать „общество“ и „государство“ въ греческой исторіи, потому что нигдѣ антагонизмъ между ними не проявляется такъ рѣзко, нигдѣ индивидуалистическія тенденціи отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ не выражаются такъ ясно, нигдѣ могущество общества въ государствѣ и надъ государствомъ не обнаруживается такъ рѣшительно, какъ въ древнихъ республикахъ, не исключая и демократическихъ, въ которыхъ въ идеѣ существовалъ суверенитетъ народа, а на дѣлѣ — суверенитетъ общества, т.-е. господствующихъ общественныхъ классовъ: эти классы заставляли государственныя учрежденія служить ихъ выгодамъ, ихъ интересамъ; даже радикальная демократія въ Аѳинахъ IV в. не могла сломить господства капитализма и смягчить экономическіе контрасты.

Моск. О-во Взаимопом.

При подобной точкѣ зрѣнія невольно напрашивалось сравненіе древности съ новыми вѣками, съ нашимъ временемъ. И дѣйствительно, одной изъ главнѣйшихъ особенностей современнаго направленія въ разработкѣ греческой исторіи является черта, которую я бы назвалъ *модернизаціей* этой исторіи,— сближеніе и сопоставленіе ея съ современностью, проведеніе аналогіи между развитіемъ древняго міра и новаго времени. Но эта модернизація имѣетъ, конечно, свою опасную сторону: тутъ легко впасть въ крайность и натяжки, усмотрѣть сходство тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ или гдѣ оно только кажущееся; сосредоточивая все вниманіе на аналогичныхъ моментахъ, изслѣдователь легко можетъ оставить въ сторонѣ и недостаточно оттѣнить особенности, специфически свойственныя древности и отличающія ее отъ новаго времени, или упустить изъ виду характерныя черты послѣдняго.

Была пора, когда въ грекахъ видѣли только „аристократовъ человѣческой породы“, героевъ и людей, витавшихъ лишь въ сферѣ „возвышеннаго“, „великаго“, „прекраснаго“; на нихъ долго господствовала романтическо-сантиментальная точка зрѣнія; передъ ними слѣпо преклонялись и идеализировали ихъ; въ греческой жизни искали и видѣли одну „гармонію“. По выраженію извѣстнаго эллиниста Виламовица, въ представленіи прежнихъ историковъ Греція являлась страною „прекрасныхъ, возвышенно настроенныхъ мужей и юношей, которые поклонялись красотѣ и жили въ мірѣ грезъ о прекраснѣйшей жизни, между тѣмъ какъ надъ ними улыбалось вѣчно голубое небо“. Такое отношеніе къ грекамъ замѣтно еще и въ „Исторіи Греціи“ Э. Курціуса: на ней лежитъ еще отпечатокъ нѣкотораго романтизма и сантиментализма; она отличается „панегирическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкимъ, элегическимъ тономъ, проникнута тихою грустью по потерянной красотѣ“. Правда, уже Бекъ въ своемъ „Государственномъ хозяйствѣ аѳинянъ“ заговорилъ о такихъ прозаическихъ вещахъ, какъ финансы, доходы и расходы, стоимость жилищъ, хлѣба и прочихъ съѣстныхъ припасовъ, и т. п., а Гротъ и другіе изслѣдователи тщательно изучали политическій строй Греціи. Но все-же древность казалась чѣмъ-то очень далекимъ отъ насъ, и мы съ трудомъ могли представить себѣ грековъ въ ихъ дѣйстви-

тельной, обыденной жизни, съ ихъ прозаическими, повседневными потребностями, заботами и интересами. Въ сущности для этого и надлежащаго матеріала было мало. Едва-ли не единственнымъ источникомъ, кромѣ — тогда еще сравнительно немногочисленныхъ—надписей, служилъ Аристофанъ, который въ своихъ комедіяхъ дѣйствительно даетъ типы заурядныхъ аѳинскихъ гражданъ, вводитъ въ ихъ жизнь, съ ея повседневными интересами и обыденными явленіями, и изображаетъ эту жизнь наглядно и ярко съ ея грубой, подчасъ даже циничной, стороны.

Современное направленіе исторической науки отличается большимъ реализмомъ, стремится изучить реальную жизнь. Да и матеріалъ нашъ для знакомства съ дѣйствительною жизнью древнихъ грековъ значительно увеличился. Кромѣ Аристофана, мы теперь имѣемъ бытовыя сцены Геронда. Въ томъ же направленіи вліяютъ и археологическія находки. Такъ, „Танагрскія фигуры“ изображаютъ намъ то женщинъ, занятыхъ печеніемъ хлѣба, то цирульника, стригущаго своего кліента, то повара, готовящаго обѣдъ, то торговца, выкрикивающаго свой товаръ, то дѣтей, играющихъ или пишущихъ, и т. п.; онѣ наглядно знакомятъ насъ съ повседневными занятіями грековъ, играми дѣтей, туалетомъ женщинъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны и недавно открытыя на Критѣ, въ Кноссѣ, миніатюрныя фрески, изображающія нарядныхъ декольтированныхъ дамъ, въ платьяхъ съ воланами и широкими, вздутыми рукавами. „Какой археологъ или художникъ“, говоритъ по поводу ихъ современный французскій изслѣдователь, „представляя себѣ Федру или Пасифаю, помыслилъ бы сблизить ея образъ съ образомъ своей бабушки въ бальномъ костюмѣ, танцовавшей при дворѣ Карла X или Луи Филиппа?“. Не говорю уже о надписяхъ, число которыхъ такъ увеличилось въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій и которыя даютъ такой богатый матеріалъ для знакомства съ хозяйственною жизнью грековъ. Немудрено поэтому, что греческая древность ужъ не кажется намъ теперь столь чуждой и далекой; она представляется намъ во многомъ близкой и понятной, подчасъ носящей отпечатокъ какъ бы современности.

И вотъ, если въ 60-хъ годахъ XIX ст. Фюстель де Куланжъ въ своей извѣстной книгѣ: *La cité antique*, исходилъ изъ

мысли о радикальномъ, существенномъ различіи между античнымъ и современнымъ обществомъ, говоря, что „въ новое время нѣтъ ничего похожаго на Грецію и Римъ, ничего похожаго не можетъ быть и въ будущемъ“, то господствующее теперь теченіе въ области греческой исторіи, въ лицѣ преимущественно Э. Мейера и Пельмана, напротивъ, сближаетъ древность и новое время и особенно выставляетъ на видъ сходство и аналогію въ ихъ историческомъ развитіи. По Э. Мейеру, единаго, непрерывнаго прогрессивнаго развитія нѣтъ, а есть два параллельныхъ процесса, два параллельныхъ періода въ исторіи развитія народовъ, живущихъ у Средиземнаго моря: съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается сызнова; оно опять возвращается къ тѣмъ первымъ ступенямъ, которыя уже давно были пройдены,—воззрѣніе, кстати сказать, нѣсколько напоминающее идеи Вико, автора „Новой Науки“. Древній міръ, говоритъ Э. Мейеръ, погибъ не вслѣдствіе какого-нибудь разрушительнаго внѣшняго переворота, а благодаря дѣйствію внутреннихъ силъ, — „вслѣдствіе разложенія совершенно выработанной и по своему существу вполнѣ современной культуры, умершей естественною смертію“. „Средневѣковой міровой порядокъ во второй разъ сталъ господствовать“. Такимъ образомъ, человѣчество, по этому воззрѣнію, какъ бы обречено на своего рода Сизифову работу... Э. Мейеръ упускаетъ изъ виду, или не считаетъ нужнымъ отмѣтить два важныя обстоятельства: во-первыхъ, при всемъ параллелизмѣ и аналогіи здѣсь нѣтъ полнаго тождества и повторенія; въ христіанскомъ, западно-европейскомъ средневѣковьѣ наблюдаются новыя черты и элементы, которыхъ нѣтъ въ античной древности, которые послѣдней совершенно чужды; и во-вторыхъ, предшествующій періодъ развитія не прошелъ безслѣдно: въ наслѣдіе отъ него осталось многое, что̀ пережило вѣка и вліяло на послѣдующее развитіе,—нѣкоторыя идеи, учрежденія, культура. Э. Мейеръ примѣняетъ названіе „средневѣковье“, „средніе вѣка“ и въ исторіи Эллады [1]). Терминъ этотъ употребляетъ и другой представитель новѣйшаго направленія въ

[1]) Собственно говоря, это выраженіе въ примѣненіи къ греческой исторіи встрѣчается еще у Бергка, въ его Griechische Litteraturgeschichte. Сра-

изученіи греческой исторіи — Пельманъ. Между западно-европейскимъ и греческимъ средневѣковьемъ оба усматриваютъ сходство во многихъ отношеніяхъ, между прочимъ — въ государственномъ, общественномъ и экономическомъ строѣ ихъ.

Они выступаютъ и противъ той теоріи примитивности хозяйственныхъ формъ древности, которая въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка высказана была Родбертусомъ: по Родбертусу, древнее хозяйство было хозяйствомъ „ойкоса", т.-е. автономнымъ хозяйствомъ дома, собственными силами удовлетворяющимъ всѣ свои потребности. Теорія эта господствовала до самаго послѣдняго времени, особенно среди экономистовъ. Еще сравнительно недавно извѣстный ученый Карлъ Бюхеръ, въ своемъ „Происхожденіи народнаго хозяйства" (1893; съ тѣхъ поръ нѣсколько изданій), утверждалъ, что народное хозяйство не древнѣе современнаго государства, и относилъ всю древность, равно какъ и первую половину среднихъ вѣковъ (приблизительно до начала текущаго тысячелѣтія), къ *первому* періоду въ исторіи экономическаго развитія, — періоду „замкнутаго домашняго хозяйства", „чистаго производства на себя", „хозяйства безъ обмѣна", гдѣ „продукты потребляются въ томъ же хозяйствѣ, которое ихъ производитъ", такъ что „весь хозяйственный оборотъ, отъ производства до потребленія, совершается въ замкнутомъ кругу дома (семьи, рода)". Далѣе зачатковъ высшей формы и мѣновыхъ сдѣлокъ, какъ единичныхъ явленій и лишь въ предѣлахъ одного города, древность, по мнѣнію Бюхера, не пошла, такъ что о народномъ хозяйствѣ, о постоянной торговлѣ и торговомъ классѣ, объ экономическомъ расчлененіи общества не можетъ быть и рѣчи. А теперь эта теорія должна считаться оставленною. Въ своемъ докладѣ, читанномъ на съѣздѣ нѣмецкихъ историковъ въ 1895 г., „Объ экономическомъ развитіи древняго міра", Э. Мейеръ рядомъ фактовъ опровергаетъ положеніе Родбертуса и его послѣдователей и показываетъ, что уже въ древности существовали высшія формы экономическихъ отношеній, что уже тогда промышленность,

---

вненіе между среднимн вѣками на Западѣ и эпохой тираннін, какъ вѣкомъ „новеллы", находимъ мы и въ статьѣ *Эрдманнсдерфера* (Preusz. Jahrb., XXV, 1869).

торговля, деньги, капиталъ играли чрезвычайно важную роль, существовалъ классъ промышленниковъ и купцовъ, были даже и товарищескія предпріятія, торговыя общества и т. д. Таковы же воззрѣнія Пельмана и нѣкоторыхъ другихъ новѣйшихъ историковъ древности.

На смѣну другому ходячему мнѣнію, связанному съ теоріей Родбертуса и принимаемому почти за аксіому, а именно, будто въ древности число рабовъ было очень велико и далеко превосходило число свободнаго гражданскаго населенія, будто античное общество покоилось исключительно на рабскомъ трудѣ, не знало — совершенно или почти совершенно — свободныхъ рабочихъ и презирало физическій трудъ; — на смѣну этому мнѣнію является теперь совершенно иной взглядъ, проводимый тѣми же представителями новѣйшаго направленія въ области изученія греческой исторіи—Белохомъ, Пельманомъ, Э. Мейеромъ. Выводъ ихъ тотъ, что въ древности число рабовъ вовсе не было такъ велико, какъ принято было думать, что рабство въ экономическомъ отношеніи играло лишь весьма подчиненную роль, не представляло господствующаго фактора экономической жизни античнаго міра и что, кромѣ рабовъ, существовалъ многочисленный классъ свободныхъ рабочихъ. По Э. Мейеру, свободный трудъ—не преемникъ рабства, а, напротивъ, „возникаетъ въ тотъ самый моментъ, когда и рабство начинаетъ выступать въ качествѣ экономически значительнаго фактора: оба они одного возраста и представляютъ лишь двѣ различныя конкуррирующія между собою формы, въ которыхъ пытается найти удовлетвореніе одна и та же экономическая потребность, — формы, въ которыхъ выражается одинъ и тотъ же экономическій переворотъ. Капиталъ нуждается въ дешевыхъ и подвижныхъ, освобожденныхъ отъ естественно выросшихъ отношеній патріархальнаго средневѣковаго общества рабочихъ силахъ, которыя старается использовать въ возможно полномъ объемѣ; а правовая форма, въ которой онѣ ему предлагаются, стоитъ экономически на второмъ планѣ“ [1]). Э. Мейеръ и тутъ усматриваетъ нѣкоторую аналогію между развитіемъ древности и новаго времени. Эпохой развитія рабства, по его словамъ,

[1]) Die Sklaverei im Alterthum, стр. 38 и сл.; русск. пер., стр. 45 и сл.

была эпоха расцвѣта демократіи, и рабство этого періода вызвано тѣми же причинами, что̀ и свободный трудъ новаго времени: онѣ стоятъ на одной линіи. Вопросъ, по мнѣнію Мейера, не въ томъ, какъ возникло античное рабство, а въ томъ, какъ объяснить, что аналогичное современное развитіе съ XIV—XV стол. не привело на Западѣ къ господству рабства? И Э. Мейеръ отвѣчаетъ, что здѣсь рѣшающее значеніе имѣлъ тотъ моментъ, на которомъ, при всемъ параллелизмѣ, покоится основное отличіе христіано-германскаго развитія отъ античнаго: античное развитіе идетъ отъ изолированности націй и отъ небольшихъ государствъ къ соединенію и окончательному единству; христіанское же средневѣковье начинаетъ съ единства и, несмотря на всѣ разлагающіе элементы, сохранило унаслѣдованную отъ древности идею единства человѣческаго рода [1]), что̀ однако не помѣшало вывозить рабовъ изъ странъ

[1]) Стремленіе капитала къ большей прибыли и къ возможно болѣе дешевому труду, по мнѣнію Мейера, уравновѣшивается также развитіемъ промышленности и обиліемъ иноземныхъ рынковъ для сбыта. Въ этомъ и заключается спасеніе. Но Э. Мейеръ не считаетъ совершенно невозможнымъ, чтобы въ наше время, — время свободнаго труда, — не повторилось развитіе рабства, подобное тому, какое наблюдается въ древности. „Римскій капиталъ,—говоритъ онъ,—хватился за рабство, потому что оно уже было готово; еслибъ этой формы не было, онъ кинулся бы искать другой путь, чтобы добыть себѣ необходимыя рабочія силы, а потомъ была бы найдена и соотвѣтствующая правовая форма. Говорятъ, что Тиберію Гракху пришла впервые идея его реформы, когда онъ, проѣзжая чрезъ Этрурію, увидѣлъ здѣсь полное запустѣніе страны и въ качествѣ рабочихъ пахарей и пастуховъ нашелъ только ввезенныхъ изъ варварскихъ странъ рабовъ, которые оттѣснили собой италійскихъ крестьянъ. Идея ввозить въ Германію китайскихъ кули едва-ли осуществится; но извѣстно, какими массами сельское населеніе стекается въ города; выйдите въ поле гдѣ-нибудь въ Лаузицѣ или Саксоніи и посмотрите, сколько мелкихъ собственниковъ ведутъ здѣсь безнадежную борьбу за существованіе; съ другой стороны, какъ ничтожно въ имѣніяхъ число нѣмецкихъ батраковъ и поденщиковъ, между которыми нѣтъ ни одного крестьянина изъ ближайшихъ поселковъ, такъ какъ трудъ его считается слишкомъ дорогимъ, а притязанія—чрезмѣрными: посмотрите, какъ изъ году въ годъ, лишь только наступаетъ пора полевыхъ работъ, на желѣзнодорожныхъ станціяхъ начинаютъ высаживаться цѣлыми толпами польскіе рабочіе, расходящіеся потомъ по имѣніямъ,—и вы не въ состояніи будете отдѣлаться отъ подобныхъ мыслей“ (стр. 45—46; русск. пер. стр. 53—54). Другой новѣйшій авторъ (Wetzel) сравниваетъ роль

нехристіанскихъ, изъ Африки, и пользоваться ими въ американскихъ колоніяхъ.

Вообще, по Э. Мейеру, „въ древности преобладали, хотя на гораздо меньшемъ пространствѣ и въ иныхъ формахъ, тѣ же вліянія и противоположности, которыя управляютъ и современнымъ развитіемъ“. „Древній міръ волновали тѣ же жизненные вопросы, которые еще и теперь, отчасти нерѣшенные, занимаютъ каждаго мыслящаго человѣка“,—такова основная идея, которая красною нитью проходитъ и чрезъ всѣ работы Пельмана, касающіяся древности. Онъ, какъ мы уже видѣли, доказываетъ, что и въ древности, подобно тому, какъ въ наше время, соціально-экономическій элементъ являлся могущественнымъ факторомъ. По воззрѣніямъ Пельмана и нѣкоторыхъ другихъ представителей новѣйшаго направленія въ изученіи греческой исторіи, язвы, отъ которыхъ страдаетъ современное общество, далеко не специфическая черта новаго времени, лишь ему свойственная. Пельманъ указываетъ на существованіе уже въ Греціи капитализма и его спутниковъ—пауперизма, пролетаріата, борьбы имущественныхъ классовъ, соціальнаго вопроса, и сближаетъ эти явленія съ соотвѣтствующими явленіями нашего времени. Мы видѣли, какое значеніе придаетъ Пельманъ введенію въ сферу историческаго изслѣдованія понятія *общества* и анализа отношенія къ нему *государства*. Въ этомъ, равно какъ и въ сознаніи назначенія государства, какъ посредника между общественными классами и представителя общаго интереса въ противовѣсъ отдѣльнымъ, эгоистическимъ классовымъ стремленіямъ, онъ видитъ лишь возвращеніе къ воззрѣніямъ Платона и Аристотеля.

Пельманъ и другіе новѣйшіе историки проводятъ и далѣе аналогію между древностью и нашимъ временемъ. Они сопоставляютъ стремленіе къ „опрощенію“, восхваленіе „натуральнаго“ состоянія, среди утонченно-развитой цивилизаціи, тогда и теперь; они сравниваютъ взгляды, напр., Дикэарха изъ Мессаны, ученика Аристотеля, и идеи Руссо и гр. Л. Н. Тол-

---

рабовъ въ древности съ ролью машинъ въ наше время и по этому поводу вспоминаетъ слова Аристотеля, что если бы ткацкіе челноки ходили сами собой, то больше не было бы надобности и въ рабахъ.

стого; утопіи древности и утопіи новаго времени, имѣющія какъ бы свой прообразъ въ соціальной поэзіи грековъ; нѣкоторыя воззрѣнія греческой философской мысли и новѣйшія научныя теоріи; космополитизмъ въ древности и космополитизмъ новаго времени, и т. д. Модернизація сказывается и въ томъ, что нѣкоторые историки, напр., Гольмъ, отчасти Э. Мейеръ, любятъ сравнивать дѣятелей Эллады съ дѣятелями XIX в. Такъ, Демосѳенъ напоминаетъ Гольму Гладстона.

Если такъ, то изученіе греческой исторіи представляетъ не одинъ только чисто-научный, теоретическій интересъ; оно получаетъ и практическое значеніе, исторія эта дѣлается глубоко-поучительною для насъ. Такъ и смотритъ на нее Пельманъ: по его словамъ, во многихъ своихъ стадіяхъ она является типическою.

Сближая древность съ такъ называемыми „средними“ и „новыми“ вѣками, Э. Мейеръ и Пельманъ уже тѣмъ самымъ становятся на *сравнительную, обще-историческую точку зрѣнія*, и это стремленіе выйти изъ рамокъ узкой спеціализаціи, это возвращеніе къ болѣе *универсально-исторической* точкѣ зрѣнія, на которой настаивалъ, между прочимъ, еще и Нибуръ, является въ свою очередь одною изъ характерныхъ особенностей новѣйшаго движенія въ области изученія греческой исторіи. Э. Мейеръ рѣшительно возстаетъ противъ той крайней спеціализаціи, которая вообще столь свойственна XIX в. Спеціализація эта и „раздѣленіе труда“ являются, конечно, необходимымъ слѣдствіемъ развитія науки, непомѣрно увеличившагося матеріала и роста литературы, и въ значительной мѣрѣ обусловливаютъ это развитіе. Но онѣ имѣютъ и свою вредную сторону. Благодаря спеціализаціи, говоритъ Э. Мейеръ, почти совершенно рушилось единство исторической науки: изслѣдователю въ области среднихъ вѣковъ и новаго времени обыкновенно недостаетъ универсально-историческаго интереса и дѣйствительнаго знанія древности. При такой изолированности сильно пострадало и изученіе древней исторіи: вмѣсто того, чтобы рѣшать задачи въ большей связи и искать поученія въ параллельныхъ явленіяхъ, оно по принципу не считаетъ нужнымъ заглядывать далѣе своихъ узкихъ границъ. По мнѣнію Э. Мейера, настоятельно необходимо, чтобы историческое изслѣдованіе—

здѣсь, какъ и вездѣ—снова возвысилось до болѣе универсальной точки зрѣнія. Спеціализація должна служить только средствомъ: для великихъ задачъ историческаго изслѣдованія вся надежда въ томъ, чтобы оно снова сознало свой универсальный характеръ какъ въ современной, такъ и въ античной области.

Съ такой *универсальной* точки зрѣнія и излагаетъ Э. Мейеръ исторію Греціи въ своемъ трудѣ—„Geschichte des Alterthums“ (т. II—V). Притомъ у него эта исторія—только часть исторіи древности: онъ излагаетъ ее въ связи съ исторіей Востока и Рима. И нужно замѣтить, что самъ Э. Мейеръ обладаетъ всѣми данными для такого широкаго построенія: онъ—оріенталистъ и эллинистъ, лингвистъ и историкъ; онъ прекрасно знакомъ съ политико-экономической стороной явленій; но онъ, какъ мы уже раньше замѣтили, чуждъ крайностей современнаго „экономическаго матеріализма“, и съ такимъ же вниманіемъ и глубиной изучаетъ политическую, религіозную и вообще культурную жизнь грековъ, какъ и ихъ общественную и экономическую.

Въ настоящее время между филологами и историками нерѣдко идетъ споръ о томъ: кто долженъ заниматься древнею исторіей—филологъ или историкъ? Извѣстный, талантливый нѣмецкій ученый Виламовицъ утверждаетъ, что это дѣло исключительно филологовъ-классиковъ; онъ предъявляетъ притязаніе на своего рода монополію въ пользу послѣднихъ въ дѣлѣ изученія греческой исторіи. Наоборотъ, Пельманъ и Э. Мейеръ указываютъ на односторонность и недостатки филолого-антикварной школы, не удовлетворяющей уже современнымъ требованіямъ, настаиваютъ на необходимости болѣе широкаго взгляда и полагаютъ, что разработка греческой исторіи—дѣло историка. Послѣ всего сказаннаго выше едва-ли есть надобность подробно останавливаться на этомъ вопросѣ; споръ о томъ, кому заниматься греческою исторіей, намъ кажется въ сущности лишнимъ. Дѣло, вѣдь, не въ словахъ, не въ ярлыкѣ. Филологи и историки въ области изученія древности могутъ и должны идти рука объ руку; но филологу не должна быть чужда широкая историческая точка зрѣнія, а историкъ долженъ обладать надлежащимъ знаніемъ античной литературы, археологіи

и эпиграфики. Крайне желательно было бы привлечь къ изученію греческой исторіи и *юристовъ*, которые напрасно такъ долго пренебрегали ею [1]). Недаромъ Моммзенъ какъ-то выразился, что необходимо, чтобы за исторію государственнаго строя грековъ взялся юристъ, и недаромъ даже Виламовицъ, съ его нѣсколько поэтической натурой и симпатіями къ идеализму, — тотъ самый Виламовицъ, который стоялъ за исключительную привилегію филологовъ заниматься античною исторіей,—настаиваетъ теперь на необходимости создать *исторію государственнаго права Аѳинъ*.

Таковы наиболѣе характерныя черты научнаго движенія въ области греческой исторіи за послѣднія десятилѣтія. Какъ быстро идетъ разработка этой исторіи, видно хотя бы изъ того, что всѣ труды, вышедшіе до 1891 г., вдругъ оказались во многихъ частяхъ уже совершенно устарѣлыми. Разрастается матеріалъ, мѣняются воззрѣнія, расширяются задачи историческаго изслѣдованія...

Въ этомъ движеніи, въ этой разработкѣ греческой исторіи видное участіе принимали и русскіе ученые. Не говоря уже о покойномъ М. С. Куторгѣ и Люгебилѣ, дѣятельность которыхъ относится преимущественно къ болѣе раннему періоду, слѣдуетъ назвать труды В. В. Латышева и другихъ учениковъ проф. Ѳ. Ѳ. Соколова (напр., С. А. Жебелева, А. Н. Щукарева, А. В. Никитскаго), Ѳ. Г. Мищенка, Э. Р. ф. Штерна, Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, М. И. Ростовцева, М. М. Хвостова, Б. В. Фармаковскаго и проч.

При томъ быстромъ научномъ движеніи, которое замѣчается въ области греческой исторіи, понятно, что многія изъ общепринятыхъ и, казалось бы, твердо обоснованныхъ воззрѣній и гипотезъ скоро устраняются и замѣняются другими, новыми. Но это не должно смущать изслѣдователя и дѣйствовать на него подавляющимъ образомъ. Новый матеріалъ не только подрываетъ прежніе взгляды и обличаетъ наши ошибки: часто онъ блистательно подтверждаетъ догадки и мнѣнія,

[1]) Въ послѣднее время, по крайней мѣрѣ въ зап. Европѣ, стали обращать должное вниманіе на греческое право и въ этомъ направленіи появилось уже нѣсколько выдающихся работъ. Указанія см. въ моемъ „Введеніи".

высказанныя раньше на основаніи лишь скудныхъ данныхъ или слабыхъ намековъ источниковъ. И такихъ примѣровъ немало. Изслѣдователь съ бодростью и энергіей можетъ работать въ области греческой исторіи: это—область интересная и благодарная, далеко еще не вполнѣ, со всѣхъ сторонъ, изслѣдованная.

II.

Ѳукидидъ и новѣйшая историческая наука [1]).

Въ послѣднее время все болѣе и болѣе устанавливается аналогія между историческимъ развитіемъ древности съ одной стороны, среднихъ и новыхъ вѣковъ—съ другой. Съ этой точки зрѣнія древность, прежде казавшаяся столь отличною и далекою отъ насъ, сближается съ современностью, и изученіе ея исторіи представляетъ не одинъ только чисто-научный, теоретическій интересъ; эта исторія является глубоко поучительною и во многихъ своихъ стадіяхъ типичною. Аналогію можно найти въ разныхъ сферахъ—и въ области соціально-экономическаго развитія, и въ сферѣ мысли и литературы. Въ настоящей замѣткѣ мнѣ бы хотѣлось напомнить тѣ черты, которыя сближаютъ Ѳукидида съ современною исторіографіею, и показать на нѣсколькихъ примѣрахъ, насколько близко подошелъ величайшій историкъ древности къ тѣмъ задачамъ, пріемамъ и воззрѣніямъ, которые характеризуютъ науку XIX и начала XX вѣка.

Въ началѣ XIX стол. *историко-критическая школа*, въ лицѣ своихъ главныхъ представителей, *Нибура* и затѣмъ *Ранке*, въ противоположность анти-историческимъ построеніямъ XVIII вѣка, провозгласила, что главная цѣль исторіи — отыскать и представить *истину*. Въ предисловіи къ своему пер-

[1]) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., 1901, авг., и „Сборникъ статей въ честь П. В. Никитина". Спб. 1901. Ср. мое „Введеніе".

вому труду (Geschichte d. roman. und german. Völker, 1824), положившему начало его славѣ, Ранке, напр., говорилъ, что „исторіи вмѣняли въ обязанность быть судьею прошлаго, поучать современниковъ на пользу будущаго", но онъ, Ранке, желаетъ „просто показать, *какъ оно собственно было*", „wie es eigentlich gewesen"; „ибо,—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ [1]),— идеалъ всегда въ томъ, чтобы представить міру историческую правду". И историко-критическая школа стремилась къ точному, по возможности объективному возсозданію прошлаго.

Къ тому же въ сущности стремился и Ѳукидидъ. Онъ ставитъ въ упрекъ своимъ предшественникамъ, что они мало заботились объ исканіи истины (I, 20); по собственному заявленію, онъ стремится къ точному знанію (V, 26). Онъ — врагъ анекдотовъ и вымысловъ, внѣшней занимательности и баснословнаго элемента, и въ этомъ отношеніи противополагаетъ свой трудъ произведеніямъ какъ поэтовъ, съ ихъ преувеличеніями и прикрасами, такъ и „логографовъ" (I, 21). Онъ не беретъ на себя роли судьи надъ историческими дѣятелями съ точки зрѣнія личной нравственности и оцѣниваетъ ихъ по иному критерію,—по уму, по способности составлять ясное и правильное сужденіе о положеніи дѣлъ и т. п.

Все это чрезвычайно сближаетъ Ѳукидида съ новыми историками, главнымъ образомъ съ историко-критическимъ направленіемъ. Исторія, по самой своей натурѣ, говорилъ, напр., Ранке въ своей рѣчи: „De historiae et politices cognatione atque discrimine" (1836), должна питать отвращеніе къ вымысламъ и фантазіямъ и допускать только то, что вѣрно; тутъ же онъ напоминаетъ, „какъ трудно отличить истинное отъ ложнаго и среди различныхъ извѣстій избрать достовѣрное" (Sämmtl. Werke, XXIV, 272 — 3). Поэтому на изученіе источниковъ, на историческую критику и пріемы изслѣдованія историко-критическая школа обратила особенное вниманіе и въ этомъ отношеніи сдѣлала много. Но нельзя сказать (какъ иногда говорятъ), будто она *впервые создала* критическій методъ историческаго изслѣдованія и впервые ввела надлежащіе пріемы.

---

[1]) Zur Kritik neurer Geschichtschreiber. 2-te Aufl. (Sämmtliche Werke, Leipz. 1874, XXXIII—IV, 150).

Эти пріемы въ сущности открыты и впервые примѣнены были Θукидидомъ; новѣйшая же наука лишь развила и усовершенствовала ихъ. Вспомнимъ, что говоритъ Θукидидъ; онъ излагаетъ не такъ, какъ ему *казалось*, или какъ сообщалъ первый встрѣчный, а на основаніи автопсіи или свѣдѣній, хотя и добытыхъ отъ другихъ, но подвергнутыхъ возможно точной провѣркѣ (I, 22). Уже онъ сознавалъ, какъ трудны подобныя изысканія, въ виду того, что свидѣтели говорятъ объ одномъ и томъ же неодинаково, а подъ вліяніемъ пристрастія или памяти (ibid).

Источникомъ Θукидиду, однако, какъ извѣстно, служили не одна автопсія или свидѣтельства очевидцевъ, но и другія данныя, приблизительно такія же, какими пользуются и современные историки. Въ данномъ случаѣ наше вниманіе обращаютъ на себя, во-первыхъ, *надписи* и *документы* и, во-вторыхъ, такъ называемыя *культурныя переживанія*.

Θукидидъ первый надлежащимъ образомъ оцѣнилъ важность документовъ и нѣкоторые изъ нихъ цѣликомъ внесъ въ свою „Исторію“, напр. текстъ перемирія 423 г., Никіева мира, договора Аѳинъ съ Аргосомъ, Мантинеей и Элидой, договоровъ Тиссаферна съ пелопоннесцами (IV, 118; V, 18, 47; VIII, 18, 37, 58). Это опять-таки сближаетъ его съ современной исторіографіей, въ особенности съ Ранке и его послѣдователями, хотя у Θукидида и нѣтъ такой точности въ передачѣ документальныхъ текстовъ, какая теперь считается необходимымъ условіемъ [1]). Извѣстно, что именно Ранке далъ новое направленіе изученію исторіи, обратившись преимущественно къ подлиннымъ документамъ, къ нетронутому архивному матеріалу, и съ тѣхъ поръ это, такъ сказать, документальное, „архивное“ направленіе надолго заняло преобладающее положеніе.

Что касается *культурныхъ переживаній*, то едва-ли нужно напоминать, какую роль играютъ они въ настоящее время въ качествѣ матеріала въ рукахъ современныхъ историковъ, соціологовъ, фольклористовъ и т. д. Θукидидъ пользуется ими преимущественно въ первыхъ главахъ своего труда. Вообще въ

[1]) Ср. Thuc. V, 47 и C. I. A., IV, 46 b.

отношеніи пріемовъ эти главы, въ которыхъ онъ пытается дать *реконструкцію* древнѣйшей греческой исторіи, въ ея главныхъ моментахъ, особенно интересны. Здѣсь Θукидидъ примѣняетъ въ широкихъ размѣрахъ *методъ обратнаго заключенія*, столь хорошо знакомый современной наукѣ: онъ заключаетъ отъ настоящаго къ прошлому, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, причемъ основаніемъ (σημεῖον, μαρτύριον, τεκμήριον, I, 1, 6, 8, 10, 20—21; II, 15) для его выводовъ и комбинацій служатъ свидѣтельства эпоса, которымъ онъ, впрочемъ, вѣритъ далеко не безусловно („ибо поэты вообще склонны къ прикрасамъ и преувеличеніямъ", I, 21), затѣмъ — топографическія данныя, вещественные памятники, названія, обычаи, празднества и обряды, бытъ болѣе отсталыхъ въ культурномъ отношеніи греческихъ племенъ и варваровъ и т. д.

Такъ, изъ отсутствія общаго имени для грековъ у Гомера дѣлается выводъ, что такого имени первоначально и не существовало, а были лишь названія отдѣльныхъ племенъ; изъ отсутствія у Гомера слова „варвары" выводится также заключеніе, что эллины тогда еще не носили одного имени и не противопоставляли себя варварамъ (I, 3). Въ обычаѣ носить оружіе, сохранившемся въ нѣкоторыхъ частяхъ Эллады, напр. у локрянъ, этолянъ, акарнанъ, Θукидидъ видитъ *культурное переживаніе*, остатокъ обычая, нѣкогда существовавшаго у всѣхъ эллиновъ, и объясняетъ его происхожденіе отсутствіемъ безопасности въ тѣ времена. Вообще тотъ бытъ, которымъ въ V вѣкѣ до Р. Х. жили менѣе культурные греческіе народы, по его мнѣнію, нѣкогда былъ свойственъ всѣмъ эллинамъ (I, 5—6). По наблюденіямъ Θукидида, болѣе древніе города строились дальше отъ морского берега, и это онъ ставитъ въ связь съ господствомъ тогда пиратства (I, 7). Гробницы, открытыя при очищеніи о. Делоса и оказавшіяся принадлежавшими наполовину карійцамъ, служатъ для него доказательствомъ широкаго распространенія послѣднихъ по островамъ (I, 8). Видъ и кладка стѣны вокругъ Аѳинъ могутъ, по мнѣнію Θукидида, удостовѣрить, съ какою поспѣшностью возводились постройки послѣ нашествія персовъ (I, 93). А то, что въ акрополѣ и у его подножія расположены были древнѣйшіе храмы и источникъ Каллироя, которымъ аѳиняне пользовались въ

торжественныхъ случаяхъ, и то, что еще въ его время акрополь у аѳинянъ назывался просто „πόλις“, служитъ въ глазахъ Ѳукидида доказательствомъ, что акрополь и прилегающая къ нему часть составляли древній городъ (II, 15).

Этотъ методъ возсозданія прошлаго по его, такъ сказать, обломкамъ и при помощи аналогій совершенно современенъ, и къ нему прибѣгалъ Нибуръ въ своей „Римской исторіи“. Ѳукидидъ, правда, впадаетъ въ нѣкоторыя ошибки, напр., вопреки эпосу, представляетъ себѣ отдаленную старину слишкомъ ничтожною и бѣдною, между тѣмъ какъ новѣйшія раскопки подтверждаютъ скорѣе свидѣтельство эпоса объ ея грандіозности и богатствѣ; но это объясняется не недостаткомъ метода, а недостаточностью фактическихъ данныхъ, съ помощью которыхъ приходилось оперировать древнему историку. Съ точки же зрѣнія метода и пріемовъ начальныя главы Ѳукидида одно изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій исторической мысли.

Пріемы Ѳукидида напоминаютъ пріемы современнаго изслѣдователя еще и въ другомъ отношеніи. Извѣстно, какое значеніе пріобрѣлъ въ XIX вѣкѣ *сравнительный методъ*, находящій себѣ примѣненіе въ разныхъ областяхъ научнаго знанія, начиная съ сравнительнаго языковѣдѣнія и кончая науками общественными. Зародыши его, первые опыты пользованія имъ, встрѣчаемъ мы уже у Ѳукидида. Его методъ обратнаго заключенія есть въ то же время и методъ сравнительный. Ѳукидидъ пользуется аналогіей; онъ сравниваетъ бытъ и явленія міра греческаго, на извѣстной ступени его развитія, и міра варварскаго (I, 3, 6) и подмѣчаетъ между ними сходство: въ образѣ жизни древніе эллины, по его словамъ, походили на современныхъ ему варваровъ. Наиболѣе культурные народы Эллады, по Ѳукидиду, прошли чрезъ ту же стадію, на которой въ его время еще находились менѣе цивилизованныя греческія племена и варвары. Древнѣйшая, баснословная греческая старина у него—одинъ изъ фазисовъ въ развитіи общества. Тутъ у величайшаго историка древности проглядываетъ, хотя лишь смутно, идея, которая является одною изъ господствующихъ въ современной наукѣ,—идея *постепеннаго развитія, эволюціи.*

Другая идея, присущая новѣйшей наукѣ вообще и въ частности исторіи настолько, что безъ нея и самая наука немыслима, — идея *причинности* и *законосообразности* явленій. Ее высказываетъ и Ѳукидидъ, совершенно ясно и опредѣленно, причемъ онъ отличаетъ *общія*, *основныя причины* отъ поводовъ и случайныхъ обстоятельствъ. Онъ прекрасно понимаетъ, что событія въ Эпидамнѣ и Потидеѣ, жалобы Мегаръ и Эгины,— все это лишь поводы и предлоги къ войнѣ; истинная же причина скрывалась въ возвышеніи аѳинскаго могущества, возбуждавшаго страхъ и зависть (I, 23; II, 8).

Отсюда у Ѳукидида и рядъ своего рода *обобщеній*, основанныхъ на убѣжденіи въ томъ, что одинаковыя причины и условія вызываютъ и одинаковыя слѣдствія: по его мнѣнію, пока не измѣнится человѣческая природа, до тѣхъ поръ будутъ происходить явленія, подобныя тѣмъ, которыя онъ описываетъ (I, 22). Въ особенности ясно эта мысль выражена въ III книгѣ, въ 82 — 83 главахъ, гдѣ онъ, по поводу борьбы партій на о. Керкирѣ, даетъ столь извѣстное, поразительное по глубинѣ анализа, изображеніе, такъ сказать, патологическихъ явленій — извращенія понятій, одичанія и деморализаціи греческаго общества, какъ неизбѣжнаго послѣдствія ожесточенной междоусобной войны. „Вслѣдствіе междоусобицъ,—говоритъ Ѳукидидъ,— множество тяжкихъ бѣдъ обрушилось на государства, бѣдъ, какія обыкновенно бываютъ и всегда будутъ, пока человѣческая природа остается тою же“, но только эти бѣды въ большей или меньшей степени различны по формамъ, сообразно обстоятельствамъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Изъ идеи же причинности и законосообразности явленій вытекалъ и присущій Ѳукидиду раціонализмъ, объясненіе хода историческихъ событій безъ введенія сверхъестественнаго элемента и непосредственнаго вмѣшательства божества,—опять черта, сближающая древняго историка съ новѣйшими.

На смѣну историко-критической школѣ, господствовавшей особенно въ Германіи, или на-ряду съ нею явились другія направленія. Между прочимъ, одно время исторію пытались возвести „въ рангъ естественныхъ наукъ“, причемъ особенно выдвигалось вліяніе природныхъ условій на историческое развитіе; этому фактору придавалось чрезмѣрное значеніе, а ука-

заніе на его вліяніе выставлялось, какъ великое открытіе (въ серединѣ XIX столѣтія — Бокль). Но на самомъ дѣлѣ связь между бытомъ и исторіей народа съ одной стороны и окружающей его природой съ другой извѣстна давно: ее отмѣчаетъ не только Монтескье, но еще и древніе—Гиппократъ, Аристотель. Ѳукидидъ тоже придавалъ немалое значеніе природнымъ условіямъ и географическому положенію. По его мнѣнію, плодородіе почвы способствовало переворотамъ и перемѣнѣ населенія во многихъ областяхъ Эллады, такъ какъ онѣ являлись заманчивой добычей для завоевателей; вслѣдствіе же скудости почвы Аттика была избавлена отъ подобныхъ перемѣнъ, и это повело къ дальнѣйшему ея возвышенію, такъ какъ сюда стекались богатые и знатные переселенцы изъ остальной Эллады (I, 2). Развитіе морскихъ силъ и богатства Коринѳа—результатъ его положенія на перешейкѣ и его роли, какъ эмпоріума Греціи (I, 13).

Въ современной исторической наукѣ въ послѣднее время особенно ярко обнаруживается стремленіе, во-первыхъ, умалить значеніе отдѣльной личности въ исторіи, роль „великихъ людей“, и сосредоточить вниманіе на массѣ, обществѣ, и, во-вторыхъ, выдвинуть экономическія отношенія и причины, какъ важнѣйшій, основной факторъ развитія. Достаточно указать на Лампрехта и вспомнить о той полемикѣ, которую онъ вызвалъ. Въ этомъ отношеніи Ѳукидидъ ближе стоитъ къ прежнему, историко-критическому направленію, къ школѣ Ранке. Предметомъ его „Исторіи“, если исключить начальныя главы и отдѣльныя замѣчанія въ дальнѣйшемъ изложеніи, служатъ *событія*, а не *состояніе*, и притомъ событія по преимуществу *военныя*. Брунсомъ [1]) было высказано мнѣніе, что Ѳукидидъ считалъ ничтожнымъ значеніе отдѣльной личности въ историческомъ процессѣ, что въ своемъ изложеніи онъ лишь немногихъ лицъ надѣлялъ индивидуальными чертами, да и въ ихъ характеристикахъ былъ крайне скупъ на краски, ограничиваясь только самымъ необходимымъ, и что такъ онъ поступалъ преднамѣренно, сознательно, ибо это вытекало изъ его воззрѣнія, по которому историческое развитіе обусловливается не

[1]) Das literarische Porträt d. Griechen, Berlin, 1896.

дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ, а *эволюціей массъ*, и самая дѣятельность эта — лишь продуктъ болѣе глубоко лежащихъ общихъ условій и отношеній. Въ отвѣтъ на это совершенно основательно было указано [1]) на отношеніе Θукидида къ Θемистоклу (I, 135 сл.) и къ Периклу (II, 65): историкъ, который такъ сумѣлъ оцѣнить Θемистокла и дать такую характеристику Перикла, — который открыто высказываетъ мысль, что дѣятельность Перикла фактически сдѣлала демократію на время лишь простою формою, — этотъ историкъ, какъ справедливо возражаютъ Брунсу, не могъ считать роль личности въ исторіи ничтожною. По всей вѣроятности, Брунсъ основываетъ свое мнѣніе на томъ, что у Θукидида отсутствуютъ подробности, касающіяся частной, личной жизни историческихъ дѣятелей, и анекдотическій элементъ. Но въ этомъ выразилась лишь серьезность и критицизмъ Θукидида: подобнаго рода черты и подробности онъ, очевидно, считалъ малодостовѣрными, а главное — слишкомъ неважными, мелкими, недостойными труда, который долженъ былъ служить „достояніемъ навѣки“, κτῆμα ἐς ἀεί; сообщеніе ихъ онъ, повидимому, просто не считалъ входящимъ въ задачу исторіи.

Что касается экономическихъ причинъ, то Θукидидъ придавалъ имъ извѣстное значеніе, хотя, конечно, не впадалъ въ ту крайность и односторонность, которою отличаются воззрѣнія нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ, представителей „экономическаго матеріализма“. Такія явленія, какъ переселенія, завоеванія, ростъ внѣшняго могущества народовъ, Θукидидъ ставилъ въ тѣсную связь съ бытовыми и хозяйственными условіями (I, 2). Накопленіе богатствъ у него является важнымъ факторомъ историческаго развитія (I, 8), и утверждая, что греческая старина не была такъ величественна, какъ изображали ее поэты, онъ исходилъ изъ убѣжденія въ скудости ея матеріальныхъ средствъ; онъ полагалъ, напр., что у Агамемнона не могло быть многочисленнаго войска за отсутствіемъ денегъ (I, 11).

---

[1]) *Ad. Bauer*, Die Forschungen zur griechischen Geschichte 1888—1898, München. 1899, стр. 186; *C. Wachsmuth*, Ueber Ziele und Methoden d. griech. Geschichtschreibung. Rectoratsrede, Leipz., 1897, стр. 10—11.

Я не имѣлъ въ виду исчерпать вопросъ объ отношеніи Θукидида къ новѣйшей исторіографіи и не буду останавливаться на тѣхъ особенностяхъ, которыя существеннымъ образомъ отличаютъ древняго историка отъ представителей современной исторической науки—достаточно вспомнить хотя бы о рѣчахъ у Θукидида. Отмѣченныя черты сближенія и сходства все-же, какъ кажется, могутъ служить новою иллюстраціею тѣснаго культурнаго родства и преемства между античнымъ міромъ и современностью, въ частности — между античною исторіографіею, особенно въ лицѣ ея величайшаго представителя, и новѣйшею историческою наукою...

III.

Женскій вопросъ въ древней Греціи [1]).

I.

Въ научной литературѣ теперь все чаще и чаще проводится мысль о существованіи близкаго сходства и аналогіи въ историческомъ развитіи древности и новаго времени (включая сюда и такъ называемое „средневѣковье“). Достаточно сослаться на такихъ историковъ, какъ Эд. Мейеръ, Пельманъ, Белохъ или какъ Брейзигъ, въ трудахъ которыхъ мысль эта высказывается болѣе или менѣе опредѣленно. По словамъ, напр., Э. Мейера, автора капитальной „Geschichte des Alterthums“, въ античномъ мірѣ „преобладали, хотя на гораздо меньшемъ пространствѣ и въ иныхъ формахъ, тѣ же явленія и противоположности, которыя управляютъ и современнымъ развитіемъ“. Съ особенною настойчивостью положеніе это проводитъ Пельманъ. Брейзигъ въ своей „Kulturgeschichte der Neuzeit“ задумалъ дать „сравнительную исторію развитія главныхъ народовъ Европы, ихъ соціальной и духовной жизни“; онъ настаиваетъ на *параллелизмѣ* развитія греко-римскаго и германо-романо-славянскаго міра.

Вообще теперь замѣчается стремленіе сблизить и сопоставить древность и современность, такъ сказать—*модернизовать* античную исторію. Стремленіе это ведетъ иногда къ крайностямъ, къ натяжкамъ, къ старанію установить сходство даже

[1]) Публичная лекція (юбил. сборн. Петербургскихъ Высш. Женск. Курсовъ „Къ свѣту“, 1904, и отдѣльно, Харьк. 1905).

тамъ, гдѣ его въ сущности нѣтъ и гдѣ оно только кажущееся: ища сходства, сосредоточивая все свое вниманіе на моментахъ аналогичныхъ, изслѣдователь оставляетъ нерѣдко въ сторонѣ или недостаточно оттѣняетъ особенности, специфически свойственныя древности и отличающія ее отъ новаго времени, упускаетъ изъ виду характерныя черты послѣдняго. Но совершенно отвергать существованіе аналогіи въ историческомъ развитіи древняго и новаго міра при тѣхъ данныхъ, которыми располагаетъ современная наука, никоимъ образомъ нельзя. До извѣстной степени оказывается вѣрнымъ давно уже высказанное положеніе, что многіе изъ тѣхъ жизненныхъ жгучихъ вопросовъ, которые—нерѣшенные еще и теперь — занимаютъ каждаго мыслящаго человѣка, волновали уже древній міръ; уже онъ пытался дать имъ свое посильное рѣшеніе.

Къ числу такихъ вопросовъ отчасти можетъ быть отнесенъ и *вопросъ женскій* [1]).

II.

Я не буду останавливаться на той отдаленной, темной порѣ, когда, быть можетъ, и въ Греціи господствовалъ *матріархатъ* или, какъ нѣмцы называютъ, *Mutterrecht*, о которомъ такъ много говорятъ современные соціологи. Не буду подробно касаться и *гомерической эпохи:* всѣмъ хорошо извѣстны образы Андромахи и Пенелопы. Напомню лишь нѣкоторыя черты.

Красота, разумъ, искусство въ рукодѣліи — таковы качества, которыя особенно цѣнились въ женщинѣ гомерической эпохи. Домашнее хозяйство, пряденье, тканье—вотъ ея дѣло. Прощаясь съ Андромахой, Гекторъ говоритъ:

> „Лучше, вернувшись домой, ты займися тамъ собственнымъ дѣломъ,
> Прялкой и ткацкимъ станкомъ—и блюди, чтобъ служанки свершали
> Точно работы свои. О войнѣ жъ позаботятся мужи".

Когда Пенелопа сошла было внизъ, въ пиршественное собраніе, и, разстроенная пѣснью о печальномъ возвратѣ ахеянъ

[1]) *Ivo Bruns*, Frauenemancipation in Athen. Kiel. 1900 (перепеч. въ его Vorträge und Aufsätze. Münch. 1905); *Б. В. Варнеке*, Женск. вопросъ на аѳинск. сценѣ. Каз. 1905.

О-во Взаимо...

изъ Трои, просила пѣвца прервать эту пѣснь и спѣть другую, то Телемакъ обращается къ ней съ такими словами:

„...Удались: занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства,
Пряжей, тканьемъ, наблюдай, чтобъ рабыни прилежны въ работѣ
Были своей; говорить же не женское дѣло, а дѣло
Мужа, и нынѣ мое; у себя я одинъ повелитель".

И Пенелопа повиновалась: пошла обратно,

„Къ сердцу слова многоумныя сына принявъ и въ покоѣ
Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ
Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ..."

Но жена въ гомерическую эпоху — подруга, а не раба мужа. Величайшимъ счастьемъ признается согласная жизнь между ними, миръ въ семьѣ:

„О! да исполнятъ безсмертные боги твои всѣ желанья,
Давши супруга по сердцу тебѣ съ изобиліемъ въ домѣ,
Съ миромъ въ семьѣ! Несказанное тамъ водворяется счастье,
Гдѣ однодушно живутъ, сохраняя домашній порядокъ,
Мужъ и жена, благомысленнымъ людямъ на радость, недобрымъ
Людямъ на зависть и горе, себѣ на великую славу",

говоритъ Одиссей Навсикаѣ.

Въ своей сферѣ жена—равноправная личность. Въ гомерическомъ эпосѣ мы встрѣчаемъ даже указанія на большое нравственное вліяніе женщины, на тотъ почетъ, которымъ она иногда была окружена. Жена Алкиноя, царица Арета, возсѣдаетъ „передъ яркоблестящимъ очагомъ", „съ чуднымъ искусствомъ" прядя „тонкопурпурныя нити",

„Подлѣ колонны высокой, въ кругу приближенныхъ служанокъ",

и Одиссей по совѣту Навсикаи долженъ, минуя Алкиноя, прежде всего обратиться къ ней и, „обнявши руками колѣна" ея, умолять, „чтобы она поспѣшила день возвращенья въ отчизну" ему „даровать". Алкиной такъ почиталъ ее, „какъ еще никогда не была жена почитаема мужемъ"; а феакійцы видѣли въ ней какъ-бы „свое божество"

„...и въ городѣ съ радостно-шумнымъ всегда въ ней тѣснятся
Плескомъ, когда межъ народа она тамъ по улицамъ ходитъ.
Кроткая сердцемъ, имѣетъ она и возвышенный разумъ,
Такъ, что *нерѣдко и трудные споры мужей разрѣшаетъ*".

Нужно однако замѣтить, что рядомъ мы встрѣчаемъ и черты, указывающія на подчиненное, нѣсколько приниженное положеніе женщины: она, напр., должна смотрѣть снисходительно на связь мужа съ наложницей, хорошо обращаться съ прижитыми отъ такой связи дѣтьми его и т. д.

Въ эпоху развитія демократіи и просвѣщенія положеніе греческой женщины *на первыхъ порахъ*, несомнѣнно, ухудшилось. Нѣкоторое вліяніе могъ здѣсь оказать Востокъ, а главное—просвѣщеніе и развитіе городской, болѣе широкой политической жизни сначала должно было вырыть глубокую пропасть между мужемъ и женой. Мужъ проводитъ время большею частью внѣ дома, на площади; онъ занятъ философскими спорами, государственными и общественными дѣлами; онъ живетъ болѣе широкими политическими и умственными интересами. А жена сидитъ обыкновенно дома, разодѣтая и нарумяненная или погруженная въ хозяйственныя заботы. Домъ—это ея міръ, и добродѣтельная жена не должна была переступать его границъ. „Что умнаго и славнаго мы можемъ совершить“, спрашиваетъ одна изъ героинь Аристофановой комедіи „Лисистрата“, „мы, женщины, которыя сидимъ дома, украшенныя цвѣтами, въ желтошафранной одеждѣ, нарумяненныя, въ роскошныхъ прозрачныхъ платьяхъ, въ модныхъ сандаліяхъ?“ Сидятъ онѣ подъ строгимъ присмотромъ, нерѣдко взаперти, охраняемыя, если вѣрить тому же Аристофану молосскими собаками, крѣпкими замками и запорами („Thesmoph.“), хотя, какъ говорится въ одномъ изъ его отрывковъ, глупъ тотъ мужъ, который полагается на подобныя мѣры.

Въ дошедшемъ до насъ стихотвореніи одного греческаго сатирика VII в. до Р. Х. выражается крайне отрицательный взглядъ на женщину. Для характеристики различныхъ женскихъ типовъ сатирикъ прибѣгаетъ къ сравненіямъ преимущественно съ животными; неряху онъ выводитъ отъ свиньи, хитрую и лукавую женщину онъ сравниваетъ съ лошадью, злокозненную—съ обезьяною, а непостоянную, измѣнчивую уподобляетъ морю,—сравненія, любопытныя, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что впослѣдствіи сходные эпитеты и уподобленія встрѣчаются въ византійской и древнерусской

письменности [1]). По Гесіоду, женщина есть зло. По обычному тогда воззрѣнію, она во всѣхъ отношеніяхъ ниже мужчины; единственный смыслъ и цѣль брака—рожденіе потомства. Поэтому съ бездѣтными женами объявлялся разводъ.

Женщина въ Греціи неправоспособна [2]). Въ нѣкоторыхъ государствахъ, напр. въ Аѳинахъ, она не могла выступать свидѣтельницею, не могла сама вести судебныя дѣла и начинать процессъ, заключать договоръ выше извѣстной нормы. Надъ греческою женщиною постоянная опека: дѣвушкой, въ родительскомъ домѣ, она находится подъ опекой отца, въ замужествѣ—подъ опекой мужа. Замужъ выходитъ она молодою, лѣтъ 15-ти, воспитывается подъ строгимъ присмотромъ, по правилу „какъ можно меньше видѣть, слышать и говорить". Обыкновенно она умѣетъ лишь приготовлять платье изъ шерсти, наблюдать, какъ дѣлится пряжа между служанками; зато она хорошо обучена кулинарному искусству, „ибо это—важнѣйшая для нея и для мужа наука". Она застѣнчива, робка, стѣсняется говорить даже съ мужемъ, и нѣтъ человѣка, съ которымъ бы мужъ меньше совѣтовался о дѣлахъ, нежели съ женою.

Говоря вкратцѣ, такова молодая женщина по греческому Домострою [3]). Вообще обычный тогдашній идеалъ жены—молчаливая, скромная, трудолюбивая, „какъ пчела". Еще въ вѣкъ Перикла считалось величайшею славою для женщины, когда о ней меньше всего говорилось въ средѣ мужчинъ какъ въ дурную, такъ и въ хорошую сторону (Ѳукид. II, 45). Отъ жены требовалась вѣрность, но мужу дозволялось все.

Но то же просвѣщеніе, которое на первыхъ порахъ такъ разъединяло мужчину и женщину, мало-по-малу, разными путями, проникало и въ гинекей, на женскую половину. Оно пробуждало въ женщинѣ сознаніе приниженности, недовольство положеніемъ, потребность иной жизни, желаніе выйти изъ этой замкнутой, узкой сферы. Одна изъ господствующихъ

[1]) См. ст. *А. Н. Деревицкаго*, въ Ж. М. Н. Пр., 1901, и въ „Сборн. въ честь П. В. Никитина". Спб. 1901.

[2]) *Gide*, Etude sur la condition privée de la femme dans le droit ancien et moderne. Paris. 1867 (есть рус. перев.).

[3]) См. соч. *Ксенофонта*: „О хозяйствѣ".

чертъ эпохи „Просвѣщенія“ въ Греціи, наступившей вскорѣ послѣ греко-персидскихъ войнъ,—стремленіе къ *эмансипаціи*, къ освобожденію отъ всякаго принужденія, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось. То была пора развивавшагося *индивидуализма*. Уже и въ рабѣ начинали видѣть человѣка; уже и за нимъ готовы были признавать человѣческія права; со сцены раздавались слова, что раба позоритъ одно только названіе, что онъ нисколько не ниже свободнаго человѣка; софисты провозглашали рабство безнравственнымъ учрежденіемъ. Естественно, что долженъ былъ измѣниться взглядъ и на женщину.

Отраженіе этого мы видимъ въ тогдашней литературѣ, прежде всего въ *трагедіи*.

III.

Какъ извѣстно, въ греческой трагедіи женщинамъ отводится чрезвычайно видное мѣсто. Во многихъ пьесахъ онѣ являются главными дѣйствующими лицами. И замѣчательно, что поэты нерѣдко надѣляютъ ихъ сильными характерами, благородствомъ души; многія женщины въ греческой трагедіи поражаютъ своимъ величіемъ, своимъ героизмомъ; онѣ исполнены мужества и самопожертвованія [1]). Стоитъ вспомнить хотя бы о такомъ образѣ, какъ Софоклова Антигона: поэтъ изображаетъ „конфликтъ власти и совѣсти, закона и любви“, и „Антигона, какъ первая мученица, имѣетъ право соединить свое имя съ идеей, которую она освятила своей смертью“ [2]). Но я здѣсь остановлюсь лишь на отношеніи къ женщинѣ у Еврипида, который для историка представляетъ особый интересъ [3]).

Дѣло въ томъ, что Еврипидъ не представитель „чистаго искусства“, а глашатай новыхъ идей. Онъ затрогивалъ самыя животрепещущія для тогдашняго общества темы, отзывался на самые жгучіе вопросы. Философскіе взгляды, софистическое направленіе, вообще движеніе въ области мысли, развитіе

[1]) *Ѳ. Г. Мищенко*, Женскіе типы античной трагедіи („Русская Мысль“, 1893, апр.).

[2]) *Ѳ. Ф. Зелинскій*, Изъ жизни идей. Спб. 1905, I, 142.

[3]) Ср. мое „Введеніе въ исторію Греціи“.

гуманности, политическія и общественныя стремленія второй половины V-го вѣка, все это находило отраженіе въ трагедіяхъ Еврипида. Это былъ „сценическій философъ", какъ называли его еще въ древности, истый поэтъ греческаго „Просвѣщенія", со всѣми его идеями и стремленіями [1]). Но необходимо оговориться: мы должны быть готовы къ тому, что встрѣтимъ у Еврипида противорѣчія. Объясняются они, во-первыхъ, тѣмъ, что міросозерцаніе этого поэта-скептика не отличалось строгою послѣдовательностью и цѣльностью; притомъ, съ теченіемъ времени его взгляды мѣнялись; а во-вторыхъ, нельзя все то, что̀ говорятъ герои трагедіи, безъ дальнихъ разсужденій приписывать самому автору, какъ его собственное убѣжденіе. Напр., довольно распространено мнѣніе, будто Еврипидъ былъ ненавистникомъ женщинъ, мисогиномъ. Дѣйствительно, его Ипполитъ, такъ сказать, принципіальный врагъ всего женскаго пола; онъ горячо выражаетъ свою ненависть къ нему; онъ утверждаетъ, что женщина—великое зло; хорошо еще тому, у кого въ домѣ жена, неспособная по глупости ни на доброе, ни на злое; но сохрани Боже отъ такой, у которой ума больше, чѣмъ нужно женщинѣ! Такихъ „умницъ" Ипполитъ особенно не терпитъ. Но самого поэта, создавшаго такіе типы беззавѣтно любящихъ и самоотверженныхъ до героизма женщинъ, какъ Ифигенія, Макарія, Алкестида, мы не въ правѣ считать мисогиномъ.

На самомъ дѣлѣ въ трагедіяхъ Еврипида мы встрѣчаемся съ самыми разнообразными взглядами на женщину и на ея положеніе въ семьѣ и въ обществѣ. Одни примыкаютъ къ обычнымъ воззрѣніямъ, которыя мы выше вкратцѣ охарактеризовали, въ родѣ, напр., того, что женщина всегда и вездѣ стоитъ ниже мужчины: всякая жена хуже мужа (Oedipi fr. 546); жизнь одного мужчины дороже жизни тысячи женщинъ (Iphig., 1394); жена мудрая—раба мужа, а неразумная по своему безумію смотритъ на него презрительно (Oedipi fr. 545); мужъ—глава, и жена должна ему подчиняться: умный человѣкъ никогда не долженъ уступать женѣ бразды правленія (Cret., fr. 463), и т. д. Призваніе женщины противополагается

[1]) *Nestle*, Euripides, der Dichter d. griech. Aufklärung. Stuttg. 1901.

призванію мужчины (Ифиг. въ Авл., 568 сл.); каждый долженъ оставаться вѣренъ своей сферѣ (Meleagri fr. 522): развѣ могло бы быть благоустроеннымъ государство, если бы мужчины сидѣли за прялкой, а женщины принялись за военное ремесло? отрѣшенныя отъ своего круга дѣятельности, онѣ не были бы полезны здѣсь, а мы—тамъ. Домашнее хозяйство дѣло женщинъ; въ домѣ должна управлять жена, и въ тѣхъ случаяхъ, когда мужъ плохо хозяйничаетъ, добропорядочная жена можетъ поправить дѣла и спасти отъ разоренія. У Еврипида повторяется, что лучшее украшеніе женщины— скромность, кротость и молчаніе. Идеальная жена сидитъ дома и избѣгаетъ разговоровъ даже съ сосѣдками, съ ихъ сплетнями и болтовней, соблазнительной и вредной:

„Женщинѣ... не избѣгнуть толковъ,
Когда въ дому своемъ она сидѣть не любитъ,
И всячески себя отъ этого стараясь
Удерживать, я дни всѣ проводила дома;
Въ чертогъ свой никогда проникнуть не давала
Я женской болтовнѣ краснорѣчиво-хитрой.
. . . . . .
Храня молчаніе, съ лицомъ спокойнымъ, мужа
Умѣла встрѣтить я; я знала, гдѣ мнѣ надо
Надъ нимъ взять верхъ, а гдѣ его исполнить волю".
(Перев. О. Вейссъ).

Такъ говоритъ Андромаха, идеалъ жены у Еврипида.

Но при этомъ на семейную жизнь, на взаимныя отношенія мужа и жены у Еврипида неразъ высказывается возвышенный взглядъ: бракъ представляется духовнымъ единеніемъ; жена—вѣрная подруга мужа; ея долгъ—дѣлить съ нимъ и горе, и радость. „Если ты боленъ, больна и я; страдаешь ты, страдаю и я съ тобою; съ тобою вмѣстѣ переношу я твою печаль", говоритъ у Еврипида преданная подруга мужа (Oed. fr. 909). Мужъ и жена должны какъ бы „слиться" другъ съ другомъ. Особенно возвышенный образъ преданной жены у Еврипида—это Алкестида [1]). Она идетъ на смерть вмѣсто мужа, Адмета. Адметъ умоляетъ ее

[1]) Ср. *Leo Bloch* Alkestisstudien (N. Jahrb. f. d. klass. Altertum, VII. 1901).

не покидать его, ради дѣтей, которыхъ смерть ея осиротитъ: „умрешь ты“, говоритъ онъ, „больше не жилецъ и я; въ тебѣ моя жизнь и смерть“. На это Алкестида отвѣчаетъ, что она его любитъ и жертвуетъ за него свою жизнью, что жизнь въ разлукѣ съ нимъ, съ дѣтьми, потерявшими отца, ея не привлекаетъ, и она ради его спасенія не щадитъ своей цвѣтущей юности.

При такихъ отношеніяхъ жена не можетъ уже занимать приниженнаго, подчиненнаго положенія, и въ пьесѣ, напр., прямо говорится, что Алкестида своимъ благороднымъ подвигомъ подняла уваженіе ко всему женскому полу. Такимъ образомъ, Еврипидъ *возвышаетъ женщину, какъ жену*, какъ равноправную подругу мужа.

Вообще, рядомъ съ приведенными выше мнѣніями о превосходствѣ мужчинъ надъ женщинами мы найдемъ у Еврипида немало и противоположныхъ отзывовъ; напр., напрасно мужчины осыпаютъ порицаніями женщинъ: „женщины лучше мужчинъ“ (Melan. desm. fr. 499). И многія женщины Еврипида по силѣ характера, по благородству стоятъ выше мужчинъ. Его Алкестида, какъ мы видѣли, жертвуетъ собою, чтобы спасти мужа; его Макарія умираетъ ради спасенія Гераклѝдовъ, своихъ братьевъ и сестеръ; его Ифигенія воодушевлена патріотизмомъ и готова идти на смерть ради блага родины: сначала она скорбитъ, что ей, столь юной, приходится умирать, но, узнавъ, что ея смерть необходима для осуществленія задуманнаго греками предпріятія, она съ радостью „отдаетъ себя Элладѣ“. „Ты родила меня не для одной себя; я принадлежу всей Элладѣ“, заявляетъ Ифигенія, обращаясь къ матери; и теперь, когда несмѣтныя полчища воиновъ готовы отплыть, чтобы сразиться съ врагомъ и положить жизнь за родину, „неужели я, одна я, стану имъ мѣшать?..“ Въ трагедіи „Эрехѳей“ Праксиѳея, жена аѳинскаго царя, отдаетъ свою дочь въ жертву, чтобы доставить отечеству побѣду, и впослѣдствіи аѳинскіе ораторы видѣли въ этой пьесѣ Еврипида лучшее выраженіе высокаго патріотизма. Въ „Гекубѣ“ Поликсена добровольно умираетъ, предпочитая смерть рабству, и т. д.

Даже Медея у Еврипида—величественный образъ, и, не

смотря на всю ея демоническую злобу и жажду мести, поэтъ пробуждаетъ въ насъ состраданіе къ этой женщинѣ, оскорбленной какъ жена и мать.

Въ уста Медеи Еврипидъ влагаетъ жалобу на горькую долю, на которую обыкновенно обречена женщина:

„—Мы, женщины, изъ всѣхъ
Существъ, душой и мыслью одаренныхъ,—
Несчастнѣйшія: золотомъ сперва
Мы покупать должны себѣ мужей,
Чтобы отдать имъ въ рабство наше тѣло...“
(Перев. Д. С. Мережковскаго)

Отказаться отъ замужества—невозможно, а разойтись съ мужемъ—для женщины позорно. Еще завидная доля, если жена, „невзгоды всѣ одолѣвая“, живетъ съ супругомъ ладно, не терпя насилія, а иначе лучше смерть.

„Супругъ, въ дому не находя отрады,
Уйдетъ къ своимъ ровесникамъ, къ друзьямъ,
Чтобъ съ ними душу облегчить бесѣдой.
А для жены одна лишь радость—мужъ.
Намъ говорятъ, что тихую проводимъ
Мы жизнь въ домахъ, въ то время какъ они
Сражаются за насъ на полѣ брани“.

Но Медея предпочла бы „трижды подъ щитомъ стоять, чѣмъ въ мукахъ разъ дитя родить“.

Здѣсь уже слышится недовольство замкнутою жизнью, приниженнымъ положеніемъ.

По силѣ характера и ума Медея стоитъ выше обычнаго уровня не только женщинъ, но и мужчинъ. По собственному ея сознанію, она во многомъ отлична отъ другихъ; она жалуется, что именно мудрость навлекаетъ на нее злобу.

Вообще, по Еврипиду, мудрость далеко не чужда женщинѣ. „Сколько мудрости исходило уже отъ женщинъ!“ говоритъ въ одной изъ его пьесъ Тезей. Но въ особенности интересны въ этомъ отношеніи, для характеристики женскаго движенія въ Греціи, слова хора въ „Медеѣ“ на тему, которую можно формулировать такъ: „человѣкъ я, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо“. Здѣсь греческая женщина

устами хора заявляетъ о своемъ *стремленіи и способности къ умственному развитію, къ высшему образованію:*

„Часто умомъ углубляясь въ рѣшенье
Слишкомъ мудреныхъ вещей, чаще въ споры вступала,
Чѣмъ подобаетъ нашему полу.
Все-жъ есть и у насъ къ развитію склонность,
Необходимая мудрости спутница,
Коль не у всѣхъ, у немногихъ по крайности.
Музы доступны и женщинамъ“ [1]).

И въ „Мудрой Меланиппѣ“ — трагедіи, изъ которой сохранились, къ сожалѣнію, лишь немногіе отрывки [2]),—Еврипидъ вывелъ *женщину* представительницею современнаго ему „Просвѣщенія“. Меланиппа, по ея собственнымъ словамъ, „не плохого мнѣнія о себѣ“ и о своемъ образованіи; „правда, я женщина,—замѣчаетъ она,—но умъ есть у меня“ [3]). Меланиппа — философъ [4]). Она высказывается противъ обычныхъ воззрѣній и суевѣрій, противъ вѣры въ чудеса; поэтъ влагаетъ ей въ уста смѣлыя по скептицизму мысли относительно Зевса и происхожденія міра, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ его Меланиппа ссылается на то, что она заимствовала свои разсказы у своей матери [5]).

Въ общемъ знаменателенъ уже тотъ фактъ, что женщины занимаютъ такое видное мѣсто въ произведеніяхъ Еврипида. Очевидно, въ то время начинали ужъ интересоваться ихъ душевнымъ міромъ; возникалъ вопросъ о положеніи женщины въ семьѣ и въ обществѣ, а въ приведенныхъ выше словахъ хора изъ „Медеи“ сказываются уже высшіе запросы, по крайней мѣрѣ избраннаго меньшинства. Въ тѣхъ нерѣдко противорѣчивыхъ отзывахъ, которые мы встрѣчаемъ у Еврипида относительно женщинъ, слышится какъ-бы отголосокъ различныхъ мнѣній по женскому вопросу въ тогдашнемъ обществѣ.

---

[1]) Перев. *Е. Ф. Шнейдеръ* (Спб. 1888 г.), съ небольшими измѣненіями.

[2]) *И. Ѳ. Анненскій* написалъ цѣлую пьесу: „Меланиппа-философъ“.

[3]) Слова эти произноситъ Лисистрата (въ комедіи Аристофана), но по объясненію схоліаста они взяты изъ Еврипидовой „Меланиппы“.

[4]) По свидѣтельству Діонисія Галикарн., Меланиппа у Еврипида получила прозваніе „мудрой“ потому, что она много философствовала.

[5]) *Nestle*, стр. 32 сл., 266.

IV.

Комедія представляетъ намъ дальнѣйшее развитіе женскаго вопроса; здѣсь женская эмансипація изображается въ крайнихъ ея проявленіяхъ и, конечно, въ преувеличенномъ, карикатурномъ видѣ.

Аристофанъ посвятилъ женщинамъ три пьесы: „Лисистрату“, „Женщины на праздникѣ θесмофорій“ и „Женщины въ народномъ собраніи“. Не передавая подробно ихъ содержанія, я отмѣчу лишь наиболѣе характерное въ нихъ.

Въ первой комедіи греческія женщины, подъ предводительствомъ героини пьесы, Лисистраты, „пресвѣтлой главы смѣлаго дѣла и плана“, сообща берутся спасти мужчинъ и всю Грецію отъ бѣдствій войны [1]), которая давно уже тянется, всѣмъ тягостна и въ особенности даетъ себя чувствовать женщинамъ; онѣ захватываютъ акрополь, казну, смѣло и энергично отбиваютъ нападенія стариковъ, пытающихся вытѣснить ихъ изъ акрополя, и т. д.

„Мы“, говоритъ Лисистрата, „терпѣливо, со свойственною намъ скромностью, сносили все, что̀ ни дѣлали вы, мужчины, ибо вы не позволяли намъ и пикнуть. Мы внимательно наблюдали за вашими дѣйствіями; часто, сидя дома, слышали о томъ, какъ вы плохо рѣшали важныя дѣла“. Далѣе, съ смущеніемъ въ душѣ, съ улыбкой на устахъ, женщина рѣшается обратиться сначала съ робкимъ вопросомъ, а затѣмъ ужъ съ замѣчаніями, но въ отвѣтъ со стороны мужа получала сердитый окрикъ: „тебѣ какое дѣло? молчи ты у меня!“, а потомъ и угрозы: „если ты не будешь сидѣть за своею пряжею, то у тебя долго будетъ болѣть голова! война — дѣло мужчинъ“. И вотъ, когда дѣла приняли еще худшій оборотъ, когда открыто ужъ стали говорить, что въ странѣ не осталось ни одного мужчины, — всѣ пали или ушли на войну, — тогда греческія женщины, по зову и подъ предводительствомъ Лисистраты, собрались и порѣшили общими усиліями немедленно спасти Элладу. „И если вы послушаетесь нашего совѣта“, продол-

[1]) Пелопоннесской; комедія написана въ 411 г. до Р. Х.

ЛЬВОВСК. С-ВО

жаетъ свою рѣчь Лисистрата пробулу, „и будете молчать, какъ мы до сихъ поръ молчали, то мы направимъ васъ на правильный путь“.

Слова эти и затѣя женщинъ, ихъ притязанія, разумѣется, возмущаютъ мужчинъ: между обѣими сторонами возникаетъ горячій споръ, обмѣнъ взаимныхъ нападокъ и обвиненій. Мужчинамъ кажется страннымъ, что женщины будутъ завѣдывать денежною казною; кажется безуміемъ, что онѣ хотятъ командовать гражданами: онѣ, слабыя существа, мечтаютъ теперь о о шлемѣ и щитѣ и думаютъ вести переговоры о мирѣ! Для мужчинъ—это рѣшительный моментъ: если кто-либо изъ насъ хоть на палецъ уступитъ женщинамъ, говоритъ корифей мужского хора, тогда онѣ не прекратятъ ужъ неустанной дѣятельности, начнутъ строить корабли, давать морскія сраженія и нападутъ на насъ, подобно Артемисіи (о которой разсказываетъ Геродотъ и которая принимала участіе въ походѣ Ксеркса на Грецію). Мужчинамъ кажется страннымъ, что женщины намѣрены завѣдывать финансами, но Лисистрата не находитъ въ этомъ ничего удивительнаго: „развѣ мы, женщины“, говоритъ она, „не завѣдуемъ всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ?“ И она повторяетъ уже извѣстныя намъ слова Еврипидовой Меланиппы: „Правда, я — женщина, но умъ есть у меня; сама я о себѣ не плохого мнѣнія; отъ отца и отъ старцевъ я много слышала изреченій и я недурно образована“. Женскій хоръ заявляетъ, что онъ готовъ идти на все вмѣстѣ со своими мужественными сестрами, у которыхъ есть природныя дарованія, есть грація, есть смѣлость, умъ, патріотизмъ, разумная доблесть. „Развѣ я не обязана давать полезные совѣты государству?“ говоритъ устами хора греческая женщина. „Хотя я родилась женщиной, но не лишайте же меня права предлагать лучшее, нежели жалкое настоящее. Вѣдь я тоже плачу свою долю, ибо я даю государству гражданъ...“

Въ комедіи „Thesmophoriazusai“ [1]), женщины, чувствуя себя оскорбленными нелестными о нихъ отзывами и нападками Еврипида, задумываютъ сообща защитить себя отъ этого поэта

[1]) Θесмофоріи—праздникъ въ честь Деметры, исключительно женскій: къ участію въ немъ допускались только женщины.

и отмстить ему; но подъ видомъ защиты комикъ выставляетъ ихъ еще въ худшемъ свѣтѣ, чѣмъ Еврипидъ, такъ что на самомъ дѣлѣ пьеса оказывается направленною больше противъ женщинъ, нежели противъ Еврипида.

Третья комедія Аристофана, касающаяся женщинъ, „Женщины въ народномъ собраніи“, написана лѣтъ двадцать спустя послѣ двухъ только-что упомянутыхъ. Женщины на разсвѣтѣ, переодѣвшись въ мужское платье и подвязавъ бороды, отправляются, подъ предводительствомъ гражданки Праксагоры, въ народное собраніе и тамъ, по предложенію той же Праксагоры, принимая въ соображеніе, что при главенствѣ мужчинъ государство испытываетъ бѣдствія, каждый заботится лишь о себѣ, а объ общемъ—никто, и „дабы не оставить неиспробованнымъ послѣдняго новшества“, постановляютъ передать управленіе государствомъ женщинамъ, ибо служатъ же онѣ въ домѣ управляющими и казначеями, а также въ виду добрыхъ качествъ женскаго пола. Государство, по мысли Праксагоры, должно быть устроено на совершенно новыхъ основаніяхъ—на началахъ свободы и равенства, общности женъ — или, вѣрнѣе, мужей—и имущества. Въ разговорѣ со своимъ мужемъ, Блепиромъ, Праксагора излагаетъ подробности этого коммунистическаго строя и на словахъ побѣдоносно разрѣшаетъ всѣ недоумѣнія и сомнѣнія возражающаго ей Блепира. Въ концѣ пьесы комикъ показываетъ, какъ на дѣлѣ осуществлялся этотъ идеалъ. Онъ выводитъ двухъ гражданъ, изъ коихъ одинъ спѣшно укладываетъ свое имущество, чтобы согласно новому распоряженію нести его на площадь и сдать въ общую казну, а другой не спѣшитъ: не желая разстаться такъ легко съ своимъ достояніемъ, онъ выжидаетъ, какъ будетъ исполнено приказаніе другими и не помѣшаетъ ли какое-нибудь неожиданное происшествіе, въ родѣ, напримѣръ, землетрясенія, приведенію въ исполненіе задуманнаго нововведенія. Въ другой сценѣ нѣсколько старухъ, одна старѣе и безобразнѣе другой, и молодая дѣвушка спорятъ изъ-за обладанія молодымъ человѣкомъ.

Итакъ, оставляя въ сторонѣ злыя насмѣшки, комическія подробности и непристойныя сцены, которыми особенно богаты разсматриваемыя комедіи, мы видимъ, что женщины у Аристофана недовольны существующимъ положеніемъ, проте-

стуютъ противъ главенства мужчинъ и словомъ, и дѣломъ; ихъ волнуютъ интересы ихъ пола, родного города и даже всей Эллады; онѣ берутся рѣшать государственныя дѣла, вмѣшиваются въ политику, захватываютъ власть въ свои руки, предъявляютъ притязанія на управленіе, на доступъ къ должностямъ, создаютъ утопическіе планы переустройства государства и общества на новыхъ началахъ и т. д. Изъ ихъ среды выдѣляются смѣлыя, энергичныя, предпріимчивыя личности— Лисистраты и Праксагоры.

Конечно, каждое слово комика нельзя принимать за чистую монету; несомнѣнно, у него много преувеличеній, много каррикатурнаго. Но и каррикатура должна имѣть хоть отдаленное сходство съ оригиналомъ; намеки, самые смѣлые и, повидимому, нелѣпые, должны имѣть какое-либо отношеніе къ дѣйствительности, иначе они не будутъ понятны и не произведутъ надлежащаго впечатлѣнія. Комедія Аристофана — все-таки отраженіе, хотя бы и каррикатурное, тогдашней дѣйствительности. Очевидно, что въ концѣ V в. греческая женщина уже начинаетъ выходить изъ своего приниженнаго, замкнутаго положенія; она выросла изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, въ которыя была поставлена ея жизнь; она достигаетъ большой умственной зрѣлости; ея самознаніе пробудилось, и она начинаетъ относиться критически къ окружающимъ явленіямъ, предъявлять права на свою долю участія въ общественной жизни. Недаромъ комикъ посвятилъ женщинамъ цѣлыхъ три комедіи; недаромъ его насмѣшки были такъ злостны: ясно, что вопросъ объ эмансипаціи женщинъ давно уже былъ поставленъ и занималъ умы. Въ „Лисистратѣ“ діалогъ между хоромъ мужчинъ и хоромъ женщинъ, съ взаимными упреками и нападками, это—въ сущности столкновеніе двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія на положеніе женщины; это—споръ сторонниковъ эмансипаціи и встревоженныхъ охранителей существующаго порядка, не могущихъ примириться съ новыми стремленіями и бросающихъ женщинамъ, одушевленнымъ этими стремленіями, упрекъ въ невѣрности и нравственной распущенности.

И Аристофанъ не стоитъ одиноко; онъ не былъ единственнымъ комикомъ, заговорившимъ о новыхъ стремленіяхъ жен-

щинъ; въ комедіи *Ферекрата* „*Тираннія*“ женщины являются стоящими во главѣ правленія; комикъ *Θеопомпъ* написалъ пьесу „*Женщины-солдаты*“ и т. под.

V.

Полагали, что Аристофанъ въ своей комедіи „Женщины въ народномъ собраніи“ имѣлъ въ виду осмѣять коммунистическій идеалъ Платона въ его „Государствѣ“. Но въ настоящее время можно считать доказанною ошибочность такого мнѣнія: Платоново „Государство“ появилось позже Аристофановой комедіи.

Какъ извѣстно, Платонъ въ своемъ „Государствѣ“ проповѣдуетъ общность женъ, дѣтей и имущества, по крайней мѣрѣ для высшаго класса, такъ называемыхъ стражей. При такой общности, по его мнѣнію, будетъ достигнута бо̀льшая цѣльность и единство; но у Платона общность имущества—не столько коммунизмъ, не столько общее право каждаго на пользованіе земными благами, сколько общій отказъ отъ этихъ благъ [1]); а общность женъ не есть признаніе права свободной любви. Напротивъ, у него правительство строго регулируетъ заключеніе *временныхъ* браковъ, въ видахъ улучшенія породы или расы, при чемъ рекомендуется даже прибѣгать къ подложнымъ жребіямъ. По Платону, мать не должна знать своихъ дѣтей, а дѣти—родителей. Дѣти съ самаго рожденія поступаютъ въ своего рода воспитательные дома и ихъ воспитаніемъ завѣдуетъ государство.

Платонъ въ „Государствѣ“ доказываетъ равенство мужчинъ и женщинъ, между прочимъ, прибѣгая къ аналогіи изъ міра животныхъ. Природа ихъ, говоритъ онъ, одинакова и нѣтъ такого дѣла, которое было бы свойственно женщинѣ, какъ таковой, или мужчинѣ, какъ таковому. Силы природы равно разлиты въ обоихъ полахъ; по природѣ всѣмъ дѣламъ причастна и женщина, всѣмъ и мужчина; только женщина слабѣе

[1]) *Виндельбандъ*, „Платонъ“ (рус. пер. Спб. 1900), стр. 171. О взглядахъ Платона на женскій вопросъ есть брошюра *Krockenberger'a:* Platos Behandlung der Frauenfrage in Rahmen der Politeia. Ludwigsburg, 1902.

мужчины. Но и тутъ бываютъ исключенія, и иная женщина превосходитъ иного мужчину; а во-вторыхъ, если и есть нѣкоторая разница между мужскимъ и женскимъ поломъ, то разница эта не существенная, лишь количественная, а не качественная, не такая, которая мѣшала бы обоимъ поламъ во всемъ участвовать на одинаковыхъ правахъ. Платонъ сравниваетъ это съ тѣмъ, какъ, напр., если бы отъ занятія ремесломъ башмачника устранить людей, имѣющихъ густые волосы, на томъ основаніи, что есть плѣшивые башмачники, или наоборотъ.

Изъ такого взгляда Платона на женскую природу вытекаютъ два его положенія.

Во-первыхъ, женщина должна имѣть права и обязанности, одинаковыя съ мужчиной: ей долженъ быть открытъ доступъ ко всѣмъ занятіямъ, ко всѣмъ должностямъ, не исключая и правительственныхъ, и къ военной службѣ; она должна занимать мѣста въ государствѣ, ходить на войну, раздѣлять съ мужчиной обязанности стражей и по возможности имѣть участіе во всемъ. На войну женщины будутъ ходить сообща и водить съ собою подростковъ, чтобы тѣ, всматриваясь, пріучались и помогали. Дѣлая все сказанное выше, женщины, по словамъ Платона, не будутъ дѣлать чего-либо противорѣчащаго ихъ природѣ. Существующій порядокъ скорѣе противорѣчитъ природѣ.

Во-вторыхъ, женщина должна получать и образованіе, одинаковое съ мужчиной; она должна заниматься не только музыкой, но и гимнастикой, и военнымъ искусствомъ. Платонъ не отвергаетъ, что съ современной ему точки зрѣнія многое изъ того, что онъ предлагаетъ, покажется смѣшнымъ. Но онъ напоминаетъ, что было время, когда казалось, напр., смѣшнымъ видѣть упражненія нагихъ мужчинъ въ палестрахъ. Итакъ, говоритъ онъ, пусть жены стражей разоблачаются для участія въ гимнастическихъ упражненіяхъ, лишь бы онѣ облекались добродѣтелью; пусть участвуютъ въ войнѣ и въ другихъ занятіяхъ, касающихся государства...

Такія, можно сказать, крайнія воззрѣнія проводилъ Платонъ въ „Государствѣ“. Должны ли мы видѣть въ нихъ лишь воздушные замки, порожденіе смѣлой фантазіи? Едва-ли. По

справедливому замѣчанію Тэна, литературное произведеніе— не простая игра воображенія или изолированный капризъ пылкой головы; это—снимокъ окружающихъ нравовъ и признакъ извѣстнаго состоянія умовъ... Это примѣнимо и въ данномъ случаѣ къ Платону. Въ „Государствѣ“ онъ неразъ повторяетъ, что „каждый долженъ дѣлать свое дѣло“. Такой принципъ, какъ справедливо думаетъ Виндельбандъ, могъ бы привести скорѣе къ проведенію различія между мужчиной и женщиной; если же философъ поступаетъ наоборотъ, то не въ силу требованій послѣдовательности, а подъ вліяніемъ другихъ причинъ, именно существованія женскаго вопроса въ тогдашнихъ Аѳинахъ, проявленія женской эмансипаціи [1]). Не ученіе философовъ было источникомъ этого движенія, а наоборотъ — философскія построенія возникли на почвѣ того соціальнаго движенія, которое началось еще въ V-мъ вѣкѣ и которое философы лишь пытались научно обосновать [2]). Какое значеніе придавали современники идеямъ Платона, видно изъ того, что Аристотель счелъ нужнымъ остановиться на нихъ подробно и подвергнуть ихъ разбору въ числѣ тѣхъ ученій, которыя находили себѣ одобреніе.

Но въ философской литературѣ того времени высказывались и иныя воззрѣнія по женскому вопросу. Самъ Платонъ впослѣдствіи, признавая свой идеалъ совершеннаго — съ его точки зрѣнія—государства неосуществимымъ, пошелъ на компромиссъ съ господствовавшими въ его время порядками и предложилъ въ своихъ „Законахъ“ другой, менѣе совершенный типъ государства. Здѣсь онъ уже не повторяетъ своего положенія объ одинаковыхъ способностяхъ мужчины и женщины; онъ говоритъ ужъ объ отдѣльномъ, видоизмѣненномъ сообразно полу, образованіи; но все-таки попрежнему настаиваетъ на привлеченіи женщинъ къ военной службѣ: пренебреженію женскимъ поломъ долженъ настать конецъ, говоритъ онъ, ибо иначе государство лишается половины своихъ силъ. А въ „Тимеѣ“ Платона въ одномъ мѣстѣ говорится, что души всѣхъ трусливыхъ и негодныхъ мужчинъ при переселеніи, на

[1]) *Виндельбандъ*, „Платонъ“, стр. 173.
[2]) *Ivo Bruns*, стр. 23.

время второй жизни, переходятъ, „какъ это и подобаетъ“, въ женщинъ [1]).

Ученіе Платона объ общности женъ, дѣтей и имущества, какъ извѣстно, подверглось критикѣ со стороны Аристотеля. Мысль Платона, что женщина должна заниматься тѣмъ же дѣломъ, что и мужчина, Аристотель находилъ странною. По его мнѣнію, мужчина отъ природы болѣе способенъ къ властвованію, нежели женщина, хотя и встрѣчаются исключенія: мужской полъ — сильнѣе, женскій — слабѣе, первый господствуетъ, второй подчиняется. Но Аристотель вовсе не держится того воззрѣнія, что жена—раба мужа: господство мужа надъ женою онъ сравниваетъ съ господствомъ правительствующаго лица надъ свободнымъ человѣкомъ въ республикѣ. Затѣмъ, Аристотель и для женщины требовалъ образованія и воспитанія: женщины составляютъ половину свободнаго населенія и, по его мнѣнію, плохо то государство, въ которомъ на женщинъ не обращено надлежащаго вниманія. Онъ требовалъ обученія обоихъ половъ музыкѣ и гимнастикѣ. Что касается брака, то высшей его формой Аристотель признавалъ моногамію и видѣлъ въ бракѣ духовное общеніе, гдѣ существуетъ принципъ раздѣленія труда, причемъ каждый привноситъ свое для общей цѣли и пользы и каждый имѣетъ свою особую добродѣтель, взаимно дополняя и радуя другъ друга [2]).

Необходимо коснуться еще воззрѣній Ксенофонта, которыя близки къ обычнымъ, господствовавшимъ въ ту пору въ аѳинскомъ обществѣ взглядамъ [3]). Ксенофонтъ не стоитъ за расширеніе сферы дѣятельности женщины, за полное равенство обоихъ половъ. Но, признавая различіе въ ихъ природѣ и въ кругѣ дѣятельности, Ксенофонтъ допускаетъ равноправность

---

[1]) Раньше Платона, еще во второй половинѣ V в. Демокритъ въ своихъ аѳоризмахъ выражался, напр., такъ: „женщина пусть не разглагольствуетъ, ибо это отвратительно“, или: „немногословіе—украшеніе женщины“; „быть въ подчиненіи у женщины оскорбительно и крайняя степень отсутствія мужества“.

[2]) Кромѣ „Политики“, см. и „Никомахову этику“.

[3]) Свой идеалъ Ксенофонтъ выражаетъ въ діалогѣ „О хозяйствѣ“, гдѣ Сократъ приводитъ слова Исхомаха, устами котораго говоритъ, очевидно, самъ Ксенофонтъ.

женщины до извѣстной степени, въ извѣстной сферѣ. Богъ, говоритъ онъ устами Исхомаха въ своемъ діалогѣ „О хозяйствѣ“, предназначилъ женскій полъ для домашнихъ занятій, а мужской — для внѣ-домашнихъ. Богъ надѣлилъ женщину большею любовью къ дѣтямъ и большею боязливостью, а мужчинѣ далъ больше мужества; но память и заботливость далъ обоимъ одинаково, такъ что трудно рѣшить, кто въ этомъ отношеніи стоитъ выше, мужчина или женщина, равно какъ далъ одинаковую способность къ умѣренности и самообладанію. Каждый долженъ исполнять свою обязанность какъ можно лучше. Значеніе жены для благосостоянія дома такое же, какъ и значеніе мужа. Исхомахъ считаетъ все, чѣмъ онъ владѣетъ, ихъ общимъ достояніемъ; но въ своей сферѣ, въ домѣ, жена должна быть блюстительницею всего; она здѣсь какъ царица: достойныхъ хвалитъ и награждаетъ, недостойныхъ бранитъ и порицаетъ. На ней лежитъ забота и уходъ за больными слугами, челядью... Цѣль брака Ксенофонтъ видитъ не только въ продолженіи рода: вслѣдствіе различія въ природной организаціи мужъ и жена какъ-бы нуждаются другъ въ другѣ, какъ-бы взаимно дополняютъ другъ друга. Жена— лучшая помощница въ домѣ и въ воспитаніи дѣтей; она— опора въ старости, лучшій другъ для мужа и дѣтей и т. д. А въ извѣстномъ эпизодѣ о Панѳеѣ и Абрадатѣ въ „Киропедіи“ Ксенофонтъ изображаетъ трогательную любовь между супругами: Абрадатъ молитъ боговъ сдѣлать его *достойнымъ жены*, Панѳея не можетъ пережить смерти любимаго ею мужа.

Итакъ, Ксенофонтъ, повторяемъ, не сторонникъ широкой женской эмансипаціи; но онъ высказываетъ гуманный взглядъ на женщину и ставитъ ее высоко какъ жену, мать и хозяйку въ домѣ. Его Исхомахъ призываетъ жену къ дружной, совмѣстной работѣ въ сферѣ домашняго хозяйства и семьи [1]). Если жена оказывается иногда плохою помощницею, то Ксенофонтъ возлагаетъ вину на самого мужа: онъ долженъ осторожно, гуманно и съ любовью обучать и воспитывать то большею частью юное, необразованное, робкое и безпомощное су-

[1]) Ср. ст. *М. И. Мандеса* о Сафо въ „Женскомъ Альманахѣ“, изд. подъ ред. *А. Н. Деревицкаго* (Одесса, 1902).

щество, которое онъ беретъ къ себѣ въ домъ въ качествѣ жены [1]). Такимъ образомъ, Ксенофонтъ заговорилъ уже объ *обязанностяхъ* и нравственной отвѣтственности мужа.

Таковы, въ общихъ чертахъ, наиболѣе выдающіяся воззрѣнія, которыя мы встрѣчаемъ въ греческой литературѣ по женскому вопросу. Обратимся теперь къ исторической дѣйствительности, къ тѣмъ, правда, скуднымъ фактамъ, которые подтверждаютъ существованіе въ греческой женщинѣ стремленія къ болѣе широкому умственному развитію и къ эмансипаціи.

VI.

Еврипидъ былъ правъ: музы, дѣйствительно, не чужды были греческимъ женщинамъ [2]). Послѣднія издавна подвизались на поприщѣ литературы. Намъ извѣстно немало именъ греческихъ поэтессъ.

Среди нихъ первое мѣсто принадлежитъ, конечно, знаменитой *Сафо*, уроженкѣ Лесбоса, жившей въ началѣ VI в. до Р. Х. [3]), которую одинъ древній писатель называетъ „чудомъ". Ею впослѣдствіи гордились ея соотечественники; ея изображенія были на монетахъ Лесбоса, ея статуи ставились въ городахъ. О Сафо ходили различные разсказы и образъ ея представляется намъ не совсѣмъ яснымъ, окутаннымъ легендой. Говорили, напр., что она вслѣдствіе несчастной любви бросилась со скалы въ море... Домъ Сафо назывался домомъ музъ. Вокругъ нея группировались подруги и ученицы: у нея была какъ-бы *школа поэзіи*. И другія женщины на островѣ Лесбосѣ имѣли подобныя же школы (напр. Горго и Андромеда). Изъ греческихъ поэтессъ можно назвать еще Эринну (по однимъ извѣстіямъ, она была современницею Сафо, по другимъ — жила въ IV в. или даже въ началѣ александрійскаго періода), Дамофилу, Носисъ, Аниту и въ особенности Миртисъ и Коринну, современницъ и соперницъ Пиндара.

Греческіе женщины принимали дѣятельное участіе въ

---

[1]) *Ivo Bruns*, стр. 31.

[2]) См. цитированныя раньше, на стр. 48, слова хора изъ „Медеи".

[3]) О ней ст. *М. И. Мандеса* въ „Женскомъ Альманахѣ". Одесса, 1902.

религіозныхъ процессіяхъ и празднествахъ, при чемъ иногда проявляли замѣчательную энергію, силу экстаза, особенно въ качествѣ вакханокъ; вообще онѣ играли видную роль какъ жрицы и прорицательницы.

Нѣкоторыя женщины извѣстны были какъ правительницы, выдававшіяся энергіей или умомъ. Феретима въ Киренѣ, безпощадная въ своей мести, но энергичная и съ сильнымъ характеромъ, по свидѣтельству Геродота, правила областью въ отсутствіе сына, засѣдала въ совѣтѣ и пользовалась почетомъ. Артемисія Галикарнасская по смерти мужа взяла правленіе въ свои руки, участвовала въ походѣ Ксеркса противъ европейскихъ грековъ и давала царю благоразумные совѣты. Геродотъ изумляется тому, что она, будучи женщиной, отправилась въ походъ, побуждаемая единственно своею смѣлостью и мужественнымъ характеромъ; корабли ея, послѣ сидонскихъ, были лучшими во всемъ флотѣ, и если вѣрить отцу исторіи, то, послѣдуй Ксерксъ ея совѣту, онъ избѣгнулъ бы катастрофы. При Саламинѣ Артемисія сражалась во главѣ своего флота, при чемъ проявила большое мужество и военную хитрость, такъ что Ксерксъ, говорятъ, сказалъ: „Мужчины стали у меня женщинами, а женщины—мужчинами“. Другая Артемисія, вдова Мавсола (въ половинѣ IV в. до Р. Х.), наслѣдовала мужу въ Каріи, справилась съ родосцами, которые пытались отложиться и захватили было Галикарнассъ, и вновь завоевала ихъ островъ. Эта Артемисія построила знаменитый мавзолей. По преданію, она умерла съ тоски по своемъ мужѣ.

Въ Спартѣ женщины имѣли большое вліяніе: онѣ, можно сказать, задавали тонъ [1]), и Аристотель говоритъ объ ихъ господствѣ тамъ, о „гинайкократіи“. Воспитаніе онѣ получали подобное тому, какое получали и мужчины; двѣ пятыхъ поземельной собственности находилось въ ихъ рукахъ; онѣ, говоря вообще, отличались большимъ патріотизмомъ и принимали близко къ сердцу интересы государства. Это наблюдается не только въ періодъ могущества Спарты, но и впослѣдствіи, въ эпоху упадка, напр., въ III в. Цари-реформаторы, Агисъ III и Клеоменъ III, находили себѣ поддержку

[1]) *Белохъ*, Исторія Греціи, I, 374.

въ однѣхъ женщинахъ и встрѣчали противодѣйствіе со стороны другихъ. Агисъ III выросъ на рукахъ своей матери Агесистрады и бабки Архидаміи. Обѣ онѣ, самыя богатыя женщины тогдашней Спарты, явились его помощницами при осуществленіи смѣлыхъ плановъ. Обѣ онѣ и погибли вмѣстѣ съ нимъ. Послѣдними словами Агесистрады были: „Только будь это во благо Спартѣ“ [1]). Вдова Агиса Агіатида, одна изъ богатѣйшихъ наслѣдницъ, была почти насильно выдана замужъ за Клеомена. Клеоменъ былъ сынъ врага Агиса, Леонида; но красота, кроткій нравъ и тихая грусть Агіатиды возбудили въ немъ сердечное участіе и любовь, а ея разсказы и воспоминанія о ея первомъ мужѣ, о его стремленіяхъ и планахъ, глубоко запали въ душу Клеомена и подвинули его выступить продолжателемъ дѣла Агиса.

VII.

Важнымъ моментомъ въ исторіи женскаго движенія въ Греціи является эпоха *Просвѣщенія*, т. е. вторая половина V в. до Р. Х., когда, какъ было упомянуто, обнаружилось стремленіе къ освобожденію отъ какихъ бы то ни было оковъ и стѣсненій. Эмансипація женщинъ должна была выразиться главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, въ отрѣшеніи отъ условной морали, въ нарушеніи установившихся правилъ приличія и нравственности, и, во-вторыхъ, въ стремленіи къ высшему образованію. Такое стремленіе прежде всего обнаруживается въ Малой Азіи, въ Іоніи, гдѣ до тѣхъ поръ и политическая, и умственная жизнь шла быстрѣе.

Яркой, наиболѣе типичной представительницей эпохи „Просвѣщенія“ и вѣка Перикла въ этомъ отношеніи является талантливая и высокообразованная *Аспазія*, дочь Аксіоха, родомъ изъ Милета, и въ приведенныхъ выше словахъ хора изъ Еврипидовой „Медеи“ видятъ намекъ именно на нее.

Аспазія появилась въ Аѳинахъ, новомъ центрѣ умственной жизни Греціи, „школѣ Эллады“, около середины V в. и

[1]) *В. Г. Васильевскій*, Политич. реформа и соціальн. движ. въ древн. Греціи въ періодъ ея упадка. Спб., 1869 г. (изъ Ж. М. Н. Пр.), стр. 151.

здѣсь заняла выдающееся положеніе въ обществѣ. Мы видимъ ее въ домѣ и въ кружкѣ Перикла: Периклъ развелся съ первою своею женою, съ которою у него, повидимому, было мало общаго и которая послѣ того вступила въ новый бракъ, и сблизился съ Аспазіей. Естественное право любви такимъ образомъ взяло верхъ надъ правомъ брака [1]). Женился ли Периклъ на Аспазіи—вопросъ спорный; но есть основаніе думать, что Аспазія не была гетерой, какъ прежде обыкновенно полагали и какъ еще теперь утверждаетъ Виламовицъ-Меллендорфъ, отвергающій разсказы объ ея „салонѣ"; вѣроятно, она была женою Перикла [2]); но ихъ бракъ съ точки зрѣнія тогдашняго аттическаго права не могъ считаться законнымъ вполнѣ, ибо Аспазія не была аѳинянка; по проведенному же передъ тѣмъ самимъ Перикломъ закону дѣти отъ подобныхъ браковъ не пользовались правами гражданства. Какъ бы то ни было, Перикла и Аспазію связывала искренняя, серьезная и нѣжная любовь [3]). Любовь эта основывалась на сходствѣ ихъ духовныхъ стремленій, на общности интересовъ и одинаковости уровня умственнаго развитія. Аспазія была истинной подругой жизни Перикла, его совѣтникомъ, вдохновлявшимъ и поддерживавшимъ его въ трудной дѣятельности. Тутъ казался осуществленнымъ тотъ идеалъ брака и супружескаго счастья, о которомъ говоритъ Д. С. Милль въ своемъ трактатѣ „Подчиненность женщины" (русск. пер., стр. 243—244).

Все, что было выдающагося въ тогдашнемъ аѳинскомъ обществѣ, такъ или иначе принадлежало къ кружку Перикла. Въ его домѣ сходились и философы—Анаксагоръ, Зенонъ, Протагоръ, молодой Сократъ, и историки, какъ, можетъ быть, Геродотъ, и поэты, напр., Софоклъ, и художники, какъ Фидій или архитекторъ-философъ Гипподамъ. Не одни мужчины бывали здѣсь: нѣкоторые, если вѣрить свидѣтельству древнихъ, приходили въ домъ Перикла со своими женами. Душою же

---

[1]) *Белохъ*, I, 376.

[2]) Кромѣ монографіи *Ad. Schmidt*, Das Perikl. Zeitalter, 1877—1879, см. ст. *Judeich*'а объ Аспазіи въ Энциклоп. словарѣ *Pauly-Wissowa* и доводы *Ed. Meyer*'а въ его Forschungen z. alten Gesch. (т. 2) и Gesch. des Alterthums (т. IV).

[3]) См. мою книгу „Периклъ" (X. 1889), стр. 215—216.

...ьковск. О-во Р...

этого кружка—или, какъ бы мы теперь выразились, *салона*,—была Аспазія: богата одаренная, сіявшая красотою, съ глубокимъ и высоко развитымъ умомъ, обладавшая даромъ краснорѣчія, она здѣсь первенствовала во всѣхъ отношеніяхъ. Тутъ, при ея дѣятельномъ участіи и даже, быть можетъ, руководствѣ, велись разговоры на самыя разнообразныя темы, волновавшія умы и касавшіяся политики, философіи, брака и семейнаго счастья, образованія и воспитанія. Какіе иногда дебатировались здѣсь вопросы, на это нѣкоторымъ указаніемъ служитъ обвиненіе противъ Аспазіи въ безбожіи и нечестіи, поднятое Герминпомъ.

Если вѣрить древнимъ, Аспазія вдохнула новую жизнь въ просвѣтительную философію того времени; она давала толчокъ къ новымъ идеямъ. Ее называли наставницею Сократа и Перикла. Ей приписывали большую долю вліянія на философское развитіе перваго. Сократовскій методъ, какъ говорили, есть методъ Аспазіи, и у одного древняго писателя [1]) приводится разговоръ (правда, мнимый) [2]) Аспазіи съ Ксенофонтомъ и его женою именно по такому методу на тему о бракѣ и образованіи жены. Въ Ксенофонтовомъ діалогѣ „О хозяйствѣ“, не разъ уже мною цитированномъ, Сократъ, на вопросъ своего собесѣдника, какъ воспитать хорошую жену, рекомендуетъ ему обратиться къ Аспазіи, „которая все это гораздо лучше объяснитъ“. Въ „Менексенѣ“, діалогѣ, принадлежащемъ или, по крайней мѣрѣ, приписываемомъ Платону, Сократъ воспроизводитъ рѣчь, произнесенную будто бы Аспазіей. Выслушавъ, Менексенъ говоритъ, что „Аспазію можно назвать очень счастливою, если она, будучи женщиной, въ состояніи сочинять такія рѣчи“, на что Сократъ отвѣчаетъ: „Если не вѣришь, то слѣдуй за мною и услышишь, какъ она говоритъ“. „Я часто встрѣчался съ Аспазіей“, замѣчаетъ Менексенъ, „и знаю, какова она“. По словамъ Сократа, у него была не плохая учительница въ риторикѣ, а такая, которая сдѣлала хорошими ораторами многихъ другихъ и даже Перикла,—Аспазія; послѣ этого неудивительно

[1]) У Цицерона со словъ Эсхина.

[2]) Такъ какъ Ксенофонтъ не могъ въ то время быть уже женатымъ.

быть сильнымъ въ словѣ. Упоминается о „прекрасныхъ рѣчахъ“ Аспазіи *политическаго* содержанія. Аспазіи приписывали также большое вліяніе на Перикла. Говорили, будто она составила ту знаменитую надгробную рѣчь, которую произнесъ Периклъ надъ павшими воинами, воспользовавшись ея отрывками, и хотя все это говорится въ „Менексенѣ“ скорѣе въ видѣ ироніи или шутки, тѣмъ не менѣе такія подробности характерны: онѣ показываютъ, какъ въ древности смотрѣли на Аспазію, ея краснорѣчіе и силу ея вліянія. Ея вліяніе усматривали и въ политическихъ событіяхъ того времени, въ такихъ фактахъ, какъ война съ Самосомъ или Пелопоннесская война. Недаромъ комики называли ее Омфалой, Деянирой, Герой Перикла.

Аспазія была лишь наиболѣе яркимъ, но не единичнымъ явленіемъ. Въ Платоновомъ „Пирѣ“ передается бесѣда Сократа съ мантинейскою жрицею Діотимою объ Эросѣ, при чемъ Сократъ называетъ эту Діотиму „мудрою“ и какъ бы ея авторитетомъ прикрываетъ свое ученіе объ идеальной, одухотворенной любви.

Женская эмансипація, отрѣшенная отъ обычной нравственности, нашла себѣ крайнее выраженіе въ *гетеризмѣ*. Къ гетерамъ многіе причисляютъ и Аспазію, но это, какъ мы видѣли, едва-ли вѣрно. Зато несомнѣнно гетерами были такія своего рода знаменитости, какъ *Лаиса*, *Фрина*, *Пиѳіоника* (всѣ въ IV в.). Лаиса—одно время царица аѳинскаго общества—впослѣдствіи впала въ нищету и была осмѣяна Эпикратомъ въ одной изъ его комедій. Фрина, современница Филиппа и Александра Македонскаго, вдохновляла Праксителя, когда онъ создавалъ свою Афродиту Книдскую. Извѣстенъ процессъ Фрины, подвергшейся обвиненію во введеніи новыхъ культовъ и въ кощунствѣ, — процессъ, въ которомъ ея защитникомъ выступилъ знаменитый ораторъ Гиперидъ. Ея статуя, работы Праксителя, была поставлена въ Дельфахъ между статуями царей Филиппа и Архидама. Пиѳіоника — возлюбленная Гарпала, послѣдовала за нимъ въ Вавилонъ и пользовалась тамъ царскимъ почетомъ. Ей воздвигнутъ былъ великолѣпный памятникъ на священной дорогѣ, ведшей изъ Элевсина въ Аѳины [1]).

[1]) *Белохъ*, II, 354.

Все это показываетъ, какую роль играли гетеры, эти „жрицы свободной любви“, въ тогдашнемъ обществѣ и какимъ поклоненіемъ окружены онѣ были, и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ женскую эмансипацію въ ту эпоху.

Но для насъ интереснѣе и важнѣе проявленіе женской эмансипаціи въ другой формѣ, въ иной сферѣ — въ области науки и философіи.

VIII.

Стремленіе женщинъ къ высшему образованію оказывалось въ Греціи чрезвычайно жизненнымъ. Начиная съ первыхъ шаговъ греческой философской мысли въ VI в. и до паденія античной культуры передъ нами проходитъ рядъ женщинъ, съ увлеченіемъ занимавшихся наукой и философіей [1]).

У Пиѳагора была слушательница Ѳеано, на которой онъ потомъ женился; ей приписываютъ нѣкоторыя сочиненія и есть извѣстіе, что особенно замѣчательными познаніями она обладала въ медицинѣ. Дочери Пиѳагора изучали философію подъ руководствомъ отца, и одной изъ нихъ онъ передалъ свои сочиненія на храненіе. Вообще Пиѳагорейская философія была довольно распространена въ средѣ образованныхъ греческихъ женщинъ; извѣстно до 17-ти болѣе или менѣе выдающихся послѣдовательницъ этой философіи.

Были слушательницы и у Платона. Передаютъ, что одна изъ нихъ носила мужское платье. Дочь Аристиппа, основателя Киренской школы, усвоила философію своего отца и въ свою очередь сдѣлалась наставницею своего сына, Аристиппа Младшаго, который поэтому и получилъ прозваніе Метродидакта, т.-е. выученнаго матерью. Встрѣчаются женщины и среди послѣдователей Эпикура, напр. Ѳемисто и ея дочь Леонтіонъ, которая потомъ вышла замужъ за любимаго ученика Эпикура Метродора.

У Метрокла, ученика Ѳеофраста, была сестра Гиппархія. Говорятъ, что она своей діалектикой приводила въ замѣшательство всѣхъ своихъ собесѣдниковъ. Вмѣстѣ съ своимъ бра-

[1]) О нихъ на русскомъ языкѣ см. между прочимъ — *И. В. Цвѣтаевъ*, Изъ жизни высшихъ школъ Римской имперіи. М. 1902, стр. 131 сл.

томъ она переселилась въ Аѳины и здѣсь такъ увлеклась ученіемъ циника Кратеса, что сдѣлалась его женою,—фактъ любопытный между прочимъ въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ, что любовь между мужчиной и женщиной не была чужда греческому міру и что противоположное утвержденіе (напр., автора одного изъ новѣйшихъ сочиненій по женскому вопросу, Лилли Браунъ) невѣрно. Въ особенности это нужно сказать о періодѣ эллинизма: недаромъ и тогдашніе историки, подобные Филарху, отводили въ своемъ изложеніи такое мѣсто женщинамъ и въ качествѣ вліятельнаго историческаго фактора выставляли любовь. Въ данномъ случаѣ необходимо еще принять во вниманіе, что Гиппархія была изъ знатной семьи, что ея руки добивались многіе, и вспомнить, какую нищенскую жизнь, лишенную всякихъ удобствъ, вели тогдашніе циники. Гиппархія раздѣляла эту жизнь со своимъ избранникомъ и мужественно переносила всѣ невзгоды [1]).

Вдова Мавсола Артемисія, о которой уже было упомянуто раньше по поводу ея политической дѣятельности, высоко цѣнила литературу. Между прочимъ она устроила своего рода конкурсъ, назначивъ премію за лучшую похвальную рѣчь въ честь покойнаго мужа своего. Есть извѣстіе, что сама она занималась медицинской наукой.

Вообще медициной уже въ древности интересовались многія женщины. Большую извѣстность на этомъ поприщѣ пріобрѣла Агнодика (по однимъ извѣстіямъ—за 300 лѣтъ, по другимъ—въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х.), молодая дѣвушка изъ Аѳинъ. Она первая изъ женщинъ изучила медицину систематически и начала практиковать какъ женщина-врачъ. Такъ какъ существовалъ законъ, запрещавшій женщинамъ (наравнѣ съ рабами) заниматься медициной, то Агнодика переодѣлась мужчиной и поступила въ медицинскую школу. Вскорѣ она пріобрѣла большую извѣстность и практику среди женщинъ: своимъ паціенткамъ она открывала свой полъ, и тѣ, понятно, относились къ ней безъ всякаго стѣсненія, съ полнымъ довѣріемъ и охотно лѣчились у нея. Это возбудило зависть со стороны врачей, и они обвинили Агнодику передъ ареопагомъ въ томъ, что она

[1]) *Белохъ*, II, 352.

подъ видомъ лѣченія будто-бы соблазняетъ женщинъ. Тогда Агнодика вынуждена была открыть свою тайну и, благодаря ходатайству знатныхъ женщинъ, была оправдана, а прежній законъ былъ отмѣненъ [1]). Мать св. Прокопія, Ѳеодосія (III в. по Р. Х.), занималась медициною, въ особенности хирургіею, а св. Никерата излѣчила Іоанна Златоуста отъ тяжкой болѣзни [2]).

Но возвратимся къ женщинамъ-философамъ.

Четвертый и пятый вѣкъ нашей эры выставилъ цѣлый рядъ ихъ. Я не буду перечислять всѣхъ ихъ и назову лишь нѣкоторыхъ, наиболѣе замѣчательныхъ [3]).

Такова, напр., Сосипатра (IV в.), о которой ходило много легендарныхъ разсказовъ. Ей приписывали даръ провидѣнія. Родилась она близъ Эфеса и еще въ молодости обнаруживала особенную любовь къ поэзіи и философіи. Она вышла замужъ по любви—за философа Евстаѳія, но вскорѣ лишилась мужа. И вотъ молодая вдова поселяется близъ Пергама и въ своемъ домѣ открываетъ философскую школу. Ея современникомъ и какъ-бы соперникомъ былъ философъ Эдесій, о которомъ Евнапій говоритъ, что слава его достигала звѣздъ. Но Сосипатра превосходила его бо́льшимъ пыломъ и энтузіазмомъ. Ей пришлось выдержать тяжелую внутреннюю борьбу—между страстною любовью къ одному изъ своихъ слушателей и преданностью философіи. Въ концѣ концовъ послѣдняя взяла верхъ: Сосипатра осталась вѣрна философіи. Любовь къ ней она передала и одному изъ своихъ сыновей.

Дочь неоплатоника Плутарха, Асклепигенея (V в.), посвящена была въ тайны элевсинскихъ мистерій и явилась въ этомъ отношеніи наставницею извѣстнаго философа Прокла.

Эдесія (V в.), по смерти своего мужа, философа Гермія, переселяется изъ Александріи въ Аѳины для завершенія образованія своихъ сыновей и вмѣстѣ съ ними, не смотря на не-

---

[1]) *Pauly-Wissowa*, Real-Encyclopädie d. classisch. Altertums-Wissenschaft, s. v.

[2]) См. „Les femmes médec. d'autrefois“ *Бодуэна* и на основаніи этой книги—ст. *В. Ѳ. Пуцыковича* въ „Истор. Вѣстн.“, 1902, мартъ („Изъ историческаго прошлаго женскаго вопроса“).

[3]) См. *И. В. Цвѣтаева*, l. c.

молодые уже годы свои, посѣщаетъ лекціи Прокла. Ея сыновья впослѣдствіи заняли довольно видное мѣсто среди философовъ того времени.

Многія женщины являлись достойными помощницами Дамаскія въ послѣднюю пору существованія древняго университета въ Аѳинахъ.

Но изъ всѣхъ замѣчательныхъ представительницъ науки и философіи на рубежѣ древняго и средневѣковаго міра особенно выдается Ипатія, въ концѣ IV и началѣ V в. составлявшая славу Александріи. Она останавливаетъ на себѣ вниманіе своею ученостью, своими высокими нравственными качествами, самою своею трагическою кончиною. Недаромъ ея жизнь послужила темой для историческаго романа.

Ипатія [1]) родилась около 370 г. по Р. Х. и была дочерью извѣстнаго въ то время математика Ѳеона. Она получила прекрасное научное и философское образованіе. По свидѣтельству современниковъ, особенно обширны были ея познанія въ математикѣ, механикѣ и астрономіи. Въ числѣ ея трудовъ, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, до насъ не дошло даже отрывковъ, приводятъ комментарій къ сочиненіямъ знаменитаго математика Діофанта, астрономическій канонъ и комментарій къ трактату Аполлонія о коническихъ сѣченіяхъ. Говорили, что въ математикѣ Ипатія превзошла своего отца, а въ философіи—всѣхъ своихъ современниковъ и даже, какъ выражается одинъ историкъ, всѣхъ бывшихъ задолго до нея. По своему философскому направленію она принадлежала къ господствовавшей въ то время школѣ неоплатониковъ и въ лицѣ ея эта школа достигла въ Александріи новаго расцвѣта и блеска. Ипатія, однако, толковала не только Платона, но и Аристотеля и другихъ философовъ. Она, такъ сказать, формально занимала каѳедру философіи въ Александріи.

Ея дѣвственная красота, женственная скромность, ея ученость, ея умъ и дарованія дѣйствовали обаятельно на учениковъ и современниковъ, вызывая въ нихъ чувство, близкое къ

---

[1]) *Hoche*, Hypatie, die Tochter Theons (Philologus, XV, 1860); *А. А. Остроумовъ*, Синезій, епископъ Птолемаидскій, М. 1879, стр. 37—42; *Zeller*, Gesch. d. griech. Philosophie, III, 2; *И. В. Цвѣтаевъ*, l. c.

благоговѣнію. Въ одномъ греческомъ стихотвореніи, обращенномъ къ Ипатіи, авторъ со свойственною тому времени напыщенностью говоритъ: „Когда я смотрю на тебя и слышу твои слова, я поклоняюсь тебѣ, созерцая жилище звѣздное дѣвы; ибо на небо восходятъ твои дѣла, блаженная Ипатія, рѣчей краса, незапятнанная звѣзда мудраго ученія“. Какимъ уваженіемъ и, можно сказать, благоговѣніемъ пользовалась Ипатія со стороны своихъ слушателей, лучше всего показываетъ отношеніе къ ней Синезія, ея ученика, выдающагося математика и астронома. Ипатія была язычница; Синезій перешелъ въ христіанство и сдѣлался епископомъ въ Птолемаидѣ, въ Киренаикѣ, и тѣмъ не менѣе онъ до конца остается ея восторженнымъ почитателемъ. Въ письмахъ своихъ онъ называетъ ее „истиннымъ руководителемъ священныхъ таинствъ философіи“, „своею матерью, своею сестрою, своею учительницею, которой онъ обязанъ столькими благодѣяніями и которая заслужила съ его стороны всѣ почетные титулы“. Синезій, христіанинъ и епископъ, посылаетъ Ипатіи, язычницѣ, на просмотръ даже свои богословскія сочиненія, прежде чѣмъ ихъ обнародовать [1]). Еще впослѣдствіи, спустя много вѣковъ, если хотѣли отмѣтить умъ или ученость какой-либо женщины, то говорили, что это— „вторая Ипатія“.

Слава Ипатіи распространилась далеко за предѣлы Александріи; со всѣхъ концовъ образованнаго міра стремились къ ней слушатели: всякій жаждалъ послушать знаменитаго философа-женщину. Ея домъ былъ умственнымъ центромъ Александріи. У входа къ нему можно было видѣть толпу пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ. Бывать у Ипатіи, слушать ея лекціи стало модой, признакомъ хорошаго тона.

И Александрія гордилась своею Ипатіею. Послѣдняя имѣла вліяніе на правительственныхъ лицъ и на дѣла общественныя; ея авторитетъ признавался и здѣсь, и нерѣдко Ипатія, облеченная въ философскій плащъ, наравнѣ съ мужчинами засѣдала въ городскомъ совѣтѣ. Но въ глазахъ невѣжественной, фанатически настроенной черни и низшаго духовенства Ипатія была ненавистной язычницей, главой языческой партіи, врагомъ

[1]) *Hoche*, стр. 450.

Харьковск. О-во Взаимопомощи
Библіотека

александрійскаго епископа Кирилла. Тогда вообще были нерѣдки столкновенія между язычниками и христіанами, между представителями власти императорской и духовной, и вотъ во время одного изъ такихъ возмущеній, въ 415 г., Ипатія сдѣлалась жертвой народной ярости: въ тотъ моментъ, когда она возвращалась домой, на нее напали, стащили съ носилокъ, раздѣли донага и избили черепками; тѣло ея разорвали на куски и, по одному разсказу, разбросали ихъ по городу, по другому—сожгли.

Такою жестокою смертью погибла Ипатія, слава Александріи, эта женщина-профессоръ, обаятельный образъ которой долго потомъ еще жилъ въ воспоминаніяхъ потомства.

Наконецъ, вспомнимъ еще объ одной женщинѣ, широко образованной, судьба которой въ высшей степени была превратна. Это—Аѳинаида, дочь софиста Леонтія. Въ молодости она занималась поэзіей, философіей, изучала ораторовъ, въ особенности Лисія и Демосѳена, и прекрасно усвоила латинскій языкъ. По смерти отца, обиженная братьями при дѣлежѣ наслѣдства, она направилась въ Константинополь искать себѣ защиты при дворѣ. Здѣсь на нее обратила вниманіе Пульхерія, могущественная сестра слабовольнаго императора Ѳеодосія II: она задумала женить на ней своего брата. Такъ, дочь софиста стала императрицею подъ именемъ Евдокіи. Но счастье ея было недолговѣчно. Впослѣдствіи она заподозрѣна была въ невѣрности и удалена. Она поселилась въ Іерусалимѣ, гдѣ и провела остатокъ жизни своей, всецѣло посвятивъ себя литературѣ и дѣламъ христіанскаго милосердія.

Заканчивая этотъ краткій перечень наиболѣе выдающихся ученыхъ и литературно-образованныхъ женщинъ, слѣдуетъ отмѣтить, что многія изъ нихъ, какъ это видно изъ предыдущаго, были прекрасными женами и матерями...

IX.

Итакъ, въ чемъ же выразилось женское движеніе въ Греціи? Оно выразилось, во-первыхъ, въ отрѣшеніи отъ обычной морали, въ провозглашеніи права свободной любви; крайнимъ выраженіемъ этого явился гетеризмъ; во-вторыхъ, оно вырази-

лось—по крайней мѣрѣ отчасти—въ стремленіи къ общественной и политической дѣятельности; въ-третьихъ,—въ стремленіи къ высшему умственному развитію и образованію; наконецъ—въ перемѣнѣ положенія женщины въ домѣ, въ семьѣ, какъ жены и матери. Въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ уже древность рѣшила вопросъ въ благопріятномъ для женщины смыслѣ: уже тогда, въ особенности въ эллинистическую эпоху, жена становится подругой и сотрудницей мужа; женщина получаетъ доступъ къ высшему образованію, къ занятіямъ наукой, къ преподаванію даже, такъ сказать, съ профессорской каѳедры. На этомъ поприщѣ къ концу древняго міра она достигаетъ почти полнаго равноправія.

Я не буду подчеркивать аналогіи, которую можно замѣтить между развитіемъ женскаго вопроса въ древности и въ новое время: она очевидна; не буду говорить и о различіяхъ, вполнѣ естественныхъ, ибо между историческими явленіями древняго и новаго міра, ходомъ ихъ развитія, какъ мы видѣли, можетъ быть *аналогія*, нѣкоторый *параллелизмъ*, но не можетъ быть полнаго *тождества*. Можно, для примѣра, указать хотя бы на такой дѣйствующій въ средніе и новые вѣка факторъ, какъ христіанство, провозгласившее еще опредѣленнѣе, нежели древняя философія и литература въ ихъ лучшихъ представителяхъ, равенство между мужчиной и женщиной, какъ нравственными существами, и способствовавшее поднятію уваженія къ женщинѣ; можно указать также на гораздо болѣе сложныя отношенія нашего времени, когда и самые вопросы, въ томъ числѣ и женскій, ставятся шире; когда сильнѣе обнаруживается дѣйствіе соціально-экономическихъ мотивовъ, сильнѣе сказывается борьба за существованіе...

Харьковск. О-во Взаимопомощи
Библіотека
Трудящихся женщинъ

IV.

Пренія о смертной казни назадъ тому 2300 съ лишкомъ лѣтъ [1]).

(Историческая справка).

Когда я читаю доводы сторонниковъ и противниковъ военно-полевыхъ судовъ и смертной казни, я переношусь мыслью въ отдаленное прошлое: мнѣ вспоминается одинъ изъ эпизодовъ въ исторіи древнихъ Аѳинъ.

Эпизодъ этотъ относится къ 427 г. до Р. Х. Во время происходившей тогда Пелопонесской войны отъ аѳинянъ отложился союзный городъ Митилена на островѣ Лесбосѣ. Возстаніе было подавлено, и раздраженные аѳиняне рѣшили было предать казни все взрослое мужское населеніе Митилены, а женщинъ и дѣтей обратить въ рабство; но потомъ одумались, и на слѣдующій день созвано было народное собраніе, чтобы вновь обсудить дѣло. И вотъ во время преній высказаны были два противоположныхъ воззрѣнія на смертную казнь, какъ мѣру устрашенія, при чемъ впервые предъ нами выступаютъ доводы за и противъ по этому вопросу, впервые мы встрѣчаемся съ возраженіями противъ самой цѣлесообразности системы устрашенія.

Нѣкоторые изъ этихъ доводовъ настолько интересны съ точки зрѣнія пережитаго и переживаемаго нами, такъ напоминаютъ многое изъ того, что приходится теперь читать и слышать, что я рѣшаюсь воспроизвести ихъ здѣсь [2]).

---

[1]) Московск. Еженедѣльникъ, 1907, № 13.

[2]) См. Ѳукидидъ, кн. III, гл. 37—48 (русск. перев. Ѳ. Г. Мищенка, т. I, стр. 313—325).

Въ защиту смертной казни и безпощадной строгости выступилъ извѣстный демагогъ Клеонъ. Онъ стоялъ за то, чтобы прежняго рѣшенія не отмѣнять. „Опаснѣе всего", говорилъ онъ, „если мы не будемъ твердо держаться разъ принятыхъ рѣшеній и не поймемъ, что государство съ худшими, но неизмѣнными законами, сильнѣе, чѣмъ то, которое имѣетъ законы прекрасные, но не приводимые въ исполненіе"... Вторично обсуждать дѣло митиленянъ — это значитъ лишь затягивать время, что̀ выгодно скорѣе для виновныхъ, нежели для аѳинянъ: „только то наказаніе, которое слѣдуетъ возможно быстрѣе за обидою, служитъ соотвѣтствующимъ возмездіемъ" Клеонъ старался заранѣе дискредитировать возраженія противниковъ, бросая имъ обвиненіе въ корыстныхъ разсчетахъ и подкупѣ, а обращаясь къ слушателямъ, къ народному собранію, онъ говорилъ между прочимъ: „Вы не размышляете заранѣе, что̀ изъ этого выйдетъ. Вы, можно сказать, витаете въ несуществующихъ условіяхъ, забывая о тѣхъ, въ какихъ мы живемъ, и недостаточно обдумываете настоящее положеніе". Клеонъ ратовалъ за то, чтобы не перемѣнять рѣшенія и не впадать такимъ образомъ въ ошибку „по тремъ самымъ гибельнымъ для власти побужденіямъ: состраданію, увлеченію краснорѣчіемъ и снисходительности". „Отвѣчать состраданіемъ," разсуждалъ онъ, „справедливо по отношенію къ подобнымъ себѣ, а не къ тѣмъ, кто самъ неспособенъ къ состраданію и всегда оказывается вашимъ врагомъ. Ораторы, плѣняющіе васъ краснорѣчіемъ, могутъ выбрать другой случай для состязанія, при обстоятельствахъ менѣе важныхъ, а не теперь, когда государство будетъ жестоко наказано за минутное удовольствіе (отъ ихъ рѣчей), а ораторы получатъ за краснобайство хорошую плату". Снисходительность слѣдуетъ оказывать не тѣмъ, кто, не смотря на это, останется врагомъ, но тѣмъ, кто въ будущемъ можетъ быть привязанъ къ намъ. „Слѣдуя моему совѣту", утверждалъ Клеонъ, „вы поступите и справедливо по отношенію къ митиленянамъ, и съ пользою для себя; въ противномъ же случаѣ они не будутъ признательны вамъ, а себя вы накажете... Если вы, хотя бы и не по праву, все-таки желаете властвовать, то ради собственной пользы, хотя бы и вопреки праву, должны наказать митиленянъ или же отказаться

отъ власти и тогда спокойно разыгрывать роль добродѣтельныхъ". Въ заключеніе Клеонъ призывалъ покарать виновныхъ и преподать ясный урокъ прочимъ союзникамъ, дабы тѣ знали, что всякій, кто отложится, будетъ наказанъ смертью.

Противъ безпощадной казни безъ разбора выступилъ нѣкій Діодотъ, о которомъ, за исключеніемъ рѣчи, приводимой Ѳукидидомъ, мы, къ сожалѣнію, ничего больше не знаемъ. Но его рѣчь замѣчательна, особенно если принять во вниманіе, что она произнесена за 2300 съ лишкомъ лѣтъ тому назадъ. Въ своихъ доводахъ Діодотъ исходилъ не изъ чувства человѣколюбія, а изъ соображеній *цѣлесообразности и государственной пользы.* „Споръ у насъ", говорилъ онъ, „долженъ быть, если мы благоразумны, не о преступленіи митиленянъ, но о мудрости нашего рѣшенія. Если бы даже я показалъ, что митиленяне совершили большое преступленіе, я на основаніи этого еще не сталъ бы требовать казни для нихъ, если она для насъ не полезна. Хотя бы они и заслуживали сколько-нибудь прощенія, пусть бы ихъ казнили, разъ прощеніе не было бы выгоднымъ для государства. Я полагаю, что въ своемъ рѣшеніи мы должны имѣть въ виду не столько настоящее, сколько будущее". Діодотъ рѣшительно не соглашался съ тѣмъ, что наказаніе митиленянъ смертью полезно, что благодаря этому въ будущемъ уменьшится будто-бы число возстаній. „Въ государствахъ", говорилъ онъ, „смертная казнь опредѣляется за многія преступленія"... И однако люди рѣшаются на опасныя предпріятія, надѣясь на себя и на то, что выйдутъ благополучно изъ опасности. „И нѣтъ закона, который могъ бы помѣшать этому, ибо люди прошли всѣ виды наказаній, постепенно усиливая ихъ въ надеждѣ, что, быть можетъ, меньше будутъ терпѣть отъ преступленій"... Была введена смертная казнь; „однако люди и ея не боятся. Поэтому или необходимо придумать еще болѣе жестокое устрашеніе, или же смертная казнь не способна удержать отъ преступленія". Разныя житейскія обстоятельства, надежды, страсти, желанія,—все это властвуетъ надъ человѣкомъ и нерѣдко приводитъ его къ опаснымъ предпріятіямъ. „Невозможно—да и было бы наивностью думать, что это можно,—когда природа человѣка страстно стремится что-либо сдѣлать, отвратить ее отъ этого силою за-

коновъ или какою-нибудь иною мѣрою устрашенія". „Итакъ", говорилъ Діодотъ, „не слѣдуетъ полагаться на смертную казнь, какъ на залогъ спокойствія, и принимать гибельное рѣшеніе". Не слѣдуетъ возставшихъ лишать всякой возможности раскаяться и загладить свою вину, не слѣдуетъ отымать надежду на прощеніе и примиреніе. „Оберегать себя мы должны не суровостью законовъ, а бдительностью въ нашихъ дѣйствіяхъ". Людей свободныхъ не должно подвергать суровому наказанію тогда, когда они уже возстали, а надо дѣйствовать такъ, чтобы имъ на мысль не приходило отлагаться, въ случаѣ же побѣды надъ возставшими возможно менѣе взыскивать съ нихъ. По мнѣнію Діодота, для упроченія владычества гораздо выгоднѣе снести добровольно обиду, нежели, строго придерживаясь закона, истребить тѣхъ, кого слѣдуетъ пощадить. „Принимающій мудрое рѣшеніе относительно враговъ могущественнѣе того, кто дѣйствуетъ противъ нихъ безразсуднымъ насиліемъ".

Такимъ образомъ мнѣніе, что суровыя наказанія и казни не достигаютъ цѣли, что они неспособны предотвратить преступленія,—это мнѣніе высказывалось уже въ древности, еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Рѣчь Діодота—первое извѣстное намъ изъ исторіи возраженіе противъ системы устрашенія.

Тогда, въ Аѳинахъ, мнѣніе Діодота одержало верхъ...

V.

Къ исторіи папства въ XI столѣтіи.

(Объ «Очеркахъ изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ» (Спб. 1898) А. С. Вязигина) [1]).

I.

Не смотря на современное увлеченіе экономическимъ направленіемъ въ исторіи и такъ называемымъ „экономическимъ матеріализмомъ", личность Григорія VII и его эпоха, когда съ такою яркостью предъ нами обнаруживается могущественное вліяніе *идей*, продолжаетъ привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ XIX ст. въ иностранной литературѣ появился цѣлый рядъ болѣе или менѣе крупныхъ трудовъ, посвященныхъ—отчасти или цѣликомъ—исторіи этого времени. Такъ, Мартенсъ въ Германіи и Деляръ во Франціи дали обширныя біографіи Григорія VII, Мейеръ фонъ-Кнонау—исторію Генриха IV, Лангенъ и Гаукъ—исторію церкви, первый — римской, второй — нѣмецкой, Закуру принадлежитъ исторія клюнійцевъ и ихъ заслугъ въ дѣлѣ культурнаго и нравственнаго возрожденія западно-европейскаго общества, а Мирбтъ представилъ обзоръ и характеристику публицистики въ вѣкъ Григорія VII. Не говорю уже о работахъ болѣе частнаго, спеціальнаго характера. Въ этомъ научномъ движеніи приняли дѣятельное участіе и два русскихъ ученыхъ—кн. Е. Н.

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1899, февр. Ср. очень хвалебную рец. кн. *Е. Н. Трубецкого* (Рус. Мысль, 1899, мартъ) и ст. *А. С. Лебедева*, Ученое увлеченіе папствомъ (Рус. Вѣстн., 1899, февр.).

Трубецкой, авторъ превосходной монографіи: „Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI вѣкѣ.—Идея божьяго царства въ твореніяхъ Григорія VII и публицистовъ—его современниковъ“ (Кіевъ, 1897, 2 вып.), и А. С. Вязигинъ, которому принадлежитъ рядъ работъ, посвященныхъ личности и времени Григорія VII.

Предшествующіе труды г. Вязигина доставили ему среди спеціалистовъ вполнѣ заслуженную репутацію *знатока* изучаемой имъ эпохи (см. у кн. Е. Н. Трубецкого, passim) и обратили на себя вниманіе даже въ иностранной литературѣ (см., напр., рецензіи *Lauchert*'а въ Revue internationale de théologie, 1897, и *Mirbt*, Die Publizistik, стр. 580—581, прим.). Съ взглядами и замѣчаніями А. С. Вязигина признаетъ необходимымъ считаться такой спеціалистъ, какъ марбургскій профессоръ Мирбтъ. Все это однако имѣетъ для автора и свою невыгодную сторону: достоинства прежнихъ трудовъ, уже пріобрѣтенная репутація могутъ возбудить — иногда нѣсколько преувеличенныя—ожиданія по отношенію къ послѣдующимъ работамъ, побуждаютъ предъявить къ нимъ болѣе строгія требованія, примѣнить иной масштабъ, нежели къ работамъ автора только-что начинающаго, ничѣмъ еще себя не заявившаго. Во-вторыхъ, въ предыдущихъ своихъ трудахъ А. С. Вязигинъ имѣлъ уже случай высказать наиболѣе интересныя и существенныя изъ своихъ выводовъ и наблюденій, но иногда—высказать лишь попутно, вскользь. Тѣмъ временемъ выходили въ свѣтъ упомянутые выше выдающіеся труды другихъ ученыхъ, и многіе изъ наблюденій и выводовъ г. Вязигина, къ которымъ онъ приходилъ совершенно самостоятельно, оказывались въ нихъ нерѣдко „предвосхищенными“...

II.

Книга А. С. Вязигина, о которой идетъ рѣчь въ настоящей статьѣ,—„Очерки изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ (Гильдебрандъ и папство до смерти Генриха III)“ — состоитъ изъ 6 главъ. I-я глава посвящена „Темной порѣ въ жизни Гильдебранда“,—его дѣтству и молодости до выступленія его на

историческое поприще при Іоаннѣ Граціанѣ (папѣ Григоріи VI); II-я глава говоритъ о „Начаткахъ реформъ и папствѣ при Григоріи VI“; III-я—о „Порѣ преобладанія Генриха III надъ папствомъ“, т.-е., о понтификатѣ императорскихъ ставленниковъ—Климента II и Дамаза II—и объ избраніи Льва IX; IV-я глава посвящена „Льву IX, его сотрудникамъ и программѣ“; въ V-й, самой большой, характеризуется „Преобразовательная дѣятельность Льва IX“, а послѣдняя (VI-я) глава изображаетъ „Положеніе апостольскаго престола въ послѣдніе годы Генриха III“; въ ней говорится объ избраніи Виктора II и дается общее заключеніе. Смертью императора Генриха III и папы Виктора II г. Вязигинъ заканчиваетъ свои „Очерки“.

Такимъ образомъ, эти „Очерки“ касаются исторіи папства лишь въ серединѣ XI в., т.-е. того момента, когда папство, при содѣйствіи самого же императорства, поднялось изъ глубокаго нравственнаго упадка, въ которомъ оно находилось передъ тѣмъ, и, ставъ во главѣ преобразовательнаго движенія, вступило въ борьбу преимущественно противъ симоніи и браковъ духовенства. По собственнымъ словамъ автора, онъ „отважился на попытку освѣтить наиболѣе темную пору дѣятельности Гильдебранда, показавъ, подъ какими вліяніями слагались его воззрѣнія и въ какой связи стояли они съ религіозными и общественными запросами его времени, такъ какъ лучшимъ отвѣтомъ на вопросъ о размѣрахъ вліянія того или другого историческаго дѣятеля и о степени его „оригинальности“ должно служить воспроизведеніе его среды“ („Предисловіе“, стр. VI). Итакъ, г. Вязигинъ „остановился на мысли разсмотрѣть превратности жизни Гильдебранда въ неразрывной связи съ судьбой папства“ при Генрихѣ III, когда, по его выраженію, „не только выяснились вѣщіе признаки грядущихъ столкновеній, но и явственно обнаружилось, на чью сторону должна была склониться побѣда, равно какъ сложился кругъ завѣтныхъ стремленій преобразователей и были выработаны средства для ихъ осуществленія“ (ibid.).

Планъ „Очерковъ“ А. С. Вязигина, намъ кажется, нельзя назвать вполнѣ удачнымъ: ему недостаетъ цѣльности и стройности. Автору не удалось устранить нѣкоторой двойственности

главной темы: на первомъ планѣ у него то Гильдебрандъ, то папство и преобразовательныя стремленія того времени. Цѣльности и стройности вредятъ также многочисленныя отступленія и экскурсы. Напр., уже I-я глава, начинающаяся безъ всякаго введенія—введеніе въ сущности находится въ началѣ II-й главы,—такъ сказать, ex abrupto, стоитъ какъ-бы особнякомъ, въ видѣ отдѣльнаго самостоятельнаго экскурса (въ „Жур. Мин. Нар. Просвѣщ.“, гдѣ печатались „Очерки“ г. Вязигина, она и составляла совершенно особую статью). О Гильдебрандѣ, которому она почти цѣликомъ посвящена, далѣе говорится лишь изрѣдка, а затѣмъ мы надолго теряемъ его изъ виду (до стр. 100 и слѣд.). О первомъ Римскомъ соборѣ при Львѣ IX, кажется, лучше было бы говорить тамъ, гдѣ рѣчь идетъ вообще о соборахъ временъ этого папы, т.-е. въ V главѣ, а не въ IV, и проч. Историческая перспектива въ „Очеркахъ“ А. С. Вязигина не соблюдена; существенное нерѣдко стоитъ наряду съ мелочами и деталями. Изложеніе мѣстами страдаетъ излишнею растянутостью и подробностью (см., напр., о Реймсскомъ соборѣ, въ особенности о дѣлѣ лангрскаго епископа, стр. 180 сл.). При другомъ, болѣе удачномъ, планѣ, при иной группировкѣ матеріала, многіе важные и интересные пункты въ книгѣ г. Вязигина получили бы болѣе яркое освѣщеніе.

Обращаемся къ вопросу: что отличаетъ „Очерки“ г. Вязигина отъ другихъ трудовъ, посвященныхъ исторіи той же эпохи? Иными словами: что въ нихъ *новаго* и *оригинальнаго?* При этомъ само собою разумѣется, что отъ изслѣдованія по средневѣковой исторіи нельзя требовать *новизны матеріала:* самостоятельное и новое здѣсь можетъ состоять лишь въ новомъ освѣщеніи и объясненіи фактовъ, въ воззрѣніи на нихъ, въ установленіи между ними связи и въ ихъ группировкѣ, въ аргументаціи и критическихъ пріемахъ, наконецъ—въ привлеченіи свидѣтельствъ и матеріаловъ, хотя и изданныхъ, но почему-либо упущенныхъ изъ виду предшествовавшими изслѣдователями, и т. п.

Съ этой точки зрѣнія мы и разсмотримъ „Очерки“ А. С. Вязигина.

III.

Основная мысль А. С. Вязигина здѣсь въ сущности та, что обычное воззрѣніе на роль и значеніе Гильдебранда въ исторіи „церковно-общественныхъ преобразованій“ на западѣ въ XI вѣкѣ невѣрно, что эта роль и значеніе не были такъ велики, какъ думали прежніе историки. По мнѣнію г. Вязигина, Гильдебрандъ вовсе не вызвалъ къ жизни тѣхъ воззрѣній, которыя приняты были за норму при Львѣ IX, а наоборотъ—самъ сложился подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ ихъ [1]). „Всѣ отличительные признаки преобразовательнаго движенія, выразителемъ котораго считается Григорій VII, обнаруживаются задолго до начала его исторической дѣятельности“; онъ не вноситъ „ничего новаго“, „ничего неслыханнаго“. „Нельзя настаивать и на „оригинальности“ Гильдебранда, какъ борца за дѣло преобразованій: еще въ ту пору, когда онъ не занималъ руководящаго положенія, папство вступило на путь принужденія, прибѣгнуло къ воздѣйствію на совѣсть мірянъ и стало искать опоры въ народѣ“... Не ему принадлежитъ заслуга первыхъ рѣшительныхъ шаговъ куріи на преобразовательномъ поприщѣ. Равнымъ образомъ, если ему и удалось впослѣдствіи поставить папство на значительную высоту, то это произошло не столько въ силу его необычайныхъ талантовъ, сколько въ силу господства опредѣленнаго міровоззрѣнія, съ паденіемъ котораго связано и измѣненіе въ положеніи папства. „Геніальный“ Гильдебрандъ является лишь сотрудникомъ Григорія VI, Льва IX и Виктора II. Авторъ готовъ признать за нимъ одно—„умѣніе пользоваться обстоятельствами для достиженія намѣченной цѣли и дѣлать изъ людей свои орудія“.

А. С. Вязигинъ называетъ Гильдебранда не „руководителемъ“, не „всесильнымъ министромъ“ Льва IX, а только *талантливымъ ученикомъ* его. Умаляя значеніе Гильдебранда при Львѣ IX, г. Вязигинъ выдвигаетъ на первый планъ другихъ сотрудниковъ папы—кардинала Фридриха (впослѣдствіи—папа

[1]) Излагая взгляды А. С. Вязигина, я стараюсь по возможности придерживаться его собственныхъ словъ.

Стефанъ IX) и въ особенности кардинала Гумберта: рядомъ съ ними Гильдебрандъ, говоритъ онъ, „попадаетъ въ тѣнь и и не можетъ разсчитывать на рѣшающій голосъ и особое вліяніе“. Гумбертъ — любимый совѣтникъ и спутникъ папы; „его воззрѣнія сдѣлались программой для цѣлой партіи, изъ рядовъ которой вышелъ и знаменитый Григорій VII“.

Подобный же взглядъ на роль Гильдебранда и Гумберта высказалъ Мартенсъ (въ 1894 г.); онъ находилъ, что потомство неправильно оцѣнило Гумберта, возвысивъ на его счетъ Гильдебранда („Gregor VII“, I, 17). Но Мартенсъ своего взгляда — по крайней мѣрѣ, относительно Гумберта — обстоятельно не развилъ; А. С. Вязигинъ же старается свое мнѣніе обосновать подробно. Притомъ, первенство тутъ принадлежитъ г. Вязигину: мысль о зависимомъ положеніи Гильдебранда при Львѣ IX и о вліяніи Гумберта—правда, при Николаѣ II—онъ высказалъ вкратцѣ еще въ 1893 г. (см. „Новое изслѣдованіе объ избраніи Григорія VII“, стр. 6), а знаменитый трактатъ кардинала Гумберта („Adversus simoniacos“) онъ подробно разсмотрѣлъ въ своихъ „Замѣткахъ по исторіи полемической литературы“ (въ „Запискахъ Имп. Харковск. Унив.“ за 1894 г., т.-е. одновременно съ Мирбтомъ).

Но устраняя вліяніе Гильдебранда и выдвигая Гумберта, А. С. Вязигинъ вмѣстѣ съ тѣмъ отстаиваетъ самостоятельность Льва IX, который, по его словамъ, относился осмотрительно къ различнымъ внушеніямъ. Колебанія папы г. Вязигинъ объясняетъ не слабостью и безхарактерностью его, а „стремленіемъ добиться истины и добросовѣстнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ представителей то тѣхъ, то иныхъ воззрѣній“. Уже Гаукъ (III, 601) въ краткихъ, но мѣткихъ словахъ охарактеризовалъ значеніе понтификата Льва въ исторіи папства: онъ сравниваетъ его съ значеніемъ понтификата Николая I. Еще далѣе идетъ г. Вязигинъ. По его словамъ, „Левъ открываетъ новую эпоху во всемірной исторіи“; „онъ—истинный творецъ союза папства съ разрозненными родниками преобразовательнаго теченія“. Авторъ сопоставляетъ стремленія и пріемы Льва IX и Григорія VII и находитъ между ними сходство: „приписываемое Григорію VII оказывается существующимъ при Львѣ IX и „оригинальныя черты“ перваго замѣчаются во второмъ“;

„Левъ предваряетъ Григорія“. Ему принадлежитъ большая заслуга: „онъ дѣйствовалъ при сравнительно неблагопріятной обстановкѣ, онъ клалъ первые камни на возобновленіе сильно пострадавшаго за годы безнарядья зданія величія папства, онъ опредѣлилъ планъ постройки и средства для ея выполненія“; онъ съумѣлъ образовать цѣлую „школу“, изъ которой вышли выдающіеся дѣятели и продолжатели его начинаній; въ числѣ ихъ—и Гильдебрандъ. И г. Вязигинъ старается подробно выяснить заслуги Льва: его личности и преобразовательной дѣятельности, его программѣ и соборамъ, которые такъ часто созывались при немъ и служили „сознательнымъ средствомъ для проведенія программы“, посвящено болѣе трети книги.

Въ исторіи „преобразовательной“ дѣятельности папъ въ XI вѣкѣ прежде часто придавали важное значеніе Клюньи (напр. Гфререр и Гизебрехтъ); въ Гильдебрандѣ видѣли осуществителя и проводника идеаловъ клюнійцевъ. Закуръ показалъ, что здѣсь такой тѣсной связи не было. Какъ и Закуръ, А. С. Вязигинъ отодвигаетъ Клюньи на задній планъ и подобно тому же Закуру, Лангену и Гауку, но гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе, указываетъ на вліяніе *каноновъ*. Каноническія предписанія, по его собственнымъ словамъ, „служили мѣриломъ должнаго для огромнаго большинства людей XI вѣка“, были какъ-бы „указкою“ и руководящею нитью для преобразователей. „Древніе обычаи“, „декреты св. отцевъ“, „св. каноны“ становятся боевымъ кличемъ для всѣхъ жаждущихъ преобразованій. „Не только общія и главныя цѣли преобразованій вытекаютъ изъ преклоненія передъ канонами“, говоритъ г. Вязигинъ,—„даже мелочи и частности разрѣшаются при помощи ихъ авторитета“. Авторъ старается подробно раскрыть связь между требованіями каноновъ и „преобразовательнымъ движеніемъ“ на Западѣ въ XI вѣкѣ.

Для уясненія особенностей этого движенія и той среды, въ которой вращался самъ Гильдебрандъ, г. Вязигинъ характеризуетъ руководящія воззрѣнія сборника Бурхарда Вормскаго (нач. XI столѣтія), при чемъ совершенно расходится съ Гаукомъ. По Гауку, сборникъ Бурхарда не представляетъ цѣльнаго правового воззрѣнія, онъ—зеркало тогдашнихъ фактическихъ отношеній: съ одной стороны Бурхардъ признаетъ, безъ

Тульская О-во Вз...

ограниченія, королевскія права по отношенію къ церкви; съ другой—церковь у него является самостоятельною корпораціею, съ избраніемъ епископовъ клиромъ и народомъ. По мнѣнію А. С. Вязигина, напротивъ — Бурхардъ вполнѣ раздѣляетъ идеалы, требовавшіе, чтобы духовное начало стояло выше свѣтскаго; онъ — противъ вторженія мірянъ въ церковныя дѣла. Бурхардъ, стоя на почвѣ декреталій, отдѣляетъ мірское отъ духовнаго и подчиняетъ мірянъ церковникамъ; онъ „сѣетъ сѣмена жатвы, собранной въ недалекомъ будущемъ папствомъ". Еще подробнѣе г. Вязигинъ останавливается (стр. 161—173) на сборникѣ каноническихъ постановленій, извѣстномъ подъ названіемъ „Diversorum sententiae patrum", который служилъ какъ-бы „краткимъ сводомъ существенныхъ постановленій каноновъ", какъ-бы „подручнымъ пособіемъ" и „руководящею программой", между прочимъ и для Льва IX. На этотъ сборникъ, до сихъ поръ остающійся въ рукописи, изслѣдователи мало обращали вниманія, а Фурнье, недавно подвергшій его обстоятельному изслѣдованію (въ Mélanges d'archéologie et d'histoire, за 1894), указывая источники, откуда заимствовалъ авторъ сборника свой матеріалъ, приводитъ лишь первыя и послѣднія слова каждаго постановленія, такъ что г. Вязигину приходилось самому разыскивать соотвѣтствующія мѣста въ Лжеисидоровыхъ декреталіяхъ. — А. С. Вязигинъ говоритъ (стр. 274—276) и о сборникахъ каноновъ, распространенныхъ во Франціи, именно о сборникѣ Аббона Флерійскаго и о письмахъ Фульберта Шартрскаго.

„Проводниками преклоненія передъ канонами" и идей реформы, по словамъ автора, были *школы*, и онъ останавливается на характеристикѣ Люттихской школы, имѣвшей во главѣ своей Wazo, или, какъ называетъ его г. Вязигинъ, Вазона, который стоялъ за избраніе папъ помимо свѣтской власти, теоріи императорскаго всемогущества и въ церковныхъ дѣлахъ противопоставлялъ ученіе о раздѣленіи властей, при чемъ свѣтскую власть ставилъ несравненно ниже духовной, и высказывалъ мысль о преимуществѣ святительскаго помазанія надъ царскимъ въ словахъ, обращенныхъ къ Генриху: „насколько жизнь превосходитъ смерть, настолько наше помазаніе выше вашего" (стр. 108).

Вообще, въ „преобразовательномъ движеніи“ на Западѣ въ XI вѣкѣ А. С. Вязигинъ видитъ не созданіе отдѣльной личности, *а выраженіе общаго настроенія, обусловленнаго особенностями средневѣковаго міросозерцанія*. Такимъ образомъ онъ выводитъ это движеніе изъ тогдашняго міросозерцанія. Въ разныхъ мѣстахъ своей книги авторъ характеризуетъ ту „идейную почву“, на которой выросли „церковно-общественныя преобразованія XI вѣка“. Подобно кн. Е. Н. Трубецкому, онъ говоритъ объ „идеѣ божьяго царства“, къ осуществленію которой стремились преобразователи и папство, но тогда какъ кн. Е. Н. Трубецкой необходимымъ признакомъ этого „божьяго царства“ считаетъ *„единство“*, г. Вязигинъ указываетъ еще и на другой признакъ—*„миръ“* (стр. 179).

Въ средневѣковомъ же міросозерцаніи, по мнѣнію А. С. Вязигина, коренится и причина послѣдующей борьбы папства съ императорствомъ и торжества перваго. Сила и быстрое распространеніе идеи превосходства духовной власти надъ свѣтскою, говоритъ онъ, „заключается въ ея родствѣ съ самыми основными чертами средневѣкового міровоззрѣнія“, съ его вѣрованіями въ цѣль и смыслъ земной жизни, съ его ученіемъ о безконечномъ превосходствѣ духа надъ плотью, а слѣдовательно и духовенства надъ мірянами, папства—надъ императорствомъ: „императорство должно было преклониться предъ святительствомъ, представителемъ высшаго начала“. „Крушеніе императорства обусловливается не личными недостатками отдѣльныхъ императоровъ, а общимъ положеніемъ дѣлъ: при господствѣ средневѣковыхъ феодальныхъ порядковъ и аскетическаго міросозерцанія императорство неизбѣжно было обречено на гибель и паденіе“. „По самой природѣ вещей императоръ не могъ быть носителемъ идеала святости и боговдохновенности, качествъ, необходимыхъ для главы земного божьяго царства. Вотъ почему императоръ, стремясь изъ органа теократіи сдѣлаться ея верховнымъ представителемъ, одною рукой уничтожаетъ созидаемое другою... Стремленіе императорства къ преобладанію не имѣло корней ни въ общемъ міросозерцаніи, ни въ современныхъ экономическихъ условіяхъ, не дававшихъ въ руки „высшихъ представителей свѣтской власти“ необходимыхъ средствъ для осуществленія ихъ притязаній“, и т. д.

Что касается тогдашняго выразителя средневѣкового міросозерцанія на императорскомъ престолѣ, Генриха III, то прежніе нѣмецкіе историки обыкновенно восхваляли его правленіе, какъ апогей могущества германской имперіи (напр. Гизебрехтъ). Лишь Зибель, сообразно своему общему взгляду на средневѣковое императорство, относился отрицательно и къ Генриху (см. его „Die deutsche Nation und das Kaiserreich", 1862). Изъ новѣйшихъ историковъ нѣсколько отрицательное отношеніе къ результатамъ правленія Генриха III проглядываетъ у Штейндорффа и у Мейера ф. Кнонау, но лишь *отчасти* (у перваго — въ концѣ его „Jahrbücher d. deutsch. Reiches unter Heinrich III", у второго—въ началѣ его „Jahrbücher d. deutsch. Reiches unter den Kaisern Heinrich IV u. Heinrich V"). Гораздо дальше въ этомъ направленіи, подробно развивая свой взглядъ, идетъ г. Вязигинъ. Онъ произноситъ суровый приговоръ надъ Генрихомъ. Его политику онъ называетъ то „своекорыстною", то „близорукою". Генриху, говоритъ онъ, чужда была идея „свѣтскаго" государства; онъ подготовилъ послѣдующія событія, имѣвшія всемірно-историческое значеніе. Онъ былъ далекъ отъ мысли о возможности столкновенія и борьбы съ папствомъ. Такимъ образомъ „крушеніе императорскаго идеала было подготовлено его же носителемъ и поборникомъ, Генрихомъ III". Благодаря его политикѣ „силы имперіи были надломлены еще задолго до рѣшительнаго столкновенія. Онъ завѣщалъ своему сыну притязанія, но не оставилъ средствъ для ихъ осуществленія... Генрихъ вырылъ ту яму, въ которую попалъ его сынъ".

Придавая *идеямъ* первенствующее значеніе въ исторіи „преобразовательнаго движенія" XI вѣка, г. Вязигинъ не игнорируетъ и *экономическихъ факторовъ*. Онъ самъ говоритъ въ „Предисловіи", что ему „казалось невозможнымъ объяснить все богатство и разнообразіе явленій исторической жизни исключительно могущественнымъ воздѣйствіемъ или міра „идей" или „экономическихъ условій", счесть ее созданіемъ только „геніальныхъ" личностей, или дѣломъ одной „среды". Всѣ эти факторы сказываются одновременно и ихъ взаимодѣйствіе объясняетъ историческій процессъ... „Церковно-общественныя преобразованія" носятъ отпечатокъ и идеальныхъ порывовъ вре-

мени и земныхъ разсчетовъ церковниковъ". И г. Вязигинъ отмѣчаетъ, что преобразователи становятся и на экономическую почву (стр. 80); что реформа была не только религіознымъ, но и экономическимъ дѣломъ (стр. 107); отмѣчаетъ, какъ соборы и папство оказывали матеріальную поддержку слабымъ и способствовали поднятію матеріальнаго благосостоянія (стр. 195). Онъ указываетъ на связь между успѣхомъ преобразованій и усиленіемъ средствъ куріи (стр. 137). А на стр. 25 и слѣдующей—если только мы правильно понимаемъ его мысль—авторъ даже готовъ развитіе самого средневѣкового міросозерцанія объяснять тѣми бѣдствіями и невзгодами, отъ которыхъ страдало тогдашнее общество!

Говоря о взглядахъ г. Вязигина и о характерныхъ чертахъ его книги, нельзя не коснуться также его *отношенія къ источникамъ* и тѣхъ принциповъ, которыхъ онъ придерживается при критической оцѣнкѣ свидѣтельствъ.

Въ наше время, вѣкъ скептицизма, господствуетъ преимущественно критика *отрицательная*, подрывающая довѣріе къ историческимъ свидѣтельствамъ, которымъ прежде нерѣдко вѣрили безусловно, впадающая часто въ крайность, въ *гиперкритику*. Достаточно вспомнить хотя бы о недавнихъ нападкахъ на Ѳукидида и Аристотеля, съ цѣлью доказать ихъ полную негодность, какъ источниковъ, — въ области греческой исторіи. Подобныя же попытки мы часто встрѣчаемъ и въ области изученія исторіи средневѣковой. А. С. Вязигинъ придерживается иныхъ взглядовъ и принциповъ: онъ стремится согласовать и оправдать извѣстія источниковъ, даже наиболѣе заподозрѣнныхъ въ своей достовѣрности. Вотъ какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ „Предисловіи": „Разрушающая критика уничтожаетъ „достовѣрность" одного средневѣкового писателя за другимъ, такъ что если принять всѣ ея заключенія, то у изслѣдователя не останется вовсе матеріала для возсозданія прошлаго. Стремленіе отыскивать противорѣчія и устранять совершенно извѣстія, стоящія одиноко, или принадлежащія позднѣйшимъ или „недостовѣрнымъ" писателямъ, заходитъ слишкомъ далеко: изолированный писатель, какъ современникъ, иногда очевидецъ и участникъ событія, зналъ все-таки несравненно больше подробностей, чѣмъ отдаленный вѣками авторъ

„программы“ или „дессертаціи“; позднѣйшій источникъ часто располагалъ погибшими для насъ данными; наконецъ, даже „лживыхъ дѣлъ мастеръ“ (подразумѣвается Bonitho, котораго такъ называетъ Мартенсъ) „долженъ примѣшивать ложь къ истинѣ, иначе не будетъ имѣть успѣха при достиженіи своихъ цѣлей. Очень часто легко объяснимыя неточности, обмолвки и различіе основныхъ точекъ зрѣнія и интересовъ подаютъ поводъ къ уничтожающимъ приговорамъ. *Мѣсто старанія создавать и увеличивать противорѣчія должно занять стремленіе къ ихъ уничтоженію и сглаживанію*, такъ какъ отъ прошлаго уцѣлѣло слишкомъ мало данныхъ, чтобы стремиться къ суживанію круга нашихъ свѣдѣній... *Мѣриломъ* пригодности того или другого свидѣтельства для меня служила не общая „достовѣрность“ средневѣковаго автора, но соотвѣтствіе даннаго извѣстія положенію дѣлъ, запросамъ и стремленіямъ времени, равно какъ міросозерцанію средневѣковья“ (стр. VII).

Такимъ образомъ критика г. Вязигина — критика, такъ сказать, *положительная*. Свои принципы и пріемы онъ примѣняетъ преимущественно къ Bonizo, или, какъ онъ предпочитаетъ его называть,—Бонитону (Bonitho). Епископъ сутрійскій Bonitho, современникъ Григорія VII, авторъ сочиненія подъ заглавіемъ „Liber ad amicum“, пользуется очень дурною славой, какъ историческій источникъ. Яффе, въ предисловіи къ своему изданію „Liber ad amicum“ во II-мъ томѣ „Bibliotheca rerum Germanicarum“, говоритъ о немъ, что не было историка лживѣе Бонитона (p. 586); Мартенсъ называетъ его „лживыхъ дѣлъ мастеромъ“; даже его защитникамъ, Гизебрехту и Saur'y (въ Forschungen z. deutschen Geschichte, т. VIII), только отчасти удалось смягчить суровый приговоръ, произнесенный надъ нимъ критикою. Г. Вязигинъ рѣшительно беретъ Бонитона подъ свою защиту и старается доказать достовѣрность или, по меньшей мѣрѣ, правдоподобіе большинства его извѣстій, при чемъ иногда называетъ его показанія „цѣнными“ и вообще старается подкрѣпить ихъ подробною аргументаціею, привлекая свидѣтельства другихъ памятниковъ. Можно сказать, что Бонитонъ служитъ г. Вязигину едва-ли не главнымъ источникомъ.

Укажемъ еще на нѣкоторыя детали, на выводы и замѣчанія автора болѣе частнаго характера.

Въ I главѣ своихъ „Очерковъ“ г. Вязигинъ между прочимъ развиваетъ ту мысль, что Гильдебрандъ еще въ дѣтствѣ отданъ былъ своими родителями въ монастырь, т.-е., что онъ принадлежалъ къ такъ называемымъ *„pueri oblati“*, которые въ силу родительскихъ обѣтовъ не имѣли уже права покинуть обитель. Этою гипотезою онъ примиряетъ нѣкоторыя противорѣчивыя показанія источниковъ и думаетъ окончательно рѣшить вопросъ, который поднятъ былъ Мартенсомъ (въ брошюрѣ: „War Gregor VII Mönch?“ [1891] и въ экскурсѣ ко II-му тому „Gregor VII“, стр. 251 сл.), былъ ли Григорій VII монахомъ? „Разъ Гильдебрандъ былъ puer oblatus“, говоритъ г. Вязигинъ, „то нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ его монашествѣ“. Въ ересяхъ первой половины XI вѣка на Западѣ г. Вязигинъ усматриваетъ доказательство существованія духовныхъ нуждъ общества, оставшихся неудовлетворенными. Онъ сопоставляетъ взгляды еретиковъ и ревнителей „преобразованія“, находя въ нихъ точки соприкосновенія: „ереси и церковныя преобразованія“, по его словамъ, „представляютъ собой родственныя проявленія одного и того же общественнаго броженія“. По мнѣнію автора, „личные недостатки Бенедикта IX не отражались на теченіи дѣлъ“ (которыми заправляли другія лица), такимъ образомъ даже „развратникъ-папа не является противникомъ церковныхъ преобразованій“ (стр. 16). Буллу, напечатанную у Mansi, XIX, 611 (Migne, 142 томъ, стр. 573 — 574) и вслѣдъ за Штейндорффомъ обыкновенно приписываемую Григорію VII, А. С. Вязигинъ на основаніи тщательнаго анализа ея содержанія относитъ ко времени Григорія VI и извлекаетъ изъ нея данныя для характеристики дѣятельности этого папы.— Спорный вопросъ о времени принятія Генрихомъ III сана патриція онъ рѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что Генрихъ принялъ этотъ санъ, какъ викарія или замѣстителя императора, до императорскаго коронованія, но полагаетъ, что послѣ этого коронованія онъ принялъ, сверхъ того, еще санъ патриція „городского“ (стр. 73 сл.), т.-е. г. Вязигинъ, подобно Heinemann'у („Der Patriciat der deutschen Könige“ 1888) [1],

[1]) *Heinemann*, по отношенію къ Генриху III, впрочемъ, не говоритъ о двоякомъ патриціатѣ.

признаетъ существованіе *двоякаго* патриціата (этого мы еще коснемся ниже). По мнѣнію А. С. Вязигина, Wazo въ своемъ письмѣ къ Генриху имѣлъ въ виду не Григорія VI и заступался не за него, какъ обыкновенно думаютъ, а за Бенедикта IX (стр. 95). — См. также нѣкоторыя подробности касательно Реймсскаго собора; взглядъ автора на избраніе и дѣятельность Виктора II, дѣятельность, показывающую „силу традиціи“ и „безсиліе личности измѣнить желѣзную логику событій“, ибо Викторъ II, по мнѣнію автора, пошелъ въ разрѣзъ съ прежними своими воззрѣніями, и проч.

IV.

Итакъ, въ „Очеркахъ“ А. С. Вязигина мы найдемъ немало новаго и оригинальнаго. Но, съ другой стороны, во всемъ этомъ немало и спорнаго, даже, можетъ быть, невѣрнаго. Во многихъ мѣстахъ бросаются въ глаза противорѣчія и натяжки, являющіяся результатомъ увлеченій автора.

Не будемъ касаться того, какъ понимаетъ А. С. Вязигинъ „преобразовательную“ дѣятельность папства въ XI вѣкѣ и насколько можно согласиться съ такимъ пониманіемъ [1]); мы остановимся подробнѣе главнымъ образомъ на двухъ пунктахъ, наиболѣе характерныхъ и, такъ сказать, основныхъ, которымъ онъ самъ, очевидно, придаетъ наибольшее значеніе, именно — *на его взглядъ на роль и значеніе Гильдебранда въ исторіи папства и церковно-общественныхъ преобразованій на Западѣ въ XI вѣкѣ и на его отношеніи къ источникамъ.*

Безспорно, въ заслугу А. С. Вязигину должно быть поставлено то, что онъ прекрасно выясняетъ, какъ „среда“ и тогдашнее настроеніе вліяли на развитіе воззрѣній Гильдебранда, какъ почва для дѣятельности Григорія VII была подготовлена его предшественниками и какъ ошибочно все приписывать ему одному. Но если прежніе историки нерѣдко уже слишкомъ преувеличивали вліяніе личности Гильдебранда, то г. Вязигинъ впадаетъ въ другую, противоположную крайность и вмѣстѣ въ противорѣчіе съ самимъ же собою, съ собствен-

[1]) Объ этомъ - въ рецензіи проф. *А. С. Лебедева* въ февральской книжкѣ *Рус. Вѣстн.* за 1899 г.

ными сужденіями и съ имъ же приводимыми фактами. Иногда онъ слишкомъ умаляетъ роль Гильдебранда.

Такъ, на стр. 244 А. С. Вязигинъ утверждаетъ, будто „*нѣтъ никакихъ слѣдовъ въ источникахъ* въ пользу того", чтобы вліяніе Гильдебранда при Львѣ IX „было значительнымъ". Въ доказательство онъ ссылается на то, что въ тогдашнихъ документахъ, грамотахъ и проч. не встрѣчается ни имени, ни подписи его. Но это въ данномъ случаѣ ничего не доказываетъ; отсутствіе имени и подписи Гильдебранда въ документахъ времени Льва IX вполнѣ понятно: высокаго *оффиціальнаго* положенія онъ тогда еще не занималъ; его вліяніе было чисто личное [1]). А что оно было „значительнымъ", объ этомъ говоритъ цѣлый рядъ свидѣтелей: Бонитонъ (источникъ, правда, сомнительный, общая тенденція котораго—возвеличить Гильдебранда, но которому такъ склоненъ вѣрить г. Вязигинъ), Брунонъ Сенійскій [2]), Павель Бернридскій [3]), Левъ Монтекассинскій [4]), Манегольдъ [5]), все современники или почти современники [6]) Гильдебранда, изъ которыхъ напр. Брунонъ Сенійскій лично зналъ его и у него черпалъ свѣдѣнія о Львѣ IX [7]). Они сообщаютъ факты, показывающіе, какъ велико было это вліяніе еще въ тотъ періодъ, которому посвящены „Очерки" А. С. Вязигина. Такъ, извѣстно, что Генрихъ III счелъ необходимымъ отправить Гильдебранда въ Германію вмѣстѣ съ низложеннымъ папой Григоріемъ VI [8]): онъ опасался оставить его въ Римѣ; очевидно, уже тогда молодой монахъ выдавался своимъ вліяніемъ, и его личность обращала на себя вниманіе. И въ ссылкѣ, при императорскомъ дворѣ, онъ дѣ-

---

[1]) Какъ это видно между прочимъ изъ свидѣтельства *Манегольда* (см. въ Libelli de lite imperat. et pontific. Roman., I. 326).

[2]) См. разсказъ объ избраніи Льва IX и его разговорѣ съ Гильдебрандомъ (*Watterich*, Pontif. Roman. vitae, I, 97).

[3]) *Watterich*, I, 478.

[4]) См. его разсказъ о посольствѣ Гильдебранда къ Генриху III, по смерти Льва IX, и объ избраніи Виктора II (*Watterich*, I, 183).

[5]) См. выше.

[6]) Изъ немного болѣе позднихъ можно указать на біографа папъ, *Петра Вильгельма* (*Duchesne*, Liber pontificalis, II, 275).

[7]) По его собственнымъ словамъ, l. c.

[8]) Ср. *Bonitho*, V, p. 630 (Jaffé), и *Beno* (въ Lib. de lite, II, 378).

лается вскорѣ „замѣтнымъ“, привлекаетъ къ себѣ вниманіе императора и его супруги [1]). Левъ IX беретъ его съ собою въ Римъ, и Гильдебрандъ становится близкимъ къ нему лицомъ и совѣтникомъ [2]). Умирающій Левъ, въ присутствіи всего клира и народа, передаетъ ему заботу о римской церкви [3]). По смерти Льва, въ Германію къ императору отправлено было посольство и во главѣ его Гильдебрандъ: римляне уполномачиваютъ его выбрать тамъ папу *по своему усмотрѣнію* [4]). Гильдебрандъ останавливаетъ свой выборъ на Гебгардѣ Эйхштедтскомъ. Императоръ не соглашается его отпустить; самъ Гебгардъ не желаетъ быть папой; но Гильдебрандъ преодолѣваетъ его сопротивленіе: въ концѣ концовъ они уступаютъ [5]). Онъ же выбираетъ и имя новому папѣ—Виктора II [6]). Нужно ли лучшаго доказательства вліянія Гильдебранда, чѣмъ весь этотъ эпизодъ избранія Виктора? его воля торжествуетъ надъ волею императора и самого избранника. Кромѣ того, Генрихъ взялъ съ Гильдебранда клятвенное обязательство ни самому не занимать папскаго престола, ни другому не позволять, безъ согласія императора и его сына [7]), новое доказательство того, какое значеніе имѣла личность Гильдебранда въ глазахъ Генриха. Есть извѣстіе [8]), что на созванномъ Викторомъ II Флорентійскомъ соборѣ мѣры противъ симоніи и „блудодѣяній“ духовенства были приняты по совѣту именно Гильдебранда.

Вотъ факты. И замѣчательно, что самъ А. С. Вязигинъ не отрицаетъ ихъ: онъ приводитъ ихъ въ своей книгѣ (стр. 61, 100, 242—3, 251 сл.), что̀ свидѣтельствуетъ, конечно, о его добросовѣстности, какъ историка, но вслѣдствіе чего онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою,—съ своею основною

---

[1]) См. у самого *А. С. Вязигина*, стр. 100.

[2]) См. указанныя раньше свидѣтельства.

[3]) *Bonitho*, V, p. 636.

[4]) „Ut.. de partibus illis, quem ipse tamen vice cleri populique Romani in Romanum pontificem elegisset, adduceret“ какъ говоритъ *Левъ Монтекассинскій*, II, 86 (*Watterich*, I, 183).

[5]) *Bonitho* V, p. 636; *Leo Casin.*, l. c.

[6]) По свидѣтельству *Льва Монтекассинскаго*, l. c.

[7]) *Benzo*, VII, 2; *Cod. Ud.*, № 48; ср. указаніе самого Григорія, Registrum, I, № 39, p. 57 (а не 37, какъ по ошибкѣ напечатано у А. С. Вязигина).

[8]) Принадлежащее *Bonitho* V, p. 637.

мыслью о незначительности роли Гильдебранда. Мало того, г. Вязигинъ не отвергаетъ и такихъ фактовъ, достовѣрность которыхъ подлежитъ сомнѣнію. Напр., онъ принимаетъ даже свидѣтельство Бонитона, по которому избранный императоромъ въ папы Брунонъ (Левъ IX) только послѣ встрѣчи съ Гильдебрандомъ въ Безансонѣ, подъ вліяніемъ его упрековъ и настояній, отказался отъ мысли предстать передъ избирателями въ Римѣ въ качествѣ императорскаго кандидата и, снявъ съ себя знаки папскаго достоинства, рѣшилъ идти къ гробницѣ апостоловъ въ одеждѣ простого пилигрима (мы этого коснемся еще ниже),—и другое сомнительное извѣстіе того же Бонитона объ отказѣ Генриха отъ „тиранніи патриціата“, по настоянію Гильдебранда, при избраніи Виктора II (стр. 255). Вообще, въ послѣдней главѣ „Очерковъ“, вплоть до заключительныхъ замѣчаній, г. Вязигинъ идетъ какъ-бы въ разрѣзъ съ проводимымъ имъ взглядомъ на роль Гильдебранда и уже готовъ признать за нимъ большое вліяніе. Такъ, онъ находитъ „въ высшей степени важнымъ“, что Гильдебрандъ исполнялъ обязанности канцлера за архіепископа кельнскаго: „Гильдебрандъ“, по собственнымъ словамъ автора, „оказывается сотрудникомъ избраннаго имъ „намѣстника апостоловъ“ и вводитъ его въ кругъ интересовъ куріи“ (стр. 265). Сказавъ о посольствѣ Гильдебранда въ Галлію, г. Вязигинъ замѣчаетъ: „изъ Галліи возвратился безстрашный и непреклонный борецъ, окруженный ореоломъ успѣха... Отнынѣ Гильдебрандъ, испытавшій свои силы на дѣлѣ и снова получившій, по своему убѣжденію, поддержку свыше, принимаетъ *самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ куріи и занимаетъ очень вліятельное положеніе*“ (стр. 281—2; ср. стр. 288). Послѣдующія событія и особенное участіе Гильдебранда въ замѣщеніяхъ папскаго престола г. Вязигинъ объясняетъ, впрочемъ, его обязанностями архидіакона: „лицо, занимающее такой важный и вліятельный постъ“, говоритъ онъ, „получало полную возможность высказывать свое вѣсское слово и играть видную роль въ опредѣленіи политики куріи“ (стр. 282). Но еще вопросъ, Гильдебрандъ имѣлъ вліяніе потому ли, что былъ архидіакономъ, или потому, что онъ былъ Гильдебрандъ.

Считаемъ, однако, нужнымъ оговориться: мы не думаемъ

оспаривать положеніе А. С. Вязигина, что Гильдебрандъ не былъ *единственнымъ*, *полномочнымъ* руководителемъ папской политики при Львѣ IX,—въ его „Очеркахъ“ это доказывается съ достаточною убѣдительностью и обстоятельностью. Мы возражаемъ только противъ тѣхъ крайностей, въ которыя увлекаетъ автора его стремленіе вообще ограничить роль и значеніе Гильдебранда въ исторіи папства, и указываемъ на встрѣчающіяся у него при этомъ противорѣчія.

Затѣмъ, необходимо имѣть въ виду, что и прежніе историки, за немногими, можетъ быть, исключеніями, вовсе не утверждали, будто вліяніе Гильдебранда было такъ ужъ велико еще при Львѣ; они полагали, что это вліяніе достигло своего апогея лишь позже, что настоящимъ руководителемъ папъ Гильдебрандъ становится лишь при Николаѣ II и Александрѣ II. И въ пользу такого мнѣнія имѣются неопровержимыя свидѣтельства. Можно, конечно, не придавать большого значенія словамъ такого источника, какъ Benzo,—этого яростнаго противника Григорія VII,—который называетъ Николая II „жалкимъ“ созданіемъ („idolum“) Гильдебранда [1]) и говоритъ, будто послѣдній „пасъ своего Николая въ латеранскомъ дворцѣ, словно осла въ стойлѣ“: „Pascebat suum Nicholaum Prandellus in Lateranensi palacio, quasi asinum in stabulo. Nullum erat opus Nicholaitae, nisi per verbum Sarabaitae“ (l. c.). Достаточно сослаться на свидѣтельство Петра Даміани, лица, близко стоявшаго какъ къ Гильдебранду, такъ и къ папскому престолу: Петръ Даміани пишетъ письма *общія* папѣ Александру и Гильдебранду; онъ испыталъ на себѣ самомъ могучее вліяніе личности послѣдняго и называетъ его въ этихъ письмахъ „*своимъ святымъ сатаной*“, „sanctum satanam meum“ [2]), а въ своихъ эпиграмахъ выражается относительно папы и Гильдебранда такъ:

[1]) „errexit alterum idolum... Postremo iure iurando ligavit illum miserrimum, quod nil ageret, nisi per eius iussionis verbum... Corrumpens igitur Prandellus Romanos multis pecuniis multisque periuriis, indixit synodum, ubi regali corona suum coronavit hydolum“ (M. G., XI, p. 672).

[2]) „Sanctum satanam meum humiliter obsecro, ut non adversum me tantopere saeviat, nec eius veneranda superbia tam longis me verberibus atterat, sed iamiam circa servum vel satiata mitescat“ (I, ep. 16, *Migne*, t. 144, p. 236).

Papam rite colo, sed te prostratus adoro:
Tu facis hunc dominum, te facit iste deum.
(*Migne*, t. 145, p. 967, epigr. 195),

или, играя словами:

Vivere vis Romae, clara depromito voce:
Plus *domino Papae*, quam *Domno* pareo *Papae*.
(Ibid., p. 461, epigr. 149)

Поэтому, если А. С. Вязигинъ хотѣлъ доказать несостоятельность господствующаго воззрѣнія на роль Гильдебранда при папахъ, его предшественникахъ, то для полной убѣдительности ему слѣдовало не останавливаться на смерти Виктора II, а пойти далѣе, коснуться понтификата Николая II и Александра II; иначе его положеніе о незначительности этой роли вообще остается недоказаннымъ.

Въ доказательство отсутствія „оригинальности" у Гильдебранда и неважности историческаго значенія его личности А. С. Вязигинъ указываетъ, какъ мы видѣли, на современную ему „среду", на воздѣйствовавшія на него вліянія, на общее настроеніе эпохи, на дѣятельность его предшественниковъ, многое подготовившихъ и намѣтившихъ и т. д. Но кто же утверждаетъ, что отдѣльная личность всемогуща?.. Отъ преклоненія предъ „героями", въ духѣ Карлейля, историки давно отрѣшились. Въ настоящее время стало общимъ мѣстомъ, что всякій историческій дѣятель, какъ бы великъ и „оригиналенъ" онъ ни былъ, находится въ извѣстной зависимости отъ „среды", нуждается для своей дѣятельности въ извѣстныхъ условіяхъ и подготовкѣ почвы, имѣетъ обыкновенно предшественниковъ; что личность должна быть поставлена въ связь съ ея эпохой. А то, что говоритъ г. Вязигинъ по отношенію къ Гильдебранду, mutatis mutandis можетъ быть сказано о каждомъ историческомъ дѣятелѣ, хотя бы, напр., о Лютерѣ, Бисмаркѣ и проч.: вѣдь и Лютеръ имѣлъ длинный рядъ предшественниковъ, многія изъ проповѣдуемыхъ имъ идей высказывались не разъ раньше его (стоитъ вспомнить Марсилія Падуанскаго, Виклифа, Гуса); объединеніе Германіи было подготовлено въ значительной мѣрѣ уже ко времени Бисмарка, самая идея не была новою; даже такой колоссъ, какъ Петръ Великій, ста-

ЛЬКОВСК. О-ВО ВЗАИМОПОМ

вится въ преемственную связь съ предшествующею ему эпохой. Но развѣ отсюда слѣдуетъ, что нужно отвергать важность ихъ исторической роли?

Такимъ образомъ, тутъ въ сущности все сводится уже къ вопросу о роли вообще личности въ исторіи...

Что касается Гильдебранда, то мы думаемъ, что въ исторіи папства и его борьбы съ императорствомъ ему принадлежитъ во всякомъ случаѣ великая роль. Въ тогдашнемъ преобразовательномъ движеніи на Западѣ, какъ это признаетъ и А. С. Вязигинъ, было нѣсколько теченій — болѣе крайнее и болѣе умѣренное, воинствующее и мирное: были идеалисты — клюнійцы; были сторонники тѣснаго союза съ свѣтскою властью, подобные Петру Даміани; были ни передъ чѣмъ не останавливающіеся ревнители. Гильдебрандъ является представителемъ направленія самаго крайняго, воинствующаго. Онъ—не только продуктъ тогдашней эпохи, но и могущественный факторъ: онъ самъ, въ свою очередь, вліяетъ на выработку крайней программы, содѣйствуетъ торжеству того, а не другого направленія, и намъ кажется, что разница между программами Льва IX и Григорія VII гораздо больше, чѣмъ допускаетъ г. Вязигинъ. Если послѣдующая борьба приняла такіе размѣры и характеръ, то это въ значительной мѣрѣ объясняется вліяніемъ личности Гильдебранда. Недаромъ, по словамъ одного средневѣкового памятника, Левъ IX говорилъ Гильдебранду: „Если когда-нибудь, Боже избави, вступишь на папскій престолъ, то весь міръ приведешь въ смятеніе“ („Anonym. Haserensis“, M. G., VII). Стремленія Гильдебранда, его пріемы и образъ дѣйствій вовсе не были ужъ такъ обыкновенны, не совпадали такъ съ общимъ настроеніемъ и съ политикой его предшественниковъ, какъ можно думать, судя по изложенію А. С. Вязигина; они далеко не встрѣчали единодушнаго сочувствія въ средѣ сторонниковъ преобразованій; напротивъ—Григорію VII и его преемникамъ приходилось бороться съ сильнѣйшею оппозиціею въ нѣдрахъ самой католической церкви.

Впрочемъ, г. Вязигинъ и здѣсь нечуждъ противорѣчій. Иногда онъ выражается такъ, какъ будто и самъ признаетъ великое историческое значеніе личности Гильдебранда. Напр.,

онъ говоритъ, что уже въ пору своего отрочества „Гильдебрандъ привлекалъ къ себѣ общее вниманіе“ (стр. 10), что еще до выступленія на историческое поприще онъ „чувствовалъ въ себѣ высокія силы небеснаго избранника“ и возбуждалъ къ себѣ „непріязнь и зависть“ (стр. 23). Онъ называетъ Гильдебранда „великимъ борцомъ за проведеніе церковно-общественныхъ преобразованій“ (стр. 24) и „великимъ папою“ (стр. 62), говоритъ о его „великомъ духѣ“ (стр. 128). „Дѣятельный, энергичный, не останавливающійся ни передъ чѣмъ для возстановленія попранной истины, Гильдебрандъ“, по его словамъ, „долженъ былъ внести свою долю въ планы новаго папы“ (Григорія VI) „и принять участіе въ ихъ осуществленіи“ (стр. 48). А на страницѣ 122 г. Вязигинъ прямо говоритъ, что „*его желѣзной настойчивости католическая церковь обязана упорною борьбою за безбрачіе духовенства*“. Намъ кажется, что подобные отзывы и замѣчанія стоятъ въ полномъ противорѣчіи съ общимъ отрицательнымъ взглядомъ автора на роль и значеніе Гильдебранда въ исторіи папства и церковно-общественныхъ реформъ XI вѣка.

V.

Съ методологическими пріемами автора и съ его отношеніемъ къ источникамъ, главнымъ образомъ—къ Бонитону, тоже едва-ли можно согласиться вполнѣ.

Мы не можемъ не сочувствовать замѣчаніямъ А. С. Вязигина, направленнымъ противъ увлеченія гиперкритизмомъ. Но по его мнѣнію, какъ мы видѣли, слѣдуетъ стремиться къ уничтоженію и сглаживанію противорѣчій, „*такъ какъ отъ прошлаго уцѣлѣло слишкомъ мало данныхъ*“ („Предисл.“, стр. VII). Спрашивается, должны ли мы дѣлать это *во что бы то ни стало*, потому только, что въ нашемъ распоряженіи и безъ того мало данныхъ? Слѣдуетъ ли дорожить данными *невѣрными*, примирять непримиримое? Мы полагаемъ, что должно дорожить всякою крупицею матеріала, но только такого, который *послѣ тщательной провѣрки* окажется *доброкачественнымъ*. Иначе это будетъ богатство лишь мнимое,

фальшивое, и лучше прямо сознаться въ невозможности прійти къ точному выводу, гдѣ для этого нѣтъ прочныхъ основаній, нежели строить его на данныхъ невѣрныхъ. Вѣдь цѣль изслѣдователя—достиженіе истины, и эта истина въ его глазахъ должна стоять выше богатства сомнительныхъ данныхъ.

Затѣмъ, конечно, не слѣдуетъ отвергать всѣ свидѣтельства какого-либо источника огульно, безъ разбора; но вполнѣ естественно, что разъ источникъ въ общемъ оказывается тенденціознымъ и сомнительнымъ по своей достовѣрности, мы должны относиться къ его свидѣтельству *осторожно* и, при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій, отдавать предпочтеніе тому источнику, общая достовѣрность коего менѣе сомнительна. Относиться же къ Бонитону съ осторожностью и даже съ недовѣріемъ не значитъ еще впадать въ „гиперкритику“ или относиться „придирчиво“. Бонитонъ—во многихъ отношеніяхъ интересный авторъ, излагаетъ живо и сообщаетъ немало любопытныхъ подробностей, но господствующій взглядъ на него основателенъ, и г. Вязигинъ, стараясь примирить показанія этого источника съ другими, пытается примирить иногда непримиримое. Для характеристики Бонитона, чтобы убѣдиться, насколько это ненадежный источникъ, достаточно напомнить слѣдующіе примѣры (ср. *Jaffé*, *Steindorff*, *Martens*, *Wattenbach*).

Онъ, бывшій самъ епископомъ сутрійскимъ, говоря о Сутрійскомъ синодѣ 1046 г., называетъ въ числѣ его участниковъ Поппона, патріарха аквилейскаго, и Брунона, епископа аугсбургскаго, изъ коихъ первый умеръ въ 1042 г., а второй—еще въ 1029 (см. *Steindorff*, I, 458; *Giesebrecht*, II, 665). О папѣ Григоріи VI (Іоаннѣ Граціанѣ) Бонитонъ отзывается какъ объ „идіотѣ“ и „человѣкѣ удивительной простоты“ („erat enim idiota et mirae simplicitatis vir“, p. 627, и „ut erat idiota“, p. 628), а черезъ двѣ-три страницы даетъ ему уже эпитетъ „venerabilis“ (p. 630). Положимъ, можетъ быть, это только стереотипное выраженіе въ духѣ и стилѣ того времени; но вотъ болѣе яркій — и нужно сознаться, удивительный — примѣръ: Бонитонъ увѣряетъ, будто нигдѣ не читалъ, что Карлъ Великій получилъ власть императора, „numquam enim eum imperiali legimus auctum fuisse potestate“, V, p. 630; а раньше, III, p. 615, самъ называетъ

Карла и Людовика Благочестиваго „императорами", „ex edictis Karoli et Ludoici imperatorum" (*Martens*).

Неудивительно поэтому, что о достовѣрности Бонитона были очень низкаго мнѣнія не только Мартенсъ, на котораго негодуетъ г. Вязигинъ, но и Яффе, Штейндорффъ и такой осторожный критикъ, какъ Ваттенбахъ. Во всякомъ случаѣ къ его сообщеніямъ нужно относиться съ большою осмотрительностью; между тѣмъ для А. С. Вязигина Бонитонъ—основной источникъ, которымъ онъ предпочтительно пользуется и который онъ желаетъ примирить съ другими во что бы то ни стало.

Остановимся на нѣкоторыхъ примѣрахъ.

Разсказъ Бонитона о самоосужденіи Григорія VI на Сутрійскомъ синодѣ вполнѣ вѣроятенъ: такой поступокъ папы психологически легко объяснимъ, какъ на это указываетъ и г. Вязигинъ; да и свидѣтельство Бонитона (V, p. 628), въ данномъ случаѣ находитъ себѣ подтвержденіе въ другихъ источникахъ—у *Льва Монтекассинскаго* и *Дезидерія* (Виктора III). Но нельзя признать убѣдительнымъ доводъ А. С. Вязигина, когда онъ, относительно дальнѣйшей судьбы антипапы Сильвестра склоняясь въ пользу свидѣтельства Бонитона, ссылается на бытность послѣдняго епископомъ сутрійскимъ, полагая, что онъ „могъ имѣть подъ рукою самые акты собора или слышать о его рѣшеніяхъ отъ современниковъ, очевидцевъ и участниковъ" (стр. 57): мы уже видѣли, что все это не помѣшало Бонитону, напр., назвать участниками собора лицъ давно умершихъ.

Въ подкрѣпленіе извѣстія Бонитона о пребываніи Гильдебранда въ Клюньи А. С. Вязигинъ собралъ много матеріала; его доводы отличаются подчасъ остроуміемъ, находчивостью и—по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ—убѣдительностью. Но мы не можетъ согласиться съ нимъ, что возраженіе Мартенса противъ достовѣрности этого извѣстія Бонитона—„пустыя и неосновательныя придирки" (стр. 116): Бонитонъ по поводу свиданія Гильдебранда въ Безансонѣ съ избраннымъ въ папы Львомъ говоритъ объ „аббатѣ клюнійскомъ", тогда какъ въ то время никакого аббата въ Клюньи не было (Одилонъ умеръ незадолго до того, не указавъ себѣ преемника,

а слѣдующій за нимъ аббатъ Гугонъ не былъ еще избранъ); г. Вязигинъ полагаетъ, что это—просто „неточное выраженіе“, „обмолвка“, и что съ такимъ же правомъ Мартенсъ могъ бы „накинуться“ и на Григорія VII, который говоритъ, что „вернулся въ Римъ съ папой Львомъ“, между тѣмъ какъ Брунонъ тогда могъ быть названъ, если требовать точности, лишь избраннымъ въ папы. Но здѣсь есть разница: Бонитонъ имени Гугона не называетъ, а говоритъ: „abbas Cluniacensis“ (V, p. 631); къ тому же Гугонъ, хотя и былъ великимъ пріоромъ, но въ аббаты еще не былъ избранъ, тогда какъ Брунонъ былъ уже избранъ въ папы. Во всякомъ случаѣ, неточность тутъ у Бонитона есть.

Затѣмъ, въ доказательство того, что Гильдебрандъ принадлежалъ къ клюнійцамъ, г. Вязигинъ приводитъ между прочимъ новый доводъ: онъ ссылается на письмо Григорія VII къ Джеральду Остійскому, Reg., I, № 6, p. 15, говоря, будто въ этомъ письмѣ папа называетъ *Гугона Клюнійскаго* „нашимъ собратомъ“. Но это явная ошибка: въ указанномъ письмѣ „нашимъ собратомъ“ названъ *не Гугонъ Клюнійскій*, а *Гугонъ Бѣлый*, извѣстный кардиналъ: „hunc confratrem nostrum, videlicet Ugonem Candidum“, сказано тутъ. Что касается извѣстія, будто Гильдебрандъ былъ пріоромъ въ Клюньи, то напрасно А. С. Вязигинъ о немъ упоминаетъ: доказательной силы оно не имѣетъ; оно принадлежитъ позднѣйшему источнику (Оттону Фрейзингенскому) и является результатомъ смѣшенія знаменитаго Гильдебранда съ другимъ лицомъ того же имени, бывшимъ пріоромъ въ Клюньи *въ началѣ X вѣка*.

Такимъ образомъ, пребываніе Гильдебранда въ Клюньи представляется намъ хотя и возможнымъ, но попрежнему недоказаннымъ.

Еще менѣе можно согласиться съ г. Вязигинымъ, когда онъ отстаиваетъ достовѣрность разсказа Бонитона о свиданіи избраннаго въ папы Брунона Тульскаго (Льва XI) съ Гильдебрандомъ въ *Безансонѣ*, на пути въ Римъ, а возраженія новѣйшей критики объясняетъ лишь стремленіемъ „отыскать противорѣчія даже тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, стремленіемъ, порожденнымъ предвзятымъ отношеніемъ къ пресловутой недостовѣрности Бонитона“ (стр. 124). Намъ кажется наоборотъ:

стремясь доказать, что между свидѣтельствомъ Бонитона и другими источниками въ данномъ случаѣ нѣтъ противорѣчій, г. Вязигинъ впадаетъ въ явныя натяжки и стремится согласить непримиримое. На самомъ дѣлѣ тутъ мы имѣемъ нѣсколько версій. По Бонитону, встрѣча и разговоръ Льва съ Гильдебрандомъ—по поводу неканоничности избранія перваго въ папы императоромъ, а не клиромъ и римскимъ народомъ,—происходитъ въ Безансонѣ; а по Брунону Сенійскому нѣчто подобное происходитъ въ Вормсѣ. По Бонитону, только послѣ разговора съ Гильдебрандомъ въ Безансонѣ, подъ вліяніемъ его упрековъ и совѣтовъ, Левъ снялъ съ себя знаки папскаго достоинства, облекся въ одежду пилигрима, надѣлъ суму и направился въ Римъ; по Брунону же Сенійскому и Виберту Тульскому Левъ еще въ Вормсѣ, уступая настояніямъ императора и общему желанію, согласился занять папскій престолъ *только съ тѣмъ условіемъ, если получитъ на то согласіе всего клира и римскаго народа;* по тому же Виберту въ одеждѣ пилигрима отправляется онъ въ Римъ *изъ Туля*. Разница очевидная [1]). Согласить эти свидѣтельства нельзя; вопросъ только въ томъ, какому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Тутъ колебаній быть не должно; свидѣтельства Виберта и Брунона Сенійскаго заслуживаютъ, разумѣется, большаго довѣрія, нежели свидѣтельство Бонитона: Вибертъ, біографъ Льва IX, былъ архидіакономъ тульской церкви при немъ, а Брунонъ Сенійскій, какъ мы видѣли, свои свѣдѣнія о Львѣ почерпнулъ изъ разсказовъ самого Григорія VII.

Правда, А. С. Вязигинъ, отвергая существованіе въ данномъ случаѣ противорѣчій, утверждаетъ, будто Вибертъ „не опредѣляетъ точно момента", „когда его герой надѣлъ одежду богомольца"; считаетъ „несомнѣннымъ", „что на Брунона въ присутствіи императора" (т.-е. въ Вормсѣ) „надѣли папское облаченіе"; мало того,—находитъ, что Брунонъ Сенійскій не только не противорѣчитъ, а „подкрѣпляетъ показаніе Бонитона": онъ будто бы „вовсе не утверждаетъ, что Левъ призвалъ къ себѣ Гильдебранда въ *Вормсѣ*"; наконецъ, по мнѣнію

[1]) Ту же версію, что и у Бонитона, встрѣчаемъ у *Бозона* (см. Liber pontif., p. 355); но Бозонъ излагаетъ по Бонитону.

А. С. Вязигина, „Бенонъ прямо говоритъ", что Гильдебрандъ „присоединился къ папѣ Льву не въ Вормсѣ, а во время путешествія въ Римѣ" (стр. 125—126). Но всѣ эти утвержденія не оправдываются прямымъ смысломъ словъ названныхъ источниковъ. Такъ, Вибертъ, сказавъ о посѣщеніи Туля Бруноном послѣ избранія его въ папы, продолжаетъ: *Inde* humilitate magistra, contra omnium Apostolicorum morem, *sumto peregrino habitu, Romanum arripuit iter*" (*Watterich*, I, 150). Только съ большою натяжкою слова эти могутъ быть истолкованы въ иномъ смыслѣ, чѣмъ въ томъ, что уже изъ Туля Брунонъ отправился въ одеждѣ пилигрима. Затѣмъ Ансельмъ Реймсскій, на котораго ссылается г. Вязигинъ въ доказательство „несомнѣнности" того, будто на Брунона въ присутствіи императора надѣли папское облаченіе, напротивъ, говоритъ, что знаки папскаго достоинства въ Вормсѣ были Брунону лишь „присуждены", „дарованы" („adiudicata"), возложить же ихъ на себя онъ долженъ былъ въ Римѣ: „unde Apostolicae dignitatis ei *adiudicata sunt* insignia, iussumque ab Augusto, ut *ad haec* secundum ecclesiasticas sanctiones *suscipienda Romana inviseret moenia*" (*Watterich*, I, 113), и далѣе: „Quo perveniens, cum favore totius populi honorabiliter excipitur, *Apostolicaeque dignitatis infulis insignitus*... in cathedra beati Petri inthronizatur" (ibid., p. 114) Да иначе бы его слова противорѣчили показанію Виберта о томъ, что Левъ согласился принять избраніе въ папы лишь условно. Что касается Брунона Сенійскаго, то дѣйствительно по поводу свиданія Льва съ Гильдебрандомъ Вормса онъ прямо не называетъ, но онъ говоритъ: „*ibi*" [1]), а какъ-разъ передъ тѣмъ разсказываетъ о Вормсскомъ сеймѣ (*Watterich*, I, 95—96), такъ что подъ ibi, очевидно, слѣдуетъ подразумѣвать Вормсъ или, по крайней мѣрѣ, его ближайшія окрестности (если, конечно, не прибѣгать къ натяжкамъ). Самый фактъ пребыванія Гильдебранда въ Вормсѣ или въ его окрестностяхъ весьма вѣроятенъ: по словамъ того же Брунона, Гильдебрандъ явился туда съ научною цѣлью („discendi causa"); самъ г. Вязигинъ отмѣчаетъ, что онъ долженъ

[1]) „Illis autem diebus erat ibi monachus quidam Romanus, Ildebrandus nomine"...

былъ интересоваться канонами, а Вормсъ, какъ извѣстно, славился какъ одинъ изъ центровъ изученія каноновъ (*Sackur*; вспомнимъ сборникъ Бурхарда Вормсскаго). Наконецъ, слова Бенона: „Brunoni igitur in itinere magna loquendo se subposuit“ (II, 9; Lib. de lite, II, 379), едва-ли значатъ, что Гильдебрандъ *присоединился* ко Льву во время пути; скорѣе, судя по контексту, смыслъ ихъ тотъ, что своими разговорами во время пути о важныхъ предметахъ Гильдебрандъ „поддѣлался“ къ Брунону (Льву), съумѣлъ расположить его къ себѣ. Недаромъ нѣсколько далѣе Бенонъ называетъ Гильдебранда „новымъ Протеемъ“ [1]).

Мы видѣли, что А. С. Вязигинъ принимаетъ также свидѣтельство Бонитона, будто Генрихъ III, подъ вліяніемъ убѣжденій Гильдебранда, по смерти Льва IX отказался отъ „тиранніи патриціата“, при чемъ авторъ, согласно своей теоріи „двоякаго патриціата“, къ которой мы сейчасъ вернемся, объясняетъ это извѣстіе Бонитона въ томъ смыслѣ, что Генрихъ III „сложилъ съ себя санъ городского патриція, съ которымъ связывалось право назначенія „папы“, тогда какъ къ Генриху IV перешли полномочія патриція, замѣстителя императора, имѣющаго право скрѣплять своимъ повелѣніемъ избраніе клира и народа“ (стр. 255). Но извѣстіе Бонитона довольно сомнительно, мало вѣроятно, не говоря уже о томъ, насколько основательно такое различеніе между патриціемъ городскимъ и патриціемъ, замѣстителемъ императора; поводомъ къ нему, кромѣ извѣстной тенденціи, могло послужить то обстоятельство, что послѣдующіе папы избирались помимо германскаго короля (*Langen*, стр. 488, прим.).

Отчасти то же стремленіе примирить и согласить показанія источниковъ, думается намъ, привело автора къ только-что упомянутой гипотезѣ его о *двоякомъ патриціатѣ*,—о двукратномъ принятіи Генрихомъ III сана патриція.

Тутъ прежде всего нужно устранить одно не совсѣмъ вѣрное утвержденіе г. Вязигина. Сказавъ, что по „цѣнному показанію

[1]) Замѣтимъ, что мы отрицаемъ лишь достовѣрность сообщенія Бонитона о свиданіи Льва съ Гильдебрандомъ въ *Безансонѣ*, но готовы допустить, что нѣчто подобное происходило въ Вормсѣ, согласно разсказу Брунона Сенійскаго.

Бенцона Генрихъ, уже выступая съ предложеніемъ избрать Климента, дѣйствовалъ въ качествѣ римскаго патриція", онъ продолжаетъ: „Лишь въ Annales Romani сохранилось указаніе, что этотъ санъ былъ принятъ *королемъ* Генрихомъ, слѣдовательно до возложенія на него императорскаго вѣнца, тогда какъ Левъ въ хроникѣ Монтекассинскаго монастыря не даетъ точнаго опредѣленія, когда римляне удѣлили Генриху почетное званіе патриція" (стр. 72). Но Левъ Монтекассинскій, *послѣ сообщенія объ избраніи Климента II*, говоритъ такъ: „Romani *tunc temporis* eidem Heinrico patriciatus honorem contribuunt, eumque *praeter imperialem coronam* aureo circulo uti decernunt". Изъ словъ: „praeter *imperialem* coronam", можно вывести заключеніе, что по мнѣнію Льва Монтекассинскаго санъ патриція былъ принятъ Генрихомъ уже *послѣ* императорскаго коронованія. Да и въ Annales Romani, хотя въ одномъ мѣстѣ Генрихъ дѣйствительно названъ *королемъ*, по поводу принятія имъ сана патриція („in potestate *regis* Heinrici"), но нѣсколькими строками раньше, именно въ началѣ разсказа о принятіи имъ этого сана онъ названъ *императоромъ* (sicut *imperatori* decreverant), и самое сообщеніе о патриціатѣ Генриха идетъ *послѣ* сообщенія объ избраніи Климента и объ императорскомъ коронованіи. Слѣдовательно, въ Annales Romani имѣются двѣ различныя версіи.

Вообще относительно времени принятія Генрихомъ сана патриція мы имѣемъ съ одной стороны показанія Бенцона и части Annales Romani, съ другой—показанія Льва Монтекассинскаго, Бонитона и другой части Annales Romani; по первой версіи Генрихъ короновался патриціемъ до императорскаго коронованія, по второй—послѣ этого коронованія. Казалось бы, что изъ этихъ двухъ версій слѣдуетъ выбрать одну, какъ болѣе достовѣрную или вѣроятную, и на ней остановиться. Вмѣсто этого А. С. Вязигинъ принимаетъ обѣ и полагаетъ, что Генрихъ двукратно принималъ санъ патриція—до императорскаго коронованія и послѣ него: первый разъ онъ принялъ этотъ санъ, какъ викарій или намѣстникъ императора, второй разъ—какъ „городской" патрицій.

Но это—своего рода „диттографія", и гипотеза автора о двоякомъ патриціатѣ не столько уясняетъ дѣло, сколько запу-

тываетъ. Недаромъ Heinemann [1]), вообще различающій двоякаго рода патриціатъ, не нашелъ однако возможнымъ говорить о двукратномъ принятіи этого сана Генрихомъ. Здѣсь возникаетъ рядъ вопросовъ и недоумѣній. Неясно, во-первыхъ, какая разница въ правахъ того и другого патриція? Въ изложеніи А. С. Вязигина она оказывается слишкомъ тонкою, можно сказать — неуловимою. А людямъ того времени, думается намъ, были чужды такія юридическія тонкости. Затѣмъ, если Генрихъ два раза вѣнчался патриціемъ, то спрашивается, какое различіе въ обрядѣ вѣнчанія и во внѣшнихъ знакахъ того и другого патриція? Г. Вязигинъ, говоря о провозглашеніи Генриха *городскимъ* патриціемъ, замѣчаетъ, что на него возложены были „знаки новаго сана“; онъ ссылается на Annales Romani, по словамъ которыхъ „Генрихъ былъ увѣнчанъ *золотымъ ободомъ*“. Но о такомъ же „золотомъ ободѣ“ говоритъ и Бенцонъ [2]), свидѣтельство котораго А. С. Вязигинъ пріурочиваетъ къ принятію Генрихомъ достоинства патриція, какъ *императорскаго намѣстника*. Вообще, изъ описанія вѣнчанія въ патриціи въ нашихъ источникахъ не видно, чтобы тутъ было какое-либо различіе. Наконецъ, говоря о Генрихѣ, *наши источники знаютъ только одинъ патриціатъ* [3]). Въ самыхъ грамотахъ, въ титулѣ Генриха нѣтъ никакого указанія на двоякій патриціатъ: „Patricius Romanorum“, такъ называется онъ въ одной римской грамотѣ [4]).

Доказывая, что до своего императорскаго коронованія Генрихъ III долженъ былъ принять санъ патриція, какъ замѣстителя императора, г. Вязигинъ ссылается на „крайнюю необходимость“ для него „занять правовое, освященное „стариннымъ обычаемъ“ и скрѣпленное примѣрами прошлаго положеніе по отношенію къ замѣщенію апостольскаго престола“ (стр. 73):

---

[1]) *Heinemann*, Der Patriciat der deutschen Könige. 1888.

[2]) Ср. An. Rom.—цитир. уже раньше слова („*circulum*... in capite posuit suo“), и *Benzo*: „*coronatur eiusdem praelaturae aureo circulo*“.

[3]) Если не видѣть намека на существованіе двоякаго патриціата въ сомнительныхъ словахъ Бонитона о „тиранніи патриціата“ и объ отказѣ отъ нея Генриха III при избраніи Виктора II. См. объ этомъ выше.

[4]) См. у *А. С. Вязигина* же, стр. 68—73, съ ссылкой на *Gregorovius*, Gesch. d. Stadt Rom im Mittelalter, IV, 64.

„чрезвычайныя обстоятельства требовали правовыхъ основъ для вмѣшательства Генриха“ въ это замѣщеніе (стр. 72). „Для германскаго короля далеко не было безразлично, кто возложитъ на него „діадему міра“, а потому онъ долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы достигнуть руководства избраніемъ римскаго первосвященника. Задача Генриха сводилась къ тому, чтобы не покидая почвы общепризнанныхъ каноническихъ постановленій, оставить за собой рѣшающій голосъ. Патриціатъ и далъ ему желанное право“ (стр. 73—74). Но, вѣдь, неимѣніе „правовыхъ основъ“ не воспрепятствовало же Генриху принять самое дѣятельное участіе въ Сутрійскомъ синодѣ и въ низложеніи прежнихъ папъ; безъ этихъ основъ, именно въ виду „чрезвычайности обстоятельствъ“, по всей вѣроятности, можно было обойтись и при замѣщеніи папскаго престола, тѣмъ болѣе, что *формально* Климентъ II былъ *выбранъ* [1]) клиромъ и народомъ, хотя *фактически* рѣшающимъ моментомъ была, конечно, воля Генриха.

Быть можетъ, гипотеза автора о двоякомъ патриціатѣ и не возбуждала бы столько сомнѣній и значительно выиграла бы въ своемъ правдоподобіи, если бы онъ развилъ ее подробнѣе и основательнѣе и лучше выяснилъ ту разницу, которую онъ усматриваетъ между патриціемъ городскимъ и патриціемъ, замѣстителемъ императора. Но онъ ограничился въ сущности лишь нѣкоторыми довольно сбивчивыми намеками и указаніями на этотъ счетъ. Зато А. С. Вязигинъ прекрасно объясняетъ, почему большинство нѣмецкихъ источниковъ обходитъ молчаніемъ принятіе Генрихомъ сана патриція, и выясняетъ значеніе патриціата *вообще*.

Что касается натяжекъ, то онѣ обнаруживаются не только тамъ, гдѣ авторъ старается оправдать или примирить показаніе Бонитона, но и въ толкованіи другихъ источниковъ. Напр. на второе письмо Петра Даміани къ Григорію VI (Migne, t. 144, p. 206—207) А. С. Вязигинъ ссылается два раза: сначала—на стр. 38 въ доказательство того, что Петръ Даміани и впослѣдствіи не считалъ этого папу „человѣкомъ запятнан-

[1]) Какъ объ этомъ говоритъ рядъ свидѣтельствъ. См. у *А. С. Вязигина*, стр. 75.

нымъ и недостойнымъ", а затѣмъ на стр. 54 онъ уже усматриваетъ въ немъ выраженіе „нѣкотораго разочарованія и недовѣрія къ Григорію VI". Но на самомъ дѣлѣ въ письмѣ этомъ нѣтъ и слѣда какого-либо „разочарованія" или „недовѣрія" къ папѣ: въ немъ выражается лишь грусть и скорбь при сознаніи того, что въ Италіи не находится лицъ, достойныхъ епископскаго сана, и мы склонны были бы предположить, что авторъ просто смѣшалъ по ошибкѣ *второе* письмо Петра Даміани съ *третьимъ*, адресованнымъ не Григорію VI, а Клименту II,—письмомъ, въ которомъ дѣйствительно явно проглядываютъ упреки и разочарованіе, — если бы онъ самъ не приводилъ изъ него обширной выдержки на стр. 91—92 своихъ „Очерковъ".

VI.

Мы не будемъ такъ подробно останавливаться на другихъ пунктахъ въ „Очеркахъ" А. С. Вязигина и ограничимся краткими замѣчаніями.

Такъ, 1) мѣстами авторъ, какъ намъ кажется, слишкомъ идеализируетъ папство. „Не на грубой силѣ", говоритъ онъ на стр. 238, „не на экономическихъ выгодахъ, а на чисто идейныхъ началахъ основываются его притязанія и ихъ признаніе коренится въ тайникахъ души средневѣковыхъ людей" — въ ихъ міросозерцаніи. Такимъ образомъ, дѣйствія папъ г. Вязигинъ выводитъ здѣсь изъ однихъ, такъ сказать, идеальныхъ побужденій, изъ сознанія долга, изъ стремленія осуществить идею „Божьяго царства". Мы менѣе, чѣмъ кто-либо, склонны отрицать могущественное вліяніе идей въ исторіи; но полагаемъ, что историческія явленія и дѣйствующіе въ исторіи мотивы слишкомъ сложны, чтобы выводить ихъ изъ одного начала. Объ этомъ прекрасно говоритъ самъ А. С. Вязигинъ въ своемъ „Предисловіи", признавая, что „церковно-общественныя преобразованія носятъ отпечатокъ и идеальныхъ порывовъ времени и земныхъ расчетовъ церковниковъ". Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги онъ, какъ мы видѣли, отмѣчаетъ вліяніе экономическихъ интересовъ, но онъ забываетъ отмѣ-

тить и такія чисто земныя побужденія, несомнѣнно руководившія папами, какъ напр. *властолюбіе*, въ свою очередь, разумѣется, обусловленное самою исторіею папства: сама сила вещей заставляла римскихъ епископовъ взять въ свои руки и свѣтскую власть, а разъ отвѣдавъ ея, они ужъ не могли, конечно, легко разстаться съ нею.

2) Для характеристики притязаній папъ слѣдовало бы подробнѣе коснуться распри съ греками и раздѣленія церквей.

3) Мы видѣли уже неразъ, что авторъ далекъ отъ „экономическаго матеріализма". Онъ прекрасно понимаетъ духъ средневѣковья, его міросозерцаніе, такъ сказать, психологію средневѣковаго человѣка. Но начало II-й главы, стр. 25—26, даетъ поводъ къ недоразумѣнію: можно думать, что здѣсь происхожденіе средневѣковаго міросозерцанія г. Вязигинъ склоненъ объяснять тѣми невзгодами и бѣдствіями, отъ которыхъ страдало тогдашнее общество; а такимъ объясненіемъ едва-ли можно удовлетвориться.

4) Для полноты „Очерковъ" автору слѣдовало болѣе подробно, а главное — болѣе систематично, охарактеризовать тогдашнюю публицистическую литературу и ея важнѣйшихъ представителей, такъ какъ, безъ сомнѣнія, она подобно канонамъ оказывала вліяніе на „преобразовательную" дѣятельность папъ. Оправданіемъ автору служитъ, впрочемъ, то обстоятельство, что исторіи полемической литературы XI вѣка имъ были посвящены особыя „замѣтки".

3) Сборники каноновъ, которымъ г. Вязигинъ придаетъ такое значеніе, являлись не только *факторомъ*, но въ свою очередь и *продуктомъ* „преобразовательнаго движенія"; они сами создавались подъ воздѣйствіемъ этого движенія, и едва ли ихъ воззрѣнія и тенденція отличались такою стройностью и цѣльностью: вѣрнѣе будетъ сказать, что въ этихъ сборникахъ былъ довольно разнообразный матеріалъ, изъ котораго можно было дѣлать и разнообразныя, иногда совершенно противоположные выводы (мимоходомъ это признаетъ и самъ авторъ на стр. 213 и 224).

6) Политика Генриха III по отношенію къ церкви едва ли была такъ исполнена противорѣчій, какъ характеризуетъ ее А. С. Вязигинъ.

7) По отношенію къ Мартенсу г. Вязигинъ слишкомъ ужъ строгъ и не совсѣмъ правъ: онъ отзывается о немъ съ явнымъ раздраженіемъ, употребляя даже такія фразы, которыя неумѣстны въ серьезномъ трудѣ. Напр., защищая Бонитона, г. Вязигинъ говоритъ, что изъ его обмолвки (по поводу Гугона Клюнійскаго, названнаго „аббатомъ“) „никакъ нельзя вывести цѣлый ворохъ обвиненій, предположеній, увѣреній и откровеній, какимъ угощаетъ Мартенсъ, увлеченный своею излюбленной, но вполнѣ неосновательной идеей“ (стр. 117), или на стр. 260: „Мартенсъ съ присущею ему развязностью замѣчаетъ“... Не такъ относятся къ Мартенсу такіе спеціалисты, какъ Закуръ и Мирбтъ [1]); его трудъ во всякомъ случаѣ имѣетъ и достоинства, и самъ г. Вязигинъ приходитъ къ тому же выводу, что̀ и Мартенсъ, по одному изъ основныхъ для него вопросовъ, именно относительно роли Гильдебранда и кардинала Гумберта.

Еще нѣсколько замѣчаній, касающихся деталей.

Авторъ приводитъ мнѣнія относительно года рожденія Гильдебранда и не останавливается ни на одномъ изъ нихъ; между тѣмъ на этотъ счетъ все-таки есть указанія въ источникахъ: такъ, напр., говоря о началѣ понтификата Льва (1049), Манегольдъ называетъ Гильдебранда „juvenis“, а Павелъ Бернридскій — „adolescens“, и слѣдовательно, едва-ли Гильдебрандъ родился значительно раньше 1020 г., хотя бы понятія, связанныя съ словомъ „juvenis“ и „adolescens“, были и очень растяжимы (ср. А. С. Вязигинъ, стр. 3—4).

Доказывая, что въ извѣстіи Павла Бернридскаго о странствованіяхъ Гильдебранда въ молодости подъ „Франціей“ слѣдуетъ понимать Прирейнскую Германію и что Гильдебрандъ уже тогда побывалъ при дворѣ нѣмецкаго короля, авторъ въ подтвержденіе этого ссылается между прочимъ на письмо Григорія VII къ сестрѣ Генриха IV, письмо, въ которомъ тотъ говоритъ о почетѣ и расположеніи, оказанныхъ ему ея отцомъ, императоромъ Генрихомъ III, и ея матерью Агнессою *съ того времени, какъ узнали его*, „ex quo me cognoverunt“ (*Regist.*, II,

[1]) См. рецензіи Мирбта въ „*Histor. Zeitschrift*“, 1892, N. F., XXXII, 455—7 (о книжкѣ Мартенса: „War Gregor VII Mönch?“) и ibid., 1895, N. F., XL, 116—119 (о „Gregor VII“).

№ 44, p. 157; ср. и къ Рудольфу Швабскому, I, № 19, p. 33). „Обыкновенно думаютъ", замѣчаетъ г. Вязигинъ, „что первая встрѣча могущественнаго императора и будущаго великаго противника его сына произошла въ Италіи при низложеніи Григорія VI, когда Генрихъ заставилъ Гильдебранда отправиться въ изгнаніе вмѣстѣ съ низложеннымъ папой. Но это мнѣніе стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ приведенными письмами папы: отправляемый въ ссылку Гильдебрандъ не могъ говорить о почетѣ и расположеніи съ момента знакомства. Стало быть, оно состоялось раньше" (стр. 21—22). Намъ кажется, выводъ слѣдуетъ сдѣлать иной, а именно: стало быть, оно состоялось позже этой ссылки. Ибо не менѣе странно было бы говорить о почетѣ и уваженіи, оказываемыхъ Гильдебранду *съ самаго момента знакомства* его съ Генрихомъ, если бы ссылка его произошла вообще *послѣ* этого знакомства. Легко можетъ быть, что когда Генрихъ отправлялъ Гильдебранда узникомъ въ Германію, онъ его лично не зналъ или зналъ мало; впослѣдствіи онъ его узналъ ближе, и съ того момента сталъ оказывать ему почетъ и расположеніе; слова Григорія: „ex quo me cognoverunt", какъ намъ кажется, на это и указываютъ. А что Гильдебрандъ, живя въ ссылкѣ, успѣлъ расположить къ себѣ императора и императрицу, этого не отвергаетъ и г. Вязигинъ (стр. 101). Есть даже мнѣніе, не лишенное вѣроятія, что Григорій имѣетъ въ виду еще болѣе поздній моментъ—когда онъ былъ посломъ отъ римлянъ при дворѣ императора послѣ смерти Льва IX [1]).

Г. Вязигинъ приписываетъ Бенедикту IX планъ—сдѣлаться родоначальникомъ династіи папъ (ст. 35). Въ источникахъ на это нѣтъ ни малѣйшаго указанія, а брачные замыслы Бенедикта въ нихъ объясняются иными мотивами.

На страницѣ 69—70, гдѣ авторъ касается трактата Петра Даміани: „Disceptatio synodalis", для читателя, незнакомаго съ этимъ трактатомъ, неясно, о какомъ „королевскомъ адвокатѣ" и „защитникѣ римской церкви" идетъ тутъ рѣчь; слѣдовало пояснить это хотя-бы въ двухъ-трехъ словахъ.

---

[1]) *Martens*, Die Besetzung d. päpstlich. Stuhls unter den Kaisern Heinrich III und Heinrich IV. 1887, стр. 20.

Авторъ склоненъ думать, что Климентъ II умеръ насильственною смертью (стр. 93). Но, какъ это видно изъ грамотъ и писемъ самого папы, болѣзнь его тянулась долго (см. *Langen*, стр. 443—4). Предположеніямъ и показаніямъ нашихъ источниковъ на этотъ счетъ нельзя особенно вѣрить: по свидѣтельству, напр., Бенона въ короткое время шесть папъ погибли отъ отравы!

Изъ изложенія г. Вязигина неясно, кто былъ библіотекаремъ при Львѣ IX? На страницѣ 47 онъ говоритъ: „Петръ же остается библіотекаремъ и при папѣ Львѣ“ до самой своей смерти; на страницѣ 155 оказывается, что преемникомъ Петра былъ, повидимому, Гумбертъ; но на страницѣ 159 читаемъ: „Послѣ смерти Петра библіотекаря Фридриху вскорѣ былъ порученъ отвѣтственный и важный постъ библіотекаря и канцлера св. римскаго престола“, и немного далѣе, на той-же страницѣ: „Удонъ“ (сопровождавшій своего воспитателя, Льва IX, въ Римъ) „занялъ вскорѣ важный постъ библіотекаря“.

VIII.

Таковы тѣ возраженія и замѣчанія, которыя вызываютъ „Очерки“ А. С. Вязигина. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ ихъ во многихъ отношеніяхъ выдающеюся книгою. Это—не компиляція, а трудъ, хотя и несвободный отъ промаховъ и увлеченій, но *вполнѣ самостоятельный*, основанный на тщательномъ изученіи первоисточниковъ. Насколько намъ извѣстно, въ новѣйшей литературѣ (если, конечно, не считать устарѣлаго сочиненія *Will'я*, Die Anfänge der Restauration der Kirche im XI Jahrh., 1859—1864, 2 т.) не было еще такой обстоятельной монографіи о преобразовательной дѣятельности папъ средины XI вѣка и о молодыхъ годахъ Гильдебранда, о воздѣйствовавшихъ на него вліяніяхъ: многія стороны и явленія въ исторіи той эпохи г. Вязигинъ попытался освѣтить съ небывалою еще полнотой, нерѣдко съ новой точки зрѣнія. Немудрено, если при этомъ онъ иногда и впадаетъ въ ошибки, поддается увлеченію. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ взгляды А. С. Вязигина совпадаютъ съ выводами другихъ новѣйшихъ изслѣ-

дователей, но у него эти взгляды, къ которымъ онъ приходитъ совершенно самостоятельно, или подробнѣе развиты и обоснованы (напр. о вліяніи каноновъ), или же высказаны имъ раньше, въ прежнихъ его работахъ (напр. относительно Гильдебранда и Гумберта), или же расходятся въ деталяхъ и освѣщеніи. Въ этомъ отношеніи стоитъ сравнить изложеніе исторіи Реймсскаго и другихъ соборовъ времени Льва IX въ „Очеркахъ“ А. С. Вязигина и въ извѣстной „Conciliengeschichte“ *Гефеле*, чтобы увидѣть разницу.

Но что составляетъ безспорное, неотъемлемое крупное достоинство книги г. Вязигина, это—удивительное знаніе источниковъ и новѣйшей литературы, обнаруживаемое авторомъ и въ ней такъ же ярко, какъ и въ прежнихъ его трудахъ. Въ области памятниковъ онъ полный хозяинъ. Лѣтописи и хроники, полемическія сочиненія, сборники каноновъ, монашескіе уставы, все это тщательно изучено А. С. Вязигинымъ. Онъ привлекаетъ неразъ свидѣтельства, на которыя раньше или совсѣмъ не обращали вниманія или обращали въ недостаточной мѣрѣ (напр.—монашескіе уставы и каноническіе сборники, или см. прим. 9 на стр. 7 и прим. 2 на стр. 105). Онъ принимаетъ въ соображеніе даже разночтенія (напр. стр. 108, прим. 3) или разныя редакціи (напр. запрещенія симоніи у *Героха*, стр. 81). Онъ относится къ тексту средневѣковыхъ авторовъ такъ, какъ филологи—къ тексту классиковъ. Отъ него не укрылось, что прежніе издатели обыкновенно опускали одну изъ главъ „Liber gratissimus“ Петра Даміани (стр. 83). Въ самомъ изложеніи г. Вязигина, въ его языкѣ, обнаруживается прекрасное знаніе источниковъ: онъ говоритъ, такъ сказать, ихъ языкомъ, употребляя, какъ-бы мимоходомъ, эпитеты и характерныя выраженія, прямо взятые изъ памятниковъ. Не менѣе хорошо знакомъ г. Вязигинъ и съ новою литературой, не только съ важнѣйшими трудами по исторіи изучаемой имъ эпохи, но и съ многочисленными спеціальными монографіями и диссертаціями, часто по своему содержанію имѣющими лишь самое отдаленное отношеніе къ его главной темѣ, даже съ тѣми, которыя вышли въ самое послѣднее время, такъ сказать въ моментъ печатанія его „Очерковъ“. Все это тѣмъ болѣе заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что А. С. Вя-

зигинъ работалъ въ провинціальномъ городѣ, съ небогатой научными пособіями библіотекой.

Наконецъ, самое изложеніе г. Вязигина съ внѣшней стороны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ неудачныхъ мѣстъ, страдающихъ излишнею растянутостью, въ общемъ—вполнѣ литературное, живое и легкое, мѣстами даже воодушевленное и образное. Тѣмъ непріятнѣе дѣйствуютъ немногія отдѣльныя фразы, направленныя противъ Мартенса и не соотвѣтствующія общему серьезному характеру книги: онѣ звучатъ рѣзкимъ диссонансомъ.

VI.

Реформаторъ XII вѣка [1]).

Dicebat, quae christianorum legi concordant plurimum,—et a vita quam plurimum dissonant.
Historia pontificalis, гл. 31.

I.

Немало надо времени, чтобы извѣстная идея проникла въ сознаніе общества и наконецъ осуществилась. Подготовка къ великимъ событіямъ длится иногда цѣлые вѣка, и у всякаго реформатора, имя котораго связано съ какимъ-либо важнымъ поворотомъ въ жизни человѣчества или отдѣльнаго народа, бываютъ предшественники. Своими воззрѣніями опережая современное имъ общество на нѣсколько десятковъ или сотенъ лѣтъ, становясь въ противорѣчіе съ господствующимъ строемъ и духомъ вѣка, люди эти не находятъ себѣ всеобщаго сочувствія, и ихъ постигаетъ обыкновенно печальная участь. Такъ, напр., только въ XVI ст. половина Западной Европы свергла съ себя папское иго и только въ 1870 г. положенъ конецъ свѣтской власти папъ; а между тѣмъ уже давнымъ давно, еще задолго до Лютера, находились лица, которыя открыто и рѣшительно возставали противъ этой власти и гибли большею частью на кострахъ. Къ такимъ личностямъ принадлежитъ

[1]) Въ Харьк. журн. „Вѣра и Разумъ“, 1884 (подъ заглав. „Папство и Арнольдъ Брешіанскій“). Ср. главн. образ. W. *Giesebrecht*, Arnold v. Brescia. München. 1873, и *Гаусратъ*, Средневѣковые реформаторы. Спб. 1900, т. I. (пер. съ нѣм.).

Арнольдъ Брешіанскій, одинъ изъ самыхъ раннихъ и наиболѣе замѣчательныхъ противниковъ папства, живший еще въ XII в. Желая возвратить церковь къ ея первоначальному назначенію и апостольской чистотѣ, этотъ смѣлый реформаторъ проповѣдывалъ противъ вмѣшательства духовенства въ мірскія, государственныя дѣла, настаивалъ на секуляризаціи церковныхъ имѣній и, воодушевленный идеей республиканской свободы, стремился къ упроченію въ Римѣ свѣтскаго правительства на началахъ свободы.

Интересно взглянуть на судьбу человѣка, который за семь съ лишкомъ вѣковъ до нашего времени мечталъ уже о томъ, что отчасти осуществилось лишь сравнительно недавно.

Дѣятельность Арнольда Брешіанскаго относится къ тому моменту, когда между папами и императорами, послѣ долгой борьбы за инвеституру, установилось, такъ сказать, перемиріе, и когда готовилась новая, еще болѣе ожесточенная борьба папства съ знаменитыми Гогенштауфенами, когда въ Италіи расцвѣла и созрѣла свобода ломбардскихъ городовъ и вновь ожили воспоминанія объ античномъ мірѣ, а во Франціи, тогдашнемъ центрѣ новаго умственнаго движенія, родинѣ Бернарда и Абеляра, началось процвѣтаніе схоластики, — и когда противъ господствовавшаго направленія римской церкви слышались уже тамъ и сямъ оппозиціонные голоса то отдѣльныхъ лицъ, то цѣлыхъ сектъ. Въ ученіи Арнольда Брешіанскаго мы замѣчаемъ два элемента — церковно-реформаторскій и политическій. А чтобы понять, какимъ образомъ въ XII в. на Западѣ могли сложиться убѣжденія, подобныя Арнольдовымъ, необходимо ближе всмотрѣться въ ту сферу идей, среди которой жилъ Арнольдъ, и главнымъ образомъ обратить вниманіе на тогдашнее положеніе католической церкви и папства.

II.

Прошло то время, когда въ Григоріи VII видѣли лишь простого честолюбца, руководившагося въ своихъ дѣйствіяхъ мелочнымъ эгоизмомъ и изъ одного только властолюбія желавшаго захватить въ свои руки господство надъ міромъ. Теперь

большинство изслѣдователей (даже изъ протестантовъ), не отрицая совершенно властолюбивыхъ замысловъ Гильдебранда, согласно однако въ томъ, что онъ—одинъ изъ величайшихъ реформаторовъ, а вовсе не рьяный реакціонеръ, хотя полное осуществленіе его идей, конечно, повергло бы Европу въ совершенный застой. А какъ дѣйствительно необходима была въ тѣ времена церковная реформа, видно даже изъ бѣглаго взгляда на тогдашнее положеніе католической церкви. До половины XI ст. церковь на Западѣ находилась въ большей или меньшей зависимости отъ свѣтской власти. Въ ней господствовало мірское направленіе. Безнравственность и пороки духовенства, симонія, безсовѣстный торгъ духовными должностями достигли крайней степени. На епископства и аббатства свѣтскіе владѣтели смотрѣли лишь какъ на доходныя мѣста для своихъ приверженцевъ и родственниковъ. Даже папскій престолъ сдѣлался достояніемъ могущественныхъ знатныхъ фамилій, напр. графовъ Тускуланскихъ. Для характеристики состоянія римской церкви въ ту эпоху достаточно сказать, что въ 1033 г., подъ именемъ Бенедикта IX, папой дѣлается *десятилѣтній мальчикъ* Ѳеофилактъ (изъ рода Тускуланскихъ графовъ) и, въ довершеніе всего, это чудовище безнравственности *продаетъ папскій престолъ по формальному договору за 1000 фунтовъ серебра* (въ 1045 г.)

Воодушевленный сознаніемъ высокаго назначенія духовной власти, Гильдебрандъ всецѣло проникнутъ былъ идеей *независимости* церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и папства. Эта мысль проходитъ чрезъ всѣ его дѣйствія, чрезъ всѣ его реформы: знаменитый декретъ 1059 г. долженъ былъ обезпечить на будущее время папскій престолъ за свободно избранными и достойными личностями; введеніе безбрачія духовенства, помимо воззрѣнія, что кто имѣетъ жену, тотъ недостоинъ совершать таинства, имѣло въ виду поставить духовныхъ лицъ въ болѣе независимое отъ свѣтской власти положеніе и обратить ихъ, не связанныхъ семейными узами, въ орудія, преданныя исключительно церкви и ея главѣ, папѣ; наконецъ, запрещеніе симоніи и инвеституры должно было довершить дѣло освобожденія церкви. Вся причина зла, по мнѣнію Гильдебранда, коренилась въ томъ, что церковь была слугою свѣтской власти; необходимо было

освободить ее отъ этой зависимости, а для этого, при неразрывной связи церкви и государства, характеризующей тѣ времена, единственнымъ средствомъ являлось возвысить церковь надъ государствомъ, папство надъ императорствомъ. Духъ времени, преобладаніе религіознаго элемента въ тогдашней жизни, казалось, обезпечивали побѣду за римскимъ престоломъ. И Гильдебрандъ, сдѣлавшись папой, открыто провозглашалъ превосходство духовной власти надъ свѣтской, открыто присвоивалъ себѣ право низлагать королей, разрѣшать подданныхъ ихъ отъ присяги и т. под. Увлеченный представленіемъ о высотѣ и святости назначенія церкви, онъ предъявлялъ притязанія на міровое господство.

Полное торжество идей Григорія VII повлекло бы за собой утвержденіе на Западѣ чисто восточной теократіи. Но безусловной побѣды папство никогда не могло достигнуть. Европѣ теократія этого рода оказалась несвойственною. Прежде всего вступилась за свои права свѣтская власть въ лицѣ германскихъ императоровъ. Началась борьба за инвеституру. Она была роковымъ слѣдствіемъ той тѣсной, неразрывной связи церкви и государства, на которой основывался тогдашній строй Западной Европы. За вопросомъ объ инвеститутѣ скрывался другой, болѣе важный: дѣло шло о существованіи *независимой* свѣтской власти.

Спрашивается, что принесли католической церкви преобразованія Григорія VII и новыя притязанія папства? Излечили ли они ее отъ прежнихъ недуговъ? — Нечего, конечно, говорить уже о томъ, что введеніе обязательнаго целибата нисколько не улучшило нравственности духовенства, а скорѣе вредно отозвалось на ней; а потому, не останавливаясь на этомъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ, характеризующихъ вообще тогдашнее состояніе римской церкви.

Сторонникъ папской власти, Іоаннъ Салисбюрійскій, однажды въ дружеской, откровенной бесѣдѣ съ папой Адріаномъ IV, передалъ ему, какое мнѣніе распространено было въ народѣ о римскомъ духовенствѣ: „Римская церковь, мать всѣхъ церквей, говорили многіе, относится къ другимъ не какъ мать, а какъ мачиха. Въ ней возсѣдаютъ книжники и фарисеи .. Они разоряютъ церкви, возбуждаютъ раздоры, ссорятъ духовенство съ

народомъ, вовсе не сочувствуютъ нуждамъ и бѣдствіямъ несчастныхъ, радуются, захватывая церковныя имущества, и всякое стяжаніе считаютъ дѣломъ благочестія; на судѣ рѣшаютъ они не столько по правдѣ, сколько за деньги... Да и власть папы для всѣхъ тяжела, почти невыносима"... А вотъ примѣръ, какъ вели себя папскіе уполномоченные. Въ 1151 г. папа Евгеній III отправилъ въ Германію въ качествѣ легатовъ двухъ кардиналовъ—Іордана и Октавіана [1]). Папа, между прочимъ, предписывалъ имъ соблюдать *умѣренность* (Іорданъ напр. не долженъ былъ имѣть при себѣ болѣе *15 лошадей*, а Октавіанъ—болѣе *20*) и быть сдержаннѣе въ поборахъ, чѣмъ были они во время своего посольства къ сицилійскому королю, „ибо тевтоны всегда болѣе всѣхъ строили козни римской церкви и изъ-за пичтожныхъ поводовъ часто притѣсняли ее". Но тщетны были всѣ убѣжденія и настоянія папы: по словамъ одного средневѣковаго писателя, Іорданъ и Октавіанъ, во всемъ несходные между собою, сходились однако въ одномъ — въ жадности и хищничествѣ; тотъ и другой „подъ овечьей шкурой скрывалъ въ себѣ волка"; своими же несогласіями и соперничествомъ они дѣлали римскую церковь всеобщимъ посмѣшищемъ. Наконецъ, эти „мучители людей, вымогатели денегъ", какъ называетъ ихъ тотъ же авторъ, вынуждены были покинуть Германію, „оставивъ послѣ себя ненависть и презрѣніе къ римской церкви". Такіе легаты являлись настоящимъ бичемъ для посѣщаемыхъ ими странъ, и неудивительно, если многіе жители старались посредствомъ выкупа избавиться отъ подобныхъ посѣщеній.

Рейхерсбергскій пробстъ Герохъ, человѣкъ религіозный, котораго никакъ нельзя заподозрѣть въ враждебномъ отношеніи ко всей католической церкви или въ склонности къ какой-либо ереси, скорбѣлъ о томъ, что „*церковь* римская" превратилась въ „*курію* римскую". И въ самомъ дѣлѣ, въ то время достояніемъ папства была абсолютная власть съ неизбѣжными ея недостатками и въ Римѣ сосредоточено было управленіе церквами всей западной Европы. Здѣсь рѣшались всевозможныя дѣла, иной разъ не имѣвшія никакого отношенія къ религіи.

[1]) Октавіанъ—впослѣдствіи антипапа Викторъ IV.

Папскій дворъ ничѣмъ въ сущности не отличался отъ двора какого-нибудь могущественнаго свѣтскаго властелина, и та симонія, съ которой такъ боролся Григорій VII, свила себѣ гнѣздо у самаго папскаго престола, скрываясь лишь подъ болѣе благовидными именами. Недаромъ же повсюду раздавались жалобы на несправедливость, корыстолюбіе и взяточничество римскаго двора, гдѣ приходится платить за каждый листокъ бумаги, за каждый почеркъ пера,—гдѣ продажность доходитъ до самыхъ гнусныхъ, чудовищныхъ размѣровъ, гдѣ бѣдняку не найти правосудія! Что подобныя жалобы были вполнѣ основательны, лучше всего показываютъ отзывы Бернарда Клервоскаго: въ письмахъ и трактатахъ знаменитаго аббата мы встрѣчаемъ немало указаній на безнравственность, роскошь и алчность современнаго ему духовенства. Но замѣчательнѣе всего тѣ предостереженія и укоры, съ которыми обращается Бернардъ къ самому римскому первосвященнику. Онъ говоритъ о томъ постыдномъ рабствѣ, на которое, подъ видомъ господства, обрекъ себя папа. Пусть папа, замѣчаетъ Бернардъ, не ссылается на слова апостола Павла, сказавшаго о себѣ, что онъ „поработилъ себя всѣмъ“ (Коринѳ., 1, 9, 19), ибо „развѣ къ Павлу стремились со всего свѣта честолюбцы, корыстолюбцы, симонисты, развратники и тому подобныя чудовища, чтобы, благодаря его апостольскому авторитету, получить или упрочить за собою почетныя мѣста въ церкви?“ — „Что можетъ быть хуже того рабства“, продолжаетъ Бернардъ, „что можетъ быть менѣе достойно папы, какъ то, что ты почти ежечасно занимаешься подобными дѣлами и ради подобныхъ лицъ? Гдѣ же, наконецъ, время для молитвы, для наставленія паствы, устроенія церкви, размышленія о божественномъ законѣ? Правда, въ папскомъ дворцѣ ежедневно провозглашаются законы, но то законы Юстиніана, а не Господа... Апостолъ Петръ, „замѣчаетъ также Бернардъ“, не являлся въ драгоцѣнныхъ камняхъ, въ шелку и золотѣ, возсѣдая на бѣломъ конѣ, сопровождаемый солдатами и окруженный шумною толпою слугъ. *Въ этомъ ты наслѣдовалъ не Петру, а Константину*“. Въ одномъ письмѣ къ Евгенію III Бернардъ восклицаетъ со скорбнымъ чувствомъ: „О если бы мнѣ до кончины своей увидѣть церковь Божію, какою она была въ старину, когда апостолы закидывали сѣть

не для ловли золота или серебра, а для ловли душъ"! Слова Клервоскаго аббата для насъ особенно важны: это говоритъ не врагъ, а опора римской церкви и папства, гроза еретиковъ, „пророкъ и оракулъ" своего времени. Чего же ожидать отъ людей, отличавшихся большею свободою мысли? Ясно, что тогдашнее положеніе католической церкви было далеко не удовлетворительное.

Итакъ, преобразованія въ григоріанскомъ духѣ, попытка возвысить церковь надъ государствомъ, нарушили мирныя отношенія между духовною и свѣтскою властью, а нравственнаго состоянія духовенства все-таки не улучшили. Да и какъ далеки были вообще идеалы Гильдебранда отъ идеала истинно-христіанской церкви! Понятно поэтому, что Григорій VII и его преемники должны были встрѣтить оппозицію не въ однихъ только представителяхъ свѣтской власти: послѣдняя находила себѣ союзниковъ въ средѣ самого же духовенства и вела борьбу при помощи не только матеріальной силы. Противоположность двухъ боровшихся началъ отразилась и въ литературѣ. Между сторонниками обѣихъ партій, папской и императорской, дѣло доходило до полемики, и тутъ противъ новыхъ, неслыханныхъ притязаній римскаго престола нерѣдко возвышаютъ свой голосъ люди глубоко вѣрующіе, преданные сыны католической церкви. Они указываютъ на противорѣчіе папскихъ стремленій съ Св. Писаніемъ, церковнымъ преданіемъ и обычаемъ; они напоминаютъ о евангельскихъ словахъ: „воздадите кесарево кесареви"; они никакъ не могутъ согласиться съ тѣмъ, что папамъ принадлежитъ право низлагать королей, разрѣшать подданныхъ отъ присяги и т. под.; въ своихъ доводахъ они ссылаются на примѣръ церкви временъ апостольскихъ.

Все это, конечно, возбуждало умы и вызывало критическое отношеніе къ господствовавшимъ церковнымъ порядкамъ на Западѣ. Самыя основы папскихъ притязаній подвергались строгой оцѣнкѣ. Невольно бросался въ глаза рѣзкій контрастъ между духовенствомъ, напр., XII в. и апостольскою церковью: съ одной стороны — богатство, могущество, притязанія на господство и въ сферѣ свѣтскихъ дѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ забвеніе своего прямого назначенія и пороки; съ другой — бѣдность, непритязательность и нравственная чистота. Естественно могло

явиться желаніе видѣть церковь такою, какою она была во время апостоловъ. (Единственнымъ, повидимому, средствомъ для этого было — отстранить церковь отъ вмѣшательства въ свѣтскія дѣла, ограничить ее одною духовно-религіозною сферою, лишить ее того матеріальнаго могущества, блеска и богатства, которыя какъ-бы приковывали ее къ земнымъ цѣлямъ и мѣшали ея настоящему назначенію.) Недаромъ же самъ папа Пасхалій II (въ нач. XII ст.), слабый, добродушный старикъ, думая рѣшить спорный вопросъ объ инвеституре, хотѣлъ заставить духовенство возвратить государству то, что̀ принадлежало послѣднему, т.-е. лены и регаліи, и прямо заявлялъ, что духовныя лица не должны быть обременены мірскими заботами. То же самое повторяютъ, но уже въ интересахъ государства, сторонники императорской власти.

Смѣлымъ выразителемъ этой же мысли, вполнѣ послѣдовательно проводившимъ ее, былъ и Арнольдъ Брешіанскій. Почва для его дѣятельности была уже подготовлена на сѣверѣ Италіи *патаріей*.

Въ Ломбардіи недовольство направленіемъ, господствовавшимъ тогда въ католической церкви, было уже сильно распространено и виновниками этой реакціи были отчасти сами папы. Въ то время, какъ римская церковь принялась за дѣло церковной реформы, на сѣверѣ Италіи, прежде всего въ Миланѣ, среди самого населенія происходило движеніе, также направленное противъ духовныхъ лицъ, запятнавшихъ себя порочною жизнью и симоніей. Недовольные, получившіе названіе *патренов*ъ, ставили въ примѣръ апостольскую церковь и требовали отъ духовенства нестяжанія, безбрачія и вообще чистоты нравовъ; при этомъ они утверждали, что симонисты и люди порочные недостойны даже совершать таинства. Чтобы доставить торжество проводимой ими реформѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы окончательно подчинить себѣ миланскую церковь, старавшуюся сохранить свою самостоятельность, папы покровительствовали возникшему движенію; именно у римскаго престола патарія и находила себѣ покровительство и защиту. Но вызывая для достиженія своихъ цѣлей броженіе въ массахъ, возстановляя народъ противъ епископовъ и священниковъ, виновныхъ въ симоніи, папы прибѣгали къ опасному средству, къ обоюдо-

острому оружію. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли было поручиться, что это движеніе останется въ предѣлахъ, предназначенныхъ ему папами? Вѣдь та симонія, та безнравственность духовенства, противъ которой возставала патарія, существовала въ римской церкви и послѣ Григорія VII, только подъ другими видами и именами; сами папы далеко не были безупречны. Понятно поэтому, что движеніе, разъ возбужденное, могло принять направленіе, враждебное всей вообще господствовавшей церкви и опасное для самого папства.

Движеніе, возникшее въ Миланѣ, а затѣмъ перешедшее и въ другіе города сѣверной Италіи, въ своемъ началѣ было чисто демократическое. Главы его, Аріальдъ, Ландульфъ, Эрлембальдъ—настоящіе демагоги, хотя они и происходили изъ рыцарскаго рода. Притомъ, патарія носила на себѣ отчасти національный отпечатокъ: вѣдь духовныя лица, запятнавшія себя симоніей, противъ которыхъ собственно и возставали патарены, были по большей части креатуры германскаго короля.

Итакъ, тѣ идеи относительно преобразованія католической церкви, проповѣдникомъ которыхъ выступилъ Арнольдъ, въ основѣ своей были уже извѣстны сѣверной Италіи. Намъ остается указать, при какихъ обстоятельствахъ могли сложиться республиканскія воззрѣнія Арнольда.

Въ разсматриваемую нами эпоху, особенно со времени крестовыхъ походовъ, въ сѣверно-итальянскихъ городахъ развилась торговля и городской классъ; благосостояніе ихъ достигло высокой степени; а борьба за инвеституру, борьба свѣтской и духовной власти, должна была отразиться благотворнымъ образомъ и на развитіи ихъ политической свободы: она подорвала могущество епископовъ, которымъ подчинено было до тѣхъ поръ большинство итальянскихъ городовъ, и значительно ослабила въ Италіи власть самихъ императоровъ; послѣднимъ, въ борьбѣ съ папами, было не до поддержанія императорскаго авторитета въ городахъ; напротивъ, уступками они думали склонить въ свою пользу горожанъ, обратить ихъ въ своихъ союзниковъ. А между тѣмъ вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія императоровъ, ихъ права въ Италіи приходили въ забвеніе, и городское населеніе все болѣе и болѣе привыкало къ самостоятельности и автономіи. Такимъ образомъ, въ борьбѣ за инвеституру ря-

домъ съ папскою и императорскою властью начинаетъ выступать новая сила — итальянскіе города. Въ то же время въ послѣднихъ уменьшается прежняя рознь и обособленность сословій, соединяющихся мало-по-малу въ одно цѣлое, и уже въ началѣ XII в. мы видимъ въ Ломбардіи городскія общины съ свободными республиканскими учрежденіями.

Примемъ все это во вниманіе и мы поймемъ, что на сѣверѣ Италіи были всѣ данныя, всѣ условія для развитія воззрѣній, подобныхъ Арнольдовымъ. Именно здѣсь, въ Ломбардіи, прежде всего могъ явиться республиканецъ-демагогъ, съ демократическими идеями, съ протестомъ противъ свѣтской власти папъ и противъ правъ духовенства владѣть собственностью.

III.

Приступая къ очерку дѣятельности Арнольда, мы должны замѣтить, что источники даютъ намъ очень мало извѣстій о немъ; притомъ и эти скудныя извѣстія не отличаются безпристрастіемъ: почти всѣ они принадлежатъ авторамъ, смотрѣвшимъ враждебно на реформатора. Понятно поэтому, что личность знаменитаго противника свѣтской власти папъ не можетъ предстать предъ нами въ цѣльномъ, живомъ образѣ, съ вполнѣ ясными и опредѣленными чертами.

Родиной Арнольда былъ одинъ изъ самыхъ свободолюбивыхъ городовъ сѣверной Италіи—Брешіа; отъ этого города онъ и получилъ свое прозваніе. Годъ его рожденія въ точности неизвѣстенъ: въ источникахъ нѣтъ на это указаній; думаютъ, что онъ родился въ началѣ XII ст., слѣдовательно, еще въ эпоху борьбы за инвеституру. О происхожденіи Арнольда источники также ничего не говорятъ [1]); видимъ мы его уже клирикомъ, именно „лекторомъ“ въ Брешіи. Еще въ молодости побывалъ онъ во Франціи и пользовался тамъ уроками знаменитаго Абеляра, съ которымъ потомъ пришлось ему снова встрѣтиться уже изгнанникомъ. Впрочемъ, относительно этого обстоятельства между изслѣдователями существуетъ разногласіе:

[1]) Если не считать свидѣтельства англичанина Вальтера Мапа, по которому Арнольдъ былъ знатнаго рода.

...ск. О-во Взаимо...

не всѣми признается тотъ фактъ, что Арнольдъ былъ ученикомъ Абеляра. Дѣло въ томъ, что изъ источниковъ одинъ только Оттонъ Фрейзингенскій и переложившій его въ стихи авторъ поэмы Liguriuus говорятъ объ этомъ, и нѣкоторые изслѣдователи, основываясь на словахъ знаменитаго Арнольдова современника и врага, Бернарда Клервоскаго, отвергаютъ достовѣрность Оттонова извѣстія [1]). Но врядъ-ли мы имѣемъ право относиться такъ къ свидѣтельству епископа Фрейзингенскаго: Бернардъ, во-первыхъ, легко могъ упустить изъ виду пребываніе Арнольда во Франціи съ научною цѣлью, такъ какъ его, по всей вѣроятности, мало интересовала прежняя судьба „схизматика“; съ другой стороны, слова Оттона, который самъ былъ во Франціи и занимался науками въ Парижѣ, должны имѣть для насъ особенное значеніе, а главное—тѣ выраженія въ Бернардовыхъ письмахъ, которыя собственно и служатъ опорой разбираемаго нами мнѣнія, слишкомъ неопредѣленны для того, чтобы, основываясь на нихъ, отвергать свидѣтельство Оттона Фрейзингенскаго: въ сущности въ нихъ нѣтъ ничего такого, что̀ явно противорѣчило бы извѣстію послѣдняго [2]). Наконецъ, тотъ фактъ, что Арнольдъ еще въ молодости былъ ученикомъ Абеляра, самъ по себѣ чрезвычайно правдоподобенъ. То были времена славы Абеляра; со всѣхъ сторонъ стекались къ нему слушатели; шли изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ. Было бы странно, если бы въ числѣ учениковъ знаменитаго философа не находился такой любознательный, подвижной и дѣятельный человѣкъ, какимъ былъ Арнольдъ, жившій притомъ недалеко отъ Франціи. Недаромъ же одна средневѣковая лѣтопись называетъ Арнольда магистромъ: вѣроятнѣе всего, что эта степень пріоб-

[1]) По ихъ мнѣнію, епископъ Фрейзингенскій по ошибкѣ отнесъ позднѣйшія тѣсныя сношенія Абеляра съ Арнольдомъ къ тому времени, когда послѣдній не былъ еще изгнанникомъ. Въ пользу такого предположенія говоритъ, повидимому, то обстоятельство, что Оттонъ, сообщая объ удаленіи Арнольда изъ Брешіи въ 1139 г., упоминаетъ о его пребываніи въ Цюрихѣ, но ни слова не говоритъ о вторичномъ посѣщеніи имъ Франціи, между тѣмъ какъ извѣстно, что Арнольдъ, изгнанный изъ Италіи, ушелъ именно во Францію и вмѣстѣ съ Абеляромъ былъ на Санскомъ соборѣ.

[2]) Вотъ подлинные слова Бернарда: „Sibilavit apis quae erat in Francia api de Italia, et venerunt in unum adversus Christum eius“ (письмо 189): „Execratus quippe a Petro apostolo, adhaeserat Petro Abailardo“.. (письмо 195).

рѣтена имъ во Франціи. Быть можетъ, впослѣдствіи изгнанникъ-Арнольдъ и направилъ путь свой во Францію, къ Абеляру, именно потому, что знакомство между ними завязалось еще раньше.

По возвращеніи Арнольда изъ Франціи, мы видимъ его въ санѣ священника; онъ дѣлается „регулярнымъ“ каноникомъ и затѣмъ „аббатомъ“, т.-е. пробстомъ [1]), въ Брешіи. Съ этихъ-то поръ начинается его проповѣдническая дѣятельность. Это былъ характеръ безпокойный. Онъ не останавливался на избитомъ, старомъ; напротивъ, его привлекало все новое и оригинальное, говоритъ одинъ современникъ. Человѣкъ даровитый, съ яснымъ, проницательнымъ умомъ, краснорѣчивый и ревностно занимавшійся изученіемъ Св. Писанія, Арнольдъ былъ безупречной жизни, высокой нравственности. Слово у него не противорѣчило дѣлу. Проповѣдуя презрѣніе къ мірскимъ благамъ, онъ самъ служилъ живымъ примѣромъ для другихъ; онъ истощалъ свою плоть постомъ, носилъ самую грубую одежду. Съ несокрушимымъ мужествомъ и пылкою смѣлостью онъ соединялъ беззавѣтную преданность своей идеѣ. Вотъ какимъ является Арнольдъ въ характеристикѣ своихъ же враговъ,—людей, видѣвшихъ въ немъ лишь дерзкаго и опаснаго схизматика, даже еретика!

Конечно, такой человѣкъ не могъ легко примириться съ тогдашнею дѣйствительностью, не могъ спокойно, хладнокровно смотрѣть на пороки и роскошь окружавшаго его духовенства. Вспомнимъ притомъ, что его дѣтство и юность относятся къ тому времени, когда шла еще борьба за инвеституру; легко понять, какъ должны были отозваться на пылкомъ юношѣ эти событія, эта борьба двухъ началъ. Затѣмъ принимается онъ за изученіе Св. Писанія и видитъ, какая разница между бѣдною апостольскою церковью и современною ему, богатою и могущественною, — между истинно-христіанскимъ идеаломъ и идеалами тогдашняго папства. Быть можетъ, кое-какія свѣдѣнія пріобрѣлъ онъ и по римскому праву, изученіе котораго тогда уже начало распространяться въ Ломбардіи; отсюда онъ могъ узнать, что нѣкогда отношенія церкви къ свѣтской власти были

[1]) Въ Италіи пробсты носили иногда титулъ аббатовъ.

совсѣмъ иныя. Бесѣды Абеляра, его смѣлый умъ, свободный взглядъ на религіозные вопросы, также не могли остаться безъ вліянія на ученика. И вотъ Арнольдъ выступаетъ со своею обличительною проповѣдью. Это былъ опасный врагъ тогдашняго порочнаго духовенства. Не довольствуясь какими-нибудь частными, поверхностными реформами, Арнольдъ хотѣлъ вырвать зло съ корнемъ. Его идеаломъ была апостольская церковь, съ ея бѣдностью и нравственною чистотою. Арнольдъ говорилъ: „духовныя лица не должны владѣть собственностью, епископы—регаліями, монахи—какими-либо имѣніями; всѣмъ этимъ могутъ пользоваться одни лишь міряне“; духовенству же слѣдуетъ довольствоваться десятиною и доброхотными приношеніями. Онъ утверждалъ, что запятнанная пороками церковь не есть домъ Божій, что порочные епископы въ сущности не епископы и т. под.

Вотъ главныя положенія Арнольда. Правда, Оттонъ Фрейзингенскій добавляетъ при этомъ, будто-бы Арнольдъ неправильно училъ еще о таинствѣ евхаристіи и крещеніи дѣтей; но дальнѣйшихъ подробностей объ этомъ мы не знаемъ, а нѣкоторыя обстоятельства, какъ увидимъ, заставляютъ думать, что Арнольдъ не былъ еретикомъ въ настоящемъ смыслѣ слова, что относительно догматовъ онъ сходился съ ученіемъ католической церкви [1]). Притомъ, и самъ Оттонъ Фрейзингенскій приводитъ упомянутое извѣстіе только какъ слухъ („dicitur“).

Проповѣдь Арнольда взволновала городъ. Его краснорѣчіе, пороки духовенства, недовольство господствовавшею церковью, все это дѣйствовало одно къ одному. Дѣло дошло до того, что когда брешіанскій епископъ Маинфредъ, пробывъ довольно долго въ Римѣ, захотѣлъ возвратиться, наконецъ, въ Брешію, то жители едва согласились принять его къ себѣ. Между тѣмъ молва объ Арнольдѣ распространялась, и уже въ 1139 г., на Латеранскомъ соборѣ, онъ былъ обвиненъ епископомъ Маинфредомъ и нѣкоторыми другими лицами предъ папой Иннокентіемъ II. Признанный виновнымъ, онъ былъ смѣщенъ съ должности и изгнанъ изъ Италіи, причемъ съ него взято клят-

[1]) Бернардъ, говоря объ Арнольдѣ, употребляетъ выраженіе: „врагъ креста Христова“; но врядъ-ли это выраженіе нужно понимать въ буквальномъ смыслѣ.

венное обѣщаніе не возвращаться на родину безъ позволенія папы. Этотъ приговоръ показываетъ, что Арнольдъ не былъ собственно уличенъ въ ереси; иначе съ нимъ не поступили бы такъ снисходительно и не удовольствовались бы однимъ удаленіемъ его изъ Италіи, такъ какъ еретикъ вездѣ былъ одинаково опасенъ для церкви. Повидимому, Арнольда удалили, какъ человѣка неудобнаго, безпокойнаго, отъ близкаго сосѣдства съ которымъ желали избавиться.

Изгнанникъ отправился во Францію. Страна эта была тогда средоточіемъ умственной жизни Европы: нигдѣ не было въ то время такого научнаго оживленія, какъ здѣсь. Средневѣковая схоластика возникла главнымъ образомъ на французской почвѣ. Люди, жаждавшіе знанія, отправлялись во Францію, въ Парижъ, чтобы послушать тамъ знаменитыхъ учителей. Среди послѣднихъ же самое видное мѣсто занималъ прежній наставникъ и другъ Арнольда—Абеляръ.

Кому не извѣстно имя Абеляра, знаменитаго мыслителя XII вѣка? Онъ является во главѣ умственнаго движенія, объявшаго въ то время Францію. Въ теченіе долгаго времени разумъ находился въ полномъ пренебреженіи; Абеляръ первый, чрезъ нѣсколько вѣковъ, открыто и рѣшительно заговорилъ о его правахъ. Онъ хотѣлъ не только *вѣрить*, но и *доказывать* правильность своего вѣрованія. Путемъ разума стремился онъ дойти до того, до чего другіе доходили путемъ вѣры. Онъ не высоко цѣнилъ ту вѣру, которая не основывалась на изслѣдованіи, не опиралась на доказательствахъ: такая вѣра, по его мнѣнію, не могла быть твердою. Абеляръ хотѣлъ согласовать древнюю философію съ христіанствомъ: послѣднее онъ ставилъ въ болѣе близкое отношеніе къ первой, чѣмъ къ іудейству. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій („Sic et non“) Абеляръ сопоставляетъ противорѣчивыя мнѣнія учителей церкви касательно различныхъ религіозныхъ вопросовъ и догматовъ съ цѣлью, какъ онъ самъ говоритъ, побудить читателя къ изслѣдованію истины. Сомнѣніе, по убѣжденію Абеляра, было необходимо для достиженія истины; извѣстны его слова: „путемъ сомнѣнія доходимъ мы до изслѣдованія, путемъ же изслѣдованія познаемъ мы истину“,—слова, очень смѣлыя для XII ст. Чтобы вѣрно оцѣнить смѣлость Абеляра, нужно вникнуть въ

тогдашнее міровоззрѣніе и представить себѣ господствовавшее слѣпое подчиненіе авторитету въ вопросахъ религіи.

Слава Абеляра была велика. Со всѣхъ концовъ Франціи, изъ Италіи, Нидерландовъ и Германіи, отовсюду стекались къ нему ученики. Онъ имѣлъ послѣдователей даже въ самомъ Римѣ, при папскомъ дворѣ. Мы привыкли говорить о варварствѣ и невѣжествѣ среднихъ вѣковъ; а между тѣмъ, какъ велика была въ тѣ времена жажда знанія, любовь къ наукѣ;— не говоря уже о томъ, что въ XIII ст. въ лучшихъ университетахъ Западной Европы бывало по десятку тысячъ студентовъ,—люди, желавшіе учиться, не останавливались ни передъ какими препятствіями, переносили терпѣливо всевозможныя неудобства, лишь-бы только послушать какого-либо знаменитаго учителя. Когда, напр., Абеляръ принужденъ былъ удалиться въ пустынную мѣстность Шампани, то ученики его послѣдовали за нимъ и туда. Тамъ построили они себѣ жалкіе шалаши; вмѣсто изысканной пищи, къ которой они привыкли, питались они полевыми травами и простымъ хлѣбомъ; вмѣсто мягкаго ложа служили имъ постели изъ соломы и тростника, а глыба земли замѣняла имъ столъ.

Раціонализмъ и скептицизмъ, подобный Абелярову, въ XII ст. былъ новостью; онъ противорѣчилъ всему тогдашнему складу религіозныхъ воззрѣній, и немудрено, если у знаменитаго философа и учителя были противники, готовые обвинить его въ ереси; къ этому побуждала ихъ не одна только низкая зависть, какъ думалъ Абеляръ. Во главѣ Абеляровыхъ враговъ стоялъ св. Бернардъ, одна изъ удивительныхъ личностей въ исторіи, характеризующая какъ нельзя лучше ту эпоху: простой аббатъ и въ то же время опора церкви, руководитель западно-европейскаго общества, человѣкъ, голосу котораго повинуются короли и папы! По свидѣтельству одного современника, Бернардъ былъ „нѣсколько легковѣренъ“ и питалъ отвращеніе къ тѣмъ ученымъ, которые полагались на разумъ человѣческій; если о такихъ людяхъ говорили, что они учатъ несогласно съ христіанскимъ ученіемъ, то аббатъ охотно слушалъ и вѣрилъ подобнымъ обвиненіямъ. Понятно поэтому, какъ долженъ былъ относиться онъ къ Абеляру. Бернарду казались опасными не столько мнѣнія Абеляра о Троицѣ, о субстанціи и сошествіи Св. Духа

и т. под., сколько общій духъ его ученія и методъ. Въ своихъ письмахъ по поводу „еретическихъ“ мнѣній знаменитаго философа Клервоскій аббатъ возстаетъ противъ новыхъ притязаній разума; неразъ указываетъ онъ съ негодованіемъ на непростительную дерзость, съ какою Абеляръ хочетъ постигнуть разумомъ непостижимое и таинственное, не останавливаясь ни передъ чѣмъ и преступая границы, положенныя отцами церкви. И у Абеляра не было болѣе опаснаго врага...

Арнольдъ Брешіанскій прибылъ во Францію, когда противъ Абеляра поднялась новая буря. Пылкій Арнольдъ со всею смѣлостью и воодушевленіемъ, свойственными ему, принялъ участіе въ открывшейся борьбѣ. Но на чью же сторону сталъ онъ?

Мы уже упоминали, какъ открыто указывалъ Бернардъ на недостатки современной ему церкви; ознакомимся теперь съ его воззрѣніями на папство, прежде чѣмъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ. Вотъ какими словами описываетъ Бернардъ величіе папы въ своемъ сочиненіи: „О размышленіи“, которое посвятилъ онъ своему ученику, Евгенію III: „Кто ты?“ обращается онъ къ папѣ, „ты—великій священникъ, верховный жрецъ, глава епископовъ, наслѣдникъ апостоловъ, ты первенствомъ Авель, правленіемъ Ной, патріаршествомъ Авраамъ, чиномъ Мельхиседекъ, достоинствомъ Ааронъ, авторитетомъ Моисей, судомъ Самуилъ, властью Петръ, помазаніемъ Христосъ. Ты тотъ, кому вручены ключи, кому ввѣрены овцы.... Ты единый пастырь не только овецъ, но и всѣхъ пастырей“.... Но Бернардъ вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ бы, чтобы папа возвысился надъ міромъ и его заботами; онъ желаетъ видѣть его на недосягаемой, идеальной высотѣ, и, предостерегая отъ увлеченія богатствомъ и могуществомъ, напоминаетъ о временахъ апостольскихъ. „Не надо гордиться высокимъ положеніемъ“, говоритъ Бернардъ; „для чего оно намъ дано? Не для господства, полагаю.... Знай, что тебѣ нужна лопата, а не скипетръ, чтобы исполнять обязанность пророка. Что получилъ ты отъ св. апостола?... Не золото и серебро, ибо самъ апостолъ говоритъ: „серебра и золота нѣтъ у меня“. На основаніи словъ Спасителя Бернардъ доказываетъ, что апостоламъ запрещено господство. „Осмѣлься только присвоить себѣ или апостольство въ качествѣ властелина, или владычество въ каче-

ствѣ преемника апостола! Отъ того или отъ другого ты долженъ отказаться; *если же захочешь имѣть то и другое, то потеряешь все!* Образъ апостольскій такой: владычество запрещается, предписывается служеніе"... О взаимномъ отношеніи духовной и свѣтской власти Бернардъ, обращаясь къ папѣ, говоритъ такимъ образомъ: „*Нѣтъ яда, нѣтъ меча болѣе для тебя страшнаго, какъ жажда власти!*... Зачѣмъ пытаешься ты присвоить себѣ мечъ, который тебѣ велѣно вложить въ ножны? Однако, кто отрицаетъ, что этотъ мечъ твой, тотъ не внимаетъ слову Господа, сказавшаго: „вложи мечъ свой въ ножны". Слѣдовательно, и этотъ мечъ твой, но онъ долженъ быть вынутъ изъ ноженъ, можетъ быть, съ твоего согласія, но не твоею рукою.... Итакъ, оба меча принадлежатъ церкви, и духовный, и матеріальный; но одинъ долженъ быть употребляемъ за церковь, другой — церковью, одинъ — рукою священнослужителя, другой — рукою воина, но съ согласія священника и по повелѣнію императора".

Припомнимъ сѣтованія Бернарда о мірскомъ направленіи церкви, и мы, не смотря на очевидное противорѣчіе, которымъ страдаетъ его теорія, найдемъ нѣкоторое сходство въ его воззрѣніяхъ съ воззрѣніями самого Арнольда. Но тѣмъ не менѣе, знаменитый аббатъ является непримиримымъ врагомъ послѣдняго. При всемъ видимомъ сходствѣ ихъ взглядовъ между ними была громадная разница: одинъ хотѣлъ *возвысить* церковь надъ міромъ на идеальную, недосягаемую высоту, какъ власть *господствующую*,—другой думалъ *лишить* ее всякаго свѣтскаго могущества и *ограничить* ее одною духовною областью. Такимъ образомъ, исходныя точки ихъ воззрѣній были совершенно различны и даже противоположны. Бернардъ, по вѣрному замѣчанію Вильгельма Гизебрехта [1]), исходилъ изъ идей Григорія VII, Арнольдъ же былъ рѣшительнымъ противникомъ ихъ. Притомъ, Бернардъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ радикализмомъ, съ тѣми республиканскими и демократическими стремленіями, которыми отличался Арнольдъ. Между ними, такимъ образомъ, не могло быть союза, а должна была быть вражда.

Иное дѣло Абеляръ. Арнольдъ былъ близокъ съ нимъ и

[1]) Geschichte der deutsch. Kaiserzeit, IV, 319.

прежде; теперь же между ними установились еще болѣе тѣсныя отношенія. Мы слишкомъ мало знакомы съ философскими воззрѣніями Арнольда, чтобы судить о сходствѣ ихъ съ идеями Абеляра. Да Арнольдъ по своимъ наклонностямъ и не былъ настоящій философъ; онъ былъ политическій дѣятель и реформаторъ; онъ жаждалъ практической дѣятельности. Но его и Абеляра сближала извѣстная доля раціонализма, свободное отношеніе къ авторитету и традиціи. Это были натуры, сходныя по духу, по направленію дѣятельности, и немудрено, если реформаторъ политическій и церковный сошелся съ реформаторомъ средневѣковой науки и философіи. Притомъ и у того, и у другого былъ общій врагъ — тогдашнее католическое духовенство. И вотъ, въ открывшейся борьбѣ Арнольдъ мужественно поддерживаетъ своего наставника и друга. Бернардъ въ своихъ письмахъ сравниваетъ Абеляра съ Голіаѳомъ, а Арнольда съ его оруженосцемъ: „выступаетъ Голіаѳъ", говоритъ онъ, „предшествуемый своимъ оруженосцемъ, Арнольдомъ Брешіанскимъ; они соединились противъ Господа и Помазанника Его" и т. д.

Споръ между Абеляромъ и Бернардомъ долженъ былъ рѣшиться на Санскомъ соборѣ въ 1140 г. Арнольдъ былъ также здѣсь. Такъ сошлись три знаменитыхъ дѣятеля XII вѣка. Собраніе было необыкновенно многочисленно и блестяще; самъ король, Людовикъ VII, присутствовалъ на немъ. Личности боровшихся противниковъ возбуждали общее вниманіе, и неудивительно: слава о нихъ была распространена по всей Западной Европѣ. Но это была борьба не только двухъ личностей, но и двухъ противоположныхъ направленій въ теологіи. Враги Абеляра взяли перевѣсъ; знаменитый діалектикъ не могъ даже защищаться [1]). Онъ аппеллировалъ къ папѣ: тамъ, въ Римѣ,

[1]) Такъ въ письмахъ Бернарда. Совсѣмъ иначе представляетъ дѣло Беренгарій, ученикъ Абеляра. По его словамъ, засѣданіе началось послѣ сытнаго обѣда. Въ то самое время, какъ прелаты занимались попойкой, читалось сочиненіе Абеляра. Вскорѣ сонъ сталъ одолѣвать пировавшихъ: кто дремалъ, опершись на ложе, а кто—склонивъ голову на колѣни. Наконецъ, когда къ членамъ собора обратились съ вопросомъ: „damnatis"? (осуждаете?), то одни сквозь сонъ вяло отвѣчали: „damnamus" (осуждаемъ), а другіе даже, пропуская первый слогъ, произносили: „namus" (что значитъ

...ЬЯВОВСК. О-ВО ВЗАИМО...

гдѣ было столько его учениковъ, онъ надѣялся встрѣтить болѣе безпристрастное, справедливое отношеніе къ себѣ. Но Бернардъ отъ имени епископовъ также обратился къ папѣ, Иннокентію II, съ просьбой о защитѣ церкви и, кромѣ того, написалъ цѣлый трактатъ въ обличеніе Абеляровыхъ заблужденій. Папа принялъ сторону Клервоскаго аббата. Въ оффиціальномъ письмѣ къ Бернарду и нѣкоторымъ прелатамъ онъ осуждаетъ *всѣ превратныя* ученія Абеляра и „налагаетъ на него молчаніе, какъ на еретика“, всѣхъ же защитниковъ и послѣдователей его подвергаетъ отлученію. Въ другомъ, секретномъ письмѣ, Иннокентій предписываетъ „заключить порознь въ монастырь Петра Абеляра и Арнольда Брешіанскаго, сочинителей превратнаго ученія,—людей, нападающихъ на католическую вѣру,—а *книги ихъ*, гдѣ только будутъ найдены, предать сожженію“ [1]).

Но предписаніе папы не было въ точности исполнено. Утомленный борьбою, сраженный несчастіями, шестидесятилѣтній Абеляръ удалился добровольно въ Клюньи, гдѣ и кончилъ жизнь свою въ 1142 г. Арнольдъ же попрежнему оставался во Франціи и смѣло продолжалъ борьбу съ тогдашними церковными порядками и порочнымъ духовенствомъ. Въ Парижѣ, на горѣ св. Женевьевы, объяснялъ онъ слушателямъ Св. Писаніе. Но здѣсь реформа церкви не была такою настоятельною потребностью, какъ напр. въ Италіи; положеніе французскаго духовенства было нѣсколько иное; по отношенію къ Франціи папство никогда не заходило такъ далеко въ своихъ притязаніяхъ, какъ напр. по отношенію къ Германіи; французская церковь отличалась до извѣстной степени національнымъ характеромъ. Притомъ, самое ученіе Арнольда, по выраженію одного современника, хотя *„согласовалось какъ нельзя болѣе съ Евангеліемъ*, однако стояло въ рѣзкомъ противорѣчіи

„плаваемъ“). „Такъ“, заключаетъ Беренгарій свой разсказъ (очевидно преувеличенный),—„тотъ человѣкъ, который вдѣлъ денно и нощно въ законѣ Божіемъ, теперь былъ осужденъ жрецами Вахуса“.

[1]) Папа говоритъ: „ихъ книги“ (libri eorum); слѣдовательно, надо понимать книги не только Абеляра, но и Арнольда. А между тѣмъ, за исключеніемъ этого выраженія, нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намека на то, что Арнольдъ что-либо писалъ. В. Гизебрехтъ („Arnold von Brescia“, стр. 34) предполагаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о запискахъ Арнольдовыхъ слушателей.

съ жизнью". Отсюда понятно, почему Арнольдовыми учениками были лишь бѣдняки, открыто просившіе милостыню и этимъ питавшіеся вмѣстѣ со своимъ наставникомъ. Но Арнольдъ не унывалъ. Въ своихъ горячихъ обличительныхъ проповѣдяхъ онъ не щадилъ епископовъ. Онъ нападалъ на нихъ за скупость, гнусное корыстолюбіе и въ особенности за порочную жизнь; онъ упрекалъ ихъ въ томъ, что они кровью обагряютъ церковь Божію. Арнольдъ не останавливался предъ нападеніями на самого Бернарда Клервоскаго; онъ изобличалъ его въ погонѣ за суетною славой и въ зависти ко всѣмъ тѣмъ, кто, не бывши его ученикомъ, пріобрѣталъ себѣ громкое имя въ наукѣ или въ дѣлахъ вѣры.

Но уличать всесильнаго аббата было небезопасно. Бернардъ добился, наконецъ, того, что король Людовикъ изгналъ Арнольда изъ предѣловъ Франціи. Изгнанникъ нашелъ себѣ убѣжище въ Цюрихѣ и здѣсь, по своему обыкновенію, принялся проповѣдывать и учить. Но Бернардъ и тутъ не упускалъ изъ виду своего врага. Онъ обратился съ письмомъ къ епископу констанцскому, къ округу котораго принадлежалъ Цюрихъ. Въ этомъ письмѣ Бернардъ говоритъ: „Если бы зналъ хозяинъ, когда придетъ воръ, то бодрствовалъ бы и не допустилъ бы подкопать домъ свой. Знаете ли вы, что воръ ночью вторгнулся въ домъ,—не въ вашъ, а въ домъ Господа, *вамъ* однако ввѣренный? Но не можетъ быть сомнѣнія,—вы знаете, что происходитъ у васъ, если слухъ объ этомъ дошелъ даже до насъ... Вы, быть можетъ, еще недоумѣваете и удивляетесь, о комъ я говорю? Я говорю объ Арнольдѣ Брешіанскомъ. О, если бы его ученіе было такъ правильно, какъ строга жизнь его! Человѣкъ этотъ ни ѣстъ, ни пьетъ; подобно дьяволу, алчетъ и жаждетъ онъ лишь крови душевной... Гдѣ только до сихъ поръ онъ ни жилъ, всюду оставлялъ по себѣ столь отвратительные слѣды, что гдѣ лишь разъ ступилъ онъ ногой, туда ужъ не посмѣетъ возвратиться. Онъ взволновалъ и привелъ въ смятеніе ту страну, гдѣ родился. Обвиненный поэтому предъ папой въ самой вредной схизмѣ, онъ былъ изгнанъ изъ родной земли и принужденъ дать клятву, что не возвратится безъ разрѣшенія папы. По подобному же поводу этотъ замѣчательный схизматикъ выгнанъ и изъ Французскаго королевства. Ибо, предан-

ный проклятію Петромъ апостоломъ, онъ примкнулъ къ Петру Абеляру, всѣ заблужденія котораго, уже изобличенныя и осужденныя церковью, онъ вмѣстѣ съ нимъ и за него пытался мужественно и упорно защищать... И теперь, какъ мы слышали, онъ у васъ работаетъ надъ несправедливымъ дѣломъ и пожираетъ народъ вашъ, какъ пищу хлѣбную .. Это врагъ креста Христова, сѣятель раздора, творецъ схизмъ, нарушитель мира, раздѣлитель единства... Льстивыми рѣчами и наружнымъ видомъ добродѣтели онъ обыкновенно привлекаетъ къ себѣ богатыхъ и могущественныхъ лицъ, а потомъ, когда онъ убѣдится въ ихъ дружбѣ и благосклонности, вы увидите, какъ этотъ человѣкъ открыто возстанетъ противъ духовенства, съ помощью военной тиранніи возстанетъ противъ самихъ епископовъ и будетъ неистово преслѣдовать все вообще духовное сословіе". Въ заключеніе Бернардъ совѣтуетъ не изгонять Арнольда, чтобы этимъ не увеличить еще болѣе зла, а заключить его въ оковы и подвергнуть заточенію. Онъ замѣчаетъ, что самъ папа предписывалъ такъ поступить съ Арнольдомъ, когда тотъ былъ еще во Франціи, но никого не нашлось, кто бы совершилъ это „благое дѣло".

Но, вѣроятно, письмо Бернарда не особенно подѣйствовало. По крайней мѣрѣ, послѣ этого мы видимъ Арнольда подъ покровительствомъ самого папскаго легата Гвидо. Послѣдній обращался съ изгнанникомъ, какъ съ другомъ, — новое подтвержденіе того, что Арнольдъ въ сущности не былъ еретикомъ, иначе папскій легатъ едва-ли бы рѣшился принять въ немъ такое участіе. Тогда Бернардъ обращается съ письмомъ къ Гвидо: „Арнольдъ Брешіанскій, рѣчь котораго медъ, а ученье ядъ,—у котораго голова голубя, а хвостъ скорпіона—котораго Брешіа извергла, Римъ съ ужасомъ отвергъ, Франція изгнала, Германія ненавидитъ, Италія не хочетъ принять опять,—этотъ Арнольдъ, говорятъ, у васъ". Если римскій легатъ даетъ убѣжище изгнаннику Брешіанцу, то Бернардъ можетъ объяснить себѣ это только двумя причинами: или Гвидо не знаетъ, что за человѣкъ Арнольдъ, или же хочетъ исправить его. Въ послѣднемъ случаѣ Бернардъ совѣтуетъ помнить слова апостола: „еретика послѣ перваго и второго вразумленія отвращайся", и указываетъ на тотъ вредъ и соблазнъ, который можетъ про-

изойти отъ того, что человѣкъ, подобный Арнольду, находитъ себѣ пріютъ и защиту у самого легата апостольскаго престола: это лишь внушитъ народу излишнее довѣріе къ схизматику. Бернардъ напоминаетъ о папскомъ приговорѣ относительно Арнольда и въ заключеніе говоритъ, что „покровительствовать этому человѣку значитъ противиться папѣ и даже самому Богу“.

Затѣмъ на нѣкоторое время мы теряемъ Арнольда изъ виду; но потомъ мы снова встрѣчаемъ его въ Италіи: въ 1145 г. Арнольдъ явился къ папѣ Евгенію III, находившемуся въ то время въ Витербо, и получилъ отъ него прощеніе, давъ клятву повиноваться римской церкви и совершить покаяніе; послѣднее должно было состоять въ постѣ, бдѣніи и молитвѣ по святымъ мѣстамъ города Рима. Съ этого времени дѣятельность Арнольда тѣсно связана съ Римомъ, главнымъ центромъ тогдашняго западно-европейскаго міра, и этимъ самымъ пріобрѣтаетъ всемірно-историческое значеніе. Въ теченіе 10 лѣтъ всѣ важнѣйшія событія, происходящія въ „вѣчномъ городѣ“, сосредоточиваются вокругъ личности Арнольда.

IV.

Трудно представить себѣ болѣе рѣзкій контрастъ, чѣмъ тотъ, который существовалъ между міровымъ вліяніемъ папъ и ихъ положеніемъ въ самомъ Римѣ. Такъ, Григорій VII, незадолго до униженія Генриха IV въ Каноссѣ, подвергается оскорбленіямъ въ своемъ городѣ; во время богослуженія на него нападаетъ толпа вооруженныхъ людей, тащитъ его за волосы, срываетъ съ него ризы и уводитъ его въ крѣпкій замокъ своего предводителя. Этотъ же папа, предъявлявшій притязанія на міровое господство, въ послѣдніе дни своей жизни принужденъ покинуть Римъ и умираетъ изгнанникомъ въ Салерно. Урбанъ II является скитальцемъ, не находящимъ себѣ безопаснаго пристанища въ Римѣ, въ то самое время, какъ по его голосу безчисленныя толпы крестоносцевъ устремляются на Востокъ для освобожденія гроба Господня. Причина такого, на первый взглядъ, страннаго явленія та, что папа въ своемъ городѣ былъ не только первосвященникомъ, но и свѣтскимъ повелителемъ. Поэтому ему приходилось сталкиваться съ непокорною,

сильною, властолюбивою римскою знатью, и нерѣдко могущественнымъ римлянамъ удавалось захватить въ свои руки полную власть надъ городомъ. Но изъ всѣхъ движеній, происходившихъ въ Римѣ и направленныхъ противъ папы, замѣчательнѣе всего возстаніе 1143 г. Здѣсь предъ нами выступаетъ уже не римская знать, а *римскій народъ* и притомъ *открыто, въ самомъ принципѣ, провозглашается отмѣна свѣтской власти папъ.*

Въ началѣ XII ст., какъ сказали мы уже, города сѣверной Италіи пріобрѣтаютъ автономію, становятся свободными общинами съ республиканскимъ устройствомъ. Это общее движеніе въ итальянскихъ городахъ, повсемѣстное стремленіе къ свободѣ, должно было отразиться и на Римѣ. Но вопросъ въ томъ, были ли здѣсь необходимые элементы для образованія городской общины?

Составъ и положеніе городского населенія въ Римѣ [1]) были иные, чѣмъ въ Ломбардіи: Римъ не былъ торговымъ или промышленнымъ городомъ, а потому здѣсь не могло быть и богатаго, торговаго класса, игравшаго столь важную роль на сѣверѣ Италіи. Мы видимъ тутъ лишь два сословія—простой народъ, лишенный до тѣхъ поръ всякаго политическаго значенія, и чрезвычайно могущественную знать. Послѣдняя въ сущности властвовала въ городѣ. Римъ той эпохи можно было бы назвать аристократическою или, точнѣе говоря, олигархическою республикой. Вліяніе и власть сосредоточивались, главнымъ образомъ, въ рукахъ членовъ знатнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ фамилій,—людей, стоявшихъ во главѣ остальной аристократіи и именовавшихъ себя „консулами“. Такимъ образомъ въ Римѣ не было *прочной основы* для образованія свободной республиканской общины. Кромѣ того, если городскому населенію сѣверной Италіи для достиженія свободы приходилось бороться съ епископами, то въ Римѣ нужно было имѣть дѣло не съ простымъ епископомъ, а съ самимъ папой, духовнымъ главою всего западно-европейскаго міра, располагавшимъ для поддержанія своего авторитета не только колоссальными нравственными, но и матеріальными средствами, могшимъ въ случаѣ нужды опереться и на норманновъ южной Италіи, и на самихъ же германскихъ императоровъ.

---

[1]) *Gregorovius*, Gesch. der Stadt Rom im Mittelalter V, 428—438.

Но если эти условія не благопріятствовали развитію въ Римѣ свободной республики въ родѣ сѣверно-итальянскихъ, то попытка все-таки была возможна. Здѣсь существовала милиція,— единственный политическій союзъ римскихъ гражданъ. Жители каждой части города, владѣвшіе собственностію и пользовавшіеся правомъ голоса, составляли изъ себя отдѣльные отряды, изъ которыхъ каждый имѣлъ свое особое знамя. Отряды эти подавали голоса въ случаѣ надобности, напр. при избраніи городскаго префекта; они же созывались иногда аристократіей и папой на Капитолій для подтвержденія рѣшеній въ качествѣ „римскаго народа“ (populus Romanus). Въ такомъ городѣ, какъ Римъ, за отсутствіемъ торговли и промышленности, горожанинъ могъ пріобрѣсти нѣкоторое значеніе только будучи воиномъ, а въ ту воинственную эпоху вооруженные граждане во всякомъ случаѣ должны были представлять извѣстную силу. Въ ихъ-то рядахъ и стало развиваться стремленіе къ чисто-республиканской свободѣ; отсюда то и вышла оппозиція папству и аристократіи.

Римъ, такимъ образомъ, увлеченъ былъ общимъ движеніемъ итальянскихъ городовъ. Притомъ, тутъ чрезвычайно сильно дѣйствовало преданіе. Здѣсь были живы воспоминанія объ античномъ мірѣ; каждый памятникъ напоминалъ римлянамъ о прежнемъ величіи міродержавнаго города, о минувшей славѣ предковъ. Изученіе классической литературы, которое стало распространяться уже въ то время, а главное,—знакомство съ римскимъ правомъ должно было дѣйствовать также возбуждающимъ образомъ. Закрадывалась уже мысль, что папы должны ограничиться одною духовною сферою, что имъ неприлично быть властелинами города, что нужно учредить свѣтское правительство на началахъ свободы. Проповѣдь Арнольда въ Брешіи и возбужденное ею движеніе могли дать въ свою очередь новый толчекъ къ народному волненію въ Римѣ, тѣмъ болѣе, что расколъ церкви при папѣ Иннокентіи II и его противникѣ, анти-папѣ Анаклетѣ, пріучилъ уже гражданъ если не къ полной автономіи, то, по крайней мѣрѣ, къ меньшей покорности папской власти.

Для открытаго возстанія нуженъ былъ только поводъ. И вотъ, когда въ 1143 г. Иннокентій II заключилъ миръ съ Тиволи, между тѣмъ какъ римляне желали окончательнаго разрушенія

этого города, то въ Римѣ вспыхнуло возмущеніе. Граждане устремились къ Капитолію и, занявъ его, рѣшили возстановить *сенатъ*, не существовавшій въ теченіе многихъ вѣковъ. Среди этихъ волненій умираетъ Иннокентій. Его преемникамъ, Целестину II (1143—1144) и Луцію II (1144 — 1145), предстояла трудная задача—возстановить авторитетъ папы въ волнующемся городѣ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Луцію II сначала удалось было примириться съ римлянами и съ помощью вѣрныхъ вассаловъ принудить сенатъ къ отреченію. Но затѣмъ мы снова видимъ его въ борьбѣ съ римлянами. На этотъ разъ движеніе приняло еще болѣе грозный для папской власти характеръ. Народъ римскій вновь избираетъ сенаторовъ [1]), а одного изъ аристократовъ, Іордана, сына Петра Леони, провозглашаетъ своимъ главнымъ вождемъ съ титуломъ „патриція“ [2]). Патрицію всѣ должны были повиноваться, какъ-бы государю. Не ограничиваясь этимъ, римляне требуютъ отъ Луція, чтобы онъ передалъ Іордану всѣ регаліи какъ въ городѣ, такъ и внѣ его. Папѣ же, говорили они, слѣдуетъ довольствоваться десятинами и пожертвованіями.

Удрученный горемъ и болѣзнью Луцій вскорѣ умираетъ. Есть извѣстіе, впрочемъ сомнительное, что Луцій предпринялъ нападеніе на Капитолій, гдѣ засѣдали сенаторы; но сенатъ и народъ взялись за оружіе и прогнали папу, причемъ послѣдній пораженъ былъ сильнымъ ударомъ камня; отъ полученной, такимъ образомъ, раны онъ страдалъ до самой своей кончины, которая и послѣдовала вскорѣ послѣ этого. Среди такихъ обстоятельствъ кардиналы возводятъ на папскій престолъ Евгенія III, Бернардова ученика, человѣка, склоннаго къ монашеской жизни

[1]) Это такъ называемое „возобновленіе сената“, осенью 1144 г., послужило началомъ особой римской эры.

[2]) Патрицій — въ началѣ среднихъ вѣковъ — почетный титулъ императорскихъ чиновниковъ и знатныхъ особъ. Пипинъ и Карлъ В., въ качествѣ „патриціевъ“, признаются защитниками и покровителями церкви; при Оттонѣ III патрицій—ближайшее лицо къ императору въ Римѣ, его замѣститель. Впослѣдствіи этотъ титулъ присвоиваютъ себѣ римляне, господствовавшіе въ городѣ помимо воли и назначенія императора. Наконецъ, съ этимъ же именемъ (въ XI ст.) начинаетъ соединяться представленіе о правѣ избирать папу; поэтому его принимаютъ Генрихъ III и нѣкоторые другіе императоры.

и, повидимому, совершенно неспособнаго возстановить власть папы въ Римѣ. Избраніе это привело въ изумленіе Клервоскаго аббата. Онъ обратился съ письмомъ къ кардиналамъ. „Да помилуетъ васъ Богъ, что̀ сдѣлали вы?“ такъ начинаетъ свое письмо Бернардъ. „Похоронившаго себя для міра вы призвали снова въ міръ, избѣгавшаго заботъ и суеты вы обременили заботами и вовлекли въ суету... По истинѣ, смѣшно человѣка, покрытаго рубищемъ, призывать, чтобы онъ предсѣдательствовалъ надъ государями, повелѣвалъ епископами, распоряжался королевствами и имперіей!“

Возстаніе въ Римѣ приняло уже такіе размѣры, что избранный папа не могъ быть посвященъ въ церкви св. Петра, какъ требовалъ того обычай, и принужденъ былъ тайно ночью, лишь съ немногими кардиналами, удалиться изъ Рима въ замокъ Монтичелли и принять посвященіе въ монастырѣ Фарфѣ.

Во время отсутствія Евгенія движеніе въ Римѣ все разросталось. Оно было направлено не только противъ папы, но и противъ могущественной знати. Префектура [1]) была отмѣнена. Всѣ вельможи и знатные граждане принуждены подчиниться патрицію Іордану; замки ихъ разграблены и разрушены; жилища кардиналовъ подверглись той же участи. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что самая церковь св. Петра, по выраженію средневѣковаго хрониста, „мать всѣхъ церквей“, превращена была въ крѣпость; ради своей прибыли, римляне принуждали пилигримовъ къ жертвамъ побоями и силой, и тѣхъ, кто упорствовалъ, убивали въ самомъ портикѣ. Волненіе не ограничивалось предѣлами Рима: опасность грозила и тѣмъ аристократамъ, которые жили внѣ города; замки и города, расположенные въ Папской области, подвергались безпрестаннымъ грабежамъ и нападеніямъ со стороны римлянъ.

Папа предалъ анаѳемѣ Іордана и нѣкоторыхъ его сторонниковъ. Въ виду общей опасности многіе графы соединились съ Евгеніемъ; жители Тиволи, исконные враги римлянъ, также помогли папѣ. Дѣла, такимъ образомъ, приняли другой оборотъ. Римскій сенатъ вынужденъ былъ вступить въ переговоры

[1]) Префекту принадлежалъ собственно судъ отъ имени императора въ уголовныхъ дѣлахъ.

съ Евгеніемъ, и миръ былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: санъ патриція отмѣняется и возстановляется по-прежнему префектура; сенатъ остается, но получаетъ инвеституру отъ папы. Такимъ образомъ, къ концу 1145 г. Евгеній вступилъ въ Римъ.

Спрашивается теперь, въ какомъ отношеніи ко всѣмъ этимъ событіямъ стоялъ Арнольдъ Брешіанскій?

Прежде нерѣдко Арнольда считали виновникомъ если не самаго возстановленія сената, то, по крайней мѣрѣ, тѣхъ крайнихъ размѣровъ, какіе приняло возстаніе во время патриціата Іордана. Опорой для такого мнѣнія служили: 1) сходство стремленій римлянъ съ стремленіями Арнольда; 2) неточность выраженія или, лучше сказать, противорѣчіе въ извѣстіяхъ Оттона Фрейзингенскаго: въ одномъ мѣстѣ послѣдній говоритъ, что Арнольдъ явился въ Римъ въ началѣ правленія Евгенія III, а въ концѣ той же главы замѣчаетъ, что Арнольдъ дѣйствовалъ въ Римѣ съ *самой смерти Целестина II.* Обыкновенно принималось въ соображеніе лишь послѣднее извѣстіе. Но имѣется еще другой, болѣе достовѣрный источникъ для исторіи Арнольда [1]), и этотъ источникъ прямо говоритъ, что Арнольдъ, узнавъ о смерти Иннокентія II, прибылъ въ Италію въ то время, когда папа Евгеній находился въ Витербо. Слѣдовательно, возстановленіе сената, учрежденіе патриціата, разореніе замковъ и грабежи, насилія надъ пилигримами,—все это происходило еще до прибытія Арнольда въ Римъ, что подтверждается и нѣкоторыми другими соображеніями [2]). Такимъ образомъ, въ описанныхъ нами до сихъ поръ событіяхъ въ Римѣ Арнольдъ *прямого* участія не принималъ. Но возможно, что его проповѣдь въ Брешіи, еще до изгнанія его изъ Италіи, способствовала возбужденію умовъ римскаго населенія и имѣла, слѣдовательно, косвенное вліяніе на событіе 1143 г. Съ конца же 1145 г. Арнольдъ находится въ Римѣ и съ этого момента принимаетъ дѣятельное, уже непосредственное участіе въ народномъ движеніи. Вліяніе его было чисто нравственное, но тѣмъ не менѣе

[1]) Такъ-называемая „Historia pontificalis", впервые изданная въ Monumenta Germ. Script., XX.

[2]) См. W. Giesebrecht, Arn. von Brescia, стр. 19—20.

могущественное. Именно личность Арнольда и дала ту опору римскому движенію, которой ему недоставало сначала. Нужно удивляться тому, какъ могъ Арнольдъ въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ властвовать въ Римѣ среди такого народа, какимъ былъ тогда римскій. Этотъ фактъ служитъ яркимъ доказательствомъ могущественнаго дѣйствія его личности на окружающихъ. Правда, бывали и раньше примѣры, что въ Римѣ распоряжалось одно лицо (напр. Альберихъ, Кресценцій и т. под.); но то были большею частью люди знатные, располагавшіе большими средствами, опиравшіеся на матеріальную силу; у Арнольда же не было ничего, кромѣ неподдѣльнаго энтузіазма, восторженной преданности своей идеѣ и горячаго, страстнаго слова; но именно это и дѣйствовало больше всего на массу, увлекало ее.

Взглянемъ теперь ближе на дѣятельность Арнольда въ Римѣ.

Извѣстный хронистъ той эпохи, Оттонъ Фрейзингенскій, говоритъ, между прочимъ, что Арнольдъ, побужденный ненавистью къ духовной власти, явился въ Римъ и здѣсь сталъ убѣждать народъ возстановить Капитолій и снова образовать сословіе сенаторовъ и *всадниковъ*, на подобіе древнихъ. По словамъ В. Гизебрехта, извѣстіе Оттона о возстановленіи сословія всадниковъ нужно отнести къ области фантазіи: оно не находитъ себѣ подтвержденія въ дѣйствительности [1]). Но едва-ли можно утверждать это такъ положительно. Мы не должны забывать того, какъ могущественно дѣйствовали въ то время воспоминанія объ античномъ мірѣ, какъ живуче было преданіе въ особенности въ Римѣ: ниже мы увидимъ примѣры этому. Нѣтъ ничего удивительнаго, если эти воспоминанія дѣйствовали и на Арнольда. Съ другой стороны, намъ ничего неизвѣстно такого, что̀ явно бы противорѣчило Оттонову свидѣтельству; молчаніе же другихъ источниковъ въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія, такъ какъ вообще эти источники не сообщаютъ подробностей относительно тогдашняго римскаго республиканскаго устройства. Изъ кое-какихъ случайныхъ указаній и намековъ устройство это можно представить себѣ въ такомъ видѣ. Выборы въ сенатъ происходили ежегодно, осенью; сколько сначала было сенаторовъ, неизвѣстно; впослѣдствіи мы

[1]) „Arn. von Brescia“, стр. 19.

видимъ ихъ 25 и 56; послѣднее число Грегоровіусъ принимаетъ за норму; по его словамъ, выбиралось по 4 сенатора отъ каждаго квартала или части города. Изъ числа сенаторовъ выбирались, такъ-называемые, „совѣтники“ (consiliarii или consiliatores). Рядомъ съ сенатомъ продолжала существовать и папская курія.

Какъ было упомянуто, Арнольдъ получилъ прощеніе подъ условіемъ подчиниться церкви и совершить покаяніе. Проводя время въ покаяніи, постѣ и молитвѣ, онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе всего города и внушить сочувствіе къ себѣ. Обстоятельства благопріятствовали ему: согласіе между папой и римлянами вскорѣ рушилось; Евгеній покинулъ безпокойный городъ, а затѣмъ и Италію; въ отсутствіе папы Арнольдъ могъ свободно и открыто проповѣдывать свое ученіе. Вскорѣ около него образовался кружокъ послѣдователей, составившихъ секту подъ именемъ Ломбардовъ. Чистота ихъ нравовъ, строгій образъ жизни, составлявшій столь рѣзкій контрастъ съ пороками тогдашняго духовенства,—все это нравилось народу, а „въ особенности набожнымъ женщинамъ“. Самого Арнольда часто можно было видѣть проповѣдующимъ на Капитоліи и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ. Проповѣдь его поражала своею смѣлостью. Онъ изобличалъ кардиналовъ, говоря, что „ихъ коллегія вслѣдствіе гордости и корыстолюбія, лицемѣрія и безстыдства, — не церковь Божія, а домъ торговли и вертепъ разбойниковъ“, что они тѣ же книжники и фарисеи. Не щадилъ Арнольдъ и папы. Онъ прямо заявлялъ, что папа долженъ довольствоваться одною духовною властью и не долженъ вмѣшиваться въ управленіе городомъ, такъ какъ это его нисколько не касается. Папа, говорилъ далѣе Арнольдъ, вовсе не преемникъ апостола, какъ онъ самъ себя называетъ, и не пастырь душъ, а человѣкъ крови, освящающій своимъ авторитетомъ пожары и убійства; папа—мучитель церкви, притѣснитель невинныхъ, который только и дѣлаетъ, что питаетъ плоть свою да наполняетъ свои мѣшки золотомъ, опорожняя чужіе, и такъ какъ онъ не подражаетъ апостоламъ ни въ ученіи, ни въ образѣ жизни, то никто не обязанъ повиноваться ему или оказывать уваженіе. Арнольдъ провозглашалъ, что „не должны быть терпимы люди, хотѣвшіе поработить Римъ, этотъ центръ имперіи, источникъ свободы, владыку міра“.

Очевидно, между Арнольдомъ и папой былъ уже полный разрывъ. По возвращеніи въ Италію, Евгеній обратился изъ Брешіи съ письмомъ къ римскому духовенству: папа предостерегалъ духовныхъ лицъ отъ лжеученій „схизматика Арнольда“ и грозилъ лишеніемъ должностей и бенефицій тѣмъ, кто примкнетъ къ нему. Изъ этого письма мы узнаемъ, между прочимъ, что и низшее духовенство въ Римѣ увлечено было общимъ движеніемъ: нѣкоторые капелланы, по словамъ Евгенія, возстали противъ епископовъ и архипресвитеровъ и отказались отъ должнаго имъ повиновенія.

Съ возвращеніемъ папы въ Италію нужно было ожидать возобновленія борьбы между нимъ и римлянами. Но теперь труднѣе было справиться съ Римомъ: Арнольдъ служилъ опорой возстанія; его рѣчи воодушевляли народъ и поддерживали единодушіе. Зато и у папы были сильные союзники—король сицилійскій Рожеръ и могущественные графы, какъ напр. Птоломей Тускуланскій. Поэтому римляне рѣшили обратиться за содѣйствіемъ къ Конраду III: король германскій, казалось, долженъ былъ быть естественнымъ врагомъ папы.

Въ письмѣ римлянъ къ Конраду [1]) какъ нельзя лучше выражаются ихъ тогдашнія воззрѣнія, ихъ воспоминанія о славѣ предковъ, о прежнемъ величіи ихъ города; здѣсь ясно обнаруживается все могущество преданія. Въ письмѣ этомъ „сенатъ и римскій народъ“ (senatus populusque Romanus) говорятъ, что уже неразъ увѣдомляли они короля о своей вѣрности и стараніи возвысить блескъ его императорской короны, но, къ удивленію, не удостаивались отвѣта. „Мы“, писали римляне, „возстановили сенатъ для того, чтобы возвысить и возвеличить Римскую имперію, ввѣренную Богомъ вашему управленію и чтобы возвратить ее къ тому положенію, въ какомъ находилась она во времена Константина и Юстиніана, властвовавшихъ надъ всѣмъ міромъ по полномочію сената и народа римскаго“. Они, римляне, овладѣли замками и домами вельможъ, которые вмѣстѣ съ папой и сицилійскимъ королемъ готовились къ сопротивленію Конраду. За вѣрность послѣднему папа и аристократы тѣснятъ ихъ, римлянъ, желая воспрепятствовать

[1]) Это и слѣдующія письма—у *Jaffé*, Bibliothek rerum Germanic., т. I.

имъ „возложить свободно, какъ подобаетъ, императорскую корону на главу короля". Римляне предупреждаютъ Конрада, чтобы онъ не вѣрилъ клеветамъ, распускаемымъ о сенатѣ: несогласіе между ними и королемъ лишь порадуетъ ихъ общихъ враговъ. Пусть вспомнитъ Конрадъ, сколько зла причинили прежнимъ императорамъ папская курія и римскіе вельможи. Въ заключеніе римляне приглашаютъ Конрада поселиться въ Римѣ, главѣ міра, чтобы отсюда, удаливъ всякія препятствія со стороны духовенства, властвовать надъ Италіей и Германіей свободнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, и заканчиваютъ, наконецъ, свое письмо такимъ стихотвореніемъ:

„Rex valeat; quicquid cupit, obtineat super hostes;
Imperium teneat, Romae sedeat, regat orbem
Princeps terrarum, ceu fecit Iustinianus;
Caesaris accipiat caesar, quae sunt sua presul
Ut Christus iussit, Petro solvente tributum" [1]).

Съ письмомъ подобнаго же содержанія обратились къ Конраду три сенатора: Сикстъ, Николай и Гвидо, называющіе себя „совѣтниками куріи священнаго сената и попечителями общаго блага республики". Здѣсь прямо говорится: „мы возстановили сенатъ, такъ какъ видѣли, что вслѣдствіе безразсудной узурпаціи духовенства Римская имперія ослабѣла и римскій народъ лишился славы".

Не менѣе интересно письмо къ Конраду неизвѣстнаго намъ по имени лица, сенатора или, по крайней мѣрѣ, приверженца сената. Этотъ „вѣрнѣйшій изъ слугъ короля", какъ называетъ онъ себя, совѣтуетъ Конраду немедленно явиться въ Римъ и, ставъ посредникомъ между римлянами и папой, принять подъ свою защиту сенатъ и народъ. „Вы можете достигнуть того", говоритъ авторъ письма, „что безъ вашего приказанія и распоряженія никогда не будетъ избираться папа. Ибо такъ было во время святого Григорія, который не могъ сдѣлаться

[1]) Да здравствуетъ король! да восторжествуетъ надъ врагами и получитъ, чего желаетъ! да владѣетъ имперіей! да возсѣдаетъ въ Римѣ! да царствуетъ надъ міромъ, властелинъ, какъ нѣкогда Юстиніанъ! Пусть кесарево получитъ кесарь, а папа — свое, какъ повелѣлъ Христосъ, ибо и апостолъ Петръ платилъ подать.

папой безъ согласія на то императора Маврикія, и такъ продолжалось до временъ Григорія VII. Я считаю это полезнымъ въ виду того, чтобы по милости духовенства не возникали въ мірѣ войны и убійства. Ибо духовнымъ лицамъ не слѣдуетъ носить мечъ и чашу: они должны проповѣдывать и проповѣдь подкрѣплять добрыми дѣлами, а не вызывать войны и распри". — Письмо это всецѣло проникнуто духомъ Арнольдова ученія, по вѣрному замѣчанію В. Гизебрехта. Вообще же всѣ три письма, содержаніе которыхъ мы привели, представляютъ намъ въ полномъ свѣтѣ идеи, господствовавшія въ то время въ Римѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они обнаруживаютъ тотъ рѣзкій контрастъ, который существовалъ между дѣйствительностью и мечтами римлянъ, между непомѣрными притязаніями послѣднихъ и ихъ фактическимъ безсиліемъ.

Но тщетны были всѣ увѣщанія и просьбы римскаго сената: Конрадъ остался глухъ къ нимъ и, напротивъ, принялъ съ большимъ почетомъ пословъ, явившихся къ нему отъ имени римской церкви требовать возстановленія всѣхъ ея прежнихъ привилегій.

Наконецъ, безъ содѣйствія и посредничества Конрада, къ концу 1149 г., Евгеній III заключилъ миръ съ римлянами и возвратился въ Римъ. Но здѣсь сенатъ существовалъ по-прежнему; Арнольдъ былъ также въ городѣ. Понятно поэтому, что положеніе папы было затруднительно и непріятно, и уже въ іюнѣ 1150 г. Евгеній снова покидаетъ Римъ.

Мы не будемъ подробно останавливаться на всѣхъ переговорахъ, какіе велись тогда между Евгеніемъ и Конрадомъ. Достаточно сказать, что обѣ стороны, и римляне, и папа, надѣялись на помощь германскаго короля и съ нетерпѣніемъ ожидали его прибытія въ Италію. Но сначала внутреннія дѣла Германіи, затѣмъ смерть помѣшали Конраду осуществить свой планъ—побывать въ Римѣ и возложить на свою главу императорскую корону. Преемникомъ Конрада былъ Фридрихъ Барбаруса. Онъ, подобно своему предшественнику, вступилъ въ переговоры съ папой. Тогда нѣкто Вецель, какъ видно, рьяный сторонникъ Арнольда Брешіанскаго, обратился съ письмомъ къ новому королю. Въ этомъ замѣчательномъ письмѣ онъ выражаетъ печаль по поводу того, что Фридрихъ, побуждаемый

клириками и монахами, не посовѣтовался относительно своего избранія „съ священнымъ городомъ, владыкой міра, матерью всѣхъ императоровъ“, и не искалъ съ его стороны утвержденія, безъ котораго ни одинъ императоръ не пользовался властью. Фридрихъ, подобно своимъ предшественникамъ,—пишетъ Вецель—желаетъ получить императорскую корону изъ рукъ „еретическихъ клириковъ и фальшивыхъ монаховъ“, захватившихъ власть вопреки Евангелію, апостольскимъ правиламъ и канонамъ. Подтвердивъ послѣднее примѣрами и цитатами изъ Св. Писанія и даже изъ Лжеисидоровыхъ декреталій, Вецель переходитъ затѣмъ къ „лживой и еретической *баснѣ*“ о дарѣ Константина папѣ Сильвестру [1]). Надъ этой баснею въ Римѣ, по словамъ Вецеля, смѣются даже поденщики и старыя бабы, такъ что „такъ называемый преемникъ апостола, вмѣстѣ со своими кардиналами, отъ стыда не смѣетъ показаться въ городѣ“. Въ заключеніе Вецель говоритъ, что свою власть императоры получаютъ отъ римлянъ, и спрашиваетъ: что̀ можетъ воспрепятствовать сенату и народу избрать себѣ императора? Онъ совѣтуетъ Фридриху прислать какъ можно скорѣе пословъ въ Римъ и постараться предупредить, чтобы не произошло здѣсь чего-либо новаго, непріятнаго для него.

И дѣйствительно, предостереженія Вецеля, повидимому, не лишены были основанія: у римлянъ являлась уже мысль окончательно отдѣлиться отъ Германіи и избрать себѣ собственнаго императора. По крайней мѣрѣ, Евгеній III сообщаетъ Вибальду Корвейскому (въ письмѣ своемъ отъ 20 сентября 1152 г.), что подъ руководствомъ „еретика“ Арнольда, толпа простого народа, числомъ около 2000 человѣкъ, безъ вѣдома знатнѣйшихъ лицъ, составила заговоръ съ тѣмъ, чтобы произвести переворотъ въ городѣ: заговорщики предполагали избрать совѣтъ изъ 100 постоянныхъ членовъ, затѣмъ 2 консуловъ и, кромѣ того, еще одно лицо, которое они думали назвать императоромъ; послѣдній долженъ былъ властвовать надъ 100 сенаторами, 2 консулами и всѣмъ римскимъ народомъ. Это извѣстіе (если только оно не вымышлено) еще яснѣе показываетъ намъ то

[1]) Т. е. будто-бы императоръ Константинъ, поселившись въ новой своей резиденціи, Византіи, предоставилъ Римъ съ его областью папамъ.

стремленіе возвратиться къ формамъ и порядкамъ древняго міра, которое вообще господствовало тогда въ Римѣ. Характерно при этомъ, что руководителемъ заговора папа называетъ именно Арнольда.

Но замыселъ заговорщиковъ не былъ приведенъ въ исполненіе; перевѣсъ, какъ видно, взяла партія болѣе умѣренная. По крайней мѣрѣ, въ декабрѣ того же 1152 г. мы снова видимъ папу въ Римѣ. Съ этихъ поръ и до самой своей смерти Евгеній оставался въ мирѣ съ римлянами. По свидѣтельству одного средневѣкового автора, „добрыми дѣлами и дарами папа такъ привлекъ къ себѣ весь народъ, что распоряжался въ городѣ по своему усмотрѣнію, и если бы не преждевременная смерть, то онъ *съ помощью народа* лишилъ бы сенаторовъ присвоеннаго ими себѣ достоинства“.

По смерти Евгеніева преемника, Анастасія IV (1153—1154), кратковременное правленіе котораго ничѣмъ не ознаменовано, въ папы избранъ былъ умный и твердый Адріанъ IV, единственный англичанинъ, бывшій на папскомъ престолѣ. Адріану удалось достичь того, къ чему тщетно стремились его предшественники. Уже Евгеній, а затѣмъ и Анастасій добивались изгнанія Арнольда изъ Рима; этотъ человѣкъ былъ для нихъ опаснѣе всякаго сената; своимъ краснорѣчіемъ и энтузіазмомъ онъ поддерживалъ въ римлянахъ духъ оппозиціи папству. Ни одинъ папа не могъ быть покоенъ, пока Брешіанецъ находился въ Римѣ. Кто-нибудь изъ нихъ долженъ былъ уступить: или папѣ приходилось удалиться изъ Рима, или Арнольду; имъ обоимъ невозможно было жить въ одномъ городѣ. Не смотря на всѣ старанія папъ, Арнольдъ, опираясь на расположеніе къ нему римлянъ, особенно сенаторовъ, по-прежнему оставался въ Римѣ. Сначала и Адріанъ не могъ ничего сдѣлать. Наконецъ случай помогъ ему. Одинъ кардиналъ, на пути къ папѣ, подвергся дерзкому нападенію со стороны „еретиковъ“ и получилъ при этомъ смертельную рану. Тогда Адріанъ рѣшился на небывалую мѣру—наложилъ интердиктъ на *Римъ*. До самаго чистаго четверга, 23 марта 1155 г., въ городѣ не происходило богослуженія. Приближалась Пасха, а храмы были заперты. Тогда обнаружилась вполнѣ вся сила грознаго папскаго оружія и вся непослѣдовательность тогдашнихъ римлянъ, готовыхъ вся-

...ковск. О-во Взаимномом...

чески бороться съ папой, но не могшихъ перенести интердикта: духовенство и народъ въ ужасѣ заставили сенаторовъ уступить папѣ; къ Адріану явились сенаторы и поклялись на Евангеліи, что они немедленно изгонятъ „еретика“ Арнольда съ его приверженцами, если только онъ откажется повиноваться папѣ. Впрочемъ, чтобы правильно судить о поведеніи римлянъ необходимо вспомнить, что значилъ тогда интердиктъ. Печальную картину представляла страна, которую постигала эта кара: храмы были заперты, кресты на нихъ опрокинуты, колокола сняты, реликвіи убраны, образа завѣшаны. Всякое богослуженіе прекращалось, не совершалось ни таинствъ, ни требъ; не видно было ни торжественныхъ религіозныхъ процессій, столь частыхъ въ обычное время, ни свадебъ, ни похоронъ; только на кладбищѣ крестили умирающаго младенца, да изрѣдка кого-нибудь вѣнчали около могилъ; мертвыхъ или оставляли гнить въ надеждѣ отпѣванія, или хоронили по дорогамъ. О пирахъ или какихъ-либо удовольствіяхъ не было и рѣчи; „прохожіе и проѣзжіе при встрѣчѣ не смѣли привѣтствовать другъ друга; на всемъ лежала печать покаянія; вездѣ траурныя одежды, небритыя бороды“. Гробовое молчаніе наводило общее уныніе; жизнь повсюду замирала; казалось, въ самомъ воздухѣ носится что-то тяжелое. Суевѣрный ужасъ и страхъ за будущее овладѣвалъ тогда народомъ [1]). Вотъ что приносилъ съ собою интердиктъ. Представимъ себѣ теперь ту эпоху, съ ея набожностью, съ ея церковно-религіознымъ отпечаткомъ, когда церковь и религія такъ тѣсно были связаны съ повседневною жизнью каждаго, и мы поймемъ, какое удручающее впечатлѣніе производилъ тогда интердиктъ и какую ужасающую силу долженъ былъ имѣть онъ.

Какъ видно, Арнольдъ не согласился подчиниться папѣ; по крайней мѣрѣ, онъ бѣжалъ; и съ Рима снятъ былъ интердиктъ. На слѣдующій день, при стеченіи безчисленной толпы ликовавшаго народа, папа съ торжествомъ отправился изъ Леонинскаго города, гдѣ онъ жилъ съ самаго своего вступленія на престолъ, въ Латеранъ.

Арнольдъ бѣжалъ изъ Рима, гдѣ онъ провелъ почти 10 лѣтъ, бѣжалъ изъ того города, съ которымъ онъ такъ долго дѣлилъ

---

[1]) *Осокинъ*, Исторія Альбигойцевъ, I. 21.

и горе и радость. Во время бѣгства онъ попалъ въ руки кардинала Оддо, вѣрнаго слуги римской куріи. Но на этотъ разъ его освободили нѣкоторые графы, принявшіе его къ себѣ съ почетомъ, какъ „пророка".

А между тѣмъ въ Ломбардіи находился уже Фридрихъ, предпринявшій свой первый походъ въ Италію. Извѣстно, какія роковыя слѣдствія имѣли эти походы для Гогенштауфеновъ. Всѣ германскіе императоры той эпохи устремляли взоры свои на Италію; и это вполнѣ естественно: для міроваго господства, къ которому они стремились, необходимо было именно обладаніе Италіей: она составляла центръ римскаго „orbis terrarum", на который должна была распространяться императорская власть. Нѣмецкихъ государей влекло за Альпы, на югъ, не только обаяніе, какимъ окружено было имя Рима, не только церковное значеніе послѣдняго для всего западнаго христіанства: ими руководила, кромѣ того, мысль, что мірового господства можно достичь, лишь владѣя Италіей. Поэтому, чѣмъ яснѣе жила въ Фридрихѣ идея всемірной имперіи и чѣмъ рѣшительнѣе признавалъ онъ задачу своей жизни въ осуществленіи этой идеи, тѣмъ настойчивѣе долженъ былъ стремиться онъ къ подчиненію Италіи и на этомъ сосредоточить всѣ свои силы. Притомъ въ эпоху Фридриха оживились воспоминанія о древней Римской имперіи; это въ особенности замѣтно было въ Италіи; лучшимъ доказательствомъ служатъ приведенныя нами выше письма римлянъ. Затѣмъ возобновившееся изученіе римскаго права должно было вызвать изъ забвенія абсолютистическія положенія этого права. Фридрихъ стремился осуществить ихъ. Но дѣйствительность рѣзко противорѣчила его идеаламъ; въ итальянскихъ городахъ уже успѣла окрѣпнуть республиканская свобода. Такимъ образомъ, между двумя противоположными принципами должна была возникнуть упорная, ожесточенная борьба.

Отсюда понятно отношеніе Фридриха къ Арнольду. Повидимому, послѣдній являлся естественнымъ союзникомъ свѣтской власти противъ папства. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ: съ точки зрѣнія германскаго короля Арнольдъ былъ не что иное, какъ еретикъ и, что̀ еще хуже, ярый республиканецъ и мятежникъ; подобный демагогъ не могъ надѣяться на поддержку Фридриха: для короля онъ, казалось, былъ не менѣе опасенъ,

чѣмъ для папы. Поэтому, когда въ С. Квирико явились къ Фридриху папскіе послы и потребовали, между прочимъ, выдачи Арнольда, то король поспѣшилъ исполнить желаніе папы. Немедленно посланъ былъ отрядъ туда, гдѣ нашелъ себѣ пріютъ изгнанникъ. Одинъ изъ Арнольдовыхъ покровителей былъ схваченъ и вынужденъ тотчасъ же выдать „еретика“ кардиналамъ. Такъ очутился Арнольдъ въ рукахъ своихъ злѣйшихъ враговъ.

Тѣмъ временемъ между королемъ и папой велись переговоры относительно предстоявшаго императорскаго коронованія. Близъ Сутри послѣдовало свиданіе Фридриха съ Адріаномъ. Здѣсь произошелъ слѣдующій характерный эпизодъ. Папа въ сопровожденіи епископовъ и кардиналовъ подъѣхалъ къ самой палаткѣ короля. При пріемѣ Адріана Фридрихъ не исполнилъ обязанности папскаго конюха,—не поддержалъ ему стремени. Испуганные этимъ кардиналы поспѣшили обратиться въ бѣгство. Папа, смущенный и опечаленный, самъ сошелъ съ коня и сѣлъ на приготовленное для него сѣдалище. Король припалъ къ стопамъ его, поцѣловалъ ноги и ждалъ отъ него „поцѣлуя мира“. Но Адріанъ, вмѣсто этого, обратился съ упреками къ Фридриху за то, что тотъ не оказалъ ему обычной и должной чести. Король въ свою очередь сталъ опровергать справедливость папскаго требованія. Весь слѣдующій день прошелъ въ спорѣ. Наконецъ, для разрѣшенія возникшаго недоразумѣнія прибѣгли къ распросамъ старѣйшихъ князей и тѣхъ, кто присутствовалъ при свиданіяхъ Лотара, предшественника Конрада III, и папы Иннокентія II, и, послѣ долгихъ переговоровъ, рѣшено было, что, изъ уваженія къ св. апостоламъ Петру и Павлу, Фридрихъ исполнитъ обязанность конюха и поддержитъ папѣ стремя. Дѣйствительно, на другой день король провелъ на верженіе камня иноходца, на которомъ возсѣдалъ Адріанъ, и поддержалъ стремя, и удовлетворенный папа далъ Фридриху „поцѣлуй мира“.

Король подступилъ затѣмъ къ Риму. Къ нему явилось посольство отъ имени „сената и римскаго народа“. Напыщенная рѣчь, съ которою обратились послы къ Фридриху, была въ томъ же родѣ, какъ и письма сената къ Конраду: въ ней упоминалось о величіи древняго Рима, о возстановленіи сената и сословія всадниковъ для возвышенія славы и могущества его,

Фридриха, и Римской имперіи, и проч. „Ты былъ чужестранцемъ“, говорили отъ имени Рима послы королю, „я сдѣлалъ тебя гражданиномъ моимъ; ты былъ пришельцемъ изъ-за Альпъ,—я возвелъ тебя въ государи; я далъ тебѣ что по праву было мое“. И въ заключеніе уполномоченные сената и народа — какой контрастъ съ началомъ рѣчи!—требовали отъ Фридриха 5000 фунтовъ за провозглашеніе его въ Капитоліи императоромъ. Полный негодованія и презрѣнія, король прервалъ напыщенную рѣчь римлянъ: онъ не желалъ „*покупать* себѣ императорскій титулъ“ [1]). Высокопарнымъ словамъ и пустымъ мечтамъ о прежнемъ величіи міродержавнаго города онъ противоставилъ горькую для римлянъ дѣйствительность. По словамъ его, все то, о чемъ упоминали послы, уже прошло безвозвратно; теперь императорская власть перешла къ германцамъ. „У насъ твои консулы“, говорилъ Фридрихъ, обращаясь къ Риму, „у насъ твой сенатъ, у насъ твое войско... Я законный владѣтель. Кто смѣетъ вырвать палицу изъ рукъ Геркулеса?... Ты говоришь, что я долженъ дать клятву относительно какихъ-то денегъ. О позоръ! Римъ, отъ своего государя ты требуешь того, чего слѣдовало бы просить скорѣе какому-нибудь торгашу у мелочнаго продавца! У насъ денегъ требуютъ съ плѣнныхъ; а развѣ я въ плѣну? развѣ я въ оковахъ? не окружаетъ ли меня многочисленное сильное войско?... По-царски и щедро привыкъ я дарить, кому и сколько хочу, особенно тѣмъ, кто оказалъ мнѣ большія услуги“...

Итакъ, соглашеніе между королемъ и римлянами не состоялось. Коронованіе Фридриха произошло, такъ сказать, украдкой; да и то пришлось потоками крови подавлять возстаніе римлянъ, произведшихъ нападеніе на Леонинскій городъ, гдѣ находился папа и только-что коронованный императоръ.

Что же сталось съ Арнольдомъ? Онъ погибъ жертвой союза короля съ папой. Источники, изъ которыхъ мы почерпаемъ лишь скудныя свѣдѣнія о жизни и ученіи этого реформатора, не особенно богаты извѣстіями и о его кончинѣ. Время казни Арнольда неизвѣстно; быть можетъ, онъ погибъ до коронованія

[1]) Собственныя слова Фридриха въ письмѣ его къ Оттону Фрейзингенскому.

Фридриха, быть можетъ, послѣ него. Точно также неизвѣстно намъ въ точности и мѣсто совершенія казни. Прежніе историки, вѣроятно для вящшаго эффекта, представляютъ казнь Арнольда происходящею у Porta del Popolo. Вотъ, напр., какую картину рисуетъ Сисмонди [1]). Утромъ Арнольда привели къ „Воротамъ Народа“. Онъ „былъ возведенъ на костеръ и повѣшенъ на столбѣ, въ виду Корсо. Онъ могъ окинуть взоромъ три длинныя улицы, примыкавшія къ его эшафоту: тамъ жили люди, которыхъ онъ такъ часто призывалъ къ свободѣ: они спокойно спали, не зная объ опасности, угрожавшей ихъ законодателю. Наконецъ, шумъ казни и пламя отъ костра разбудили римлянъ: они вооружаются, они бѣгутъ на площадь, но поздно! И папскія когорты своими копьями прогоняютъ тѣхъ, кто, не будучи въ состояніи спасти Арнольда, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, собрать его пепелъ, какъ драгоцѣнную реликвію“. Въ подобныхъ описаніяхъ и самое возстаніе римлянъ, происшедшее послѣ Фридрихова коронованія, приводится въ непосредственную связь съ казнью Арнольда.

Въ дѣйствительности, бо́льшая часть этихъ подробностей не находитъ себѣ подтвержденія въ нашихъ источникахъ. Оттонъ Фрейзингенскій говоритъ, напр., только, что Арнольдъ, схваченный въ предѣлахъ Тосканы, подъ конецъ повѣшенъ былъ городскимъ префектомъ, а трупъ его сожженъ для того, чтобы тѣло его не сдѣлалось предметомъ почитанія „глупой черни“. Многіе другіе источники также говорятъ о повѣшеніи и сожженіи Арнольда. Но особенно подробно и интересно описаніе Арнольдовой казни въ поэмѣ, въ которой воспѣвается борьба Фридриха съ Миланомъ [2]). Здѣсь кончина Арнольда описывается такъ. Арнольдъ видѣлъ всѣ приготовленія къ казни. Когда уже нужно было надѣть ему на шею петлю, то его спросили, не желаетъ ли онъ отречься отъ своихъ заблужденій и исповѣдать грѣхи свои? Безстрашно и съ полнымъ самообладаніемъ отвѣтилъ Арнольдъ, что считаетъ свое ученіе спасительнымъ и за свои рѣчи не боится умереть; онъ просилъ

[1]) Hist. des républ. ital. du moyen-âge, I, 316—317.

[2]) Авторъ ея—житель Бергамо, повидимому, хорошо знавшій Арнольда, но не принадлежавшій къ числу его сторонниковъ. *W. Giesebrecht*, Gesch. der deutsch. Kaiserzeit, V, 64—65.

только немного сроку, чтобы исповѣдать Христу свои грѣхи. Затѣмъ онъ преклонилъ колѣна, поднялъ глаза и руки къ небу и вздохнулъ изъ глубины души; безъ словъ поручилъ онъ душу свою Богу. Спокойно предоставилъ потомъ онъ свое тѣло палачамъ. Не безъ слезъ исполнили тѣ свою печальную обязанность. Тотъ же поэтъ прибавляетъ, будто императоръ раскаялся потомъ въ этомъ дѣлѣ, но только слишкомъ поздно.

Трудно рѣшить, насколько виновенъ Адріанъ или Фридрихъ въ смерти Арнольда. Какъ на главныхъ виновниковъ казни реформатора нѣкоторые источники указываютъ то на папу, то на римскихъ аристократовъ. Герохъ, рейхерсбергскій пробстъ, передаетъ какъ слухъ, что Арнольдъ казненъ былъ безъ вѣдома папской куріи: онъ погибъ будто-бы жертвою особой ненависти префекта Петра, которому причинили много вреда римскіе граждане, увлеченные Арнольдовымъ ученіемъ. Но есть мнѣніе, что Арнольдъ былъ переданъ префекту, который, какъ уголовный судья Рима, исполнилъ лишь свою обязанность, а римская церковь впослѣдствіи свалила на него всю вину, желая избавить себя отъ обвиненія въ казни человѣка, не бывшаго въ сущности даже еретикомъ; Фридрихъ, курія и римская аристократія дѣйствовали заодно, чтобы предать своего общаго врага въ руки палача [1]). Мнѣніе это подтверждается описаніемъ Арнольдовой казни въ вышеупомянутой поэмѣ. Зная неумолимость куріи и строгость Фридриха, мы не удивимся тому, что такъ было поступлено съ Арнольдомъ; какъ для папы, такъ и для императора гибель реформатора было радостнымъ событіемъ: вѣдь, въ ихъ глазахъ знаменитый Брешіанецъ былъ лишь схизматикъ и еретикъ, опасный и дерзкій мятежникъ.

Любопытно взглянуть, какъ отнеслось тогдашнее общество или, по крайней мѣрѣ, часть его къ казни Арнольда. Въ Италіи смерть Арнольда не произвела особеннаго впечатлѣнія, если судить по тому, что итальянскіе источники почти не упоминаютъ о ней. Въ Германіи, преимущественно въ Швабіи, это событіе обратило на себя большее вниманіе лѣтописцевъ [2]). Но особенно замѣчательны слова Героха. Онъ не одобряетъ

[1]) *W. Giesebrecht*, Gesch. der deutsch. Kaiserzeit, V, 65; Arn. von Brescia, стр. 30.

[2]) Ср. *W. Giesebrecht*, Arn. von Brescia, стр. 30—31.

казни реформатора: по его мнѣнію, Арнольда за неправильное ученіе достаточно было бы наказать изгнаніемъ или заточеніемъ. Подъ конецъ Герохъ эту казнь прямо называетъ дѣломъ неправымъ. Мнѣніе Героха особенно важно для насъ: Рейхерсбергскій пробстъ не былъ какимъ-нибудь еретикомъ; онъ былъ вѣрнымъ сыномъ римской церкви. Его устами говоритъ лучшая часть тогдашняго общества. Историкъ съ удовольствіемъ останавливается на этомъ выдающимся примѣрѣ гуманности и вѣротерпимости, столь необычныхъ въ тѣ времена.

V.

Такъ погибъ Арнольдъ Брешіанскій, смѣлый реформаторъ XII ст. Извѣстный историкъ города Рима въ средніе вѣка, Грегоровіусъ даетъ самый восторженный отзывъ объ Арнольдѣ. Приступая къ очерку дѣятельности Арнольда и сопоставляя его съ Абеляромъ, онъ говоритъ между прочимъ: „Послѣ мрачныхъ героевъ принципа единовластія, послѣ папъ, какъ Григорій, послѣ императоровъ, какъ Генрихъ, отрадно встрѣтить мучениковъ свободы, державшихъ въ своихъ рукахъ знамя болѣе благородной человѣчности и не кровавое, но страшное оружіе изслѣдующей мысли и свободной воли“ [1]). Арнольдъ Брешіанскій, по словамъ того же историка, открываетъ собою рядъ славныхъ мучениковъ свободы, которые умирали на кострахъ, но смѣлый духъ которыхъ, подобно фениксу, выходилъ изъ пламени, чтобы продолжать жить въ теченіе столѣтій. Арнольда можно было бы назвать пророкомъ, — такъ опередилъ онъ свое время въ стремленіи къ цѣли, которой Италія могла достигнуть отчасти спустя только 700 съ лишкомъ лѣтъ послѣ него: Арнольдъ боролся за свободу Рима отъ власти папы. Борьба двухъ властей и внутренніе перевороты въ городахъ были великими дѣйствительными явленіями, послужившими ему исторической почвой. Величіемъ своего времени и мощью соціальныхъ идей Арнольдъ, по словамъ Грегоровіуса, превосходитъ всѣхъ тѣхъ борцевъ за свободу средневѣкового Рима, которые являлись послѣ него [2]).

[1]) IV, 452.

[2]) IV, 510—513.

И дѣйствительно, нельзя не согласиться съ Грегоровіусомъ. Мы видѣли уже, какими высокими нравственными качествами обладалъ Арнольдъ Брешіанскій. Даже враги не могли упрекнуть его въ какомъ-либо порокѣ, въ какой-нибудь нечистой мысли и намѣреніи. Онъ осуществилъ въ самомъ себѣ тотъ идеалъ, къ которому стремился; тѣ требованія, которыя онъ предъявлялъ къ другимъ, онъ прежде всего самъ выполнялъ. Въ немъ не было лицемѣрія; слово не расходилось у него съ дѣломъ, и во всѣхъ его дѣйствіяхъ, насколько мы ихъ знаемъ, проглядываетъ одна лишь самоотверженная преданность идеѣ. Въ какомъ, напр., симпатичномъ образѣ является предъ нами Арнольдъ, въ моментъ своей смерти! Эта глубокая вѣра въ свою правоту, эта молитва безъ словъ въ послѣдній часъ жизни, мужество и стойкость убѣжденій, — все это внушаетъ намъ невольное сочувствіе къ несчастной судьбѣ реформатора.

Мы старались выяснить, какъ могъ прійти Арнольдъ къ своимъ воззрѣніямъ. Но указавъ на причины появленія подобныхъ идей на Западѣ въ XII в., мы все-таки не можемъ не удивляться Арнольду, его смѣлости и послѣдовательности. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктахъ съ нимъ сходились многіе: и папа Пасхалій II, и императоры, и истинно-благочестивые люди, вѣрные сыны католической церкви, какъ Герохъ, и самъ знаменитый Бернардъ, гроза еретиковъ, и послѣдующіе нищенствующіе монахи. Но никто съ такою безпощадною смѣлостью и строгой послѣдовательностью не указывалъ на самый корень зла, какъ Арнольдъ. Что другими лишь смутно сознавалось или робко высказывалось, то онъ открыто провозглашалъ, не останавливаясь на полдорогѣ, не страшась никакихъ выводовъ изъ своихъ положеній. Отношеніе церкви къ государству—одинъ изъ самыхъ трудно разрѣшимыхъ вопросовъ; 700 съ лишкомъ лѣтъ тому назадъ Арнольдъ Брешіанскій предлагалъ такое рѣшеніе этого вопроса, какое въ Западной Европѣ сдѣлалось болѣе или менѣе возможнымъ лишь въ наше время. Нужно мысленно перенестись въ ту эпоху, нужно представить себѣ все могущество іерархіи и папства въ XII в., чтобы по справедливости оцѣнить смѣлость и рѣшительность Арнольда. Но именно этою-то силой тогдашняго папства и объясняется, главнымъ образомъ, неудача, постигшая стрем-

ленія Арнольда Брешіанскаго. Какъ ни настоятельна, казалось, была реформа, но она не была *общею* потребностью; папству еще не суждено было пасть; въ то время оно еще даже не достигло высшей точки своего могущества, на какой мы видимъ его впослѣдствіи, при Иннокентіи III. Въ началѣ мы упоминали, что уже Пасхалій II помышлялъ о возвращеніи духовенствомъ всѣхъ леновъ и регалій государству. Но сдѣлать это значило произвести величайшій переворотъ во всѣхъ тогдашнихъ отношеніяхъ. Подобная мѣра оказывалась неисполнимою для того времени: она была слишкомъ революціонна. По той же причинѣ не могъ осуществиться и планъ Арнольда: ужъ слишкомъ шелъ онъ въ разрѣзъ со всѣмъ тогдашнимъ строемъ.

Но Арнольдъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе историка еще и въ другомъ отношеніи—въ отношеніи къ послѣдующей реформаціи. Реформація—одно изъ величайшихъ событій, о которыхъ только знаетъ исторія; послѣдствія ея неисчислимы; въ XVI ст. большая часть Западной Европы пережила переворотъ религіозный и политическій, умственный и нравственный, соціальный и экономическій. Къ числу же предшественниковъ Лютера можно отнести, до извѣстной степени, и Арнольда Брешіанскаго. Конечно, намъ нечего искать полнаго тождества въ стремленіяхъ и воззрѣніяхъ реформатора XII в. и реформатора XVI в.; разница между ними, безъ сомнѣнія, велика. Арнольдъ, напр., не только церковный реформаторъ, но и республиканецъ-демагогъ, — между тѣмъ какъ Лютеръ думалъ ограничиться одною реформою церкви; зато первый не затрогивалъ собственно догматовъ католической церкви, Лютеръ же коснулся ихъ. Но есть между ними и общее; это—духъ свободы, не преклоняющійся слѣпо предъ человѣческимъ авторитетомъ, борьба съ папствомъ, съ теократическимъ принципомъ, съ безнравственностью духовенства, погрязшаго въ мірскихъ интересахъ, и искреннее желаніе возвратить церковь къ ея первоначальной апостольской чистотѣ.

Арнольдъ, сказали мы, былъ не только церковный реформаторъ, но и политическій дѣятель. Правда, В. Гизебрехтъ, слишкомъ буквально придерживаясь въ данномъ случаѣ одного изъ источниковъ, все значеніе Арнольда видитъ только въ томъ, что онъ старался возвратить церковь къ бѣдности и чистотѣ

временъ апостольскихъ. Но врядъ-ли мы имѣемъ основаніе отвергать свидѣтельство Оттона Фрейзингенскаго, у котораго Арнольдъ является и политическимъ реформаторомъ, тѣмъ болѣе, что это свидѣтельство нисколько не противорѣчитъ извѣстіямъ другихъ источниковъ и лишь пополняетъ ихъ. Къ тому-же, въ то время церковь на Западѣ была такъ тѣсно связана съ государствомъ и со всѣмъ общественнымъ строемъ, что реформу въ церковной сферѣ нельзя было въ сущности отдѣлить отъ реформы соціально-политической. Эта-то, такъ сказать, политическая сторона дѣятельности знаменитаго Брешіанца и подвергается обыкновенно строгому осужденію. И дѣйствительно, Арнольдъ увлекался образами давно минувшаго, стремился къ неосуществимому—къ возстановленію Рима, какимъ онъ былъ въ древности,—словомъ, оказывается, повидимому, фантазеромъ, пустымъ мечтателемъ. Но необходимо вспомнить о силѣ преданія, а главное—о тѣхъ чрезвычайно неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыя поставленъ былъ Римъ: за неимѣніемъ подходящихъ элементовъ для образованія свободной республики въ родѣ сѣверно-итальянскихъ, поневолѣ приходилось обращаться къ античнымъ воспоминаніямъ и въ нихъ искать точки опоры. Притомъ, мы даже въ точности не знаемъ, что во всѣхъ этихъ стремленіяхъ принадлежало собственно Арнольду и что принадлежало другимъ. Во всякомъ случаѣ, Арнольдъ Брешіанскій былъ человѣкъ не совсѣмъ обыкновенный; десятилѣтнее необычайное вліяніе его на Римъ достаточно доказываетъ это; а какую преданность онъ могъ внушить къ себѣ, какъ обаятельно дѣйствовалъ онъ на окружающихъ, лучше всего показываетъ боязнь его палачей, чтобы прахъ его не сдѣлался предметомъ почитанія для народа.

Какъ бы то ни было, но мученическою кончиною своею Арнольдъ искупилъ свои ошибки и увлеченія. Люди, до гроба остающіеся вѣрными своимъ идеаламъ, полагающіе жизнь за убѣжденія, за добро, нравственность и свободу, составляютъ отрадное явленіе въ исторіи и принадлежатъ не одному какому-нибудь народу: они достояніе всего человѣчества. Къ такимъ людямъ смѣло можетъ быть причисленъ Арнольдъ Брешіанскій.

VII.

Новый источникъ для культурной исторіи начала XVI стол. [1]).

Людвигъ Пасторъ, профессоръ Инсбрукскаго университета и директоръ Австрійскаго Историческаго Института въ Римѣ [2]), авторъ „Geschichte der Päpste seit dem Ausgang d. Mittelalters“, работая въ Національной библіотекѣ въ Неаполѣ, въ апрѣлѣ 1893 г. натолкнулся тамъ на составленное Antonio de Beatis описаніе путешествія, которое совершилъ кардиналъ Luigi d'Aragona въ 1517—18 г. по Швейцаріи, юго-западной Германіи, Нидерландамъ, Франціи и Верхней Италіи. Этотъ во многихъ отношеніяхъ интересный источникъ оказался неопубликованнымъ, и Пасторъ, получивъ точную копію съ рукописи, рѣшилъ издать его. Въ 1901 г. ему, кромѣ того, удалось пріобрѣсти изъ библіотеки Corvisieri въ Римѣ другую рукопись того же самаго описанія путешествія: обѣ рукописи содержатъ въ сущности одинъ и тотъ же текстъ, обѣ восходятъ къ оригиналу, дневнику; но рукопись Corvisieri исправнѣе, и ее Пасторъ положилъ въ основу предпринятаго изданія (въ Національной библіотекѣ въ Неаполѣ имѣется еще третья рукопись, съ сокращеннымъ текстомъ: многія описанія и историческіе экскурсы въ ней выпущены).

Пасторъ—послѣдователь и продолжатель Янсена, извѣстнаго автора „Geschischte d. deutschen Volkes“, написанной съ ультра-католической точки зрѣнія. Въ открытомъ имъ па-

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1906, февр.

[2]) Нетавно скончавшійся.

мятникѣ Пасторъ видѣлъ подкрѣпленіе точкѣ зрѣнія Янсена, доказывавшаго цвѣтущее состояніе Германіи наканунѣ реформаціи, и онъ издалъ его въ одномъ изъ выпусковъ „Erläuterungen und Ergänzungen su Janssens Geschichte d. deutschen Volkes“ [1]). Подлинникъ, т.-е. итальянскій текстъ, напечатанъ въ приложеніи, а въ началѣ, чтобы познакомить съ записками Antonio de Beatis болѣе широкій кругъ читателей, Пасторъ даетъ во введеніи краткую біографію кардинала, характеристику и оцѣнку описанія путешествія и затѣмъ въ извлеченіи нѣмецкій переводъ тѣхъ частей, которыя касаются Швейцаріи, Германіи и Нидерландовъ, лишь вкратцѣ передавая содержаніе остальныхъ.

Записки Antonio de Beatis, по мнѣнію Пастора, нельзя и сравнивать съ другими описаніями путешествій, которыхъ цѣлыя дюжины можно найти въ итальянскихъ библіотекахъ: „это очень важный источникъ для земле- и народовѣдѣнія“, говоритъ онъ, „для культурной исторіи описываемыхъ странъ; высоко интересная картина важнѣйшихъ культурныхъ странъ Европы въ исходѣ среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени открывается, съ обиліемъ новыхъ деталей, предъ умственнымъ взоромъ читателя“ (Vorwort, VIII).

Луиджи Аррагонскій занималъ видное мѣсто среди кардиналовъ того времени. Онъ происходилъ изъ королевской фамиліи, принималъ участіе въ борьбѣ Аррагонскаго дома въ Неаполѣ съ Франціей, сопровождалъ вдову Ферранте, Іоанну, въ Испанію, гдѣ пробылъ довольно долго, а послѣ паденія короля Федериго отправился во Францію; впослѣдствіи онъ изъѣздилъ большую часть Италіи, побывалъ въ Феррарѣ, въ Венеціи; онъ участвовалъ въ конклавахъ при избраніи Пія III и Юлія II, и есть извѣстіе, что послѣдній хотѣлъ, по изгнаніи испанцевъ изъ Неаполя, возвести его на престолъ. Онъ содѣйствовалъ избранію Льва X, при дворѣ котораго сначала занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Съ многочисленныхъ бенефицій онъ получалъ большіе доходы и велъ блестящую жизнь

[1]) Die Reise der Kardinals Luigi d'Aragona durch Deutschland, die Niederlande, Frankreich und Oberitalien, 1517—1518, beschrieben von *Antonio de Beatis*. Freib. i. Br. 1905.

кардинала временъ ренессанса. Современники прославляли его щедрость и меценатство. Между прочимъ онъ покровительствовалъ знаменитому Петру Мартиру, который посвятилъ ему часть своихъ декадъ о Новомъ Свѣтѣ (Pastor, стр. 1 сл.). Кардиналъ интересовался и искусствомъ, въ особенности музыкой, въ частности былъ большимъ любителемъ органовъ.

Многосторонность культурныхъ интересовъ Луиджи Аррагонскаго обнаруживается и во время того путешествія, которое онъ предпринялъ въ 1517 г. во Фландрію, ко двору Карла, и которое описалъ его спутникъ и секретарь Antonio de Beatis. По мнѣнію однихъ, кардиналъ отправлялся къ Карлу, чтобы добиться освобожденія герцога калабрійскаго, по мнѣнію другихъ—чтобы вручить красную шляпу кардиналу де Круа; оффиціально же оповѣщалось, что Луиджи Аррагонскій ѣдетъ во Фландрію, чтобы повидаться со своимъ родственникомъ, королемъ Карломъ (будущимъ императоромъ Карломъ V), и Antonio de Beatis—въ самомъ описаніи путешествія—говоритъ, что посѣтить этого государя было главною цѣлью путешествія, а въ другомъ мѣстѣ (въ посвятительномъ письмѣ) онъ указываетъ на любознательность кардинала, какъ на мотивъ: кардиналъ, говоритъ онъ, „не довольствуясь посѣщеніемъ большей части Италіи и всей Испаніи, захотѣлъ еще ознакомиться съ Германіей, Франціей и всѣми прилегающими къ Сѣверному морю странами“. Самъ Пасторъ ставитъ это путешествіе въ связь съ тѣмъ разрывомъ, который произошелъ около того времени между Луиджи Аррагонскимъ и папой Львомъ X; онъ даже предполагаетъ, что кардиналъ былъ заподозрѣнъ въ участіи въ заговорѣ Петруччи противъ папы и что его путешествіе было какъ-бы временной ссылкой; по возвращеніи состоялось примиреніе, и кардиналу удалось себя очистить отъ подозрѣній.

Путешествіе, описываемое Antonio de Beatis, обставлено было всевозможными для того времени удобствами. Въ свитѣ кардинала было между прочимъ два повара, изъ которыхъ одинъ всегда ѣхалъ впереди, чтобы заранѣе дѣлать необходимыя приготовленія. Все путешествіе, продолжавшееся съ небольшимъ 10 мѣсяцевъ, обошлось, считая подарки, въ 15—16 тысячъ дукатовъ. Луиджи Аррагонскаго, родственника ко-

ролевскаго дома, кардинала римской церкви, встрѣчали обыкновенно съ почетомъ; онъ входилъ въ личныя сношенія съ выдающимися или вліятельными дѣятелями того времени на разныхъ поприщахъ—съ рыцаремъ Францемъ ф. Зиккингеномъ, банкиромъ Яковомъ Фуггеромъ, съ королемъ Карломъ, Францискомъ, съ Леонардо да Винчи, не говоря уже о князьяхъ церкви. Но, судя по описанію Antonio de Beatis, политическіе интересы стояли у кардинала на второмъ планѣ; церковно-религіозные вопросы тоже, повидимому, мало занимали путешественниковъ. Вниманіе кардинала и его спутниковъ обращено было преимущественно на то, что представляло интересъ географическій, этнографическій или бытовой, культурно-археологическій и т. под.

Въ своемъ дневникѣ Antonio de Beatis день за день, въ безъискусственной формѣ, на итальянскомъ языкѣ [1]), описываетъ все интересное, что̀ видѣлъ онъ или слышалъ,—мѣстоположеніе городовъ, или улицы, главныя зданія и всякія достопримѣчательности, начиная съ реликвій, произведеній искусствъ, библіотекъ, рукописей, и кончая нравами, занятіями, костюмомъ жителей, кушаньями...

Такъ, говоря о Тріентѣ, авторъ упоминаетъ о тѣлѣ блаженнаго Симона и рядомъ объ артиллеріи императорской, „прекраснѣйшей и многочисленной, съ большими орудіями“. Въ Иннсбрукѣ, кромѣ артиллеріи, отмѣчаетъ превосходный органъ въ соборѣ, „не очень большой, но со многими регистрами и прекраснаго тона“; разсказываетъ о томъ, какъ кардиналъ былъ принятъ въ придворномъ замкѣ двумя королевами—Анной, сестрой венгерскаго короля Людовика и невѣстой Фердинанда, и сестрой послѣдняго, Маріей, помолвленой съ венгерскимъ королемъ, и подробно описываетъ ихъ наружность, ихъ нарядъ. Близъ Иннсбрука, въ Мюлау, путешественники осмотрѣли императорскій литейный заводъ, гдѣ отливались мѣдныя фигуры для надгробнаго памятника Максимиліана. Вообще въ Иннсбрукѣ кардиналъ провелъ время „съ большимъ удовольствіемъ“.

[1]) Въ одномъ изъ посвященій онъ говоритъ, что не пишетъ по-латыни, такъ какъ этотъ языкъ не всякому понятенъ и онъ имъ недостаточно владѣетъ, а потому онъ избираетъ апулійское нарѣчіе.

Въ Аугсбургѣ вниманіе обращено было прежде всего на „безчисленные фонтаны“; кардиналъ осмотрѣлъ ихъ устройство и нашелъ „артистическимъ“. Кардиналъ часто видѣлся здѣсь съ знаменитымъ банкиромъ Яковомъ Фуггеромъ. Описывается его дворецъ, его фамильная капелла въ кармелитскомъ монастырѣ, съ мраморнымъ и мозаичнымъ поломъ, украшенная золотомъ, голубыми и другими нѣжными цвѣтами и картинами, стоившая, по словамъ самого Фуггера, 23.000 флориновъ. Вообще Фуггеры, замѣчаетъ авторъ, „принадлежатъ къ богатѣйшимъ купцамъ всего христіанскаго міра; ибо они имѣютъ постоянно въ своемъ распоряженіи, не считая другихъ источниковъ, 300.000 дукатовъ. Богатство это они пріобрѣтаютъ, главнымъ образомъ давая въ займы деньги тѣмъ, кто долженъ платить въ Римъ при полученіи епископствъ, аббатствъ и крупныхъ бенефицій. Яковъ Фуггеръ хвалился, что онъ въ свое время—а ему не болѣе 70 лѣтъ [1])—содѣйствовалъ замѣщенію всѣхъ нѣмецкихъ епископствъ, во многихъ случаяхъ по два и по три раза. Другой источникъ богатствъ Фуггеровъ“, продолжаетъ Antonio de Beatis, — „уже столько лѣтъ дешево арендуемые у императора и у венгерскаго короля золотые и серебряные рудники, и хотя аренда за эти рудники повышена, все-таки, при 10.000 человѣкъ, которыхъ Фуггеры для этого дѣла содержатъ, они получаютъ еще довольно прибыли“. Упоминаются и другіе купцы въ Аугсбургѣ—Вельзеры, „но они не выдерживаютъ сравненія съ Фуггерами“. Въ своемъ саду, въ предмѣстьѣ, близъ городской стѣны, Фуггеры устроили въ честь кардинала балъ „съ прекрасными дамами“.

При описаніи Нюренберга упоминается, между прочимъ, 18 магазиновъ, наполненныхъ запасами хлѣба; одинъ изъ нихъ былъ осмотрѣнъ кардиналомъ, при чемъ показывали рожь, которой было уже больше ста лѣтъ; описывается и лугъ въ 100 шагахъ отъ города, съ пріятною зеленью, съ пятью рядами деревьевъ, и тутъ же упоминается, что въ Нюренбергѣ кардиналъ заказалъ часы и вещи изъ желѣза и латуни на значительную сумму. Кардиналъ и его спутники осмотрѣли также хранившіяся въ Нюренбергѣ регаліи и реликвіи — ко-

[1]) Въ дѣйствительности ему было тогда около 60 лѣтъ.

рону Карла Великаго, его мечъ, мечъ св. Маврикія и т. под.,— о которыхъ говорится довольно подробно. А въ заключеніе Antonio de Beatis замѣчаетъ, что Нюренбергъ ведетъ торговлю мѣхами, которые получаются изъ „Московіи“ и съ берегомъ Сѣвернаго океана. По поводу Лаунингена отмѣчается, что это— родина Альберта Великаго, изображеніе котораго имѣется на фасадѣ башни, построенной въ его память; что въ Лаунингенѣ живетъ августинскій монахъ Каспаръ Амоній, въ греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ очень свѣдущій человѣкъ, который много переводитъ изъ Св. Писанія. Говоря о Констанцѣ, авторъ замѣчаетъ, что въ немъ много прекрасныхъ, общительныхъ и веселыхъ женщинъ, и тутъ же рѣчь идетъ о соборѣ, съ его реликвіями и сокровищами, съ находящеюся при немъ обширною и прекрасною библіотекою, въ которой находится, между прочимъ, превосходная астролябія. Далѣе сообщаются подробности о заказанномъ констанцскими канониками органѣ, при чемъ авторъ замѣчаетъ, что „весь инструментъ будетъ стоить, по словамъ мастера, только 2.000 флориновъ, тогда какъ въ Италіи подобный органъ стоилъ бы 10.000“. Упоминается и залъ, въ которомъ происходилъ знаменитый соборъ и „который теперь служитъ таможней“, а также глобусъ съ названіемъ мѣсяцевъ. Въ Страсбургѣ вниманіе путешественниковъ обратилъ больше всего, конечно, соборъ, на колокольню котораго кардиналъ и его спутники подымались.

Изъ Шпейера Antonio de Beatis ѣздилъ къ пфальцграфу и къ Францу фонъ Зиккингену, который находился въ своемъ замкѣ Эбернбургѣ: отъ нихъ онъ получилъ охранныя грамоты для дальнѣйшаго путешествія. Въ Майнцѣ самъ Зиккингенъ посѣтилъ кардинала; онъ прибылъ сюда, по словамъ Antonio de Beatis, чтобы оправдаться по поводу войны съ Вормсомъ, и имѣлъ охранныя грамоты отъ императора и курфиста, которые должны были съѣхаться на сеймъ въ Вормсѣ. Къ сожалѣнію, обо всемъ этомъ въ описаніи путешествія говорится кратко, въ нѣсколькихъ словахъ.

Отъ Майнца до Кельна описывается Рейнъ и его берега, съ ихъ виноградниками, мѣстечками и городами. Говоря о Кельнѣ, авторъ подробно сообщаетъ о его реликвіяхъ, въ томъ числѣ о покоящихся тамъ тѣлахъ Скотта и Альберта Вели-

каго, при чемъ упоминаетъ, что въ библіотекѣ доминиканскаго монастыря находится собственноручный манускриптъ Альберта [1])—его сочиненіе „De natura animalium“—и его каѳедра, съ которой онъ читалъ свои лекціи. На холмѣ, называемомъ Капитоліемъ,—сообщаетъ далѣе Antonio de Beatis—есть церковь св. Маріи и при ней много канониссъ; онѣ совершаютъ службу публично на хорахъ, ѣдятъ сообща и спятъ въ монастырѣ, но днемъ могутъ выходить по двое, держать служанокъ и даже, если хотятъ, вступать въ законный бракъ.

Такъ какъ Кельнъ, по мнѣнію многихъ, говоритъ Antonio, составляетъ конецъ Верхней Германіи и начало Нижней или Фландріи, то авторъ считаетъ нужнымъ дать тутъ краткое общее описаніе Германіи. Прежде всего онъ описываетъ самую мѣстность, по которой идетъ дорога отъ Вероны до Кельна; говоритъ о повозкахъ, употребляемыхъ въ Германіи, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ вмѣстить вчетверо больше товара, нежели употребляемыя въ Ломбардіи. Всюду, говоритъ Antonio, можно найти удобныя гостиницы; во всѣхъ ихъ есть вино двухъ сортовъ, бѣлое и красное, хорошее и вкусное, съ разными приправами; пиво въ Германіи, какъ и во Фландріи, вообще хорошее. Есть вкусная телятина, много куръ и превосходный хлѣбъ. Вино не очень дорого и телятина очень дешева, такъ-что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „на одинъ дукатъ мы ѣли вчетверомъ“. Камины имѣются только въ кухнѣ, а вездѣ печи. Жители любятъ держать въ комнатахъ птицъ въ клѣткахъ. Авторъ подробно говоритъ затѣмъ о постеляхъ и одѣялахъ, въ которыхъ нѣтъ „ни блохъ, ни клоповъ“. Въ комнатахъ ставятъ столько кроватей, сколько помѣстится, что неудобно; притомъ въ спальной нѣтъ ни печей, ни каминовъ, такъ что переходъ изъ теплыхъ комнатъ въ совершенно холодное помѣщеніе, гдѣ приходится раздѣваться, представляетъ большое неудобство, но въ толстыхъ пуховыхъ постеляхъ можно скоро согрѣться. Далѣе рѣчь идетъ о лѣсахъ Германіи, о томъ, какой хлѣбъ сѣютъ, о разведеніи скота. Авторъ замѣчаетъ, что нѣмецкій сыръ не очень хорошъ; нѣмцы цѣнятъ и зе-

[1]) Рукопись эта погибла при разрушеніи монастыря (*Pastor*, стр. 47, прим. 6).

леный сыръ, но хотя онъ пикантенъ на вкусъ и запахъ, итальянецъ не сталъ бы его ѣсть. Но особенно характерны для спутниковъ кардинала тѣ замѣчанія, которыя дѣлаетъ Antonio de Beatis о нѣмецкихъ женщинахъ: онѣ, говоритъ онъ, красивы и симпатичны и „по сообщенію нашей компаніи хотя холодны по натурѣ, но сладострастны“; слѣдуетъ затѣмъ подробное описаніе ихъ костюма. Не менѣе характерны замѣчанія о молодыхъ служанкахъ при гостиницахъ. Интересны наблюденія автора о набожности нѣмцевъ, интересны въ особенности потому, что это было какъ-разъ наканунѣ реформаціи. При видѣ набожности нѣмцевъ Antonio de Beatis, „со скорбью въ глубинѣ сердца“, вспоминаетъ о малой религіозности итальянцевъ. Это сообщеніе о нѣмецкой религіозности прерывается подробностями о рыбахъ, о томъ, какъ встрѣчали кардинала мѣстныя власти, о крестахъ и изображеніяхъ распятій по дорогамъ. Свою общую характеристику Германіи Antonio de Beatis заканчиваетъ сообщеніемъ о безчисленныхъ колесахъ и висѣлицахъ, разукрашенныхъ и съ повѣшенными на нихъ людьми, изъ чего, по его словамъ, можно видѣть, какъ строго здѣсь правосудіе, а это въ этихъ странахъ весьма необходимо: такъ какъ всѣ дворяне живутъ внѣ городовъ въ своихъ крѣпкихъ замкахъ, куда скрывается и много разбойничьяго сброда, то тутъ нельзя было бы и существовать, если бы судъ не былъ такъ строгъ. Авторъ приводитъ примѣры этого и описываетъ самый процессъ колесованія.

Съ Кельна начинаются „другіе нравы, другой языкъ, лучшія одежды и болѣе тонкое обращеніе; женщины и мужчины красивѣе, нежели въ Верхней Германіи“.

Въ Ахенѣ свое вниманіе Antonio de Beatis прежде всего останавливаетъ на церкви св. Маріи, гдѣ гробница Карла Великаго, которую онъ описываетъ, и на многочисленныхъ реликвіяхъ, которыя показываютъ каждыя 7 лѣтъ въ день семи святыхъ братьевъ (10-го іюля). Къ этому празднику, говоритъ Antonio de Beatis, бываетъ всегда такое стеченіе венгровъ, что въ воздухѣ ими пахнетъ на много миль. Въ Лёвенѣ авторъ отмѣчаетъ, между прочимъ, ратушу, „прекраснѣе которой они не видѣли“, и университетъ, со всѣми факультетами, въ которомъ, какъ имъ говорили, имѣется 6.000 слушателей. Инте-

рескія замѣчанія, касающіяся Антверпена. Между прочимъ, авторъ упоминаетъ о тамошней ярмаркѣ, которая начинается съ Троицы и продолжается полтора мѣсяца. По его словамъ, это—первая ярмарка во всемъ христіанскомъ мірѣ по богатству всякаго рода товаровъ. Мы, говоритъ онъ, прибыли къ ея концу, и хотя голландцы уже уѣхали, мы все-таки были поражены при видѣ такого стеченія людей, массы разнообразныхъ товаровъ и богатства предметовъ. Antonio de Beatis описываетъ и антверпенскую гавань и даже рыбный рынокъ.

Въ Миддельбургѣ кардиналъ засталъ „католическаго короля“, т. е. Карла Испанскаго, будущаго императора Карла V, который ждалъ здѣсь благопріятной погоды, чтобы отправиться въ Испанію. Въ самый день прибытія кардиналъ былъ принятъ королемъ съ большими почестями. Вмѣстѣ съ королемъ онъ присутствовалъ и на мессѣ, при чемъ оба они, по обычаю, сидѣли подъ однимъ балдахиномъ. По окончаніи мессы послѣдовало чтеніе папскаго бреве о возведеніи въ кардиналы племянника монсиньора де-Шіевра, его присяга и врученіе ему красной шляпы. Новый кардиналъ (де Круа), бенедектинскій монахъ, которому было всего только 17—18 лѣтъ, произнесъ послѣ этого прекрасную латинскую рѣчь [1]). Кардиналъ Аррагонскій посѣтилъ также дочь императора Максимиліана, Маргариту, которая „говорила съ нимъ по-испански и очень хорошо“, и сестру Карла, Элеонору. Antonio de Beatis описываетъ ихъ наружность, а также наружность самого Карла, и замѣчаетъ, что „онъ хорошо сидитъ на лошади, по отзыву нашего кардинала, который въ этомъ знаетъ толкъ“. Далѣе говорится—но очень кратко—объ образѣ жизни Карла. Черезъ нѣсколько дней кардиналъ вторично былъ у короля и больше часа провелъ съ нимъ наединѣ.

Гаагу Antonio de Beatis называетъ „деревнею“ (un villaggio), но говоритъ, что это „прекраснѣйшее мѣсто, какое только можно найти въ свѣтѣ“; въ ней около 6.000 „дымовъ“; она можетъ выдержать сравненіе съ какимъ угодно городомъ, и тутъ же замѣчаетъ, что женщины здѣсь особенно красивы.

---

[1]) Объ этомъ ср. реляцію Laurent Vital'я въ Collect. des Voyages des Souverains des Pays Bas, цитир. *Pastor*'омъ, стр. 60, прим.

Въ Бредѣ вниманіе автора обратили многочисленныя гнѣзда цапель на деревьяхъ вокругъ собора и на крышахъ сосѣднихъ домовъ, а въ Мехельнѣ—библіотека во дворѣ принцессы Маргариты, для женщины очень богатая, съ книгами на французскомъ языкѣ, переплетенными въ бархатъ, съ серебряной, позолоченной оправой; тамъ были и картины разныхъ выдающихся мастеровъ. Говоря о Брюсселѣ, авторъ описываетъ ратушу, фонтаны, королевскій дворецъ съ паркомъ и садомъ и дворецъ графа Нассаускаго; тутъ наряду съ произведеніями искусства, среди разныхъ рѣдкостей, обратила на себя вниманіе путешественниковъ огромная кровать, на которую графъ, любившій устраивать попойки, клалъ гостей, когда они напивались до того, что не могли уже держаться на ногахъ. Кардиналъ и его спутники осмотрѣли также извѣстную фабрику ковровъ, въ которой тогда изготовлялось 16 панно, по заказу папы Льва, для Сикстинской капеллы; каждое стоило 2.000 золотыхъ дукатовъ. Путешественники видѣли то панно, на которомъ изображалось, какъ Христосъ вручаетъ ключи Петру. По мнѣнію кардинала, это—прекраснѣйшая изъ подобнаго рода работъ (извѣстно, что панно эти изготовлялись по эскизамъ Рафаэля). Въ Гентѣ, который по словамъ Antonio de Beatis, занимаетъ пространство втрое большее, чѣмъ Неаполь, и имѣетъ до 20.000 „дымовъ“, путешественники подымались на башню, на которую вела витая лѣстница въ 300 съ лишкомъ ступеней, и оттуда обозрѣвали городъ. Но при описаніи Гента авторъ въ особенности останавливаетъ свое вниманіе на картинѣ, находившейся въ одной изъ капеллъ церкви св. Іоанна и изображавшей взятіе на небо Богоматери, съ нагими фигурами Адама и Евы, въ натуральную величину, по краямъ. Фигуры эти, по словамъ автора, нарисованы съ такимъ совершенствомъ и естественностью какъ въ отношеніи пропорціональности частей, такъ и въ отношеніи тоновъ и оттѣнковъ, что эту картину можно назвать „прекраснѣйшимъ произведеніемъ живописи въ христіанскомъ мірѣ“. Какъ передавали каноники, обѣ эти фигуры нарисованы мастеромъ Верхней Германіи, по имени Робертъ (Губертъ фанъ Эйкъ), назадъ тому сто лѣтъ, но кажется, какъ будто онѣ только что вышли изъ-подъ руки художника. Живописецъ этотъ умеръ, не окончивъ картины, ко-

торая была закончена его братомъ. О Брюгге Antonio de Beatis, между прочимъ, замѣчаетъ, что тамъ дѣлаются „самыя лучшія въ свѣтѣ шляпы“, которыя кажутся какъ будто изъ шелка.

Нужно замѣтить, что, говоря о нидерландскихъ городахъ, авторъ не довольствуется общими словами о величинѣ ихъ, но большею частью даетъ и цифры „дымовъ“, сообщая такимъ образомъ интересный статистическій матеріалъ. „Вступая въ Пикардію и покидая Фландрію“, Antonio de Beatis дастъ общую характеристику послѣдней, т.-е.—точнѣе—Нидерландовъ. Онъ отмѣчаетъ чистоту нидерландскихъ городовъ, обиліе садовъ съ разными цвѣтами; упоминаетъ о тонкихъ работахъ изъ дерева, „которое получается водою изъ Россіи“, описываетъ крыши, покрытыя обыкновеннымъ чернымъ шиферомъ, и церкви съ ихъ высокими остроконечными колокольнями, прекрасными колоколами и часами; сообщаетъ, что украшенія въ церквахъ тамъ изъ латуни, что котлы, сковороды и прочая кухонная утварь дѣлается изъ подобнаго же металла, который привозится изъ Англіи, гдѣ онъ добывается въ огромномъ количествѣ и имъ производится обширная торговля. Antonio de Beatis не обходитъ молчаніемъ и голландскій скотъ, „гораздо болѣе крупный, нежели нѣмецкій“, „большею частью черный съ бѣлыми пятнами“. Далѣе онъ говоритъ о чистоплотности жителей, объ обычаѣ, въ силу котораго даже величайшій преступникъ можетъ найти убѣжище въ домѣ, гдѣ родился ребенокъ мужского пола, въ теченіе 40 дней, пока родильница не ходитъ въ церковь; о капустѣ, которую солятъ и запасаютъ на зиму, о костюмахъ женщинъ. При этомъ онъ замѣчаетъ, что нидерландскія женщины обыкновенно высокаго роста, свѣжія и здоровыя, бѣлыя и румяныя, такъ что имъ не надо краситься. Правда, „онѣ имѣютъ плохіе зубы, но у нихъ нѣтъ непріятнаго запаха изорта, такъ какъ онѣ отличаются здоровьемъ и имѣютъ очень хорошій желудокъ“. Авторъ упоминаетъ объ обыкновеніи топить торфомъ и тутъ же замѣчаетъ, что вино въ Нидерландахъ дороже, нежели въ Германіи; однако, во всѣхъ гостиницахъ имѣются хорошіе сорта бѣлаго и краснаго вина; имѣются и превосходное мясо, куры и проч. Здѣсь же мы узнаемъ, что такъ какъ у кардинала было два повара, изъ которыхъ одинъ,

какъ уже упомянуто, всегда ѣхалъ впереди, чтобы дѣлать приготовленія, то ни кардиналъ, ни его свита обыкновенно не ѣли того, что̀ готовили мѣстные жители; только для пробы путешественники ѣли всего два раза въ Германіи и во Фландріи мясо и рыбу мѣстнаго приготовленія, но они не были такъ вкусны, какъ во Франціи, „гдѣ имѣются лучшіе способы приготовлять вкусные блюда“. Подробно говорится объ устройствѣ домовъ, и въ особенности—о приготовленіи полотенъ, при чемъ авторъ замѣчаетъ, что если бы ленъ и пенька не ввозились изъ Россіи и другихъ странъ, то мѣстныхъ запасовъ не хватило бы для удовлетворенія потребности. Antonio de Beatis не забываетъ упомянуть и о „безчисленныхъ вѣтряныхъ мельницахъ“. О населеніи онъ отзывается чрезвычайно благопріятно, въ особенности о его честности; если бы, говоритъ онъ, все золото міра бросить жителямъ въ домъ, они не тронули бы его; хозяйство у нихъ прекрасное; женщины слѣдятъ за порядкомъ, ведутъ счетъ и дѣлаютъ все; въ торговлѣ и ремеслахъ мужчины и женщины одинаково дѣятельны. Antonio de Beatis выставляетъ на видъ благочестіе нидерландцевъ, подобно тому, какъ и нѣмцевъ: они, говоритъ онъ, прилежно ходятъ въ церковь; въ церквахъ никто не гуляетъ и не разговариваетъ, „какъ дѣлаютъ въ Италіи“, и это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія въ глазахъ автора, что священники читаютъ очень долго во время мессы и читаютъ такъ тихо, что никто не понимаетъ.

Описавъ путешествіе по Германіи и Нидерландамъ, Antonio de Beatis подобнымъ же образомъ описываетъ и путешествіе по Франціи, останавливаясь нѣсколько чаще на реликвіяхъ и произведеніяхъ искусства.

Изъ Калэ кардиналъ предполагалъ отправиться въ Англію, но господствовавшая тамъ эпидемія побудила его отказаться отъ этого намѣренія, и онъ отправился въ Руанъ, гдѣ въ то время находился французскій король. Въ Руанѣ кардиналъ былъ принятъ Франциском I, видѣлъ королеву и мать короля, Луизу Савойскую; Antonio de Beatis по этому поводу даетъ характеристику королевской фамиліи. Подагра помѣшала кардиналу сопровождать короля, когда тотъ покинулъ Руанъ. Но въ Гальонѣ кардиналъ засталъ дворъ и принялъ участіе въ придворной охотѣ. Здѣсь автора обокрали въ его квартирѣ, и

онъ по этому поводу отзывается очень неблагопріятно о характерѣ простого народа во Франціи, противополагая ему честность нѣмцевъ и нидерландцевъ. Далѣе онъ подробно описываетъ великолѣпный замокъ, выстроенный архіепископомъ руанскимъ, его библіотеку, садъ и паркъ.

Парижъ, на который путешественники смотрѣли съ колокольни Notre-Dame, описывается подробно. Самый соборъ авторъ находитъ большимъ, но не очень красивымъ (non molto bella). Упоминается университетъ, въ которомъ около 30.000 студентовъ, palais de justicie, съ Sainte-Chapelle и ея реликвіями, а изъ выдающихся личностей того времени, жившихъ въ Парижѣ, названы Яковъ Фаберъ („doctissimo in ogni facultà et latino et greco"), Будей, Копъ и Этьенъ („bibliopola, huomo assai docto e di buona vita"). Описывается и Сенъ-Дени, съ его аббатствомъ и королевскими гробницами, реликвіями и сокровищами.

По дорогѣ въ Бретань путешественники посѣтили и Mont Saint-Michel, съ укрѣпленіями и церковью, куда стекались богомольцы; между прочимъ, авторъ упоминаетъ о мѣстной промышленности—о покраскѣ жителями раковинъ и выдѣлкѣ роговъ, раскупаемыхъ пилигримами, и разсказываетъ объ основаніи этой церкви по хранящейся тамъ Historia latina, съ которой онъ взялъ себѣ копію. Въ Реннѣ кардиналъ былъ принятъ губернаторомъ Бретани, своимъ родственникомъ де Лаваломъ, женатымъ на дочери короля Федериго, и многими дворянами, собравшимися тамъ по случаю парламента. Въ Нантѣ вниманіе автора обратила, между прочимъ, гробница послѣдняго герцога Бретани — Франциска II, а въ Анжерѣ — гробница Ренэ I Анжуйскаго и большой органъ въ соборѣ. Въ Плесси-ле-Турѣ кардиналъ посѣтилъ маленькую дочь Франциска I, предназначенную въ жены Карлу, и дочерей де Лаваля, а въ Амбуазѣ—престарѣлаго Леонардо да Винчи (жившаго тамъ, какъ извѣстно, по приглашенію французскаго короля). Леонардо да Винчи показывалъ ему три своихъ картины — Флорентинку [1]), Іоанна Крестителя и Св. Семейство, „превосходныя картины", замѣчаетъ Antonio de Beatis, „но

[1]) Вѣроятно, La belle Ferronière. См. *Pastor*, стр. 79, прим. 8.

къ сожалѣнію отъ Леонардо нельзя больше ничего ожидать, такъ какъ его правая рука въ параличѣ". Леонардо да Винчи бесѣдовалъ съ кардиналомъ о своихъ анатомическихъ трудахъ; „онъ", продолжаетъ Antonio de Beatis, „составилъ еще, по его словамъ, безконечные томы о водѣ, о различныхъ машинахъ и другихъ предметахъ, всѣ на родномъ языкѣ, каковые если выйдутъ въ свѣтъ, доставятъ много пользы и удовольствія".

Въ Блуа, по словамъ автора, особенное вниманіе обращаетъ на себя библіотека въ королевскомъ замкѣ, содержащая много книгъ съ гербомъ короля неаполитанскаго Ферранте и съ гербомъ Людовика Сфорцы; первыя были куплены у вдовы Федериго, Изабеллы, а вторыя захвачены французами при вторженіи въ Миланъ; упоминаются также сады и королевскія конюшни. Ліонъ, по мнѣнію Antonio de Beatis, самый лучшій городъ во Франціи и носитъ нѣсколько итальянскій отпечатокъ.

По поводу Шамбери подробно описывается знаменитая Туринская плащаница, принадлежащая Савойскому дому. Въ Авиньонѣ путешественники осмотрѣли въ церкви целестинцевъ гробницы блаженнаго Петра Люксембургскаго и папы Климента VI; далѣе авторъ говоритъ о Ронѣ, упоминаетъ о Mont Ventoux, Studium generale, соборѣ Богоматери съ гробницами авиньонскихъ папъ; въ соборѣ этомъ, сообщаетъ онъ, находится икона св. Георгія, о которой говорятъ, что она написана по порученію Петрарки и что на ней имѣется портретъ Лауры; по этому поводу авторъ приводитъ стихи Петрарки въ честь Георгія; подробно описывается папскій дворецъ. Въ Марсели больше всего вниманіе путешественниковъ, судя по описанію Antonio de Beatis, было обращено на реликвіи. По поводу грота Sainte Beaume приводятся стихи Петрарки къ св. Магдалинѣ, легенда о которой связывается съ этимъ гротомъ, а по поводу Saint-Maximin'a сообщаются стихи Mario Equicola въ честь Магдалины. Въ Fréjus Antonio de Beatis отмѣчаетъ развалины римской эпохи, амфитеатръ и водопроводъ.

Авторъ даетъ общій очеркъ и Франціи, описывая характеръ страны и населенія, его обычаи и нравы по провинціямъ, указывая, что въ нихъ общаго и въ чемъ онѣ отличаются одна отъ другой; подробно говоритъ о положеніи и образѣ жизни дворянства, о положеніи сельскаго класса, объ общемъ

Москов. О-во Взаимно

впечатлѣніи, какое производятъ французскіе города, о скотѣ, напиткахъ, фруктахъ и т. д.

Наконецъ, путешественники возвратились въ Италію. Слѣдуетъ описаніе Верхней Италіи, озаглавленное „Italia bella“. Описывая Савону, авторъ упоминаетъ, между прочимъ, о гавани, а въ подробномъ описаніи Генуи говоритъ объ укрѣпленіяхъ, о крѣпости, находящейся въ рукахъ французовъ, о старомъ маякѣ, разрушенномъ дожемъ предъ сдачей его врагу, о гавани, о реликвіяхъ и тутъ же—о промышленности, бархатѣ, работахъ изъ коралловъ, далѣе—о вліятельныхъ фамиліяхъ и генуэзскихъ женщинахъ. Говоря о Миланѣ, авторъ прежде всего упоминаетъ о крѣпости, по его мнѣнію, самой сильной изъ всѣхъ существующихъ. Путешественники посѣтили и тотъ доминиканскій монастырь, въ которомъ находится знаменитая „Тайная вечеря“ Леонардо да Винчи; они видѣли ее, и уже Antonio de Beatis замѣчаетъ, что картина „начала портиться вслѣдствіе сырости стѣны или другой какой-либо причины“. Подробно описывается церковь въ Чертозѣ, „самая прекрасная“, какую только видѣлъ авторъ во время путешествія, и гробница Галеаццо Висконти, а въ Павіи путешественники осматривали мраморный, украшенный скульптурами, саркофагъ св. Августина.

Въ Италіи кардинала встрѣчали съ большимъ почетомъ. Въ Генуѣ онъ жилъ во дворцѣ дожа, какъ гость; въ Миланѣ французскій генералъ-губернаторъ Лотрекъ оказывалъ ему всяческое вниманіе и устроилъ въ честь его турниръ; въ Bozzolo кардиналъ гостилъ у Федериго Гонзаго, жена котораго приходилась ему племянницею; въ Gazzuolo онъ тоже гостилъ у Гонзаго; а въ Мантуѣ онъ въ теченіе 20 дней былъ гостемъ маркграфини Изабеллы, дворъ которой прославляетъ Antonio de Beatis.

Изъ изложеннаго видно, какой разнообразный и богатый *культурно-историческій* матеріалъ заключается въ опубликованномъ Пасторомъ источникѣ. Но политическіе и церковно-религіозные вопросы, какъ видно, мало занимали кардинала и его спутниковъ. Вспомнимъ, что кардиналъ проѣзжалъ по Германіи какъ-разъ наканунѣ реформаціи, въ 1517 г., т.-е. въ годъ Лютеровыхъ тезисовъ, всего за нѣсколько мѣсяцевъ до

нихъ. Конечно, о Лютерѣ, еще не выступавшемъ въ тотъ моментъ на борьбу съ Римомъ, онъ могъ ничего не знать, тѣмъ болѣе, что и самый путь его лежалъ чрезъ юго-западную Германію, далеко отъ Виттенберга, тогдашняго поприща дѣятельности Лютера, въ то время еще лишь скромнаго августинскаго монаха и профессора. Но все-таки уже тогда религіозно-общественная мысль Германіи была глубоко взволнована; дѣло Рейхлина еще не заглохло; только-что появились Epistolae obscurorum virorum; была въ полномъ разгарѣ борьба гуманистовъ съ кельнскими богословами; а чрезъ Кельнъ кардиналъ проѣзжалъ. Но отголоска всего этого тщетно мы будемъ искать въ описаніи путешествія кардинала: повидимому, ни онъ, ни его спутники не замѣтили того, что подготовлялось тогда въ Германіи, и *проглядѣли начало реформаціи*. Если судить по описанію Antonio de Beatis, то все обстояло благополучно, Германія была спокойна, населеніе набожно и предано римской церкви и ничто, казалось, не предвѣщало разразившейся бури. Луиджи Арагонскій, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ типичный римскій кардиналъ эпохи ренессанса, и его спутники съ любопытствомъ разсматриваютъ разныя достопримѣчательности и не предчувствуютъ этой бури...

VIII.

Леопольдъ Ранке.

(НЕКРОЛОГЪ) [1]).

Въ маѣ 1886 г. скончался одинъ изъ величайшихъ историковъ XIX столѣтія, учитель многихъ поколѣній—Леопольдъ Ранке. Ранке принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ, вліяніе которыхъ не ограничивается предѣлами ихъ отечества, труды которыхъ составляютъ эпоху въ развитіи извѣстной науки; имя его можетъ быть поставлено на-ряду съ именемъ Нибура. Въ виду этого не можемъ не посвятить его памяти хотя нѣсколькихъ словъ.

Леопольдъ Ранке родился 21-го декабря (н. ст.) 1795 г. въ Віэ (Wiehe), въ Тюрингіи. Въ то время его родина принадлежала еще курфиршеству Саксонскому; но по рѣшенію Вѣнскаго конгресса, она отошла къ Пруссіи, и Ранке такимъ образомъ сдѣлался прусскимъ подданнымъ. Да и по самымъ своимъ убѣжденіямъ онъ всегда былъ вѣрнымъ приверженцемъ Пруссіи. Высшее образованіе получилъ онъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, занимаясь сначала богословіемъ и филологіей. Но вскорѣ Ранке увлекся исторіей. То было время, когда уже появился 1-й томъ „Римской исторіи“ Нибура, и этотъ трудъ знаменитаго историка оказалъ на Ранке сильное вліяніе.

Въ 1818 г. Ранке занялъ должность учителя гимназіи во Франкфуртѣ-на-Одерѣ. Тутъ онъ пишетъ свой первый трудъ: „Geschichte der romanischen und germanischen Völker von

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1886, іюль.

1494—1535“ [1]) (1824). Такимъ образомъ уже здѣсь Ранке вступаетъ въ ту область исторіи, которая потомъ надолго сдѣлалась главнымъ предметомъ его изученія и столь мастерски разработана въ лучшихъ его трудахъ, такъ что это первое его произведеніе (какъ говоритъ онъ самъ въ предисловіи ко 2-му изданію) по справедливости можетъ быть названо введеніемъ въ послѣдующія его работы по исторіи XVI и XVII вв. Тогда же еще высказалъ Ранке свой взглядъ и на историческую науку, на ея задачи. Въ предисловіи къ „Geschichte der roman. und germ. Völker“ онъ говоритъ, что исторіи нерѣдко приписывали обязанность быть судьею прошлаго, поучать современниковъ, но что его попытка не задается столь высокими задачами: она желаетъ только показать „wie es eigentlich gewesen“. Но особенно важно было не само это произведеніе, а приложеніе къ нему: „Zur Kritik neurer Geschichtschreiber“. Этотъ-то трактатъ и произвелъ переворотъ въ изученіи новой исторіи; онъ-то и положилъ начало славѣ Ранке. Тутъ Ранке, какъ обыкновенно говорятъ, сдѣлалъ для новой исторіи то, что Нибуръ—для римской. Онъ подвергъ строгому и всестороннему анализу извѣстія такихъ авторовъ, авторитетъ которыхъ до тѣхъ поръ стоялъ незыблемо, напр. Гвиччіардини, Бокера (Белькарія) и т. под.; ихъ свидѣтельства принимались всѣми на вѣру, на основаніи ихъ писались цѣлыя книги; такъ, напр., Сисмонди въ нѣкоторыхъ главахъ своей нѣкогда столь извѣстной „Исторіи италіанскихъ республикъ“ ссылается на Бокера не менѣе 27 разъ. Изслѣдованіемъ Ранке авторитетъ такихъ источниковъ былъ окончательно подорванъ. Особенно мастерски разобрана „Historia d'Italia“ знаменитаго Гвиччіардини. Но мало того, что Ранке устранилъ подобнаго рода источники, доказавъ ихъ негодность: онъ указалъ на цѣлый рядъ другихъ, достовѣрныхъ, на нетронутый *архивный матеріалъ*, на подлинные документы и т. д.

Въ концѣ 1824 г. вышло упомянутое сочиненіе Ранке, а уже весною слѣдующаго 1825 г. онъ приглашенъ былъ въ

[1]) Изложеніе доведено лишь до 1514 г., и Ранке впослѣдствіи не продолжалъ этого труда; поэтому во 2-мъ изданіи (1874) и самое заглавіе нѣсколько измѣнено: „Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1494—1514“.

Берлинскій университетъ экстра-ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи и эту каѳедру онъ занималъ тамъ почти въ теченіе полувѣка—до самаго 1872 г.

Здѣсь, въ Берлинѣ, Ранке ознакомился со сборникомъ венеціанскихъ реляцій, хранившимся въ королевской библіотекѣ. На эти реляціи обратилъ вниманіе еще извѣстный историкъ XVIII в. Іоганнъ Миллеръ; но Ранке первый подвергъ ихъ обстоятельному изслѣдованію. Кромѣ того, онъ воспользовался нѣсколькими томами подобныхъ же реляцій, находившимися въ герцогской библіотекѣ въ Готѣ. Плодомъ изученія этого, до тѣхъ поръ совершенно еще не разработаннаго, почти неизвѣстнаго матеріала явилось одно изъ лучшихъ произведеній Ранке: „Fürsten und Völker von Süd-Europa im 16 und 17 Jahrhundert“ (1827; другое заглавіе — „Die Osmanen und die Spanische Monarchie im 16 und 17 Jahrhundert“). Чтобы вполнѣ оцѣнить этотъ трудъ, необходимо припомнить, въ какомъ положеніи находилась тогда разработка новой исторіи. Уже важно было то, что Ранке ввелъ въ кругъ изслѣдованій совершенно новый матеріалъ, открылъ для исторической науки, такъ сказать, новый источникъ. Но и въ другихъ отношеніяхъ произведеніе это образцовое. Впослѣдствіи часто Ранке упрекали—и съ нѣкоторымъ правомъ—въ излишнемъ пристрастіи къ внѣшней, политической исторіи. Но въ данномъ случаѣ Ранке показалъ, что онъ большой мастеръ и въ изображеніи внутренняго состоянія извѣстной страны. Небольшой очеркъ въ началѣ книги, менѣе сотни страницъ (новаго изданія), знакомитъ насъ съ внутреннимъ процессомъ разложенія Османскаго государства лучше, чѣмъ могутъ сдѣлать это многотомныя сочиненія. Мы видимъ тутъ и основы могущества этого государства, и неизбѣжность его паденія. То же можно сказать и относительно Испаніи: это рядъ краткихъ, пожалуй даже нѣсколько отрывочныхъ, но въ то же время мастерскихъ характеристикъ испанскихъ королей, ихъ министровъ и двора, ихъ правительственной системы, положенія финансовъ, налоговъ, управленія и состоянія различныхъ частей Испанской монархіи. Съ необыкновенною ясностью раскрываются тутъ причины упадка нѣкогда могущественной Испаніи.

Въ 1828 г. Ранке предпринялъ путешествіе въ Вѣну,

Венецію, Флоренцію и Римъ. Тамъ ознакомился онъ съ библіотеками и архивами и собралъ матеріалъ для послѣдующихъ своихъ трудовъ. Впрочемъ, и во время этого четырехлѣтняго путешествія онъ не прерывалъ своей авторской дѣятельности. Такъ, въ 1829 г. онъ пишетъ „Die Serbische Revolution“ на основаніи свидѣтельствъ самихъ участниковъ и очевидцевъ этого событія [1]). О „Сербской революціи“ Ранке достаточно привести отзывъ такого судьи, какъ Нибуръ: „Какъ исторія, эта небольшая книжка—лучшее, что̀ имѣемъ мы въ нашей литературѣ“, говоритъ онъ въ письмѣ своемъ къ Пертесу. Въ 1831 г. Ранке издалъ небольшое изслѣдованіе „Ueber die Verschwörung gegen Venedig 1618“.

По возвращеніи въ Берлинъ, Ранке вмѣстѣ съ Савиньи началъ издавать историко-политическій журналъ (*Historisch-politische Zeitschrift*, 1832—1936). Подобно многимъ другимъ представителямъ такъ называемой „исторической школы“, Ранке по своимъ принципамъ былъ консерваторомъ. Это вытекало отчасти изъ самаго взгляда его на исторію и историческіе процессы. На все существующее онъ смотрѣлъ какъ на естественное слѣдствіе предыдущаго, какъ на результатъ извѣстнаго органическаго развитія, цѣлаго ряда причинъ. До нѣкоторой степени и онъ признавалъ положеніе Гегеля: „Was wirklich ist, ist vernünftig“. Понятно, что это иногда вело къ излишнему преклоненію передъ фактомъ, въ чемъ Ранке нерѣдко и упрекали. Въ своемъ журналѣ онъ имѣлъ, между прочимъ, въ виду оспаривать, такъ-сказать, съ исторической точки зрѣнія нѣкоторыя изъ господствовавшихъ въ то время идей. Направленіе, котораго думалъ держаться Ранке, должно было быть ни революціоннымъ, ни реакціоннымъ: между этими двумя противоположными теченіями онъ хотѣлъ дать выраженіе третьему, среднему, хотя въ дѣйствительности оно все-же было ближе ко второму. Но предпріятіе, по собственному сознанію Ранке, превышало его силы и принесло разочарованіе. Онъ долженъ былъ вскорѣ убѣдиться, что публицистическая дѣятельность не составляетъ его призванія. Лучшимъ

[1]) Въ 1884 г. сочиненіе это было значительно дополнено, а въ 3-мъ изданіи (1879 г.) изложеніе доведено до Берлинскаго конгресса и заглавіе измѣнено: „Serbien und die Türkei im XIX Jahrhundert“.

въ журналѣ было то, что имѣло отношеніе къ исторіи,—статьи чисто историческія [1]). Но эта неудачная публицистическая дѣятельность не помѣшала Ранке создать самый замѣчательный свой ученый трудъ, посвященный эпохѣ католической реакціи и преобразованій въ самой римской церкви подъ вліяніемъ опасности, грозившей ей со стороны протестантизма, времени неусыпной дѣятельности инквизиціи и іезуитскаго ордена, трудъ, переведенный едва-ли не на всѣ европейскіе языки,—„Die römischen Päpste, ihre Kirche und ihr Staat im XVI und XVII Jahrh." [2]) (3 т., 1834—1843). Когда въ 1840 г. сочиненіе это появилось въ англійскомъ переводѣ, то Маколей посвятилъ ему особую статью. „Едва-ли нужно намъ говорить", замѣчаетъ онъ, „что это превосходная книга... Въ подлинникѣ сочиненіе профессора Ранке извѣстно и уважаемо вездѣ, гдѣ только изучается нѣмецкая литература... Это, дѣйствительно, произведеніе ума, одинаково способнаго и къ подробнымъ изслѣдованіямъ, и къ обширнымъ умозаключеніямъ. Оно написано въ прекрасномъ духѣ, равно далекомъ и отъ легкомыслія, и отъ ханжества, исполненномъ достоинства, вѣротерпимости и безпристрастія... Предметъ книги всегда казался намъ особенно интереснымъ. Какъ случилось, что протестантизмъ, сдѣлавшій столько успѣховъ, не сдѣлалъ ихъ больше, что римская церковь, потерявъ большую часть Европы не только перестала терять, но даже возвратила назадъ почти половину потеряннаго,—это, безъ сомнѣнія, весьма любопытный и важный вопросъ, и на этотъ вопросъ профессоръ Ранке бросилъ болѣе свѣта, нежели кто-либо изъ писавшихъ о томъ же предметѣ" [3]). Ранке „изображаетъ папъ въ трехъ отношеніяхъ [4]): какъ главъ церкви, съ ихъ традиціоннымъ духовнымъ могуществомъ, распространеннымъ во всѣхъ частяхъ свѣта и дѣйствующимъ посред-

[1]) Нѣкоторыя изъ нихъ вошли потомъ въ его „Abhandlungen und Versuche".

[2]) Въ послѣднихъ изданіяхъ—„Die römischen Päpste in den letzten vier Jahrhunderten".

[3]) *Маколей*, Собраніе сочиненій (русск. переводъ), IV, 92—93.

[4]) Слова проф. *М. Н. Петрова* (Новѣйшая національная исторіографія въ Германіи, Англіи и Франціи, Харьк. 1861, стр. 76—78). Ср. *Jul. Schmidt*, Geschichte der deutschen Literatur seit Lessing's Tod, III, 425—427.

ствомъ громадной сѣти своихъ агентовъ, — какъ свѣтскихъ князей римской области, погруженныхъ то въ домашніе, экономическіе интересы, то въ мелкія интриги и комбинаціи мѣстной политики, — то наконецъ, какъ двигателей тогдашняго образованія, какъ покровителей науки и искусства. Вездѣ вводитъ онъ читателя во внутренній бытъ духовенства и церкви и раскрываетъ предъ нимъ тѣ тайныя пружины, которыми папская политика усиливалась еще удержать надъ умами свое потрясенное владычество... Конечно, въ числѣ тѣхъ опоръ и средствъ, которыя нашло католичество въ борьбѣ своей съ вѣкомъ, самое видное мѣсто принадлежитъ братству Іисуса. Поэтому и въ исторіи Ранке развитіе ордена прослѣжено съ особеннымъ вниманіемъ, а образъ Лойолы, поставленнаго въ параллель съ Лютеромъ, принадлежитъ къ его удачнѣйшимъ характеристикамъ. Но и въ портретахъ папъ XVI и XVII вѣка Ранке выказалъ столько тонкой наблюдательности, умѣлъ такъ рельефно изобразить эти, большею частью, обыкновенныя, ничѣмъ рѣзко не выдающіяся личности, что въ этомъ еще не превзошелъ его никто. Невозмутимое, высокое безпристрастіе, царствующее во всемъ сочиненіи, утонченный анализъ лицъ и мотивовъ, двигавшихъ ими, благородный тонъ полнаго жизни разсказа съ оттѣнкомъ легкой иронія довершаютъ его образцовыя достоинства". Какъ велико было здѣсь безпристрастіе протестанта Ранке, видно изъ того, что его „Римскіе папы" подали поводъ къ слуху, будто Ранке перешелъ въ католичество. Объ „Исторіи папъ" самъ Ранке говорилъ, что о ней никто не можетъ сказать, написана ли она за или противъ папства: она была задумана ни за, ни противъ; она явилась лишь результатомъ основательнаго и безпристрастнаго изученія. Не говоримъ уже о новости (для того времени) матеріала, положеннаго Ранке въ основу своего труда.

Въ 1836 г. Ранке возведенъ былъ въ званіе ординарнаго профессора. Въ 1837 г. издаетъ онъ „Vorlesungen zur Geschichte der italienischen Poesie" и принимается за новый большой трудъ — исторію Германіи въ эпоху реформаціи („Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation", 6 т., 1839 и слѣд.), которая должна была составлять какъ-бы pendant къ его „Исторіи папъ". И этотъ трудъ написанъ глав-

Харьковск. Т-во Взаимопомощ.

нымъ образомъ на основаніи вновь добытаго, рукописнаго матеріала. Еще осенью 1836 г. въ городскомъ архивѣ Франкфурта-на-Майнѣ нашелъ Ранке сборникъ сеймовыхъ актовъ отъ 1414 г. по 1613. Въ началѣ 1837 г. онъ получилъ доступъ въ прусскій государственный архивъ въ Берлинѣ, а затѣмъ—въ саксонскій государственный архивъ въ Дрезденѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, онъ нашелъ немало документовъ, которыми могъ воспользоваться для своего труда. Кромѣ того, онъ посѣтилъ Веймаръ и нѣкоторые другіе небольшіе города, чтобъ ознакомиться и съ провинціальными архивами. Уже одно это показываетъ, какимъ неутомимымъ изслѣдователемъ былъ Ранке. „Нѣмецкая исторія въ эпоху реформаціи“ долго была лучшимъ сочиненіемъ по этому вопросу. Можно пожалѣть только, что Ранке слишкомъ много останавливается здѣсь на различныхъ сеймахъ конца XV и начала XVI столѣтія, большею частью безплодныхъ, постановленія которыхъ въ сущности ни къ чему не приводили, и что онъ удѣляетъ слишкомъ большое вниманіе политическимъ событіямъ, оставляя нѣсколько въ тѣни религіозную сторону и культурное значеніе реформаціи, такъ что масса политическихъ подробностей и эпизодовъ заслоняетъ собою основное явленіе эпохи—великую духовную борьбу. Въ оправданіе Ранке, конечно, нужно сказать, что политическія событія того времени имѣли огромное вліяніе на самый ходъ и успѣхъ реформаціи. Важно притомъ, что здѣсь едва-ли не впервые указана и прослѣжена связь религіознаго движенія съ національными германскими стремленіями. Находятъ далѣе, что Ранке слишкомъ далеко простеръ здѣсь свой объективизмъ и дипломатическую холодность, что ему недостаетъ того воодушевленія, какого требовалъ отъ автора самый ужъ сюжетъ. Вообще находили, что „Исторія Германіи въ эпоху реформаціи“ далеко уступаетъ его „Исторіи папъ“. Самъ Ранке, по его собственнымъ словамъ, чувствовалъ это: ему казалось невозможнымъ составить удобочитаемую книгу изъ актовъ имперскихъ сеймовъ и теологическихъ разсужденій. Какъ бы то ни было, а все-же ни въ одной литературѣ не было тогда такого труда по исторіи нѣмецкой реформаціи, который могъ бы замѣнить произведеніе Ранке.

Въ 1841 г. Ранке получаетъ званіе исторіографа Прусскаго государства и пишетъ „Neun Bücher preussischer Ge-

schichte", въ трехъ томахъ. Это — одна изъ слабѣйшихъ его работъ. Многіе даже отдавали предпочтеніе старинному сочиненію Штенцеля: „Geschichte des preussischen Staats" (1830—1837). На этотъ разъ Ранке оставилъ свою обычную объективность и слишкомъ ужъ идеализировалъ Гогенцоллерновъ. Впрочемъ въ новомъ изданіи (1874) сочиненіе это подверглось значительнымъ дополненіямъ и исправленію („Zwölf Bücher preuss. Gesch.", 5 т.).

До сихъ поръ Ранке занимался или исторіей трехъ южныхъ полуострововъ Европы, или исторіей Германіи; теперь онъ обращается къ другимъ странамъ Запада и издаетъ превосходную „Исторію Франціи, преимущественно въ XVI и XVII столѣтіи" („Französische Geschichte, vornehmlich im 16 und 17 Jahrh.", 6 т., 1852—1861). Обычныя достоинства характеризуютъ и этотъ трудъ Ранке. Припомнимъ, напр., характеристику Франциска I, Колиньи, Ришелье, Людовика XIV, исторію гугенотскихъ войнъ, главу о Варѳоломеевской ночи и т. под. Безъ сочиненія Ранке нельзя обойтись при изученіи исторіи Франціи того времени. Но особенно неоцѣнимымъ пособіемъ служитъ оно для знакомства съ вѣкомъ Людовика XIV, такъ какъ даже въ самой французской литературѣ до самаго послѣдняго времени, когда появились соотвѣтствующіе томы Histoire de France, редактируемой *Лависсомъ*, не было общаго дѣльнаго сочиненія, въ которомъ была бы всесторонне изображена эта эпоха.

За „Французскою исторіей" послѣдовала не менѣе замѣчательная „Англійская исторія" („Englische Geschichte vornehmlich im 17 Jahrhundert", 9 т., 1859 сл.). Ее обыкновенно ставятъ на-ряду съ извѣстнымъ трудомъ Маколея. Только пріемы и точки зрѣнія нѣмецкаго и англійскаго историка совсѣмъ разные. Маколей обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на внутреннюю, парламентскую исторію самой Англіи; отношенія послѣдней къ европейскимъ государствамъ, внѣшняя политическая исторія изложены сравнительно слабо. Напротивъ, у Ранке эта сторона изслѣдована очень обстоятельно и съ обычнымъ мастерствомъ; событія внутренней исторіи Англіи разсматриваются въ связи съ современнымъ имъ общимъ положеніемъ Западной Европы. Маколей писалъ, какъ истый вигъ; его сочиненіе — прославленіе партіи виговъ, апологія обѣихъ

англійскихъ революцій XVII вѣка, и самъ Маколей не думалъ этого скрывать. Ранке держится болѣе объективной точки зрѣнія, по крайней мѣрѣ, не выражаетъ такъ открыто своихъ симпатій; иногда его воззрѣнія приближаются къ воззрѣніямъ торіевъ; но это не мѣшаетъ ему отдать должное, напр., нѣкоторымъ республиканскимъ вождямъ. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ взглядъ Ранке на Кромвелля. Впрочемъ, здѣсь, быть можетъ, сказалась также и извѣстная симпатія нѣмецкаго историка къ тѣмъ личностямъ, которыя были представителями сильной государственной власти, а къ числу таковыхъ принадлежалъ, несомнѣнно, и Кромвелль, хотя онъ и вышелъ изъ рядовъ республиканцевъ и индепендентовъ.

Въ 1869 г. Ранке посвятилъ особое изслѣдованіе исторіи Валленштейна („Geschichte Wallensteins"), занимающее далеко не послѣднее мѣсто между его многочисленными трудами; стоитъ припомнить, напр., какъ изслѣдуетъ онъ отношенія Валленштейна къ императору и какъ рѣшаетъ онъ спорный и запутанный вопросъ о его измѣнѣ и катастрофѣ. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ работъ, преимущественно по исторіи Германіи, болѣе или менѣе выдающихся, хотя, конечно, и не имѣющихъ того значенія, какое имѣютъ первые труды Ранке. Мы ограничимся лишь ихъ перечисленіемъ: „Zur deutschen Geschichte. Vom Religionsfrieden bis zum 30-jährigen Kriege" (1868), „Der Ursprung des Siebenjährigen Krieges" (1871), „Die deutschen Mächte und der Fürstenbund" (1872), „Abhandlungen und Versuche" (1872). Въ 1872 г. вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ Ранке оставляетъ каѳедру, но продолжаетъ работать съ прежнею неутомимостью. Въ 1873 году издаетъ онъ: „Aus dem Briefwechsel Friedrich Wilhelms IV mit Bunsen", а затѣмъ: „Ursprung und Beginn der Revolutionskriege 1791 und 1792" (1875), „Zur Geschichte von Oesterreich und Preussen zwischen den Friedensschlüssen von Aachen und Hubertsburg" (1875), „Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers von Hardenberg" (1876—1877), „Historisch-biographische Studien" (1877), „Zur Venezianischen Geschichte" (1878) [1]. Наконецъ, въ послѣдніе

[1]) Сюда вошло и изданное отдѣльно еще въ 1831 г. изслѣдованіе „О заговорѣ противъ Венеціи въ 1618 году".

годы жизни престарѣлый, но неутомимый Ранке принимается за новый, колоссальный трудъ, который, казалось, долженъ былъ служить достойнымъ вѣнцомъ прежней его долголѣтней и плодотворной авторской дѣятельности, за „Всемірную исторію“ [1]).

По Ранке, всемірная исторія не есть простое собраніе исторій отдѣльныхъ народовъ: это бы значило „терять изъ виду связь вещей“, а задача всемірной исторіи именно и есть— „познать эту связь и указать на ходъ великихъ событій, связывающій всѣ народы“. Ея предметъ — „историческая жизнь, которая переходитъ отъ одной націи къ другой, отъ одного круга народовъ къ другому“. Сообразно съ такимъ взглядомъ, Ранке (по крайней мѣрѣ, въ первыхъ частяхъ своего труда) не вдается въ подробности; онъ обозрѣваетъ обыкновенно разомъ всѣ одновременныя явленія, хотя бы и отдѣленныя пространствомъ, и явленія, на первый взглядъ совершенно разнородныя и даже противоположныя, чѣмъ особенно отличается 4-я часть (преимущественно въ концѣ 1-го отдѣла). Здѣсь онъ безпрестанно переноситъ свой взоръ съ крайняго Востока на крайній Западъ, съ береговъ Босфора—въ Италію или Галлію, и обратно; за описаніемъ отраженія Аттилы непосредственно слѣдуетъ обозрѣніе религіозно-догматическихъ споровъ. Нерѣдко Ранке подмѣчаетъ связь между такими явленіями, которыя мы привыкли представлять себѣ совершенно обособленными, не имѣющими ничего общаго между собой. Вообще, „Всемірная исторія“ Ранке—произведеніе вполнѣ оригинальное, поражающее иногда новизною взгляда или, по крайней мѣрѣ, уклоненіемъ отъ общепринятаго мнѣнія. Стоитъ обратить вниманіе, напр., на характеристику императора Констанція и Юліана Отступника, на сравнительную оцѣнку Григорія Турскаго и другихъ источниковъ для франкской исторіи, или на то, какъ относится Ранке къ религіознымъ распрямъ христіанъ и какое мѣсто отводитъ онъ имъ въ своемъ изложеніи. Онъ обращаетъ вниманіе и на явленія умственной жизни народовъ; напр., у него есть прекрасныя страницы, посвященныя греческой поэзіи и философіи. Но, къ сожалѣнію, у Ранке оставлена совершенно

---

[1]) Болѣе подробныя мои статьи о ней—въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1885, авг., и 1886, апр.

безъ вниманія экономическая и соціальная сторона, и это пренебреженіе заходитъ слишкомъ уже далеко. Особенно чувствителенъ такой пробѣлъ тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о паденіи Западной Римской имперіи. Смѣшно, конечно, объяснять это паденіе истощеніемъ почвы, какъ дѣлали нѣкоторые естественники (Либихъ). Но не менѣе ошибочно объяснять подобное событіе и однѣми лишь внѣшними причинами. А именно это и видимъ мы у Ранке: съ особенною подробностію говорится у него о всѣхъ внѣшнихъ, политическихъ событіяхъ, сопровождавшихъ паденіе древняго Рима, но нѣтъ ни слова о внутреннемъ разложеніи самого древняго міра, такъ что самый фактъ паденія колоссальной имперіи является чѣмъ-то случайнымъ и непонятнымъ. Зато при изложеніи нѣкоторыхъ политическихъ событій Ранке вдается иногда въ излишнія подробности. Такъ, очень подробно говорится о всѣхъ смутахъ, возстаніяхъ и о всѣхъ претендентахъ на византійскій престолъ въ царствованіе Юстиніана II. Это было бы, пожалуй, умѣстно въ исторіи спеціальной, но не во всемірной, въ которой, напр., древнему Востоку и Греціи посвященъ всего только 1 томъ (въ 2 небольшихъ частяхъ) и которая, по словамъ же Ранке, должна „познать лишь связь вещей и указать на общій ходъ великихъ событій“. Тутъ достаточно было бы общей характеристики тогдашнихъ византійскихъ смутъ. Или, напр., съ особенною подробностью излагается исторія всѣхъ, даже незначительныхъ, майордомовъ, а о бенефиціальныхъ и ленныхъ отношеніяхъ упоминается лишь вскользь, мимоходомъ. Вообще, въ своемъ послѣднемъ произведеніи Ранке придаетъ слишкомъ большое значеніе личному моменту, въ противоположность прежнимъ своимъ воззрѣніямъ.

Но не смотря на это, „Всемірная исторія“ Ранке [1])—выдающееся явленіе новѣйшей историографіи. Трудно повѣрить, что это—произведеніе 90-лѣтняго старца: оно дышетъ чисто-юношескою свѣжестью. Съ обычнымъ своимъ мастерствомъ изображаетъ Ранке контрастъ и взаимодѣйствіе различныхъ моментовъ.

[1]) Въ ней самъ Ранке довелъ изложеніе до времени императора Генриха III. На основаніи оставшихся бумагъ и замѣтокъ издано продолженіе (т. VIII—IX), въ составъ котораго вошли и читанныя Ранке лекціи Максимиліану II Баварскому „Объ эпохахъ новѣйшей исторіи“.

Неотъемлемое достоинство Ранке вообще, не говоря уже о его необыкновенной плодовитости [1],—критическій талантъ. Въ этомъ съ нимъ не можетъ сравниться никто изъ новѣйшихъ историковъ, за исключеніемъ развѣ Нибура. Въ отношеніи критики Ранке былъ недосягаемымъ образцомъ для своихъ многочисленныхъ учениковъ и послѣдователей. Но Ранке произвелъ переворотъ въ изученіи новой исторіи не однимъ только своимъ строгимъ критическимъ методомъ: онъ обогатилъ историческую науку указаніемъ и введеніемъ въ кругъ изслѣдованія новыхъ источниковъ; именно со временъ его трудовъ получаютъ *архивы* то великое значеніе, какимъ они пользуются теперь. Объективность — другая, не менѣе выдающаяся черта Ранке. Недаромъ онъ признается главою такъ называемой „объективной школы". Его труды поражаютъ своимъ безпристрастіемъ и спокойнымъ, невозмутимымъ тономъ. Насколько вообще можно историку отрѣшиться отъ своихъ симпатій и антипатій при изложеніи явленій прошлаго, настолько сдѣлалъ это Ранке. Съ такою же объективностью судилъ онъ и о современныхъ ему событіяхъ. Тьеръ отзывался о Ранке, что это— величайшій историкъ Германіи и, можетъ быть, Европы, ибо онъ смотритъ и на современныя явленія, какъ историкъ. Когда Ранке въ 1870 г. встрѣтился въ Вѣнѣ съ Тьеромъ, который объѣзжалъ тогда европейскіе дворы, ища сочувствія и поддержки побѣжденной Франціи и смягченія тяжелыхъ условій, предъявленныхъ къ ней побѣдителемъ, и когда между ними зашла рѣчь объ этихъ условіяхъ, то Ранке, резюмируя общее впечатлѣніе, вынесенное изъ разговора, замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „Уступка Эльзаса была бы, можетъ быть, возможна" (со стороны Франціи), „но не Меца. Ибо для перваго мотивомъ можетъ служить національность. Мецъ же, напротивъ, всегда былъ французскимъ по національности и по языку. Рана, нанесенная этимъ, была бы двойная". Чтобы оцѣнить

---

[1]) Полное собраніе его сочиненій издано въ 54 т.; правда, въ одну книгу входитъ нерѣдко по 2 тома; но зато сюда не вошли „Всемірная исторія" и нѣкоторыя мелкія работы. Послѣдніе томы (53—54, въ одной книгѣ) составляютъ автобіографія, письма и дневники Ранке, подъ общимъ заглавіемъ: „Zur eigenen Lebensgeschichte".

вполнѣ такую объективность, надо вспомнить тогдашнее настроеніе побѣдителей—нѣмцевъ...

Но объективизмъ, какъ извѣстно, имѣетъ свою опасную сторону: тутъ легко впасть въ другую крайность, въ индифферентизмъ, и Ранке не безъ основанія подвергался иногда упрекамъ въ излишней невозмутимости и холодности, въ недостаткѣ воодушевленія, въ преклоненіи предъ фактомъ и т. под. Впрочемъ, какъ ни строго объективенъ онъ въ своихъ научныхъ трудахъ, а все-таки въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно замѣтить его симпатіи. Такъ, напр., его особенно привлекали, какъ было уже упомянуто, такія личности, которыя олицетворяли въ себѣ идею государства, были представителями сильной государственной власти. Вспомнимъ хотя бы характеристику императора Констанція во „Всемірной исторіи", Кромвелля—въ „Англійской", Ришелье и Людовика XIV—во „Французской"; послѣдняя особенно замѣчательна, если обратить вниманіе на то, что она принадлежитъ перу *нѣмецкаго* историка. Объективизмъ Ранке вытекалъ изъ самаго взгляда его на исторію и ея задачи. Цѣль исторіи—показать, какъ извѣстное явленіе или событіе происходило въ дѣйствительности, „wie es eigentlich gewesen". Представить историческую истину—таковъ идеалъ Ранке [1]). Но, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ [2]), изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вся задача исторіи сводилась лишь къ собранію и нагроможденію фактовъ: послѣдніе необходимо еще уразумѣть. Для исторіи требуется не только память, но и острый проницательный умъ: какъ трудно уже отличить истинное отъ ложнаго, изъ многихъ извѣстій избрать лучшее, наиболѣе достовѣрное. А между тѣмъ это только часть задачи исторической науки: другая сторона, болѣе величественная, но и болѣе трудная, состоитъ въ томъ, чтобы уразумѣть причины явленій и ихъ слѣдствія. Замѣчательна также у Ранке его универсальная точка зрѣнія, которая господствуетъ во всѣхъ его трудахъ; даже исторія каждой отдѣльной страны, напр., Франціи, Англіи и т. д.,

[1]) „Denn das Ideal ist immer, die historische Wahrheit der Welt zu vergegenwärtigen" (Zur Kritik neurer Geschichtschreiber, 2-te Aufl. 1874, стр. 150).

[2]) Въ своей рѣчи „О сродствѣ и различіи между исторіей и политикой" („De historiae et politices cognatione atque discrimine"), произнесенной имъ въ 1836 году, при вступленіи въ ординатуру.

излагается у него болѣе или менѣе въ связи съ общеевропейскими отношеніями. Не говоря ужь о „Всемірной исторіи", исторія всего Юга и Запада Европы—Сербіи, Турціи, Италіи, Испаніи, Германіи, Франціи, Англіи, все это входило въ кругъ изученія Ранке. Въ изображеніи взаимодѣйствія и контраста различныхъ моментовъ онъ былъ великій мастеръ; а о его умѣньи характеризовать дѣйствующихъ лицъ, иногда всего лишь нѣсколькими чертами, мы ужъ не говоримъ. Отличаясь широтою взгляда, Ранке выводитъ обыкновенно извѣстныя явленія и событія не изъ какихъ-нибудь чисто случайныхъ, мелкихъ причинъ, большею частью не изъ „личнаго момента", а всегда старается открыть болѣе общія и глубокія причины ихъ. За то его можно упрекнуть въ излишнемъ пристрастіи къ внѣшней, политической или, точнѣе говоря, дипломатической исторіи, въ ущербъ внутренней. Такая односторонность особенно рѣзко бросается въ глаза въ его „Всемірной исторіи". Но этотъ упрекъ, конечно, не примѣнимъ къ такимъ его трудамъ, какъ „Османы и Испанская монархія" или какъ „Римскіе папы". Что касается внѣшней формы изложенія у Ранке, то она, при всей видимой безъискусственности, отрывочности, подчасъ даже безсвязности, — чрезвычайно своеобразна, и перевести Ранке на какой-либо другой языкъ близко къ подлиннику, со всѣми оттѣнками,—дѣло далеко не легкое. Ранке не любитъ останавливаться на томъ, что онъ предполагаетъ болѣе или менѣе извѣстнымъ—„was jederman weiss": тутъ онъ обыкновенно ограничивается краткимъ очеркомъ или просто намекомъ, брошеннымъ вскользь словомъ; поэтому безъ надлежащей подготовки сочиненія Ранке читаются, нельзя сказать, чтобы легко.

Таковъ Ранке—авторъ. Но это лишь одна сторона его дѣятельности. Не менѣе замѣчательна и другая. Ранке знаменитъ былъ также какъ преподаватель, и для Германіи его преподавательская дѣятельность имѣетъ значеніе не менѣе авторской. Ранке создалъ цѣлую школу. Его ученики заняли большинство каѳедръ исторіи въ нѣмецкихъ университетахъ. Такіе извѣстные ученые, какъ Зибель, Вайцъ, В. Гизебрехтъ, не говоря уже о другихъ,—все это ученики Ранке. Ему въ значительной степени обязана своею успѣшною разработкой и средневѣковая исторія Германіи. Правда, самъ Ранке, если исключить его

„Weltgeschichte“, писалъ все по новой исторіи — по средней ему принадлежитъ лишь трактатъ о Каролингскихъ анналахъ: „Zur Kritik fränkisch-deutscher Reichsannalisten“, — но подъ его руководствомъ слушатели работали надъ средневѣковыми памятниками, и тутъ-то Ранке показывалъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ источниками. Ученики его, усвоивъ методъ своего учителя, обладали необходимою подготовкой и для такой дѣятельности, какъ изданіе историческихъ памятниковъ. И дѣйствительно, изъ школы Ранке вышло большинство сотрудниковъ по изданію „Monumenta Germaniae“. Кромѣ того, по его иниціативѣ и подъ его наблюденіемъ впервые стали издаваться такъ называемыя „Jahrbücher“, именно „Jahrbücher des deutschen Reichs unter dem Sächsischen Hause“. Наконецъ, Ранке состоялъ предсѣдателемъ основанной въ 1858 г. „Исторической коммиссіи“ при Баварской академіи наукъ, коммиссіи, которой принадлежитъ столько замѣчательныхъ изданій. Между прочимъ, по иниціативѣ же Ранке стали издаваться этою коммиссіей „Allgemeine deutsche Biographie“ и „Jahrbücher der deutschen Geschichte“.

Такимъ образомъ, имя Ранке неразрывно связано съ блестящимъ развитіемъ нѣмецкой исторіографіи въ XIX в. Онъ — одинъ изъ главныхъ виновниковъ этого развитія. Недаромъ же нѣмцы называли его „Altmeister der deutschen Geschichtswissenschaft“. Но вліяніе научной дѣятельности его распространялось далеко за предѣлы Германіи. Въ лицѣ Ранке сошелъ въ могилу одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ европейскихъ ученыхъ прошлаго вѣка, представившій притомъ поразительный примѣръ трудолюбія и любви къ наукѣ: 90-лѣтній историкъ умеръ, можно сказать, съ перомъ въ рукѣ; всего лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти издалъ онъ VI-ую часть своей „Всемірной исторіи“ и скончался среди работы надъ VII-ою ея частью...

IX.

Генрихъ Зибель, какъ историкъ-политикъ [1]).

Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, съ 1884 по 1896 г., историческая наука въ Германіи понесла рядъ тяжелыхъ утратъ. Въ короткій промежутокъ, между 1884 и 1890 г., одинъ за другимъ сошли въ могилу Дройзенъ, Ранке, Вайцъ, Максъ Дункеръ, Вильгельмъ Гизебрехтъ, — все имена, съ которыми связано блестящее развитіе нѣмецкой исторіографіи, національнаго сознанія и идеи политическаго единства Германіи подъ главенствомъ Пруссіи; затѣмъ, въ 1895—96 г., скончались Зибель, Трейчке, Курціусъ. Среди нихъ одно изъ первыхъ мѣстъ должно быть отведено, несомнѣнно, Зибелю, автору „Исторіи времени революціи“ и „Основанія Германской имперіи“, имя котораго такъ хорошо было извѣстно не только тѣсному кругу спеціалистовъ, но и всему образованному обществу, даже далеко за предѣлами Германіи. Это былъ послѣдній изъ могиканъ, послѣдній изъ той плеяды, которая когда-то окружала Ранке и составила славу нѣмецкой исторической школы...

Если вѣрно вообще, что различныя теченія въ сферѣ философской и политической мысли, настроеніе, стремленія и идеалы общества находятъ себѣ отраженіе въ трудахъ историковъ и самымъ могущественнымъ образомъ вліяютъ на изученіе и оцѣнку явленій прошлаго, то въ особенности это примѣнимо къ Зибелю. Дѣло въ томъ, что Зибель, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ Трейчке, все-же былъ по преимуществу *историкъ-*

[1]) Записки Имп. Харьковск. Унив., 1896 г., кн. 4.

политикъ; онъ былъ современникомъ и дѣятелемъ такой знаменательной въ исторіи Германіи эпохи, какъ 1848—70 гг., и происходившія на его глазахъ событія вліяли на самый выборъ его темъ, на точку зрѣнія, на его симпатіи и антипатіи.

I.

Генрихъ Зибель родился въ Дюссельдорфѣ 2 дек. (н. ст.) 1817 г. Росъ онъ среди самой благопріятной обстановки. Семейство Зибелей обнаруживало склонность къ научно-литературнымъ занятіямъ: дѣдъ Генриха былъ образованный богословъ и проповѣдникъ, въ числѣ произведеній котораго для насъ интересенъ трактатъ на тему: „Можетъ ли путемъ революціи человѣчество достичь улучшеній“? его отецъ, по профессіи юристъ и чиновникъ, по своимъ убѣжденіямъ умѣренный либералъ и приверженецъ Пруссіи, оставилъ записки о времени французскаго владычества, а его мать отличалась эстетическими наклонностями. Въ то время Дюссельдорфъ являлся однимъ изъ средоточій художественной и поэтической жизни Германіи: здѣсь жили знаменитый Шадовъ и его ученики, поэтъ Иммерманъ, композиторъ Мендельсонъ. Всѣ они были постоянными посѣтителями дома родителей Зибеля, и Зибель впослѣдствіи вспоминалъ [1]), какая „полнота благороднѣйшихъ эстетическихъ впечатлѣній окружала его въ дѣтствѣ и пробуждала влеченіе къ изящной формѣ и философскому созерцанію“. Также счастливо протекли и гимназическіе годы Зибеля. Уже тогда онъ пристрастился къ исторіи, читалъ Нибура и произведенія знаменитаго англійскаго парламентскаго дѣятеля и оратора Борка. Тотъ и другой оказали на него чрезвычайно сильное вліяніе.

Въ 1834 г., шестнадцатилѣтнимъ юношею, поступаетъ Зибель въ Берлинскій университетъ. То было время уже начав-

[1]) См. интересную статью о Зибелѣ въ „Deutsche Rundschau“ 1895, Oct., гдѣ приводятся выдержки изъ его автобіографическихъ замѣтокъ и изъ писемъ. Статья принадлежитъ *Bailleu*, служащему въ Государственномъ Архивѣ, директоромъ котораго былъ Зибель въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ своей жизни.

шагося процвѣтанія исторической науки въ Германіи. Среди тогдашнихъ берлинскихъ профессоровъ выдавались юристъ Савиньи и историкъ Леопольдъ Ранке. Подъ ихъ-то руководствомъ и развились историческія дарованія Зибеля. Особенно сильно и благотворно было вліяніе Ранке. Извѣстно, какое значеніе имѣлъ онъ, какъ преподаватель. Ранке, пріобрѣвшій славу своими трудами по новой исторіи, въ устроенномъ имъ историческомъ семинаріи руководилъ занятіями своихъ слушателей преимущественно по изученію и критикѣ средневѣковыхъ памятниковъ, и тутъ однимъ изъ первыхъ его учениковъ былъ Зибель, на-ряду съ Вайцемъ и Гизебрехтомъ. По собственнымъ словамъ Зибеля, лекціи Ранке открыли ему новый міръ, и тотъ часъ ранняго утра, когда молодой студентъ впервые явился въ домъ Ранке, чтобы принять участіе въ ведшихся тамъ практическихъ занятіяхъ по исторіи, былъ „началомъ его научной жизни“ и остался памятнымъ навсегда. Объ этомъ, съ теплою благодарностью къ учителю, вспоминаетъ впослѣдствіи уже 50-лѣтній Зибель въ письмѣ къ Ранке по случаю докторскаго юбилея послѣдняго.

Въ школѣ Ранке Зибель усвоилъ образцовый, строго-критическій методъ историческаго изслѣдованія. Но онъ не вышелъ изъ университета слѣпымъ и безусловнымъ послѣдователемъ или простымъ подражателемъ своего учителя: свою самостоятельность онъ обнаружилъ еще въ докторской диссертаціи, касавшейся извѣстій Іордана о готахъ, и въ особенности въ приложенныхъ къ ней тезисахъ. Ранке, какъ извѣстно, не возлагалъ на историка обязанности быть судьею прошлаго, поучать современниковъ: цѣль исторіи, по его собственнымъ словамъ,—лишь представить „историческую истину“, показать, „какъ собственно было“, wie es eigentlich gewesen. Ранке былъ главою объективной школы, и насколько только можетъ историкъ отрѣшиться отъ предвзятой точки зрѣнія, отъ личныхъ симпатій и антипатій, настолько сдѣлалъ это Ранке: протестантъ, онъ далъ лучшую исторію папъ новаго времени; нѣмецъ и оффиціальный историографъ Прусскаго королевства, онъ въ своей „Исторіи Франціи XVI и XVII ст.“ представилъ безпристрастную характеристику Ришелье и Людовика XIV; строгій монархистъ и консерваторъ, онъ въ „Англій-

ской исторіи" видимо преклоняется предъ Кромвеллемъ; онъ выводилъ событія обыкновенно не изъ какихъ-либо случайныхъ или мелкихъ причинъ, большею частью не изъ личнаго „момента" (употребляя его любимое выраженіе), а старался отыскать болѣе или менѣе общія и глубокія основанія. Между тѣмъ его ученикъ въ своихъ тезисахъ говоритъ, что исторію нужно писать „*cum ira et studio*"; онъ настаиваетъ на великомъ значеніи личности въ исторіи: „отъ лицъ, а не отъ учрежденій зависятъ судьбы народовъ". Такъ говорилъ Зибель еще въ 1838 г., когда ему было 20 лѣтъ. Эти положенія стали для него основными, и онъ держался ихъ въ теченіе всей своей послѣдующей профессорской и авторской дѣятельности. Такое различіе во взглядахъ не помѣшало Ранке въ одномъ изъ частныхъ писемъ сказать о диссертаціи Зибеля, что она содержитъ, „много замѣчательнаго" [1]), и впослѣдствіи всегда принимать дружеское участіе въ судьбѣ своего даровитаго ученика, всячески способствовать его успѣхамъ.

II.

Въ 1840 г., всего 23 лѣтъ отъ роду, Зибель уже читаетъ лекціи въ Боннскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента. Университетъ этотъ, основанный лишь въ 1818 г., занималъ ужъ одно изъ первыхъ мѣстъ и въ особенности славился своими историками: одно время здѣсь былъ профессоромъ знаменитый Нибуръ, а въ 40-хъ годахъ каѳедру исторіи занимали Дальманъ, Арндтъ, Лебель. Въ ихъ среду вступилъ и Зибель. Спеціальностью его тогда была еще средняя исторія. Въ 1841 г. онъ издаетъ: „*Geschichte des ersten Kreuzzugs*", предпринятую по побужденію Ранке и стоявшую въ прямой связи съ практическими упражненіями надъ разборомъ источниковъ, ведшимися въ его семинаріи.

Трудомъ этимъ молодой историкъ сразу обратилъ на себя вниманіе и, можно сказать, произвелъ переворотъ въ изученіи крестовой эпохи. Зибель отдѣлилъ сагу отъ исторіи, разрушилъ легенду, создавшую изъ Петра Амьенскаго иниціатора кресто-

[1]) *Ranke*, Zur eigenen Lebensgeschichte, стр. 301.

ваго похода, а изъ Готтфрида Бульонскаго—главнаго героя его; доказавъ недостовѣрность Альберта Ахенскаго и Вильгельма Тирскаго, онъ обратился къ источникамъ, болѣе близкимъ къ событіямъ и болѣе достовѣрнымъ; изслѣдовалъ основныя причины и ближайшіе поводы крестовыхъ движеній, какъ слѣдствія тогдашняго міросозерцанія съ его аскетикой и мистикой, іерархическихъ стремленій папства, воинственности и т. под. Сколько лѣтъ уже прошло со времени появленія труда Зибеля [1]), но и до сихъ поръ, не смотря на нѣкоторыя поправки въ частностяхъ, онъ является основнымъ; главные выводы его остаются незыблемыми и сдѣлались достояніемъ науки.

„Исторія перваго крестоваго похода“ не имѣетъ никакого отношенія къ современности. Второй крупный научный трудъ Зибеля, вышедшій изъ-подъ пера его въ 1844 г. и тоже относящійся къ средней исторіи,—„*Entstehung des deutschen Königthums*“—уже имѣетъ нѣкоторую связь съ нею и съ направленіями въ литературѣ и во внутренней политикѣ временъ Фридриха Вильгельма IV, этого „романтика на тронѣ“. Зибель, человѣкъ новаго времени, былъ противъ романтизма, противъ идеализаціи среднихъ вѣковъ и самихъ германцевъ. Въ названномъ выше трудѣ онъ отвергаетъ всякое національное сознаніе у послѣднихъ въ моментъ ихъ поселенія въ предѣлахъ Римской имперіи и придаетъ большое значеніе родовому быту; въ королевской власти онъ видитъ не національный институтъ германцевъ, а явленіе позднѣйшее, возникшее исключительно подъ вліяніемъ Рима и притомъ изъ званія предводителя войска, или благодаря римскому foedus. Трудъ этотъ [2]) интересенъ еще и по своему сравнительному методу: Зибель привлекаетъ тутъ аналогичныя явленія въ быту другихъ народовъ, для сравненія съ бытомъ германцевъ. Взгляды Зибеля вызвали продолжительный споръ и возраженія со стороны такихъ знатоковъ древне-нѣмецкой исторіи, какъ старѣйшій ученикъ Ранке, Вайцъ, и затѣмъ Данъ. За-то можно найти аналогію между воззрѣніями Зибеля и воззрѣніями знаменитаго французскаго историка Фюстель де Куланжа.

[1]) Въ 1881 г. вышло новое изданіе его.
[2]) Въ 1881 г. вышло второе изданіе его.

Уже прямое отношеніе къ тогдашней современности имѣетъ рѣзкій полемическій трактатъ, написанный Зибелемъ въ томъ же 1844 г., совмѣстно съ другомъ его, оріенталистомъ Гильдемейстеромъ, носящій заглавіе: „*Святой хитонъ Трирскій и двадцать другихъ святыхъ нешитыхъ хитоновъ*“ („*Der heilige Rock zu Trier und die zwanzig anderen heiligen ungenähten Röcke*“). Направленъ онъ противъ крайней клерикальной католической партіи и былъ вызванъ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Лѣтомъ 1844 г. трирскій архіепископъ, подпавшій подъ вліяніе клерикаловъ, приказалъ выставить на поклоненіе реликвію, хранившуюся въ Трирѣ,—мнимый святой хитонъ. Въ теченіе 7 недѣль въ Трирѣ перебывало болѣе милліона пилигримовъ, приходившихъ на поклоненіе этой реликвіи. И вотъ Зибель и Гильдемейстеръ издаютъ упомянутый трактатъ, въ которомъ рядомъ доводовъ доказываютъ подложность трирской святыни.

Вскорѣ Зибель покидаетъ Боннъ. Хотя въ 1844 г. онъ получилъ здѣсь званіе экстраординарнаго профессора, но предпочелъ перейти въ скромный Марбургскій университетъ, гдѣ ему была предложена ординатура (1845). Здѣсь онъ попалъ тоже въ благопріятную обстановку: между марбургскими профессорами были въ то время такіе выдающіеся ученые, какъ извѣстный историкъ греческой философіи Целлеръ, филологъ Бергкъ, физикъ Бунзенъ, политико-экономъ Гильдебрандъ. Зибель близко сошелся съ ними, въ особенности съ Целлеромъ.

III.

Со времени перехода Зибеля въ Марбургъ начинается какъ-бы новый періодъ въ его жизни: отъ занятій среднею исторіею онъ переходитъ теперь къ изученію новой, выступаетъ на поприще политической дѣятельности и начинаетъ трудъ, доставившій ему европейскую извѣстность. Могущественное вліяніе на него оказало движеніе 1848 г.

Зибель всегда былъ за живую связь науки съ жизнью, университетовъ—съ обществомъ, исторіи—съ политикой. Его историко-политическія убѣжденія къ тому времени уже опре-

дѣлились; они сложились подъ сильнымъ вліяніемъ идей Борка. Зибель былъ къ сущности умѣреннымъ либераломъ; его идеалъ — „правовое государство“, конституціонная монархія [1]). Онъ одинаково возставалъ какъ противъ радикализма и народнаго суверенитета, такъ и противъ феодализма и ультрамонтанства; онъ стоялъ за умѣренную свободу и сильное національное государство. Именно тогдашній нѣмецкій либерализмъ и былъ, какъ извѣстно, носителемъ національной идеи и врагомъ партикуляризма. Понятно поэтому, что Зибель не остался равнодушнымъ зрителемъ совершавшихся вокругъ него событій въ концѣ 40-хъ годовъ. Онъ участвуетъ во Франкфуртскомъ предварительномъ парламентѣ и подаетъ голосъ за его продленіе. Онъ самъ разсказываетъ [2]), какъ онъ одно время сдѣлался популярнымъ человѣкомъ въ Марбургѣ и какъ вскорѣ лишился этой популярности и навлекъ на себя народное неудовольствіе, выступивъ противъ предложенія относительно созданія нѣмецкой республики и противъ всеобщей подачи голосовъ. Затѣмъ Зибель засѣдалъ въ гессенскомъ ландтагѣ, въ качествѣ депутата отъ университета, высказываясь и тутъ какъ противъ консерваторовъ, такъ и противъ демократовъ. Въ 1850 г. онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ делегатовъ въ Эрфуртскомъ парламентѣ и здѣсь сблизился съ двумя другими выдающимися историками—съ Дройзеномъ и Максомъ Дункеромъ. Собраніе это не привело однако къ какимъ-либо существеннымъ результатамъ, и Зибель обратился опять къ своимъ ученымъ занятіямъ, но только не къ исторіи Римской имперіи, надъ которою онъ передъ тѣмъ работалъ: по его собственному признанію, „буря революціонныхъ годовъ направила его историческія изслѣдованія на другой путь, вступая на который онъ и не предчувствовалъ, что начинаетъ главный трудъ всей своей жизни“. „Радикалы 1848 г.“, говоритъ онъ, „обнаруживали неразъ соціалистическія тенденціи; мнѣ пришла мысль написать брошюру, въ которой было бы показано, къ какимъ послѣдствіямъ привели подобныя стремленія во время великой фран-

[1]) См. напр. его статью: „Die christlich-germanische Staatslehre, ihre Bedeutung in der Gegenwart, ihr Verhältniss zum geschichtlichen Christen- und Germanenthum“, написанную въ 1851 г., и рядъ статей о Боркѣ.

[2]) См. выдержки въ ст. *Bailleu*, въ „Deutsche Rundschau“, стр. 65—66.

...ковск. О-во Взаимопом...

цузской революціи". Вотъ мотивы, слѣдовательно, побудившіе Зибеля взяться за исторію французской революціи; только брошюра разрослась въ капитальный трудъ — въ 5-томную „*Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1800*", надъ которою Зибель работалъ болѣе 25 лѣтъ: первый томъ ея вышелъ въ 1853 г., а 5-й—въ 1879 г.

„Исторія революціоннаго времени" Зибеля принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя нѣмцы называютъ epochemachend, и чтобы вполнѣ оцѣнить ея значеніе, нужно вспомнить, въ какомъ положеніи находилось въ ту пору изученіе исторіи французской революціи: тогда не было еще трудовъ Тэна, Сореля и Олара, не появлялась еще даже книга Токвиля (она вышла въ 1856); въ литературѣ и обществѣ господствовали взгляды Минье и Тьера, а въ особенности—Ламартина, Мишле и Луи Блана, сочиненія которыхъ появились какъ-разъ передъ тѣмъ и имѣли огромный успѣхъ и вліяніе. Въ этихъ сочиненіяхъ мы видимъ смѣшеніе „правды и поэзіи", Dichtung und Wahrheit; встрѣчаемъ декламаціи и дифирамбы во славу той или другой революціонной партіи и ея вождей, цѣлыя легенды о лицахъ и событіяхъ того времени. И, быть можетъ, никто больше Зибеля не способствовалъ разрушенію этихъ легендъ; онъ первый ихъ опровергъ, и его трудъ былъ *первою документальною исторіей революціоннаго времени*.

Когда Зибель начиналъ свой трудъ, подлинные, документальные источники для исторіи Европы въ революціонную эпоху „находились еще подъ семью печатями", какъ онъ выражается. Но уже тогда онъ имѣлъ возможность воспользоваться актами „Комитета общественнаго блага", которыми дотолѣ не пользовались, бумагами Прусскаго генеральнаго штаба и Парижскаго dépôt de la guerre, а также корреспонденціей голландскихъ дипломатовъ. Затѣмъ мало-по-малу Зибель получилъ доступъ къ архивамъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и Парижѣ. И вотъ, опираясь на документы, Зибель доказываетъ, что разсказъ о заговорѣ старой, монархической Европы противъ революціонной Франціи есть не что иное, какъ сказка: не старая Европа была виновницей начавшейся войны, а наоборотъ — войну эту вызвали жирондисты. Австрія меньше всѣхъ была виновницею войны, но за-то больше

всѣхъ виновата въ неудачномъ ея исходѣ; такой исходъ объясняется эгоизмомъ и внутренней слабостью коалиціи, а не воодушевленіемъ и геройствомъ французскихъ армій; эти арміи были въ самомъ печальномъ положеніи, благодаря именно террористамъ, и разсказъ о 14 арміяхъ, въ общей сложности болѣе чѣмъ въ 1 мил., есть миѳъ, и т. д. Такой взглядъ настолько расходился съ господствовавшимъ раньше, особенно во Франціи, и казался столь оскорбительнымъ для національнаго самолюбія французовъ, что когда трудъ Зибеля переведенъ былъ на французскій языкъ, то переводчику грозили общественной опалой, если онъ опубликуетъ такую антифранцузскую книгу, а на его возраженіе, что въ книгѣ этой, вѣдь, заключается документальная истина, ему отвѣчали, что тѣмъ хуже, если онъ ее издастъ [1]). Вообще теперь, когда многія изъ положеній Зибеля вошли въ научный обиходъ, трудно даже представить себѣ, сколько новаго и неожиданнаго для того времени заключалось въ его трудѣ.

Въ „Исторіи французской революціи“ Зибель обратилъ вниманіе преимущественно на отношенія политическія; исторія внутренняя у него на второмъ планѣ, и напр. введеніе, гдѣ онъ изображаетъ старый порядокъ и причины революціи, слишкомъ кратко и непропорціонально въ сравненіи съ объемомъ всего труда. Но за-то Зибель отмѣтилъ напр. *соціально-экономическій характеръ революціи* и тотъ переходъ собственности, который совершался тогда; выяснилъ вліяніе финансовой политики революціоннаго правительства, ассигнатовъ и т. под., т.-е. такіе вопросы, которые до него оставляемы были обыкновенно въ сторонѣ. И тутъ мы найдемъ у Зибеля немало сходнаго съ тѣмъ, что̀ позже него говорилъ Тэнъ въ „Les origines de la France contemporaine“.

До Зибеля французскіе историки обыкновенно разсматривали революцію только какъ событіе, касающееся Франціи. Зибель смотритъ на нее *съ обще-европейской точки зрѣнія*. Онъ не ограничился исторіей революціи; онъ слѣдитъ за вліяніемъ, какое оказалъ переворотъ этотъ на европейскія отношенія. Въ

[1]) На этотъ эпизодъ намекаетъ самъ Зибель въ своей рѣчи: Ueber die Gesetze des Historischen Wissens. Bonn. 1864, стр. 21.

сущности въ его трудѣ разсматривается три главныхъ, крупныхъ факта: 1) паденіе стараго порядка во Франціи, 2) паденіе Польши и 3) Нѣмецкой имперіи; Зибель изображаетъ внутреннюю связь и взаимодѣйствіе между этими событіями. Такимъ образомъ, уже онъ ставилъ себѣ задачу, подобно той, которую такъ блестяще разрѣшилъ Сорель въ своемъ трудѣ: „L'Europe et la révolution française".

Общій взглядъ Зибеля на французскую революцію во многомъ отступаетъ отъ воззрѣній, господствовавшихъ въ литературѣ до половины XIX столѣтія. Онъ далекъ отъ прежнихъ увлеченій, отличается напротивъ большею трезвостью, критическимъ отношеніемъ и является какъ-бы возвращеніемъ къ взгляду, высказанному еще Боркомъ въ концѣ XVIII вѣка, въ началѣ революціи. Такъ, напр., въ противоположность прежнимъ историкамъ Зибель подвергаетъ суровой критикѣ декларацію правъ человѣка. Уже какъ умѣренный либералъ и ревностный націоналистъ, онъ не могъ сочувствовать ея слишкомъ абстрактнымъ и космополитическимъ тенденціямъ. Онъ находилъ вѣрнымъ сознаніе, что будущее государство должно быть построено на совершенно иномъ міровоззрѣніи, и находилъ вполнѣ естественнымъ желаніе прежде всего формулировать руководящіе принципы этого воззрѣнія. Въ этомъ смыслѣ, и по его мнѣнію, декларація правъ, не смотря на всѣ свои недостатки, навсегда останется великимъ пограничнымъ знакомъ на рубежѣ двухъ міровыхъ эпохъ и будетъ обозначать исходную точку и направленіе новаго неудержимаго теченія въ государственной жизни Европы. Но по Зибелю самая формулировка ихъ указываетъ на глубокую болѣзнь тогдашней Франціи и ужасъ предстоящихъ кризисовъ: предложеніе объявленія всеобщихъ правъ человѣка было признакомъ этой болѣзни, а не шагомъ къ ея исцѣленію. Движеніе, поведшее къ паденію феодальной системы, говоритъ Зибель, можетъ быть выражено тремя словами: „все для народа". Лафайетъ прибавилъ къ этому дальнѣйшее требованіе: „все посредствомъ народа". Но, продолжаетъ Зибель, масса народная дѣлается политически способною не посредствомъ простого объявленія закона, что она политически зрѣла, а только посредствомъ распространенія образованія ума и еще больше характера, и призывать тогдашній

французскій народъ, при плохой подготовленности его къ самоуправленію, при глубокомъ невѣжествѣ массы, при безпримѣрной развращенности высшихъ классовъ, при повсемѣстной жаждѣ то мести и разрушенія, то господства и обогащенія,—призывать такой народъ къ немедленному всеобъемлющему суверенитету значило вести его путемъ анархіи къ деспотизму, какъ къ единственному спасенію. Лафайетъ исходилъ изъ вѣрной мысли, что въ каждомъ человѣкѣ, безъ различія класса и состоянія, отражается достоинство человѣческаго и подобіе божественнаго духа, но онъ искажалъ эту мысль въ примѣненіи. Вмѣсто равенства правъ онъ объявлялъ притязаніе на равенство фактическое. Онъ провозглашалъ право отдѣльныхъ лицъ возставать противъ каждаго ненравящагося закона и устранять каждую существующую власть. Такимъ образомъ онъ возводилъ на тронъ не волю всѣхъ, а произволъ отдѣльныхъ лицъ, не общій всѣмъ разумъ, но массу индивидуальныхъ страстей и т. д. Но особенно пагубная ошибка по Зибелю заключалась во всеобъемлющей формѣ декларація, въ стремленіи освободить весь міръ. Въ этомъ онъ видѣлъ не только вторженіе въ порядки другихъ государствъ, но и посягательство на ихъ свободу и независимость (I^4, 73—74).

Отзывъ Зибеля о конституціи, выработанной національнымъ собраніемъ, сходится съ отзывомъ, который мы потомъ встрѣчаемъ у Тэна; онъ только не такъ односторонень и не такъ безпощаденъ. „Общій результатъ“, говоритъ Зибель, „былъ тотъ, что слова императрицы Екатерины: „Франція имѣетъ 1200 законодателей, которымъ никто, кромѣ короля, не повинуется“, вполнѣ оправдывались (I^4, 266).

Демократическую революцію французскаго народа Зибель не считаетъ „начальнымъ пунктомъ какого-нибудь новаго времени“: по ея положительному содержанію онъ ставитъ ее въ связь съ тѣмъ міровымъ процессомъ, который начался за три столѣтія передъ тѣмъ. Со времени разрыва съ средними вѣками цѣлью стремленій европейскихъ націй, говоритъ Зибель, было устраненіе всѣхъ мнимыхъ авторитетовъ, освобожденіе отъ всѣхъ произвольныхъ узъ, отъ всѣхъ противоестественныхъ стѣсненій. То же видитъ онъ и во французской революціи. Она стремится къ устраненію заржавѣвшихъ порядковъ, ко-

торые, сохранившись отъ времени феодальнаго государства, только безцѣльно угнетали Францію, какъ произвольныя тягости. Она желаетъ добиться для человѣка свободы сношенія и труда, признанія его человѣческаго достоинства, права вѣровать и мыслить. По Зибелю, здѣсь при всемъ различіи мѣста и времени, обнаруживаются тѣ-же основныя побужденія, въ силу коихъ Германія предприняла нѣкогда борьбу противъ іерархіи, Голландія — противъ Испаніи, Англія — противъ Стюартовъ, Америка—противъ Англіи. Но, говоритъ онъ, тотчасъ же при первомъ практическомъ шагѣ является роковое уклоненіе. Въ то время какъ у другихъ странъ нѣтъ болѣе настоятельной заботы, какъ среди ниспроверженія стараго порядка завершить построеніе новаго,—французская революція объявляетъ войну не только фальшивымъ авторитетамъ, но и всѣмъ нравственнымъ законамъ. На мѣсто экономической свободы она ставитъ ограбленіе собственниковъ, на мѣсто всеобщей правоспособности—преслѣдованіе высшихъ сословій, на мѣсто свободы религіи—дурное обращеніе съ князьями церкви. Плохое правительство она умѣетъ улучшить только посредствомъ уничтоженія всякой правительственной власти; она возстановляетъ равенство посредствомъ истребленія богатыхъ и чѣмъ-либо выдающихся и находитъ свободу лишь въ разнузданіи всѣхъ страстей и преступленій. Полная необузданность воли каждаго, повидимому, становится задачей политики, и такимъ образомъ въ теченіе двухъ лѣтъ во Франціи нѣтъ иного закона, кромѣ грубой силы. Это идетъ до послѣдней крайности; тягчайшій преступникъ каждый разъ остается побѣдоноснѣйшимъ государственнымъ человѣкомъ. Ибо разъ вступивъ на такой путь, государство совершенно неизбѣжно подвергается роковой послѣдовательности, въ силу коей каждое злодѣяніе влечетъ за собою еще большія. Зибель не отвергаетъ, что революція содѣйствовала свободѣ, что безъ нея, быть можетъ, протекло бы для половины Европы цѣлое столѣтіе, прежде чѣмъ мирнымъ путемъ устраненъ былъ бы тогда ужъ разрыхлѣвшій слой феодальной системы. Но въ глазахъ Зибеля временное ускореніе слишкомъ ужъ перевѣшивается постояннымъ зломъ.

Но гдѣ же причины такого рокового оборота революціи во Франціи? По мнѣнію Зибеля, онѣ не имѣютъ ничего общаго

съ принципами преобразовательнаго направленія. По его словамъ, главная, основная причина заключается въ нравственномъ состояніи Франціи, и именно Франціи старой, феодальной, консервативной. Нечего удивляться тому, что здѣсь порывъ свободы повергъ все существующее въ развалины, ибо тутъ все до самаго корня было уже гнило и нездорово. Примѣръ двора, начиная съ Франциска I и до Людовика XV, деморализовалъ высшія сословія; средніе классы все болѣе и болѣе лишались политическихъ правъ, а слѣдовательно и политическаго образованія; масса народа повергнута въ безпрестанный голодъ и бѣдствія. Зибель сравниваетъ это состояніе съ состояніемъ Византійской имперіи. При такомъ положеніи дѣлъ всякое движеніе, говоритъ онъ, должно было стать конвульсивнымъ и исковерканнымъ, какъ бы ни было возвышенно и чисто побужденіе къ нему, и нельзя обвинять идею свободы за то, что образъ ея воспламенялъ питомцевъ Людовика XV къ дикости и преступленіямъ. Однимъ словомъ, французская революція, по Зибелю, имѣла неудачный исходъ не потому, чтобы разрушеніе старыхъ порядковъ само по себѣ было превратнымъ начинаніемъ, а потому, что нація вступила въ движеніе въ состояніи старой, глубокой безнравственности. Не изъ паденія, а на почвѣ феодальнаго государства выросли жадность и эгоизмъ, насиліе и грубость, которыя отъ энтузіазма въ ночь 4 августа привели къ ужасамъ сентябрьскихъ убійствъ. Съ этимъ, по мнѣнію Зибеля, самымъ тѣснымъ образомъ связана другая причина. Она заключается въ существовавшемъ тоже задолго еще до 1789 г. заблужденіи относительно сущности свободы, въ преувеличенной оцѣнкѣ формы правленія, въ мнѣніи, что одно только народное правленіе можетъ служить противоядіемъ противъ тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ страдалъ народъ при монархіи, въ привычкѣ отождествлять свободу съ демократической республикой. Тутъ вліяли отчасти общія теоріи, отчасти примѣръ чуждыхъ націй, причемъ, замѣчаетъ Зибель, совершенно терялось въ виду единственно существенное — интересы, наклонности и способности собственнаго народа. Вообще, по мнѣнію Зибеля, демократическая форма, столь прославленная изъ-за ея благородной простоты, именно потому и оказывается чрезвычайно несовершенною и

рѣдко примѣнимою, и основное заблужденіе ея почитателей заключается въ томъ, что идеальное совершенство людей и порядковъ они считаютъ за слѣдствіе демократическаго государства, вмѣсто того, чтобы считать это за условіе. Для несложныхъ, простыхъ отношеній демократическая форма можетъ годиться; но если являются болѣе крупныя задачи внутренней и внѣшней политики, если приходится имѣть дѣло съ богато развитой цивилизаціей, съ ея свѣтлыми и темными сторонами, то очень скоро обнаруживается несостоятельность республиканской формы правленія. Объявленіе человѣческихъ правъ, которое у строгихъ нравами и простыхъ пуританъ Новой Англіи было ничѣмъ инымъ, какъ теоретической формой для давно укоренившихся порядковъ, — на французской почвѣ сдѣлалось исходнымъ пунктомъ для неистоваго господства толпы. Стремленіе къ міровому перевороту, къ завоеванію Европы, равно какъ и коммунистическій деспотизмъ, Зибель выводитъ изъ самой природы этого господства, ибо что̀ революція во внутренней, то завоеваніе во внѣшней политикѣ: то и другое начинается съ отрицанія формальнаго права.

Такъ смотрѣлъ Зибель на французскую революцію (см. главн. образ. т. II, стр. 5—10), и при чтеніи этихъ страницъ невольно вспоминается Тэнъ и Сорель; такъ много между ними общаго. Вообще Тэнъ и Сорель являются какъ-бы продолжателями и завершителями того, что̀ началъ Зибель, трудъ котораго, не смотря на его нѣкоторое національное пристрастіе и односторонность, долгое время оставался лучшею *общею* исторіею французской революціи.

IV.

Со времени появленія „Geschichte der Revolutionszeit“ Зибель сталъ въ ряду первыхъ историковъ Европы. Его трудъ былъ переведенъ на французскій и англійскій языкъ [1]), и имя Генриха Зибеля дѣлается извѣстнымъ каждому образованному человѣку.

[1]) Въ русскомъ переводѣ имѣются только первые 3 тома.

Король баварскій Максъ, бывшій большимъ любителемъ исторіи и старавшійся привлечь въ Мюнхенскій университетъ лучшія силы, приглашалъ Зибеля занять въ немъ каѳедру. Но для Зибеля, протестанта, съ либеральными убѣжденіями и прусскими симпатіями, переходъ въ баварскій университетъ представлялъ нѣкоторыя неудобства, а главное—онъ находилъ условія для себя невыгодными. Самое дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ принялъ Ранке: тутъ вполнѣ сказалось его дружеское расположеніе къ своему ученику и желаніе содѣйствовать его успѣхамъ. Онъ писалъ Зибелю: „Отказъ съ Вашей стороны я бы находилъ основательнымъ и можетъ быть самъ посовѣтовалъ бы его, если бы рѣчь шла объ обыкновенномъ переходѣ въ другой университетъ. Но я гораздо выше цѣню перемѣну, которая Вамъ предстоитъ. Вамъ необходимо поприще, соотвѣтствующее Вашимъ талантамъ; Мюнхенъ представляетъ Вамъ таковое; должны ли Вы его себѣ запереть изъ-за разницы въ содержаніи?.. Я не сомнѣваюсь, въ Мюнхенѣ Вы будете чувствовать себя лучше и Ваши таланты тамъ развернутся. Вступая въ самыя пріятныя, самыя почетныя отношенія, Вы хотите сами стать себѣ на дорогѣ? Такъ какъ я Васъ люблю и уважаю, такъ какъ я Вамъ желаю добра, я хотѣлъ бы, чтобы Вы приняли предложеніе“ [1]). Наконецъ въ 1856 г. состоялся переходъ Зибеля въ Мюнхенскій университетъ.

Изъ тихаго, провинціальнаго Марбурга Зибель перешелъ въ одинъ изъ культурныхъ и политическихъ центровъ Германіи, въ „Новыя Аѳины“. Король Максъ любилъ собирать у себя по вечерамъ цѣлый кругъ выдающихся ученыхъ, художниковъ и поэтовъ. Среди нихъ занималъ видное мѣсто и Зибель. Его дѣятельность въ Мюнхенѣ, какъ ученаго и профессора, расширяется. Онъ продолжаетъ свой трудъ по исторіи революціонной эпохи; онъ устраиваетъ въ университетѣ историческій семинарій для практическихъ занятій; принимаетъ самое дѣятельное участіе въ организаціи „*Исторической Коммиссіи при Баварской Академіи Наукъ*“, основанной въ 1858 г. подъ покровительствомъ короля Макса. Зибель былъ ея первымъ секре-

[1]) *Ranke*, Zur eigenen Lebensgeschichte, стр. 382—3.

Харьковск. О-во Библиотек

таремъ и потомъ предсѣдателемъ. Коммисія эта продолжаетъ свою дѣятельность до сихъ поръ и ей принадлежитъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ изданій, каковы: „Акты имперскихъ сеймовъ", „Письма и акты, относящіеся къ исторіи XVI стол.", „Хроники нѣмецкихъ городовъ", „Лѣтописи нѣмецкой исторіи" („Jahrbücher der deutschen Geschichte"), „Всеобщая нѣмецкая біографія", „Исторія наукъ въ Германіи".

Здѣсь же, въ Мюнхенѣ, Зибель въ 1859 г. основываетъ изданіе, способствовавшее его извѣстности почти столько же, какъ и „Исторія революціоннаго времени", и имѣвшее немалое вліяніе на развитіе историческихъ знаній, — именно журналъ „*Historische Zeitschrift*". До тѣхъ поръ не было сколько-нибудь вліятельнаго научно-историческаго органа, который бы объединялъ историковъ и въ которомъ они могли бы обсуждать важнѣйшіе вопросы науки. Этой потребности имѣлъ въ виду удовлетворить журналъ Зибеля. По мысли Зибеля, журналъ этотъ долженъ былъ прежде всего быть *научнымъ*; его первая задача была — служить представителемъ вѣрнаго метода историческаго изслѣдованія и отмѣчать уклоненія отъ этого метода. Но онъ не былъ органомъ антикварнымъ или политическимъ. Онъ не имѣлъ цѣлью обсуждать текущіе вопросы политики и не примыкалъ къ како-либой политической партіи. Исходя изъ „исторической точки зрѣнія", по которой жизнь каждаго народа представляется какъ естественное и индивидуальное развитіе, Зибель исключалъ лишь „*феодализмъ*, который навязываетъ идущей впередъ жизни отжившія формы; *радикализмъ*, который ставитъ субъективный произволъ на мѣсто органическаго развитія, и *ультрамонтанизмъ*, который подчиняетъ національное и духовное развитіе авторитету чужой церкви". Съ другой стороны, по словамъ Зибеля, для журнала желательно было такое содержаніе, которое имѣло бы живую связь съ современною жизнью. Хотя поэтому новѣйшей исторіи предполагалось удѣлять больше мѣста, чѣмъ древней, и нѣмецкой больше, чѣмъ иностранной, но журналъ Зибеля все-таки — особенно на первыхъ порахъ — отличался общеисторическимъ характеромъ: въ немъ помѣщались статьи изъ разнообразныхъ областей исторіи, — изъ политической, церковной, правовой и т. д. Каждая книжка имѣла два отдѣла: въ первомъ помѣщались научныя

статьи, а во второмъ — литературные обзоры и рецензіи. Зибелю дѣйствительно удалось объединить историковъ: извѣстнѣйшія свѣтила исторической науки въ Германіи, представители разныхъ направленій приняли дѣятельное участіе въ новомъ журналѣ. Такъ, въ первой же книжкѣ Histor. Zeitschrift мы находимъ статьи главы объективной школы – Ранке и его учениковъ—Гизебрехта и Вайца, и статью Гейссера, ученика Шлоссера и Гервинуса, представителей школы субъективной. Самому редактору, Зибелю, принадлежитъ тутъ этюдъ о Жозефѣ де Местрѣ. Ему удалось привлечь къ участію въ журналѣ, преимущественно въ критическомъ отдѣлѣ, и цѣлый рядъ молодыхъ, начинающихъ историковъ.—Не всегда, конечно, удавалось поддерживать такое единеніе; напр. одинъ изъ давнихъ сотрудниковъ Hist. Zeitschr., Баумгартенъ, авторъ „Исторіи Испаніи въ XIX ст.“ и „Исторія императора Карла V“, порвалъ потомъ связь съ журналомъ Зибеля изъ-за хвалебнаго отзыва о Трейчке, помѣщеннаго въ этомъ журналѣ: Баумгартенъ видѣлъ въ такомъ отзывѣ похвалу направленію, противорѣчащему строгому историческому методу, и отступленіе отъ основной программы изданія — быть представителемъ такого метода.

Такъ создалъ Зибель журналъ, ставшій авторитетнымъ органомъ въ области исторической науки и послужившій примѣромъ и образцомъ для цѣлаго ряда подобныхъ изданій внѣ Германіи — во Франціи (Revue historique), Англіи, Даніи, у поляковъ и отчасти у насъ въ Россіи. Histor. Zeitschrift продолжаетъ издаваться до сихъ поръ, и Зибель до конца своей жизни оставался его главнымъ редакторомъ.

Въ то же время Зибель читаетъ въ Мюнхенѣ рядъ публичныхъ лекцій, привлекавшихъ многочисленную публику и имѣвшихъ большой успѣхъ. Таковы его лекціи о Екатеринѣ II, о Евгеніи Савойскомъ, о возстаніи Европы противъ Наполеоновскаго владычества. Лекціи Зибеля обыкновенно одушевлены были идеею единства Германіи и необходимости подчинять частные интересы отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ одному общему—благу Германіи.

Но вскорѣ Зибелю пришлось покинуть Мюнхенъ. Поводомъ къ этому послужило между прочимъ слѣдующее обстоятельство.

Мы уже упоминали о томъ, что Зибель былъ противъ прославленія и идеализаціи средневѣковья. Въ ноябрѣ 1859 г. въ Мюнхенской академіи наукъ онъ прочелъ рѣчь: „*Über die neuern Darstellungen der deutschen Kaiserzeit*“. Въ ней онъ доказывалъ, что напрасно изображаютъ средневѣковое императорство, какъ настоящій органъ и блестящее олицетвореніе нѣмецкихъ національныхъ интересовъ; что въ дѣйствительности съ самаго начала императорство преслѣдовало тенденцію теократическаго мірового владычества, чѣмъ вредило національнымъ интересамъ и наконецъ само себѣ подготовило гибель. По мнѣнію Зибеля, національнымъ потребностямъ гораздо больше соотвѣтствовала благоразумная и ограничивавшаяся лишь достижимыми цѣлями политика короля Генриха I, герцога Лудольфа и Генриха Льва. Хотя рѣчь Зибеля не содержала прямого указанія или намека на современность и не выходила изъ предѣловъ научнаго разсмотрѣнія вопроса, но она возбудила большое вниманіе, вызвала какъ сочувствіе, такъ и раздраженіе: невольно она затрогивала одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ того времени — о положеніи Австріи въ Германіи, объ отношеніи нѣмецкихъ государствъ къ ней и къ Пруссіи, такъ какъ въ Австріи видѣли преемницу прежней средневѣковой имперіи. Вспомнимъ, что то было время, когда Австрія потерпѣла пораженіе въ войнѣ съ Италіей и Франціей и когда шелъ споръ о „Великой“ и „Малой Германіи“, т.-е. о томъ, должна ли Австрія входить въ Германскій Союзъ или нѣтъ. Иннсбрукскій профессоръ Фикеръ выступилъ въ защиту средневѣковаго императорства и противъ Зибеля въ своемъ трактатѣ: „*Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen*“ (1861 г.). Онъ утверждалъ, что изложеніе, подобное Зибелеву, „служитъ лишь исторической опорой новѣйшимъ политическимъ стремленіямъ“, что оно средневѣковыя явленія измѣряетъ масштабомъ современнаго принципа національности. По Фикеру, Австрія въ сущности есть представительница тенденцій прежней имперіи, и неблагопріятный отзывъ о послѣдней касается, слѣдовательно, и ея. Онъ доказывалъ, что Австрійская монархія есть воплощеніе „германской государственной идеи“, автономіи и свободы, что Пруссія, напротивъ, гораздо болѣе содержитъ въ себѣ элементъ славян-

скій,—централизацію и отсутствіе свободы. Такимъ образомъ вопросъ перенесенъ былъ на политическую почву. Тогда, въ отвѣтъ Фикеру, Зибель издаетъ свою рѣчь въ значительно расширенномъ и передѣланномъ видѣ, подъ заглавіемъ: „*Die deutsche Nation und das Kaiserreich*“ (126 стр.). Это уже былъ „*историко-политическій* трактатъ“, „eine historisch-politische Abhandlung“, какъ назвалъ его самъ Зибель. Здѣсь Зибель обозрѣваетъ весь ходъ исторіи Германіи въ отношеніи дѣятельности императоровъ. Въ предисловіи онъ высказываетъ между прочимъ свое твердое убѣжденіе, что „какъ рѣки текутъ по направленію къ морю, такъ вѣрно то, что германскія государства придутъ къ болѣе тѣсному союзу“ (т.-е. съ исключеніемъ Австріи) „подъ главенствомъ его сильнѣйшаго члена“ (т.-е. Пруссіи).

Когда трактатъ этотъ былъ изданъ, Зибеля ужъ не было въ Мюнхенѣ: оставаться въ столицѣ Баваріи, король которой держалъ сторону Австріи, Зибелю было неудобно, и онъ вынужденъ былъ перейти въ Боннскій университетъ, гдѣ за 20 лѣтъ до того онъ началъ свою преподавательскую дѣятельность въ качествѣ приватъ-доцента и куда теперь его приглашали на мѣсто умершаго Дальмана [1]).

V.

Первое время по переходѣ въ Боннъ Зибель былъ всецѣло поглощенъ политикой. То было время знаменитаго „конфликта“ между прусскимъ правительствомъ и палатой депутатовъ по вопросу о военной реформѣ. За конфликтомъ этимъ Зибель слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ еще и раньше, изъ Мюнхена. Онъ, самъ націоналъ-либералъ, возмущался образомъ дѣйствій либеральной партіи и находилъ его нелѣпымъ [2]). Въ

[1]) Преемникомъ Зибеля въ Мюнхенѣ былъ В. Гизебрехтъ, авторъ „Geschichte der deutschen Kaiserzeit“, въ которой онъ проводитъ взглядъ на императорство, совершенно противоположный взгляду Зибеля.

[2]) Извѣстный историкъ Теодоръ Бернгарди въ своемъ „Дневникѣ“ приводитъ между прочимъ интересный разговоръ свой съ Зибелемъ, относящійся къ 1860 г. и ярко характеризующій воззрѣнія Зибеля. Aus dem Leben Theodor von Bernhardis. Leipz. 1894, III, 312–313.

1862 — 64 г. Зибель уже въ качествѣ депутата принималъ дѣятельное участіе въ парламентской борьбѣ. Конфликтъ въ то время обострился; правительство для осуществленія необходимой по его мнѣнію реформы не остановилось передъ формальнымъ нарушеніемъ конституціи. Дѣло касалось уже принциповъ и борьба принимала принципіальный характеръ. Зибелю, который до тѣхъ поръ старался дѣйствовать въ примирительномъ духѣ, теперь, по его собственнымъ словамъ [1]), предстоялъ тяжелый выборъ: реформа по его убѣжденію была желательна, но она стала теперь противозаконною и противоконституціонною. Колебанія Зибеля кончились тѣмъ, что онъ перешелъ на сторону оппозиціи. Онъ даже становится однимъ изъ выдающихся ея вождей. Такъ онъ выступаетъ докладчикомъ коммиссіи, обсуждавшей дѣйствія прусскаго министерства во время польскаго мятежа 1863 г., причемъ онъ упрекалъ министерство въ излишнемъ вниманіи и угодливости по отношенію къ Россіи; а въ январѣ 1864 г. Зибель готовъ былъ вмѣстѣ съ большинствомъ депутатовъ отказать въ 12 мил. талеровъ на войну съ Даніей. Впослѣдствіи однако Зибель измѣнилъ свой взглядъ на прусскую политику того времени: въ своемъ послѣднемъ трудѣ: „*Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm*“, онъ вполнѣ признаетъ, какіе богатые плоды пожала потомъ Пруссія, благодаря своему образу дѣйствій въ 1863 г. по отношенію къ Россіи, и говоритъ, что упроченіемъ дружбы съ Россіей Бисмаркъ „положилъ первый камень для фундамента будущаго величія Пруссіи“ (II, 502). Вообще послѣ событій 1866 г. Зибель сдѣлался самымъ горячимъ сторонникомъ и поклонникомъ Бисмарка и благословлялъ небо, помѣшавшее его дальнѣйшей оппозиціи въ 1864 г.: Зибель заболѣлъ и это заставило его покинуть на время политическое поприще.

Потомъ, въ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ, Зибель снова выступаетъ, какъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ и ораторовъ палаты, особенно въ періодъ „культуркампфа“, и попрежнему какъ врагъ радикализма и ультрамонтанства.

На животрепещущіе вопросы того времени Зибель отзы-

[1]) Deutsche Rundschau, стр. 71.

вался въ цѣломъ рядѣ статей и рѣчей, большею частью произносимыхъ имъ въ день рожденія основателя Боннскаго университета, короля Фридриха Вильгельма III [1]). Основная идея ихъ—совмѣстимость и примиреніе между разумною, упорядоченною политическою свободою, исполненною патріотизма и преданности общему благу, и сильною государственною властью. Въ этомъ отношеніи въ особенности характерны рѣчи Зибеля при открытіи памятника Штейну въ Нассау и „О развитіи абсолютной монархіи въ Пруссіи". Въ послѣдней онъ доказываетъ связь и историческую преемственность между прежнимъ абсолютизмомъ прусскихъ королей и реформами Штейна, въ духѣ умѣренной политической свободы, такъ какъ уже прусскій абсолютизмъ имѣлъ въ виду матеріальное и нравственное благо цѣлаго и провозглашалъ принципъ, что „король есть первый слуга государства", а Фридрихъ II открылъ индивидуальнымъ правамъ и свободѣ широкое поле въ области печати, науки и религіи. На событія 1870—71 г. Зибель откликнулся двумя трактатами, изъ которыхъ одинъ появился въ англійскомъ журналѣ „Fortnightly Review", а другой—въ видѣ отдѣльной брошюры на французскомъ языкѣ [2]). Въ первомъ—„О новой Нѣмецкой имперіи"—онъ разсматриваетъ вопросъ, какія послѣдствія имѣла бы для европейской культуры побѣда Франціи, и высказываетъ мнѣніе, что тріумфъ Наполеона укрѣпилъ бы іезуитско-клерикальную партію, торжество Гамбетты усилило бы соціалъ-демократію во всѣхъ странахъ. Поэтому, говоритъ Зибель, кто въ Европѣ не принадлежитъ ни къ „чернымъ", ни къ „краснымъ", тотъ долженъ быть доволенъ, что побѣда осталась за нѣмцами: въ усиленіи и объединеніи Германіи Зибель видитъ возможность всесторонней реформы на

[1]) „О развитіи абсолютной монархіи въ Пруссіи" (1863), „Пруссія и Рейнская область" (1865), „Новая Германія и Франція" (1866), „Нѣмецкіе и заграничные университеты" (1868), „Основаніе университета въ Боннѣ" (1868), „Объ эмансипаціи женщинъ" (1870), „Чему мы можемъ поучиться у Франціи?" (1872), „Ученіе нынѣшняго соціализма и коммунизма" (1872), „Рѣчь при открытіи памятника Штейну" (1872) и т. д. Большая часть статей и рѣчей Зибеля вошли въ составъ сборника: „Kleine histor. Schriften", 3 т., и въ „Vorträge und Aufsätze".

[2]) Оба они потомъ вышли и на нѣмецкомъ языкѣ отдѣльною книжкою подъ заглавіемъ „Der Frieden von 1871".

почвѣ прочнаго порядка. Второй трактатъ служитъ отвѣтомъ на книжку *Michiels*, Les droits de la France sur l'Alsace et la Lorraine (Brux. 1871), и доказываетъ историческія права Германіи на Эльзасъ и Лотарингію [1]).

Изъ чисто научныхъ трудовъ Зибеля за этотъ періодъ, кромѣ продолженія „Исторіи революціоннаго времени“ и редактированія „Histor. Zeitschrift“, отмѣтимъ: во-первыхъ, его рѣчь о законахъ историческаго знанія („Ueber die Gesetze des Historischen Wissens“. 1864) [2]), въ которой онъ разсматриваетъ вопросъ объ исторической критикѣ, ея задачахъ и пріемахъ, и о достовѣрности исторіи, причемъ приходитъ къ выводу, что наука эта, въ извѣстныхъ границахъ, способна достигать вполнѣ точнаго знанія; во-вторыхъ, статьи въ его журналѣ (за 1865 г.), въ которыхъ онъ доказалъ подложность писемъ Маріи-Антуанетты въ сборникахъ, изданныхъ гр. Гунольштейномъ и Фельеде-Коншемъ и въ первый моментъ послѣ своего появленія имѣвшихъ было громадный успѣхъ [3]), и, въ-третьихъ, книгу: „*Oestreich und Deutschland*“ (1868). Книга эта служитъ дополненіемъ къ „Исторіи революціоннаго времени“ и вмѣстѣ защитой взгляда Зибеля на австрійскую политику при Тугутѣ противъ *Vivenot* (автора обширнаго труда о герцогѣ Альбрехтѣ Саксенъ-Тешенскомъ) и противъ боннскаго профессора *Hüffer*'а (автора книги: „Oestreich und Preussen gegenüber der französischen Revolution“), причемъ свое изложеніе Зибель подкрѣпляетъ новыми архивными данными, депешами и другими документами, изъ которыхъ нѣкоторые опубликованы имъ въ видѣ довольно обширнаго приложенія къ тексту (183+LVII стр.). Въ предисловіи, съ негодованіемъ отвергая обвиненія *Гюффера*, полагавшаго, что Зибель судилъ бы объ Австріи иначе, если бы былъ только историкомъ, а не вмѣстѣ съ тѣмъ и политикомъ, онъ говоритъ между прочимъ: „Свой взглядъ на австрійско-

---

[1]) Здѣсь опять обнаружилось различіе во взглядахъ Зибеля и его учителя Ранке. См. выше, стр. 183.

[2]) Есть русскій переводъ.

[3]) Впослѣдствіи Société de l'histoire contemporaine, приступивъ къ полному изданію подлинныхъ писемъ Маріи-Антуанетты, подъ редакціей де-ла-Рошетери и маркиза де-Бокура, письма, признанныя Зибелемъ за подложныя, изъ этого изданія исключило.

нѣмецкія отношенія я открыто заявилъ задолго до 1866 г. и пришелъ тогда къ двоякому убѣжденію: во-первыхъ,—что реальные интересы Германіи и Австріи не тождественны и, слѣдовательно, прежнее руководительство и господство Австріи въ Германіи создаетъ неестественное, вредное для обѣихъ сторонъ отношеніе, и затѣмъ, что *ихъ интересы, хорошо понятые, въ важнѣйшихъ пунктахъ внѣшней политики идутъ параллельно, и слѣдовательно, по уничтоженіи неестественнаго отношенія, тѣсный, искренній и вѣчный союзъ обѣихъ державъ лежитъ въ природѣ вещей.* 1866 годъ подтвердилъ первую часть этого моего убѣжденія, и я ничего такъ не желаю для нашего будущаго, какъ того, чтобы и вторая половина нашла себѣ въ возможно близкомъ времени подобное же подтвержденіе" (стр. XIII). Такимъ образомъ уже тогда, еще въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, Зибель высказывалъ мысль о возможности союза между Германіей и Австріей, несмотря на событія 1866 г., т.-е. о возможности того, что потомъ дѣйствительно произошло, когда Бисмаркъ устроилъ существующій теперь Тройственный союзъ.

Какъ профессоръ и лекторъ, Зибель пользовался въ Боннѣ въ это время едва-ли не большимъ еще успѣхомъ, чѣмъ въ Мюнхенѣ: изъ его семинарія вышло немало выдающихся историковъ; его лекціи привлекали массу слушателей. По словамъ одного изъ нихъ, даже въ душные часы конца іюля на скамьяхъ аудиторіи, гдѣ читалъ Зибель, густою толпою сидѣли студенты всѣхъ факультетовъ, офицеры, молодые англичане и посѣдѣлые рантье. Въ концѣ 1867 г. Зибель былъ избранъ ректоромъ—какъ-разъ на тотъ годъ, на который приходилось празднованіе 50-лѣтняго юбилея со времени основанія Боннскаго университета. При вступленіи въ эту должность Зибель, согласно обычаю, произнесъ рѣчь, темой для которой онъ избралъ характеристику трехъ боннскихъ историковъ—Нибура, Дальмана и Лебелля [1]; вмѣстѣ съ тѣмъ это есть характеристика взглядовъ и самого Зибеля за исторію и ея задачи.

VI.

Въ 1875 г. кончается профессорская дѣятельность Зибеля: онъ переходитъ въ Берлинъ на постъ директора Государственнаго

[1]) Drei Bonner Historiker (Histor. Zeitschr., 1867, XVIII).

архива. Но своей ученой и авторской дѣятельности Зибель не прекращаетъ: въ Берлинѣ онъ заканчиваетъ главный трудъ своей жизни — „Исторію времени французской революціи“, продолжаетъ редактировать „Histor. Zeitschrift“ и предсѣдательствовать въ „Исторической Коммиссіи“; состоя членомъ Берлинской академіи наукъ, онъ способствуетъ основанію Прусскаго Историческаго Института въ Римѣ; подъ наблюденіемъ его, а также Дройзена и Дункера, издается „Корреспонденція Фридриха В.“; по его иниціативѣ выходятъ въ свѣтъ многотомныя „Публикаціи изъ Прусскаго Государственнаго архива“, въ числѣ ихъ — такіе документы, какъ донесенія Бисмарка изъ Франкфурта на М., когда онъ былъ тамъ уполномоченнымъ прусскаго правительства, причемъ, какъ оказывается [1]), введеніе къ нимъ было составлено главнымъ образомъ Зибелемъ и т. д. Наконецъ Зибель началъ-было свою автобіографію и, едва закончивъ „Исторію революціоннаго времени“, принялся за новый громадный трудъ: въ своей „Geschichte der Revolutionszeit“ онъ описалъ паденіе старой „Священной Римской имперіи нѣмецкой націи“; теперь онъ пишетъ исторію основанія новой Германской имперіи.

Сначала Зибель хотѣлъ-было взяться за общую нѣмецкую исторію въ 4 или 5 томахъ, нѣкоторые отдѣлы которой у него были подготовлены еще раньше; уже заключенъ былъ и контрактъ съ издателемъ, когда въ мартѣ 1881 г. Зибель получилъ отъ Бисмарка предложеніе написать исторію возникновенія Германской имперіи; для этой цѣли ему разрѣшалось пользоваться Государственнымъ архивомъ. Съ неутомимою энергіею принялся Зибель, несмотря на свои 64 года, за работу, и въ 1889—90 г. вышли первые пять томовъ „*Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I*“, а въ концѣ 1894 г.—т. 6-й и 7-й. Исторія Пруссіи, а вмѣстѣ и Германіи, въ великій для нея періодъ 1848—70 г., борьба партикуляризма и стремленія къ единству,— вотъ главная тема Зибелева труда, заканчивающагося объявленіемъ войны 1870 г. Нечего и говорить, какой интересъ должна представлять подобная тема. То были годы

[1]) Это явствуетъ изъ примѣчанія на 149 стр. II т. его „Die Begründung d. Deutsch. Reiches durch Wilhelm I“.

Второй имперіи во Франціи; совершалось національное объединеніе не только Германіи, но и Италіи; происходила Крымская война, польскій мятежъ и проч. Всѣхъ этихъ событій болѣе или менѣе касается Зибель въ своемъ трудѣ. Такимъ образомъ его „Исторія основанія Германской имперіи Вильгельмомъ I“ есть въ значительной мѣрѣ и исторія Европы того времени, хотя, къ сожалѣнію, только политическая.

Трудъ Зибеля представляетъ особый интересъ и по тѣмъ матеріаламъ, которые легли въ его основу. Зибелю, какъ было упомянуто, открыты были государственные архивы, и онъ пользовался нотами и депешами иностранныхъ державъ, донесеніями прусскихъ пословъ, министерскими приказами, протоколами, телеграммами и корреспонденціей всякаго рода, собственноручными записками и замѣтками, напр. Фридриха-Вильгельма IV, Вильгельма I, Бисмарка, Мольтке; наконецъ онъ пользовался устными сообщеніями лицъ, принимавшихъ участіе въ событіяхъ или близко къ нимъ стоявшихъ. Благодаря всему этому, Зибель, по его собственнымъ словамъ, могъ слѣдить точнѣйшимъ образомъ за каждымъ поворотомъ прусской политики, часто за каждымъ днемъ и даже часомъ, особенно въ моменты рѣшительныхъ кризисовъ. Правда, послѣ выхода въ отставку Бисмарка, когда Зибель уже закончилъ первые 5 томовъ, ему вдругъ запрещено было пользоваться актами министерства иностранныхъ дѣлъ [1]), и первое время онъ былъ

[1]) Объяснить такое запрещеніе можно только или политическими соображеніями, нежеланіемъ предать огласкѣ какіе-либо факты, или просто немилостью къ Зибелю. Первое предположеніе, высказанное между прочимъ Весслеромъ, едва-ли основательно: вѣдь Бисмаркъ зналъ, что содержится въ архивахъ, когда давалъ Зибелю разрѣшеніе пользоваться ими. Намъ кажется вѣроятнѣе второе: Зибель былъ поклонникомъ Бисмарка, его онъ выдвигаетъ на первый планъ въ своей „Исторіи основанія Германской имперіи“, и это, надо думать, и навлекло на него немилость послѣ паденія Бисмарка. Такое предположеніе подтверждаетъ еще слѣдующій эпизодъ. Когда коммиссія по присужденію одной изъ премій за лучшій трудъ по исторіи Германіи представила списокъ лицъ, заслуживающихъ по ея мнѣнію преміи, на усмотрѣніе Вильгельма II, то императоръ остановилъ свой выборъ не на Зибелѣ, имя котораго стояло первымъ въ спискѣ, а на Эрдманнсдерферѣ, авторѣ „Исторіи Германіи отъ Вестфальскаго мира до вступленія на престолъ Фридриха В.“ (въ коллекціи Онкена).

такъ этимъ удрученъ, что рѣшилъ-было оставить дальнѣйшую работу: ему казалось невозможнымъ продолжать свой трудъ безъ пользованія архивомъ. Но по исторіи 1866—70 г.г. въ печати имѣется богатый документальный матеріалъ, еще не исчерпанный а главное — Зибель самъ былъ современникомъ описываемыхъ имъ событій, лично былъ знакомъ со многими выдающимися дѣятелями, особенно съ Бисмаркомъ, и отъ многихъ получалъ драгоцѣнныя сообщенія; кромѣ того, онъ имѣлъ возможность пользоваться различными дневниками, корреспонденціей, автобіографіями, не напечатанными или еще не опубликованными мемуарами, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимаютъ мемуары австрійскаго дипломата Фицтума. Наконецъ, издатель настаивалъ на исполненіи контракта. Все это побудило Зибеля измѣнить свое рѣшеніе и продолжать трудъ, хотя бы и безъ архивныхъ документовъ.

Но у Зибеля мы находимъ не только интересный сырой матеріалъ, а также и прекрасную его обработку. Онъ полный хозяинъ своего матеріала; онъ ярко изображаетъ взаимодѣйствіе внутренней и внѣшней политики. Изложеніе его легко и ясно, въ книгѣ разсѣяно немало мастерскихъ характеристикъ, и 7-томный трудъ Зибеля читается съ захватывающимъ неослабнымъ интересомъ. Подъ конецъ интересъ этотъ даже возрастаетъ, когда Зибель описываетъ событія послѣ Кениггреца, отношенія къ Франціи, политику Наполеона и завязку страшной драмы въ первой половинѣ іюля 1870 г., за ходомъ которой онъ слѣдитъ съ большими подробностями, посвящая этимъ роковымъ двумъ недѣлямъ болѣе 100 страницъ.

Что касается политическихъ убѣжденій Зибеля, то и въ этомъ трудѣ онъ является прусскимъ національ-либераломъ. Онъ самъ открыто сознается въ этомъ, заявляя, что онъ однако признаетъ ошибки и промахи, сдѣланные въ собственномъ лагерѣ, и старается судить о поведеніи противниковъ справедливо, другими словами—старается *понять* ихъ мотивы. И во многихъ случаяхъ Зибелю удается это. Такъ, онъ напр. признаетъ, что во время конфликта изъ-за военной реформы поведеніе либераловъ было безразсуднымъ и что ихъ противники поступали гораздо умнѣе; показываетъ, какъ нѣмецкій дуализмъ долженъ былъ разрѣшиться борьбою, какъ несовмѣстимы

были жизненные интересы Пруссіи и Австріи и какъ неизбѣжно было столкновеніе между ними. Онъ, придававшій обыкновенно громадное значеніе личности, припоминаетъ тутъ слова императора Франца Іосифа, въ письмѣ къ прусскому королю: „Обстоятельства сильнѣе людей“ (II, 139). По Зибелю, война 1866 г. не есть результатъ личныхъ страстей: „она возникла скорѣе изъ неизбѣжнаго конфликта старыхъ правъ съ дѣлавшимися все болѣе и болѣе настоятельными національными потребностями. Вызванное этимъ болѣзненное состояніе стало подъ конецъ невыносимымъ и только сильный кризисъ могъ повести къ прочному выздоровленію... Время стараго Союзнаго сейма лежитъ за нами, какъ законченный періодъ нашего историческаго прошлаго. О Кениггрецѣ мы можемъ теперь говорить такъ же откровенно, какъ о Коллинѣ или Лейтенѣ“ (Предисл.).—Безъ непріязни относится Зибель и къ Наполеону. Напротивъ, въ изображеніи Зибеля, особенно въ послѣднемъ томѣ его труда, Наполеонъ скорѣе возбуждаетъ въ насъ состраданіе: предъ нами больной, слабый тѣломъ и духомъ человѣкъ, предпринимающій одинъ невѣрный шагъ за другимъ, испытывающій неудачи одну за другою, желающій мира, въ то же время боящійся за судьбу своей династіи и помимо воли вовлеченный въ роковую для него борьбу. Нѣкоторые критики упрекали даже Зибеля въ слишкомъ снисходительномъ отношеніи къ Наполеону и въ особенности къ императрицѣ Евгеніи, которую онъ, вопреки очень распространенному мнѣнію, не считалъ виновницею войны 1870 г. Впрочемъ, не всегда Зибель сохраняетъ надлежащую объективность и спокойствіе. Напр., по отношенію къ Фридриху Вильгельму IV у него часто замѣтна иронія. Но въ особенности отсутствіе строгой объективности обнаруживается въ послѣднемъ томѣ: о герцогѣ де-Грамонѣ, французскомъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ, котораго онъ, какъ увидимъ, считаетъ главнымъ виновникомъ войны Франціи съ Пруссіей, Зибель не можетъ говорить хладнокровно; тутъ онъ дѣйствительно пишетъ cum ira et studio. Онъ называетъ его „ein geistesarmer Herr“, „бѣднымъ Грамономъ“; онъ причисляетъ его къ „ограниченнымъ головамъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ бываютъ упрямыми и горячими“ (VII, 226, 397). Встрѣ-

чаются рѣзкіе отзывы и о другихъ дѣятеляхъ; напр., о Гладстонѣ и Гренвиллѣ Зибель въ одномъ мѣстѣ такъ выражается: „Да и кто могъ бы ожидать такой мужественной политики отъ людей, подобныхъ Гладстону и лорду Гренвиллю?“ (VII, 374).

Если отмѣчать все, что даетъ намъ новаго трудъ Зибеля, то понадобилась бы особая обширная статья. Я однако позволю себѣ остановиться лишь на двухъ-трехъ моментахъ.

Зибель, можно сказать, первый уяснилъ личность и политику Фридриха Вильгельма IV, этого романтика и идеалиста, во многихъ отношеніяхъ богато одаренной натуры, человѣка, предъ которымъ преклонялись умы, подобные Гумбольдту и Ранке, и который въ то же время такъ неудачно справлялся съ политическими задачами, выпавшими на его долю. Интересны страницы, гдѣ Зибель говоритъ о событіяхъ, приведшихъ къ Ольмюцкому соглашенію (1850 г.), въ которомъ обыкновенно видятъ глубокое униженіе для Пруссіи, такъ какъ ей, въ виду угрозъ Австріи и положенія, занятаго Россіей, пришлось пойти на уступки по гессенскому и шлезвигъ-гольштинскому вопросу и отказаться отъ уніи, во главѣ которой она стояла тогда. По Зибелю оказывается, что мирный исходъ соотвѣтствовалъ въ сущности затаеннымъ желаніямъ самого-же короля. Подобно тому, какъ раньше, въ „Исторіи перваго крестоваго похода“ и въ „Исторіи революціоннаго времени“, Зибель разрушилъ рядъ легендъ, такъ здѣсь онъ устраняетъ миѳъ, созданный по поводу миссіи графа Бранденбурга, посланнаго въ Варшаву для переговоровъ съ императоромъ Николаемъ, въ октябрѣ 1850 г. Разсказывали, будто графъ встрѣтилъ оскорбительный пріемъ, будто императоръ обратился къ нему со словами: „Я требовалъ сюда своего шурина“ (т. е. прусскаго короля), послѣ чего разговоръ принялъ съ обѣихъ сторонъ рѣзкій характеръ; говорили, будто Бранденбургъ возвратился въ Берлинъ глубоко потрясенный, противъ убѣжденія подчинился мирнымъ желаніямъ короля, но тотчасъ-же послѣ этого слегъ въ постель и черезъ нѣсколько дней умеръ съ горя (II, 3 сл.). Такая легенда создалась въ серединѣ XIX, столь гордаго своею критикою, вѣка; она явилась и въ печати, распространилась въ различныхъ варіантахъ и ей вѣрили безусловно. Зибель, на основаніи подлин-

ныхъ документовъ, показалъ, что эта легенда находится въ полномъ противорѣчіи съ историческими фактами, что Бранденбургъ, хотя и не имѣлъ полнаго успѣха въ Варшавѣ, однако принятъ былъ императоромъ Николаемъ очень благосклонно, что онъ съ самаго своего возвращенія изъ Варшавы стоялъ за миръ и что именно онъ далъ прусской политикѣ мирный оборотъ [1]).

Но въ особенности интересно то, какъ смотритъ Зибель на Бисмарка и его политику и какъ онъ объясняетъ генезисъ войны 1870 г.

Въ „Исторіи основанія Германской имперіи Вильгельмомъ I“ личность короля остается какъ-бы въ тѣни, на второмъ планѣ: ее рѣшительно заслоняетъ фигура Бисмарка. На довольно щекотливомъ вопросѣ объ отношеніи Вильгельма къ его министру Зибель почти не останавливается, большею частью выставляя на видъ полное между ними согласіе. Но приводимые имъ же факты заставляютъ думать, что подчасъ разногласіе между королемъ и его министромъ обнаруживалось рѣзко и дѣло не обходилось безъ столкновеній [2]). Политику Бисмарка

[1]) Отмѣтимъ еще сообщеніе Зибеля о письмѣ Александра II къ Вильгельму въ 1863 г. съ предложеніемъ сообща объявить войну Австріи и Франціи. Объ этомъ предложеніи, кромѣ самого Вильгельма и Бисмарка, никто тогда не зналъ.

[2]) Въ этомъ отношеніи характеренъ между прочимъ слѣдующій эпизодъ. Въ августѣ 1863 г. во Франкфуртѣ собрался съѣздъ нѣмецкихъ князей подъ предсѣдательствомъ императора Франца Іосифа. Вопросъ шелъ о новомъ устройствѣ Нѣмецкаго союза. Но прусскій король отсутствовалъ: онъ не сочувствовалъ планамъ Австріи, отказался отъ участія въ съѣздѣ и находился въ то время въ Баденѣ. Францъ Іосифъ обратился къ нему съ письмомъ, приглашая прибыть на съѣздъ, и король саксонскій Іоаннъ взялъ на себя порученіе лично доставить это письмо прусскому королю и переговорить съ нимъ. Вильгельмъ переживалъ непріятный моментъ. Онъ колебался: „Тридцать князей приглашаютъ; король—курьеромъ; какъ можно тутъ отклонить приглашеніе?“ Нѣкоторые изъ окружающихъ тоже совѣтовали уступить. Одинъ Бисмаркъ неизмѣнно твердилъ, что если король прикажетъ, то онъ поѣдетъ съ нимъ во Франкфуртъ, но ужъ не вернется въ Берлинъ министромъ. Подъ конецъ „у Вильгельма, какъ всегда, разумъ взялъ верхъ надъ сердцемъ“, письмо съ отказомъ было написано, запечатано и вручено Бисмаркомъ отъѣзжающему саксонскому королю. „Въ груди Бисмарка клокоталъ гнѣвъ вслѣдствіе долгаго напряженнаго состоянія,

Зибель характеризуетъ такъ. Бисмаркъ, по его словамъ, не былъ доктринеромъ и вступилъ въ министерство вовсе не съ готовымъ уже планомъ будущаго нѣмецкаго устройства. Для него былъ несомнѣненъ лишь фактъ, что тогдашнее положеніе Пруссіи въ Германскомъ союзѣ невыносимо и что оно должно быть улучшено ferro et igni. Бисмаркъ готовъ былъ вступить въ бой, но если соглашеніе съ Австріей оказалось бы возможнымъ, онъ съ радостью привѣтствовалъ бы такой мирный исходъ. Предъ его проницательнымъ и широкимъ взглядомъ въ полной ясности открывались различныя системы. Онъ взвѣшивалъ ихъ шансы и выгоды, а также и опасности, сообразно положенію вещей всегда готовъ былъ мѣнять средства и даже цѣли, съ однимъ только условіемъ,—чтобы Пруссія постоянно шла впередъ, никогда не отступала, никогда не теряла разъ пріобрѣтенной почвы и собственнаго мужества (II, 447—8).

Вообще Зибель и по поводу датской, и по поводу австрійской войны слишкомъ много ужъ говоритъ о миролюбіи Бисмарка. По замѣчанію Ганса Дельбрюка [1]), въ характеристикѣ Зибеля не достаточно ярко выступаютъ предъ нами „демоническая глубина и сила характера и личности“ Бисмарка; или, какъ выразился одинъ французскій критикъ, „страшнаго королевскаго тигра Зибель превратилъ въ домашняго кота“ [2]). Что Бисмаркъ былъ мастеръ создавать прекрасные поводы къ войнѣ, когда ему было нужно, въ этомъ онъ самъ сознается. Напр. за нѣсколько времени до вступленія въ министерство онъ говорилъ министру гр. Бернсторфу: „если вы хотите войны, то назначьте меня помощникомъ статсъ-секретаря; тогда я вамъ берусь въ теченіе четырехъ недѣль устроить нѣмецкую войну самаго лучшаго сорта“ (слова эти приводитъ Зибель-же, II, 421). А когда въ прусскомъ министерскомъ совѣтѣ обсуждался вопросъ о союзѣ съ Австріей противъ Даніи, то Бисмаркъ заявилъ, что онъ ручается, что *союзъ*

когда за саксонскимъ королемъ затворилась дверь, онъ разбилъ стоявшую на столѣ тарелку со стаканами. „Мнѣ нужно было что-нибудь уничтожить“, сказалъ онъ, „теперь я снова дышу свободно“ (*Sybel*, II, 532).

[1]) Preussische Jahrbücher, 1890, т. LXVI, стр. 89.

[2]) *Valbert*, Rev. d. Deux Mondes, 1890, 1 mars, стр. 199.

этотъ послужитъ ему средствомъ выбросить Австрію изъ Германіи [1]).

Если въ дѣлѣ войны 1864 и 1866 г. Бисмаркъ игралъ гораздо болѣе видную и активную роль, чѣмъ это выходитъ по Зибелю, то тѣмъ больше есть основаніе думать, что такъ было въ 1870 г.

Какъ извѣстно, еще въ самомъ концѣ іюня 1870 г. никто въ Европѣ, повидимому, не ожидалъ взрыва страшной войны. Въ политическомъ мірѣ было полное затишье. Во Франціи еще 30 іюня военный министръ находилъ возможнымъ уменьшить наборъ со 100 на 90 т., въ виду вполнѣ мирнаго положенія Европы. Олливье заявлялъ, что правительство не питаетъ никакихъ опасеній и что никогда еще миръ не казался болѣе прочнымъ. Что касается Пруссіи, то и тамъ, казалось, ничто не предвѣщало близости войны: король отправился въ Эмсъ, Бисмаркъ — въ Варцинъ, въ надеждѣ, что будетъ имѣть „спокойное лѣто“. И вдругъ, въ теченіе какихъ-нибудь 12 дней послѣдовала рѣзкая перемѣна. Кто же былъ виновникомъ этого, виновникомъ „кровопролитнѣйшей войны нашего вѣка“? По Зибелю, не Наполеонъ: уже въ виду своей тяжкой болѣзни, припадки которой особенно усилились какъ-разъ въ то время, онъ, по его мнѣнію, не могъ желать войны. Переговорамъ о тройственномъ союзѣ, ведшимся между Франціей, Австріей и Италіей, Зибель не придаетъ значенія. Если Наполеонъ наконецъ и высказался за войну, то противъ воли, подъ вліяніемъ окружающихъ и общественнаго мнѣнія: болѣзнь ослабляла его волю и духъ и дѣлала его болѣе доступнымъ постороннему вліянію. И Бисмаркъ, по Зибелю, не виноватъ въ войнѣ. По его мнѣнію, знаменитая Эмсская депеша въ редакціи Бисмарка вполнѣ соотвѣтствовала буквальному смыслу телеграммы короля. Бисмаркъ заботился лишь объ одномъ — чтобы не была затронута честь Пруссіи, чтобы дѣйствія короля не могли быть истолкованы, какъ уступка и отступленіе предъ угрозами. Что касается кандидатуры Гогенцоллерна, то Зибель старается доказать, что тутъ иниціатива исходила не отъ

[1]) Этотъ фактъ обнародовалъ Рессле въ рецензіи на трудъ Зибеля, Post, 25 Apr. 1895.

Ковск. О-во Взаим

Пруссіи, что въ этомъ дѣлѣ Вильгельмъ дѣйствовалъ не какъ прусскій король, а лишь какъ глава Гогенцоллернской фамиліи, и не сочувствовалъ кандидатурѣ; роль Бисмарка Зибель и здѣсь пытается тоже умалить. У Зибеля главнымъ, можно сказать — единственнымъ, виновникомъ катастрофы является герцогъ де-Грамонъ, тогдашній французскій министръ иностранныхъ дѣлъ: онъ подалъ поводъ къ войнѣ 6 іюля своею рѣчью въ законодательномъ собраніи, рѣчью, полною угрозъ и *ни на чемъ не основанныхъ*, оскорбительныхъ подозрѣній относительно участія Пруссіи въ дѣлѣ кандидатуры Гогенцоллерна; онъ сдѣлалъ ее неизбѣжною 13 іюля своимъ неприличнымъ требованіемъ извинительнаго письма и гарантій на будущее время со стороны Вильгельма; онъ вызвалъ воинственное постановленіе палаты 15 іюля, допустивъ фальсификацію — намѣренно прочитавъ собранію документы не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали въ дѣйствительности.

Такой взглядъ Зибеля на возникновеніе войны 1870 г. вызвалъ немало возраженій какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, и подалъ поводъ къ оживленной полемикѣ. И замѣчательно, — относительно роли Бисмарка въ дѣлѣ кандидатуры Гогенцоллерна и возникновенія войны съ французскими критиками сходились и нѣмецкіе, даже такіе пруссофилы, какъ редакторъ „Preussische Jahrbücher“, проф. Гансъ Дельбрюкъ. Конечно, у тѣхъ и другихъ побужденія были разныя: французы желали свалить на Бисмарка нравственную отвѣтственность за послѣдовавшую кровопролитную войну; нѣмцы, напротивъ, видѣли тутъ со стороны Бисмарка заслугу — мастерской и смѣлый шагъ, посредствомъ котораго онъ сумѣлъ вовлечь Францію въ войну въ неблагопріятный для нея моментъ, когда она и въ особенности ея союзы не были еще готовы [1]). Въ виду появившихся возраженій Зибель снова возвращается къ вопросу о генезисѣ войны 1870 г., въ статьяхъ: „Фантазіи герцога Грамона“ (въ журналѣ Die Zukunft, 1895, 6 и. 20 Арг.) и „Новыя сообщенія и разъясненія къ осно-

[1]) На вопросъ императрицы Евгеніи, готова ли Франція къ войнѣ, маршалъ Ніэль, говорятъ, отвѣтилъ: „армія готова, но Ваши союзы еще нѣтъ“. Это было въ 1868 г. Но союзы не были готовы и въ 1870 г.

ванію Германской имперіи Вильгельмомъ I“ (Histor. Zeitschrift, 1895, LXXV), появившихся всего за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти. Въ нихъ Зибель отстаиваетъ свой взглядъ и старается опровергнуть выставленные противъ него доводы. Вторая статья во всѣхъ отношеніяхъ важнѣе и интереснѣе первой. Здѣсь Зибель объясняетъ между прочимъ, почему въ ряду подстрекателей къ войнѣ въ его трудѣ не встрѣчается имени той, на которую въ сотняхъ книгъ возлагается самая тяжкая отвѣтственность за войну,—имени императрицы Евгеніи. „Я“—говоритъ Зибель,—„имѣлъ въ виду долгъ историка—никогда не произносить обвинительнаго приговора надъ поступкомъ и человѣкомъ, до тѣхъ поръ, пока тяготѣющее надъ нимъ обвиненіе не будетъ подкрѣплено убѣдительными доказательствами. Всякое обвиненіе на основаніи неопредѣленныхъ подозрѣній или вѣроятныхъ предположеній противно долгу. Не менѣе противно оно долгу и тогда, если оно произносится на основаніи единичнаго случая, безъ отношенія къ общему характеру и положенію обвиняемаго“... И Зибель доказываетъ, что по самому своему характеру и образу жизни, веселому добросердечію, малому интересу къ общественнымъ дѣламъ, отвращенію къ заботамъ и къ страданіямъ, видѣннымъ ею во время войны 1859 г.,—по всему этому императрица Евгенія не могла желать войны; она не могла вдругъ превратиться въ страстную и безсердечную политическую интригантку, которая изъ эгоистической жажды власти и слѣпой ненависти къ Пруссіи вовлекала больного императора, противъ его воли, въ войну. А что касается приписываемой Евгеніи фразы: „C'est ma guerre, ma petite guerre, la guerre à moi“, то Зибель считаетъ ее легендой.—Въ этой же статьѣ есть любопытныя подробности, на основаніи показаній очевидца, о роковомъ днѣ 14-го іюля, когда Наполеону приходилось избрать войну или миръ.

Но доводы Зибеля касательно императрицы Евгеніи едва-ли вполнѣ убѣдительны: при всемъ нерасположеніи къ войнѣ она все-таки могла быть за нее, какъ за единственное средство упрочить колеблющееся владычество Наполеона и обезпечить престолъ за сыномъ. Во всякомъ случаѣ Евгенія принимала участіе въ томъ роковомъ совѣщаніи вечеромъ 14-го іюля, на

которомъ рѣшена была война, и это рѣшеніе состоялось, конечно, не безъ ея согласія. Подобныя же побужденія могли руководить и Наполеономъ [1]). Что касается взгляда Зибеля на кандидатуру Гогенцоллерна и на отношеніе къ ней Бисмарка, то съ нимъ тоже трудно согласиться. На этотъ эпизодъ пролили немало свѣта обнародованные отрывки изъ мемуаровъ короля румынскаго Карла [2]), родного брата претендента на испанскую корону. Зибель утверждаетъ, что Вильгельмъ принималъ участіе въ дѣлѣ кандидатуры не какъ король прусскій, а лишь какъ глава фамиліи. Но не говоря уже о томъ, что такое различіе слишкомъ тонко и неуловимо,—письма Антона Гогенцоллерна, отца Карла и Леопольда, приводимыя въ упомянутыхъ „Мемуарахъ", опровергаютъ мнѣніе Зибеля: въ одномъ изъ совѣщаній по поводу испанской кандидатуры участвовали, подъ предсѣдательствомъ Вильгельма, не только кронцъ-принцъ, но и Бисмаркъ, Мольтке, Роонъ, Шлейницъ и друг.,—явное доказательство, что кандидатура Гогенцоллерна разсматривалась не какъ частное, фамильное дѣло; единогласное мнѣніе участвовавшихъ въ совѣщаніи было въ пользу принятія испанской короны, такъ какъ *„это было бы исполненіемъ прусскаго патріотическаго долга"*... Лишь Вильгельмъ не раздѣлялъ такого взгляда и не сочувствовалъ кандидатурѣ. Зато, какъ видно изъ тѣхъ же писемъ, Бисмаркъ былъ крайне недоволенъ неудачнымъ исходомъ первыхъ переговоровъ и *„много разъ и съ величайшею рѣшительностью заявлялъ, что политическая необходимость"* требуетъ принятія испанской

---

[1]) Дельбрюкъ, въ противоположность Зибелю, придаетъ громадное значеніе тройственному союзу и „тайну Наполеоновской политики въ 1870 г." видитъ въ томъ, что Наполеонъ, вполнѣ сознательно и добровольно объявляя войну, надѣялся заключить миръ по своему произволу до или послѣ первой битвы и войти въ соглашеніе съ Пруссіей на счетъ Бельгіи. Этимъ будто-бы объясняется загадочный контрастъ между несомнѣнными приготовленіями къ войнѣ и вялымъ веденіемъ переговоровъ о союзѣ (Preuss Jahrb., 1895, Okt. Ср. теперь тамъ же, 1909, Aug., его же ст.: „Ollivier über den Krieg 1870"). Такое объясненіе является однако лишь смѣлою и нѣсколько фантастическою гипотезою.

[2]) Aus dem Leben König Karls von Rumänien. Aufzeichnungen eines Augenzeugen. 2 Bde. Stuttg. 1894. По поводу ихъ см. статью *Дельбрюка* въ Preuss Jahrb., LXXIX, 341.

короны Гогенцоллерномъ. Въ Испанію, для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ, были посланы извѣстный Лотаръ Бухеръ и майоръ ф. Ферзенъ. Передъ тѣмъ, какъ Леопольду въ послѣдній разъ была предложена испанская корона, Бисмаркъ писалъ Приму, что полезно было бы еще разъ обратиться къ Гогенцоллерну, и т. д. Все это показываетъ, какую дѣятельную роль игралъ въ этомъ дѣлѣ Бисмаркъ. А относительно Эмсской депеши слѣдуетъ замѣтить, что хотя редакція Бисмарка и не извращала фактовъ, то все-же посредствомъ сокращеній придавала ей иной оттѣнокъ, измѣняла какъ-бы ея тонъ; недаромъ же Мольтке, выслушавъ текстъ Бисмарка, воскликнулъ: „Раньше это была шамада“ (отбой), „теперь это—фанфара“ (наступленіе)! Это была „пощечина“, нанесенная Франціи Бисмаркомъ, и едва-ли справедливо всю отвѣтственность возлагать на одного Грамона [1]).

Впрочемъ, все это касается лишь отдѣльныхъ моментовъ и поводовъ; причина же войны лежитъ глубже. Она заключалась въ настроеніи тогдашняго общественнаго мнѣнія Франціи, въ томъ, что Франція не могла примириться съ побѣдой Пруссіи въ 1866 г., съ возрастаніемъ ея могущества, съ утратой своего главенства въ Европѣ. Событія 1866 г. для Франціи являлись какъ-бы пораженіемъ. По выраженію одного изъ современниковъ ихъ, „la grande nation ne pouvait pas se laisser amoindrir“. Національное самолюбіе французовъ было бы еще удовлетворено, если бы удалось получить хотя какую-либо компенсацію, напр. лѣвый берегъ Рейна. Но всѣ попытки Наполеона въ этомъ направленіи терпѣли фіаско. Съ другой стороны, Пруссія нуждалась въ войнѣ, чтобы скрѣпить единство Германіи, чтобы прочнѣе связать съ собою нѣмецкій югъ.

---

[1]) Все это подтверждается и такими новыми публикаціями, какъ „Gedanken und Erinnerungen“ Бисмарка (Stuttg. 1898, т. II) и „L'empire libéral“ Олливье (1908—1909, т. XIII—XIV). Бисмаркъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ самъ признается, какую роль игралъ онъ въ дѣлѣ кандидатуры Гогенцоллерна. Когда эта кандидатура была снята, онъ готовъ былъ выйти въ отставку. Онъ отлично зналъ, по его собственному выраженію, что опубликованіе сокращеннаго имъ текста Эмсской депеши „произведетъ впечатлѣніе краснаго платка на галльскаго быка“ (II, 91). Это разсчитано было на психологію французовъ.

Отношенія между Франціей и Пруссіей были крайне натянуты, и достаточно было ничтожнаго повода, чтобы возгорѣлась кровопролитная война. Всего этого не отрицаетъ, впрочемъ, и Зибель. „Франція шла въ бой за свое старое почетное положеніе, Германія — за свое юное существованіе". Такими словами заканчиваетъ онъ свой трудъ.

Надъ послѣднимъ томомъ „Основанія Германской имперіи" Зибель работалъ неутомимо: не смотря на свой преклонный возрастъ, онъ буквально по цѣлымъ днямъ и даже мѣсяцамъ не выходилъ изъ дому. Онъ думалъ отдохнуть по окончаніи труда: но, какъ мы видѣли, онъ вскорѣ снова взялся за перо, чтобы защищать свои взгляды: упомянутыя выше статьи въ „Die Zukunft" и въ „Histor. Zeitschrift" написаны имъ весною 1895 г.

Въ іюнѣ Зибель отправился изъ Берлина въ Марбургъ, гдѣ когда-то протекли молодые годы его профессорской дѣятельности, гдѣ теперь его сынъ былъ профессоромъ (исторіи искусствъ) и гдѣ онъ ежегодно проводилъ свободное отъ служебныхъ занятій время, въ кругу близкихъ. Зибель чувствовалъ себя довольно бодрымъ. Онъ думалъ о продолженіи своего труда — о 8-мъ томѣ, въ которомъ должна была излагаться исторія самой войны 1870—1 г. Его послѣднія статьи произвели впечатлѣніе, особенно во Франціи. Одинъ французскій публицистъ побуждалъ его написать для Франціи книгу о возникновеніи Франко-Прусской войны и предлагалъ взять на себя ея переводъ. Зибель сѣлъ писать письмо, чтобы отвѣтить ему, какъ вдругъ съ нимъ сдѣлалось дурно; онъ слегъ въ постель и на слѣдующій день, на зарѣ, 1-го августа (н. ст.) 1895 г., тихо, безъ страданій скончался, на 78-мъ году жизни.

VII.

Въ одной изъ своихъ рѣчей [1]) Зибель между прочимъ говоритъ: „Только изъ соединенія методическаго изслѣдованія, философскаго воззрѣнія и художественной репродукціи выходитъ настоящая исторіографія", или, какъ замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ [2]), историкъ „долженъ быть *критическимъ* изслѣ-

[1]) Посвященной памяти Ранке (Histor. Zeitschr., 1886, N. F., XX).

[2]) См. некрологъ Вайца (ibid.).

дователемъ, знатокомъ политики и *художникомъ*... Во всѣ времена и вездѣ крайне рѣдки случаи, когда эти различныя способности гармонически соединяются въ одной счастливо одаренной личности"... Зибель былъ такою личностью. Онъ близко подходилъ къ начертанному имъ самимъ идеалу историка. Какъ критическій изслѣдователь, онъ опровергъ рядъ легендъ, возникшихъ не только въ средніе вѣка, но и въ ближайшее къ намъ время. Его художественный талантъ обнаруживается въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Исторія революціоннаго времени" (преимущественно въ двухъ послѣднихъ томахъ) и „Основаніе Германской имперіи", хотя стиль простой, легкій и изящный ему не сразу дался: онъ выработалъ его постепенно, благодаря упорному труду. Наконецъ, мы видѣли, что Зибель былъ и историкомъ-политикомъ, и его дѣятельность тѣсно связана съ развитіемъ національнаго и политическаго единства Германіи. Какъ профессоръ и какъ авторъ, онъ работалъ въ пользу этого единства, и недаромъ Бисмаркъ выражалъ ему благодарность „за его долголѣтнее сотрудничество въ общемъ патріотическомъ дѣлѣ". Зибель выступалъ съ опредѣленными политическими убѣжденіями и не скрывалъ этого. Его труды стояли въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ современности, касались подчасъ животрепещущихъ вопросовъ. Изученіе прошлаго служило ему ключемъ къ пониманію настоящаго и руководствомъ при рѣшеніи современныхъ вопросовъ.

Такое направленіе имѣетъ однако свою опасную сторону. Главная цѣль исторической науки, какъ и всякой другой, есть отысканіе *истины*, и если стремясь къ полной, безусловной объективности, историкъ легко можетъ впасть въ индифферентизмъ и безличіе, въ излишнее преклоненіе предъ фактомъ, держась правила: „was wirklich ist, ist vernünftig", то соединеніе исторіи и политики можетъ повести къ крайней субъективности и тенденціозности, къ извращенію и подтасовкѣ фактовъ, къ сужденію о далекомъ прошломъ съ точки зрѣнія нынѣшняго времени. И отъ этого послѣдняго не былъ вполнѣ свободенъ и Зибель: несомнѣнно, напр., что именно такъ онъ судилъ о средневѣковомъ императорствѣ; вѣроятно, иначе отнесся бы онъ и къ нѣкоторымъ фактамъ въ исторіи XVIII и прошлаго вѣка, если бы онъ не былъ историкомъ-политикомъ. Разъ исторія

пишется cum ira et studio, она легко, конечно, превращается въ простое орудіе политики—которое можетъ оказаться обоюдоострымъ,—въ ея „служанку“, подобно тому, какъ въ средніе вѣка наука была „служанкой теологіи“, „ancilla theologiae“. До чего доводитъ это, яркимъ примѣромъ служитъ другой извѣстный нѣмецкій историкъ, скончавшійся почти одновременно съ Зибелемъ,—Трейчке, авторъ „Исторіи Германіи въ XIX стол.“, которую многіе изъ его соотечественниковъ признаютъ перломъ ихъ новѣйшей исторіографіи,—историкъ, безспорно, талантливый, художникъ и мастеръ слова, но слишкомъ страстный, у котораго субъективность и узкій прусскій патріотизмъ доходили до шовинизма и до фанатической проповѣди національной и политической ненависти. Отъ такого историка, разумѣется, нельзя ожидать ни безпристрастнаго, согласнаго съ истиною изложенія фактовъ, ни надлежащаго освѣщенія и объясненія явленій прошлаго, съ ихъ причинами и слѣдствіями.

Но до подобныхъ крайностей Зибель не доходилъ. Объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ прошелъ прекрасную школу и усвоилъ строгій критическій методъ. Самъ Ранке, этотъ образецъ объективности, въ особенности цѣнилъ въ Зибелѣ именно то, что тотъ всегда твердо держался правильнаго метода, и въ этомъ отношеніи ставилъ его даже выше двухъ другихъ своихъ выдающихся учениковъ, Вайца и Гизебрехта. Во-вторыхъ, Зибель былъ слишкомъ серьезнымъ и добросовѣстнымъ историкомъ, слишкомъ любилъ истину и дорожилъ ею, для того, чтобы впасть въ слишкомъ грубую тенденціозность или позволить себѣ сознательное извращеніе фактовъ, ради какой бы то ни было цѣли. Противъ подобной тенденціозности онъ самъ рѣшительно возставалъ, особенно въ своемъ „Историческомъ Журналѣ“.

Что же касается выставленнаго Зибелемъ еще въ юности тезиса, что исторію слѣдуетъ писать cum ira et studio, то это нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что Зибель рекомендовалъ произвольное обращеніе съ фактами, а въ томъ, что историкъ долженъ имѣть извѣстныя политическія и нравственныя убѣжденія. Зибель былъ врагъ безличія и требовалъ отъ историка „опредѣленнаго отношенія къ великимъ міровымъ вопросамъ религіи, политики, національности“. Только тогда, по его мнѣ-

нію, исторія и можетъ имѣть воспитательную силу и художественную форму; въ противномъ случаѣ она будетъ бездушною или аффектированною [1]). Зибель требовалъ отъ науки облагораживающаго вліянія [2]). Отношеніе между политикой и исторіей онъ представлялъ себѣ такъ: „Было бы значительнымъ шагомъ впередъ со стороны нашихъ политическихъ партій, если бы онѣ обратились къ историческому обоснованію своихъ тенденцій и полагали гордость и надежду въ томъ, чтобы ихъ стремленія заключали въ себѣ продолженіе великаго прошлаго. Было бы не меньшею заслугою со стороны нашей исторической науки, если бы она... ясно установила, какіе моменты въ прошломъ обозначаютъ поступательное движеніе націи и съ какими поэтому слѣдуетъ связать настоящее, для достиженія истиннаго прогресса“. По Зибелю, наука, конечно, не создана для служенія политикѣ, но она все-же не должна хранить въ уединеніи собранныя ею сокровища, а должна пускать ихъ въ оборотъ на благо человѣчеству и отечеству [3]).

Историкъ, по мнѣнію Зибеля, долженъ переживать то, что онъ описываетъ,—жить въ прошломъ, какъ его современникъ [4]). „Законъ нашей природы, а слѣдовательно и законъ исторіи таковъ, что человѣкъ разсматриваетъ человѣческія дѣйствія и страданія съ другимъ чувствомъ, чѣмъ натуралистъ свои минералы и инфузоріи“ [5]). Какъ изслѣдователь, историкъ обязанъ подавлять всякое воздѣйствіе своего субъективнаго настроенія; но при изображеніи внутренняго содержанія событій всегда скажется субъективная точка зрѣнія наблюдателя, а художественное изображеніе получаетъ свой отпечатокъ уже вполнѣ отъ личности художника... Критика даетъ только отдѣльные факты, подобно атомамъ, и каждая комбинація, каждая связь и выводъ, безъ которыхъ однако нельзя обойтись, есть уже субъективный актъ изслѣдователя [6]).

[1]) Ueber den Stand der neueren deutschen Geschichtschreibung (1856). См. Kl. histor. Schriften, I, 349—50.

[2]) Drei Bonner Historiker (Hist. Zeitschr., 1867, XVIII, 294—5).

[3]) Предисловіе къ „Die deutsche Nation und das Kaiserreich“, стр. XIV—XV.

[4]) Drei Bonner Historiker, стр. 285.

[5]) Рѣчь о Ранке (Hist. Zeitschr., 1886, LVI, 472).

[6]) Некрологъ Вайца (Hist. Zeitschr., 1886, XX, 484).

По мнѣнію Зибеля, извѣстныя, основныя нравственныя аксіомы примѣнимы и имѣютъ обязательную силу для всѣхъ временъ, подобно основнымъ законамъ логики. Отвергать это значило бы отнимать у исторіи ея нравственное содержаніе и ея научный характеръ [1]). Безъ вѣры въ существованіе нравственнаго міроваго порядка Зибель не могъ себѣ и представить исторической науки. Отсюда понятенъ его взглядъ на значеніе личности въ исторіи. По его словамъ, „правительства и націи погибаютъ не безъ собственной вины". Возражая Ранке, который въ революціонныхъ войнахъ видѣлъ столкновеніе двухъ противоположныхъ идей, двухъ враждебныхъ міровъ, какъ-бы необходимое и роковое, Зибель говоритъ о себѣ, что онъ представляетъ идеи существующими не внѣ человѣка, какъ какія-нибудь демоническія силы: въ исторіи онъ видитъ людей, которые создаютъ идеалы, согласно имъ дѣйствуютъ и за то должны нести отвѣтственность [2]). Вообще личности Зибель приписывалъ очень большую, иногда чрезмѣрную роль. Незадолго до смерти, въ одномъ письмѣ онъ такъ выражается: „Я все же держусь одного мнѣнія съ Трейчке: время дѣлаютъ великіе люди. Масса ничего не создаетъ; она чувствуетъ гнетущія потребности; образованные люди путемъ абстракціи отсюда создаютъ идеалы будущаго"; теченіе ростетъ, кажется наконецъ непреодолимымъ; но изъ этого ничего не выходитъ, „пока не явится сильный человѣкъ, который не только, какъ всѣ другіе, понимаетъ идеалы времени, но и черпаетъ въ собственной мощи надлежащія средства къ осуществленію идеала. Такъ Бисмаркъ при объединеніи Германіи. Когда и гдѣ соціальная реформа найдетъ своего Бисмарка? Мнѣ она представляется теперь приблизительно въ той стадіи, въ какой находилось нѣмецкое объединительное движеніе около 1844 г.: похвальное стремленіе, неясныя преувеличенія, фальшивые эксперименты" [3]).

Наконецъ, что касается содержанія и предмета исторіи, то Зибель, не отрицая значенія культурной и экономической стороны, все-же отдавалъ исключительное преимущество *исторіи*

[1]) Предисловіе къ „Die deutsche Nat. u. d. Kaiserreich", стр. X.

[2]) Предисловіе къ „Gesch. d. Revolutionszeit"[4], стр. V.

[3]) Цитир. въ статьѣ *Эриха Маркса* о Зибелѣ, Die Zukunft, 1895, 26 Oct., стр. 174, прим.

политической и относился отрицательно къ новымъ направленіямъ. Государство и его судьбы, по его мнѣнію, должны служить главнымъ предметомъ исторіи. Взглядъ этотъ настойчиво проводился и въ его журналѣ И это понятно: для того поколѣнія, къ которому принадлежалъ Зибель, важнѣйшимъ, насущнымъ вопросомъ былъ вопросъ о *политической* судьбѣ Германіи, о ея національномъ и *государственномъ* объединеніи...

X.

Альбертъ Сорель, какъ историкъ французской революціи [1]).

Лѣтомъ 1906 г. умеръ Альбертъ Сорель, авторъ капитальнаго труда по исторіи французской революціи—„L'Europe et la révolution française", труда, который обыкновенно, ставятъ наряду съ произведеніями Токвиля („Старый порядокъ и революція") и Тэна („Происхожденіе современнаго строя во Франціи"), а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже выше ихъ. Смерть Сореля — тяжелая утрата не только для французской науки; въ его лицѣ сошелъ въ могилу крупный и яркій талантъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ историковъ.

А. Сорель родился въ 1842 г. Первоначальною его профессіею была дипломатія. Затѣмъ, оставивъ службу по министерству иностранныхъ дѣлъ, Сорель всецѣло предался литературѣ и наукѣ. Еще въ молодости онъ писалъ стихи и романы, а первыя его работы въ научной области касались дипломатической исторіи („Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande", 2 т.) и международнаго права („Précis du droit des gens", въ сотрудничествѣ съ Функъ-Брентано). За свой главный трудъ, которому онъ посвятилъ тридцать лѣтъ своей жизни, Сорель принялся въ 1874 году. Послѣ десятилѣтней съ лишкомъ подготовки, въ 1885 году появился I томъ „L'Europe et la révolution française", а затѣмъ скоро послѣдовали и дальнѣйшіе три тома, въ которыхъ изложеніе доведено до конца

[1]) Некрологъ въ харьковской газетѣ (нын. „Утро"), отъ 21 іюня 1906 г. О Сорелѣ, какъ историкѣ французской революціи,—большая статья *Н. И. Катьева*, изданная и отдѣльно (Спб. 1907).

конвента. Этимъ сначала Сорель и думалъ ограничиться; но потомъ онъ рѣшилъ продолжить свою исторію „Европы и французской революціи“ до конца революціонной эпохи, и послѣ 10 лѣтъ промежутка, въ теченіе всего 2-хъ лѣтъ (1903 — 1904), вышли въ свѣтъ еще 4 тома. Такимъ образомъ, Сорелю, незадолго до смерти, удалось закончить свой обширный 8-томный трудъ, доведя его до 1815 г. [1]).

Въ этомъ своемъ трудѣ Сорель слѣдитъ преимущественно за взаимодѣйствіемъ революціонной Франціи и старой Европы. На революцію онъ смотрѣлъ съ широкой исторической точки зрѣнія, какъ на явленіе не столько французской, сколько общеевропейской исторіи. По самой темѣ касаясь часто внѣшнихъ отношеній Франціи, Сорель, однако, не увлекался изображеніемъ какихъ-либо мелкихъ подробностей „перипетій этой долгой трагедіи“: онъ углублялся въ самый смыслъ событій и старался выяснить ихъ основныя причины, ихъ связь. По его собственнымъ словамъ, онъ собираетъ во-едино главныя черты событій и отыскиваетъ въ нихъ то, что составляетъ самую сущность ихъ исторіи, отдаленныя причины тѣхъ „великихъ ударовъ, которые отражаются на столь далекомъ разстояніи“. Сорель старался „уловить общую нить, связывающую отдѣльные факты“, представить ихъ „удивительныя соотношенія и послѣдовательность“.

Въ общемъ, связь эта представляется ему въ такомъ видѣ.

Французская революція, говоритъ Сорель, съ самаго начала ся и въ силу своего основного принципа, подрываетъ самыя основанія и все зданіе старой монархической Европы. Она провозглашаетъ верховенство народа, объявляетъ свои доктрины очевидными и міровыми истинами, угрожаетъ всѣмъ установленнымъ властямъ, приглашаетъ всѣ народы къ возстанію и освобожденію. Всего поразительнѣе здѣсь равнодушіе европейскихъ правительствъ: они не понимаютъ знаменательныхъ признаковъ приближающейся грозы; гроза разразилась—они смотрятъ на нее съ эгоистическимъ равнодушіемъ и пугаются лишь тогда, когда потокъ вышелъ изъ береговъ и грозилъ затопить ихъ собственныя владѣнія. Не сумѣвъ понять опасности, они

[1]) Рус. перев.—подъ ред. Н. И. Карѣева.

не смогли и отвратить ее: они противопоставляютъ ей безсвязныя усилія, мѣры, полныя противорѣчій, неудачные планы. Все ниспровергнуто во Франціи, все уцѣлѣло въ Европѣ: у Франціи нѣтъ ни правительства, ни казны, едва сохранились кадры арміи; старыя монархіи располагаютъ всѣми рессурсами сильныхъ правительствъ. Казалось бы, что Франція должна была бы пасть. Но противъ ожиданія анархія организуется, а организованная сила разлагается. Франція не только побѣждаетъ коалицію, но и разъединяетъ ее. Крестовый походъ противъ революціи—для защиты установленнаго права—приводитъ къ раздѣлу континента между защитниками монархическаго права и тѣми, кто получилъ свою власть отъ революціи. Старая Европа кончаетъ полнымъ цинизма банкротствомъ.

Чтобы вступить въ соглашеніе съ революціею, Европа отрекается отъ своего принципа; чтобы поладить со старою Европой, французская революція извращаетъ свой собственный принципъ: она отказывалась отъ завоеваній, приносила миръ вселенной, приглашала народы къ всеобщему союзу; но война разразилась, и побѣда внушила революціи воинственныя стремленія. Предпринявъ завоеванія, чтобы освободить, Франція приняла участіе въ дѣлежахъ, чтобы сохранить ихъ.—Но, получая выгоды отъ войны, она подчинялась и общему закону войны. Французы вложили въ армію духъ революціи; онъ остался въ ней, и какъ орудіе революціи передъ Франціей и Европой предсталъ Бонапартъ. Европа пыталась сопротивляться ему: онъ ее укротилъ не одною силою оружія, но и политикой. Франція и Европа представили тогда одинаковое зрѣлище — въ томъ отношеніи, что и тѣ, кто создалъ революцію, и тѣ, кто боролся противъ нея, очутились въ одинаковомъ рабствѣ. Во Франціи изъ рядовъ самыхъ яростныхъ демократовъ возникаетъ цѣлая аристократія цареубійцъ; въ Европѣ государи, происходящіе изъ самыхъ древнихъ царственныхъ домовъ, принимаютъ корону изъ той самой руки, которая раздавала въ Парижѣ эти странныя инвеституры и однимъ почеркомъ пера упраздняла цѣлыя династіи. Революція проникла даже въ семью этихъ государей: человѣкъ, въ которомъ Меттернихъ видѣлъ „воплощеніе революціи“, женился на правнучкѣ Маріи Терезіи; „едва минуло 17 лѣтъ съ той поры, какъ Марія Антуа-

нетта погибла на эшафотѣ, и уже другая австрійская эрцгерцогиня возсѣла на ея мѣсто на французскомъ престолѣ. рядомъ съ Наполеономъ. Для старой Европы это было самое необыкновенное событіе въ исторіи революціи".

Для Франціи результаты были еще болѣе удивительные. Въ 1792 г. она возвѣстила войну королямъ и миръ народамъ. Она восторжествовала надъ королями, но пала подъ напоромъ народовъ. Подъ формой завоеванія она распространяла въ средѣ народовъ свои принципы; подъ этой формой и именно въ силу этихъ самыхъ принциповъ народы возненавидѣли ее и возмутились противъ ея господства. Короли Европы были побѣждены націей, которая сражалась съ энтузіазмомъ. Когда европейскія націи начали войну, роли перемѣнились: теперь уже Франція была предоставлена исключительно рессурсамъ своего государства. Европа обратила противъ нея ея собственное оружіе. Послѣдствіемъ было то, что европейскія націи не устояли противъ дѣйствія тѣхъ самыхъ страстей, которыя ихъ подняли, и, вооружившись ради собственной независимости, остались вооруженными ради мщенія и завоеванія. Конецъ войнъ, вышедшихъ непосредственно изъ французской революціи, обозначаетъ начало революціи въ Европѣ, послѣдствія которой слишкомъ тяжело легли на Францію. Это—выступленіе *національнаго принципа*.

„Эти необыкновенные перевороты, этотъ неожиданный ходъ вещей, связывающій такія повидимому противорѣчивыя событія, не могутъ однако быть объяснены случайными причинами". И Сорель раскрываетъ, какъ явленія, полныя поразительнаго контраста, эти необыкновенные перевороты и результаты логически и неразрывно между собою связаны и вытекаютъ изъ основныхъ причинъ, изъ основныхъ принциповъ. „Если", говоритъ Сорель, „произвольно сближать отдаленные одинъ отъ другого факты, то кажется, что они совершенно не зависятъ другъ отъ друга: но, разсматривая эти факты въ ихъ послѣдовательной связи, мы увидимъ, что каждый изъ нихъ находится въ тѣсной зависимости съ предыдущимъ, и отъ одного къ другому устанавливается цѣлая ихъ цѣпь". Все идетъ тутъ съ правильною послѣдовательностью, которую Сорель и изображаетъ мастерски.

Сорель подъ революціей открываетъ чисто *эволюціонный*

процессъ. Принципы французской революціи, замѣчаетъ онѣ, были отвлеченны и всеобщи, что способствовало ихъ быстрому распространенію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, было причиною того, что они принесли результаты различные, смотря по той средѣ, въ которой они распространялись. Какъ для государства, такъ и для народовъ, существуютъ традиціи столь же древнія, какъ ихъ исторія, потому что онѣ берутъ начало изъ одного съ нею источника и развиваются параллельно съ нею. Человѣкъ, захваченный кризисомъ, волей-неволей поддается вліянію унаслѣдованныхъ началъ и господствующихъ въ немъ самомъ и вокругъ него страстей; съ этими-то данными онъ принимаетъ новыя идеи и пытается ихъ осуществить. Сорель показываетъ, какъ французы и другіе европейскіе народы истолковывали принципы революціи и приспособляли ихъ къ традиціямъ своего прошлаго. Его основная мысль та, что „французская революція, которая представляется для однихъ ниспроверженіемъ, для другихъ—возрожденіемъ стараго европейскаго міра, есть естественное и необходимое продолженіе европейской исторіи и что эта революція не имѣла ни одного такого слѣдствія, даже самаго необычайнаго, которое не вытекало бы изъ этой исторіи и не объяснялось бы прецедентами стараго порядка".

Эти прецеденты, политическія теоріи, нравы и традиціи старой Европы Сорель изображаетъ чрезвычайно рельефно и ясно представляетъ тѣсную, преемственную связь между ними и революціей. Съ особенною наглядностью онъ показалъ, какъ уже старая Европа подрывала „устои" стараго порядка, какъ уже она прибѣгала къ чисто революціоннымъ способамъ и пріемамъ и какъ въ ней подготовлена была почва для революціонной пропаганды. Такою подготовкою Европы объясняетъ Сорель и ту легкость, съ которою революціонная Франція справлялась со старо-европейскими государствами. Гроза революціи висѣла почти надъ всею Европою; если же она разразилась во Франціи, а не въ другой странѣ, то, говоритъ Сорель, только потому, что тутъ были наиболѣе благопріятныя условія: старый порядокъ здѣсь больше обветшалъ и съ меньшимъ терпѣніемъ переносился, возбуждалъ больше ненависти и былъ легче устранимъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; необходимыя преобразованія правительство не въ силахъ было выполнить; власть, лишенная

способности руководить общественнымъ мнѣніемъ, въ то же время неспособна была и дать ему отпоръ; банкротство правительственной власти сопровождалось банкротствомъ финансовымъ; перемѣны казались неизбѣжными, и всѣ пути были открыты для новаторовъ; наконецъ, философскія ученія, болѣе популярныя, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ, глубже проникли въ народныя массы и больше отвѣчали ихъ духу.

Но изображая связь явленій, Сорель признавалъ и значеніе личнаго начала въ исторіи, интересовался человѣческою личностью. Въ одной рѣчи онъ говоритъ [1]), что великія событія исторіи, какъ и тѣ памятники, которые въ нашихъ городахъ являются ихъ символами,—дѣло рукъ человѣческихъ. Именно человѣка нужно искать, найти и воскресить въ исторіи: онъ одинъ заключаетъ въ себѣ ключъ. Это не безличный человѣкъ, безъ опредѣленныхъ физіономій и характера, анатомическій предметъ на столѣ лабораторіи; такого человѣка исторія не знаетъ, ибо она знаетъ только человѣка живого и дѣйствующаго, вотъ этого именно человѣка, носящаго такое-то имя, въ такомъ-то часу произнесшаго такія-то слова или сдѣлавшаго такое-то движеніе, и его-то какъ-разъ нужно открыть, допросить, исповѣдать, даже среди массы, мало того,—особенно и болѣе всего именно въ массѣ, потому что масса направляетъ событія, какъ въ пространствахъ массы приводятъ въ движеніе міры. Но масса совсѣмъ не то, что океанъ, не скопленіе капель воды, тожественныхъ одна съ другой и находящихся пропорціонально подъ однимъ и тѣмъ же матеріальнымъ давленіемъ. Это—соединеніе существъ, изъ которыхъ каждое есть личность, обладаетъ душою съ ея привязанностями и ненавистями. Проблема ихъ общаго дѣйствія отнюдь не проблема механики: здѣсь — проблема человѣческой симпатіи или отвращенія .. Вотъ эту-то человѣческую стихію, личную и особенную въ каждомъ человѣкѣ, и требуется выдѣлить въ актахъ и разсказахъ тѣхъ, которые вели дѣла, подготовляли событія и докладывали объ ихъ обстоятельствахъ. Исторія живетъ документами, но документы очень похожи на письма, написанныя химическими чернилами: они выдаютъ свою тайну только тогда,

[1]) Цит. у *Н. И. Кареева*, въ названной выше статьѣ, стр. 45 сл.

Моск. О-во Взаи

когда ихъ нагрѣваютъ и заставляютъ просвѣчиваться у пламени жизни. „Когда я говорилъ о людяхъ, о французахъ или иностранцахъ“, заявляетъ Сорель, „я старался вѣрно воспроизводить ихъ поступки и проникать въ ихъ намѣренія; я дѣлалъ всѣ усилія, чтобы ихъ понять, объяснить, представить ихъ мотивы и примѣнить къ нимъ ту высшую мѣру человѣческихъ мыслей и дѣйствій, которая называется искренностью“.

У Сореля мы находимъ блестящія, мѣткія характеристики, необыкновенно рельефное изображеніе дѣйствующихъ лицъ. Такимъ личностямъ, какъ Бонапартъ и Гошъ, Монтескье, m-me de Сталь, онъ посвятилъ особыя—правда небольшія, но превосходныя—монографіи.

Надъ своимъ главнымъ трудомъ Сорель работалъ ровно тридцать лѣтъ и, разставаясь съ нимъ, съ полнымъ правомъ могъ назвать его „товарищемъ своей молодости, другомъ своего зрѣлаго возраста“. Въ основу его Сорель положилъ весьма обширный матеріалъ, въ томъ числѣ и неизданный, архивный; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ прекраснымъ знатокомъ и литературы. Весь этотъ громадный матеріалъ онъ тщательно и мастерки обработалъ, съ широкой точки зрѣнія и съ научнымъ безпристрастіемъ. Къ этому присоединяются внѣшнія достоинства—блестящее изложеніе, прекрасный языкъ, яркія характеристики.

Неудивительно послѣ этого, что такой трудъ, какъ „Европа и французская революція“, доставилъ Сорелю широкую извѣстность; онъ выдвинулъ его на одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ историковъ не только Франціи, но и всѣхъ странъ, и когда умеръ Тэнъ, то Сорель явился общепризнаннымъ его преемникомъ во Французской академіи.

По темѣ и задачѣ трудъ Сореля сходенъ съ трудомъ извѣстнаго нѣмецкаго историка Зибеля („Исторія революціоннаго времени“), вышедшимъ раньше, еще въ 50—70-хъ годахъ XIX вѣка. Но Сорель разрѣшилъ задачу съ бо́льшимъ талантомъ, глубиною и успѣхомъ. Во многихъ отношеніяхъ онъ явился продолжателемъ Токвиля и Тэна. Но онъ гораздо объективнѣе послѣдняго и не такъ односторонне смотритъ на революцію, какъ Тэнъ. Уже Токвиль показалъ тѣсную связь между „старымъ порядкомъ“ во Франціи и революціею и видѣлъ въ

послѣдней совершенно логическое продолженіе перваго. Сорель пошелъ далѣе по этому пути и сдѣлалъ по отношенію къ Европѣ то, что знаменитый авторъ „Стараго порядка и революціи“ сдѣлалъ по отношенію къ Франціи. Вообще Сорель много способствовалъ безпристрастному изученію и выясненію такого грандіознаго и сложнаго явленія, какъ французская революція, не говоря уже о другихъ его менѣе крупныхъ, но все-же прекрасныхъ работахъ, въ которыхъ онъ освѣщалъ разные стороны и вопросы въ исторіи преимущественно XVIII вѣка [1]).

---

[1]) Такова его книга „La Question d'Orient au XVIII siècle“, сборники этюдовъ („Essais d'histoire et de critique“, „Nouveaux essais d'histoire et de critique“, „Lectures historiques“, „Etudes de litterature et d'histoire“), упомянутыя монографія „Bonaparte et Hoche en 1797“ и въ особенности біографіи Монтескье и Сталь (послѣднія имѣются въ русск. перев.).

XI.

Профессоръ-гуманистъ [1].

(Памяти М. С. Корелина).

Настоящую замѣтку я посвящаю памяти покойнаго профессора Московскаго университета Михаила Сергѣевича Корелина, такъ безвременно, въ расцвѣтѣ лѣтъ и силъ, сошедшаго въ могилу въ январѣ 1899 г. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ умеръ, появилось немало статей о немъ, принадлежащихъ большею частью лицамъ, хорошо знавшимъ его [2]). Если я, тѣмъ не менѣе, рѣшаюсь напечатать свою поминку, то потому, что М. С. Корелинъ не можетъ быть скоро забытъ, и что такого историка никогда не поздно помянуть добрымъ словомъ. Да послужитъ мнѣ оправданіемъ и то, что замѣтка моя появилась въ сборникѣ „Помощь“: вспомнить на его страницахъ о М. С. Корелинѣ особенно умѣстно, такъ какъ покойный всегда былъ врагомъ насилій, гоненій и нетерпимости, стоялъ за широкую гуманность, за уваженіе къ человѣческому достоин-

---

[1]) Изъ сборника „Помощь“ (1900).

[2]) Напр. *В. И. Герье*, Мих. Серг. Корелинъ. М. 1900 (изъ „Рѣчи и Отчета Имп. Моск. университета за 1899“). *Его-же*, ст. въ „Вѣстн. Евр.“, 1900, сент.; *Н. И. Карѣевъ*, М. С. Корелинъ, какъ историкъ гуманизма. М. 1900 (изъ „Русск. Мысли“, май); некрологи, составл. *Влад. С. Соловьевымъ* и *В. О Ключевскимъ* („Вопр. Филос. и Психологіи“ и въ прилож. къ посмертному изданію „Очерка изъ исторіи философской мысли въ эпоху Возрожденія“ М. С. Корелина); *М. К. Любавскій*, М. С. Корелинъ, какъ преподаватель средней школы („Русск. М.“ 1899, X); *М. Иванцовъ*, М. С. Корелинъ, какъ профессоръ и руководитель студенческихъ занятій (ibid). Ср. ст. г. *Конскаго* о Корелинѣ въ Ж. М. Н. Пр., 1899, апр.

ству и личности. Въ этомъ отношеніи для него не было „ни іудея, ни язычника". Недаромъ онъ такъ интересовался гуманизмомъ: по справедливому замѣчанію Н. И. Карѣева, онъ самъ былъ гуманистомъ...

Внѣшняя біографія М. С. Корелина, какъ и большинства ученыхъ, несложна, и я не буду подробно излагать ее. Но въ ней есть характерные факты, которые слѣдуетъ отмѣтить: родился Корелинъ въ крестьянской семьѣ, въ 1855 г.; воспитывался сначала въ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ одной изъ московскихъ гимназій, причемъ съ 16 лѣтъ былъ предоставленъ самому себѣ и долженъ былъ жить уроками, и, наконецъ,— въ Московскомъ университетѣ; онъ ученикъ, по преимуществу, проф. В. И. Герье и Н. И. Стороженка. Уже на студенческой скамьѣ Корелинъ интересуется главнымъ образомъ областью, пограничною между собственно исторіею и исторіей литературы: онъ пишетъ сочиненіе на тему о Фаустѣ и получаетъ золотую медаль (небольшой отрывокъ изъ него потомъ былъ напечатанъ въ „Вѣстн. Евр." за 1882). Уже тогда его, крестьянскаго сына, выросшаго въ неприглядной внѣшней обстановкѣ, влечетъ къ себѣ исторія не экономическаго развитія, не классовыхъ отношеній, а искусства и литературы, *культуры*, *развитія человѣческой личности*.

Но интересъ біографіи ученаго сосредоточивается обыкновенно не на внѣшнихъ обстоятельствахъ его жизни, а на его трудахъ. Главный предметъ спеціальныхъ занятій М. С. Корелина—исторія итальянскаго гуманизма, этого знаменательнаго переворота въ міровоззрѣніи западно-европейскаго общества, своего рода революціи въ умственной сферѣ, явленія, которое не безъ основанія ставятъ въ параллель съ реформаціей.

Собственно говоря, М. С. Корелинъ задумалъ написать біографію Лоренцо Валлы, одного изъ самыхъ типичныхъ и крупныхъ представителей гуманизма въ XV в., автора критическаго трактата, въ которомъ онъ доказалъ подложность легенды о такъ называемомъ „Константиновомъ дарѣ" папамъ. Но Валла стоитъ посреди гуманистическаго движенія, и Корелину необходимо было прежде изучить ближе самый гуманизмъ. Между тѣмъ произведенія многихъ гуманистовъ не были опубликованы и хранились въ рукописяхъ, нѣкоторыя оставались

даже въ полной неизвѣстности; литература вопроса чрезвычайно обширна и разнообразна, а самые взгляды на сущность, причины и результаты гуманизма не вполнѣ установились. Представителями главныхъ воззрѣній въ то время здѣсь являлись *Фойхтъ* и *Буркгардтъ*. Для перваго гуманизмъ въ сущности не что иное, какъ „возрожденіе классической древности"; Буркгардтъ же, авторъ талантливыхъ очерковъ по культурѣ Ренессанса въ Италіи, видитъ въ немъ выраженіе развитія личности, индивидуализма.

И вотъ изученію гуманизма Корелинъ посвящаетъ многіе и лучшіе свои годы. Во время заграничной командировки въ 1885—87 г. онъ работаетъ въ библіотекахъ Германіи, Италіи, Франціи и Англіи; онъ тщательно изучаетъ всю обширную литературу, касающуюся интересующаго его вопроса, и произведенія гуманистовъ; онъ обращается къ самымъ рукописямъ и нѣкоторыя извлекаетъ изъ полной неизвѣстности. Въ результатѣ получился огромный 2-томный трудъ—„Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія" (1892), болѣе 1000 страницъ. Здѣсь Корелинъ ставитъ себѣ четыре главныя задачи: 1) выяснить отношеніе къ гуманизму и воззрѣнія на его сущность и характеръ, господствующія *во всѣхъ* главныхъ отрасляхъ исторической науки,—дать критическій обзоръ литературы вопроса; 2) дать критическій анализъ произведеній раннихъ гуманистовъ, опредѣлить ихъ характеръ, цѣну и значеніе для исторіи Возрожденія; 3) изслѣдовать сравнительную силу и направленіе гуманистическаго движенія въ различныхъ центрахъ Италіи, и 4) *опираясь исключительно на документальные источники*, опредѣлить его сущность, результаты и причины.

Въ чемъ же сущность гуманизма по Корелину?

Два существенные признака, по его словамъ, составляютъ особенность гуманистической литературы: проявляющійся въ ней индивидуализмъ и глубокій интересъ къ классической древности. Гуманистическій индивидуализмъ характеризуется, во-первыхъ, интересомъ человѣка къ себѣ самому, къ своему внутреннему міру; во-вторыхъ, интересомъ во внѣшнемъ мірѣ преимущественно къ другому человѣку; въ-третьихъ, убѣжденіемъ въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ неотъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять

своимъ потребностямъ; въ-четвертыхъ, интересомъ къ окружающей дѣйствительности, поскольку она имѣетъ вліяніе на человѣка. По мнѣнію Корелина, „сущность гуманистическаго движенія заключается въ критическомъ отношеніи къ средневѣковымъ формамъ культуры во имя новыхъ индивидуальныхъ потребностей и въ стремленіи выработать основанное на нихъ новое міросозерцаніе“. Средневѣковые идеалы, наука и литература уже не удовлетворяли новымъ потребностямъ; этого удовлетворенія гуманисты ищутъ въ *классической древности*. Такимъ образомъ, по Корелину, классическая древность, ея возрожденіе—не цѣль (какъ полагалъ, напр., Фойхтъ), а только средство, *орудіе* для удовлетворенія вновь зародившихся потребностей, для борьбы со старою культурою, опора при выработкѣ новаго міросозерцанія.

Слѣдовательно, изученіе древности было не причиной гуманистическаго движенія, а только его проявленіемъ. Классики были только союзниками гуманистовъ, а не деспотическими вождями ихъ. Критицизмъ, свойственный движенію, распространялся и на нихъ. *Причину* гуманистическаго движенія М. С. Корелинъ видитъ не во вліяніи Византіи, не въ той или другой политической формѣ или борьбѣ, не въ сословномъ броженіи (которое создавало лишь благопріятную среду и атмосферу, но само не было причиной гуманизма), не въ общественно-экономическихъ условіяхъ, не въ упадкѣ средневѣковой церкви, *а въ культурномъ ростѣ личности*.

„Идеи гуманистовъ“,—говоритъ онъ,—„результатъ культурнаго роста личности. Подъ вліяніемъ историческихъ условій личность доросла до сознанія своего права на всестороннее развитіе; отсюда—отрицаніе церковной опеки и требованіе свободы и самостоятельности для творческой дѣятельности человѣческаго духа и прежде всего для науки... Но такой результатъ индивидуальнаго развитія не могъ быть продуктомъ національныхъ особенностей и не составлялъ исключительной принадлежности Италіи“. Если гуманизмъ и начался въ Италіи, то причина лежитъ не въ итальянскомъ народномъ характерѣ, а въ особенностяхъ условій культурнаго развитія европейскихъ народовъ. „Идеи гуманистовъ носятъ не національный, а общечеловѣческій характеръ“.

Главнѣйшіе *результаты* гуманистическаго движенія—освобожденіе мысли отъ церковнаго авторитета, начало новой этики, новой педагогіи, новой политики и новой науки, появленіе публицистики, образованіе общественнаго мнѣнія и руководящаго имъ класса свѣтской интеллигенціи.

Таковы общіе взгляды М. С. Корелина на гуманизмъ. Правда, уже Буркгардтъ говорилъ объ индивидуализмѣ, какъ характерной чертѣ Возрожденія; но онъ пришелъ къ своему выводу путемъ скорѣе дивинаціи, нежели тщательнаго изслѣдованія документальнаго матеріала, и не обосновалъ его въ достаточной мѣрѣ. Корелинъ же обосновалъ свой взглядъ подробнѣйшимъ разсмотрѣніемъ произведеній гуманистовъ, причемъ его анализъ простирался не на однихъ лишь крупныхъ представителей гуманистическаго движенія: онъ не игнорируетъ и мало замѣтныхъ, позабытыхъ работниковъ на этомъ поприщѣ или, какъ онъ самъ выражается, *„рядовыхъ* гуманистической арміи". Нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ, можно сказать, впервые открылъ, напр. Джіованни да Равенна. Да и относительно болѣе извѣстныхъ гуманистовъ Корелинъ внесъ новый матеріалъ. Такъ онъ излагаетъ содержаніе неизданнаго сочиненія Леонардо Бруни „De institutione adolescentium" и „Nobilitatis Contentio"; впервые ознакомляетъ съ діалогомъ Манетти „Symposium" и съ неизданными трактатами Салютати („De Fato et Fortuna", „De Seculo et Religione", „De tyrannis", рѣчь въ защиту Лукреціи). Новый свѣтъ пролитъ имъ, такимъ образомъ, и на этихъ, казалось бы, хорошо уже извѣстныхъ дѣятелей гуманистическаго движенія.

Конечно, обширный трудъ М. С. Корелина не свободенъ и отъ крупныхъ пробѣловъ и недостатковъ, особенно въ смыслѣ обработки и группировки матеріала. Тѣмъ не менѣе это трудъ капитальный, основной по данному вопросу, важный какъ для историка вообще, такъ и для историка литературы. Недаромъ Корелинъ получилъ за него отъ Московскаго университета прямо степень доктора (минуя магистра) всеобщей исторіи, а отъ Академіи Наукъ—Макарьевскую премію.

И впослѣдствіи М. С. Корелинъ неразъ возвращался къ столь излюбленной имъ эпохѣ гуманизма, останавливаясь подробнѣе то на вопросѣ о томъ, что̀ такое Возрожденіе (въ

„Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона); то на характеристикѣ Петрарки, какъ политика; то на участіи женщины въ гуманистическомъ движеніи („Первая гуманистика“); то на отношеніи гуманистовъ къ наукѣ и искусству или къ вещественнымъ памятникамъ классической древности; то на новой школѣ и ея педагогическихъ идеалахъ и пріемахъ. Статьи эти составили потомъ изящную книжку подъ общимъ заглавіемъ: „Очерки Итальянскаго Возрожденія“ (1896).

Какъ было уже упомянуто, Корелинымъ задумана была біографія Лоренцо Валлы; „Ранній итальянскій гуманизмъ“ служилъ лишь какъ-бы введеніемъ въ нее, подготовкой. Для этой біографіи М. С. Корелинъ собралъ богатый матеріалъ и личность Валлы продолжала интересовать его до конца жизни. Но успѣлъ онъ обработать только незначительную часть собраннаго матеріала въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона (подъ слов. „Валла“) и въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“ („Этическій трактатъ Лоренцо Валлы—объ удовольствіи и объ истинномъ благѣ“, 1895, сент.-ноябрь). Осуществленію дальнѣйшихъ намѣреній, о которыхъ Корелинъ неразъ говорилъ и въ устныхъ бесѣдахъ — между прочимъ и пишущему эти строки, — помѣшала тяжкая болѣзнь, а затѣмъ смерть. Одною изъ послѣднихъ по времени крупныхъ работъ Корелина по исторіи гуманизма является его статья о міросозерцаніи Франческо Петрарки (въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“, за 1897 г.; въ 1899 г. изд. отдѣльно). Къ этой же категоріи относится посмертный трудъ М. С. Корелина, извлеченный изъ его бумагъ и напечатанный въ видѣ двухъ статей въ „Русской Мысли“ за 1899 г.—„Папство въ эпоху гуманизма“ и „Папскій секретарь и гуманистъ Поджіо Браччіолини“.

Кромѣ эпохи Возрожденія, вниманіе Корелина привлекала и другая эпоха великаго кризиса въ міросозерцаніи—паденіе язычества. Этой темѣ посвятилъ онъ 10 публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ Московскомъ Политехническомъ музеѣ въ 1891—92 г. Онѣ напечатаны были сначала въ „Русской Мысли“ (1892) подъ заглавіемъ: „Культурный кризисъ въ Римской Имперіи“, а потомъ изданы отдѣльной книжкой съ измѣненіемъ заглавія: „Паденіе античнаго міросозерцанія“

(1895) [1]). „Показать безсиліе языческой реформы и выяснить причины побѣды новой религіи, поскольку онѣ заключались въ психологическихъ условіяхъ эпохи“,—такова задача этихъ очерковъ. Соціальныя, политическія и экономическія причины остаются внѣ задачи, такъ какъ, по мнѣнію Корелина, онѣ дѣйствовали лишь косвенно, и новая религія принималась не изъ-за матеріальныхъ побужденій.

Здѣсь ясно сказываются историческіе взгляды и симпатіи Корелина, его направленіе, какъ историка, его воззрѣнія на историческій процессъ и историческіе факторы. Какъ упомянуто, его интересовали преимущественно развитіе идей, измѣненія въ умственной жизни, въ настроеніи отдѣльнаго лица и цѣлаго общества. Идеи въ его глазахъ являются могучею силою въ исторіи. Широко образованный историкъ, онъ былъ совершенно чуждъ увлеченія тѣмъ одностороннимъ, крайнимъ направленіемъ, которое слыветъ подъ названіемъ *экономическаго матеріализма* и которое тогда было въ такой модѣ.

Свои воззрѣнія Корелинъ высказываетъ въ вступленіи къ „Паденію античнаго міросозерцанія“. „Всемірно-историческіе кризисы“, говоритъ онъ тутъ, „не одинаково проявляются въ жизни народовъ. Иногда они выражаются шумнымъ паденіемъ государствъ, разрушеніемъ городовъ, опустошеніемъ странъ, часто истребленіемъ цѣлыхъ поколѣній и даже цѣлыхъ народовъ. Но огонь, желѣзо и производимый ими губительный шумъ далеко не всегда составляютъ существенную сторону кризиса. Весьма многіе и наиболѣе благотворные перевороты происходили въ душѣ индивидуума, и такимъ путемъ измѣнялись общественныя отношенія. Новое движеніе зарождалось или въ незамѣтномъ уголкѣ земного шара, или въ мрачной кельѣ благочестиваго монаха, или въ рабочей комнатѣ ученаго и, понемногу проникая въ жизнь, постепенно захватывало всѣ ея стороны. Безъ борьбы дѣло не обходится и въ такихъ движеніяхъ, а по несовершенству человѣческой природы борьба почти всегда сопровождается насиліемъ и кровью; но особен-

[1]) Перепечатано и въ коллекціи „Исторія Европы по эпохамъ и странамъ“, изд. Брокгаузомъ-Ефрономъ подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

ность культурныхъ переворотовъ заключается въ томъ, что побѣждаетъ не физическая сила, а то, что составляетъ благо для всякой отдѣльной личности, а слѣдовательно, и для цѣлаго общества. Въ борьбѣ за матеріальные интересы, даже за національное существованіе, огромное значеніе имѣетъ ариѳметическое большинство; въ борьбѣ за идеальныя блага побѣда рѣшается исключительно свойствами этихъ благъ. Если вновь народившееся идеальное стремленіе есть дѣйствительная, а не фиктивная потребность человѣческаго духа, то оно восторжествуетъ надъ огнемъ и желѣзомъ, въ чьихъ бы рукахъ они ни находились. Можно истребить въ борьбѣ цѣлую націю, потому что люди смертны, но нельзя задушить идеальной потребности, потому что жизненная идея безсмертна и на извѣстной степени культурнаго развитія съ непреодолимой силой овладѣваетъ человѣкомъ, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ и какое бы положеніе ни занималъ въ обществѣ. Это явленіе и служитъ основаніемъ утѣшительной увѣренности въ несомнѣнномъ торжествѣ того, что мы называемъ добромъ, истиною и справедливостью. Но невозможность преодолѣть идею огнемъ и желѣзомъ никогда не устраняла борьбы противъ нея всякими средствами. Почти 19 вѣковъ тому назадъ мудрый Гамаліилъ говорилъ въ синедріонѣ, что слѣдуетъ предоставить свободу только-что народившемуся христіанству и будущее покажетъ значеніе и силу новаго ученія. Но разумный совѣтъ глубокомысленнаго еврея не помѣшалъ его соплеменникамъ съ злобнымъ упорствомъ преслѣдовать движеніе, которому предстояло побѣдить міръ. Мудрые Гамаліилы всегда составляютъ ничтожное меньшинство въ подобныхъ случаяхъ и по понятной причинѣ. Борьба противъ новыхъ идеальныхъ теченій понятна и отчасти, въ извѣстныхъ предѣлахъ и опредѣленными средствами, законна. Съ вѣрованіями и воззрѣніями связаны матеріальные интересы, которые затрогиваются появленіемъ новыхъ ученій. Съ другой стороны, новое міросозерцаніе требуетъ провѣрки и входитъ въ жизнь тогда, когда старое еще господствуетъ надъ большинствомъ. Отсюда происходитъ борьба отчасти огнемъ и желѣзомъ, отчасти словомъ и убѣжденіемъ. Такою борьбою ознаменованы и первыя столѣтія нашей эры“. Въ Римской имперіи, говоритъ далѣе

М. С. Корелинъ, изъ-подъ матеріальнаго благополучія „обнаруживаются проявленія такого духовнаго упадка, который въ глазахъ лучшихъ людей совершенно обезцѣнивалъ всѣ внѣшнія блага. Великое изреченіе: „не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ", имѣетъ силу для всякой личности, достигшей хотя бы минимальнаго культурнаго уровня. Огромное значеніе имѣло оно и для языческихъ подданныхъ Римской имперіи..."

Въ связи съ интересомъ къ этой эпохѣ стоитъ редактированіе М. С. Корелинымъ перевода извѣстной книги *Гастона Буассье*, „Паденіе язычества"; переводъ этотъ онъ снабдилъ обширнымъ введеніемъ.

Изъ другихъ болѣе крупныхъ работъ Корелина отмѣчу его лекціи по исторіи средневѣковаго папства (напеч. въ „Русск. Мысли" за 1890 г. [1]) и обнародованіе „Новыхъ данныхъ о состояніи Москвы въ 1812 г." („Русск. Мысль" 1896 г., октябрь). Не буду перечислять его многочисленныхъ статей въ „Энциклопедическомъ Словарѣ", его работъ, касающихся искусства, театра и проч. Полный перечень ихъ можно найти теперь въ прибавленіи къ статьѣ проф. В. И. Герье о Корелинѣ.

Но Корелинъ не былъ замкнутымъ, сухимъ кабинетнымъ ученымъ. Это былъ не только выдающійся спеціалистъ въ своей области, но и популяризаторъ научнаго знанія въ лучшемъ значеніи слова. Самъ онъ, кромѣ университета, преподавалъ и въ средней школѣ, преимущественно въ женской гимназіи, любилъ ее и живо интересовался ею. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., его статья: „По поводу предполагаемой реформы женской школы". Популяризаторомъ онъ является и въ своихъ „Иллюстрированныхъ чтеніяхъ по культурной исторіи",— общедоступныхъ лекціяхъ на темы: „Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія" (1893), „Средневѣковая церковная готика и ея историческія основы" (1894), „Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура" (1896) и т. п., и въ рядѣ статей въ „Дѣтскомъ Отдыхѣ", „Дѣтскомъ Чтеніи" и проч.

Самъ выйдя изъ среды простого народа, Корелинъ принималъ близко къ сердцу просвѣщеніе темной массы и былъ

[1]) И отдѣльной книжкой въ упомянутой въ предыдущемъ примѣчаніи коллекціи.

дѣятельнымъ членомъ общества грамотности. На содѣйствіе популяризаціи науки онъ смотрѣлъ какъ на нравственный долгъ ученаго. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерна его статья: „Что можно дать для народнаго чтенія изъ всемірной исторіи?“, помѣщенная въ „Сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета“ (1897). На ней слѣдуетъ нѣсколько остановиться, такъ какъ въ ней выражаются съ одной стороны общіе взгляды Корелина на исторію, на ея значеніе, какъ образовательнаго средства, на ея облагораживающее вліяніе, съ другой—его отвращеніе къ насилію, его гуманность и широкая терпимость.

„Общественное значеніе каждой науки“, говоритъ онъ, „заключается въ ея просвѣтительномъ вліяніи и начинается съ того момента, когда результаты научнаго изслѣдованія выходятъ изъ кабинета или изъ лабораторіи, становятся достояніемъ болѣе или менѣе широкихъ круговъ общества и оказываютъ воздѣйствіе на мысль и чрезъ нее на жизнь. Вслѣдствіе этого популяризація въ самомъ широкомъ смыслѣ слова обусловливаетъ общественное значеніе науки, и содѣйствіе ей въ той или другой формѣ, по мѣрѣ силъ и возможности, составляетъ нравственный долгъ и общественное служеніе ученаго“ (стр. 40). Необходимое условіе для успѣха популяризаціи,—конечно, доступность и занимательность. Но это только внѣшнія ея достоинства; внутренняя же ея цѣна обусловливается ея пользой, т.-е. степенью ея просвѣтительнаго вліянія. Въ чемъ же заключается просвѣтительное вліяніе исторіи? Она прежде всего имѣетъ образовательное значеніе, такъ какъ выясняетъ *закономѣрность* историческаго процесса, причинную связь между историческими явленіями и тѣсную связь между различными сторонами общественной жизни. Корелинъ признавалъ вполнѣ возможнымъ наглядно показать, на самыхъ общедоступныхъ разсказахъ, существованіе всемірно-историческаго прогресса, сущность котораго онъ видѣлъ, во-первыхъ, въ преемственности культуръ народовъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ разное время, и, во-вторыхъ,—въ культурномъ взаимодѣйствіи народовъ современныхъ. Но, кромѣ образовательнаго вліянія, популяризація историческаго знанія, по Корелину, имѣетъ и практическое значеніе, которое состоитъ въ моральномъ и

политическомъ воспитаніи читателя. Такъ, наглядная иллюстрація историческаго прогресса, по его мнѣнію, „развиваетъ и укрѣпляетъ благотворную вѣру въ постепенное торжество свѣта надъ мракомъ и добра надъ зломъ“. Ознакомленіе съ факторами этого прогресса ясно покажетъ необходимость интереса отдѣльной личности къ общественнымъ дѣламъ, нравственную обязанность общественнаго служенія, разовьетъ чувство долга по отношенію къ обществу и государству, а въ особенности по отношенію къ страждущимъ, нуждающимся и обремененнымъ (стр. 44). Безпристрастное изложеніе явленій исторической жизни содѣйствуетъ развитію въ читателѣ чувства справедливости, научаетъ уважать хорошее, гдѣ бы оно ни проявлялось, а это ведетъ къ правильному развитію чувства любви къ своей родинѣ, къ патріотизму разумному, безъ китайщины, „одинаково гибельной какъ для общества и государства, такъ и для отдѣльной личности“, и безъ человѣконенавистничества. Весьма важное воспитательное значеніе исторіи Корелинъ видѣлъ и въ ея вліяніи на религіозное чувство, такъ какъ всемірная исторія можетъ научить на конкретныхъ примѣрахъ религіозной терпимости и показать не только безнравственную жестокость, но и совершенную безполезность религіозныхъ гоненій (стр. 46). Наконецъ, говоритъ М. С. Корелинъ, „всемірная исторія можетъ дать огромный и цѣнный матеріалъ для руководства къ правильной гражданской дѣятельности, для правильнаго пониманія отношеній личности къ обществу и государству“ (стр. 47). Но, выясняя образовательное и воспитательное значеніе всемірной исторіи, Корелинъ оговаривается, что онъ, конечно, вовсе не имѣетъ въ виду превратить историческое изложеніе въ какую-либо проповѣдь; напротивъ, всякія лирическія отступленія и назидательныя поученія здѣсь, по его мнѣнію, совершенно излишни и разсказъ долженъ приводить къ тому или другому заключенію своимъ конкретнымъ содержаніемъ, которое должно представлять собою объективную историческую истину, совершенно свободную отъ какихъ бы то ни было риторическихъ и беллетристическихъ элементовъ. Затѣмъ Корелинъ въ этой статьѣ даетъ рядъ темъ, особенно, по его мнѣнію, подходящихъ для популярной обработки, и самую программу такой обработки.

Во всемъ этомъ сказывается и личность М. С. Корелина. Его привлекала идеальная сторона въ исторіи, доброе, свѣтлое, прекрасное. Въ личныхъ отзывахъ и сужденіяхъ онъ былъ, можетъ быть, пессимистъ; тутъ ему свойственна была нѣкоторая рѣзкость; говорятъ иногда, что онъ обладалъ „злымъ языкомъ“; но по своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ онъ былъ въ сущности большой оптимистъ (см. статью о немъ *В. О. Ключевскаго*) и вѣрилъ въ конечное торжество добра надъ зломъ, въ несомнѣнное, хотя и медленное, улучшеніе всѣхъ условій человѣческаго существованія, не исключая и самой природы человѣка. Во всякомъ случаѣ, отвращеніе къ грубой силѣ, гуманность, терпимость, уваженіе къ человѣческой личности и человѣческому достоинству, проходитъ красною нитью чрезъ всѣ работы Корелина, проникаетъ всѣ его труды, начиная съ самыхъ крупныхъ и кончая мелкими статьями. Онъ питаетъ симпатію къ обездоленнымъ; въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ не обходитъ молчаніемъ людей малозамѣтныхъ, „рядовыхъ“ и, напр., отмѣчаетъ, какъ мы видѣли, и ихъ заслуги въ дѣлѣ развитія гуманистическаго направленія...

Я лично храню о покойномъ Михаилѣ Сергѣевичѣ самую лучшую память. Впервые я встрѣтился съ нимъ во время Археологическаго съѣзда въ Ригѣ въ августѣ 1896 г. и сразу же почувствовалъ себя съ нимъ какъ будто съ человѣкомъ, давно мнѣ знакомымъ и близкимъ: его прямота и непринужденность, полное отсутствіе какой бы то ни было „маніи величія“, несмотря на успѣхъ его трудовъ, могшій вскружить голову иному, веселость и остроуміе, какая-то жизнерадостность,—все это чрезвычайно привлекало къ нему, и тѣ немногіе дни, которые я провелъ въ Ригѣ въ бесѣдахъ съ М. С., принадлежатъ къ лучшимъ моимъ воспоминаніямъ. Тѣмъ печальнѣе, тѣмъ тяжелѣе было услышать о его безвременной кончинѣ.

Харьковск. О-во Взаимопомощи
Библіотека
трудящихся женщинъ

XII.

„Харьковскій Грановскій".

(Профессоръ М. М. Лунинъ) [1]).

I.

17-го января 1905 г. исполнилось сто лѣтъ Харьковскому университету, и настало время подвести итогъ его вѣковой научной и просвѣтительной работѣ, его культурному вліянію; вспомнить прежнихъ его дѣятелей, въ особенности, конечно, тѣхъ изъ нихъ, которые, теперь нерѣдко уже забытые, въ свое время составляли славу и гордость университета, — которые болѣе или менѣе воплощали въ себѣ идеалъ профессора и ученаго, пробуждали въ слушателяхъ возвышенныя, идеальныя стремленія, любовь къ наукѣ и вызывали къ себѣ со стороны этихъ слушателей горячую благодарность и уваженіе, доходившее до благоговѣнія. Такими дѣятелями живетъ и процвѣтаетъ университетъ, и къ числу такихъ принадлежалъ профессоръ всеобщей исторіи въ Харьковѣ второй половины 30-хъ и начала 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, Михаилъ Михаиловичъ Лунинъ.

Въ настоящее время имя Лунина почти никому неизвѣстно; оно ничего не говоритъ уму и сердцу людей нашего поколѣнія. А между тѣмъ, судя по отзывамъ современниковъ и слушателей Лунина, онъ для Харьковскаго университета былъ тѣмъ, чѣмъ для Московскаго—Грановскій и Кудрявцевъ. По словамъ, напр., Н. И. Костомарова, его ученика, это „былъ безспорно одинъ изъ лучшихъ преподавателей всеобщей исторіи, какіе когда-либо являлись въ нашихъ университетахъ"... „Лекціи

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1905, февр., и отдѣльно.

этого профессора", говоритъ Костомаровъ, „оказали на меня громадное вліяніе и произвели въ моей духовной жизни рѣшительный поворотъ: я полюбилъ исторію болѣе всего и съ тѣхъ поръ съ жаромъ предался чтенію и изученію историческихъ книгъ" [1]). Другой слушатель Лунина, М. П. Де-Пуле, называетъ его и Валицкаго (профессора греческой словесности) „звѣздами первой величины на небосклонѣ Харьковскаго университета того времени" и, подобно Костомарову, замѣчаетъ, что профессоръ Лунинъ былъ бы изъ первыхъ въ любомъ русскомъ университетѣ, что „въ исторіи Харьковскаго университета имя его должно занять передовыя страницы" [2]). Покойный проф. А. И. Палюмбецкій, котораго многіе изъ насъ помнятъ, какъ человѣка въ высшей степени правдиваго и строгаго въ своихъ отзывахъ, и который лично зналъ Лунина, отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ „необыкновенномъ" [3]).

Къ сожалѣнію, мы располагаемъ лишь скудными біографическими данными относительно этой замѣчательной личности [4]).

М. М. Лунинъ — уроженецъ Прибалтійскаго края. Онъ родился въ 1806 или 1807 г. [5]), въ купеческой, повидимому, состоятельной семьѣ: его отцу принадлежали въ Дерптѣ каменный и деревянный домъ, фабрика и лавка [6]). Такимъ образомъ

[1]) См. автобіографію Н. И. Костомарова въ „Литературномъ Наслѣдіи". Спб. 1890 г., стр. 22.

[2]) *М. П. Де-Пуле*, Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій — Культурный очеркъ и воспоминанія изъ 40-хъ годовъ (Вѣст. Европы, 1874, январь), стр. 88, 90, 93.

[3]) См. бумаги *Г. С. Чирикова*, хранящіяся въ „*Историческомъ Архивѣ*" при Харьковскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ.

[4]) О М. М. Лунинѣ, кромѣ немногихъ оффиціальныхъ данныхъ, имѣющихся въ архивѣ Харьковскаго университета, см. автобіографію *Н. И. Костомарова*; упомянутую ст. *Де-Пуле*; бумаги *Г. С. Чирикова*; некрологъ, напечатанный проф. *А. П. Рославскимъ-Петровскимъ* въ прибавленіи къ „Харьк. Губ. Вѣд." за 1844 г., № 46; ст. *М. И. Сухомлинова*, Уничтоженіе диссертаціи Н. И. Костомарова (Древн. и Нов. Россія, 1877 г., т. I); замѣтку въ Энциклоп. словарѣ *Брокгауза-Ефрона*, и ненапечатанныя воспоминанія *Пашкова*: „Идеализмъ и идеалисты сороковыхъ годовъ". За предоставленіе мнѣ этой рукописи приношу искреннюю благодарность проф. Д. И. Багалѣю.

[5]) Въ формулярѣ 1842 г. ему значится 35 лѣтъ, а въ формулярѣ 1844 года — 38 лѣтъ.

[6]) См. аттестатъ Лунина, выданный ему изъ департамента разныхъ податей и сборовъ, 1829 г.

родители имѣли возможность дать своему сыну высшее образованіе. Въ 1828 г. Лунинъ окончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ со степенью кандидата и въ 1829 г. поступилъ на службу въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ канцелярскимъ чиновникомъ; но здѣсь онъ не пробылъ и мѣсяца и въ томъ же 1829 г. уволенъ, согласно прошенію, „для опредѣленія къ другимъ дѣламъ“, какъ значится въ выданномъ ему изъ департамента аттестатѣ. Очевидно, его влекла къ себѣ наука...

По выдержаніи особо установленнаго экзамена при Академіи Наукъ въ іюлѣ 1830 г., Лунинъ, по Высочайшему повелѣнію, поступаетъ въ Профессорскій институтъ, учрежденный незадолго до того при Дерптскомъ университетѣ по мысли извѣстнаго Паррота для приготовленія контингента профессоровъ въ русскіе университеты [1]), — институтъ, въ которомъ какъ-разъ въ то время находилась цѣлая плеяда даровитыхъ молодыхъ людей, впослѣдствіи выдающихся дѣятелей на поприщѣ науки и профессуры, напр. Н. И. Пироговъ, П. Г. Рѣдкинъ и другіе. Въ числѣ ихъ былъ и М. С. Куторга, этотъ первый выдающійся и совершенно самостоятельный русскій изслѣдователь въ области изученія греческой исторіи, „первоначальникъ у насъ науки объ эллинствѣ“, который такимъ образомъ оказывается товарищемъ Лунина по Профессорскому институ. Одновременно съ Куторгой [2]), въ 1832 г. напечаталъ Лунинъ и свою диссертацію: „Prolegomena ad res Achaeorum“ (Dorp.), послѣ защиты коей онъ былъ утвержденъ въ степени доктора философіи (25-го января 1833 г.) и затѣмъ — опять въ одно время съ Куторгой — отправленъ въ Берлинъ „для окончательнаго усовершенствованія въ наукахъ“.

Извѣстно, что Берлинскій университетъ, основанный въ цѣляхъ поднятія и возрожденія разгромленной Наполеономъ Пруссіи, „дабы“, выражаясь словами Фридриха Вильгельма III, „духовными силами возмѣстить потерю въ силахъ физическихъ“, матеріальныхъ, на первыхъ же порахъ достигъ высокаго про-

[1]) *Е. В. Пѣтуховъ*, Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ. Юрьевъ. 1902 г., I, 482 сл.

[2]) Диссертація М. С. Куторги—извѣстное изслѣдованіе „De antiquissimis tribubus Atticis earumque cum regni partibus nexu“. Dorp. 1832.

цвѣтанія и имѣлъ въ составѣ профессоровъ немало свѣтилъ. Въ то время, когда Лунинъ находился въ Берлинѣ, еще живъ былъ историкъ-юристъ Савиньи, представитель исторической школы въ изученіи права; Ранке незадолго передъ тѣмъ возвратился изъ путешествія по Италіи и началъ издавать свой знаменитый трудъ о римскихъ папахъ; К. Риттеръ развивалъ свои идеи о взаимодѣйствіи между природой и человѣкомъ; но „властителемъ думъ" тогдашняго поколѣнія былъ Гегель. Правда, въ то время его уже не было въ живыхъ (Гегель умеръ въ 1831 г.), а его лекціи по философіи исторіи еще не выходили въ свѣтъ; но идеи Гегеля господствовали: его послѣдователи и ученики развивали ихъ съ каѳедры, и идеи эти, какъ увидимъ, оказали огромное вліяніе на Лунина.

Въ 1835 г. истекалъ срокъ ученой командировки Лунина [1]) и другихъ питомцевъ Профессорскаго института, находившихся заграницей, и министерство прислало списокъ ихъ въ Харьковскій университетъ съ указаніемъ ихъ спеціальности. Совѣтъ университета просилъ о предоставленіи каѳедры всеобщей исторіи, сдѣлавшейся вакантной вслѣдствіе перехода Цыха въ Кіевъ, Лунину [2]). Такимъ образомъ, въ іюлѣ 1835 г., въ тотъ самый годъ, когда Куторга получилъ каѳедру въ Петербургскомъ университетѣ, Лунинъ назначенъ былъ преподавателемъ всеобщей исторіи въ Харьковскомъ университетѣ и 18-го іюля прочелъ свою первую, пробную лекцію на тему: „Переходъ средней исторіи къ новой и значеніе сей послѣдней" (напечатана въ *Жур. Мин. Нар. Просв.*, 1835, іюль; о ней скажемъ ниже). Черезъ два года Лунинъ утвержденъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1838 году—ординарнымъ.

Итакъ, изъ Берлина, одного изъ главныхъ умственныхъ и научныхъ центровъ Европы, Лунинъ очутился въ Харьковѣ. Въ то время Харьковъ былъ сравнительно малолюднымъ, провинціальнымъ городомъ, значительно уступавшимъ многимъ другимъ губернскимъ и даже уѣзднымъ городамъ. Впрочемъ, не

[1]) Намъ неизвѣстно, посѣтилъ ли Лунинъ другіе города и страны, а а также, во время ли своего пребыванія заграницей или же позже избранъ онъ былъ членомъ Общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ.

[2]) *Д. И. Багалѣй*, Опытъ исторіи Харьковскаго университета. Харьковъ. 1904, т. II, 672.

смотря на это, въ немъ процвѣтала журнально-литературная дѣятельность [1]); существовали журналы и альманахи, въ родѣ, напр., „Украинскаго Вѣстника“ (1816—1819 гг.), „Украинскаго Журнала“ (1824 сл.), „Украинскаго Альманаха“ (1831 г.), „Утренней Звѣзды“ (1833 г.), въ которыхъ дѣятельную роль, въ качествѣ иниціаторовъ и сотрудниковъ, играли профессора—Филомаѳитскій, Гулакъ-Артемовскій, Склабовскій и другіе. Были и мѣстные, малорусскіе писатели, напр. только что упомянутый Гулакъ-Артемовскій и въ особенности Квитка-Основьяненко. А главное—въ Харьковѣ былъ университетъ. Но университетъ этотъ незадолго до того пережилъ тяжелую пору. Въ Харьковѣ, правда, не было Магницкихъ и Руничей, но были Карнѣевы (Зах. Як. и Ег. Вас.) [2]), Филатьевы. Реакція 20-хъ годовъ XIX ст. наложила руку и на Харьковскій университетъ, и онъ долго не могъ оправиться. Положеніе его въ началѣ 30-хъ годовъ истекшаго вѣка было печальное [3]). Многія каѳедры пустовали; много было профессоровъ-иностранцевъ, не владѣвшихъ русскимъ языкомъ; но эти профессора большею частью имѣли, по крайней мѣрѣ, ученую подготовку; значительное же число каѳедръ замѣщено было лицами совершенно неподготовленными, не имѣвшими ученыхъ степеней и никакихъ правъ на профессуру. Всего за четыре года до назначенія Лунина въ Харьковскій университетъ произошелъ извѣстный, казалось бы маловѣроятный, но документально засвидѣтельствованный, фактъ [4]): въ ординарные профессора по каѳедрѣ философіи назначенъ былъ, по представленію попечителя Филатьева, бывшій одно время *квартальнымъ надзирателемъ* въ Ярославлѣ, Чановъ [5]),

---

[1]) *Д. И. Багалѣй*, Опытъ исторіи Харьковскаго университета, II, 752 сл.

[2]) См. *Д. И. Багалѣй*, Опытъ..., т. II (въ началѣ); „Изслѣдов. и статьи“ *М. И. Сухомлинова* (т. I); ст. *Н. А. Лавровскаго* въ *Журн. Мин. Нар. Прос.*, 1872 г., февр.; *И. П. Щелкова*, ibid., 1890 г., окт.; *Г. С. Чижикова*, въ „Русской Старинѣ“, 1876 г., ноябрь.

[3]) См. II т. „Опыта“ *Д. И. Багалѣя*.

[4]) *Д. И. Багалѣй*, II, 201 сл.; 490—491.

[5]) Нѣкоторымъ объясненіемъ этого поразительнаго факта можетъ служить то обстоятельство, что Чановъ окончилъ курсъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ училищѣ высшихъ наукъ и послѣ службы въ должности квартальнаго надзирателя былъ преподавателемъ — въ Ярославской гимназіи и въ томъ же училищѣ—самыхъ разнообразныхъ предметовъ—чистой математики,

по отзыву попечителя, „истинно достойный во всѣхъ отношеніяхъ наставникъ“, который могъ быть „профессоромъ философіи, профессоромъ россійской словесности и латинской и профессоромъ правъ“, а адъюнктомъ при немъ состоялъ изучившій въ Дерптскомъ университетѣ *богословскія науки*, *лекторъ нѣмецкаго языка*, Гренбергъ, которому поручено было читать *антропологію* и *логику*. Конечно, были и исключенія. Такими исключеніями являлись на словесномъ факультетѣ Ив. Як. Кронебергъ, составитель извѣстнаго словаря, „блестящій представитель науки классической филологіи въ Харьковскомъ университетѣ“ [1]), по отзыву слушателей „образцовый профессоръ своего времени“, на этико-политическомъ — Т. Ѳ. Степановъ и Г. С. Гордѣенко, физико-математическомъ — А. Ѳ. Павловскій и Черняевъ, медицинскомъ — Еллинскій и Блументаль, и нѣкоторые другіе. Всеобщая исторія имѣла въ лицѣ предшественника Лунина, въ Цыхѣ, также достойнаго представителя; но въ Харьковскомъ университетѣ Цыхъ преподавалъ недолго (съ 1831 г. по 1834 г.) и перешелъ въ Кіевъ, гдѣ былъ потомъ ректоромъ и оставилъ по себѣ свѣтлую память.

Съ середины 30-хъ годовъ въ Харьковскомъ университетѣ замѣтно стало оживленіе и обновленіе. Явились новые, молодые профессора, получившіе подготовку заграницей, внесшіе свѣжую струю. Въ числѣ ихъ — Валицкій, И. И. Срезневскій и, какъ мы уже видѣли, Лунинъ.

Настроеніе образованнаго общества и университетской молодежи было тогда, такъ сказать, идеалистическое, съ оттѣнкомъ романтизма [2]). Вопросы эстетики и литературы стояли на первомъ планѣ. За отсутствіемъ всякихъ общественныхъ и политическихъ интересовъ вниманіе образованнаго меньшинства, какъ и въ Москвѣ временъ Грановскаго, сильнѣе сосредоточивалось на умственныхъ или, точнѣе, отвлеченныхъ, литературныхъ и эстетическихъ интересахъ. Историко-филологическій, или, какъ

всеобщей исторіи, географіи, русской словесности, латинскаго языка, философіи, политическихъ наукъ, римскаго права и проч.; потомъ онъ былъ назначенъ директоромъ Слободской украинской (нынѣ Харьковской первой) гимназіи и, наконецъ, ординарнымъ профессоромъ университета.

[1]) *Д. И. Багалѣй*, т. II, 687, 604.

[2]) См. Воспоминанія *Пашкова* и ст. *Де-Пуле*.

онъ тогда назывался, словесный факультетъ болѣе другихъ привлекалъ слушателей; онъ былъ наиболѣе популярнымъ, общеобразовательнымъ.

Какъ дальше увидимъ подробнѣе, лекціи Лунина на первыхъ же порахъ поразили своею ученостью, глубокомысліемъ, яркостью изображенія, прекрасною внѣшнею формою. На нихъ ходили студенты разныхъ факультетовъ; мало того: бывали и не-студенты, посторонніе, и между ними, если вѣрить харьковскимъ старожиламъ, даже дамы [1]).

Лунинъ читалъ преимущественно древнюю и среднюю исторію, первые годы „по руководству Герена и де-Мишеля", какъ значится въ обозрѣніяхъ преподаванія, а потомъ (по крайней мѣрѣ, исторію народовъ древности) по „собственнымъ запискамъ, составленнымъ по лучшимъ иностраннымъ авторамъ, равно какъ и *по самымъ источникамъ*". Новую исторію Лунинъ читалъ, повидимому, рѣдко [2]), да по этому отдѣлу онъ былъ и хуже подготовленъ. Кромѣ чтенія лекцій, Лунинъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (напр. въ 1839/40 и 1840/1 акад. году) велъ практическія занятія въ такъ называемомъ Педагогическомъ институтѣ для казеннокоштныхъ студентовъ, которые предназначались къ занятію учительскихъ должностей, обязаны были слушать нѣкоторые спеціальные курсы и исполнять практическія работы. Лунинъ занимался разсмотрѣніемъ студенческихъ разсужденій на заданныя темы, наблюдалъ за ходомъ занятій студентовъ и читалъ съ ними историческія книги.

Но профессорская дѣятельность Лунина продолжалась недолго, всего 9 лѣтъ, съ 1835 г. по 1844 г. Еще въ іюнѣ 1843 г. онъ началъ страдать тяжкою болѣзнью (повидимому ракомъ желудка), которая послѣ краткихъ промежутковъ возвращалась снова и до такой степени изнурила его, что не только лишила возможности нести „безупустительно" профессорскія обязанности, но и угрожала опасностью для жизни [3]).

---

[1]) *А. Н. Деревицкій*, Мих. Назар. Петровъ (страница изъ исторіи Харьк. унив.). Харьк. 1887, стр. 6.

[2]) Она значится въ обозрѣніи лекцій на 1844/5 г.; но Костомаровъ, слушавшій Лунина въ началѣ его профессуры, упоминаетъ и о лекціяхъ по новой исторіи.

[3]) См. прошеніе Лунина объ увольненіи его заграницу.

Единственная надежда была на то, что помогутъ Карлсбадскія воды, и въ маѣ 1844 г. Лунинъ отправился заграницу для поправленія разстроеннаго здоровья, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ ученою цѣлью: „постоянно стремясь къ обогащенію себя познаніями“, онъ предполагалъ заѣхать въ Берлинъ и „воспользоваться всѣмъ, что при обширныхъ средствахъ прусской столицы могло быть полезнымъ для его науки—всеобщей исторіи“ [1]). Но на возвратномъ пути, въ концѣ сентября, Лунинъ принужденъ былъ остановиться въ Кіевѣ, такъ какъ болѣзнь настолько усилилась, что дальше ѣхать онъ былъ уже не въ состояніи, а 14 октября 1844 г. онъ скончался, не имѣя и 40 лѣтъ отъ роду. Послѣ него осталась вдова съ тремя малолѣтними дѣтьми безъ всякихъ средствъ [2]). Погребенъ Лунинъ на Старо-Кіевскомъ кладбищѣ. Профессора Кіевскаго университета и болѣе 300 студентовъ шли за гробомъ: были произнесены и рѣчи, въ которыхъ отдавалась дань его ученымъ заслугамъ. А въ Харьковѣ знаменитый духовный ораторъ, преосвященный Иннокентій (Борисовъ), спустя нѣкоторое время произнося слово въ университетской церкви при погребеніи одного изъ профессоровъ медицинскаго факультета, помянулъ Лунина въ такихъ выраженіяхъ: „Ахъ, я вижу тамъ,—вдали,—еще свѣжую могилу собрата вашего, который не имѣлъ и того утѣшенія, чтобы вѣжды его были сомкнуты рукою не чуждою и чтобы на могилу его упала хотя одна слеза изъ очей тѣхъ, для коихъ столько лѣтъ билось чистое и благородное сердце его. Да пріиметъ безсмертный и неограниченный теперь нашимъ узническимъ пространствомъ духъ его, хотя здѣсь, въ этомъ столь знакомомъ ему храмѣ, отъ всѣхъ насъ дань молитвъ о вѣчномъ успокоеніи его въ царствіи Бога духовъ и разумовъ!“ [3]).

---

[1]) Ibid.—Лунину дано было пособіе въ 1000 р. сер. изъ экономическихъ суммъ университета и сохранено жалованье.

[2]) И даже безъ пенсіи: по точному смыслу Высочайше утвержденнаго журнала Комитета министровъ министръ народнаго просвѣщенія не нашелъ возможнымъ назначить вдовѣ Лунина пенсіи и разрѣшилъ лишь выдать единовременное пособіе въ размѣрѣ полуторнаго оклада жалованья (1715 р. 52 коп. сер.).

[3]) *Де-Пуле*, стр. 108.

II.

Печатные труды Лунина немногочисленны.

Это—1) его диссертація на степень доктора философіи на латинскомъ языкѣ: „*Prolegomena ad res Achaeorum, quibus mythica Argolidis historiae primordia breviter adumbrantur*“. Dorp. 1832. Большая часть ея посвящена пресловутому вопросу о пеласгахъ. Лунинъ опредѣляетъ ихъ мѣстожительства; главнымъ и самымъ древнимъ мѣстопребываніемъ ихъ онъ считаетъ Арголиду, затѣмъ Аркадію, далѣе — Θессалію. Отсюда пеласги выселились въ разныя страны, и Лунинъ слѣдитъ за ихъ разселеніемъ. Пеласговъ онъ не считаетъ за одинъ народъ съ этрусками; отъ грековъ, по его мнѣнію, это тоже совершенно отличный народъ, слѣдовательно — „варварскій“, употребляя греческое выраженіе. Кто же они были, какого происхожденія?

Господство пеласговъ въ Арголидѣ Лунинъ относитъ къ тому времени, когда Египетъ находился подъ владычествомъ гиксовъ. Въ ту пору на морѣ плавали финикіяне и заводили свои факторіи въ разныхъ мѣстахъ; особенно посѣщали они острова греческаго Архипелага, берега Греціи и Θракіи: наиболѣе же удобенъ для причаливанія кораблей и устройства гаваней—берегъ, окружающій заливъ Аргивскій и Герміонскій. По словамъ Лунина, все это удивительно совпадаетъ съ древнѣйшимъ миѳомъ о первомъ государствѣ пеласговъ въ Пелопоннесѣ. Когда господство гиксовъ въ Египтѣ стало расширяться, то египтяне, поселившіеся въ болотистыхъ мѣстностяхъ Нила, должны были выселиться: они направились частью въ Ливію и на югъ, частью на сѣверъ, по морю, въ послѣднемъ случаѣ—при содѣйствіи финикіянъ, такъ какъ сами египтяне не имѣли судовъ вслѣдствіе недостатка въ лѣсѣ, и Лунинъ считаетъ вѣроятнымъ, что Арголида въ древнѣйшія времена занята была финикійско-египетскими поселенцами; это и были пеласги (стр. 71).

Между прочимъ однимъ изъ аргументовъ для Лунина служитъ здѣсь то, что пеласги—земледѣльцы. Затѣмъ онъ останавливается на генеалогіи царей и полагаетъ, что имя вто-

рого аргосскаго царя, *Форонея*, явно обнаруживаетъ египетское происхожденіе (=„фараонъ“). Это приводитъ его къ заключенію, что родъ египетскихъ царей нѣкогда иммигрировалъ въ Арголиду. По мнѣнію Лунина, подъ именемъ Инаха скрывается жреческая фамилія, которая вмѣстѣ съ египетскими поселенцами заняла Арголиду, а подъ владычествомъ Форонея—царскій родъ, который въ теченіе долгаго ряда лѣтъ держалъ въ своихъ рукахъ верховную власть (стр. 80). Дѣти Форонея—Аписъ и Ніобея, и Лунину кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что подъ ними слѣдуетъ подразумѣвать древнія названія божествъ, культъ которыхъ былъ перенесенъ въ Арголиду упомянутыми поселенцами. Для выясненія и подтвержденія своей гипотезы Лунинъ останавливается на миѳѣ объ Іо, которую онъ сопоставляетъ или отожествляетъ съ Изидой; онъ видитъ въ этомъ миѳѣ указаніе на связь и сродство религіи Пелопоннеса и Египта.

Едва-ли нужно подробно разбирать гипотезу Лунина и доказывать, что она несостоятельна съ точки зрѣнія современной науки: ее нужно оцѣнивать, конечно, съ точки зрѣнія тогдашняго положенія вопроса. Вопросъ же о пеласгахъ вообще одинъ изъ самыхъ спорныхъ и не вполнѣ еще рѣшенъ и теперь. Для насъ важны тутъ методъ Лунина и его пріемы доказательствъ; важны даръ комбинаціи и широта кругозора, которые несомнѣнно обнаружилъ Лунинъ, и то, что онъ доказывалъ связь древнегреческой исторіи и культуры съ Египтомъ и вообще Востокомъ, что онъ признавалъ взаимодѣйствіе странъ восточной половины Средиземнаго моря и какъ-бы предугадывалъ кое-что о той микенской эпохѣ, которая намъ извѣстна теперь благодаря раскопкамъ.

2) „*Переходъ средней исторіи къ новой и значеніе сей послѣдней*“. Это, какъ упомянуто,—пробная лекція, читанная Луниномъ въ Харьковскомъ университетѣ и напечатанная въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* (за 1835 г., іюль).

Указавъ на два главныя основанія зданія среднихъ вѣковъ—феодальную систему и власть римской церкви,—Лунинъ прежде всего отмѣчаетъ общія причины упадка ленной системы въ Европѣ: 1) постепенное утвержденіе власти европейскихъ государей и развитіе общинъ; 2) измѣненіе характера войнъ (вмѣсто внутреннихъ—внѣшнія, войны народа съ народомъ,

правительства съ правительствомъ); 3) прекращеніе крестовыхъ походовъ; съ прекращеніемъ же ихъ и рыцарство, „это поэтическое чадо, этотъ прекрасный любимый идеалъ, взлелѣянный феодальною системою, начинаетъ уже упадать".

Затѣмъ Лунинъ разбираетъ „каждое государство порознь", слѣдя за упадкомъ феодализма и развитіемъ центральной власти, начиная съ Испаніи и Португаліи. „Испанское рыцарство", говоритъ онъ здѣсь между прочимъ, „носитъ на себѣ какой-то особый отпечатокъ. Здѣсь все дышетъ какою-то грандіозностью, какою-то восточною гордостью, и испанская грандецца вошла въ пословицу; страсти дѣйствуютъ сильнѣе, языкъ принимаетъ восточные обороты; любовь горитъ нѣгою палящаго юга, непріязнь — неукротимою жаждою мести; празднества были великолѣпнѣе, турниры многочисленнѣе, нежели въ прочихъ феодальныхъ государствахъ; наконецъ весь образъ жизни напоминалъ утонченную роскошь Азіи". Отъ Испаніи и Португаліи Лунинъ переходитъ къ Франціи, Англіи, Германіи, Италіи и наконецъ къ Швейцарской республикѣ, гдѣ „среди поднебесныхъ горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, на берегахъ прозрачныхъ озеръ, среди живописныхъ и плодоносныхъ долинъ, скрывалось поколѣніе людей сильныхъ, крѣпкихъ, дышущихъ свободою, гордыхъ подобно исполинамъ, ихъ окружающимъ".

Послѣ этого Лунинъ бросаетъ взглядъ на духовную власть римскихъ папъ въ средніе вѣка, при чемъ попутно касается архитектуры, какъ выраженія духа среднихъ вѣковъ, безотчетнаго вѣрованія. Онъ подмѣчаетъ „сѣмена упадка" власти папъ.

Одною изъ главныхъ причинъ упадка феодализма было распространеніе и развитіе городовъ; по этому поводу Лунинъ замѣчаетъ: „Можно почти утвердительно сказать, что города спасли европейскую цивилизацію отъ общаго крушенія и ускорили ходъ оной;... могущество и благосостояніе городовъ составляетъ едва-ли не самое привлекательное, самое утѣшительное зрѣлище въ исторіи среднихъ вѣковъ"... Лунинъ далѣе „окидываетъ общимъ взглядомъ состояніе Европы въ концѣ XV ст." и здѣсь отмѣчаетъ еще и другія причины „пріуготовленія" дальнѣйшаго перехода средней исторіи къ новой: завоеваніе Царяграда османами, изобрѣтеніе книгопечатанія, огнестрѣльнаго оружія и учрежденіе постояннаго войска.

Обозначая границы новой исторіи, Лунинъ старается постигнуть ея „истинную идею“ и значеніе. Идея эта, по его словамъ, проявляется въ четырехъ формахъ; она обнимаетъ: 1) развитіе монархическихъ учрежденій и начало паденія ихъ; 2) развитіе „средняго состоянія“ (сословія), что особенно проявилось въ Англіи, которая „представляетъ типъ средняго состояніи въ новыя времена“; 3) „высвобожденіе ума отъ оковъ“...; 4) распространеніе европейской цивилизаціи внѣ предѣловъ этой части свѣта, и Лунинъ въ концѣ своей лекціи вкратцѣ характеризуетъ эти четыре формы.

Уже тутъ, въ этой лекціи, обнаруживаются нѣкоторыя характерныя черты Лунина, о которыхъ потомъ мы будемъ говорить подробнѣе: склонность къ обобщеніямъ, вліяніе Гегеля, выразительный, образный языкъ, хотя нѣсколько архаичный и высокопарный, не чуждый риторики.

3) Рѣчь о „*Вліяніи Вальтера Скотта на новѣйшія изысканія по части средней исторіи*“, произнесенная въ торжественномъ собраніи университета 30-го августа 1836 г. [1]), чрезвычайно содержательная и интересная для характеристики взглядовъ Лунина на исторію.

Дѣлится она на двѣ части. Въ первой дается очеркъ историческихъ школъ западной Европы съ конца XV и начала XVI столѣтія до XIX. На рубежѣ средняго и новаго міра, говоритъ Лунинъ, возникаетъ новая историческая школа; въ Италіи ея основателями являются Макіавелли и Гвичардини. „Эта школа есть не что иное, какъ возрожденіе прагматической методы древнихъ“; она называлась „школою политической исторіи“ или „исторіи по образцу древнихъ“. Самое сильное вліяніе она имѣла на обработку исторіи Франціи. „Но въ половинѣ XVIII столѣтія является аббатъ Велли, какъ основатель новой исторической школы; или, по крайней мѣрѣ, Велли воображалъ себя таковымъ“. Она носитъ громкое названіе „философической школы“. „Въ болѣе строгой послѣдовательности философическая метода является у историческихъ писателей Эдинбургской школы—Робертсона, Юма, Жиббона (Гиббона), „въ особенности же у двухъ послѣднихъ“...

[1]) Напечатана въ собраніи актовыхъ „Рѣчей“. Харьк. 1836.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ направленій, Лунинъ останавливается на третьемъ—религіозно-ученомъ XVI столѣтія, главная цѣль котораго было собираніе и истолкованіе лѣтописей, грамотъ, дипломовъ и другихъ историческихъ памятниковъ среднихъ вѣковъ. Онъ „съ благодарностью и съ удивленіемъ“ напоминаетъ о дѣятельности бенедиктинцевъ. „Только эти ученыя поколѣнія, прикованныя къ подножію алтарей, отказавшіяся отъ всѣхъ страстей свѣта, погрузившія себя въ пыли преданій давно минувшихъ вѣковъ, мечтавшія только о загробной наградѣ, могли создать тѣ исполинскіе памятники, которые невольно устрашаютъ и смиряютъ ученое человѣчество XIX столѣтія“. Ихъ соревнователями являются іезуиты (Гардуинъ, Лаббе, Петавій). Въ заключеніе здѣсь Лунинъ упоминаетъ о Фрегерѣ, Питу и въ особенности о Дюканжѣ.

Вторая часть рѣчи особенно любопытна, такъ какъ Лунинъ высказываетъ въ ней взгляды на задачи историка и ставитъ „важный вопросъ“: „что входитъ въ объемъ истинной и полной исторіи?“ Къ этимъ взглядамъ намъ придется еще вернуться, при характеристикѣ Лунина, какъ историка, и поэтому, чтобы не повторяться, я пока не буду останавливаться на нихъ, а перейду къ дальнѣйшимъ замѣчаніямъ его о недостаткахъ прежнихъ историческихъ школъ и къ тому, въ чемъ онъ видитъ заслуги Вальтера Скотта въ дѣлѣ изученія исторіи.

Макіавелли и его послѣдователи облекли среднюю исторію въ классическую форму, а „подъ конецъ XVII столѣтія“, говоритъ Лунинъ, „полугрубые крѣпкіе витязи готическихъ временъ надѣваютъ парики вѣка Людовика XIV и мѣняютъ свои тяжеловѣсныя латы на легкій кафтанъ изнѣженныхъ поклонниковъ всесильной Ментенонъ“ (стр. 12—13). „Но вліяніе особности вѣка, которому принадлежалъ самъ авторъ, на изображаемую имъ эпоху, приложеніе господствующихъ современныхъ идей и понятій отдаленному человѣчеству, является уже болѣе неограниченнымъ у писателей философической школы“ (стр. 13). „Однимъ словомъ“, замѣчаетъ Лунинъ, „средняя исторія до новѣйшихъ временъ еще не существовала: она была погребена въ смиренныхъ лѣтописяхъ, покоившихся въ продолженіе вѣковъ подъ пылью европейскихъ архивовъ, библіотекъ, монастырей; въ колоссальныхъ собра-

ніяхъ бенедиктинцевъ и іезуитовъ, въ словаряхъ Дюканжа, въ капитуляріяхъ Балузія, въ неразгаданныхъ сводахъ готическихъ соборовъ: только въ послѣднія десятилѣтія нашего столѣтія Европа почувствовала нужду углубиться въ забытые рудники среднихъ вѣковъ;—и наше поколѣніе было поражено богатствомъ жилъ, роскошью подземнаго царства, которое такъ долго попиралось съ невѣжественнымъ презрѣніемъ" (стр. 13—14).

По словамъ Лунина, Вальтеръ Скоттъ, „безспорно величайшій историческій геній новыхъ временъ", вполнѣ понялъ ту истину, что подъ внѣшними формами жизни каждаго вѣка скрывается одна общая идея и что безъ знакомства съ внѣшними явленіями мы никогда не будемъ въ состояніи постигнуть ихъ творческаго первообраза (стр. 15).

„Въ его романахъ болѣе истинной исторіи, нежели въ историческихъ произведеніяхъ большей части писателей-философовъ, изображавшихъ одну съ нимъ эпоху... Творецъ Веверлея былъ первый, который вывелъ на сцену разнородныя племена, постепенное сліяніе которыхъ въ теченіе времени образовало великія націи Европы, и вслѣдствіе этого разложенія показалъ намъ совершенно новый міръ причинъ и побужденій, условливавшихъ въ продолженіе вѣковъ борьбу основныхъ частей этихъ великихъ массъ и породившихъ постепенно политическія и нравственныя явленія западной цивилизаціи". Лунинъ спрашиваетъ: „кто прежде Вальтера Скотта говорилъ о саксонцахъ и норманахъ во времена Ричарда Львинаго Сердца? Какъ будто бы достаточно одного сраженія, одной перемѣны династіи, чтобы слить двѣ враждебныя націи, тогда какъ дѣло шло объ имуществѣ, о независимости, о жизни и смерти?.. Кто видѣлъ прежде Вальтера Скотта въ возстаніяхъ Шотландіи противъ Англіи въ 1715 и въ 1745 г.г. вѣковую народную ненависть свободныхъ горцевъ, гордыхъ потомковъ могучихъ гальскихъ племенъ, противъ жителей равнинъ, наслѣдниковъ саксонскихъ завоевателей?" (стр. 17). „Главный моментъ, на которомъ основано историческое проявленіе Шотландіи, которымъ условленъ индивидуальный характеръ онаго, есть различіе народнаго происхожденія не только между англичанами и шотландцами, но и между двумя главными отраслями народонаселенія самой страны" (стр. 18).

„То, что положило на всю исторію Шотландіи ея индивидуальную физіономію,—то, что придаетъ ей какую-то особую драматическую занимательность, есть враждебная наслѣдственная ненависть горцевъ противъ южныхъ жителей равнинъ, переходившая изъ рода въ родъ и раздиравшая государство во всѣ эпохи междоусобными войнами. Вальтеръ Скоттъ былъ первый, который вполнѣ постигъ этотъ живительный элементъ шотландской исторіи; онъ былъ первый, который проникъ въ эти основныя условія общественной организаціи своего отечества, который разложилъ шотландскую націю на ея составныя стихіи, и въ ея нравственныхъ наклонностяхъ и наслѣдственныхъ страстяхъ усмотрѣлъ физіологическіе законы ея различнаго происхожденія“... (стр. 19—20).

Вообще Лунинъ придаетъ чрезвычайно большое значеніе Вальтеру Скотту.

„Можетъ быть, ничто не способствовало болѣе историческому направленію нашего вѣка“, говоритъ онъ, „какъ чтеніе геніальныхъ твореній Вальтера Скотта Историческій интересъ, налагающій на его романы общій отпечатокъ истины, долженъ былъ поразить воображеніе каждаго образованнаго читателя и сблизить его съ феодальнымъ міромъ среднихъ вѣковъ, такъ долго забытыхъ, такъ долго презрѣнныхъ европейскою литературою“... (стр. 22).

„Если главный характеръ среднихъ вѣковъ есть *Религіозность*, фантастическая, безпредѣльная, которая въ такихъ колоссальныхъ формахъ отразилась въ феодальной іерархіи, которая такъ глубоко проникла многосложную жизнь средняго человѣчества,—или другими словами, преобладаніе внутренняго человѣка надъ внѣшнимъ;—духа надъ природою,—идеи надъ формою; — мы въ правѣ спросить: могъ ли понимать исторію среднихъ вѣковъ скептицизмъ XVIII столѣтія, холодный, матеріальный, отравленный развратомъ регентства, утопавшій въ древнемъ единствѣ?“ (стр. 23).

Такъ заканчиваетъ Лунинъ свою рѣчь. Мы привели многочисленныя выдержки изъ нея между прочимъ потому, что въ нихъ выражается его взглядъ не только на Вальтера Скотта, но и на средніе вѣка, и на исторію вообще.

4) Большая, особенно для того времени, статья: „*Индія.*

Взглядъ на жизнь индостанскаго народа“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1837, іюль, 86 стр.). Начинается она подробнымъ „географическимъ обозрѣніемъ Индостана, съ присовокупленіемъ географическихъ понятій браминскаго ученія объ образованіи нашей земли“; затѣмъ слѣдуетъ: „Элементы народонаселенія“; „Постепенное происхожденіе кастъ. Священная литература Индіи“; „Отношенія кастъ“; „Іерархическая архитектура. Религіозные памятники Индостана“, и наконецъ „Взглядъ на политическую исторію Индіи“.

Статья эта любопытна особенно въ томъ отношеніи, что здѣсь въ началѣ почти каждой главы или параграфа Лунинъ выставляетъ обыкновенно какой-либо общій законъ или правило, наблюдаемые въ исторіи человѣчества или хотя бы только индостанскаго народа, а дальнѣйшее изложеніе служитъ развитіемъ или иллюстраціей такихъ общихъ положеній.

Такъ, въ началѣ главы объ „элементахъ народонаселенія“ Лунинъ „постановляетъ общимъ закономъ исторіи, что только тамъ, гдѣ мы въ началѣ или, такъ сказать, въ преддверіи исторіи каждаго народа встрѣчаемъ... двойственность началъ..., colluvies gentium“ (побѣдителей и побѣжденныхъ), „могутъ развиться вполнѣ или до опредѣленной точки, смотря по внутреннему свойству каждаго человѣческаго племени, сѣмена прочной и самостоятельной образованности. Для образованности народовъ потребны всегда разнородные элементы, и борьба этихъ элементовъ есть необходимое условіе дальнѣйшаго развитія оной“. „Это условіе образованности“, утверждаетъ Лунинъ, „проглядываетъ изъ исторіи всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ“ (стр. 11—12).

По поводу происхожденія кастъ Лунинъ замѣчаетъ: „Первоначальная идея о Богѣ у древнѣйшихъ и первобытныхъ народовъ является въ болѣе или менѣе возвышенныхъ формахъ, и только впослѣдствіи она измѣняется въ отвратительныя формы естественнаго политеизма“. Такимъ образомъ, уже онъ полагалъ, что политеизмъ и фетишизмъ—не первая стадія религіознаго сознанія. „Въ патріархальномъ обществѣ“, продолжаетъ Лунинъ, „отецъ семейства является, какъ первоначальный жрецъ... Но съ распространеніемъ общества скоро отдѣляется уже цѣлое семейство, или цѣлое племя, или цѣлый классъ отъ

прочей массы народа, и дѣлается исключительнымъ истолкователемъ воли Божества... *Вездѣ одни и тѣ же постоянные законы.* Но съ образованіемъ особаго исключительнаго сословія жрецовъ, полагается основаніе и къ раздробленію первоначальной идеи о Богѣ". На этомъ основывается отчасти „другой законъ ѳеократической власти: что прочность и совершенное развитіе оной зависитъ отъ существованія кастъ, какъ мы ихъ находимъ въ Индіи и Египтѣ" (стр. 21 сл.).

„Борьба духовной власти съ свѣтскою рано ли, поздно ли, неминуема", говоритъ далѣе Лунинъ. „Браминъ и его санкція для индійскаго рая такъ же необходимы, какъ помазаніе римскаго первосвященника для императора Германіи въ средніе вѣка, или мага для персидскаго царя; и брамины бросали также перуны своихъ анаѳемъ противъ богоотступной касты воиновъ, какъ и римскіе епископы противъ сильныхъ и мужественныхъ властителей западной Европы, которые дерзали противиться ихъ гордымъ велѣніямъ. Подобно исторіи западноевропейскихъ среднихъ вѣковъ и исторіи Египта, санскритская литература наполнена преданіями о частыхъ распряхъ браминовъ съ кастою царей и воиновъ" (стр. 21—25).

Прежде, нежели приступить къ изложенію взаимныхъ отношеній кастъ, Лунинъ ставитъ „общимъ правиломъ, что всѣ прочія касты являютъ намъ безчисленныя искусственныя подраздѣленія, между тѣмъ какъ каста жрецовъ образуетъ одно нераздѣльное тѣло" (стр. 38—39).

Говоря объ „іерархической архитектурѣ", Лунинъ замѣчаетъ: „Колоссальныя произведенія архитектуры и скульптуры, носящія на себѣ религіозный характеръ, слѣдовали повсюду за ѳеократическою системою. Во всѣхъ странахъ, гдѣ мы находимъ остатки помянутыхъ памятниковъ, исторія встрѣчаетъ слѣды іерархическаго владычества" (стр. 52 сл.). И затѣмъ слѣдуютъ примѣры, въ томъ числѣ „великолѣпный храмъ Іерусалимскій".

Даже VI параграфъ, представляющій „Взглядъ на политическую исторію Индіи", Лунинъ начинаетъ установленіемъ правила: „Предварительное правило", говоритъ онъ, „которымъ мы должны руководствоваться въ семъ краткомъ изложеніи древней исторіи Индостана, есть слѣдующее: индусы не имѣютъ

хронологіи и исторіи въ томъ смыслѣ, въ которомъ эти науки принимаются у западныхъ народовъ" (стр. 73—74).

5) Другая тоже обширная статья, посвященная Востоку,— *„Взглядъ на исторіографію древнѣйшихъ народовъ Востока"*, помѣченная августомъ 1839 г., но напечатанная лишь въ 1842 году (въ „Москвитянинѣ", ч. IV—V).

Послѣ вступительныхъ замѣчаній болѣе или менѣе филологическаго характера о словѣ „исторія" и другихъ сродныхъ названіяхъ, Лунинъ даетъ общую характеристику восточной исторіографіи. „Историографическое искусство", говоритъ онъ, „развивалось у каждаго народа по индивидуальнымъ законамъ его отдѣльнаго проявленія на поприщѣ человѣчества, на Востокѣ иначе, нежели на Западѣ: ибо исторіографія есть не что иное, какъ возсозданіе жизни человѣчества въ общности (всеобщая Исторія), или частности (спеціальная исторія), въ систематическомъ цѣломъ, или другими словами, картина человѣческаго существованія въ религіи и государствѣ, въ судьбахъ и опытахъ, въ наукѣ и гражданственности, въ литературѣ и промышленности. Азія, колыбель первыхъ обществъ и первой гражданственности, представляетъ намъ и древнѣйшіе писанные историческіе памятники. Но эти памятники носятъ на себѣ особый отпечатокъ, отпечатокъ народовъ, блуждающихъ въ сумеркахъ теократическихъ и героическихъ вѣковъ, между поэзіею и прозою, между вымысломъ и дѣйствительностью". Лунинъ цитируетъ Гегеля (Vorlesungen über Aesthetik, III, p. 257), по которому „жители Востока, за исключеніемъ можетъ быть однихъ только китайцевъ, не имѣютъ довольно прозаическаго чувства, чтобъ представить истинныя историческія творенія, предаваясь то чисто религіознымъ, то фантастическимъ истолкованіямъ и преобразованіямъ дѣйствительнаго". По мнѣнію Лунина, „къ главнѣйшимъ причинамъ, преломлявшимъ искони на Востокѣ объективный міръ историческихъ данныхъ въ субъективности дѣписателя, въ воспроизведеніи оныхъ въ писанной исторіи, можно причислить слѣдующія:

„1. Міръ Востока покоится на началѣ нравственности, на практическомъ внѣшнемъ понятіи добра и зла, отнюдь же не на высшемъ сознаніи правъ и обязанностей человѣка и согласованія своихъ дѣйствій съ этимъ сознаніемъ—это первая

ступень къ ограниченію произвола и страстей человѣка. Нравственныя правила, или то, что принимается за таковыя, предписаны какъ *законы*, но такъ, что субъективная воля человѣка, его дѣйствія, управляется этими законами, какъ внѣшнею властью, принудительнымъ средствомъ, и что вслѣдствіе того весь внутренній міръ разрушенъ, свобода нравственныхъ чувствъ, совѣсть, сознаніе добра и зла не существуютъ, потому что они повелѣваются, если они даже и находятся въ гармоніи съ индивидуальнымъ убѣжденіемъ" (слѣдуетъ ссылка на *Hegel*, Vorlesungen über d. Philosophie d. Geschichte, p. 108 sq.), и т. д.

„2. Каждый народъ Востока имѣетъ только *одну книгу*, въ которую онъ вѣруетъ, какъ въ откровеніе высочайшей премудрости, какъ въ единственный источникъ всѣхъ человѣческихъ познаній, законовъ и нравственности, единственный архивъ всѣхъ религіозныхъ, философскихъ, политическихъ и историческихъ правилъ и мнѣній, а исключительною истолкователь-ницею оной была тамъ каста богослужителей... Отъ того-то это однообразіе понятій, однообразіе цивилизаціи Востока, которое въ продолженіе тысячелѣтій, характеризуетъ народы Азіи. Наконецъ,

„3. Мы должны искать третью общую причину въ самомъ происхожденіи восточныхъ государствъ. Всѣ восточныя монархіи основаны на завоеваніи и, такъ сказать, живутъ и держатся духомъ завоеванія... Нигдѣ преданія о всемірныхъ завоевателяхъ не распространены повсемѣстнѣе, нигдѣ они не имѣютъ большей чары на умы и фантазію, нигдѣ не встрѣчаемъ мы большаго однообразія политическихъ началъ, какъ именно въ Азіи. Эти государства появляются, процвѣтаютъ и упадаютъ вслѣдствіе однихъ и тѣхъ же законовъ: ихъ появленіе подобно внезапному разрушительному урагану; ихъ жизнь и процвѣтаніе кратковременны, ихъ паденіе быстро... Но въ этой-то внезапности и быстротѣ, въ этомъ однообразіи политическихъ переворотовъ заключается смерть исторіи..." (стр. 289—292).

Лунинъ указываетъ на разницу между „восточными бытописателями" и „истинными историками запада", проявляющуюся именно въ томъ, „что въ твореніяхъ первыхъ выступаютъ рѣзко наружу индивидуальность, вѣрованія, предразсудки, ненависть, понятія самого писателя или того племени и на-

рода, которому онъ принадлежитъ по своему происхожденію или съ которымъ онъ скованъ по своимъ политическимъ отношеніямъ; напротивъ того у западныхъ писателей эта личная и дробная индивидуальность исчезаетъ, и мѣсто ея заступаетъ элементъ общности, элементъ аналитическаго воззрѣнія на происшествія по законамъ разума, элементъ критики" (стр. 293).

Затѣмъ Лунинъ переходитъ къ тому, „что завѣщали главнѣйшіе народы Азіи на поприщѣ исторіографіи? какого рода лѣтописи и историческіе памятники этихъ народовъ, дошедшіе до нашихъ временъ?" Разсматриваются историческія произведенія Китая, Индіи и Персіи въ связи съ исторіей и характеромъ народа, при чемъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что, говоря о Персіи, Лунинъ высказываетъ между прочимъ мнѣніе, что Геродотъ пользовался персидскими архивами при описаніи народовъ въ войскѣ Ксеркса и при описаніи состава персидскаго флота,—мысль, которую мы теперь встрѣчаемъ, въ иной нѣсколько формѣ, и у новѣйшихъ ученыхъ [1]). Переходя къ вопросу о томъ, что осталось изъ древней литературы персовъ, и знаемъ ли мы что-либо о древнемъ языкѣ персовъ, Лунинъ говоритъ подробно объ Анкетилѣ дю Перронѣ, о главныхъ языкахъ персовъ и литературѣ, о Зороастрѣ и его религіи.

Статья эта носитъ спеціальный характеръ. По словамъ М. И. Сухомлинова [2]), она особенно цѣнилась въ свое время; но написана она тяжело, туманно, какъ видно и изъ приведенныхъ цитатъ, и вообще по обработкѣ и изложенію уступаетъ другимъ печатнымъ работамъ Лунина. Само собою разумѣется, что въ ней окажется и много невѣрнаго съ точки зрѣнія современной науки; но надо помнить, что статья писалась въ 30-хъ годахъ, т.-е. до великихъ открытій Ботты, Лэйярда, Раулинсона, Смита, и въ частности до открытія, напримѣръ, лѣтописей ассирійскихъ царей.

6) „*Нѣсколько словъ о римской исторіи*" („Москвитянинъ", 1841, ч. V). Эти „Нѣсколько словъ"—въ своемъ родѣ замѣчательная статья по силѣ обобщающей мысли, по воодушевленію,

[1]) См. напр. *K. W. Nitzsch*, Über Herodots Quellen für die Gesch. d. Perserkriege (Rhein. Mus., 1872, XXVII, 234); ср. *Ed. Meyer*, Forschungen z. alten Gesch. Halle, 1899, II, 232.

[2]) Уничтож. дис. Н. И. Костомарова, стр. 45—46.

съ какимъ она написана, по образности языка. Здѣсь, на 18 страницахъ, Лунинъ даетъ очеркъ въ сущности всей исторіи древности, указываетъ общій ходъ и основной смыслъ исторіи Востока, Греціи и Рима, упоминаетъ о заслугахъ и „преступленіяхъ“ послѣдняго, отмѣчаетъ, что̀ является вѣчнымъ въ его созданіи, что̀ внесъ онъ въ исторію человѣчества.

Историческое міросозерцаніе Лунина, его общій взглядъ на исторію древности, самая его манера изложенія и стиль ярче всего обнаруживаются въ этой небольшой статьѣ. Поэтому я остановлюсь на ней подробнѣе и буду приводить по возможности подлинныя слова автора.

Лунинъ начинаетъ съ указанія на разнообразіе природы, политическаго строя, физическаго и нравственнаго быта народовъ въ древности. Народы эти мало-по-малу теряютъ самостоятельность: они покоряются Риму. „Подобно безпредѣльному морю, Римъ принимаетъ въ себя всѣ отдѣльные потоки и струи; исторія Рима дѣлается исторіею вселенной“.

„Никто не станетъ оспаривать, что исторія народа, который умѣлъ покорить своему владычеству весь извѣстный міръ древности, должна представлять сама по себѣ высокую степень занимательности и важности для каждаго, кто неравнодушенъ къ судьбамъ человѣчества; но кто знаетъ, что римская исторія, независимо отъ своей политической важности, есть воплощеніе всѣхъ цивилизацій древности, если и нерѣдко только воплощеніе отрицательное;—что въ религіи Рима слились всѣ политическія начала тогдашняго міра; что всѣ политическія системы, всѣ организаціи, общественныя и частныя, жили и дышали подъ защитою или притѣсненіемъ римскаго единства; что всѣ философскія системы, всѣ знанія, всѣ литературы, всѣ искусства и художества, всѣ отрасли промышленности, всѣ истины и обманы, добродѣтели и пороки, богатство и нищета, сосредоточивались въ сердцѣ римскаго колосса и посредствомъ его могучаго біенія разливались по всѣмъ безчисленнымъ артеріямъ и суставамъ до послѣднихъ оконечностей этого исполина, — тотъ пойметъ, что изученіе исторіи подобнаго народа пріобрѣтаетъ уже само по себѣ высшую степень важности и занимательности; что исторія римскаго народа близка и сродственна душѣ и сознанію всякаго образованнаго человѣка; для всякаго,

кто еще не убилъ своего духа въ тѣсной области грязной корысти и матеріальнаго существованія, чья грудь еще не загрубѣла противъ привѣтовъ высокаго и великаго въ человѣческой природѣ“!

„И когда мы наконецъ всмотримся въ великую картину заката римской славы и римскаго блеска, въ длинную эпоху паденія имперіи, мы увидимъ, что Римъ былъ не менѣе великъ и въ своей отрицательности, въ своей болѣзни и медленномъ разрушеніи, какъ и во времена своего роста и расширенія своего владычества надъ вселенною. Какъ живучи, какъ вѣчны, можно сказать, были всѣ начала римской жизни и римскаго проявленія! Тотъ духъ, который умѣлъ созвать всѣхъ боговъ и всѣхъ духовъ вселенной въ Пантеонъ своего всемірнаго владычества;—который умѣлъ сковать подобныя цѣпи для народовъ и сплавить разнороднѣйшія стихіи и индивидуальности въ твердую компактную массу римскаго единовластія, былъ по истинѣ духъ великій и колоссальный!—По стопамъ римскихъ побѣдъ и завоеваній слѣдовало не одно разрушеніе, не одни грабительства проконсуловъ и пропреторовъ—обыкновенное и ложное понятіе;—напротивъ того, пути римскихъ легіоновъ обозначены безчисленнымъ множествомъ городовъ, крѣпостей, замковъ, укрѣпленныхъ становъ, въ которыхъ немедленно водворялись формы и духъ римской общины, римскія знанія, искусства, ремесла, римская религія;—Римъ связалъ эти города, крѣпости, станы между собою удобными, неистребимыми дорогами; тысячелѣтія и другія цивилизаціи покрыли эти дороги толстымъ слоемъ земли; но и въ наше время мирный пахарь нерѣдко притупляетъ или ломаетъ свою соху о твердыя массы, перерѣзывающія невидимо его поляну и напоминающія ему о давно минувшемъ мірѣ, о другихъ временахъ и поколѣніяхъ людей“.

„И когда римскій колоссъ палъ наконецъ мертвый и бездыханный, онъ оставилъ по себѣ не однѣ развалины: жизнь, струившаяся нѣкогда въ его суставахъ, перелилась въ другіе, свѣжіе организмы и начала дышать съ обновленною творчественностью: она воскресла посреди ночи среднихъ вѣковъ; римскіе памятники, муниципальное устройство, система римскаго права, языкъ римлянъ зажили и заговорили въ кругу

новыхъ людей, посреди чуждыхъ враждебныхъ общественныхъ отношеній, подъ сѣнью другой, истинной религіи; — зажгли первый свѣтильникъ общественнаго порядка и общественной и частной безопасности посреди смутнаго раздолья феодальныхъ страстей"! (стр. 407—9).

Лунинъ сопоставляетъ исторію Рима съ исторіею другихъ народовъ древности — Востока и Греціи — и находитъ между ними большую разницу.

Рожденіе Рима было едва замѣтное; его ростъ медленъ. Не такъ ростутъ и развиваются народы и царства Востока. „Здѣсь развитіе человѣка и общества гармонируютъ съ цѣлою природою". Въ развитіи человѣческаго организма та же быстрота и скоротечность, что̀ и въ природѣ (стр. 411). Здѣсь все непрочно, минутно, непостоянно (стр. 412).

„То, чего недоставало Востоку, было именно богатымъ удѣломъ греческой жизни: греческая исторія есть по-истинѣ только блестящій подвигъ юношескаго возраста". Въ первомъ ряду стоитъ Ахиллесъ: это *поэтическій* юноша; Алкивіадъ — это *историческій* юноша; наконецъ замыкаетъ греческую исторію Александръ Великій, „этотъ *всемірный* юноша". „Греческому народу не суждено было дожить до своей полной мужественности: онъ окончилъ свое политическое существованіе рано, подобно какъ его герои умерли въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ" (стр. 413).

Въ Греціи Лунинъ видитъ „первое пробужденіе человѣческаго духа, первое сознаніе человѣческой индивидуальности". Греческій міръ поставленъ на границѣ между Востокомъ и Западомъ. Высокое назначеніе Греціи — „быть посредницею между Азіею и Европой, примирительницею между Востокомъ и Западомъ"; средство для этой великой цѣли — „развитіе изящной человѣчности". И Грецiя выполнила свою задачу: „человѣческо-изящная форма выразилась не только въ греческой религіи, поэзіи, художествахъ; напротивъ того, она напечатлѣлась на всемъ духовномъ и политическомъ проявленіи еллиновъ" (стр. 413—414). Напримѣръ, философія Платона, „какъ лучшій масштабъ прекрасной мыслительной потенціи греческаго ума", есть, „по своей формѣ и содержанію, изящное произведеніе" (стр. 415).

Роль посредницы между Востокомъ и Западомъ, которая была историческимъ призваніемъ Греціи, яснѣе видна въ по-

литической жизни. И въ Греціи, какъ и на Востокѣ, говоритъ Лунинъ, политическое процвѣтаніе и упадокъ тѣсно связаны съ человѣческою индивидуальностью, „но съ тѣмъ различіемъ, что на Востокѣ эта индивидуальность дѣйствуетъ какъ насильственный, разрушающій элементъ, который воздвигаетъ новое на развалинахъ сокрушеннаго зданія и который въ то же время снѣдаетъ это зданіе, подобно какъ до-еллинскій Кроносъ глотаетъ своихъ собственныхъ дѣтей“ (стр. 415). Напротивъ, „греческіе номотеты и государственные мужи суть изящныя нравственныя индивидуальности: съ греческимъ народомъ выступаетъ наружу прогрессивный, совершенствующій нравственный моментъ, сознаніе человѣка, какъ члена общества, которому онъ обязанъ своею политическою независимостью и законною защитою и независимость и безопасность котораго зависятъ наоборотъ отъ него. Греческіе основатели общественныхъ формъ не суть завоеватели и истребители народовъ; они возстаютъ изъ среды самого народа и преобразуютъ мирно и разумно существующіе готовые элементы въ согласное полное цѣлое, въ округленный государственный организмъ, смотря по мѣстности, народности и времени. И здѣсь тѣ же изящныя округленныя формы, какъ и во всѣхъ созданіяхъ греческаго ума... Греческіе законодатели были истинные художники, истинные косметы своего отечества“ (стр. 415—416).

Такимъ образомъ, по Лунину, „греческая жизнь, подобно дорическому Аполлону, представляетъ намъ картину юности и прекрасныхъ формъ; но юность и красота недолговременны; въ безконечныхъ празднествахъ и играхъ, въ гостяхъ у боговъ и на народныхъ пирахъ Олимпій..., въ гимназіяхъ и палестрахъ, на публичныхъ площадяхъ, въ театрахъ,—въ какомъ-то свѣтломъ и беззаботномъ упоеніи, промчалась эта жизнь быстро, подобно волшебному видѣнію... Бури междоусобія и гроза македонскаго владычества прошли разрушительно надъ греческими государствами: разгромленная въ своей народности, растерзанная въ своихъ составахъ, безъ равновѣсія, безъ политическаго центра, Греція расточала свои послѣднія силы въ народныхъ браняхъ, когда внезапно ее застигъ холодъ римскаго завоеванія“ (стр. 417).

И Лунинъ снова переходитъ къ Риму, къ выясненію его

всемірно-исторической роли и значенія. „Быть общимъ вмѣстилищемъ и проводникомъ древнихъ цивилизацій было всемірнымъ назначеніемъ Рима; — общественное и частное право, такъ какъ оно развилось медленно, но твердо и вѣчно, въ теченіе длинной цѣпи вѣковъ внутренней борьбы и внѣшней политики, было средствомъ къ осуществленію этого призванія“ (стр. 417—418).

Лунинъ отмѣчаетъ контрастъ между Греціей и Римомъ: въ греческой жизни „духовность и внѣшность отразились въ веселости, въ какой-то свѣтлой беззаботности и наслажденіи, въ прекрасныхъ формахъ, въ дружбѣ съ началомъ естественности, съ природою“; здѣсь государство не развилось еще въ отвлеченность и, „какъ общій моментъ, не подавляло еще индивидуальныхъ, человѣческихъ партикулярностей“; напротивъ, въ Римѣ насъ поражаетъ строгость, суровость духа и формы,— „римская gravitas, эта холодная важность и величавость, отразившаяся на всѣхъ институтахъ, на частномъ и общественномъ существованіи, на памятникахъ и литературѣ римскаго народа,—вылившаяся въ цѣлой исторіи римскаго завоеванія“.

Общественное зданіе древняго Рима не было созданіемъ какого-либо отдѣльнаго лица: оно было порожденіемъ столѣтій и длиннаго ряда поколѣній и переворотовъ. Въ римскомъ проявленіи „индивидуальность отступаетъ назадъ“, исчезаетъ въ обществѣ, которое стоитъ уже на первомъ планѣ.

Но прежде чѣмъ сдѣлаться всемірнымъ проводникомъ древнихъ цивилизацій, Римъ „долженъ былъ напередъ рѣшить двоякую задачу: во-первыхъ, подготовить себя для своего великаго подвига, развить условныя начала своей внутренней жизни и укрѣпить свое общественное тѣло; и потомъ завоевать поприще для осуществленія своего всемірнаго назначенія. — Римляне были первымъ народомъ, у котораго общественное и частное право развилось въ отвлеченности, въ общія понятія, независимыя отъ мѣстности и народности; — а это“, замѣчаетъ Лунинъ, „уже исполинскій шагъ на пути человѣческаго развитія“ (стр. 418—419).

Исторія Рима есть исторія борьбы двухъ началъ—побѣдителей съ побѣжденными. Это образуетъ существенное основаніе и условіе римской исторіи, жизненный источникъ духа и силы

народа. „Отсюда-то родились и созрѣли, во-первыхъ, сознаніе этого духа и силъ, а потомъ свободная общность, идея отвлеченной свободы.—Въ кругъ этого общаго понятія, этой отвлеченной свободы входятъ, во-первыхъ, свобода, независимость государства, понятіе отвлеченнаго государства (res publica)“; съ другой стороны „создается *личность*, свобода человѣка въ его частномъ существованіи“ (стр. 420).

„Ходъ римскаго развитія былъ другой, нежели у другихъ народовъ“, заключаетъ Лунинъ свою статью; „зданіе римскаго могущества было воздвигнуто на твердомъ, вѣчномъ основаніи: ибо Римъ не только разрушалъ, но и творилъ;—въ постоянныхъ войнахъ съ окрестными народами, въ непрерывной цѣпи внутреннихъ смутъ и споровъ,—въ трудахъ и лишеніяхъ, римскій народъ укрѣпилъ себя для своего будущаго призванія: законы и учрежденія Рима были куплены дорогою цѣною, были порождены повелительною потребностью народной общины, вскормлены и выращены вѣками;—и закаленный въ политическихъ буряхъ, гордый своими законами и институтами, римскій геній пошелъ смѣло на завоеваніе вселенной. Всѣ отдѣльные народы и колѣна, большія и маленькія государства и автономіи,—всѣ самостоятельныя и религіозныя существованія... исчезаютъ одни за другими и превращаются въ сложный, необъятный и разноцвѣтный помостъ римскаго единовластія, сплавленный крѣпко и твердо, подобно мраморнымъ мозаикамъ римскихъ монументовъ, цементомъ римской политики и муниципальныхъ и военныхъ учрежденій, и когда наконецъ Октавіанъ положилъ предѣлъ гражданскимъ войнамъ и стяжалъ для себя и своего рода единодержавіе, Orbis terrarum превратился уже въ Orbis Romanus, и римскіе орлы усѣлись гордо и величаво на могилахъ народныхъ самостоятельностей древности“ (стр. 421—422).

Статья эта сопровождается въ концѣ такимъ примѣчаніемъ отъ редакціи „Москвитянина“: „Одинъ изъ ревнителей отечественнаго просвѣщенія замѣчалъ намъ, что мы не имѣемъ въ журналѣ статей педагогическихъ. Мы промолчали, не надѣясь по особымъ причинамъ на убѣдительность своего отвѣта, но теперь спрашиваемъ и отдаемъ свой вопросъ на *судъ всего ученаго міра*: не принесетъ ли такая статья (не говоря о про-

...ск. О-во Взаим...

чихъ ея достоинствахъ) гораздо болѣе пользы всякому учителю гимназіи и даже уѣзднаго училища, нежели всѣ такъ называемыя педагогическія мертвыя наставленія"...? (стр. 422—3).

Разумѣется, и въ этой статьѣ найдется много невѣрнаго, напримѣръ взглядъ Лунина на Востокъ и его монархіи, на Грецію, на которую Лунинъ смотритъ съ господствовавшей нѣкогда романтической и эстетической точки зрѣнія, т.-е. съ той, которая видѣла въ греческой жизни лишь гармонію, а въ грекахъ, по выраженію Виламовица,—„возвышенно настроенныхъ мужей и юношей, поклонявшихся красотѣ и жившихъ въ мірѣ грезъ о прекраснѣйшей жизни, тогда какъ надъ ними улыбалось вѣчно голубое небо"... Но мы не будемъ входить въ подробный критическій разборъ взглядовъ Лунина съ точки зрѣнія науки начала XX вѣка.

III.

Въ общемъ учено-литературное наслѣдіе Лунина невелико и не объясняетъ еще тѣхъ восторженныхъ отзывовъ, какіе мы слышимъ о немъ отъ тогдашнихъ современниковъ. Дѣло въ томъ, что „много знавшій, много трудившійся", Лунинъ „очень мало печатался" [1]), и, по отзыву слушателей, его печатные труды не даютъ о немъ полнаго понятія: это понятіе могли бы дать только читанные имъ курсы, составлявшіе главный трудъ его жизни.

Относительно лекцій Лунина свидѣтельства единогласны. По словамъ Костомарова, „нельзя сказать, чтобы Лунинъ былъ одаренъ счастливымъ даромъ слова; грудь у него была слабая, голосъ не громкій, дикція монотонная и какъ будто жеманная; но эти недостатки выкупались богатствомъ содержанія и критическимъ направленіемъ, къ которому онъ умѣлъ расположить влеченіе своихъ слушателей. Его лекціи по древней исторіи, и преимущественно Востока, и по средней исторіи, особенно лекціи о распространеніи христіанства и о борьбѣ его съ язычествомъ, были столько же глубокомысленны, какъ и увлека-

[1]) *Де-Пуле*, стр. 93.

тельны. Исторію новыхъ вѣковъ читалъ онъ слабѣе и, какъ кажется, самъ менѣе ею занимался. Вообще лекціи этого профессора оказали на меня громадное вліяніе и произвели въ моей духовной жизни рѣшительный поворотъ“ [1])... Отзывъ Костомарова для насъ тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе, что исходитъ отъ историка; при томъ Костомаровъ былъ строгъ въ оцѣнкѣ тогдашнихъ харьковскихъ профессоровъ, какъ это видно изъ сравненія его отзывовъ, напр., о Кронебергѣ и Цыхѣ съ отзывами другихъ [2]).

Воспоминанія Костомарова относятся къ началу профессорской дѣятельности Лунина. Но то же говоритъ и Де-Пуле, знавшій Лунина уже въ концѣ его недолгаго поприща. „Лунинъ“, говоритъ онъ, „задался мыслью составить на русскомъ языкѣ обширный курсъ всеобщей исторіи, древней, средней и новой; по крайней мѣрѣ, каждую изъ этихъ частей онъ обработывалъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, которые совсѣмъ выходили изъ рамокъ студенческаго курса. Трудился онъ неутомимо во все время своего профессорства..., но успѣлъ окончить, сколько помнится, изъ древней исторіи до Пуническихъ войнъ, изъ средней—Крестовыми походами, а изъ новой—Вестфальскимъ миромъ“. Лунинъ не былъ ораторомъ. „Лекціи свои профессоръ читалъ по тетрадкѣ, читалъ довольно монотонно и нѣсколько искусственно, слабымъ голосомъ чахоточнаго человѣка; но этотъ голосъ повышался и привлекалъ къ себѣ вниманіе слушателей, по мѣрѣ того какъ оживлялся самъ лекторъ“. Изображеніе феодальной жизни и рыцарства—блистательнѣйшія изъ его лекцій, на которыя собирались толпы слушателей. „Изложеніе его лекцій было блестящее, языкъ ихъ отличался тѣмъ изяществомъ, которое уже послѣ Лунина проявилось въ нашей литературѣ,—въ произведеніяхъ И. С. Тургенева (sic) и писателей его школы, а въ историческихъ сочиненіяхъ—у Н. И. Костомарова, его ученика. Содержаніе Лунинскихъ лекцій до такой степени было полно, что историческія произведенія московскихъ ученыхъ, явившіяся позднѣе, для учениковъ Лунина не представляли ничего особеннаго. Все напи-

[1]) *Костомаровъ*, Литерат. наслѣдіе, стр. 22.
[2]) См. у *Д. И. Багалѣя*, II, 599 сл., 603 сл.

санное Лунинымъ могло бы составить 3—4 большихъ тома, листовъ въ 40 каждый"... „Мы съ Каченовскимъ" [1]), продолжаетъ Де-Пуле, „застали этого профессора уже въ концѣ его жизненнаго и ученаго поприща, когда онъ рѣдко являлся на лекціи, мало сближался съ студентами и еще меньше—съ обществомъ; но и тогда популярность его была громадна, и *имя его неразрывно связывалось съ именемъ Харьковскаго университета, какъ имя Грановскаго съ Московскимъ*". Можетъ быть ошибочное, но общее убѣжденіе было, замѣчаетъ тотъ же Де-Пуле, что курсы Лунина такой трудъ, который составитъ эпоху въ исторіи русской науки, что „Лунинъ обѣщалъ и сдѣлался бы непремѣнно вторымъ Карамзинымъ (по всеобщей исторіи), если бы не умеръ такъ рано" [2]).

Лунинъ читалъ не общій курсъ своего предмета, а преимущественно курсы спеціальные, обнимавшіе ту или другую эпоху, чрезвычайно подробные [3]). „Одно введеніе его въ исторію на 50 листахъ чего стоило!" замѣчаетъ одинъ изъ харьковскихъ студентовъ 40-хъ годовъ [4]).

Самъ Лунинъ не успѣлъ издать свои курсы, которые онъ, повидимому, подготовлялъ съ тѣмъ, чтобы напечатать впослѣдствіи; они остались не напечатанными, хотя хорошіе списки ихъ имѣлись у нѣкоторыхъ его слушателей, напримѣръ у его ученика и преемника по каѳедрѣ, проф. А. П. Рославскаго-Петровскаго, и у Г. С. Шведова (бывшаго потомъ директоромъ Второй Харьковской гимназіи); Рославскаго неразъ потомъ винили, что взявшись, по предложенію университета, издать записки Лунина, онъ не издалъ ихъ [5]).

Одинъ изъ курсовъ Лунина (правда, неполный), читанный въ 1840 г., былъ въ нашихъ рукахъ [6]). Это—объемистая тетрадь, болѣе 400 страницъ рукописи, содержащая начало сред-

[1]) Дм. Ив. Каченовскій—извѣстный профессоръ международнаго права въ Харьковскомъ университетѣ съ конца 40-хъ по 1872 г.

[2]) *Де-Пуле*, стр. 88—89, 93—94, 113.

[3]) *М. И. Сухомлиновъ*, стр. 45—46.

[4]) *Пащковъ* въ своихъ воспоминаніяхъ: „Идеализмъ и идеалисты сороковыхъ годовъ".

[5]) *Де-Пуле*, стр. 99; ср. бумаги *Г. С. Чирикова*.

[6]) За предоставленіе мнѣ этихъ записокъ приношу искреннюю благодарность Д. И. Багалѣю.

ней исторіи, или, точнѣе, введеніе въ нее, — въ томъ числѣ и тотъ отдѣлъ, который Костомаровъ отмѣчаетъ, какъ особенно выдававшійся въ лекціяхъ Лунина, — затѣмъ исторію англосаксовъ и общій взглядъ на Европу подъ конецъ XV столѣтія. Такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность *до нѣкоторой степени* провѣрить отзывы современниковъ Лунина и то впечатлѣніе, которое производили его лекціи. Поэтому я остановлюсь на содержаніи этого курса и, чтобы дать болѣе ясное понятіе о лекціяхъ Лунина, буду приводить по возможности его собственныя слова.

Курсъ начинается „вступительною лекціею въ исторію среднихъ вѣковъ“, читанною 17-го сентября 1840 г. Прежде всего, говоритъ Лунинъ, представляется вопросъ: гдѣ начинается исторія среднихъ вѣковъ? И Лунинъ развиваетъ тутъ мысль, что „исторія не дѣлаетъ внезапныхъ скачковъ; здѣсь нѣтъ пропастей, отдѣляющихъ фактъ отъ факта; въ ней все имѣетъ свои причины, свои дѣйствія, свою строгую постепенность. Каждый фактъ, каждую идею можно уподобить снопу, составленному изъ меньшихъ сноповъ, колосьевъ, которые тоже заключаютъ въ себѣ множество зеренъ. Никакая плодовитая идея не появляется внезапно, вдругъ; фактъ, идея зарождаются, образуются, растутъ постепенно, восходятъ медленно въ пространствѣ историческихъ временъ. Они суть результаты многихъ разнообразныхъ причинъ, сложныхъ, часто разностихійныхъ. Въ исторіи, какъ и въ природѣ физической, ничто не умираетъ“... Лунинъ бросаетъ краткій общій взглядъ на состояніе Европы въ XIV и XV ст. и переходитъ къ вопросу: „Какой интересъ имѣетъ исторія среднихъ вѣковъ для европейца вообще?“ По его мнѣнію, она представляетъ не одну только „сціентическую сторону“. Раздавались крики отъявленныхъ враговъ среднихъ вѣковъ; но будто благоразумные (sic; неблагоразумные?) восторги въ силѣ воскресить какой-нибудь институтъ этихъ вѣковъ! Энтузіазмъ къ среднимъ вѣкамъ опирается на болѣе прочныя основанія. Средніе вѣка суть колыбель новыхъ обществъ. Правда, они „наполнены недостатками“; но отыскивать одни недостатки въ какой-либо исторической эпохѣ и забывать ея прекрасныя стороны тоже несправедливо. И „средній міръ имѣлъ свои превосходства“: это „истинно колоссальный

источникъ великаго"! Лунинъ указываетъ на индивидуальность „средняго человѣка": тутъ—чувство собственной силы, чувство личности—могучее, воля—непоколебимая; въ средніе вѣка—вѣра безпредѣльная, всемогущая. Во время крестовыхъ походовъ вся Европа (западная) „вырывается изъ своихъ границъ" „не для корысти, не для завоеваній, но для искупленія Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ" (о другихъ мотивахъ болѣе матеріальнаго свойства Лунинъ при этомъ не упоминаетъ). Подобно тому, какъ позже Грановскій въ своей превосходной лекціи о Людовикѣ IX, Лунинъ приводитъ сказаніе о Св. Чашѣ, о Гралѣ, какъ характерное выраженіе духа среднихъ вѣковъ, и говоритъ о средневѣковой поэзіи, а въ заключеніе своей вступительной лекціи останавливается на архитектурѣ того времени, особенно характерной въ Германіи, гдѣ большею частью имена зодчихъ неизвѣстны: „средній человѣкъ мало заботился о своемъ имени; въ своемъ чистомъ смиреніи онъ не хотѣлъ передать его грядущимъ поколѣніямъ, скрывалъ его въ какомъ-нибудь темномъ уголкѣ необъятнаго зданія, и при всемъ томъ, съ какимъ безпредѣльнымъ самозабвеніемъ трудился онъ надъ сооруженіемъ этихъ храмовъ"!... Архитектоническое искусство въ Германіи—„безличное, обладаемое мистическимъ идеализмомъ". Но за предѣлами Германіи, во Франціи, въ Англіи, искусство теряетъ свой символическій характеръ, носитъ отпечатокъ болѣе реальный, „болѣе историческій, если угодно". Готическая архитектура достигла своего совершенства въ XII и XIII ст.; она современна эпохѣ высочайшаго развитія духовной власти, могущества папы. Но за этимъ періодомъ слѣдуетъ какъ-бы вторая молодость готической архитектуры, когда она облекается въ изысканныя, причудливыя прикрасы, „и разрумяненная шествуетъ гордо къ своему упадку, рука въ руку съ духовною властью, съ схоластическою ученостью среднихъ вѣковъ, съ феодализмомъ. Живопись и скульптура постепенно задушаютъ архитектуру".

За „вступительною лекціею" слѣдуетъ собственно „Введеніе въ исторію среднихъ вѣковъ", составляющее § 1 курса [1]).

По словамъ Лунина въ древности мы поражаемся присут-

[1]) Параграфы у Лунина равняются главамъ.

ствіемъ какого-то *единства*, которое проникаетъ, охватываетъ историческое проявленіе каждаго народа; каждая цивилизація древности условлена и основана одною идеею, однимъ даннымъ, которое, „какъ первородный свѣтъ, озаряетъ самыя отдаленныя отрасли общественной жизни“. „Можно положительно утверждать“, говоритъ Лунинъ, „что въ древнемъ мірѣ каждое общество было порождено, взлелѣяно, воспитано однимъ первообразомъ, однимъ живительнымъ началомъ, которое условило его религіозные и политическіе институты, его нравы, его обычаи, его вѣрованія, однимъ словомъ, его нравственное и политическое развитіе“. Слѣдуютъ примѣры: въ Индіи такимъ началомъ является *теократическое*, въ Египтѣ, по мнѣнію Лунина,—тоже; въ другихъ странахъ—господство завоевателей, начало силы; въ торговыхъ республикахъ — демократическое начало.

Результаты такой односложности различны: въ Греціи — быстрота развитія и паденія, въ Египтѣ и Индіи—„состояніе застойчивости и неподвижности“. „Односложность цивилизирующаго элемента породила однообразіе, какую-то вѣчную скуку; страна не погибла, человѣческое общество продолжало существовать долго, даже до нашихъ временъ, но въ состояніи неподвижности, какой-то чудной оцѣпенѣлости“. Этотъ характеръ единства проникъ и литературу, и всѣ созданія человѣческаго ума; это замѣчается даже въ Греціи „при непомѣрномъ изобиліи всѣхъ богатствъ человѣческаго ума“.

Совсѣмъ другое зрѣлище представляетъ намъ цивилизація новыхъ временъ, новой Европы. Она поражаетъ „разнообразіемъ, смѣшеніемъ, какимъ-то хаотическимъ безпорядкомъ“. „Всѣ формы, всѣ начала общественной организаціи здѣсь живутъ въ одно и то же время“, и эти разнородныя силы „находятся между собою въ состояніи постоянной, вѣчной борьбы, и ни одна изъ нихъ не въ состояніи заглушить прочихъ и завладѣть исключительно обществомъ“.

Въ идеяхъ и чувствахъ Европы то же разнообразіе, та же борьба, то же броженіе; тотъ же характеръ и въ литературахъ новыхъ народовъ. Отсюда проистекаетъ самое несовершенство формы. Вслѣдствіе того же каждая отдѣльная сторона развитія человѣческаго ума въ новыя времена стоитъ на низ-

шей ступени, нежели соотвѣтствующія стороны въ цивилизаціяхъ древности, но зато цивилизація новой Европы несравненно богаче, многостороннѣе, нежели какая-либо другая; она находится въ состояніи безпрерывнаго прогресса, и нельзя предвидѣть его предѣла. Наконецъ европейская цивилизація находится въ согласіи съ природою, „съ общими законами внѣшняго и внутренняго міра“, ибо и „во вселенной, въ природѣ, царствуетъ то же разнообразіе, та же сложность элементовъ, вѣчно сталкивающихся, вѣчно враждующихъ“.

Припомнимъ „Исторію цивилизаціи въ Европѣ“ Гизо и мы увидимъ, что весь этотъ параграфъ у Лунина, занимающій 12 рукописныхъ страницъ, есть почти дословное воспроизведеніе начала второй лекціи Гизо.

Въ заключеніе его Лунинъ ставитъ вопросъ: какіе элементы завѣщалъ древній міръ міру новому? И вотъ § 2 посвящается обзору „Состоянія Римской имперіи“. Здѣсь характеризуется политика Августа и его преемниковъ. Говоря о Траянѣ, при которомъ „миролюбивая система предшественниковъ была прервана“, Лунинъ касается тогдашнихъ войнъ; онъ отмѣчаетъ контрастъ между Адріаномъ и Антониномъ Піемъ, „хлопотливую дѣятельность“ перваго, путешествовавшаго по всѣмъ провинціямъ, и „свѣтлое душевное спокойствіе“ второго, „самыя отдаленныя путешествія котораго простирались отъ его дворца въ Римѣ до его уединенной Ланувійской виллы“. Онъ останавливается на вліяніи при Адріанѣ стоицизма, платонизма и порожденнаго на Востокѣ мистицизма и довольно подробно говоритъ о Фаворинѣ, этомъ „своего рода министрѣ народнаго просвѣщенія“, объ Арріанѣ и Плутархѣ. Затѣмъ, говоря о Маркѣ Авреліи, который былъ „воцарившійся стоицизмъ“, Лунинъ отмѣчаетъ переселеніе германцевъ въ римскія провинціи, вслѣдствіе чего „вѣковыя плотины были прорваны, варвары стали уже твердою ногою на владѣнія имперіи и вскорѣ черными волнами хлынули на слабоохраняемое наслѣдство кесарей“; по поводу принятія многочисленныхъ толпъ варваровъ на службу онъ останавливается на перемѣнахъ въ составѣ римскаго войска; говоритъ о томъ, какъ при императорахъ различіе между римлянами, господствующимъ народомъ, и провинціалами, покоренными племенами, постепенно сгла-

живалось,—процессъ, довершенный Каракаллой. Но „мнимыя выгоды“ римскаго гражданства „были совершенно уничтожены гнусною расточительностью деспота“, и Лунинъ переходитъ къ „древнимъ данямъ и новымъ налогамъ“; вообще онъ считаетъ слѣдствія дарованія гражданства всѣмъ провинціаламъ неблагопріятными, а въ концѣ параграфа указываетъ на господство солдатчины.

§ 3 посвященъ городамъ и устройству римскихъ провинцій. Повторяя слова Гизо [1]), Лунинъ говоритъ, что Римъ, при своемъ рожденіи,—municipium; римское правительство—система учрежденій и узаконеній, которая приличествуетъ народонаселенію, заключенному въ стѣнахъ города, или, другими словами,—система постановленій муниципальныхъ, и это свойственно не одному Риму, но и остальной Италіи. То, что называлось народами, было конфедераціей городовъ или муниципій. Деревень и селъ въ нашемъ смыслѣ не было; владѣльцами земли были жители городовъ. Лунинъ характеризуетъ римскія завоеванія, которыя на Западѣ были вмѣстѣ съ тѣмъ основаніемъ множества городовъ. Частью словами Гизо, частью нѣсколько пространнѣе, онъ говоритъ о муниципальномъ характерѣ римскихъ памятниковъ, о развитіи централизаціи, деспотизма и чиновничьей іерархіи, какъ системы, способствовавшей „соединенію и сплоченію противоборствовавшихъ элементовъ римскаго міра“.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній Лунинъ обращается къ внутреннему устройству городовъ и начинаетъ съ Италіи. Изложеніе его здѣсь очень подробное. Онъ неразъ ссылается на законодательные памятники (напр. Ѳеодосіевъ кодексъ), на Савиньи, Рота и т. д. Особенное вниманіе обращаетъ Лунинъ на двѣ стороны муниципальнаго общества: на народъ и сенатъ этихъ республикъ и на ихъ магистратуры. Онъ слѣдитъ за переходомъ правъ отъ народа къ сенату, по аналогіи съ тѣмъ процессомъ, который наблюдался въ самомъ Римѣ; подробно объясняетъ избраніе магистратовъ и, ссылаясь на *Roth'a* [2]), отмѣчаетъ разницу между двумя моментами—nomi-

[1]) Ср. „Исторію цивилизаціи въ Европѣ“, рус. пер. С.-Пб. 1864, стр. 25.
[2]) De re municip. Romanorum. Stuttg. 1801.

natio и creatio, что̀, по его словамъ, упускалось часто изъ виду и вело къ ложному пониманію; характеризуетъ тяжелое положеніе декуріоновъ, преимущественно словами „уложенія Ѳеодосія“ (Cod. Theodos.); главную причину онъ видитъ впрочемъ „не въ узаконенной конституціи городовъ, но въ произвольномъ деспотическомъ исполненіи законовъ, такъ что ни одно зло изъ временъ римской республики не перешло въ такой полной силѣ въ эпоху имперіи, какъ притѣсненія и безконечное разбойство римскихъ проконсуловъ и намѣстниковъ въ провинціяхъ“. Извѣстно, напримѣръ, что декуріоны принуждены были пополнять изъ своего собственнаго имѣнія всѣ недоимки при взысканіи податей. „При всемъ томъ“, замѣчаетъ Лунинъ, „эта несправедливость имѣла еще видъ какого-то порядка, какой-то законности; но сколько подобныхъ безстыдныхъ несправедливостей и насильствъ со стороны намѣстниковъ и легіона голодныхъ чиновниковъ подавляло провинціи и города, которыя“ (несправедливости и насильства) „оставались въ неизвѣстности, которыя никогда не достигали до свѣдѣнія императоровъ или которымъ послѣдніе не въ состояніи были уже воспротивиться по своей слабости! Но что всѣ эти притѣсненія и насильства падали преимущественно на главы представителей общинъ, слѣдовательно на сенаторскія фамиліи, и что только низшее незамѣчаемое состояніе людей могло доставлять нѣкоторую безопасность противъ корыстолюбія и деспотизма чиновниковъ,— это уже согласно со свойствомъ каждаго разстроеннаго общественнаго порядка“. Обращаясь къ вопросу, какимъ образомъ былъ замѣщаемъ муниципальный совѣтъ, Лунинъ замѣчаетъ, что первоначально „званіе сенатора (декуріона) было почетное, привилегированное, и дѣло шло о томъ, *кто былъ въ правѣ достигнуть подобной чести*, а впослѣдствіи, при совершенно измѣнившихся отношеніяхъ, измѣнился и вопросъ,—спрашивалось: *кто обязанъ страдать отъ этого зла?*“

Лунинъ подробно перечисляетъ разныя магистратуры, кончая канцелярскими чиновниками; при этомъ онъ проводитъ аналогію съ римскими магистратами, ссылается иногда на свидѣтельство надписей и т. п.

Обзоръ устройства *провинцій* Лунинъ начинаетъ замѣча-

ніемъ, что устройство это „для насъ еще не совсѣмъ ясно: многія отношенія для насъ еще загадочны, и этотъ важный предметъ еще мало обработанъ“. Сказавъ о внутреннемъ устройствѣ городовъ, онъ обращается къ императорскимъ намѣстникамъ, коимъ были подчинены эти города, и къ дѣленію римской имперіи (при Константинѣ В.) на префектуры, діоцезы, провинціи.

Далѣе Лунинъ разсматриваетъ систему римскихъ финансовъ, говоритъ о бюджетѣ, налогахъ—о поземельной подати, о тѣхъ повинностяхъ, которыя лежали на неимѣвшихъ земельной собственности — купцахъ, ремесленникахъ и т. д. „Почтенный купецъ александрійскій, который привозилъ съ береговъ Индіи драгоцѣнные каменья и пряные коренья и снабжалъ ими западныя провинціи Рима; лихоимецъ, который стяжалъ съ своего капитала спокойный, но безчестный, по римскимъ понятіямъ, доходъ; трудолюбивый ремесленникъ, искусный механикъ, малозамѣтный откупщикъ какой-нибудь конфискованной деревушки, даже непотребныя привилегированныя женщины,—всѣ безъ исключенія должны были дѣлить свои барыши съ императоромъ и легіономъ хищныхъ чиновниковъ“. Лунинъ характеризуетъ въ концѣ этого обзора „произвольную систему распредѣленія налоговъ и тираническій способъ“ ихъ взиманія.

Отъ состоянія римскихъ провинцій въ IV и началѣ V стол. послѣ Р. Х. Лунинъ переходитъ къ *распространенію христіанства въ Римской имперіи*, что составляетъ § 4 его курса. Онъ характеризуетъ нравственное состояніе римскаго общества, упадокъ политеизма, являвшагося уже „бездыханнымъ призракомъ“, котораго ничто уже не могло оживить. „Сластолюбивый міръ древней миѳологіи, со всѣмъ развратомъ человѣческой чувственности, слѣпое мишурное игралище поэзіи, переставъ уже быть религіею! и могли ли быть предметомъ религіознаго вѣрованія боги Овидія? боги циническіе, преступные, со всѣми слабостями и пороками послѣдняго изъ человѣковъ?— Часто возобновляемый безъ успѣха дряхлый паганизмъ имѣлъ еще въ Римской имперіи многочисленныхъ приверженцевъ, но раздробленныхъ уже на партіи... Всеобщій скептицизмъ, который оставили по себѣ падшія вѣрованія паганизма; неистовства

магіи, философскія и религіозныя секты, размножившіяся по всей Европѣ, Азіи и Африкѣ, лучи образованности, проникшіе уже въ низшіе классы народа; безчисленное множество рабовъ и невольниковъ, разсѣянное во всѣхъ провинціяхъ имперіи; атеизмъ вельможъ и грубое безвѣріе народной толпы; однимъ словомъ, все призывало, все требовало необходимость общаго переворота, и этотъ переворотъ совершился.

„Въ то время, когда царственный домъ кесарей, утомленный безчисленными побѣдами и тріумфами, покоился на лонѣ всеобщаго мира; когда весь древній міръ погрузился въ упоеніе сладострастія, въ соблазны роскоши; когда нравственность издыхала; когда идеи Сократа терялись въ заглушающемъ шумѣ страстей; когда народъ, удрученный рабствомъ, съ трудомъ носилъ свои окровавленныя цѣпи и когда мудрецъ, не находя уже утѣшенія въ разногласныхъ химерахъ человѣческаго мудрствованія и съ болѣзненнымъ чувствомъ душевной пустоты, подымалъ свои взоры къ небу, смотрѣлъ на Востокъ и ожидалъ,—въ эти минуты общаго духовнаго упадка въ незамѣтномъ уголкѣ Азіи родился Богочеловѣкъ, проповѣдывалъ, страдалъ и умеръ смертью преступника. Но онъ завѣщалъ своимъ ученикамъ непоколебимую вѣру и пламенный героизмъ!“

И Лунинъ говоритъ далѣе о проповѣди христіанства, о христіанскихъ обществахъ на Востокѣ, о христіанской конгрегаціи въ Римѣ, гдѣ „безпрерывный и безконечный стокъ иностранцевъ и провинціаловъ сливался въ пространное лоно римской столицы; римлянинъ и иностранецъ, бѣдный и богатый, преступникъ и невинный могъ надѣяться въ незамѣченной неизвѣстности безконечнаго города найти безопасное жилище или скрыться отъ преслѣдованія законовъ; при этомъ разнообразномъ стеченіи народовъ каждый проповѣдникъ истины или лжи, каждый основатель благонамѣреннаго или преступнаго общества могъ легко умножить число своихъ учениковъ или своихъ соучастниковъ“. Говоря затѣмъ о распространеніи христіанства въ западныхъ и сѣверныхъ провинціяхъ, Лунинъ отмѣчаетъ рѣзкую противоположность „между медленными успѣхами Евангелія въ холодномъ климатѣ Галліи“ и „пламеннымъ энтузіазмомъ, съ которымъ христіанское ученіе принято было на знойныхъ равнинахъ и пескахъ Африки“.

Въ слѣдующемъ § 5 рѣчь идетъ о *главныхъ эпохахъ гоненій на христіанъ*. „Мудрая десница Провидѣнія", такъ начинается этотъ параграфъ, „наложила таинственный покровъ на младенчество христіанской церкви и ея послѣдователей, который прежде, нежели вѣра христіанъ возросла и возмужала и число послѣднихъ размножилось во всѣхъ частяхъ римскаго міра, защитилъ юное растеніе въ тѣни неизвѣстности противъ разрушительной злобы и поруганія приверженцевъ дряхлаго паганизма. Медленное и только постепенное отступленіе отъ Моисеевыхъ обрядовъ скрывало первыхъ прозелитовъ Евангелія подъ общимъ именемъ еврейскаго народа" [1]). Указывается на ненависть еврейской синагоги къ христіанамъ и на отношеніе къ нимъ римскаго правительства; разсказывается о первомъ гоненіи (при Неронѣ), при чемъ цитируются слова Тацита. Говорится затѣмъ о второмъ гоненіи (при Домиціанѣ), о дальнѣйшемъ отношеніи какъ римскаго правительства, такъ и народа къ христіанамъ, о рядѣ апологій христіанъ, о религіозномъ синкретизмѣ, цитируются свидѣтельства источниковъ (напр слова Евсевія), а переходя къ гоненію при Діоклетіанѣ, Лунинъ „для лучшаго уразумѣнія" его считаетъ необходимымъ сказать предварительно о политическомъ состояніи имперіи. Параграфъ о гоненіяхъ заканчивается Константиномъ и его эдиктомъ.

Далѣе, въ § 6, Лунинъ говоритъ о *внутреннемъ управленіи церкви и о расколахъ*.

По поводу синодовъ высказывается предположеніе, что образцами для нихъ послужили, можетъ быть, собранія амфиктіоновъ и союзъ 12 ахейскихъ городовъ въ древней Греціи [2]). Лунинъ старается выяснить общія и особыя причины появленія ересей и расколовъ. Обзоръ важнѣйшихъ изъ ересей и расколовъ онъ считаетъ необходимымъ „для вѣрнѣйшей оцѣнки дальнѣйшаго развитія человѣчества среднихъ вѣковъ" и онъ переходитъ къ такому обзору, подробнѣе всего останавливаясь на гностицизмѣ, при чемъ приводитъ литературу вопроса и

[1]) Ср. *Гиббонъ*, Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи. М. 1883, II, 105.

[2]) Ср. *Гиббонъ*, II, 57, и *Neander*, Allgem. Gesch. d. christlich. Religion und Kirche. Hamb. 1826, I, 212.

Харьковск. О-во Взаимопомощи

касается воззрѣній ученыхъ на его происхожденіе (мнѣнія Мосгейма, Неандера, Левальда, Гизелера, Мюллера); высказавъ „самое правдоподобнѣйшее мнѣніе относительно происхожденія гностицизма“, Лунинъ излагаетъ сущность этого послѣдняго.

Это — одинъ изъ примѣровъ того, какъ иногда просто и ясно умѣлъ онъ излагать, а потому я приведу его слова. „Основное содержаніе гностицизма“, говоритъ Лунинъ, „было слѣдующее. Въ неприступномъ лучезарномъ свѣтѣ обитаетъ вѣчное, совершенное, неизмѣнное существо, начало всего видимаго и невидимаго. Это верховное существо сотворило цѣлый рядъ могучихъ духовъ, эоновъ, подобныхъ ему самому и какъ отдѣльныхъ эманацій или лучей его свѣта. Но не всѣ эти эоны получили равныя силы и преимущества. Человѣческая душа, какъ часть Божества, есть также эманація верховнаго существа, но не проистекающая уже непосредственно отъ него, но созданная однимъ изъ подобныхъ эоновъ. Она есть уже не чистый лучъ Божества, но часть онаго, запятнанная уже злымъ началомъ, которое постоянно стремится покорить ее своему владычеству. Чувственный міръ образуетъ рѣзкую противоположность съ Божественнымъ. Онъ не созданъ самимъ Богомъ, но управляется первобытнымъ злымъ и богопротивнымъ началомъ; или этотъ чувственный міръ созданъ съ согласія добраго начала, для управленія падшими эонами свѣта. Чувственный міръ такимъ образомъ состоитъ подъ непосредственнымъ владычествомъ злого начала и цѣлое управляется въ послѣдней инстанціи верховнымъ существомъ и подвластными ему духами или эонами, такъ что высокое въ человѣкѣ освобождается наконецъ отъ владычества зла и соединяется снова съ царствомъ свѣта“... Главная цѣль гностиковъ „состояла въ томъ, чтобы найти отвѣтъ на вопросъ: *откуда происходитъ зло*“?

Лунинъ касается также отдѣльныхъ вѣтвей или сектъ гностицизма. Останавливается подробно онъ и на сектѣ манихеевъ, приводитъ греческія и восточныя извѣстія относительно ея начала и родоначальника, обстоятельно и ясно излагаетъ ученіе манихеевъ. Потомъ Лунинъ упоминаетъ о главнѣйшихъ расколахъ, возникшихъ въ нѣдрахъ самого христіанства; здѣсь рѣчь идетъ и объ Аріи; подробно излагаются постановленія Никей-

скаго собора. Въ заключеніе обзора ересей и расколовъ Лунинъ говоритъ о донатистахъ.

На этомъ обрывается первый отдѣлъ записокъ. Но кромѣ него имѣется, какъ упомянуто, еще другой отдѣлъ, содержащій нѣсколько параграфовъ (именно § 21, 48—52), посвященныхъ подробной, фактической исторіи англо-саксовъ отъ водворенія ихъ въ Британіи до завоеванія Англіи Вильгельмомъ и занимающихъ 123 писанныхъ страницы. Есть еще отрывокъ—повидимому изъ другого курса Лунина, — переплетенный въ ту же тетрадь. Это—„Общій взглядъ на Европу подъ конецъ XV стол.“. Тема—та же, что̀ и въ пробной лекціи Лунина, напечатанной въ *Жур. Мин. Нар. Просв.*, на которой мы уже останавливались при обзорѣ его печатныхъ трудовъ; но изложеніе нѣсколько иное.

Лунинъ, какъ мы видѣли, читалъ преимущественно курсы спеціальные. Такимъ представляется и только-что разсмотрѣнный нами курсъ, чрезвычайно обстоятельный, подробный, съ обширнымъ матеріаломъ, обнимавшій не столько внѣшнюю, сколько внутреннюю исторію, и притомъ хорошо продуманный и превосходно изложенный.

Но насколько онъ былъ самостоятеленъ и оригиналенъ?

Мы уже упоминали, что Лунинъ, говоря о единствѣ, какъ характерной чертѣ цивилизаціи древности, и разнообразіи, отличающемъ новыя времена, въ сущности воспроизводитъ начало второй лекціи Гизо въ его „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ“. Насколько близко здѣсь сходство, можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія:

Лунинъ.

„Совсѣмъ другое зрѣлище представляетъ намъ цивилизація новыхъ временъ, цивилизація новой Европы. Стоитъ только окинуть взоромъ цивилизацію новѣйшихъ народовъ, чтобы поразиться ея разнообразіемъ, ея смѣшеніемъ, какимъ-то хаотическимъ безпорядкомъ. Всѣ формы, всѣ начала общественной организаціи здѣсь живутъ въ одно и то же время; здѣсь власть духовная и свѣтская, элементы

Гизо.

„Совершенно иначе развивалась цивилизація новой Европы. Оставляя въ сторонѣ всѣ подробности, вглядитесь въ нее, соберите ваши воспоминанія,—она тотчасъ же явится предъ вами разнообразною, нестройною, бурною; въ ней существуютъ одновременно всѣ формы, всѣ начала общественной организаціи: духовная и свѣтская власть, элементы теократическій, монархи-

теократическіе, монархическіе, аристократическіе, народные, всѣ классы, всѣ общественныя положенія сталкиваются въ безчисленныхъ переливахъ; богатство, вліяніе, самостоятельность тѣснятся въ безконечныхъ переходахъ и постепенностяхъ. И эти разнородныя силы находятся между собою въ состояніи постоянной, вѣчной борьбы, и ни одна изъ нихъ не въ состояніи заглушить прочихъ и завладѣть исключительно обществомъ. Въ древнія времена во всякую замѣчательную эпоху всѣ человѣческія общества кажутся какъ бы внезапно вылитыми изъ одной формы; здѣсь преобладаетъ то чистая монархія, то теократія, то демократія, но каждая изъ нихъ въ свою очередь преобладаетъ исключительно, самостоятельно. Новая Европа представляетъ примѣры всѣхъ системъ, такъ сказать, всѣхъ опытовъ общественной организаціи“ и т. д.

ческій, аристократическій, демократическій, всѣ классы, всѣ состоянія общества смѣшаны между собою и тѣснятся другъ подлѣ друга, вездѣ представляются до безконечности разнообразныя степени свободы, богатства, вліянія. И всѣ эти силы находятся въ состояніи вѣчной борьбы, при чемъ ни одна изъ нихъ не одерживаетъ рѣшительнаго перевѣса надъ прочими, не овладѣваетъ безусловно обществомъ. Въ древнія времена каждая великая эпоха какъ бы отливала всѣ общества по одной и той же формѣ; преобладаніе принадлежало то чистой монархіи, то теократіи или демократіи, — но господство каждой изъ нихъ было всегда исключительно, полно. Новая Европа представляетъ образцы всѣхъ системъ, всѣхъ попытокъ общественной организаціи“ и т. д. („Исторія цивилиз. въ Европѣ“. Пер. К. Арсеньева. Изд. 2-е, С.-Пб., 1864, стр. 22 сл.).

Чтобы не увеличивать чрезмѣрно выписокъ, мы пропускаемъ слѣдующія затѣмъ строки, гдѣ тоже находимъ почти дословныя совпаденія. Въ другихъ случаяхъ — сходство нѣсколько болѣе отдаленное, напримѣръ тамъ, гдѣ говорится о Римѣ, какъ муниципіи, о муниципальномъ характерѣ римскихъ памятниковъ и развитіи централизаціи [1]).

Далѣе, нѣкоторыя мѣста курса Лунина напомнили намъ Гиббона; мы сличили и дѣйствительно оказалось близкое, почти дословное сходство. Напр., начало параграфа, описывающаго состояніе Римской имперіи, у Лунина соотвѣтствуетъ начальнымъ строкамъ знаменитой „Исторіи упадка и разрушенія Римской имперіи“. Страницы, касающіяся Британіи, въ этомъ отдѣлѣ курса заимствованы Луниным большею частью у Гиббона. То же можно сказать и относительно страницъ, на которыхъ говорится о покореніи Даціи при Траянѣ. Самая харак-

[1]) См. *Гизо*, Ист. цив. въ Евр., стр. 25 - 27.

теристика Адріана и Антонина Пія взята у Гиббона. Начало § 5, гдѣ говорится о томъ, какъ младенчество церкви защищено было покровомъ неизвѣстности, соотвѣтствуетъ словамъ Гиббона (рус. пер., II, 105). — Говоря о гоненіи на христіанъ при Неронѣ, Лунинъ приводитъ слова Тацита и по поводу ихъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: Тацитъ, подобно Плинію Младшему, ошибался, потому что оба не понимали христіанскаго ученія. „Но для того, кто преслѣдуетъ внимательно перевороты человѣческаго рода, можетъ быть неизлишне замѣтить, что сады и циркъ Нерона на холмѣ Ватиканскомъ, которые были упитаны кровію первыхъ христіанъ, содѣлались болѣе извѣстными побѣдою и торжествомъ гонимой религіи. На томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ страдали первые мученики, былъ впослѣдствіи христіанскими первосвященниками воздвигнутъ храмъ, который далеко превзошелъ древнюю славу и древнее великолѣпіе Капитолія, и на обломкахъ престола кесарей возникъ престолъ наслѣдниковъ св. Петра, распространившихъ постепенно свое духовное владычество во всѣхъ частяхъ земного шара“. Въ сущности это есть повтореніе замѣчанія Гиббона по поводу того же свидѣтельства Тацита (русск. пер., II, 110—111).

Поэтому есть основаніе думать, что и въ другихъ случаяхъ Лунинъ очень близко придерживался тѣхъ сочиненій, которыя ему въ томъ или другомъ случаѣ служили источникомъ.

Но, не говоря уже о томъ, что мы не знаемъ, насколько точно и полно наши записки передаютъ слова профессора (нѣкоторыя, напр., его ссылки и указанія могли быть въ нихъ пропущены), необходимо имѣть въ виду, во-первыхъ, то, что лекціи — не изслѣдованіе, не монографія; тутъ важно, какъ комбинируются самыя заимствованія; во-вторыхъ, курсъ Лунина долженъ быть разсматриваемъ съ точки зрѣнія 30-хъ годовъ: въ тѣ времена профессора прямо читали по тому или другому руководству или сочиненію; Лунинъ же для своего курса пользовался не однимъ какимъ-либо сочиненіемъ, а многими, не только Гизо или Гиббономъ, но и Савиньи, Ротомъ, Неандеромъ и другими и даже источниками.

Въ общемъ мы приходимъ къ заключенію, что курсъ Лунина — по крайней мѣрѣ, тотъ, который имѣлся въ нашихъ

рукахъ, — не составилъ бы, разумѣется, эпохи въ *исторіи науки*, какъ думали современники; онъ не былъ вполнѣ самостоятеленъ, не пролагалъ новыхъ путей, но онъ стоялъ на высотѣ тогдашней науки и по своему содержанію и изложенію являлся для своего времени во всякомъ случаѣ курсомъ рѣдкимъ, выдающимся.

IV.

Обращаясь къ характеристикѣ Лунина, какъ историка, мы должны отмѣтить, что это былъ истый питомецъ нѣмецкой школы [1]), вооруженный всею современною ему ученостью, полученною имъ въ германскихъ университетахъ [2]), гдѣ онъ два года слушалъ лекціи, — „человѣкъ науки, терпѣнія и труда", по выраженію Де-Пуле, „нерусскаго, тѣмъ менѣе украинскаго" [3]).

Прежде всего бросается въ глаза громадная *эрудиція* Лунина. Она обнаруживается въ сохранившихся наброскахъ или записяхъ его лекцій и въ печатныхъ трудахъ; но особенно, говорятъ, проявлялась она на диспутахъ [4]). Въ основѣ статей и курсовъ Лунина лежали не одни пособія, не одна новая литература, но и *источники*, что для того времени у насъ въ Россіи, въ частности въ Харьковѣ, было еще рѣдкостью, исключеніемъ. Говорили, что для лекцій по исторіи Греціи Лунинъ внимательно перечиталъ всего Пиндара и другихъ поэтовъ, дѣлая на поляхъ свои замѣчанія [5]). Онъ имѣлъ прекрасную филологическую подготовку, полученную имъ еще въ Дерптѣ: онъ хорошо зналъ греческій языкъ, не говоря уже о латинскомъ и о новыхъ языкахъ. Его считали даже полиглоттомъ: какъ говорятъ, ему знакомы были всѣ литературы, древнія, ново-европейскія, азіатскія, кромѣ, кажется, славянскихъ [6]).

Лунинъ знакомъ былъ, хотя, конечно, и не въ одинаковой мѣрѣ, со всѣми отдѣлами всеобщей исторіи: его знанія

---

[1]) *М. И. Сухомлиновъ*, стр. 45.
[2]) *Н. И. Костомаровъ*, стр. 22.
[3]) Вѣстн. Евр., 1874, янв., стр. 113.
[4]) *Де-Пуле*, стр. 88.
[5]) *М. И. Сухомлиновъ*, стр. 45—46.
[6]) *Де-Пуле*, стр. 88.

охватывали Востокъ и античный міръ, средніе и новые вѣка, и это давало ему возможность дѣлать—иногда смѣлыя—сближенія и сопоставленія. Въ статьѣ объ Индіи онъ сравниваетъ борьбу духовной власти со свѣтскою на Востокѣ, у индусовъ, и на средневѣковомъ Западѣ [1]). Законы Ману напоминаютъ ему „подложныя декреталы ложнаго Исидора или Псевдо-Исидора“ [2]). Развивая положеніе, что за теократической системой повсюду слѣдуютъ колоссальныя произведенія архитектуры и скульптуры, съ религіознымъ характеромъ, и что во всѣхъ странахъ, гдѣ мы находимъ остатки подобныхъ памятниковъ, исторія встрѣчаетъ слѣды іерархическаго владычества, Лунинъ приводитъ разнообразные примѣры, не исключая и Іерусалимскаго храма [3]). Въ статьѣ объ исторіографіи древняго Востока онъ сравниваетъ Китай въ одинъ изъ періодовъ его исторіи (съ VIII столѣтія до Р. Хр.) съ феодальною Европою, восточную исторіографію сопоставляетъ—для контраста—съ западною и т. д.

Эта эрудиція, тотъ обширный матеріалъ, который Лунинъ вводилъ особенно въ свои курсы, конечно, подавлялъ бы слушателей и читателей, если бы этотъ матеріалъ былъ нагроможденъ въ сыромъ видѣ, если бы онъ не былъ надлежащимъ образомъ изложенъ, сгруппированъ, осмысленъ и освѣщенъ нѣкоторыми руководящими идеями. Де-Пуле причисляетъ Лунина къ школѣ историковъ-живописцевъ, представителемъ которой во Франціи былъ Барантъ [4]). Правда, Лунинъ любилъ „живописать“, картинно изображать ту или другую эпоху, явленіе, памятникъ; но онъ никогда не ограничивался „живописаніемъ“. Еще больше онъ стремился къ осмысленію и обобщенію фактовъ, и онъ несомнѣнно обладалъ обобщающею мыслью, что̀ проявляется и въ его печатныхъ статьяхъ.

Хотя и питомецъ нѣмецкой школы, но, какъ мы видѣли, Лунинъ въ значительной мѣрѣ усвоилъ взгляды французскаго

---

[1]) См. выше, стр. 264.

[2]) *Жур. Мин. Нар. Просв.*, 1837, іюль, стр. 38.

[3]) См. выше, стр. 264.

[4]) Стр. 88. Впрочемъ, самъ Де-Пуле признаетъ, что Лунинъ умѣлъ избѣжать крайности упомянутой школы и „являлся столь же искуснымъ прагматикомъ, какъ и живописцемъ“ (стр. 88—89).

историка Гизо. Но еще сильнѣе на немъ сказалось вліяніе Гегеля. По своимъ историко-философскимъ воззрѣніямъ Лунинъ былъ въ сущности гегеліанцемъ; недаромъ онъ слушалъ лекціи въ Берлинѣ, гдѣ тогда царила Гегелевская философія. Касаясь, напримѣръ [1]), утраты итальянскими республиками независимости и превращенія ихъ въ отдѣльныя „единодержавныя государства", Лунинъ ссылается на „высшіе законы *діалектики исторіи*", коимъ эти республики покорились. Въ „Нѣсколькихъ словахъ о римской исторіи" общій ходъ историческаго развитія въ древности объясняется въ сущности съ точки зрѣнія Гегелевской философіи исторіи. А въ статьѣ: „Взглядъ на исторіографію древнѣйшихъ народовъ Востока", Лунинъ много разъ прямо цитируетъ или ссылается на Гегеля [2]) и не только на его „Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte", но и на „Vorlesungen über die Aesthetik". Приведенная уже раньше [3]) цитата изъ этой статьи, гдѣ Лунинъ перечисляетъ „главнѣйшія причины, преломлявшія искони на Востокѣ объективный міръ историческихъ данныхъ въ субъективности дѣеписателя", носитъ явные слѣды вліянія Гегелевской философіи.

Лунинъ стремился проникнуть въ основной смыслъ исторической эпохи или явленія, въ основную ихъ идею. Употребляя его собственное выраженіе—по поводу перехода средней исторіи къ новой,—онъ, не ограничиваясь внѣшнею стороною, внѣшней оболочкой, скрывающей отъ насъ душу, старается проникнуть во внутреннюю сторону, напр., новой исторіи, старается заговорить съ нею, сродниться съ ея истинною идеею. Историкъ, по его словамъ, долженъ отыскивать идею каждой эпохи [4]); внѣшнія явленія и формы исторической жизни—это только инкарнація одной общей идеи, которая условливаетъ эту жизнь и есть ея творческій первообразъ.

Особенно, какъ мы видѣли, проявляется обобщающая мысль Лунина въ „Нѣсколькихъ словахъ о римской исторіи".

Лунинъ видѣлъ въ исторіи дѣйствіе вѣчныхъ, постоянныхъ

---

[1]) Въ своей лекціи „Переходъ средней исторіи къ новой"... (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1835, іюль). См. выше, стр. 257 сл.

[2]) „Москвитянинъ", 1842, ч. IV, стр. 290, 291, 294, 296, 305, 311, 313.

[3]) При обзорѣ печатныхъ трудовъ Лунина, см. выше стр. 265.

[4]) Рѣчь: „О вліяніи Вальтера Скотта...", стр. 15.

законовъ. Напримѣръ, уподобляя всемірныя монархіи Востока исполинскимъ рѣкамъ Азіи, которыя „быстры, обширны, величественны“ во время таянія снѣговъ и „застойны, мелки, однообразны, когда прекращается источникъ ихъ роста и жизни“, онъ говоритъ: „Эти причины роста и паденія вѣчны и неизмѣнны, подобно какъ вѣчны и неизмѣнны причины рожденія, расширенія и упадка восточныхъ государствъ“ [1]). Или: „Римъ покорился законамъ необходимости“ [2]). Въ статьѣ объ Индіи, говоря о томъ, какъ съ распространеніемъ общества изъ массы народа выдѣляется особый классъ жрецовъ, Лунинъ замѣчаетъ: „Вездѣ одни и тѣ же постоянные законы“. Вообще въ этой статьѣ онъ, какъ мы видѣли, въ началѣ почти каждой главы или параграфа формулируетъ общій законъ или правила, наблюдаемые въ исторіи человѣчества.

Но Лунинъ былъ противъ „отвлеченностей“, обезличивающихъ эпохи, народы, явленія. Съ этой точки зрѣнія онъ осуждалъ „философическую школу“, у коей историческій элементъ составлялъ „только раму для длинныхъ разсужденій о религіи, правахъ, законахъ, которыхъ никто не понималъ или не хотѣлъ понимать: все обсуживалось съ гордой высоты философіи XVIII ст., все попалялось огнемъ скептицизма: казалось, что писатель смотрѣлъ на исторію, какъ на удобное средство къ изложенію своихъ собственныхъ мыслей, своихъ политическихъ и религіозныхъ правилъ, къ исповѣданію своего холоднаго матеріализма“ [3]). Лунинъ стоялъ за приданіе каждому вѣку и народу отличительной и индивидуальной физіономіи, за сохраненіе мѣстнаго и временнаго характера, колорита. „Историкъ“, говоритъ онъ въ своей рѣчи о вліяніи Вальтера Скотта на изысканія по части среднихъ вѣковъ, „подобно Іезекіилу [4]) въ его таинственномъ пророческомъ видѣніи, поставленъ на всемірномъ кладбищѣ минувшихъ поколѣній: предъ нимъ разбросаны полуистлѣвшія кости народовъ, скошенныхъ рукою вѣковъ“, и по велѣнію историка кости подымутся изъ гробовъ,

[1]) „Нѣск. словъ...“, стр. 412.

[2]) Ibid., стр. 411.

[3]) „О вліяніи Вальтеръ Скотта“..., стр. 13—14.

[4]) Эпиграфомъ къ этой рѣчи Лунинъ избралъ именно слова Іезекіила, 37, 1: „И постави мя среди поля, се же бяше полно костей человѣческихъ“.

образуется скелетъ и плоть. Но этого мало: историкъ долженъ вдохнуть душу. И вотъ, „предъ нимъ толпятся уже народы, цѣлыя царства возстали изъ могильнаго праха. Но здѣсь еще все въ смѣшеніи“. Тогда историкъ долженъ „приступить къ великому анализу“; онъ „отдѣлитъ племя отъ племени, поколѣніе отъ поколѣнія, народъ отъ народа, вѣкъ отъ вѣка“, и „народы облекутся въ свою отличительную одежду, въ свои отличительныя формы, заговорятъ своимъ языкомъ; вѣка примутъ свою индивидуальную физіономію; и духъ временъ, идеи и понятія каждаго поколѣнія засквозятъ подъ прозрачною оболочкою; и тогда-то совершится великое воскресеніе!“ [1]).

На „важный“, по выраженію самого Лунина, вопросъ: „что входитъ въ объемъ истинной и полной исторіи?“ онъ отвѣчаетъ: „По нашему мнѣнію, исторія проникаетъ все, и мраморъ, и холстъ, и пергаментъ, и шелкъ, и домашнюю утварь: ея отголосокъ слышенъ и въ тысячелѣтнихъ сводахъ рыцарскаго замка, и въ развалинахъ древняго аббатства, и въ гордыхъ стѣнахъ великолѣпнаго ратсгауза; она говоритъ намъ въ обломкахъ древней колонны, и въ торсѣ Бельведерскаго Геркулеса, и въ застольномъ кубкѣ феодальнаго владѣльца; она отражается и въ картинахъ Джіотто и Альбрехта Дюрера, и въ убогой одеждѣ смиреннаго пилигрима, и въ тяжелыхъ латахъ крестоваго воина: она, такъ сказать, питается этою живительною атмосферою,—и въ ней-то историкъ долженъ отыскивать идею каждой эпохи, преслѣдовать ее и освобождать ее отъ разнородныхъ частей; однимъ словомъ: внѣшнія формы жизни каждаго человѣчества, каждаго вѣка, суть только инкарнація одной общей идеи, которая условливаетъ эту жизнь, и безъ знакомства съ этими внѣшними явленіями мы никогда не будемъ въ состояніи постигнуть ихъ творческаго первообраза“ [2]).

Луниъ признавалъ „многосложность“ исторіи: по его мнѣнію, исторія должна заниматься не одними государствами, но и народами; она должна быть не только политическая. Поэтому Луниъ, напримѣръ, ставилъ Геродота выше Ѳукидида.

---

[1]) Стр. 11—12.
[2]) Стр. 14—15.

„Геродотъ“, говоритъ онъ, „болѣе нежели кто-либо изъ древнихъ постигалъ всю обширность, всю многосложность исторіи“; Ѳукидидъ же, Тацитъ, Титъ Ливій были исключительно политическими историками, „хотя и единственными въ этомъ родѣ“ [1]). Лунинъ отмѣчаетъ въ числѣ недостатковъ Юма „одностороннюю наклонность къ изображенію королей и пренебреженіе народнаго начала“ [2]). Это-то отношеніе къ народному началу сблизило его съ Н. И. Костомаровымъ. Когда Н. И. Костомаровъ представилъ въ факультетъ свою диссертацію: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“, и нѣкоторые профессора отнеслись къ темѣ неодобрительно, находя, что такой предметъ, какъ мужицкія пѣсни, унизителенъ для сочиненія, имѣющаго цѣлью пріобрѣтеніе ученой степени; то Лунинъ поддерживалъ Костомарова: ему особенно понравилась диссертація, и онъ вполнѣ сочувствовалъ мысли о введеніи народнаго элемента въ науку исторіи [3]). „Какъ человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ“, замѣчаетъ по этому поводу Костомаровъ, „онъ способенъ былъ смотрѣть шире другихъ ученыхъ мужей стараго закала“. Во время диспута, когда одинъ изъ оппонентовъ (проф. Якимовъ), вырвавши изъ диссертаціи два пѣсенныхъ стиха, потребовалъ отъ Костомарова доказать, что здѣсь есть какая-нибудь поэзія, Лунинъ, прежде чѣмъ самъ Костомаровъ собрался отвѣчать, засмѣялся и сказалъ: „Это все равно, если бы разсѣчь человѣка по частямъ и потребовать, чтобы показали, гдѣ у него душа; ни въ ногѣ, ни въ рукѣ, ни въ ухѣ, ни въ носу нѣтъ души, а весь человѣкъ живой—съ душою“.

Лунинъ придавалъ большое значеніе физіологическому фактору — напр. физіологическому вліянію народнаго родства на общественное и нравственное развитіе народонаселенія [4]). Онъ ставилъ исторію въ связь съ географіей, придавая вліянію окружающей природы огромное значеніе. Въ этомъ сказывался, быть можетъ, ученикъ К. Риттера. Особенно часто отмѣчаетъ Лунинъ соотвѣтствіе между исторіей древняго Востока и его

[1]) Ibid., стр. 12.
[2]) Въ той же рѣчи о Вальтерѣ-Скоттѣ.
[3]) *Н. И. Костомаровъ*, Литерат. насл., стр. 45.
[4]) Ibid., стр. 17.

природою: здѣсь, на Востокѣ, „развитіе человѣка и общества“, говоритъ онъ, „гармонируетъ съ цѣлою природою“ [1]).

Лунинъ—не поклонникъ силы; побѣды не ослѣпляютъ его; онъ высоко цѣнитъ не разрушительную, а творческую дѣятельность. Ее онъ ставитъ въ заслугу и Риму; созидательною работою послѣдняго онъ объясняетъ долговѣчность его вліяній: „Зданіе римскаго могущества было воздвигнуто на твердомъ, вѣчномъ основаніи, ибо Римъ не только разрушалъ, но и творилъ“ [2]). Съ грустью говоритъ Лунинъ о страданіяхъ человѣчества; съ гуманностью и состраданіемъ относится онъ къ слабымъ, побѣжденнымъ. Въ исторіи онъ видитъ какъ-бы Немезиду. Такъ, несмотря на всю созидательную работу Рима, въ его исторіи, по словамъ Лунина, „демонъ возмездія“ стоитъ „на первомъ планѣ и платитъ съ лихвою за неправду римскаго завоеванія, за кровь народовъ, согнутыхъ предъ римскимъ величіемъ; — за тріумфы римскихъ полководцевъ; за блескъ и великолѣпіе столицы; за нищету и истощеніе провинцій! Пороки и злодѣянія обрушились тяжело на самихъ виновниковъ; съ черным предчувствіемъ, съ нахмуреннымъ челомъ преступницы Римская исторія приближается къ своей развязкѣ!“ [3]).

Содержанію соотвѣтствовала и внѣшняя форма изложенія у Лунина. Конечно, это не тургеневскій языкъ, съ которымъ въ отношеніи изящества готовъ былъ сравнивать языкъ Лунина Де-Пуле; онъ не такъ легокъ и изященъ, какъ языкъ Грановскаго: онъ нѣсколько архаиченъ, тяжеловатъ и витіеватъ, не чуждъ господствовавшей тогда риторики и высокопарности; но все же это — языкъ сильный, образный, выразительный; изложеніе—яркое и картиное.

V.

Какъ человѣкъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ, Лунинъ стоялъ чрезвычайно высоко. По выраженію А. И. Палюмбецкаго [4]), это былъ „чистый рыцарь“, не стѣснявшійся

[1]) „Нѣск. словъ о римск. исторіи“, стр. 411.
[2]) Ibid., стр. 421.
[3]) Ibid., стр. 411.
[4]) Сообщаемому Г. С. Чирпковымъ. См. его бумаги.

заявлять свои убѣжденія. Всѣ знавшіе Лунина единогласно свидѣтельствуютъ, что это былъ человѣкъ рѣдкой прямоты и безкорыстія, „пламенный поборникъ добра и непримиримый врагъ зла во всѣхъ его видахъ“ [1]), идеалистъ, какъ-бы не отъ міра сего, всецѣло преданный наукѣ: въ ученой работѣ, въ неутомимомъ трудѣ онъ находилъ отраду и вдохновеніе, которыхъ не давала ему жизнь. „Чистотою и высотою своихъ нравственныхъ достоинствъ Лунинъ“, замѣчаетъ Де-Пуле, „напоминалъ собою знаменитаго московскаго профессора“, Грановскаго, „позже его вступившаго на профессорское поприще и слабѣе его подготовленнаго“.

Въ то время Харьковскій университетъ страдалъ язвою пансіонерства: большинство профессоровъ держали студентовъ-пансіонеровъ, что̀ вело къ понятнымъ злоупотребленіямъ. „Лунинъ не носилъ въ себѣ болѣзней и язвъ современной ему харьковской университетской корпораціи“. „Труженикъ и бѣднякъ“, онъ „былъ живымъ протестомъ противъ окружающей его дѣйствительности, разумности которой онъ не признавалъ и своего презрѣнія къ ней не скрывалъ ни отъ кого, тѣмъ менѣе отъ студентовъ“. Лунинъ всегда, даже будучи уже семейнымъ человѣкомъ, занималъ самую скромную и даже бѣдную квартиру, гдѣ нибудь въ глухой улицѣ, во дворѣ, въ небольшомъ флигелькѣ или мезонинѣ, въ три-четыре комнаты [2]); зато имѣлъ свою хорошую библіотеку, которую онъ собралъ еще во время пребыванія заграницей, и потомъ аккуратно пополнялъ на счетъ скромнаго профессорскаго жалованья [3]). „Вѣчно путешествовавшій пѣшкомъ по грязнымъ харьковскимъ улицамъ во всякую погоду, онъ составлялъ рѣзкій контрастъ не только съ большинствомъ своихъ товарищей, но даже многихъ и студентовъ—изъ породы „несчастныхъ сиротъ“ (пансіонеровъ),—рыскавшихъ по городу на рысакахъ и всячески заискивавшихъ въ гордомъ и неподкупномъ профессорѣ, который отворачивался отъ нихъ съ рѣзкимъ презрѣніемъ“.

Съ самаго же начала своей профессорской дѣятельности

[1]) *Де-Пуле*, стр. 89—92.

[2]) *Де-Пуле*, стр. 91.

[3]) *А. П. Рославскій-Петровскій*, Некр. Лунина (Прибавл. къ Харьк. Губ. Вѣд., 1844, № 46).

въ Харьковѣ Лунинъ вступилъ въ ожесточенную и въ концѣ концовъ побѣдоносную борьбу противъ пансіонерства; онъ преслѣдовалъ его неумолимо и нажилъ себѣ много враговъ, тѣмъ болѣе, что „по природѣ ли или вслѣдствіе непосильной борьбы съ тогдашнею дѣйствительностію, разбившей его здоровье“, Лунинъ былъ человѣкъ очень желчный и рѣзкій [1]). Окруженный въ своемъ факультетѣ личностями большею частью бездарными и далеко не безупречной честности, онъ разъ въ засѣданіи, въ присутствіи П. П. Гулака-Артемовскаго (тогдашняго ректора и профессора русской исторіи), сказалъ, что считаетъ униженіемъ для себя быть въ такомъ обществѣ [2]). Говорятъ также, что когда Гулакъ-Артемовскій, вступивъ въ должность ректора, собралъ профессоровъ и обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой давалъ понять, что онъ уничтожитъ вкравшіяся злоупотребленія, то Лунинъ воскликнулъ: „да! злоупотребленія большія, но вы, господинъ ректоръ, первый ихъ виновникъ“ [3]). Вообще съ Гулакомъ-Артемовскимъ, потворствовавшимъ злоупотребленіямъ, онъ былъ въ ожесточенной враждѣ. Въ своей автобіографіи Н. И. Костомаровъ передаетъ, что во время своего магистерскаго экзамена, когда онъ писалъ письменный отвѣтъ въ университетской залѣ въ присутствіи совѣта, онъ былъ свидѣтелемъ „чрезвычайно скандальной сцены“. „Въ засѣданіи совѣта“, разсказываетъ Н. И. Костомаровъ, „профессоръ Лунинъ сцѣпился съ Артемовскимъ-Гулакомъ и наговорилъ ему такихъ рѣзкихъ, обличительныхъ замѣчаній, что мнѣ показалось страннымъ, какъ Артемовскій-Гулакъ могъ отбиваться отъ него своею обычною, высокопарною риторикою“ [4]).

Но если для большинства своихъ товарищей Лунинъ служилъ живымъ укоромъ и предметомъ худо скрываемой вражды, то для студентовъ онъ былъ идеаломъ профессора [5]). Онъ ихъ поражалъ и своимъ образомъ жизни, и своею пуританскою честностью, и своею обширною ученостью, и имѣлъ на нихъ

---

[1]) *Де-Пуле*, стр. 91.

[2]) Со словъ А. И. Палюмбецкаго сообщаетъ Г. С. Чириковъ.

[3]) *Де-Пуле*, стр. 91.

[4]) Литерат. наслѣдіе, стр. 34.

[5]) См. *Де-Пуле*, стр. 88 сл.

громадное вліяніе. Правда, онъ съ ними бывалъ подчасъ суровъ, раздражителенъ [1]), всегда требователенъ; многіе боялись его, и онъ далеко не принадлежалъ къ такъ называемымъ „популярнымъ профессорамъ“. Зато каждый трудящійся студентъ „находилъ въ скромной квартирѣ Лунина дружескій пріемъ, а въ самомъ немъ—опытнаго и разумнаго помощника и совѣтника, предлагавшаго къ его услугамъ и свою библіотеку и всѣ свои обширныя ученыя средства“. Вообще, не смотря на требовательность и раздражительность Лунина, студенты относились къ нему съ уваженіемъ и даже съ какимъ-то благоговѣніемъ. Слушать Лунина, быть ученикомъ его для кончившаго курсъ стало предметомъ гордости. Его курсами интересовался и даже гордился каждый студентъ, какъ вещью замѣчательною, капитальною. Записки его собирались и бережно хранились долгое время, и еще нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя послѣ смерти Лунина на Украйнѣ и въ Новороссіи можно было встрѣтить ихъ не въ одномъ семействѣ, хотя и разрозненныя. „Мы“, замѣчаетъ Де-Пуле, сообщающій всѣ эти подробности, „встрѣчали неразъ первыхъ учениковъ Лунина уже, какъ говорится, подъ вечеръ ихъ жизни. При имени этого профессора самое суровое лицо оживлялось, самыя молчаливыя уста высказывали благодарность, теплыя рѣчи,—такова была нравственная высота этого замѣчательнаго ученаго, этого *учителя*“... Съ своей стороны могу подтвердить это свидѣтельство Де-Пуле: въ молодости мнѣ самому приходилось еще встрѣчать стариковъ—слушателей Лунина, и я помню, съ какимъ благоговѣніемъ и восторгомъ говорили они объ этомъ профессорѣ...

Какимъ, казалось, одинокимъ и чуждымъ долженъ былъ чувствовать себя Лунинъ, съ его научными запросами и стремленіями, въ тогдашнемъ Харьковѣ! Правда, здѣсь процвѣтала, говоря сравнительно, мѣстная литература, издавались, какъ мы видѣли, журналы и альманахи; но Лунинъ далекъ былъ отъ мѣстныхъ интересовъ, отъ тогдашнихъ литературныхъ увлеченій и направленій, находившихъ себѣ выраженіе въ произведеніяхъ, напримѣръ, Квитки-Основьяненка и Гулака-Арте-

[1]) У Лунина была между прочимъ странность: онъ терпѣть не могъ, чтобы студенты при встрѣчѣ съ нимъ кланялись. *Де-Пуле*, стр. 95.

мовскаго. Но въ дѣйствительности положеніе Лунина все-же не было такъ безотрадно, какъ это кажется на первый взглядъ; могущественною нравственною поддержкою должна была служить ему аудиторія, столь отзывчивая, такъ благоговѣйно настроенная по отношенію къ профессору, и тогдашнему студенчеству, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ честь, что оно сумѣло оцѣнить Лунина и его курсы, столь спеціальные и обширные, далеко не всѣмъ доступные, которые, быть можетъ, въ другое время не были бы оцѣнены... Кромѣ того, въ самой профессорской средѣ, на словесномъ факультетѣ, въ ту пору стали появляться, какъ мы видѣли, новыя силы, молодые преподаватели, даровитые, прекрасно подготовленные, относившіеся съ увлеченіемъ къ своему дѣлу, напр. Валицкій и И. И. Срезневскій.

Вниманіе и всѣ научные интересы Лунина сосредоточены были на исторіи древности и Западной Европы. Славянскимъ міромъ и русскою исторіею онъ, повидимому, не интересовался; русскую исторію онъ даже, если вѣрить Де-Пуле, не признавалъ наукой [1]). По самой своей внѣшности Лунинъ выглядѣлъ скорѣе англичаниномъ или нѣмцемъ [2]). Въ Харьковѣ тогда еще не было двухъ лагерей—западниковъ и ихъ противниковъ; но несомнѣнно, что симпатіи и научные интересы влекли Лунина къ Западу.

Обыкновенно Лунина сравниваютъ съ Грановскимъ, его младшимъ современникомъ [3]). И дѣйствительно, между ними было много общаго: симпатіи къ Западу; нѣкоторыя сходныя черты въ историческомъ міросозерцаніи [4]), идеализмъ и гуманность, проникающіе ихъ воззрѣнія; обаяніе и могущественное вліяніе ихъ личности на слушателей и восторженное отношеніе къ нимъ со стороны послѣднихъ; наконецъ тотъ и другой напечатали немного и напечатанное ими еще не даетъ полнаго понятія о нихъ Но Лунинъ ученѣе Грановскаго, болѣе спе-

---

[1]) Можетъ быть, впрочемъ, въ томъ видѣ, въ какомъ русскую исторію читалъ тогдашній профессоръ Гулакъ-Артемовскій.

[2]) *Де-Пуле*, стр. 89—90.

[3]) Т. Н. Грановскій (1813—1855) началъ чтеніе лекцій въ Московскомъ университетѣ въ 1839 г.

[4]) Напомнимъ, напр., что и Грановскій придавалъ большое значеніе физіологическимъ факторамъ.

ціалистъ и кабинетный человѣкъ, нежели тотъ; это — натура сосредоточенная; Грановскій мягче, общительнѣе, отзывчивѣе на окружающую современность. Поприще Лунина было еще короче, нежели поприще Грановскаго; мѣсто и сфера дѣйствія — уже. Наконецъ, какъ писатель, по легкости и изяществу языка Лунинъ уступаетъ Грановскому. Вообще, и по учености Лунина, и по характеру его курсовъ, преимущественно спеціальныхъ, и по самому свойству его дарованія, даже по языку, мы бы сравнили его скорѣе съ Кудрявцевымъ...

Но, можетъ быть, слушатели и современники Лунина слишкомъ идеализировали его? преувеличивали его значеніе? — Мы готовы допустить, что на тогдашнемъ фонѣ харьковской университетской жизни личность Лунина должна была казаться особенно свѣтлою; при довольно низкомъ общемъ уровнѣ она настолько выдавалась, что казалась выше, чѣмъ была въ дѣйствительности. Несомнѣнно, напримѣръ, что Лунинъ не былъ выдающимся самостоятельнымъ ученымъ-изслѣдователемъ; самыя условія его дѣятельности въ тогда еще небольшомъ русскомъ провинціальномъ городѣ, безъ богатыхъ книгохранилищъ и архивовъ, не давали возможности самостоятельно и плодотворно работать на этомъ поприщѣ въ такой области, какъ всеобщая исторія. Но все-же Лунинъ былъ личность замѣчательная, какъ человѣкъ и профессоръ.

Своими лекціями и статьями, самою своею жизнью Лунинъ какъ-бы призывалъ „не убивать своего духа въ тѣсной области грязной корысти и матеріальнаго существованія“; онъ напоминалъ о „высокомъ и великомъ въ человѣческой природѣ“ [1]).

---

[1]) См. его „Нѣсколько словъ о римской исторіи“, стр. 407.

...ровск. О-во Взаим...

XIII.

Изъ исторіи Харьковскаго университета при дѣйствіи устава 1884 г.

(до 1905 г.) [1]).

I.

Уставъ 1884 г., какъ извѣстно, подготовлялся задолго до его введенія, еще съ 70-хъ годовъ. Какъ шла эта подготовка, здѣсь не мѣсто излагать подробно: это относится къ общей исторіи русскихъ университетовъ и министерства народнаго просвѣщенія; подробности можно найти и въ историческомъ обзорѣ дѣятельности послѣдняго, составленномъ С. В. Рождественскимъ [2]). Достаточно сказать, что поводомъ къ пересмотру

---

[1]) Изъ „Краткаго очерка исторіи Харьк. университета за первыя сто лѣтъ его существованія (1805—1905)", составленнаго проф. *Д. И. Багалѣемъ*, *Н. Ѳ. Сумцовымъ* и *В. П. Бузескуломъ*. Харьк. 1906 (юбил. изд. университета). На мою долю выпала обработка послѣдняго отдѣла (періодъ устава 1884 г. до 1905 г.).

Въ основу мною положены, во-1-хъ, документальные матеріалы, извлеченные проф. Д. И. Багалѣемъ изъ Архива министерства народнаго просвѣщенія и любезно предоставленные имъ въ мое распоряженіе, за что̀ приношу искреннюю благодарность глубокоуважаемому товарищу; во-2-хъ, циркуляры, правила и другія распоряженія (печатные); въ-3-хъ, отчеты (частью рукописные, частью печатные), протоколы и проч. документы изъ университетскаго архива; въ-4-хъ, доклады коммиссій и мнѣнія совѣта по разнымъ вопросамъ (большею частью печатные) и, наконецъ, личныя воспоминанія.

[2]) Спб. 1902 (изданіе министерства нар. просв.). Ср. оффиціозную книгу, изданную на нѣм. яз.: Die Reform der russischen Universitäten nach dem Gesetz vom 23 August 1884. Leipz. 1886 (безъ имени автора), и представляю-

университетскаго устава 1863 г. послужили студенческіе безпорядки и обсужденіе мѣръ къ ихъ предотвращенію; а цѣлью реформы было усиленіе правительственнаго вліянія на управленіе университетами, контроля надъ преподаваніемъ въ нихъ, и утвержденіе порядка и дисциплины среди учащихся [1]). Совѣтъ Харьковскаго университета, въ отвѣтъ на запросъ министерства (въ 1872 г.) о желательныхъ измѣненіяхъ въ уставѣ 1863 г., высказался, подобно другимъ университетамъ, за сохраненіе началъ автономіи и основъ этого устава. Въ такомъ же смыслѣ высказывался въ коммиссіи, образованной въ 1875 г. для разработки проекта новаго устава, и тогдашній ректоръ Харьковскаго университета А. С. Питра. Отставка гр. Д. А. Толстого задержала намѣченную коренную реформу русскихъ университетовъ. Но съ назначеніемъ И. Д. Делянова министромъ она была проведена. Извѣстно, что въ Государственномъ Совѣтѣ проектъ новаго устава встрѣтилъ возраженія по всѣмъ основнымъ пунктамъ: большинство членовъ высказалось противъ него. Тѣмъ не менѣе, въ августѣ 1884 г. онъ былъ Высочайше утвержденъ и тотчасъ же приведенъ въ дѣйствіе.

Уставъ 1884 г. существеннымъ образомъ измѣнилъ прежній строй университетовъ съ его автономіей и выборнымъ началомъ. Никогда еще у насъ не проводилось въ такой степени начало подчиненія университетовъ правительственному, или, точнѣе, министерскому, вліянію и контролю [2]). Университеты поставлены были, можно сказать, въ полную зависимость отъ министерства. Послѣднее устанавливало всѣ, даже мельчайшія, подробности ихъ новаго строя, назначало, повышало и удаляло профессоровъ, избирало ректоровъ, назначало испытательныя коммиссіи. Оно разсматривало и утверждало обозрѣніе преподаванія и распредѣленіе лекцій; доходило до того, что требовалось его разрѣшеніе на перенесеніе лекцій съ одного дня или часа на другой...

щую апологію устава, но такъ какъ въ ней приводятся мнѣнія и выводы и его противниковъ, то читатель имѣетъ возможность составить себѣ самостоятельное воззрѣніе.

[1]) *С. В. Рождественскій*, Истор. обзоръ дѣятельности министерства народ. просв., стр. 484.

[2]) Ср. *С. В. Рождественскій*, стр. 615 сл.

По уставу попечитель округа являлся начальникомъ университета: онъ заботится о его „благосостояніи“, наблюдаетъ за ходомъ преподаванія, за исполненіемъ правилъ, „пресѣкаетъ“ всякое уклоненіе отъ нихъ, „вобуждаетъ дѣла объ отвѣтственности виновныхъ и ходатайствуетъ о вознагражденіи достойныхъ“; онъ—высшій руководитель во всѣхъ распоряженіяхъ по охраненію порядка и дисциплины въ университетѣ; въ чрезвычайныхъ случаяхъ онъ можетъ принимать мѣры, даже превышающія его власть. Большая часть дѣлъ или разрѣшается имъ, или восходитъ съ его заключеніемъ на разрѣшеніе министра. Назначеніе и движеніе по службѣ профессоровъ и преподавателей совершалось въ большинствѣ случевъ по представленію или заключенію попечителя.

Ректоръ избирался не профессорскою коллегіею, а министромъ; ему ввѣрялось непосредственное завѣдываніе всѣми частями управленія университетомъ; въ чрезвычайныхъ и не терпящихъ отлагательства случаяхъ ему предоставлялось принимать всѣ необходимыя мѣры, хотя бы онѣ и превышали его власть. Отъ профессорской корпораціи онъ былъ совершенно независимъ. Даже и деканы были по уставу 1884 г. не выборные, а по назначенію.

Профессорская коллегія была совершенно устранена отъ всякаго вліянія на управленіе университетомъ. Значеніе совѣта понизилось, сфера его компетенціи съужена; функціи правленія, напротивъ, расширены, въ особенности на практикѣ.

Инспекторъ поставленъ совершенно независмо отъ профессорской коллегіи. Онъ подчиненъ попечителю и ректору. Онъ полноправный членъ правленія по всѣмъ вопросамъ, въ томъ числѣ и научно-учебнымъ. Не будучи членомъ ученой коллегіи, онъ, вмѣстѣ съ деканами, представителями факультетовъ, рѣшаетъ научные вопросы, при чемъ зависимость его отъ ректора ослабляется прямымъ подчиненіемъ попечителю округа [1]). Вліяніе инспекціи вообще чрезвычайно расширено.

Далѣе, уставъ 1884 года упразднилъ доцентуру, для „бо̀льшаго поощренія профессоровъ и учащихся“ ввелъ неизвѣст-

[1]) См. „Отвѣтъ“ совѣта на вопросы, предложенные министерствомъ въ 1901 г., стр. 115.

ную дотолѣ русскимъ университетамъ систему гонорара, дѣленіе на семестры и проч. Онъ отдѣлилъ окончательные экзамены отъ дѣла преподаванія и создалъ особыя испытательныя комиссіи, въ *теоріи* не имѣвшія ничего общаго съ университетомъ, и т. д.

Въ теченіе слѣдующаго 1885 г. былъ изданъ рядъ циркуляровъ и правилъ, коими дополнялся уставъ или развивались подробнѣе положенныя въ основу его начала и разъяснялись нѣкоторые его параграфы.

Главнѣйшія цѣли, какія имѣлъ въ виду уставъ, и средства для ихъ достиженія, все это ясно обнаруживается въ любопытныхъ „*Соображеніяхъ о приведеніи въ дѣйствіе постановленій новаго устава*“ [1]). Цѣли таковы: 1) „*Усиленіе научнаго труда въ университетахъ*“. А въ числѣ средствъ тутъ является гонораръ, ибо „каждый трудящійся въ правѣ надѣяться, что все возможное будетъ сдѣлано, дабы съ увеличеніемъ его труда увеличивалось и его вознагражденіе. Удовлетвореніе этой справедливой надежды и имѣется въ виду при установленіи системы гонорара“ и разныхъ дополнительныхъ вознагражденій. „Кромѣ того, преподатели, кои окажутъ особенно усердное содѣйствіе видамъ правительства относительно поднятія учебнаго дѣла въ университетахъ, въ правѣ разсчитывать на особое вниманіе къ ихъ заслугѣ со стороны начальства“... 2) „*Улучшеніе въ государственномъ и политическомъ отношеніи*. Посвященный дѣлу науки и обученія, университетъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть и государственное учрежденіе“, а это налагаетъ на профессоровъ, какъ „*чиновниковъ государства*“, и на студентовъ, какъ готовящихся нести государственную службу, особыя обязанности. Правда, „*Соображенія*“ признаютъ, что „ни профессора, ни студенты не призваны заниматься политикою“. Но—говорится далѣе—университетъ, какъ учрежденіе государственное, „не можетъ не имѣть и политической цѣли. Университетское воспитаніе — преподаваніе и нравственное руководство—должно быть на службѣ государственныхъ интересовъ и правительственной власти, должно быть патріотическимъ... Дѣятельность университета должна

[1]) Архивъ мин. нар. пр., № 16:2726/3009.

быть обязательно и убѣжденно патріотическою во всемъ, гдѣ университетъ касается государства". Поднятіе учебныхъ занятій, „привлекая умы въ область чистаго знанія, должно противодѣйствовать вторженію ненаучныхъ стремленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, чтобы профессора въ политическомъ отношеніи сознавали себя органами правительства, обязанными слѣдовать его видамъ, никакъ не противодѣйствуя имъ ни явно, ни скрытно. Это не поддается предписаніямъ, но постановленіе университета, согласно новому уставу, подъ болѣе непосредственное, чѣмъ прежде, дѣйствіе правительственной власти можетъ дать въ этомъ отношеніи, при разумномъ и доброжелательномъ примѣненіи, благопріятныя послѣдствія". 3) „*Усиленіе правительственной заботы относительно пополненія личнаго состава университетовъ достойными кандидатами и вызова талантовъ*". По словамъ „Соображеній", „новыя постановленія направлены къ тому, чтобы выборы въ профессоры не были предоставлены случайностямъ и пристрастіямъ, столь нерѣдкимъ при самопополненіи, а были дѣломъ внимательнаго и подробнаго обсужденія съ рѣшающимъ голосомъ центральной власти и на ея отвѣтственности". Поэтому и преподаваніе приватъ-доцентовъ должно быть „предметомъ внимательнаго и доброжелательнаго наблюденія, дабы достоинства и недостатки не оставались неизвѣстными, а несерьезное отношеніе къ дѣлу или вредное направленіе... были немедленно пресѣкаемы"... 4) „*Усиленіе правительственнаго вліянія въ дѣлѣ управленія университетовъ*". Тутъ имѣется въ виду дать правительственной власти, по отношенію къ университетамъ, возможность дѣйствовать „прямымъ начальническимъ путемъ". „И это должно быть понимаемо", поясняютъ „Соображенія", „не только какъ увеличеніе полномочій, *по буквѣ закона и нынѣ не малыхъ*, но главнымъ образомъ, какъ увеличеніе обязанностей и отвѣтственности органовъ правительственной власти". Однако сначала имѣлось въ виду въ новомъ уставѣ сохранить „выборный характеръ внутренняго управленія, завѣщанный вѣковымъ преданіемъ": „это, когда новый порядокъ, съ Божіей помощью, установится, не представляетъ, никакихъ затрудненій". Но на время переходной эпохи выборный характеръ „представлялъ бы значительныя затрудненія", и назначеніе

ректора признано необходимымъ, дабы въ дѣйствіяхъ его и попечителя были согласіе и солидарность.

Изъ приведенныхъ „Соображеній", какъ и изъ другихъ дальнѣйшихъ фактовъ, ясно, что при составленіи устава 1884 г. не имѣлись въ виду интересы только одной чистой, независимой науки: большая часть поставленныхъ цѣлей имѣла очень мало общаго съ этими интересами, даже рѣзко расходилась съ ними, и уставъ вызванъ былъ иными видами и соображеніями. Мы нѣсколько остановились на его характеристикѣ, чтобы намъ яснѣе были тѣ условія и та атмосфера, среди которыхъ Харьковскому университету, какъ и другимъ, приходилось жить съ 1884 года. Это объяснитъ намъ многое въ его послѣдующей исторіи.

Посмотримъ теперь, какъ въ Харьковскомъ университетѣ приводился въ дѣйствіе новый уставъ.

Прежде всего надо было рѣшить вопросъ объ университетскихъ властяхъ—ректорѣ и деканахъ, прежде выборныхъ, теперь назначаемыхъ. Ректоромъ Харьковскаго университета назначенъ бывшій по избранію совѣта проректоромъ И. П. Щелковъ, а деканами факультетовъ въ 1884 г. *оставлены были тѣ же лица, которыя уже состояли въ этой должности по избранію* [1]). И что характерно, ходатайствуя объ утвержденіи этихъ лицъ въ должности деканова, тогдашній попечитель генер.-лейт. М. С. Максимовскій „долгомъ считалъ довести до свѣдѣнія" министра, „что *лучшаго выбора во всякомъ случаѣ онъ сдѣлать бы не могъ*, и если бы означенные профессора не состояли уже въ должности, то онъ, по крайнему своему убѣжденію, показалъ бы именно на нихъ, считая ихъ среди другихъ профессоровъ наиболѣе соотвѣтствующими важной должности декановъ". Затѣмъ слѣдовала характеристка ихъ, не исключая и ихъ направленія, „во всѣхъ отношеніяхъ благонадежнаго".

Другой важный и чрезвычайно щекотливый вопросъ, требовавшій рѣшенія, это—о судьбѣ штатныхъ *доцентовъ*.

Уставъ 1884 г. упразднилъ штатную доцентуру, предоставлявшуюся обыкновенно магистрамъ, а доцентовъ въ Харь-

[1]) По ист.-фил. фак.—В. К. Надлеръ, по физ.-матем.—И. Ѳ. Леваковскій, юрид.—А. Н. Стояновъ и медиц.—И. К. Зарубинъ.

ковскомъ университетѣ въ моментъ введенія новаго устава было 22. Согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта требовалось распредѣлись ихъ на три категоріи: однихъ, наиболѣе достойныхъ, кои „пріобрѣли извѣстность своими учеными трудами и даромъ преподаванія", возвести прямо въ званіе экстраординарнаго профессора, хотя бы они ни имѣли степени доктора; другихъ, среднихъ, назначить „временно исполняющими обязанности профессора", а третьихъ, наконецъ, оставить за штатомъ, въ положеніи приватъ-доцентовъ. Понятно, что при этомъ распредѣленіи или, такъ сказать, сортировкѣ, и притомъ производимой безъ участія факультетовъ и совѣта, открывалось широкое поле усмотрѣнію и различнымъ постороннимъ вліяніямъ.

Попечитель М. С. Максимовскій представилъ [1]) на благоусмотрѣніе министра распредѣленіе доцентовъ на категоріи, исполненное „послѣ тщательнаго обсужденія правъ и личныхъ качествъ каждаго лица съ ректоромъ и деканами" соотвѣтствующихъ факультетовъ. Проектировалось 8 доцентовъ отнести къ первой категоріи, 8—ко второй, остальныхъ 6—къ третьей. При этомъ попечитель далъ подробную характеристику каждаго доцента, какъ преподавателя и ученаго, въ общемъ довольно вѣрную и безпристрастную, съ указаніемъ достоинствъ и недостатковъ. Большое вниманіе обращалось, конечно, на благонадежность и „образъ мыслей". Объ одномъ изъ доцентовъ, занявшемъ впослѣдствіи высокій постъ въ университетѣ (по назначенію) говорилось, напр., что „въ началѣ своей дѣятельности онъ былъ склоненъ, какъ и многіе молодые ученые, къ громкимъ фразамъ либеральнаго оттѣнка", но что теперь въ этомъ отношеніи его упрекнуть нельзя, и вообще попечитель находилъ возможнымъ возвести его въ званіе экстраординарнаго профессора.

Въ министерствѣ труды доцентовъ иногда давались на заключеніе разнымъ лицамъ и разсматривались, между прочимъ, въ отношеніи направленія и образа мыслей авторовъ. Объ упомянутомъ доцентѣ, которому попечитель ставилъ въ упрекъ (въ прошломъ) „громкія фразы либеральнаго оттѣнка", пред-

[1]) Отъ 4 октября 1884 г., № 8301 (Архивъ мин. нар. просв., 16979/4368).

сѣдатель Ученаго Комитета А. И. Георгіевскій, имѣвшій огромное вліяніе при проведеніи устава, замѣчалъ, что на основаніи нѣкоторыхъ страницъ работъ этого доцента онъ пришелъ къ убѣжденію, что тотъ „долженъ быть рѣшительный конституціоналистъ“ и „еще болѣе,—что какъ онъ, такъ и едва-ли не всѣ наши юристы, стоятъ рѣшительно не на почвѣ нашего общественнаго и государственнаго строя и законодательства“. Въ трудахъ другого доцента, о которыхъ данъ былъ рецензентомъ благопріятный отзывъ, А. И. Георгіевскій усматривалъ „отрицательную точку зрѣнія по отношенію къ истинамъ откровенной религіи“ и поэтому полагалъ, „что впредь до болѣе очевидныхъ доказательствъ направленія его образа мыслей было бы осторожнѣе не возводить его въ экстраординарные профессоры“ (какъ проектировалъ попечитель). Это вызвало со стороны министра любопытную замѣтку (сдѣланную карандашемъ), что авторъ по большей части излагаетъ мысли другихъ мыслителей, а не свои собственныя, и что „кто составляетъ *исторію* науки, не можетъ не выписывать чужихъ мнѣній, какъ бы иногда нелѣпы они ни были“. Въ концѣ концовъ, послѣ долгой переписки, оба эти доцента возведены были въ званіе экстраординарнаго профессора, согласно представленію попечителя. Одинъ изъ наиболѣе достойныхъ доцентовъ, принадлежащій нынѣ къ числу лучшихъ силъ Харьковскаго университета, министерствомъ былъ отнесенъ къ третьей категоріи, т.-е. оставленъ за штатомъ, „такъ какъ, по *частнымъ свѣдѣніямъ*, отличался“ будто-бы „хохломанствомъ“, не смотря на то, что попечитель аттестовалъ его по направленію „вполнѣ благонадежнымъ“ и предполагалъ отнести ко второй категоріи, какъ начинающаго преподавателя, о которомъ трудно высказать опредѣленное мнѣніе; самое обвиненіе въ хохломанствѣ основывалось, какъ оказалось [1]), на свѣдѣніяхъ о докладахъ, читанныхъ на Археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ и *принадлежавшихъ другому лицу*.

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ тщательно изслѣдовались тогда направленіе и образъ мыслей университетскихъ

[1]) Письмо ректора директору департамента отъ 1 марта 1885 г. (Архивъ мин. нар. пр., № 166982/4369).

преподавателей; главнымъ образомъ съ этой точки зрѣнія оцѣнивался преподаватель. Нѣкоторыхъ доцентовъ понижали или повышали по категоріямъ (сравнительно съ предположеніемъ попечителя) между прочимъ съ тѣмъ, чтобы они конкуррировали другъ съ другомъ „на совершенно равныхъ правахъ и условіяхъ", а затѣмъ преимущество предполагалось отдать „тѣмъ изъ нихъ, кто на дѣлѣ заявилъ бы себя достойнѣйшимъ и способнѣйшимъ". При распредѣленіи доцентовъ медицинскаго факультета въ министерствѣ большое вліяніе оказывали отзывы проф. Харьковскаго университета Я. С. Кремянскаго, „почти прямо противоположные предположенію попечителя". Эти отзывы прилагалъ къ своимъ заключеніямъ предсѣдатель Ученаго Комитета и на нихъ ссылался въ своихъ предположеніяхъ.

Въ результатѣ часть доцентовъ (приблизительно треть) была распредѣлена согласно проекту попечителя; другіе изъ первой категоріи перенесены во вторую и даже третью, и наоборотъ.

Новый порядокъ вещей, зависимость отъ министерства всюду давали себя чувствовать. Какъ это вліяло на нѣкоторыхъ членовъ профессорской коллегіи, показываютъ частыя поѣздки въ Петербургъ, въ министерство, отъ котораго теперь зависѣли назначенія и повышенія. Бывали случаи обращенія съ просьбой о повышеніи со стороны лицъ, которыя считали себя обойденными при прежней выборной системѣ. Такъ, одинъ давно уже ожидавшій ординатуры профессоръ, „радуясь всею душою введенію новаго университетскаго устава" и принося искреннѣйшее поздравленіе министру „съ побѣдою истиннаго просвѣщенія и всеобщаго блага", напоминалъ о своемъ тягостномъ положеніи, и въ виду того, что „въ настоящее время повышеніе зависитъ уже не отъ произвола выборовъ, а отъ представленія г. попечителя или усмотрѣнія самого министра", просилъ оказать ему справедливость. „Тяжело подумать", писалъ онъ, „чтобы вынуждены были оставлять университетскую службу или бѣдствовать на ней именно тѣ лица, которыя извѣстны вѣрными слугами наукѣ, просвѣщенію, отечеству и правительству, и въ ту именно пору, когда дѣла университетовъ пріобрѣли оборотъ къ лучшему съ новымъ уставомъ". По поводу этого письма предсѣдатель Ученаго Комитета выска-

зался, что „было бы дѣломъ справедливости“ теперь же возвести просителя въ ординарные профессоры „во вниманіе къ его продолжительной службѣ, къ его ученымъ трудамъ и къ его несомнѣнно доброму правительственному и патріотическому направленію“ [1]). Подобные факты, какъ они ни характерны, не слѣдуетъ, впрочемъ, обобщать: они все-же составляли исключеніе.

Вліяніе министерства простиралось и на такую сферу, которая по уставу оставлена была въ вѣдѣніи университета.

Вотъ одинъ изъ характерныхъ эпизодовъ [2]). Какъ разъ въ годъ введенія устава, въ самый разгаръ университетской ломки, Н. Ѳ. Сумцовъ представилъ докторскую диссертацію изъ исторіи юго западной литературы половины XVII ст. Диссертація была факультетомъ одобрена; назначенъ былъ диспутъ; вдругъ университетское начальство объявило ему, что не можетъ дать аудиторію изъ опасенія студенческихъ волненій. Дѣло въ томъ, что по особымъ внушеніямъ изъ Харькова со стороны проф. Б-ва [3]) министръ передалъ изслѣдованіе Н. Ѳ. Сумцова на разсмотрѣніе К. Н. Бестужева-Рюмина и А. Ѳ. Бычкова. Ни тотъ, ни другой не нашли въ диссертаціи „ничего противозаконнаго“ [4]), тѣмъ не менѣе диспутъ не состоялся. Не только А. И. Кирпичниковъ, но и Л. Н. Майковъ, и А. Ѳ. Бычковъ совѣтовали диссертацію не брать назадъ, а жаловаться. „Дорогія тѣни!“ говоритъ по этому поводу Н. Ѳ. Сумцовъ, „вамъ я обязанъ тѣмъ, что, при всѣхъ препонахъ, достигъ каѳедры и уцѣлѣлъ при университетской ломкѣ того времени. Гдѣ ужъ тамъ было жаловаться и настаивать! Все тогда сжималось, и мнѣ нужно было сжаться“...

Вообще, то было тяжелое время. Одинъ изъ популярнѣйшихъ среди молодежи профессоровъ, прекрасный лекторъ и

---

[1]) Арх. мин. нар. просв., 16979/4368 (1884 г.).

[2]) См. *Н. Ѳ. Сумцовъ*, „Воспоминанія о проф. А. И. Кирпичниковѣ“. Харьк. 1904 (изъ XIV т. „Сборника Харьк. Истор.-Филол. Общества“), стр. 15—16.

[3]) Того самаго, который обращался къ министру съ просьбой оказать ему справедливость и дать ординатуру. Сообщенія этого профессора пользовались нѣкоторое время довѣріемъ въ министерствѣ и оказывали вліяніе

[4]) Автора обвиняли въ украинофильствѣ.

хорошій знатокъ исторіи русскаго права, И. И. Дитятинъ, долженъ былъ оставить университетъ (1887). Его обвиняли [1]) между прочимъ въ томъ, что онъ оказываетъ содѣйствіе противоправительственнымъ стремленіямъ учащейся молодежи, находится въ перепискѣ съ нѣкоторыми неблагонадежными лицами и, держась особнякомъ отъ прочихъ своихъ сослуживцевъ, старается пріобрѣсти популярность среди студентовъ, участвуетъ въ ихъ собраніяхъ и обѣдахъ, собираетъ у себя молодежь и оказываетъ вредное вліяніе на нее. Еще по распоряженію барона А. П. Николаи надъ И. И. Дитятинымъ былъ учрежденъ, со стороны учебнаго начальства, тщательный надзоръ, а въ 1887 г. ему предложено было подать въ отставку.

Не легко было и положеніе ректора. Въ 1885 г. возникло цѣлое дѣло [2]) о демонстраціи, устроенной будто-бы профессорами на актѣ 17 января: въ вступительныхъ словахъ прочитаннаго отчета за 1884 г., въ которыхъ указывалось особенное значеніе истекшаго года, какъ стоящаго на рубежѣ двухъ эпохъ—одной, выразителемъ коей былъ уставъ 1863 г., и „той, которая открывается съ введеніемъ новаго устава", усмотрѣны были „сопоставленія и порицанія" этого устава, о чемъ и сообщено телеграммой въ Петербургъ, и ректору пришлось представлять свои объясненія, прилагать подлинный текстъ вступленія, ссылаться на присутствовавшихъ на актѣ преосвященнаго, командующаго войсками, и. д. начальника губерніи и проч. Это обстоятельство послужило поводомъ къ измѣненію самаго порядка составленія отчетовъ въ Харьковскомъ университетѣ: съ 1876 по 1884 г. включительно ихъ составляла коммиссія изъ профессоровъ и читались они однимъ изъ ея членовъ. Теперь отчеты стали составляться секретаремъ совѣта, подъ наблюденіемъ самого ректора, который и читалъ ихъ на актѣ.

Примѣненіе устава, естественно, вызывало, особенно на первыхъ порахъ, разнаго рода затрудненія; возникали недоразумѣнія; требовались разъясненія, и ректоръ неразъ входилъ съ представленіемъ на этотъ счетъ, а это вызывало со стороны

[1]) Архивъ мин. нар. просв., 172572/4604 (1887 г).
[2]) Архивъ мин. нар. просв., 162726/3011.

вліятельныхъ въ министерствѣ лицъ подозрѣніе, будто-бы онъ „старается пріискивать всевозможныя затрудненія для осуществленія новаго университетскаго устава".

При той власти, которою уставъ 1884 г. облекалъ попечителя, для университетской жизни далеко не безразлично было, кто занималъ эту должность, особенно когда еще вводился новый порядокъ и происходила ломка университетскаго строя.

Въ моментъ устава 1884 года попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа былъ, какъ мы видѣли, ген.-лейт. *М. С. Максимовскій*; при немъ проведены были первыя мѣры, связанныя съ новымъ порядкомъ. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его замѣнилъ [1]) *Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ*, прибывшій въ Харьковъ въ началѣ 1885 года. Артиллеристъ по образованію, Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ служилъ сначала то въ военной службѣ, то по министерству государственныхъ имуществъ. Въ 1863 году онъ посѣтилъ Вильну и Варшаву и оттуда посылалъ корреспонденціи Каткову, обратившія на себя вниманіе. Цѣлыхъ 20 лѣтъ онъ провелъ затѣмъ на службѣ въ Царствѣ Польскомъ, сначала какъ сотрудникъ Н. А. Милютина, кн. Черкасскаго и Самарина по крестьянскому дѣлу, а потомъ занималъ должность начальника Радомской учебной дирекціи и въ теченіе 13 лѣтъ былъ помощникомъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа (Апухтина). Эта служба на окраинѣ, среди борьбы національныхъ и религіозныхъ элементовъ, должна была наложить извѣстный отпечатокъ на воззрѣнія Н. П. Воронцова-Вельяминова, и первое время онъ относился подозрительно къ Харьковскому университету, усматривая и тутъ сепаратизмъ. Это обнаружилось между прочимъ и въ отношеніи его къ студенческой демонстраціи противъ одного мо-

[1]) По поводу оставленія М. С. Максимовскимъ должности попечителя во вступленіи къ отчету за 1884 годъ было сказано, что онъ относился къ университету и профессорской коллегіи „сочувственно" и „оставилъ свой постъ, сопровождаемый искренними сожалѣніями значительнаго большинства университетской коллегіи". Впрочемъ, эти фразы, при обсужденіи отчета въ совѣтѣ, вызвали продолжительныя пренія и встрѣтили сильную оппозицію со стороны меньшинства (правда, по численности незначительнаго). См. протоколъ засѣданія 15 января 1885 года и отдѣльное мнѣніе нѣсколькихъ профессоровъ.

РОССК. О-ВО ВЗЯТ

лодого преподавателя, вступительная лекція котораго встрѣчена была свистками и шиканіемъ части аудиторіи. Объ этомъ, въ сущности неважномъ, инцидентѣ попечитель сообщилъ телеграммой въ Петербургъ, какъ о „дерзкомъ нарушеніи приличія и порядка нѣсколькими студентами"; профессорамъ, несочувственно относившимся къ упомянутому преподавателю, поставилъ въ вину ихъ отсутствіе на лекціи, а въ самой демонстраціи усмотрѣлъ вліяніе „вредоносныхъ" историческихъ теорій, „сложившихся въ головахъ нашихъ украинофиловъ" [1]).

Впослѣдствіи мало-по-малу отношеніе Н. П. Воронцова-Вельяминова къ университету и его дѣятелямъ измѣнилось къ лучшему. Онъ былъ попечителемъ въ Харьковѣ сравнительно долго—около 12 лѣтъ. Въ 1896 г. его замѣнилъ *И. П. Хрущовъ* (1896—9 г.), магистръ русской словесности и одно время доцентъ университета св. Владиміра; о И. П. Хрущовѣ, человѣкѣ въ сущности незломъ, державшемъ себя бариномъ и плохо справлявшемся со своими сложными обязанностями, ходило не мало анекдотическихъ разсказовъ. Преемникомъ его былъ *В. К. ф.-Анрепъ* (1899—1901 г.), въ серединѣ 80-хъ г.г. занимавшій каѳедру судебной медицины въ Харьковскомъ университетѣ, затѣмъ служившій при медицинскомъ департаментѣ, бывшій профессоромъ въ Клиническомъ Институтѣ Великой Княгини Елены Павловны и директоромъ Женскихъ Медицинскихъ курсовъ въ Петербургѣ, теперь—одинъ изъ лидеровъ октябристовъ въ третьей Государственной Думѣ; а съ 1901 года попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа состоялъ *М. М. Алексѣенко* (до 1906 г.), питомецъ Харьковскаго университета, бывшій профессоръ финансоваго права, деканъ юридическаго факультета и ректоръ этого университета въ продолженіе почти 9 лѣтъ (1891—1899 г.), а затѣмъ попечитель Казанскаго учебнаго округа, нынѣ членъ Государственной Думы и предсѣдатель ея бюджетной коммиссіи.

Къ 1887 г. новые порядки были окончательно введены въ Харьковскомъ университетѣ, и въ отчетѣ за 1886 г. констатируется тотъ фактъ, что въ этомъ году уставъ 1884 года былъ уже въ полномъ дѣйствіи, и жизнь университета, какъ

[1]) Донесеніе отъ 16 февр. 1885 г. (Архивъ мин. нар. просв., 166981/4369).

внутренняя, такъ и внѣшняя, регулировалась уже правилами и положеніями, основанными на названномъ уставѣ. Объ этихъ правилахъ и положеніяхъ, равно какъ и о тѣхъ сторонахъ устава, которыя касаются преподаванія и студентовъ, мы будемъ говорить далѣе. Здѣсь же мы отмѣтимъ, что съ 1888 года, подъ вліяніемъ опыта, обнаруживается нѣкоторый поворотъ: уставъ примѣняется уже не съ такою строгостью и послѣдовательностью; нѣкоторыя нововведенія отмѣняются; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пришлось даже вернуться къ прежнему.

Дѣло въ томъ, что многія нововведенія оказывались непримѣнимыми къ дѣйствительности. А главное — уставъ 1884 г. вызванъ былъ прежде всего стремленіемъ сдѣлать невозможными на будущее время студенческіе безпорядки. Объѣзжая университеты въ 1887 г., предсѣдатель Ученаго Комитета А. И. Георгіевскій выражалъ твердую увѣренность, что теперь безпорядки немыслимы; но оказалось, что этой цѣли уставъ не достигъ. Какъ извѣстно, безпорядки происходили и послѣ его введенія, и какъ разъ въ 1887 году, когда А. И. Георгіевскій возвращался изъ своей поѣздки, они приняли широкіе размѣры, охвативъ многіе университеты, въ томъ числѣ и Харьковскій (о нихъ—далѣе). Это должно было сильно подорвать вѣру въ цѣлительность устава и вообще въ цѣлесообразность новыхъ порядковъ.

Нѣкоторое вліяніе на перемѣну въ отношеніи къ университетамъ имѣли и другія обстоятельства, напр. посѣщеніе университетскихъ городовъ и въ томъ числѣ Харькова тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновымъ осенью 1888 г. Въ Харьковѣ министръ пробылъ недѣлю (18—25 сент.), при чемъ значительную часть времени посвятилъ университету. Онъ имѣлъ рядъ совѣщаній съ профессорами и приватъ-доцентами каждаго изъ факультетовъ въ отдѣльности. При этомъ подверглись обсужденію и разъясненію сомнѣнія и недоразумѣнія, встрѣчавшіяся при примѣненіи новаго устава и правилъ, высказывались мнѣнія о ихъ недостаткахъ и проч.

Больше вліянія имѣло другое событіе, о которомъ далѣе мы еще будемъ говорить. Это—посѣщеніе университетскихъ клиникъ и церкви Императоромъ Александромъ III 19 октября

1888 года, послѣ спасенія Государя, Государыни и Царской семьи при крушеніи Императорскаго поѣзда близъ Борокъ (17 октября). Дѣятельное участіе Харьковскаго университета въ дѣлѣ оказанія помощи раненымъ при этой катастрофѣ, пріемъ, оказанный Государю и Государынѣ въ Харьковѣ, а также въ Москвѣ и Петербургѣ, учащеюся молодежью,—все это не могло не повліять на отношеніе правительства къ университетамъ вообще и въ частности къ Харьковскому, и съ 1888 года это отношеніе становится болѣе довѣрчивымъ и болѣе внимательнымъ къ ихъ нуждамъ.

II.

Перейдемъ теперь къ дѣятельности совѣта Харьковскаго университета за разсматриваемый періодъ.

Во главѣ университета, въ качествѣ ректора, а слѣдовательно, и предсѣдателя совѣта, въ первые годы послѣ обнародованія устава стоялъ, какъ мы видѣли, *И. П. Щелковъ*. Отношеніе къ нему профессорской коллегіи видно изъ того, что вскорѣ послѣ перехода его въ Варшаву (въ концѣ 1890 года) совѣтъ Харьковскаго университета избралъ его въ почетные члены. На мѣсто И. П. Щелкова назначенъ былъ деканъ юридическаго факультета *М. М. Алексѣенко* (впослѣдствіи попечитель Харьковскаго учебнаго округа), ректорство котораго продолжалось болѣе 9 лѣтъ (до 1899 г.). Преемникомъ его былъ *Г. И. Лагермакъ*, профессоръ химіи, занимавшій должность ректора около 2 лѣтъ; послѣ него назначенъ профессоръ государственнаго права *Н. О. Куплеваскій* (по 1905 г.), по поводу возведенія котораго изъ доцентовъ въ экстраординарные профессора А. И. Георгіевскій когда-то дѣлалъ замѣчанія (см. выше стр. 308—309).

Уставомъ 1884 г. сфера компетенціи и дѣятельность совѣта была крайне съужена. Въ первое время послѣ обнародованія устава совѣтъ, по крайней мѣрѣ, принималъ участіе въ обсужденіи проектовъ нѣкоторыхъ правилъ и мѣръ, связанныхъ съ новымъ порядкомъ, хотя съ его представленіями и мнѣніями министерство рѣдко соглашалось. Такъ въ 1885 г.

совѣтомъ Харьковскаго университета подробно были разсмотрѣны предложенныя на его обсужденіе правила, касающіяся студентовъ, и инструкція для инспекціи, выработанная министерствомъ. Совѣтъ представилъ цѣлый рядъ возраженій по поводу ихъ [1]); представилъ свои замѣчанія на инструкцію и ректоръ, указывая главнымъ образомъ на неопредѣленное, такъ сказать, двойственное положеніе инспектора, какъ подчиненнаго и попечителю, и ректору. Харьковскимъ университетомъ выработаны были и учебные планы [2]), но министръ не призналъ возможнымъ утвердить ихъ. Но съ 1886 г., когда новый порядокъ вполнѣ уже установился, дѣятельность совѣта долгое время — до самаго конца 90-хъ годовъ — обыкновенно ограничивалась дѣлами объ исключеніи разныхъ лицъ изъ податного состоянія, утвержденіями въ степеняхъ и вообще такъ называемыми „текущими дѣлами“, принимаемыми къ свѣдѣнію или исполненію. Въ отчетахъ о дѣятельности университета за эти годы такія дѣла, какъ разсмотрѣніе обозрѣнія преподаванія, смѣты спеціальныхъ средствъ, ходатайство того или другого факультета о временномъ поорученіи преподаванія по вакантной каѳедрѣ, о вознагражденіи приватъ-доцентомъ и т. п., именуются „важнѣйшими“; да и тутъ обыкновенно все ограничивалось заслушиваніемъ и направленіемъ далѣе, въ высшую инстанцію. Нѣкоторое исключеніе составилъ вопросъ объ избраніи мѣста для постройки клиникъ, вызвавшій продолжительныя и оживленныя пренія въ совѣтѣ (1894 г.). Съ

---

[1]) Протоколъ засѣд. совѣта 14 марта и 4 апрѣля 1885 г.

[2]) Разсмотрѣніе ихъ въ совѣтѣ сопровождалось долгими преніями, въ особенности касательно учебнаго плана по медицинскому факультету. Тогда выдѣлилось нѣсколько лицъ изъ профессорской среды, которыя нѣкоторое время пользовались особымъ довѣріемъ въ министерствѣ. Въ особенности это нужно сказать о профессорѣ-медикѣ Я. С. Кремянскомъ, который въ факультетѣ и въ совѣтѣ постоянно вступалъ въ долгія пререканія, позволяя себѣ рѣзкости и оскорбленія по отношенію къ членамъ и предсѣдателю. Въ одномъ изъ засѣданій совѣта дѣло дошло до того, что многіе поднялись съ мѣстъ и заявили, что, въ виду явнаго неуваженія къ совѣту и предсѣдателю со стороны Кремянскаго, они считаютъ невозможнымъ оставаться долѣе въ залѣ засѣданія; нѣкоторые предлагали изыскать мѣры для устраненія нарушенія порядка и чтобы гарантировать совѣтъ отъ оскорбленій, и т. д. (Протоколъ засѣд. сов. 4 апр. 1885 г.).

конца 90-хъ годовъ дѣятельность совѣта значительно расширяется.

Къ этому времени и само министерство явно пришло къ убѣжденію въ несостоятельности, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ сторонъ устава,—прежде всего системы гонорара.

Гонорарная система была установлена для бо̀льшаго поощренія профессоровъ и учащихся и вмѣстѣ какъ средство устранить „всѣ тѣ настроенія, которыми страдало, при прежнихъ порядкахъ, учебное дѣло въ нашихъ университетахъ и которыхъ никакія административныя мѣры не могли устранить [1])“. Гонораръ, по словамъ его защитниковъ [2]), есть справедливое воздаяніе каждому. Предполагалось, что „при равныхъ условіяхъ тотъ преподаватель, очевидно, будетъ имѣть болѣе слушателей, кто лучше преподаетъ“; что гонораръ побудитъ профессоровъ не только увеличивать количество, но и улучшать качество своего преподаванія, „строго сообразуясь съ дѣйствительными потребностями и съ удобствами своихъ слушателей, обучая ихъ прежде всего тому, что̀ требуетъ отъ нихъ правительство на экзаменахъ“. Гонораръ долженъ былъ побудить и студентовъ относиться внимательнѣе къ лекціямъ, „такъ какъ они именно за нихъ и заплатили деньги“; онъ сразу установитъ нравственныя и доброжелательныя отношенія между профессорами и студентами и поведетъ къ столь желательному сближенію между ними на почвѣ науки; „эти же деньги поведутъ къ тому, что при системѣ гонорара каждый преподаватель будетъ лично заинтересованъ тѣмъ, чтобы въ его аудиторіи не было лицъ, не пріобрѣвшихъ права на слушаніе лекцій“.

Надежды эти и соображенія, какъ извѣстно, не оправдались. Уже графъ И. Д. Деляновъ въ 1897 г., усматривая существенныя неудобства въ гонорарной системѣ, заключавшіяся, съ одной стороны, въ обремененіи студентовъ значительною платою и, съ другой,—въ неравномѣрномъ распредѣленіи этой платы между преподавателями, призналъ необходимымъ „предварительно какого-либо дальнѣйшаго направленія сего дѣла“

[1]) Мнѣніе 16 членовъ Государственнаго Совѣта въ пользу гонорара.
[2]) См. указанное мнѣніе 16 человѣкъ.

(въ законодательномъ порядкѣ) „имѣть относительно дѣйствующей нынѣ системы гонорара мнѣніе совѣтовъ университетовъ, управляемыхъ уставомъ 1884 г.“. Вслѣдствіе этого совѣтъ Харьковскаго университета, для предварительной разработки вопроса, избралъ коммиссію. Коммиссія сочла необходимымъ прежде всего ознакомиться съ фактическимъ положеніемъ, созданнымъ гонорарною системою, и предложила совѣту высказать мнѣніе о гонорарѣ, основывающееся на собранныхъ и надлежащимъ образомъ провѣренныхъ фактахъ дѣйствительной жизни. Она представила обстоятельный докладъ, занимающій въ печати 31 стр., который былъ принятъ совѣтомъ единогласно и который ясно свидѣтельствуетъ, каково было вліяніе гонорарной системы. По заключенію коммиссіи, гонораръ явился большимъ обремененіемъ для студентовъ и имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что прохожденіе университетскаго курса наиболѣе облегчено, съ одной стороны, очень богатымъ молодымъ людямъ, а съ другой—совсѣмъ неимущимъ (которые могутъ быть освобождены отъ платы); главною тяжестью плата легла на семьи средняго или малаго достатка; положеніе такихъ семей особенно тяжело, если приходится воспитывать нѣсколькихъ сыновей; подобныя семьи, „воистину, бѣдныя семьи, хотя онѣ и не могутъ представить свидѣтельства о бѣдности“ (стр. 15). Явившись обременительнымъ для студентовъ, гонораръ крайне неравномѣрно распредѣлялся между профессорами, при чемъ это распредѣленіе находилось въ зависимости не отъ степени талантливости, учености или труда профессора, а отъ количества студентовъ въ университетѣ, отъ распредѣленія ихъ по факультетамъ и по курсамъ и отъ числа освобожденныхъ отъ платы, т.-е. отъ того, гдѣ и какой предметъ преподаетъ профессоръ. Такимъ образомъ, система гонорара имѣла своимъ послѣдствіемъ образованіе „выгодныхъ“ и „невыгодныхъ“ университетовъ, факультетовъ, каѳедръ, курсовъ (младшіе курсы оказывались вообще „выгоднѣе“ старшихъ, такъ какъ они обыкновенно многолюднѣе). Харьковскій университетъ принадлежалъ къ числу „невыгодныхъ“: средній размѣръ профессорскаго гонорара въ немъ въ то время [1]) не превышалъ

[1]) Подсчетъ коммиссіей дѣлался за десятилѣтіе, съ 1887 г. по 1897 г.

282 рублей 69 коп. въ полугодіе, а средній размѣръ гонорара приватъ-доцента = 41 р. 69 к. Изъ общаго числа профессоровъ Харьковскаго университета только 18,1% получали гонораръ, близкій къ общей университетской средней (289 руб.); 48,6% получали гонораръ ниже этой средней и 33,3% — гонораръ выше средняго. 20% всего числа профессоровъ получало совершенно ничтожный гонораръ. Всѣ профессора историко-филологическаго факультета получали гонораръ отъ 2 р. и не болѣе 100 р. въ полугодіе. Наибольшій гонораръ приходился на долю профессоровъ медицинскаго и юридическаго факультетовъ и тѣхъ профессоровъ физико-математическаго факультета, которые читали лекціи также и на медицинскомъ; среди нихъ и „образовалась группа наиболѣе обезпеченныхъ гонораромъ и притомъ... въ такъ же неравномѣрно-большой степени, какъ въ неравномѣрно-малой степени обезпечиваются предшествующія группы“ (стр 13). Но еще важнѣе нравственная сторона системы гонорара, на которую указываетъ упомянутый докладъ. По его словамъ, система эта развила „не конкурренцію, а зависть между университетскими преподавателями“, „заставляла ихъ искать иногда дешевой популярности между студентами, имѣла своимъ послѣдствіемъ пониженіе экзаменаціонныхъ требованій“ и главное — „поставила учащихъ въ совершенно ненормальныя отношенія къ учащимся“ (стр. 21).

При преемникѣ гр. И. Д. Делянова, *Н. П. Боголѣповѣ* (1898—1901), приступлено было вообще къ разработкѣ предположеній касательно преобразованія учебной системы. Это направленіе коснулось и университетовъ, но въ слабой степени. До тѣхъ поръ, при дѣйствіи устава 1884 г., назначеніе профессоровъ происходило обыкновенно помимо совѣта и прямого участія факультета. Недостатки такого порядка сознаны были самимъ министерствомъ, которое съ 1899 года стало предпочитать систему конкурсовъ. Такимъ образомъ, совѣту Харьковскаго университета съ тѣхъ поръ приходилось неразъ производить выборы на вакантныя каѳедры, преимущественно по медицинскому факультету; особенно часты были выборы съ 1902 года, когда министерство распорядилось объявить конкурсы по всѣмъ вакантнымъ каѳедрамъ, причемъ тутъ разумѣлись и тѣ каѳедры, на которыхъ были профессора, прослу-

жившіе 30 лѣтъ и, слѣдовательно, состоявшіе уже внѣ штата. При выборахъ по медицинскому факультету случались коллизіи: совѣтъ неразъ забаллотировывалъ факультетскаго кандидата и избиралъ лицо, получившее въ факультетѣ меньшее число голосовъ. Въ такихъ случаяхъ министерство обыкновенно утверждало не совѣтскаго, а факультетскаго кандидата.

Болѣе рѣшительные шаги на пути къ преобразованію университетскаго строя предприняты были въ министерство генер.-адъют. *П. С. Ванновскаго* (1901—1902). Строй этотъ самимъ правительствомъ признанъ ненормальнымъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя П. С. Ванновскаго, при назначеніи его министромъ, отъ 24 марта 1901 года Государь Императоръ призналъ „благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному его пересмотру и исправленію". Министръ въ своемъ приказѣ (отъ 6 апр.) приглашалъ всѣхъ служащихъ по ввѣренному ему министерству къ совмѣстной дружной и неустанной работѣ по пути осуществленія Высочайше указанной программы. Совѣтъ Харьковскаго университета поспѣшилъ откликнуться на этотъ призывъ и для составленія мотивированнаго отвѣта по вопросамъ, касающимся устройства университетовъ, избралъ коммиссію изъ 12 профессоровъ, по 3 отъ каждаго факультета [1]). Между тѣмъ министръ обратился въ университеты съ цѣлымъ рядомъ (18) вопросовъ, касавшихся желательнаго измѣненія дѣйствующаго устава. Тогда совѣтъ поручилъ той же коммиссіи, пополнивъ ее еще 4 членами, выработать проектъ мотивированнаго отвѣта и на эти вопросы. Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ проф. Л. Л. Гиршмана и при секретаряхъ Д. И. Багалѣѣ, И. Н. Миклашевскомъ и Д. Н. Овсянико-Куликовскомъ, съ 8 мая по 2 іюня имѣла 13 засѣданій, на которыхъ выработаны были основныя положенія и отвѣты. Въ теченіе лѣтнихъ каникулъ составленъ былъ и самый докладъ (редакціоннымъ комитетомъ изъ профессоровъ Д. И. Багалѣя, В. П. Бузескула, И. Н. Миклашевскаго и Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, при чемъ окончательная редакція и заботы по печатанію поручены были Д. И. Багалѣю). Обсужденію его

[1]) См. печатный „Рапортъ" предсѣдателя коммиссіи Л. Л. Гиршмана, представленный въ совѣтъ.

совѣтъ посвятилъ въ сентябрѣ 15 экстренныхъ засѣданій и внесъ въ него нѣкоторыя поправки, измѣненія и дополненія.

Въ окончательной редакціи „Отвѣтъ совѣта Императорскаго Харьковскаго университета на вопросы, предложенные министерствомъ народнаго просвѣщенія объ измѣненіи устава 1884 года“, напечатанный на правахъ рукописи (Харьк. 1901), представляетъ собою цѣлую книгу въ 140 стр. Въ началѣ ея предпосылается общая часть, въ которой высказывается взглядъ совѣта „на основную причину недостатковъ современнаго университетскаго строя и на тотъ основной принципъ, на которомъ его слѣдуетъ построить“. Мы считаемъ необходимымъ привести нѣкоторыя выдержки, чтобы характеризовать дѣйствіе устава 1884 г. и воззрѣнія профессорской коллегіи.

„Настоящій, чисто бюрократическій строй университетовъ является ненормальнымъ“, говорится здѣсь. „Университетскіе безпорядки, принявшіе въ послѣдніе годы столь печальныя формы и сдѣлавшіеся какъ бы хроническимъ явленіемъ, представляются только однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ, но далеко не единственнымъ симптомомъ болѣзненнаго состоянія нашихъ университетовъ. Мы, профессоры, непосредственно руководящіе образованіемъ студентовъ, знаемъ и многія другія болѣзненныя явленія, но намъ не только нельзя было врачевать ихъ, но трудно было даже указывать на нихъ. Главнымъ зломъ мы, по внутреннему самосознанію, признаемъ духъ равнодушія, который явился необходимымъ результатомъ *недовѣрія* министерства къ университетамъ и, какъ естественнаго послѣдствія его, суровой и излишней регламентаціи. Уставъ 1884 года, позаимствовавшій механически многія черты строя нѣмецкихъ университетовъ, но не усвоившій ихъ основы и сущности — академической свободы, не находился въ соотвѣтствіи ни съ началами русской жизни, ни съ потребностями времени. Не имѣя у насъ той исторической основы, какая у него была на Западѣ, онъ совершенно не привился къ намъ и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, очень скоро сдѣлался причиною застоя и регресса. Вмѣсто живой дѣятельности, при немъ развился формализмъ и излишняя централизація: университеты превратились въ канцеляріи; дѣятельность совѣтовъ была до такой степени съужена, что они своею властью не могли рѣ-

шить, напр., вопроса о перенесеніи профессорскихъ лекцій съ однихъ часовъ на другіе; лишенныя права самопополненія, эти ученыя коллегіи сдѣлались поневолѣ равнодушными къ тому, что̀ составляетъ живую душу университета; разобщенные другъ съ другомъ и со своими слушателями, лишенные довѣрія и связаннаго съ нимъ самоуправленія, профессоры потеряли свой нравственный престижъ въ глазахъ молодежи и не могли уже оказывать того благотворнаго вліянія, какое, при коллегіальномъ строѣ академической жизни, обыкновенно имѣютъ наставники на своихъ питомцевъ; студенты, на которыхъ установленъ былъ взглядъ, какъ на отдѣльныхъ посѣтителей университета, представляли дезорганизованную массу, въ которой хозяевами положенія сдѣлались крайніе элементы;—болѣе благоразумная и умѣренная часть студенчества, дорожившая университетомъ и его наукой, должна была оставаться въ сторонѣ, не имѣя никакихъ законныхъ формъ для проявленія своихъ чисто студенческихъ, академическихъ интересовъ. Спрашивается: развѣ мыслимо было живое общеніе профессоровъ со студентами и сердечное попеченіе первыхъ о вторыхъ, когда между ними воздвигнута была столь высокая стѣна? И только коллегіальное начало съ автономіей могутъ разрушить эту вредную, искусственную преграду, поднять научный уровень университетовъ и нравственный авторитетъ профессоровъ, оздоровить, наконецъ, въ значительной степени и учащуюся среду. Говоримъ „въ значительной степени“, потому что никакой уставъ самъ по себѣ не можетъ гарантировать полнаго отсутствія безпорядковъ. Университеты не имѣютъ возможности совершенно оградить своихъ питомцевъ отъ внѣшнихъ общественныхъ и политическихъ вліяній. Нужно однако стремиться, по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы учащаяся молодежь, во время прохожденія университетскаго курса, не оставалась безъ добраго нравственнаго воздѣйствія своихъ наставниковъ. Но для нравственнаго престижа этихъ послѣднихъ необходимо поднять значеніе университетовъ, какъ научныхъ центровъ, а это немыслимо безъ свободы научнаго изслѣдованія. Эта послѣдняя составляетъ живую душу, источникъ силы, крѣпости и естественнаго роста нѣмецкихъ университетовъ, залогъ культуры народа и государства... Наука же безъ свободнаго изслѣдованія не-

возможна, а при свободѣ изслѣдованія непремѣнно будутъ разные мнѣнія и взгляды на одинъ и тотъ же предметъ. Довѣріе къ университетамъ прежде всего должно выразиться въ замѣнѣ бюрократическаго надзора свободой научнаго изслѣдованія и преподаванія... Необходимость самоуправленія вытекаетъ изъ того, что университеты, въ противоположность другимъ государственнымъ учрежденіямъ, являются учрежденіями sui generis; ихъ дѣятельность посвящена наукѣ и преподаванію ея, а потому цѣлесообразно управлять ими *могутъ* только тѣ же люди науки... Между тѣмъ въ основу устава 1884 г. былъ положенъ ложный взглядъ, что университеты суть такія же административныя мѣста или учрежденія, какъ и всѣ другія, и что профессора суть не что иное, какъ чиновники вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія... Какъ системѣ чиновниковъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, свойственно опредѣленное іерархическое подчиненіе, обусловливающее успѣхъ управленія и обезпечивающее населеніе отъ произвола отдѣльныхъ лицъ, такъ совершенно неприложимо это іерархическое подчиненіе къ области науки и къ служителямъ ея—профессорамъ и ученымъ; для самой возможности существованія и развитія ученаго мышленія и творчества необходимо широкое право свободнаго изслѣдованія. Ученая мысль никоимъ образомъ не можетъ, безъ ущерба для дѣла, быть связанной велѣніями чужой воли, быть насильственно направляемой ею въ ту или другую сторону. Всегда и всюду только при условіи свободы изслѣдованія она давала плодотворные результаты, снискавшіе ей авторитетъ и уваженіе не только учащихся, но и широкихъ круговъ общества. Если всякій чиновникъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, долженъ для пользы дѣла въ большой мѣрѣ поступиться своею индивидуальностью, исполняя разумно и сознательно велѣнія воли, надъ нимъ стоящей, то возможно широкое развитіе индивидуальности въ профессорѣ и ученомъ есть вѣрный залогъ движенія впередъ науки. А только эта послѣдняя и создаетъ тотъ нравственный авторитетъ профессора, въ силу котораго онъ пріобрѣтаетъ вліяніе надъ своими слушателями, не только благодаря сообщенію имъ результатовъ своихъ ученыхъ работъ, но и *своею личностью*. Оттого и университеты не могутъ быть разсматриваемы какъ „администра-

тивныя мѣста". Это учрежденія совершенно особаго рода, такъ какъ существуютъ они не только для выполненія тѣхъ или иныхъ житейскихъ практическихъ задачъ, но и для культивированія науки, для пріобщенія къ сокровищницѣ ея молодыхъ поколѣній, приходящихъ въ университеты для обогащенія себя знаніями для пользы всеобщей... Въ уставѣ объ учрежденіи Академіи Петръ Великій говоритъ: „науки принужденія и насилія терпѣть не могутъ", а относительно Академіи прибавляетъ: „чтобы сіе зданіе непремѣнно и полезно было, то имѣетъ оное только подъ вѣдѣніемъ Императора, яко протектора своего, быть и само себя править". Согласно съ этимя словами Великаго Петра, совѣтъ считаетъ необходимымъ положить въ основаніе устава принципы свободы преподаванія, свободы слушанія и коллегіальнаго самоуправленія. А правильной, узаконенной, основанной на самодѣятельности организаціей учащейся въ университетѣ молодежи,—и только этой организаціей, а не полицейскими мѣрами,—можетъ быть дана возможность болѣе спокойной части студентовъ, ищущихъ въ университетѣ глубокихъ знаній и смотрящихъ на университетъ, какъ на святыню, бороться противъ ненормальныхъ и вредныхъ для университета теченій" (стр. 2—8).

За „общею частью" слѣдуютъ отвѣты на предложенные вопросы, съ подробнымъ изложеніемъ мотивовъ. Не имѣя возможности останавливаться здѣсь на мотивахъ, мы приведемъ самые отвѣты, по крайней мѣрѣ, на важнѣйшіе вопросы.

1. „Въ основу всей университетской организаціи должно быть положено выборное начало: факультеты и совѣты должны выбирать профессоровъ и преподавателей, которые могутъ быть удаляемы отъ службы не иначе, какъ по постановленію совѣта; совѣты избираютъ ректоровъ на 3 года, факультеты—деканов на 2 года. Избраніе ректора профессорскою коллегіею 1) вытекаетъ изъ самаго принципа коллегіальнаго самоуправленія, долженствующаго быть основою университетскаго устройства; 2) наиболѣе соотвѣтствуетъ нормальнымъ условіямъ университетской жизни; 3) согласуется съ историческою традиціею. Только выборный ректоръ можетъ быть представителемъ живой и сильной коллегіи. Ректоръ же назначенный, въ глазахъ общества, профессоровъ и студентовъ, явится не авто-

ритетнымъ представителемъ науки и ученой профессорской коллегіи, а лицомъ, какъ-бы чуждымъ остальному профессорскому персоналу, естественнымъ результатомъ чего могутъ явиться коллизіи между нимъ и остальной коллегіею. Назначенный ректоръ не можетъ имѣть той нравственной опоры въ не избиравшей его профессорской коллегіи, которая необходима для надлежащаго вліянія на студентовъ, и вообще онъ будетъ лишенъ того высокаго нравственнаго престижа, какимъ пользовался бы выборный ректоръ. Такой ректоръ будетъ занимать изолированное положеніе и, слѣдовательно, явится безсильнымъ или же будетъ оказывать такое давленіе на коллегію, которое совершенно несовмѣстимо съ принципомъ университетскаго самоуправленія. — Нынѣшнее „двоевластіе“ въ университетахъ — попечителя и ректора — должно быть уничтожено“. 2. „Желательно усиленіе власти совѣта, поднятіе научнаго значенія факультетовъ и раздѣленіе функцій правленія между новыми учрежденіями, которыя его могутъ замѣнить,— коллегіей деканов, хозяйственнымъ комитетомъ и университетскимъ судомъ. Факультетамъ, кромѣ функцій, дарованныхъ уставомъ 1884 г., должно быть предоставлено болѣе иниціативы и простора, особенно въ ученой и учебной сферахъ дѣятельности. Ихъ компетенціи нужно предоставить всѣ вопросы, связанные съ программами, распредѣленіемъ предметовъ, дѣятельностью научныхъ студенческихъ кружковъ, окончательное назначеніе стипендій и пособій и ходатайство объ освобожденіи отъ платы, и печатаніе ученыхъ сочиненій, предназначенныхъ къ изданію на счетъ или отъ имени университета и т. п.“. 3. Особая плата въ пользу отдѣльныхъ преподавателей „должна быть вообще отмѣнена и оставлена только для приватъ-доцентовъ, читающихъ частные курсы“. По 8-му вопросу совѣтъ высказался за возстановленіе института штатныхъ доцентовъ. 10. „Необходимо устраненіе излишняго формализма и регламентаціи въ дѣлѣ преподаванія и предоставленіе большей свободы совѣтамъ и факультетамъ въ распредѣленіи предметовъ и измѣненіи программъ; необходимы улучшеніе средней школы и установленіе связи между нею и университетами, улучшеніе матеріальнаго положенія студентовъ, расширеніе и улучшеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій“. 11. „Желательно учре-

жденіе не курсовыхъ, а предметныхъ экзаменовъ въ извѣстной послѣдовательности и порядкѣ, съ возстановленіемъ кандидатской степени. Должна быть допущена свобода слушанія лекцій. По мнѣнію большинства членовъ совѣта, студентъ, желающій получить дипломъ, обязанъ выдержать въ извѣстной послѣдовательности и опредѣленномъ размѣрѣ, устанавливаемыхъ факультетами, рядъ практическихъ и теоретическихъ испытаній. Для слушанія лекцій и практическихъ занятій факультетъ вырабатываетъ къ руководству студентовъ особые учебные планы, которые однако только рекомендуются для пользы студентовъ, но слѣдованіе которымъ для нихъ не обязательно. Меньшинство членовъ совѣта высказалось за такую формулу: студенты, желающіе получить дипломъ, обязаны прослушать извѣстное минимальное число предметовъ факультетскаго преподаванія и выполнить относящіяся къ нимъ практическія занятія, исполнивъ это въ той послѣдовательности, которая устанавливается обязательными факультетскими планами. Совѣтъ высказался за допущеніе къ университетскимъ экзаменамъ на ученыя степени, начиная съ кандидатской, экстерновъ, съ разрѣшенія факультета и совѣта". По 12-му вопросу совѣтъ высказался за предоставленіе служебныхъ правъ оканчивающимъ университетскій курсъ: университетскій дипломъ долженъ, по мнѣнію совѣта, сохранить свое важное значеніе, какъ гарантія того, что къ прохожденію государственной службы, по крайней мѣрѣ, начиная съ извѣстныхъ, опредѣленныхъ въ законѣ должностей, будутъ допускаться только лица, получившія болѣе или менѣе основательное теоретическое научное образованіе. 13. „Государственные экзамены, въ томъ ихъ видѣ, въ каковомъ они учреждены уставомъ 1884 г., должны быть отмѣнены", и возстановлены вмѣсто нихъ университетскіе экзамены, а, кромѣ того, если то будетъ признано нужнымъ различными вѣдомствами, пусть будутъ введены для лицъ, получившихъ университетскіе дипломы, еще особыя испытанія — *настоящіе государственные экзамены* — для полученія правъ на занятія тѣхъ или иныхъ должностей на государственной службѣ". 14. Для сближенія профессоровъ и студентовъ и для усиленія воспитательнаго вліянія первыхъ на послѣднихъ единственною мѣрою можетъ служить „возстановленіе довѣрія къ профессорамъ со

стороны правительства и поднятіе ихъ значенія въ университетскомъ самоуправленіи; никакія же искусственныя и частныя мѣры не приведутъ къ цѣли. Автономія, способствуя развитію науки въ университетѣ, тѣмъ самымъ подниметъ и нравственное воздѣйствіе профессоровъ, ибо вліять на своихъ слушателей профессора могутъ только на почвѣ болѣе широкаго и свободнаго научнаго общенія". По 15-му вопросу совѣтъ высказался за допущеніе студенческихъ организацій и собраній для обсужденія студенческихъ дѣлъ. „Не предрѣшая подробностей организаціи студентовъ и считая необходимымъ предоставить ихъ выработку самой жизни, совѣтъ признаетъ безусловно необходимымъ разрѣшать студенческія организаціи, имѣющія въ виду матеріальную взаимопомощь, научно-литературныя и другія цѣли, не выходящія изъ круга чисто студенческихъ потребностей и интересовъ, такъ напр.: кассы взаимопомощи, столовыя, библіотеки, научно-литературные кружки, землячества, курсовыя и факультетскія собранія и т. д. Инициатива въ дѣлѣ устройства студенческихъ организацій должна принадлежать самимъ студентамъ. Разсмотрѣніе и утвержденіе ихъ организацій должно принадлежать совѣту; руководительство и участіе въ этихъ организаціяхъ преподавательскаго персонала желательно, по выбору студентовъ и съ согласія совѣта. Курсовые старосты или другія подобныя лица признаются совѣтомъ полезными, какъ посредники между студентами, профессорами и университетской администраціей". 16. „Университетскій судъ по дѣламъ о проступкахъ студентовъ долженъ быть возстановленъ". 17. „Совѣтъ высказался за введеніе особаго студенческаго суда, который долженъ быть устроенъ по обычному образцу „товарищескихъ судовъ чести", съ тѣмъ, чтобы недовольные его рѣшеніемъ могли апеллировать къ университетскому суду". 18. „Инспекцію въ ея нынѣшнемъ видѣ необходимо упразднить и учредить должность товарища ректора, избираемаго совѣтомъ изъ числа профессоровъ, въ помощь ректору по дѣламъ студенческимъ".

Давъ мотивированные отвѣты на всѣ вопросы, предложенные министерствомъ касательно измѣненія устава 1884 года, совѣтъ присоединилъ къ нимъ еще заключенія на пять дополнительныхъ вопросовъ, возбужденныхъ имъ самимъ согласно

разрѣшенію г. министра, не стѣснявшаго совѣтовъ какими-либо рамками и ожидавшаго ихъ мнѣній по всѣмъ вопросамъ, которымъ въ интересахъ дѣла они придаютъ значеніе.

На первомъ планѣ здѣсь стоялъ вопросъ объ улучшеніи и расширеніи учебно-вспомогательныхъ учрежденій Харьковскаго университета, — издавна больной вопросъ, на которомъ намъ придется еще остановиться впереди по поводу преподаванія. Изъ остальныхъ вопросовъ обращаетъ на себя вниманіе 5-й — касательно допущенія женщинъ къ прохожденію университетскихъ курсовъ. *„Совѣтъ единогласно постановилъ возбудить ходатайство о допущеніи женщинъ на всѣ факультеты на равныхъ со студентами правахъ“.*

Какъ-бы въ дополненіе къ этому, въ концѣ 1901 г. представлены были соображенія факультетовъ по поводу возбужденнаго министерствомъ вопроса о новыхъ штатахъ и новыхъ каѳедрахъ и предметахъ.

Всѣ мнѣнія и желанія, высказанныя въ „Отвѣтѣ“ Харьковскаго университета (да и другихъ), въ то время остались, можно сказать, безъ результата: они не были осуществлены, по крайней мѣрѣ въ томъ духѣ и видѣ, какъ предполагалъ совѣтъ. Правда, въ декабрѣ 1901 г. еще министромъ П. С. Ванновскимъ утверждены были „временныя правила организаціи студенческихъ учрежденій“, а въ августѣ 1902 г., уже при его преемникѣ *Г. Э. Зенгерѣ* (1902—1904), введены были, съ Высочайшаго соизволенія, профессорскій судъ, вѣдѣнію котораго подлежали дѣла о нарушеніи учащимися въ зданіи университета порядка, о столкновеніяхъ между ними и преподавателями или должностными лицами и о проступкахъ предосудительнаго характера, и „кураторы“ изъ числа преподавателей для руководства студентами извѣстнаго курса, при чемъ куратору предоставлялось устраивать собесѣдованія съ курсомъ. Но эти нововведенія не согласовались съ общимъ университетскимъ строемъ, остававшимся не измѣненнымъ, и въ дѣйствительности не имѣли значенія. Совѣтъ долженъ былъ представить свои предположенія о редакціи текста правилъ относительно студенческихъ учрежденій и выработать инструкцію для кураторовъ, что̀ и было исполнено; въ 1902—1904 годахъ совѣтъ избиралъ кураторовъ; два раза, въ 1902 и 1903 г.,

избиралъ судей. Но институтъ кураторовъ оказался мало жизненнымъ; что же касается профессорскаго суда, то въ теченіе перваго года онъ не функціонировалъ за неимѣніемъ къ тому поводовъ. Но въ мартѣ 1904 г. произошли въ университетѣ событія, по поводу которыхъ, согласно Высочайше утвержденнымъ правиламъ, суду надлежало высказать свое мнѣніе. „Однако", говоря словами одного изъ профессоровъ-судей [1]), „при первомъ же представившемся его компетенціи дѣлѣ, профессорскій судъ былъ устраненъ; оффиціально онъ находился въ полномъ невѣдѣніи относительно всего, что въ это время происходило въ университетѣ, и не могъ оказать никакого вліянія на ходъ событій, а между тѣмъ и общество, и студенты, и самъ совѣтъ, поручившій и довѣрившій намъ щекотливыя и отвѣтственныя обязанности университетскихъ судей, смотрѣли на судей и ждали отъ нихъ авторитетнаго разрѣшенія возникшихъ недоразумѣній. Создалось весьма непріятное и двусмысленное положеніе членовъ суда". Тогда они, каждый въ отдѣльности, подали въ совѣтъ заявленіе съ мотивированнымъ отказомъ отъ званія судей. Въ совѣтъ заявленіе ихъ тогда не было внесено, а въ концѣ концовъ каждый изъ судей получилъ бумагу, въ которой значилось, что г. министръ (генер.-лейт. В. Г. Глазовъ) призналъ, что подавшій заявленіе нарушилъ законы и постановленія, опредѣляющіе не только обязанности члена университетскаго суда, но и профессора [2]). Въ октябрѣ 1904 г. въ совѣтѣ громаднымъ большинствомъ голосовъ въ судьи были предложены (по запискамъ) тѣ же лица; всѣ они отказались отъ баллотировки, другія также, и выборы не состоялись

17 января 1905 г. исполнилось 100 лѣтъ со времени основанія Харьковскаго университета. Въ виду этого въ 1902 г. избрана была совѣтомъ коммиссія для редактированія намѣченныхъ юбилейныхъ изданій, по одному профессору отъ факультета. Главнымъ редакторомъ избранъ Д. И. Багалѣй. Кромѣ того, составлена была коммиссія для разсмотрѣнія вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ предстоявшаго юбилейнаго тор-

[1]) Протоколъ засѣд. совѣта 7 окт. 1904 г.
[2]) См. тотъ же протоколъ.

жества. Но въ виду тяжелыхъ испытаній, переживаемыхъ Россіей, самое торжество, назначенное на сентябрь 1905 г., отложено было на неопредѣленное время и не состоялось.

Если мы ко всему этому прибавимъ избраніе совѣтомъ почетныхъ членовъ, то исчерпаемъ въ сущности циклъ почти всѣхъ болѣе выдающихся дѣлъ, коими совѣту приходилось заниматься при дѣйствіи устава 1884 г., до 1905 г.

Если сфера дѣятельности совѣта при дѣйствіи устава 1884 г. съузилась, то функціи и дѣятельность правленія за разсматриваемый періодъ чрезвычайно расширились, особенно на практикѣ: можно сказать, что руководящее центральное значеніе перешло при дѣйствіи устава 1884 г. отъ совѣта къ правленію [1]). Правленіе—хозяйственно-административный органъ, а такъ какъ рѣдко въ какомъ учебномъ дѣлѣ, особенно если это касается учебно-вспомогательныхъ учрежденій, нѣтъ стороны матеріальной, то правленіе оказывало вліяніе почти на всю жизнь университета, рѣшая даже дѣла, относящіяся скорѣе къ компетенціи совѣта или факультета. Такъ, напр., оно предпринимало постройку новаго библіотечнаго зданія, а также помѣщенія для поликлиникъ дѣтскихъ, душевныхъ и накожныхъ болѣзней, безъ участія совѣта или (во второмъ случаѣ) факультета; отъ него тогда зависѣло назначить или не назначить субсидію на командировку того или другого лица и т. п. По самому уставу, правленію принадлежало разбирательство по студенческимъ дѣламъ и т. д.

Въ жизни университета въ этотъ періодъ, особенно въ послѣдніе годы, *инспекція* играла такую видную, вліятельную роль, что ея нельзя обойти молчаніемъ. Времена прежней, такъ сказать, патріархальной инспекціи, представителемъ которой являлся Ѳ. Ф. Рогожинъ, этотъ „отецъ студентовъ“ [2]), миновали. „Цѣль, сущность и смыслъ инспекціи, по уставу 1884 года и инструкціи“, говорится въ „Отвѣтѣ совѣта“ на предложенные въ 1901 году министерствомъ вопросы (стр. 115), „заключаются въ надзорѣ за поведеніемъ студентовъ какъ въ стѣнахъ университета, такъ, по мѣрѣ возможности, и внѣ его.

---

[1]) „Отвѣтъ“, стр. 36.

[2]) См. „Краткій оч. ист. Харьк. Унив.“, стр. 238.

Инспекторъ долженъ наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ и принимать всѣ зависящія отъ него мѣры къ *предупрежденію и пресѣченію* ихъ нарушенія; онъ и его помощники должны знать въ лицо всѣхъ студентовъ, слѣдить за посѣщеніемъ ими лекцій, ознакомиться съ ходомъ занятій и обстановкой стипендіатовъ и освобожденныхъ отъ платы; отъ инспектора" главнымъ образомъ „зависитъ выдача студентамъ стипендій и пособій. Онъ въ одно и то же время и слѣдователь, и прокуроръ, и судья по проступкамъ студентовъ". Онъ, какъ мы видѣли (стр. 245),—по уставу 1884 г. полноправный членъ правленія по всѣмъ вопросамъ. Но „основная функція инспекціи", по выраженію того же „Отвѣта",—„ничѣмъ не ограниченный надзоръ, доходящій до чтенія въ мысляхъ и намѣреніяхъ" (стр. 117). Кромѣ того, въ министерство Н. П. Боголѣпова (циркуляромъ отъ 27 іюня 1899 г.) на инспекцію возложена новая обязанность—„благожелательное попеченіе" о нуждахъ учащихся, а личный составъ ея еще болѣе усиленъ. Въ первое время послѣ введенія устава инспекторомъ студентовъ былъ назначенъ *В. О. Вольнеръ*, бывшій дотолѣ помощникомъ инспектора и затѣмъ проректора,—человѣкъ мягкій, но безхарактерный и не пользовавшійся авторитетомъ; онъ вскорѣ долженъ былъ выйти въ отставку; преемникъ его, *А. К. Ресницкій*, пробылъ въ Харьковѣ недолго. Въ 1887 г. назначенъ инспекторомъ *Н. И. Алякритскій* (кандидатъ Московскаго университета, бывшій преподаватель русскаго языка и затѣмъ директоръ реальнаго училища), 18 лѣтъ несшій эту обязанность и весьма вліявшій на университетскія дѣла.

III.

Каково было положеніе преподавателей въ университетѣ при дѣйствіи устава 1884 г., ясно уже изъ предыдущаго. На ходъ университетскихъ дѣлъ и управленія по самому уставу они вліянія не имѣли: они стояли какъ-бы въ сторонѣ, словно чужіе. Они стояли вдали и отъ студентовъ. Сближеніе съ учащеюся молодежью для профессора было даже не безопасно, какъ показываетъ примѣръ И. И. Дитятина, которому, между прочимъ, ставились въ вину его близкія отношенія къ студен-

тамъ, то, что онъ съ ними бесѣдуетъ, обѣдаетъ, принимаетъ ихъ у себя на дому. Печальныя послѣдствія такого положенія профессоровъ въ университетѣ сказались ясно къ концу 90-хъ годовъ. Тогда одною изъ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ возникновенію и распространенію студенческихъ безпорядковъ, была признана „разобщенность студентовъ между собой, съ профессорами и съ учебнымъ начальствомъ". Тогда сочли необходимымъ снова обратиться къ профессорскому вліянію и авторитету. Приняты были и нѣкоторыя мѣры для установленія желательнаго болѣе тѣснаго общенія между профессорами и студентами, какъ-то: болѣе широкая организація практическихъ занятій, учрежденіе научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ, устройство студенческихъ общежитій; но эти мѣры, о которыхъ мы еще будемъ говорить, оказались лишь палліативами, не приводящими къ цѣли... „Такое явленіе, какъ разобщенность студентовъ между собою, съ профессорами и учебнымъ начальствомъ", по словамъ коммиссіи, назначенной физико-математическимъ факультетомъ для обсужденія упомянутыхъ мѣръ [1]), „служитъ только внѣшнимъ проявленіемъ причинъ того разлада, который гнѣздится въ глубинѣ организмовъ нашихъ высшихъ просвѣтительныхъ учрежденій". Общая атмосфера, среди которой жилъ преподаватель университета, была тяжелая и не могла особенно способствовать подъему его духа и энергіи. „Профессора", говоритъ та же коммиссія, „призваны работать при самыхъ неблагопріятныхъ для этого условіяхъ. Факультетъ, который является отвѣтственнымъ за успѣшность научно-педагогической дѣятельности, лишенъ возможности оказывать на нее соотвѣтствующее воздѣйствіе: полная регламентація всѣхъ ея подробностей ставитъ преграду проявленію иниціативы со стороны факультета. Такимъ путемъ въ живое дѣло высшаго образованія вносится сухой формализмъ, подавляющій энергію и отзывчивость преподавателей и отнимающій у молодыхъ людей интересъ къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ".

Тѣмъ не менѣе, и среди этихъ неблагопріятныхъ условій, преподаватели Харьковскаго университета въ общемъ, по мѣрѣ

---

[1]) См. ея докладъ.

силъ и возможности, исполняли свой долгъ, а научная производительность ихъ развивалась, какъ показываетъ ежегодный длинный списокъ ихъ работъ [1]), среди которыхъ немало выдающихся трудовъ. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и ихъ дѣятельности интересующіеся могутъ найти въ „Біографическомъ Словарѣ“, который напечатанъ отдѣльными томами, по факультетамъ, и въ которомъ біографіи расположены по каѳедрамъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Здѣсь же достаточно сказать, что и за разсматриваемый періодъ въ числѣ профессоровъ Харьковскаго университета встрѣчается немало именъ, которыми, по справедливости, можетъ гордиться русская наука. Многіе изъ нихъ занимаютъ почетное мѣсто между современными учеными; нѣкоторыя имена хорошо извѣстны не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. Мы не беремъ на себя смѣлости выдѣлять изъ нынѣшняго состава отдѣльныя имена, какъ наиболѣе достойныхъ университетскихъ преподавателей и представителей науки. Но мы можемъ назвать изъ тѣхъ, кто уже оставилъ Харьковскій университетъ, напр. химика *Н. Н. Бекетова*, перешедшаго изъ Харькова въ Академію Наукъ, и извѣстнаго далеко за предѣлами нашего края окулиста *Л. Л. Гиршмана*, это дорогое для харьковцевъ имя, а изъ прежнихъ дѣятелей, уже покойныхъ, мы должны вспомнить такія имена, какъ *А. А. Потебня* и *М. С. Дриновъ* на историко-филологическомъ факультетѣ, *Л. С. Ценковскій*, *В. Г. Имшенецкій* (впослѣдствіи академикъ), *И. Ѳ. Левицковскій* на физико-математическомъ, *И. И. Дитятинъ*, *К. К. Гаттенбергеръ*, *Г. М. Цыхановецкій* (мало печатавшій, но широко образованный и необыкновенно начитанный въ разныхъ областяхъ знанія ученый), *А. Н. Стояновъ* на юридическомъ и клиницисты *В. Г. Лашкевичъ*, *В. І. Грубе*, *И. К. Зарубинъ* на медиц. факульт. Начало и расцвѣтъ дѣятельности въ Харьковскомъ университетѣ почти всѣхъ ихъ принадлежитъ скорѣе предшествующему времени. Изъ тѣхъ же профессоровъ, преподавательская дѣятельность которыхъ совпала какъ разъ съ разсматриваемымъ періодомъ и которые оставили Харьковъ, назовемъ, напр., проф. механики, достойнаго преемника *В. Г. Имшенецкаго*, *А. М. Ляпунова*,

[1]) См. „Отчеты“.

избраннаго въ Академію Наукъ и проф. сравнительнаго языкознанія *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго*, пріобрѣвшаго широкую извѣстность своими работами по теоріи поэтическаго творчества и критическими этюдами о русскихъ писателяхъ и пользовавшагося большими симпатіями слушателей, нынѣ тоже академика.

Уставъ 1884 года увеличилъ число *профессоровъ*. По штатамъ 1884 года въ Харьковскомъ университетѣ полагалось ординарныхъ профессоровъ 50 (вмѣсто 40, положенныхъ по уставу 1863 года), экстраординарныхъ 23 (вмѣсто 18), лекторовъ 4 (какъ и прежде). Въ моментъ введенія устава преподавательскій персоналъ Харьковскаго университета состоялъ изъ 40 ординарныхъ профессоровъ, 10 экстраординарныхъ, 22 штатныхъ доцентовъ, нѣсколькихъ приватъ-доцентовъ, 3 лекторовъ. Черезъ 20 лѣтъ, къ концу 1904 г., состояло: ординарныхъ профессоровъ 57 (въ томъ числѣ вышедшихъ изъ штата 22 и сверхштатныхъ 1), 1 исправляющій должность ординарнаго профессора, 11 экстраординарныхъ (въ томъ числѣ 1 сверхштатный), 16 и. д. экстраординарнаго проф., 56 приватъ-доцентовъ и 3 лектора. Такимъ образомъ, общее число преподавателей въ Харьковскомъ университетѣ къ концу разсматриваемаго періода = 144. Но уставъ 1884 г. упразднилъ должность штатнаго доцента, а такихъ штатныхъ доцентовъ по штатамъ 1863 г. полагалось 31, и въ моментъ введенія новаго устава ихъ было въ Харьковскомъ университетѣ, какъ мы только-что видѣли, 22. Для полученія званія профессора требуется высшая ученая степень—доктора. Между тѣмъ русскіе университеты не такъ богаты учеными силами, чтобы можно было замѣстить всѣ каѳедры лицами, имѣющими высшую степень. Поэтому преподаваніе по многимъ, даже основнымъ каѳедрамъ (напр. по классической филологіи, русской и всеобщей исторіи—на историко-филологическомъ факультетѣ или по уголовному, гражданскому, финансовому и торговому праву—на юридическомъ) приходилось часто поручать временно исправляющимъ обязанности профессора (бывшимъ доцентамъ) или приватъ-доцентамъ (по 64 ст. устава), въ большинствѣ случаевъ даже не магистрамъ, а магистрантамъ, или же профессорамъ, занимающимъ близкія по спе-

ціальности каѳедры, и затѣмъ такія порученія возобновлять изъ года въ годъ, иногда въ теченіе 14-ти лѣтъ, какъ это было, напр., на историко-филологическомъ факультетѣ по нѣкоторымъ отдѣламъ всеобщей исторіи. Трудность замѣщенія каѳедръ лицами, имѣющими высшую ученую степень—съ одной стороны, желаніе обезпечить положеніе молодыхъ ученыхъ, уже болѣе или менѣе извѣстныхъ своими трудами или преподавательскою дѣятельностью,—съ другой, по необходимости повели къ отступленіямъ отъ устава, съ Высочайшаго разрѣшенія. Такъ, уже въ 1888 г. въ Харьковскомъ университетѣ одинъ магистръ назначенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, а съ 1889 года слѣдуетъ рядъ назначеній магистровъ въ исправляющіе должность экстраординарнаго профессора; въ 1890 г. число таковыхъ въ Харьковскомъ университетѣ уже достигаетъ 7, а къ концу 1904 г.—16.

Зато уставъ 1884 года стремился дать широкое развитіе институту приватъ-доцентовъ. И дѣйствительно, съ его введеніемъ число приватъ-доцентовъ быстро возрастаетъ: передъ введеніемъ устава, къ 1 января 1884 года ихъ было 4, а въ 1904 г. — 56 (изъ нихъ большая часть приходится, конечно, на медицинскій факультетъ). Дальнѣйшему развитію и процвѣтанію этого института препятствовали тяжелыя матеріальныя условія, въ которыя поставлены были приватъ-доценты. Вслѣдствіе упраздненія штатной доцентуры молодымъ ученымъ, нерѣдко магистрамъ, пріобрѣвшимъ даже извѣстность своими научными трудами, приходилось тратить много лѣтъ и силъ, прежде чѣмъ они получали профессуру, а до тѣхъ поръ они находились въ крайне неопредѣленномъ, необезпеченномъ положеніи. Правда, большинство приватъ-доцентовъ въ Харьковскомъ университетѣ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, фактически замѣняли профессоровъ и читали обязательные курсы по порученію министра, съ вознагражденіемъ, равнымъ жалованью прежнихъ штатныхъ доцентовъ,—1200 руб. въ годъ. Но, не говоря уже объ ограниченности вознагражденія, подобныя порученія, въ силу устава, давались лишь на годъ, и лица, коимъ поручалось преподаваніе, могли каждый разъ опасаться, что по истеченіи срока не послѣдуетъ вновь порученія. Слѣдовательно, даже и такіе приватъ-доценты не

могли быть увѣрены въ завтрашнемъ днѣ. „На всякомъ другомъ поприщѣ“, читаемъ мы въ запискѣ одного изъ приватъ-доцентовъ Харьковскаго университета, по поводу пересмотра гонорарной системы, „лицо, работающее въ качествѣ слуги государства, по крайней мѣрѣ, спокойно за то, что̀ имъ уже пріобрѣтено: онъ знаетъ, что и завтра онъ и его семья будутъ имѣть то же, что̀ сегодня. Только приватъ-доцентъ, читающій обязательный предметъ, т.-е. выполняющій обязанность, требующуюся государствомъ, находится въ положеніи вольнонаемнаго, котораго каждый годъ можно безъ всякихъ разговоровъ и поводовъ удалить за ненадобностью... Привилегированные приватъ-доценты, такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ угнетены и нравственно, и умственно и, прежде чѣмъ добиться каѳедры и штатнаго мѣста, проходятъ такую школу, которая не можетъ быть признана для нихъ благотворною“ [1]). Еще въ худшемъ положеніи находились приватъ-доценты, читавшіе необязательные курсы и не получавшіе, слѣдовательно, опредѣленнаго вознагражденія. Вознагражденіе, которое выдавалось изъ суммъ министерства, ассигнуемыхъ на этотъ предметъ по 112 ст. устава, бывало обыкновенно недостаточно и носило притомъ случайный характеръ; конкурренціи съ штатными профессорами, которую имѣлъ въ виду уставъ, предоставляя студентамъ свободу выбора преподавателя, если одинъ и тотъ же предметъ читается нѣсколькими,—въ Харьковскомъ университетѣ мы почти не видимъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ на медицинскомъ факультетѣ); а гонораръ, особенно на факультетахъ малолюдныхъ, не могъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ для приватъ-доцента.

Вообще, свобода выбора предмета и преподавателя, при существованіи обязательныхъ учебныхъ плановъ и экзаменныхъ требованій и при соблюденіи извѣстной послѣдовательности преподаванія, въ дѣйствительности почти не имѣла мѣста. Параллельные курсы въ Харьковскомъ университетѣ тоже не развились, отчасти по малочисленности слушателей на нѣкоторыхъ факультетахъ, отчасти вслѣдствіе недостаточнаго коли-

[1]) „Докладъ коммиссіи... о системѣ вознагражденія преподавателей университета“ (стр. 29—30).

Харьковск... Университ... Библіотека

чества преподавателей, а отчасти и по нежеланію профессоровъ вступать въ личную конкурренцію другъ съ другомъ, которая могла имѣть скорѣе неблагопріятное вліяніе въ моральномъ отношеніи и которую они поэтому не считали полезною и удобною въ дѣлѣ университетскаго преподаванія. Въ теченіе перваго десятилѣтія, съ 1884 по 1894 г., въ Харьковскомъ университетѣ (если оставить въ сторонѣ медицинскій факультетъ, какъ находящійся въ нѣсколько иныхъ условіяхъ) былъ въ сущности только одинъ примѣръ настоящаго параллельнаго курса въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (на юридическомъ факультетѣ—по уголовному праву), да и то его вели не приватъ-доценты, а профессора, занимавшіе разныя каѳедры.

Замѣщеніе каѳедръ уставъ 1884 г. предоставлялъ министру, который при открывшейся вакансіи могъ или замѣщать ее по собственному усмотрѣнію, или предоставить университету избрать кандидата и представить его на утвержденіе. Долгое время послѣ введенія устава по отношенію къ Харьковскому университету преобладалъ первый способъ замѣщенія. Случалось, что министерство прямо присылало въ Харьковъ назначеннаго имъ профессора, безъ предварительнаго запроса и сношенія съ мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ, не говоря уже о совѣтѣ или факультетѣ. Иногда министерство, прежде чѣмъ назначить, предварительно запрашивало. Чаще же всего въ Харьковскомъ университетѣ практиковался такой способъ: преподаватель начиналъ свою дѣятельность въ качествѣ приватъ-доцента; по пріобрѣтеніи имъ степени магистра или доктора деканъ—иногда по частному соглашенію съ факультетомъ, а иногда и безъ такового—дѣлалъ представленіе о назначеніи этого преподавателя профессоромъ (если дѣло шло о магистрѣ, то—и. д. экстраординарнаго профессора); представленіе черезъ ректора и попечителя, съ ихъ заключеніями, шло въ министерство [1]). Подобные способы устраняли борьбу партій въ факультетѣ и совѣтѣ, чѣмъ сопровождались нерѣдко выборы при дѣйствіи устава 1863 года, но, разумѣется, они

[1]) Изрѣдка такія представленія, да и то лишь въ послѣдніе годы разсматриваемаго періода, исходили отъ факультета.

не исключали вліянія случайности, пристрастія или протекціи; наоборотъ, имъ открывался широкій просторъ. Къ тому же назначеніе профессоровъ самимъ министромъ, въ связи съ другими обстоятельствами, напр. предварительными замѣчаніями къ экзаменнымъ требованіямъ, напередъ опредѣлявшими направленіе и характеръ обязательныхъ для студентовъ курсовъ, содѣйствовало упадку нравственнаго вліянія и авторитета профессоровъ въ глазахъ молодыхъ людей, видѣвшихъ въ нихъ не независимыхъ и убѣжденныхъ служителей науки, а простыхъ „чиновниковъ".

Недостатки подобнаго способа замѣщенія каѳедръ, какъ уже сказано (стр. 320), были сознаны и министерствомъ, которое въ послѣднее время предпочитало поэтому прибѣгать къ системѣ конкурсовъ, имѣвшей, впрочемъ, свои неудобства. Такимъ образомъ, съ 1899 г. въ Харьковскомъ университетѣ каѳедры, преимущественно по медицинскому факультету, начали замѣщаться большею частью по конкурсу. Къ конкурсу (по другимъ факультетамъ), съ особаго каждый разъ разрѣшенія, допускались и магистры. Впрочемъ, на-ряду съ системой конкурсовъ не была совершенно оставлена и система назначеній (въ Харьковскомъ университетѣ былъ даже случай назначенія на каѳедру кандидата, котораго передъ тѣмъ факультетъ не призналъ возможнымъ допустить къ конкурсу, за неимѣніемъ у него трудовъ по данной спеціальности).

Разсадникомъ профессоровъ служилъ институтъ приватъ-доцентовъ и стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію. Ни тотъ, ни другой не былъ новъ. Но уставъ 1884 г. имѣлъ въ виду развить еще болѣе приватъ-доцентуру, а что касается стипендіатовъ, то незадолго до введенія этого устава были изданы правила о лицахъ, оставляемыхъ при университетахъ и командируемыхъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію (21 мая 1884), коими вводилась болѣе точная регламентація и устанавливался опредѣленный порядокъ оставленія при университетахъ или командированія за границу молодыхъ людей. Съ этихъ поръ само уже министерство, на основаніи всѣхъ представленныхъ ему данныхъ, опредѣляло, должно ли оставить рекомендуемаго кандидата и при какомъ университетѣ. Приблизительно половина

преподавателей Харьковскаго университета за разсматриваемый періодъ—питомцы этого же университета; большая часть ихъ вышла изъ стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію, и почти всѣ они прошли чрезъ приватъ-доцентуру...

Въ распредѣленіе наукъ по факультетамъ и каѳедрамъ уставъ 1884 г. внесъ сравнительно немного измѣненій. На историко-филологическомъ факультетѣ прежде отдѣльныя каѳедры греческой и римской словесности соединены были въ одну — классической филологіи; учреждена была новая каѳедра—географіи и этнографіи, которая въ 1888 г. съ историко-филологическаго факультета перенесена на физико-математическій. На послѣднемъ физическая географія соединена въ одну каѳедру съ физикой, а геогнозія и палеонтологія—съ минералогіей (подъ именемъ минералогіи и геологіи). Когда на этотъ факультетъ была перенесена каѳедра географіи, Харьковскій университетъ ходатайствовалъ о причисленіи физической географіи къ каѳедрѣ географіи (съ тѣмъ, чтобы метеорологія оставлена была при каѳедрѣ физики). На юридическомъ факультетѣ упразднены каѳедры исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ и исторіи славянскихъ законодательствъ, зато учреждена каѳедра торговаго права и торговаго судопроизводства. На медицинскомъ фак. нѣкоторые предметы выдѣлены въ самостоятельныя каѳедры, именно: ученіе о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, ученіе о накожныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ, офтальмологія съ клиникою, гигіена; вмѣсто одной каѳедры теоретической хирургіи установлено двѣ: оперативной хирургіи съ топографической анатоміей и хирургической патологіи съ десмургіей; учреждена новая каѳедра исторіи и энциклопедіи медицины, остававшаяся въ Харьковскомъ университетѣ, впрочемъ, въ теченіе всего этого періода не занятою. Въ 1891 г. Харьковскимъ университетомъ возбуждено было ходатайство объ учрежденіи особой каѳедры дѣтскихъ болѣзней, съ отдѣленіемъ ея отъ каѳедры акушерства, что́ и было разрѣшено (въ 1892 году).

Зато учебные планы и экзаменныя требованія 1885 г. отмѣнили существовавшія до того на историко филологическомъ фак. три отдѣленія (классическое, историческое и славяно-русское) и выдвинули на первое мѣсто классическую филологію,

какъ обязательный и основной предметъ для всѣхъ студентовъ этого факультета, безъ различія спеціальности, т.-е. какъ для исторической группы, такъ и для славяно-русской, и тѣмъ на время лишили историко-филологическій факультетъ его прежняго общеобразовательнаго характера. Уже тогда факультетъ высказывался за образованіе особой группы классической филологіи, но министерство не дозволяло „ни въ какомъ случаѣ“ возобновлять вышеупомянутое дѣленіе. Въ 1889 г. три отдѣленія были возстановлены самимъ министерствомъ. Въ 1901 г. историко-филологическій факультетъ, въ виду предположенной тогда реформы средней школы, идя на встрѣчу потребности въ хорошо подготовленныхъ преподавателяхъ новыхъ языковъ и въ интересахъ полноты факультетскаго преподаванія, выработалъ подробный планъ романо-германскаго отдѣленія и ходатайствовалъ объ его учрежденіи. Насколько ощущалась потребность въ такомъ отдѣленіи, показываетъ фактъ, что одновременно, но совершенно независимо, съ подобнымъ же ходатайствомъ обратился въ министерство и историко-филологическій факультетъ Новороссійскаго университета. Но ходатайство не имѣло результата. Что касается физико-математическаго факультета, то на немъ было упразднено физико-химическое отдѣленіе. Впослѣдствіи Харьковскій университетъ ходатайствовалъ о его возстановленіи, но безуспѣшно.

По нѣкоторымъ каѳедрамъ, хотя онѣ существовали и раньше, преподаваніе въ Харьковскомъ университетѣ стало вестись лишь въ разсматриваемый періодъ, напр. по исторіи и теоріи искусствъ (съ 1889 г.; особый преподаватель по этой каѳедрѣ—съ 1893 г.) и церковному праву (съ 1887 г.).

Повидимому, уставъ 1884 г. проводилъ принципъ „свободы слушанія и преподаванія“. Но эта свобода оказывалась номинальною. Во-1-хъ, существовали *обязательные* учебные планы. Какъ было упомянуто (стр. 317), Харьковскій университетъ въ 1885 г. выработалъ учебные планы, но министръ не призналъ возможнымъ утвердить ихъ и препроводилъ составленные въ министерствѣ примѣрные учебные планы съ тѣмъ, чтобы начальство Харьковскаго университета, примѣнивъ ихъ въ первое полугодіе 1885/6 г., представило въ министерство тѣ измѣненія, какія подлежащій факультетъ признаетъ нуж-

нымъ въ нихъ сдѣлать, или вновь составленные каждымъ факультетомъ учебные планы. Препровождены были также правила объ испытаніяхъ и зачетѣ полугодій и „экзаменныя требованія“.

Въ этихъ „экзаменныхъ требованіяхъ“ 3-го августа 1885 г. [1]) не только излагались основные пункты программы, но давались и руководящія указанія, весьма характерныя. „Основаніемъ филологическаго образованія“ поставлены оба классическіе языка; всѣ остальные предметы тутъ являются лишь дополнительными (впрочемъ, съ 1889 г., какъ мы видѣли, это нѣсколько измѣнилось). На юридическомъ факультетѣ на первый планъ выдвинуто римское право (вспомнимъ, что въ 1886 г. при Берлинскомъ университетѣ учреждена была даже семинарія для русскихъ молодыхъ ученыхъ, изучающихъ римское право). Мало того: предварительныя замѣчанія къ нѣкоторымъ экзаменнымъ требованіямъ напередъ опредѣляли, въ какомъ духѣ и направленіи читать курсы. Въ особенности характерны замѣчанія по юридическому факультету, и мы приведемъ изъ нихъ выдержки, чтобы освѣтить тогдашнее положеніе преподавателей и науки въ университетѣ. Въ началѣ тутъ заявлялось, что экзаменныя требованія ограничиваются общими указаніями, „не вдаваясь въ подробныя и систематическія программы, которыя могли бы стѣснить безъ надобности преподавателей и лишить ихъ столь дорогой въ дѣлѣ науки самостоятельности въ разработкѣ и изложеніи ея матеріала“. Но „требуется, главнымъ образомъ, опредѣлить съ нѣкоторою подробностью, по отношенію къ преподавателямъ и слушателямъ, направленіе и характеръ обязательныхъ для студента факультетскихъ занятій“. Юридическій факультетъ долженъ обладать предметомъ, „столь же всеобщимъ и обязательнымъ для всякаго просвѣщеннаго юриста“, „какъ математика для математиковъ, древніе языки съ ихъ дисциплинами для филологовъ и проч.“. Такимъ предметомъ не можетъ быть, напр., философія права. Слѣдуетъ пространная критика „философовъ“, „именующихъ себя позитивными“, и другихъ „всеобщихъ теоретиковъ и доктринеровъ“. „Вмѣсто разныхъ доктринъ и теорій, претендующихъ на все-

[1]) Они напечатаны, между проч., въ „циркулярахъ“ по округу.

общее значеніе и именующихъ себя философскими", рекомендуется руководствоваться „логикой здраваго смысла, рѣшенія которой столь же обязательны, какъ и очевидность факта. Что не выдерживаетъ ея окончательнаго суда, то не можетъ быть не только понимаемо, но и терпимо ни въ какомъ дѣлѣ. Испытательныя коммиссіи будутъ отъ испытуемыхъ прежде всего требовать, при положительномъ знаніи, доказательствъ здравомыслія въ сужденіяхъ о предметахъ, входящихъ въ кругъ ихъ изученія". Соединяющая умы въ положительномъ знаніи наука должна имѣть опредѣленный и данный въ дѣйствительности предметъ. Такимъ предметомъ является римское право. Слѣдуютъ доказательства важнаго значенія римскаго права. По поводу же государственнаго права дѣлаются такія, напр., замѣчанія: „Верховная власть есть принципъ государственнаго права... Раскрытіе существа ея въ данномъ государствѣ есть истинный предметъ науки о государствѣ, которая, нуждаясь въ достойномъ предметѣ, нерѣдко ищетъ его въ чужихъ, не помнящихъ объема своего примѣненія абстракціяхъ, въ произвольныхъ разсужденіяхъ и въ порожденныхъ недомысліемъ гипотезахъ, выдаваемыхъ за философію. У нѣмцевъ есть изобиліе философскихъ ученій; у французовъ, англичанъ и другихъ народовъ есть также свои воззрѣнія на міръ. Почему бы не взглянуть на міръ и съ точки зрѣнія русскаго народа? Вмѣсто абстракціи всеобщаго государственнаго права, почему бы въ наукѣ русскаго государственнаго права, которая обрекаетъ себя на перечень департаментовъ и канцелярій, не представить въ доказательномъ, достойномъ предмета и оживленномъ мыслью ученіи существо русскаго монархическаго начала? Вотъ философія не фиктивная, но дѣйствительная, выходящая изъ самой реальности предмета. Русская монархія есть нѣчто sui generis и можетъ быть изучаема лишь въ своей индивидуальности", и т. д. — Вообще, „испытательныя коммиссіи будутъ руководствоваться правиломъ non multa, sed multum. Голословныя характеристики и бездоказательныя положенія не будутъ имѣть никакой цѣны при испытаніяхъ... Иные думаютъ, что теоріями можно предохранить молодые умы отъ увлеченій. Большая ошибка! Обобщенія навязанныя, и притомъ преждевременно, оставляютъ въ умѣ легковѣсныя представленія, ко-

торыя безъ труда приводятся въ произвольныя сочетанія и порождаютъ мнѣніе, что такъ же легко можно обращаться и съ самыми предметами. Университетъ долженъ давать государству не верхоглядовъ, не фанатиковъ чужой мысли, но умы дѣльные, зрячіе, дѣйствительно знающіе и проникнутые чувствомъ реальности властвующихъ въ нравственномъ мірѣ силъ"... Далѣе опять слѣдуетъ полемика противъ „позитивныхъ философовъ", „создающихъ свою метафизику изъ біологическихъ абстракцій и мнящихъ, что достигаютъ положительнаго знанія посредствомъ всерѣшающихъ словъ... Юридической наукѣ не приходится, бросивъ свой предметъ, пускаться безъ руля и компаса отыскивать начало своего начала, и притомъ предъ слушателями, которые стеклись для пріобрѣтенія знанія, а не для слушанія безсмысленныхъ обрывковъ разныхъ мнѣній и произвольныхъ, не выдерживающихъ критики здраваго смысла, разсужденій".

Самый порядокъ составленія обозрѣнія преподаванія и распредѣленія лекцій былъ точно регламентированъ. Университетъ самъ не имѣлъ права ихъ составить и утвердить: составленные факультетами, на основаніи рапортовъ преподавателей о предполагаемыхъ ими чтеніяхъ и практическихъ занятіяхъ, проекты обозрѣнія преподаванія по семестрамъ съ распредѣленіемъ лекцій по днямъ и часамъ, по разсмотрѣніи ихъ совѣтомъ, должны были представляться на утвержденіе въ министерство. При этомъ, въ силу особаго распоряженія, должны были препровождаться каждый разъ и подлинные рапорты преподавателей. Разъ обозрѣніе и распредѣленіе были утверждены, какія-либо измѣненія въ нихъ, хотя бы они состояли только въ перенесеніи лекціи съ одного дня или часа на другой, по правиламъ могли быть дѣлаемы лишь съ разрѣшенія министерства. А такого рода измѣненія часто вызывались необходимостью (напр. недостаткомъ свободныхъ аудиторій, совпаденіемъ съ другими лекціями, перемѣнами въ преподавательскомъ персоналѣ и проч.) или интересами преподаванія и студентовъ. Случалось нерѣдко, что пока дѣло о перенесеніи какой-либо лекціи съ одного дня или часа на другой проходило всѣ инстанціи, вплоть до министерства, и получалось надлежащее разрѣшеніе, семестръ приближался къ концу. Поэтому вскорѣ

попечителю округа предоставлено было „въ особо уважительныхъ случаяхъ“ разрѣшать подобныя измѣненія (съ донесеніемъ объ этомъ министерству), но потомъ опять подтверждено, что для всякаго рода измѣненій въ обозрѣніи преподаванія необходимо разрѣшеніе министерства. Неразъ утвержденіе обозрѣнія преподаванія и распредѣленія лекцій по тому или иному факультету сопровождалось замѣчаніями со стороны министерства, причемъ случалось, что замѣчанія эти вызывались соблюденіемъ со стороны факультета указаній, сдѣланныхъ въ предшествующіе годы.

Установленіе обязательной для профессоровъ 6-часовой нормы — съ одной стороны и примѣрные планы, обязательность гонорара (отъ котораго отдѣльный профессоръ не имѣлъ права отказываться)—съ другой давали поводъ къ недоумѣніямъ и вызывали затрудненія, особенно на первыхъ порахъ: интересы преподаванія, требовавшіе иногда увеличенія числа лекцій, приходили въ столкновеніе съ матеріальными интересами студентовъ, такъ какъ увеличеніе числа лекцій влекло за собою увеличеніе гонорара. Между прочимъ, юридическій факультетъ дѣлалъ неоднократныя попытки выйти изъ такихъ затрудненій. Еще въ декабрѣ 1885 г. онъ возбуждалъ вопросъ, „не слѣдовало ли бы дозволить профессору, если онъ будетъ убѣжденъ опытомъ въ недостаточности числа часовъ по примѣрному плану для полноты преподаванія, назначить добавочные часы, за которые студенты не должны быть привлекаемы къ уплатѣ гонорара?“ и въ октябрѣ слѣдующаго года снова говоритъ о томъ, что онъ, факультетъ, въ попыткахъ усилить преподаваніе по отдѣльнымъ предметамъ былъ затрудненъ нормами примѣрнаго учебнаго плана и размѣромъ платы за слушаніе лекцій.

Съ 1884 г. практическія занятія, существовавшія въ Харьковскомъ университетѣ и раньше, притомъ не только на медицинскомъ, но и на другихъ факультетахъ, пріобрѣли особенно видное мѣсто въ системѣ преподаванія: они получили большое развитіе и сдѣлались однимъ изъ главныхъ средствъ усвоенія изучаемыхъ предметовъ и знакомства съ методами и пріемами изслѣдованія. Самый уставъ и правила имѣли въ виду развить эти занятія, при чемъ преслѣдовались однако не

однѣ научныя цѣли: министерство видѣло въ нихъ одно изъ средствъ борьбы съ студенческими движеніями и безпорядками. По поводу безпорядковъ 1887 г. министръ напоминалъ, что „при устроеніи университетскаго быта на основаніи устава 1884 г. министерство народнаго просвѣщенія руководилось тѣмъ убѣжденіемъ, что между преподавателями университетовъ и студентами должна существовать крѣпкая нравственная связь и постоянное общеніе. Съ этою цѣлью въ уставѣ и въ сдѣланныхъ министерствомъ въ развитіе его распоряженіяхъ были приняты особыя мѣры для возможнаго расширенія практическихъ занятій, ставящихъ учащихъ и учащихся въ ближайшее взаимное соприкосновеніе, и введены совѣщательные часы, дающіе возможность студентамъ обращаться съ своими недоумѣніями и вопросами къ преподавателю". Если цѣль эта не была достигнута, то, кромѣ общихъ причинъ, тутъ вліяли и условія университетскаго строя, созданныя уставомъ 1884 г., въ силу коихъ университетскіе преподаватели стояли какъ-бы въ сторонѣ отъ того, что происходитъ въ университетѣ, и нерѣдко оставались въ невѣдѣніи или узнавали слишкомъ поздно о томъ, какъ и изъ-за чего возникли волненія и какія мѣры приняты къ прекращенію ихъ. Кромѣ того, преподаватели на практическихъ занятіяхъ, посвященныхъ чисто научнымъ вопросамъ, напр. изъ области математики или медицины, не считали возможнымъ касаться вопросовъ не научнаго характера или политики. При преемникѣ гр. И. Д. Делянова, Н. П. Боголѣповѣ, на практическія занятія было обращено еще большее вниманіе. Послѣ безпорядковъ 1899 г. изданъ былъ циркуляръ объ ихъ широкой организаціи (21 іюля 1899), какъ средствѣ общенія между профессорами и студентами; на организацію этихъ занятій по историко-филологическому и юридическому факультетамъ ежегодно ассигновывалось съ тѣхъ поръ Харьковскому университету 3500 р. (изъ нихъ 1000 р. на долю перваго и 2500 на долю второго).

Въ предыдущіе періоды въ Харьковскомъ университетѣ нерѣдко читались спеціальные курсы; на нѣкоторыхъ факультетахъ они даже иногда преобладали, такъ что такъ назыв. общіе курсы составляли скорѣе исключеніе. Но они большею частью носили обязательный характеръ. Съ 1884 г. въ Харь-

ковскомъ университетѣ развиваются курсы необязательные, читаемые для желающихъ преимущественно приватъ-доцентами. Однако дальнѣйшему всестороннему развитію какъ практическихъ занятій, такъ и необязательныхъ, спеціальныхъ, курсовъ въ Харьковскомъ университетѣ, кромѣ другихъ причинъ, препятствіемъ служила недостаточность помѣщеній и средствъ, отпускаемыхъ на учебно-вспомогательныя учрежденія.

Дѣленіе на курсы было замѣнено дѣленіемъ на семестры (первое время послѣ обнародованія устава 1884 г. даже запрещалось употреблять наименованіе „курсы“ въ оффиціальныхъ бумагахъ); переходные экзамены уничтожены (за исключеніемъ медицинскаго факультета); въ университетѣ существовали лишь испытанія состязательныя для полученія стипендій и повѣрочныя для зачета полугодія. Но съ 1889 г. и тутъ замѣтенъ поворотъ къ прежнему порядку: въ видахъ установленія большаго контроля надъ занятіями студентовъ, введены обязательныя полукурсовыя испытанія, раздѣленныя на двѣ части (на 2-мъ и 4-мъ семестрѣ), т.-е. возстановлены, въ сущности, прежніе переходные экзамены (за исключеніемъ 6-го семестра [=3-му курсу], на которомъ экзамены введены потомъ, да и то на одномъ юридическомъ факультетѣ). Тогда же послѣдовало раздѣленіе преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ на общія и спеціальныя занятія по семестрамъ и на послѣднихъ 4 семестрахъ введены три спеціальныя группы—классическая, историческая и словесная, а крайности классическаго направленія смягчены. Такимъ образомъ возстановлено подраздѣленіе историко-филологическаго факультета на 3 отдѣленія, что̀ соотвѣтствовало, какъ мы видѣли, и желанію университета, высказанному еще въ 1885 г. Факультеты — сначала историко-филологическій, затѣмъ и физико-математическій и юридическій, — согласно предложенію министра о раздѣленіи полукурсовыхъ испытаній на двѣ части, выработали проекты полукурсовыхъ испытаній и учебныхъ плановъ.

Тотъ же 1889 годъ былъ первымъ годомъ дѣйствій испытательныхъ коммиссій (кромѣ медицинской) для производства экзамена лицамъ, получившимъ выпускныя свидѣтельства. Первыми предсѣдателями этихъ коммиссій были проф. И. В. Помялов-

скій (истор.-фил.), бывшій проф. Харьковскаго университета акад. В. Г. Имшенецкій (физ.-матем.) и проф. П. П. Цитовичъ (юридич., тоже одно время бывшій преподавателемъ Харьковскаго университета); членами же и экзаменаторами были профессора и приватъ-доценты университета. Коммиссіи дѣйствовали въ два періода, весною и осенью, и первые опыты экзаменовъ въ коммиссіяхъ, благодаря мягкости и снисходительности требованій, прошли безъ особыхъ затрудненій или недоразумѣній. Опытъ двухъ лѣтъ однако выяснилъ серьезныя неудобства производства экзаменовъ въ два періода, весною и осенью; поэтому въ 1890 г. осеннія коммиссіи были отмѣнены, и на будущее время экзамены въ историко-филологической, физико-математической и юридической коммиссіяхъ должны были происходить только въ маѣ [1]).

Какъ вліяли эти нововведенія на успѣшность занятій, объ этотъ свидѣтельствуетъ „Отвѣтъ совѣта“ Харьковскаго университета на 13-й вопросъ (одинъ изъ числа тѣхъ, которые предложены были министерствомъ въ 1901 г.). „Государственные экзамены, введенные уставомъ 1884 г.“, говорится здѣсь (стр. 88 сл.), „отразились самымъ неблагопріятнымъ образомъ на общемъ ходѣ университетской жизни. По идеѣ устава, экзамены эти должны были происходить въ особыхъ коммиссіяхъ, подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго каждый разъ министромъ, причемъ коммиссіи эти были поставлены какъ-бы внѣ университета, такъ какъ экзаменаторами въ нихъ назначались лица по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, причемъ лица эти должны были производить экзамены по программамъ, составленнымъ для этой цѣли въ министерствѣ... Опытъ перваго же года этихъ экзаменовъ показалъ, что отдѣлить ихъ отъ университетовъ, при настоящемъ положеніи ученыхъ силъ въ Россіи, нельзя. Экзаменаторами оказались тѣ же профессора, которые экзаменовали и прежде, но только нѣкоторые изъ нихъ стали называться „членами экзаменаціонныхъ коммиссій“, а другіе — просто „экзаменато-

[1]) Лишь по отношенію къ юридической коммиссіи 1901 г. сдѣлано исключеніе въ виду большого числа лицъ, подлежавшихъ испытанію, и ея дѣйствія продлены на осень.

рами"; профессора начали получать особое вознагражденіе за производство государственныхъ экзаменовъ, а предсѣдателями назначались по большей части профессора другихъ университетовъ, или вообще лица, состоящія на службѣ въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія, или, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ,—бывшіе профессора, состоящіе нынѣ на службѣ въ другихъ вѣдомствахъ.. Опытъ первыхъ годовъ введенія такъ называемыхъ „зачетовъ полугодій", а также обязанности студентовъ подвергаться экзамену по всѣмъ предметамъ въ одинъ экзаменаціонный срокъ показалъ все неудобство этихъ мѣръ. „Зачетъ полугодій", въ особенности на многолюдныхъ курсахъ и въ многолюдныхъ университетахъ, превратился въ пустую формальность и по большей части не производился совсѣмъ, такъ какъ преподаватели не могли очень скоро не разочароваться въ этомъ способѣ удостовѣренія студенческихъ знаній, отнимавшемъ у нихъ массу времени изъ назначеннаго для чтенія лекцій и веденія практическихъ занятій; студенты же относились къ этимъ зачетамъ прямо недоброжелательно, видя въ нихъ излишнюю формальность, подвергаться которой, въ виду предстоящихъ государственныхъ экзаменовъ, производимыхъ тѣми же профессорами, имъ, конечно, не хотѣлось... Вскорѣ обнаружились также неудобства производства экзаменовъ по всѣмъ предметамъ единовременно, т.-е. въ одинъ экзаменаціонный періодъ, по историко-филологическому, юридическому и физико-математическому факультетамъ и въ два — по медицинскому. Это неудобство выразилось прежде всего въ значительномъ пониженіи уровня знаній студентовъ на государственныхъ экзаменахъ, сравнительно съ уровнемъ, обнаруживаемымъ ими во время бывшихъ университетскихъ экзаменовъ, производившихся постепенно, изъ года въ годъ, по мѣрѣ прохожденія курса. Оказалось, что студенты очень мало занимались для „зачетовъ полугодій" и начинали заниматься только передъ самымъ экзаменомъ и, въ лучшихъ случаяхъ, — въ продолженіе 7-го и 8-го семестровъ. Пониженіе уровня не только знаній студентовъ на государственныхъ экзаменахъ, не только изъ развитія, но и общаго уровня научныхъ требованій отъ нихъ вызвано было еще и другой причиной, зависящей отъ системы государственныхъ экзаменовъ. Для этихъ послѣднихъ были вы-

работаны особыя программы, которыя сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и программами преподаванія... Эти программы вызвали къ жизни цѣлую литературу учебниковъ, конспектовъ и тому подобныхъ пособій, въ которыхъ наука излагалась „примѣнительно къ экзаменаціоннымъ требованіямъ“. Интересъ къ слушанію лекцій у студентовъ почти исчезъ: да и какой въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть интересъ въ слушаніи лекцій, излагаемыхъ примѣнительно къ разъ навсегда составленной программѣ, когда имѣлись конспекты, даже цѣлые курсы, изложенные „примѣнительно“ къ этимъ же программамъ, съ помощью которыхъ можно было выдержать совершенно удовлетворительно государственный экзаменъ. Въ большой мѣрѣ понизился также интересъ чтенія лекцій и у профессоровъ. Они лишены были права, благодаря этимъ программамъ, излагать науку въ той системѣ, какую они себѣ выработали сами; они лишились возможности дѣлиться со своими слушателями тѣми учеными работами, которыя производили или изучали въ данное время,—и тѣмъ самымъ стѣна, поставленная уставомъ 1884 г. между преподавательскимъ персоналомъ и учащимися, росла все больше и больше... Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что министерскія программы, хотя и признанныя обязательными для профессоровъ, фактически въ очень большомъ числѣ случаевъ не выполнялись, тѣмъ болѣе, что слова „читать лекціи примѣнительно къ министерскимъ программамъ“ давали законный поводъ къ весьма существеннымъ уклоненіямъ отъ нихъ; министерство вполнѣ примирилось съ этимъ фактомъ, потребовавъ лишь, чтобы профессора, черезъ деканова, сообщали предсѣдателямъ экзаменаціонныхъ коммиссій о тѣхъ отступленіяхъ, которыя ими были допущены въ изложеніи предметовъ. Но сами предсѣдатели экзаменаціонныхъ коммиссій, въ качествѣ профессоровъ, сознавали неудовлетворительность и устарѣлость программъ и во время экзаменовъ совершенно спокойно выслушивали тѣ отвѣты, которые давали студенты не по министерской программѣ, а по программѣ профессора-экзаменатора, своевременно утвержденной министерствомъ въ видѣ обязательно представляемаго каждымъ профессоромъ въ началѣ семестра обозрѣнія преподаванія. Такимъ образомъ, государственные экзамены превратились въ самые обыкно-

венные университетскіе экзамены, но только съ пониженными спеціально „экзаменаціонными“ требованіями и съ присланнымъ со стороны предсѣдателемъ, не имѣвшимъ никакого вліянія ни на ходъ преподаванія въ университетѣ, ни на поднятіе уровня знаній студентовъ во время экзаменовъ. Предсѣдатель видѣлъ студентовъ только во время экзаменовъ, не былъ знакомъ ни съ характеромъ, ни съ индивидуальными качествами каждаго изъ нихъ и, какъ лицо постороннее данному университету, заботился лишь о томъ, чтобы экзамены проходили безъ всякихъ инцидентовъ. Молодые люди, „коимъ зачтено было 8 полугодій“, очень часто подносили предсѣдателямъ благодарственные адресы за ихъ сердечное отношеніе, сказавшееся въ весьма значительномъ процентѣ лицъ, оканчивавшихъ курсъ съ дипломомъ 1-й степени, но... съ очень низкимъ уровнемъ знаній. Само министерство видѣло, что дѣло не стоитъ такъ хорошо, какъ это казалось съ перваго взгляда. Мало-по-малу были возстановлены бывшіе прежде университетскіе экзамены, подъ названіемъ полукурсовыхъ, а безъ нихъ студентовъ не допускали къ государственнымъ экзаменамъ; при этомъ студенты освобождались отъ экзаменовъ въ государственныхъ коммиссіяхъ по тѣмъ предметамъ, для которыхъ установлены были полукурсовые. На юридическомъ, напр., факультетѣ полукурсовые экзамены производятся въ настоящее время [1]) по всѣмъ предметамъ, читаемымъ на 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ курсахъ, а государственные — только по предметамъ, читаемымъ на 4-мъ курсѣ (гражданское и торговое право и судопроизводство, международное право, уголовное право и судопроизводство) и по римскому праву! Это привело къ раздѣленію предметовъ университетскаго преподаванія на главные и второстепенные, при чемъ главными въ глазахъ студентовъ оказались тѣ, по которымъ удержаны были государственные экзамены, а второстепенными тѣ, по которымъ установлены были полукурсовые. Этотъ крайне вредный для всего хода университетсаго преподаванія взглядъ находилъ себѣ, однако, подтвержденіе въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ министерства. Такъ, одно время было установлено,

[1]) Напомнимъ, что это писалось въ 1901 г.

что студенты имѣютъ право представлять въ экзаменаціонныя коммиссіи сочиненія только по „главнымъ“ предметамъ, т.-е. по тѣмъ, экзаменъ по которымъ производится въ государственныхъ коммиссіяхъ. Правда, распоряженіе это было вскорѣ, по ходатайству факультетовъ, отмѣнено, но самый фактъ его появленія не могъ не оказать своего вліянія. Студенты, кромѣ того, не могли не придавать значенія тому обстоятельству, что профессора однихъ предметовъ производятся одинъ разъ въ году въ члены экзаменаціонныхъ коммиссій; что за свое участіе въ нихъ они получаютъ особое вознагражденіе, — тогда какъ профессора другихъ предметовъ, по которымъ экзамены производятся въ концѣ каждаго учебнаго года, не имѣютъ ни особаго такого званія, ни особаго вознагражденія за свой трудъ, хотя онъ бываетъ гораздо болѣе тяжелымъ, чѣмъ у ихъ товарищей по преподаванію — членовъ экзаменаціонныхъ коммиссій, просто потому, что число экзаменующихся на первыхъ курсахъ всегда больше экзаменующихся въ государственныхъ коммиссіяхъ. Но дѣленіе предметовъ на главные и второстепенные имѣло своимъ послѣдствіемъ еще и пониженіе интереса студентовъ къ болѣе спеціальному изученію „второстепенныхъ“ предметовъ, къ числу которыхъ, напр., на юридическомъ факультетѣ относятся такія важныя дисциплины, какъ государственное право, исторія философіи права, политическая экономія и статистика, финансовое и полицейское право, церковное право и проч....“.

IV.

Хроническимъ недугомъ Харьковскаго университета, весьма затруднявшимъ при преподаваніи, была крайняя, „вопіющая“ тѣснота помѣщеній. Зданіе Харьковскаго университета оказывалось недостаточнымъ для размѣщенія лабораторій и кабинетовъ; пользованіе коллекціями въ музеяхъ для демонстрированія на лекціяхъ студентамъ сдѣлалось съ теченіемъ времени совершенно невозможнымъ вслѣдствіе тѣсноты; университетскія аудиторіи, вмѣсто 200 слушателей, могли вмѣщать только 50. Въ 1882 г. одинъ изъ преподавателей университета въ оффиціальномъ рапортѣ заявлялъ, что аудиторія его вмѣщаетъ только

пятую часть слушателей и наполняется настолько, что онъ при преподаваніи физики не можетъ ни пользоваться доской, такъ какъ между нею и скамьями стоитъ сплошная толпа студентовъ, ни производить опытовъ, и случалось, что вслѣдствіе тѣсноты и отсутствія вентиляціи съ нѣкоторыми студентами дѣлалось дурно. Между тѣмъ въ распоряженіи университета, по выраженію одного изъ протоколовъ совѣта (1880 г.), „не находилось ни одного угла, на счетъ котораго онъ могъ бы расширить хотя бы и одну аудиторію". Еще въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка совѣтъ изыскивалъ средства для расширенія университетскихъ помѣщеній; неоднократно представлялись докладныя записки, ходатайства и т. д., и только въ разсматриваемый періодъ въ этомъ отношеніи наступило значительное улучшеніе. Прежде всего настоятельная нужда сказывалась въ двухъ зданіяхъ: 1) для кабинетовъ и лабораторій медицинскаго факультета и 2) для клиникъ. Эта насущная необходимость была, наконецъ, удовлетворена.

Въ 1884 г. извѣстный общественный дѣятель И. Г. Харитоненко пожертвовалъ для потребностей университета трехъэтажное зданіе, предназначавшееся имъ первоначально для устройства студенческаго общежитія, и 50000 р. съ тѣмъ, чтобы изъ суммъ государственнаго казначейства ежегодно выдавалось по 6000 р. на содержаніе при Харьковскомъ университетѣ 20-ти стипендіатовъ (1 имени императора Александра II, 1 имени императора Александра III и 18 имени жертвователя). Высочайше разрѣшено было принять это пожертвованіе, и такимъ образомъ Харьковскій университетъ пріобрѣлъ помѣщеніе, въ которое перенесена была большая часть учрежденій медицинскаго факультета. А въ 1886 г. приступлено было къ постройкѣ отдѣльнаго зданія для анатомическаго театра.

Еще важнѣе для Харьковскаго университета была постройка клиникъ. До того времени харьковскія клиники, собственно говоря, не имѣли спеціально предназначеннаго для этой цѣли помѣщенія: онѣ ютились то въ небольшомъ флигелѣ во дворѣ стараго университета (съ 1814 г.), то въ пріобрѣтенномъ у частнаго лица деревянномъ строеніи, весною заливаемомъ водою (съ 1819), то, наконецъ, въ помѣщеніи, которое прежде служило частью квартирой ректора и его помощника, частью ти-

пографіей (1829 г.). Акушерская клиника впослѣдствіи (1867) была выведена изъ университетскаго зданія и устраивалась въ частныхъ наемныхъ домахъ, равно какъ и глазная (съ 1871 года). Въ какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ находились клиники, видно, напр., изъ указанія отчета за 1880 г. на то, что одною изъ причинъ значительной смертности въ хирургической клиникѣ является помѣщеніе этой послѣдней, перестающее удовлетворять самымъ скромнымъ требованіямъ гигіены. Университетъ хлопоталъ объ улучшеніи клиникъ; проектировалось то расширить и надстроить ихъ, то пріобрѣсти новыя зданія и т. под. Но недоставало денежныхъ средствъ. Во время посѣщенія находившихся въ университетской клиникѣ раненыхъ при крушеніи императорскаго поѣзда близъ Борокъ (17 окт. 1888 г.) императоръ Александръ III лично видѣлъ, какъ неудовлетворительны помѣщенія этого столь важнаго университетскаго учрежденія. 7 іюня 1890 г. Высочайше утверждено было мнѣніе Государственнаго Совѣта, вслѣдствіе доклада министра народнаго просвѣщенія, объ отпускѣ на улучшеніе и расширеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій шести университетовъ 1500000 р., изъ коихъ на долю Харьковскаго университета предоставлялось 400000 р., т.-е. болѣе четверти всей суммы (хотя по первоначально составленному проекту новыхъ харьковскихъ клиникъ требовалось болѣе 1000000 р.). Въ 1894 году приступлено было къ постройкѣ клиникъ, которыя разсчитаны были на 155 кроватей (вмѣсто прежнихъ 75); открытіе же ихъ послѣдовало въ 1896 г. Затѣмъ были выстроены городомъ при Александровской больницѣ новыя помѣщенія и для госпитальныхъ клиникъ, хирургической и терапевтической. Обставлены онѣ при содѣйствіи университета, ходатайствовавшаго объ ассигнованіи министерствомъ народнаго просвѣщенія соотвѣтствующей суммы. Число больныхъ, принимаемыхъ въ новыхъ клиникахъ, въ общемъ весьма возросло сравнительно съ прежнимъ...

Въ то же время значительно улучшены и расширены помѣщенія и учебно-вспомогательныхъ учрежденій физико-математическаго факультета, отчасти на государственныя средства, отчасти же на спеціальныя или на пожертвованія.

Особенно ощущалась неудовлетворительность Харьковской

астрономической обсерваторіи, находившейся на неудачно выбранномъ мѣстѣ; въ этомъ отношеніи она „могла служить лишь хорошимъ указаніемъ того, гдѣ не нужно строить обсерваторію“ [1]). Еще въ 40-хъ годахъ составленъ былъ проектъ новой обсерваторіи, но, по представленію тогдашняго генералъ-губернатора и вмѣстѣ попечителя учебнаго округа С. А. Кокошкина, вмѣсто нея устроенъ былъ Ветеринарный институтъ, на который затрачены были и экономическія суммы университета; другая сумма—въ 150000 р.—взята была для постройки астрономической обсерваторіи въ Казанскомъ университетѣ. Только въ началѣ 80-хъ годовъ, на спеціальныя средства университета, приступлено было, наконецъ, къ постройкѣ новой обсерваторіи въ Университетскомъ саду, законченной въ главныхъ частяхъ въ 1884 году. Затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ годовъ шло приспособленіе ея для научныхъ и учебныхъ цѣлей. На все это много положилъ труда и времени тогдашній представитель каѳедры астрономіи въ Харьковскомъ университетѣ, Г. В. Левицкій. Между прочимъ, благодаря пожертвованію А. Н. Эдельберга (6000 р.) и назначенной совѣтомъ университета суммѣ (4000 руб.), явилась возможность пріобрѣсти меридіанный кругъ, по оптической силѣ большій, нежели въ Пулковѣ. Въ 1892 году, на пожертвованіе того же А. Н. Эдельберга и на средства, полученныя отъ города и отъ университета, устроена была вращающаяся башня для переносныхъ инструментовъ. Благодаря всему этому новая Харьковская обсерваторія вскорѣ заняла видное мѣсто въ ряду другихъ русскихъ обсерваторій. Она способствовала начатію въ Россіи интересныхъ и важныхъ наблюденій надъ горизонтальнымъ маятникомъ; наблюденія надъ луннымъ затменіемъ въ 1891 г. на ней были сдѣланы гораздо полнѣе, чѣмъ то удалось на большинствѣ европейскихъ обсерваторій. При новой обсерваторіи необходимъ былъ астрономъ-наблюдатель,—должность, не внесенная въ штатъ Харьковскаго университета, и еще въ 1891 году возбуждено было ходатайство объ учрежденіи таковой должности,—ходатайство, увѣнчавшееся успѣхомъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ.

[1]) Докладъ доцента Г. В. Левицкаго.

Въ 1889 г. признана была неотложная необходимость улучшить учебно-вспомогательныя учрежденія, о чемъ давно уже ходатайствовалъ университетъ, и отпущена сумма въ 50000 р., на которую переустроена химическая лабораторія, выстроено особое зданіе для геологическаго и палеонтологическаго кабинетовъ и закончено устройство незадолго передъ тѣмъ воздвигнутаго анатомическаго театра. Въ 1891 г. возбуждено было ходатайство объ учрежденіи при Харьковскомъ университетѣ метеорологической станціи второго разряда и о назначеніи постоянной суммы на ея содержаніе. Министерство разрѣшило учредить такую станцію, но на спеціальныя средства университета. Такимъ образомъ, въ 1892 г. возникло магнито-метеорологическое отдѣленіе физическаго кабинета—правда, очень тѣсное,—и при немъ метеорологическая станція, сначала временно помѣщавшаяся въ зданіи астрономической обсерваторіи, а потомъ перешедшая въ отдѣльный павильонъ, выстроенный на пожертвованіе г-жи Головковой. Въ то же время въ помѣщеніи физической лабораторіи сдѣланы нѣкоторыя улучшенія, а помѣщеніе зоологическаго музея нѣсколько расширено (все это—на спеціальныя университетскія средства). Въ 1894 г. возникъ вопросъ объ устройствѣ физической обсерваторіи, на постройку которой испрашивалось 35000 руб.; но ходатайство это не имѣло благопріятнаго результата.

Затѣмъ правленіемъ Харьковскаго университета выстроено зданіе, въ которомъ помѣщались поликлиники душевныхъ, дѣтскихъ и накожныхъ болѣзней. Кромѣ обширнаго зданія общежитія, о которомъ еще придется упомянуть, Харьковскій университетъ въ послѣдніе годы этого періода обогатился новымъ библіотечнымъ помѣщеніемъ и помѣщеніемъ для Историческаго архива, Этнографическаго отдѣла и Кабинета при историко-филологическомъ факультетѣ, предназначеннаго для практическихъ занятій со студентами. Оба эти помѣщенія выстроены почти заново, на спеціальныя средства (на сбереженія изъ арендной суммы за домъ на Московской ул.), на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была хирургическая клиника. Новое библіотечное зданіе, стоящее около 85000 р., состоитъ изъ прекрасной залы, нѣсколькихъ комнатъ для канцеляріи библіотеки и выдачи книгъ и 3-этажнаго книгохранилища, съ желѣзными полками

и вообще безопаснаго въ пожарномъ отношеніи. Лишь небольшая часть книгъ осталась въ прежнемъ книгохранилищѣ; остальныя перенесены въ новое и разставлены по иной системѣ, что̀ потребовало, конечно, большой работы. Библіотека пополнялась не только путемъ выписки книгъ (частью на штатныя суммы, а частью на спеціальныя), но и путемъ пожертвованій. Такъ, въ 1883 г. г-жа Сомова пожертвовала университету библіотеку, находившуюся въ проданномъ ею имѣніи Козырщинѣ; въ 1886 г. пожертвована библіотека А. М. Матушинскаго, до 2000 томовъ роскошныхъ изданій, преимущественно по исторіи искусствъ, съ коллекціями рисунковъ и гравюръ, составившая особое отдѣленіе фундаментальной библіотеки; пожертвованы, кромѣ того, библіотеки покойныхъ проф. Л. З. Колмачевскаго, И. П. Сокальскаго, И. К. Зарубина, акад. и бывшаго проф. Харьковскаго университета М. И. Сухомлинова и друг. Такимъ образомъ, фундаментальная библіотека за разсматриваемыя 20 лѣтъ увеличилась приблизительно на четверть. Состоящее съ 1879 г. при университетской библіотекѣ студенческое отдѣленіе (для выдачи книгъ преимущественно студентамъ), содержимое на спеціальныя средства университета, пока по-прежнему оставалось въ одной изъ аудиторій.

Въ 1885 г. при юридическомъ факультетѣ возникъ *Юридическій кабинетъ*, располагающій особою библіотекою, преимущественно справочныхъ пособій. Въ 1900 г. при историко-филологическомъ факультетѣ возникъ Кабинетъ для практическихъ занятій со студентами; при немъ также имѣется небольшая библіотека.

Историческій архивъ, образовавшійся въ 1879—80 г. и состоящій собственно при Историко-Филологическомъ Обществѣ, пополнился въ разсматриваемый періодъ многочисленными вновь поступившими документами [1]). Къ его главной основѣ—Черниговскому архиву—прибавились дѣла Полтавскаго губернскаго правленія, документы, хранившіеся въ Харьковскомъ губернскомъ правленіи и содержащіе дѣла нынѣ упраздненныхъ присутственнымъ мѣстъ и т. под. Такимъ образомъ, образовались

[1]) *Е. М. Ивановъ*, Харьк. Истор. архивъ, 1904 (отд. отт. изъ XIV т. Сборн. Харьк. Историч.-Филол. Общества).

два главныхъ его отдѣленія—Малороссійское (Черниговo-Полтавское) и Слободско-Украинское (Харьковское). При архивѣ основанъ также отдѣлъ для бумагъ профессоровъ и вообще мѣстныхъ дѣятелей. По своему значенію Харьковскій Историческій архивъ, въ которомъ до 60000 зарегистрированныхъ дѣлъ и огромное число еще не зарегистрированныхъ, приближается къ областнымъ центральнымъ архивамъ—Кіевскому и Виленскому: это—единственное провинціальное собраніе, на основаніи котораго можетъ быть возсоздана прошлая жизнь территоріи, занятой въ настоящее время Харьковской, Черниговской и отчасти Курской, Воронежской и Екатеринославской губ. Первоначально документы 3 года лежали въ тюкахъ на хорахъ актоваго зала и въ библіотечномъ корридорѣ, за неимѣніемъ помѣщенія. Затѣмъ архивъ ютился въ 2 небольшихъ комнатахъ за актовымъ заломъ и только почти черезъ 20 лѣтъ послѣ своего возникновенія получилъ болѣе просторное помѣщеніе въ зданіи прежней хирургической клиники, теперь заново перестроенномъ. Завѣдуетъ Историческимъ архивомъ проф. Д. И. Багалѣй; при немъ имѣется и архиваріусъ, который однако до сихъ поръ въ штатъ не введенъ, и лишь благодаря счастливой случайности удавалось для этой должности находить лицъ, живо интересующихся архивнымъ дѣломъ и большею частью съ университетскимъ образованіемъ (А. Д. Твердохлѣбовъ, Н. Н. Бакай, М. М. Плохинскій, Е. М. Ивановъ).

Музей изящныхъ искусствъ при Харьковскомъ университетѣ превратился теперь въ музей изящныхъ искусствъ и *древностей* [1]): такъ возросъ въ немъ отдѣлъ древностей. Не говоря уже объ отдѣльныхъ предметахъ, въ него поступила коллекція древностей, добытыхъ свящ. Спѣсивцевымъ въ с. Райгородкѣ (Изюмскаго уѣзда). Но еще болѣе обогатился музей за послѣдніе годы. Благодаря XII Археологическому съѣзду въ Харьковѣ и энергичной дѣятельности предварительнаго комитета (проф. Д. И. Багалѣя, Е. К. Рѣдина и друг.) при немъ, можно сказать, вновь возникъ отдѣлъ древностей первобытныхъ, мѣстныхъ, среди нихъ и церковныхъ, такъ какъ

[1]) См. *Е. К. Рѣдинъ*, Музей изящн. иск. и древ. Имп. Харьк. унив. 1904, (изъ Зап. Импер. Харьк. Унив.).

добытые подготовительными работами къ съѣзду, путемъ раскопокъ и экскурсій, памятники, почти всѣ, за немногими исключеніями, поступили въ собственность музея, благодаря содѣйствію предсѣдателя Импер. Московскаго Археологическаго Общества, гр. П. С. Уваровой. Къ сожалѣнію, музей, по-прежнему, находился въ „невозможномъ“ помѣщеніи... Благодаря тому же Археологическому съѣзду и трудамъ проф. Н. Ѳ. Сумцова, А. Н. Краснова и друг. возникъ *Этнографическій отдѣлъ*, помѣщавшійся одно время въ томъ же зданіи, гдѣ Историческій Архивъ.

Нумизматическій кабинетъ, въ которомъ обращаетъ на себя вниманіе весьма интересное собраніе медалей, приведенъ въ надлежащій порядокъ нынѣшнимъ завѣдующимъ проф. Р. И. Шерцлемъ. Но, къ сожалѣнію, и этотъ кабинетъ долго находился въ помѣщеніи „невозможномъ“.

Вообще, не смотря на всѣ перечисленныя выше расширенія и улучшенія помѣщеній, Харьковскій университетъ все-же продолжалъ еще страдать отъ тѣсноты; такъ, напр., число аудиторій было недостаточно и при распредѣленіи лекцій постоянно возникали затрудненія; бывали случаи, что лекціи читались въ профессорской комнатѣ или даже въ университетскомъ дворѣ, въ бесѣдкѣ (случай съ однимъ изъ преподавателей юридическаго факультета). Въ виду тѣсноты помѣщеній, для практическихъ занятій поневолѣ приходилось устраивать смѣны. Нѣкоторыя лабораторіи были такъ тѣсны, что не вмѣщали и трети слушателей, а воздухъ въ нихъ такой, что студенты заболѣвали [1]). Каково было состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій Харьковскаго университета, не смотря на всѣ его старанія улучшить ихъ, показываетъ „Отвѣтъ“ совѣта на первый дополнительный вопросъ, который онъ присоединилъ къ извѣстнымъ 18 вопросамъ министерства въ 1901 г. [2]). „Состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій Харьковскаго университета“, говорится здѣсь (стр. 122 сл.), „далеко не удовлетворительное, можно сказать даже — плачевное. Ютясь большею частью въ тѣсныхъ, плохо приспособленныхъ помѣщеніяхъ, не имѣя достаточныхъ средствъ, учрежденія эти да-

[1]) Засвидѣтельствовано университетскимъ врачемъ.

[2]) См. выше, стр. 321 сл.

Харьковск. О-во Сельск

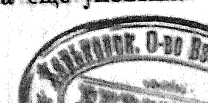
леко не соотвѣтствуютъ современному состоянію науки, не отвѣчаютъ своей задачѣ и не могутъ, какъ слѣдуетъ, выполнять своего назначенія, и это въ то время, когда возникаютъ прекрасно и богато обставленныя спеціальныя высшія учебныя заведенія — политехникумы и технологическіе институты...". (Писано въ 1901 г.). „Медицинскій факультетъ Харьковскаго университета не имѣетъ вовсе такихъ важныхъ учрежденій, какъ напр. клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней, дѣтскихъ болѣзней, кожныхъ и сифилиса. Каѳедры общей патологіи, фармакологіи и гигіены до сихъ поръ не имѣютъ штатныхъ помощниковъ профессора; помѣщенія для кабинетовъ и лабораторій этихъ каѳедръ совершенно не приспособлены для потребностей строго-научнаго преподаванія, экспериментальнаго по преимуществу; всѣ каѳедры медицинскаго факультета не обезпечены достаточнымъ количествомъ инвентаря и не имѣютъ низшаго служебнаго персонала. На физико-математическомъ факультетѣ есть кабинеты и лабораторіи, вовсе не имѣющіе лаборантовъ, а многіе не имѣютъ лаборантовъ штатныхъ. Музей изящныхъ искусствъ ютится въ совершенно непригодномъ помѣщеніи, грозящемъ порчею и гибелью коллекціи картинъ". Нумизматическій кабинетъ имѣетъ тѣсное и совершенно неудовлетворительное помѣщеніе. „Историческій архивъ", имѣющій огромное научное значеніе и могущій служить полезнымъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ для историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ, находится *внѣ штата 20 лѣтъ* и проч.

„Средства, отпускаемыя на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Харьковскомъ университетѣ, совершенно недостаточны. Насколько они скудны, показываетъ, между прочимъ, положеніе фундаментальной библіотеки (стр. 121—123). „На выписку книгъ на нѣкоторыхъ факультетахъ приходится около 26 руб. на каѳедру въ годъ". Въ 1896 г. дѣло дошло до того, что физико-математическій факультетъ долженъ былъ отказаться отъ пріобрѣтенія книгъ, такъ какъ по раздѣленіи штатной суммы поровну между факультетами на его долю пришлось 1365 р., между тѣмъ однихъ періодическихъ изданій факультетъ предположилъ выписать на 1448 р. Самое помѣщеніе библіотеки было настолько ветхо и опасно въ пожар-

номъ отношеніи, что правленіе университета, видя безуспѣшность прежнихъ ходатайствъ объ улучшеніи учебно-вспомогательныхъ учрежденій, въ теченіе многихъ лѣтъ должно было дѣлать сбереженія изъ спеціальныхъ средствъ, отказывая всѣмъ членамъ совѣта часто въ удовлетвореніи самыхъ основательныхъ ихъ ходатайствъ и научныхъ нуждъ, чтобы составить сумму, достаточную для осуществленія проекта зданія новаго книгохранилища, и такимъ образомъ предохранило отъ опасности библіотеку, — это наиболѣе цѣнное имущество университета. „Для многихъ учрежденій вовсе не имѣется штатныхъ суммъ, и они содержатся на скудныя спеціальныя средства университета...“.

Возбуждались подробно мотивированныя ходатайства о постройкѣ соотвѣтствующихъ зданій для химическихъ лабораторій, физическаго института, музея изящныхъ искусствъ и древностей, трехъ клиникъ (душевныхъ болѣзней, накожныхъ и пропедевтической), служительскаго корпуса и проч. Въ общемъ оказывалось, что для надлежащаго благоустройства учебно-вспомогательныхъ и административныхъ учрежденій Харьковскаго университета необходима сумма болѣе 2 милліоновъ. Была надежда на удовлетвореніе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ ходатайствъ, но тутъ наступила тяжелая война на Дальнемъ Востокѣ...

По штатамъ 1884 года на содержаніе Харьковскаго университета полагалось 327190 р., не считая, кромѣ того, суммъ, отпускаемыхъ на стипендіи и пособія студентамъ, на вознагражденіе привать-доцентовъ, добавочныхъ на инспекцію и проч. Тѣмъ не менѣе финансовое положеніе Харьковскаго университета долгое время было затруднительно; въ этомъ отношеніи онъ былъ поставленъ въ худшія условія, нежели другіе русскіе университеты. Какъ извѣстно, до 1884 года на него ассигновывалось по статьямъ меньше, чѣмъ не только на Петербургскій или Московскій, но и на Кіевскій и даже Казанскій университетъ. Извѣстно также, что однажды (1880 года) совѣтъ университета, истощивъ всѣ средства, вынужденъ былъ за недостаткомъ клинической суммы сдѣлать распоряженіе о выпискѣ больныхъ раньше срока изъ клиническихъ учрежденій. По штатамъ же 1884 года клиническая сумма еще уменьши-



лась (10000 р. вмѣсто 10125 р.). Учебно-вспомогательныя учрежденія физико-математическаго факультета до 1884 г. получали 12400 р., что̀ оказывалось недостаточнымъ, и недостатокъ пополнялся тоже изъ спеціальныхъ средствъ. Въ штатахъ 1884 года, при перечисленіи учебно-вспомогательныхъ учрежденій, нѣкоторыя изъ существовавшихъ въ Харьковскомъ университетѣ учрежденій не были поименованы вовсе, а на содержаніе всѣхъ перечисленныхъ кабинетовъ и лабораторій назначено 13000 р, т. е. только на 600 р. больше по сравненію съ прежнимъ. Но такъ какъ спеціальныя средства, изъ которыхъ прежде выдавались субсидіи нѣкоторымъ учрежденіямъ, должны были уменьшиться въ силу 129 ст. устава, устанавливавшей плату въ пользу университета въ размѣрѣ 5 р. въ полугодіе (въ первое полугодіе 1885 г. плата за слушаніе лекцій дала 23290 р., а во второе полугодіе, съ введеніемъ новыхъ правилъ,—только 7210 р.), то прибавка въ 600 р. не могла улучшить положенія дѣла. Далѣе, на лаборантовъ, ихъ помощниковъ, хранителей кабинетовъ и проч. назначено 7500 руб., что сравнительно съ прежнимъ составляло прибавку въ 1200 р.; но ни число ихъ, ни размѣры окладовъ не были обозначены, и они не были распредѣлены между физико математическимъ и медицинскимъ факультетомъ. Отсюда возникло затрудненіе, тѣмъ болѣе, что уменьшить расходы на учебно-вспомогательныя учрежденія и ихъ персоналъ по физико-математическому факультету не представлялось возможнымъ. На нужды, напр., технической лабораторіи отпускалось такъ мало, что не хватало даже на матеріалъ при практическихъ занятіяхъ, и нѣкоторыя изъ этихъ занятій пришлось пока прекратить. Между тѣмъ министръ народнаго просвѣщенія еще въ 1884 г. призналъ необходимымъ (предложеніемъ отъ 16 сентября), чтобы факультетъ озаботился „пріисканіемъ способовъ къ возможно лучшему выполненію требованій устава относительно полноты, послѣдовательности и правильности преподаванія факультетскихъ предметовъ, а равно научныхъ по нимъ упражненій студентовъ“; упражненія же эти стояли въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ. Поэтому совѣтъ Харьковскаго университета ходатайствовалъ о включеніи въ списокъ штатныхъ учрежденій тѣхъ изъ нихъ, которыя факти-

чески уже существовали, но поименованы въ штатахъ не были, и о прибавкѣ на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій и ихъ персонала 8400 руб. Министерство въ то время не нашло возможнымъ удовлетворить это ходатайство и предлагало отнести прибавку на счетъ спеціальныхъ средствъ университета. Въ 1886 году совѣтъ снова хлопочетъ объ увеличеніи кредитовъ на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій, да и само министерство, „усматривая изъ поступающихъ донесеній начальствъ различныхъ округовъ, что кредиты эти недостаточны, и предполагая возбудить, въ установленномъ порядкѣ, ходатайство о пересмотрѣ временныхъ штатовъ Императорскихъ университетовъ", обращалось въ Харьковскій университетъ за свѣдѣніями о томъ, какіе именно кредиты и по какимъ соображеніямъ должны быть увеличены по этому университету. Въ 1887 году отпущено было университетамъ на усиленіе преподаванія и установленіе контроля за занятіями студентовъ 100000. Когда выстроены были новыя клиники, для содержанія ихъ и персонала служащихъ необходимы были новыя средства. Съ тѣхъ поръ Харьковскому университету для этой цѣли отпускалось 107213 р. 80 к. въ годъ (изъ нихъ 28725 руб. 80 коп. на содержаніе личнаго состава и 78488— на содержаніе клиникъ). Въ послѣднее время на содержаніе Харьковскаго университета изъ государственнаго казначейства всего ассигновывалось болѣе 500 тыс. въ годъ.

V.

По отношенію къ студентамъ въ разсматриваемый періодъ мы видимъ тоже крайнюю регламентацію. На другой же годъ по обнародованіи устава 1884 года введена форменная одежда для студентовъ и изданы правила: 1) о пріемѣ студентовъ въ университетъ; 2) о допущеніи посторонннихъ слушателей; 3) о платѣ за слушаніе лекцій, при чемъ устанавливалось, что общее число освобождаемыхъ отъ платы не должно превышать 15% общаго числа студентовъ даннаго университета; 4) о стипендіяхъ и пособіяхъ; 5) объ обязанностяхъ студентовъ при посѣщеніи университета; 6) о взысканіяхъ и порядкѣ ихъ на-

ложенія; 7) о подвергающихся аресту въ карцерѣ лицахъ. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета министровъ 5 декабря 1886 г. и 26 іюня 1887 г. министру народнаго просвѣщенія предоставлялось право принять мѣры къ ограниченію числа евреевъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для каждаго округа установленъ былъ извѣстный %. Для Харьковскаго университета максимумъ опредѣленъ былъ въ 5% общаго числа поступающихъ. Впослѣдствіи, въ министерство Н. П. Боголѣпова, онъ былъ пониженъ до 3%, но затѣмъ при Г. Э. Зенгерѣ возстановлена 5%-ная норма. Тѣмъ же положеніемъ Комитета министровъ отъ 26 іюня 1887 года плата за слушаніе лекцій въ пользу университета, вмѣсто положенныхъ по уставу 5 руб., повышена до 25 руб. за каждое полугодіе. Положеніе спеціальныхъ средствъ университетовъ, въ особенности Харьковскаго, при 5-рублевой платѣ оказывалось весьма плачевнымъ. Упомянутое повышеніе должно было помочь этому; но тутъ имѣлась въ виду и другая общая цѣль— отвлечь отъ университетовъ лицъ низшихъ и неимущихъ классовъ [1]), что высказывалось тогда съ полною откровенностью (извѣстный циркуляръ о „кухаркиныхъ дѣтяхъ"). Если въ началѣ 80-хъ годовъ общій размѣръ платы за слушаніе лекцій равнялся 20 р. въ полугодіе, то теперь, когда, кромѣ платы въ пользу университета, студенту приходилось вносить введенный уставомъ 1884 г. еще такъ назыв. „гонораръ" въ пользу преподавателей, онъ увеличился приблизительно вдвое (обыкновенно—43—50 р.). Еще въ 1885 г. совѣтъ Харьковскаго университета указывалъ на обременительность платы, въ особенности для студентовъ медицинскаго факультета, и проектировалъ уменьшить ее, назначивъ гонораръ за часовую лекцію не въ 1 р., а въ 50 к., при чемъ указывалось и на недостаточность установленнаго процента (15%) лицъ, могущихъ быть освобожденными отъ платы. Съ увеличеніемъ взноса въ пользу университета съ 5 до 25 руб. плата для студентовъ стала, конечно, еще обременительнѣе.

Увеличеніе платы, ограниченіе пріема евреевъ, а также стремленіе молодыхъ людей въ высшія техническія учебныя

[1]) *О. И. Рождественскій*, стр. 619.

заведенія и открытіе въ Харьковѣ Технологическаго института (Высочайшее повелѣніе 1884 г., положеніе и штаты—1885 г.) не могли не отразиться на числѣ студентовъ въ Харьковскомъ университетѣ. Въ годъ введенія устава, т.-е. въ 1884/5 акад. году, ихъ было въ немъ 1227. Въ слѣдующіе два года число это возрастаетъ и доходитъ въ 1886/7 г. до 1520 (а съ посторонними слушателями—до 1573), въ теченіе 7 лѣтъ увеличившись болѣе, чѣмъ вдвое (въ 1880/1 г. студентовъ было только 667). Но съ 1886 г. число вновь поступающихъ въ Харьковскій университетъ замѣтно уменьшается: въ 1884 г. поступило 388 (не считая постороннихъ слушателей), въ 1885 г.—377, въ 1886—только 315, въ 1888—239 и т. д. Соотвѣтственно съ 1887 г. уменьшается и общее число студентовъ въ Харьковскомъ университетѣ: къ январю 1892 г. оно нисходитъ до 977 (съ посторонними слушателями—до 1010). Особенно рѣзко было замѣтно уменьшеніе числа студентовъ на историко-филологическомъ факультетѣ: въ 1885 году на этотъ факультетъ поступило 26 (всѣхъ было 95); но уже въ 1886—только 18, въ 1887—10, а въ 1888—даже 7. Съ тѣхъ поръ въ теченіе ряда лѣтъ до 90-хъ годовъ, когда оно стало нѣсколько возрастать, число поступавшихъ на этотъ факультетъ въ Харьковскомъ университетѣ рѣдко превышало цифру 10. Кромѣ общихъ причинъ и неприглядной будущности, которая ожидала на педагогическомъ поприщѣ большинство оканчивающихъ историковъ и филологовъ, здѣсь, несомнѣнно, оказали вліяніе учебные планы и экзаменныя требованія 1885 года, выдвинувшія на первое мѣсто классическую филологію и лишившія историко-филологическій факультетъ на нѣкоторое время его прежняго общеобразовательнаго характера. Снова начинаетъ увеличиваться число поступающихъ въ Харьковскій университетъ съ 1890 г., а общее число студентовъ въ немъ—съ 1892 г. Въ 1904 г. поступило 644 студ. и 64 постороннихъ слушателя (въ томъ числѣ фармацевтовъ 47), и къ 1 января 1905 года состояло студентовъ 1660, наибольшая цифра за столѣтнее существованіе Харьковскаго университета (до 1905 г.); кромѣ того, было посторонних слушателей 132 (въ томъ числѣ фармацевтовъ 101) и учениць повивальнаго

института 68. Особенно замѣтно увеличеніе числа студентовъ сначала на юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ, а потомъ—на юридическомъ и естественномъ отдѣленіи физико-математическаго. Даже на историко-филологическомъ факультетѣ за послѣдніе два года разсматриваемаго періода число поступившихъ увеличилось въ нѣсколько разъ: въ 1903 году поступило 25, а въ 1904—даже 50 (вмѣсто прежнихъ обычныхъ 10—15). Къ концу 1904 года студенты Харьковскаго университета по факультетамъ распредѣлялись такъ: на историко-филологическомъ — 89; физико математическомъ — 393, юридическомъ—643, медицинскомъ 535. Окончило курсъ (т.-е. получили выпускное свидѣтельство) въ 1904 году на историко-филологическомъ фак.—10, физико-математическомъ—42, юридическомъ—114, медицинскомъ—106.

Многіе студенты и въ этотъ періодъ, не ограничиваясь слушаніемъ лекцій, работали въ клиникахъ и лабораторіяхъ, изучая спеціально тотъ или другой вопросъ, писали рефераты и сочиненія на заданныя темы или на темы по собственному избранію. Нѣкоторыя изъ такихъ работъ являлись уже учеными, болѣе или менѣе самостоятельными, изслѣдованіями и печатались преимущественно въ университетскомъ органѣ („Зап. Импер. Харьк. Унив."), иногда въ другихъ спеціальныхъ или общихъ изданіяхъ. Группы студентовъ предпринимали научныя экскурсіи подъ руководствомъ преподавателей, напр. географическую экскурсію на Кавказъ (при чемъ собраны были коллекціи), нѣсколько геологическихъ экскурсій на Днѣпровскіе пороги, въ Кривой-Рогъ, въ Донецкій бассейнъ.

Когда явилась возможность учреждать научные студенческіе кружки, студенты Харьковскаго университета мало-по-малу образовали 4 кружка: 1) кружокъ для изученія экономическихъ наукъ, подъ руководствомъ профессора В. Ф. Левитскаго; 2) кружокъ для занятій по исторіи русской и западноевропейской литературъ или историко-филологическій, подъ руководствомъ проф. М. Е. Халанскаго; при этомъ кружкѣ имѣлась небольшая библіотека-читальня, помѣщавшаяся въ историко-филологическомъ кабинетѣ для практическихъ занятій; 3) кружокъ для изученія богословскихъ наукъ, подъ руководствомъ проф. Т. И. Буткевича, и 4) кружокъ для изученія

государственныхъ наукъ, подъ руководствомъ прив.-доц. А. Н. Фатѣева. Въ этихъ кружкахъ студенты читали и обсуждали рефераты, въ числѣ которыхъ были выдающіеся. Историко-филологическій кружокъ, въ которомъ членами состояли и нѣкоторые студенты-юристы, принималъ участіе въ торжественномъ чествованіи университетомъ памяти Жуковскаго (22 апр. 1902), при чемъ одинъ студентъ произнесъ рѣчь о педагогическомъ значеніи сочиненій этого поэта. Въ 1891 г. въ средѣ студентовъ Харьковскаго университета возникла мысль о составленіи и изданіи „Сборника“ въ пользу голодающихъ; но такъ какъ печатаніе его затянулось, то назначеніе этого сборника было измѣнено: рѣшено было предоставить выручку отъ его продажи въ пользу Общества пособія нуждающимся студентамъ. Въ сборникъ вошли стихотворенія, очерки, беллетристическія произведенія и проч. Одному изъ участвовавшихъ въ этомъ изданіи, студ. Головкову, принадлежитъ, кромѣ того, особый сборникъ стихотвореній.

Немало питомцевъ Харьковскаго университета избрало ученое поприще и заняло каѳедры въ родномъ университетѣ или въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ общемъ однако, какъ мы уже отчасти видѣли (стр. 348), уровень знаній студентовъ, равно какъ и требованій, скорѣе понизился въ разсматриваемый періодъ, нежели повысился. „Отвѣтъ совѣта Императорскаго Харьковскаго университета“ на вопросъ о мѣрахъ къ повышенію этого уровня констатируетъ, между прочимъ, „полную несостоятельность гимназическаго режима по отношенію къ университету“ (стр. 73), благодаря чему юноши, вступающіе въ университетъ, оказывались въ большинствѣ не подготовленными къ самодѣятельности. По словамъ „Отвѣта“, недостатокъ этой самодѣятельности „у поступающей въ университетъ молодежи обнаруживается уже на первыхъ порахъ полной растерянностью относительно своихъ занятій“; „Отвѣтъ“ отмѣчаетъ „отсутствіе внутренняго интереса къ этимъ занятіямъ и необходимаго навыка къ настойчивой работѣ“, „узко утилитарное направленіе въ занятіяхъ, которое овладѣло въ послѣднее время значительною частью нашей учащейся молодежи“ (стр. 74). Помимо другихъ причинъ, тутъ вліяли общая духовная атмосфера въ университетѣ и тотъ излишній форма-

лизмъ и регламентація, „которые“; по словамъ „Отвѣта“, „такъ мѣшаютъ живому дѣлу университетскаго преподаванія“ (стр. 69).

Большимъ тормазомъ въ дѣлѣ занятій для студентовъ служила также матеріальная необезпеченность большинства ихъ. Матеріальное положеніе многихъ студентовъ Харьковскаго университета было тяжелое. Иные испытывали большую крайность; были такіе, которые не каждый день обѣдали... Приходилось искать занятій или уроковъ; но они нерѣдко отымали много времени и плохо оплачивались. При томъ въ разсматриваемый періодъ все труднѣе и труднѣе становилось студенту пріискать урокъ. Правительство, университетъ, общество и отдѣльныя лица приходили на помощь студентамъ, во 1-хъ, учрежденіемъ стипендій и выдачей пособій. Кромѣ того, продолжало дѣйствовать Общество пособія нуждающимся студентамъ. Существовала, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы, и „студенческая столовая“ (ею завѣдывали, впрочемъ, не сами студенты), имѣвшая своимъ назначеніемъ давать студентамъ дешевый и доброкачественный обѣдъ. Въ видахъ улучшенія матеріальнаго положенія нуждающихся студентовъ, въ концѣ 1899 г. при Харьковскомъ университетѣ открылось „Справочное бюро для содѣйствія студентамъ въ пріисканіи частныхъ занятій“, помѣщавшееся въ канцеляріи по студенческимъ дѣламъ и состоявшее въ завѣдываніи одного изъ помощниковъ инспектора. Бюро должно было служить посредникомъ между студентами, ищущими разныхъ частныхъ занятій, и тѣми учрежденіями и лицами, которыя предлагаютъ какую-либо работу.

Отчасти въ видахъ улучшенія быта и обстановки студентовъ, отчасти же какъ одна изъ мѣръ къ предотвращенію студенческихъ безпорядковъ, въ министерство Н. П. Боголѣпова предпринята была постройка общежитій. На студенческое общежитіе въ Харьковѣ ассигновано было, считая съ оборудованіемъ, болѣе 200000 р. Начата была постройка въ 1900 г. и къ концу 1901 закончена. Тѣмъ временемъ Н. П. Боголѣповъ сошелъ въ могилу, а при его преемникахъ возникли даже сомнѣнія къ цѣлесообразности подобныхъ учрежденій. Была мысль построенное въ Харьковѣ общежитіе, сдѣлавъ въ немъ необходимыя передѣлки и приспособленія, превратить

въ клиники, которыхъ недоставало университету (для нервныхъ, для дѣтскихъ и для накожныхъ болѣзней). Наконецъ, въ ноябрѣ 1903 г. общежитіе было открыто. Оно представляло собою большое 3-этажное зданіе съ 80 комнатами для 150 студентами, съ залой, съ столовой, съ квартирой для завѣдывающаго и проч. Содержалось оно на счетъ платы, получаемой съ живущихъ въ немъ студентовъ, съ ежегоднымъ пособіемъ отъ казны въ 6000 р. Плата за помѣщеніе съ мебелью и бѣльемъ, съ электрическимъ освѣщеніемъ и продовольствіемъ была 25 р. въ мѣсяцъ за отдѣльную комнату, 21 р. (съ каждаго) за комнату для двоихъ, 19 р.—за комнату для троихъ. При общежитіи имѣлась читальня. Въ осеннемъ полугодіи 1904 г. въ немъ было 109 студентовъ; изъ нихъ половина (54)—первокурсники, которымъ, естественно, труднѣе всего бываетъ на первыхъ порахъ устроиться иногда въ незнакомомъ городѣ. Теперь общежитіе закрыто, а зданіе отдано подъ аудиторіи и учебно-вспомогательныя учрежденія физико-математическаго факультета.

Извѣстно, что при составленіи устава 1884 г. и при устроеніи университетскаго быта на основаніи его имѣлось въ виду, главнымъ образомъ, предотвратить на будущее время студенческіе безпорядки, столь частые при существованіи устава 1863 г. Введенъ былъ строгій надзоръ за поведеніемъ студентовъ со стороны инспекціи какъ въ стѣнахъ университета, такъ, по возможности, и внѣ его, — надзоръ, доходившій, по выраженію „Отвѣта“ (стр. 115), до „чтенія въ мысляхъ и намѣреніяхъ“ со стороны инспекціи, вліяніе которой въ университетѣ вообще непомѣрно усилилось. Но это не предотвратило безпорядковъ. По свидѣтельству того же „Отвѣта“ (стр. 116), такой надзоръ сильно раздражалъ и вооружалъ учащуюся молодежь; полицейскія же формы, въ какія выливался онъ, совершенно исключали возможность нравственнаго вліянія, сердечнаго отношенія къ молодежи. „Молодежь“, говорится въ „Отвѣтѣ“, „чувствуетъ себя заподозрѣнной, отданной какъ-бы подъ строгій полицейскій надзоръ инспекціи. Вынужденная этимъ держаться настороже, оскорбляемая этимъ безпрерывнымъ надзоромъ и сыскомъ, она начинаетъ смотрѣть на представителей инспекціи, какъ на враговъ,—съ недовѣріемъ, не-

уваженіемъ, боязнью и въ то же время съ ненавистью; она сама невольно усваиваетъ въ этой глухой борьбѣ привычки, не соотвѣтствующія добрымъ нравамъ", и какъ до 1884 г., такъ и послѣ 1884 г. — и даже еще въ бо̀льшей степени— теченіе университетской жизни неразъ нарушалось студенческими волненіями, а въ послѣдніе годы эти волненія стали обычнымъ явленіемъ.

Въ Харьковскомъ университетѣ волненія обнаружились уже черезъ полтора года послѣ введенія устава 1884 г.: 18 и 19 февраля 1886 г. группою студентовъ произведены были безпорядки въ зданіи университета. Болѣе широкіе размѣры приняли волненія 1887 г., вспыхнувшія прежде всего въ Москвѣ по поводу извѣстной „Брызгаловской исторіи" и быстро охватившія почти всѣ русскіе университеты. Въ Харьковѣ 3 декабря группа студентовъ университета, правда немногочисленная, соединившись съ группой студентовъ Технологическаго и Ветеринарнаго институтовъ, произвела безпорядокъ въ сборномъ залѣ и на улицѣ, передъ университетомъ, при чемъ были разбиты стекла въ окнахъ помѣщенія инспекціи. Занятія въ Харьковскомъ университетѣ были прекращены съ 4 декабря; зачетъ полугодій не могъ быть произведенъ своевременно, годовщина основанія университета (17 янв.) не была отпразднована обычнымъ актомъ и 42 студента уволены безъ права обратнаго поступленія. Затѣмъ волненія, по крайней мѣрѣ въ Харьковскомъ университетѣ, улеглись на 12 лѣтъ. Но съ 1899 г. они вспыхиваютъ съ еще большею силою и упорствомъ и принимаютъ форму такъ называемыхъ „забастовокъ" и „обструкцій". На этотъ разъ началось съ Петербурга, съ извѣстнаго избіенія студентовъ и вызваннаго имъ волненія, что̀ сейчасъ же отразилось и въ другихъ университетахъ, въ томъ числѣ и Харьковскомъ. Здѣсь студенты также „забастовали", прекратили посѣщеніе лекцій и постановленіемъ правленія (24 февр. 1899 г.) признаны были всѣ поголовно уволившимися, но затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ дней, всѣ были приняты обратно (послѣ того, какъ подали соотвѣтствующія прошенія). Тѣмъ не менѣе волненія продолжались, и послѣдовалъ рядъ увольненій и исключеній; всего весною 1899 г. за участіе въ безпорядкахъ удалено изъ

Харьковскаго университета 206 студентовъ; изъ нихъ 15 приняты обратно въ томъ же году, а 185—въ разные сроки въ теченіе 1900 г. (изъ остальныхъ 5 совсѣмъ не подавали прошеній, а 1 хотя и подавалъ, но не былъ принятъ). Уже въ 1899 г. дѣло дошло до обструкціи; многіе студенты не экзаменовались, и самые экзамены происходили въ не обычной обстановкѣ, среди безпорядковъ и подъ охраной полиціи и вооруженной силы. 1900 годъ прошелъ спокойно; но въ весеннее полугодіе 1901 г. безпорядки возобновились, хотя въ меньшей степени. Въ теченіе февраля и марта уволено было 95 человѣкъ; но вскорѣ, въ апрѣлѣ того же года, всѣ они были приняты обратно. Осенью 1901 г. волненія повторились уже въ бо̀льшихъ размѣрахъ. Поводомъ послужилъ инцидентъ въ Ветеринарномъ институтѣ, гдѣ студенты I курса выразили порицаніе одному профессору за то, что онъ требуетъ отъ нихъ усвоенія не соотвѣтствующаго будто-бы современному состоянію науки руководства, и подверглись наказанію въ видѣ увольненія и проч. На этотъ разъ въ университетѣ на сходкахъ постановлена была „обструкція“, принявшая рѣзкую форму; обструкціонеры прерывали чтеніе лекцій насильственнымъ путемъ; они прибѣгали даже къ такъ называемой „химической обструкціи“, такъ что изъ аудиторіи № 3 нѣсколько студентовъ и профессоръ были вынесены въ обморочномъ состояніи. Постановленіемъ правленія отъ 30 ноября и 3 декабря частью уволено, частью исключено было 115 человѣкъ, изъ коихъ въ разное время было принято обратно 59. Кромѣ того, нѣкоторые изъ уволенныхъ поступили въ другіе университеты. Не прошло и $2^1/_2$ лѣтъ, какъ снова обнаружились волненія по слѣдующему поводу. Одинъ изъ приватъ-доцентовъ Харьковскаго университета въ своей лекціи коснулся только-что начавшейся тогда русско-японской войны и ея возможныхъ послѣдствій, послѣ чего вынужденъ былъ прекратить чтеніе лекцій. Студенты заподозрѣли товарищей, принадлежащихъ къ такъ называемому обществу русскихъ студентовъ, въ доносѣ; начались сходки, и въ результатѣ властью ректора, на основаніи ст. 17 устава, исключено или уволено было 50 чел.; нѣкоторымъ же сдѣланъ выговоръ. Наконецъ, извѣстно, какіе размѣры приняла „забастовка“ въ началѣ

1905 г., лежащая уже внѣ того періода, за который мы обозрѣваемъ исторію Харьковскаго университета...

Въ настоящее время совершенно ясны основной характеръ студенческихъ забастовокъ и истинныя причины студенческихъ безпорядковъ. Комиссія, избранная совѣтомъ Харьковскаго университета 21 января 1905 г. для опредѣленія условій, при которыхъ возможно было бы достиженіе нормальнаго теченія университетской жизни, въ своей запискѣ, принятой и совѣтомъ, становится на ту точку зрѣнія, которую проводилъ еще Н. И. Пироговъ и по которой университетъ выражаетъ современное общество и есть лучшій его барометръ. Студенческія волненія, говоритъ эта записка, служатъ яркимъ доказательствомъ тѣсной, непосредственной зависимости университета отъ политическихъ условій нашей жизни. „Возникая на почвѣ внутреннихъ неурядицъ и несовершенствъ уставовъ, волненія эти, въ теченіе своего развитія, почти всегда получали нѣкоторую политическую окраску. Администрація же и даже учебное начальство слишкомъ уже просто объясняли причину волненій, приписывая ее проникновенію въ среду студенчества „злонамѣренныхъ“ людей, которые возбуждали молодежь ради своихъ чисто политическихъ цѣлей. Но такіе дальновидные педагоги, какъ Н. И. Пироговъ, рано уразумѣли основную причину волненій молодежи и высказывали теперь уже не подлежащую никакому сомнѣнію мысль, что не одни несовершенства устава, но главнымъ образомъ, можетъ быть, недостатки всего политическаго и гражданскаго строя вызываютъ ихъ. Правительство же, попрежнему полагая, что все дѣло въ преступной дѣятельности подстрекателей, попрежнему старалось водворить миръ, согласіе и спокойствіе среди молодежи крутыми репрессивными мѣрами, начиная отъ увольненія, исключенія, восходя до административной высылки и кончая лишеніемъ свободы и отдачей въ солдаты, упуская изъ виду, что такимъ образомъ создаются быстро растущіе кадры недовольныхъ, часто лишенныхъ всякихъ средствъ существованія и потому на все готовыхъ. Не смотря на всѣ эти мѣры, интенсивность, количество и размѣры волненій все росли и увеличивались. Это убѣдительно доказываетъ, что ихъ корень и источникъ лежатъ внѣ универ-

ситета и молодежи... Единственнымъ, безспорнымъ результатомъ этихъ мѣръ нужно признать систематическое выбрасываніе за бортъ извѣстной части учащейся молодежи. Ни одного волненія не обходилось безъ того, чтобы значительный процентъ учащихся не подвергался удаленію или исключенію изъ университета. Одни изъ удаленныхъ черезъ нѣкоторое время снова попадали въ университетъ, иногда для того, чтобы вторично быть уволенными изъ него, другіе уже не возвращались обратно... А въ концѣ концовъ отъ этого больше всего страдаетъ страна, крайне нуждающаяся въ образованныхъ дѣятеляхъ, тѣмъ болѣе, что всегда почти выбрасываются за бортъ во время безпорядковъ и очень талантливые молодые люди; относясь съ увлеченіемъ къ научнымъ занятіямъ, они не могутъ атрофировать въ себѣ отзывчивости на явленія окружающей жизни"...

По поводу репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ студентамъ и вліянія этихъ мѣръ неразъ уже цитированный „Отвѣтъ" еще въ 1901 г. говорилъ: „Чѣмъ суровѣе подавлялись сходки, союзы, землячества и т. д., тѣмъ больше поводовъ являлось къ производству студентами такъ называемыхъ безпорядковъ, и тѣмъ чаще студенчество обращалось къ тайной организаціи, въ которой видѣло единственный выходъ изъ своего, дѣйствительно, затруднительнаго положенія. Озлобленные, благодаря внѣшнимъ тяжелымъ условіямъ, ихъ окружающимъ, молодые люди переставали внимать голосу авторитетовъ, собственному своему разуму и цѣликомъ поддавались охватившему ихъ чувству раздраженія. Находясь въ такомъ душевномъ состояніи, часто подвергаясь карѣ, далеко не соотвѣтствовавшей, по ихъ внутреннему самосознанію, винѣ, молодежь изъ тайныхъ студенческихъ организацій переходила въ таковыя же политическія. Болѣе или менѣе организованная среда, въ которую они въ такихъ случаяхъ попадали, являлась для нихъ привлекательной, въ особенности потому, что удовлетворяла ихъ чувству товарищества, соединяла на общее дѣло, преступное съ точки зрѣнія закона, но представлявшееся ихъ заблуждавшемуся уму и возбужденному чувству благороднымъ подвигомъ... Полувѣковой опытъ жизни университетовъ съ совершенною ясностью доказываетъ, что всѣ стремленія

сдѣлать изъ студентовъ „отдѣльныхъ посѣтителей“ университета, съ цѣлью предотвращенія безпорядковъ, не достигаютъ цѣли, и разрозненная въ повседневной жизни молодежь легко объединяется путемъ тайныхъ организацій для производства такихъ глубокопечальныхъ для академической жизни явленій, какъ забастовки во всѣхъ университетахъ имперіи“... (стр. 100). „Русская молодежь“ продолжаетъ „Отвѣтъ“, „какъ и всякая другая, очень чувствительна къ явной несправедливости, легко реагируетъ на всевозможныя явленія общественной и государственной жизни, даже на поступки и дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и потому легко и сильно возбуждается“ (стр. 102). Не говоримъ уже о политической агитаціи и революціонныхъ элементахъ, дѣйствовавшихъ, въ свою очередь, въ средѣ студенчества. Въ числѣ репрессивныхъ мѣръ, примѣнявшихся въ широкихъ размѣрахъ въ Харьковѣ по отношенію къ студентамъ, видное мѣсто занимала административная высылка: обыкновенно документы уволеннаго препровождались въ полицію, а его самого, хотя бы на нѣкоторое время, высылали изъ города, дабы онъ не могъ оказать воздѣйствія на товарищей. Но эта мѣра, въ свою очередь, способствовала возбужденію: напр., высылаемымъ изъ Харькова въ 1899 г. студентамъ устраивались торжественные проводы, произносились соотвѣтственныя случаю рѣчи, происходили демонстраціи на вокзалѣ и на улицахъ города; въ высылаемыхъ видѣли борцовъ и мучениковъ, а въ административной высылкѣ—жестокій произволъ и беззаконіе, при чемъ обвиненіе въ глазахъ студенчества падало не столько на администрацію, сколько на университетскія власти.

Само правительство сознавало, что однѣхъ репрессивныхъ мѣръ для устраненія студенческихъ безпорядковъ недостаточно, и наряду съ ними прибѣгало и къ другимъ средствамъ. Въ іюнѣ 1899 г. Н. П. Боголѣповъ образовалъ совѣщаніе изъ попечителей учебныхъ округовъ и начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній для обсужденія мѣръ въ цѣляхъ водворенія спокойствія. Циркуляромъ 27 іюня 1899 г. измѣнено положеніе инспекціи въ томъ смыслѣ, что ей вмѣнено въ обязанность благожелательное попеченіе о нуждахъ учащихся, а личный составъ ея еще болѣе усиленъ. 5-го іюля того же года послѣдовало распоряженіе

о „способѣ къ болѣе равномѣрному распредѣленію студентовъ между отдѣльными университетами“ и о прикрѣпленіи ихъ къ округамъ „въ устраненіе на будущее время переполненія нѣкоторыхъ университетовъ“, при чемъ въ Харьковскій университетъ должны были поступать окончившіе курсъ въ гимназіяхъ Харьковскаго и Кавказскаго учебныхъ округовъ. Установлены были и высшія нормы того числа студентовъ, которое можетъ быть принято на первый курсъ; нормы эти были разныя по университетамъ и факультетамъ. Въ Харьковскомъ университетѣ максимальная норма на юрид. фак. была 200, на физ.-матем. по математическому отдѣленію—100, а естественному—75, на медиц.—175. 29 іюля 1899 г. установлено отбываніе воинской повинности, въ видѣ наказанія, для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемыхъ за коллективные безпорядки. Слѣдуетъ однако отмѣтить, что въ Харьковскомъ университетѣ не было случаевъ примѣненія этой мѣры.

Университетскій строй на началахъ устава 1884 года подрывалъ авторитетъ профессоровъ: онъ устранялъ вліяніе ихъ коллегіи на студентовъ; на сближеніе между послѣдними и профессорами, какъ мы видѣли, власти смотрѣли сначала даже подозрительно; сами студенты по уставу и правиламъ разсматривались, какъ „отдѣльные посѣтители“ университета. Опытъ показалъ, къ какимъ послѣдствіямъ это ведетъ. Уже правительственное сообщеніе отъ 24 мая 1899 г. въ числѣ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ возникновенію и распространенію безпорядковъ, называетъ „разобщенность студентовъ между собой, съ профессорами и съ учебнымъ начальствомъ“. А 21 іюля того же года послѣдовалъ циркуляръ, въ которомъ министръ (Н. П. Боголѣповъ) для установленія желательнаго общенія между студентами, профессорами и учебнымъ начальствомъ указываетъ на слѣдующія мѣры: 1) широкая организація практическихъ занятій, 2) учрежденіе научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ и 3) устройство правильно поставленныхъ студенческихъ общежитій. Но устройство кружковъ обставлено было на первыхъ порахъ большими ограниченіями и формальностями, что мѣшало ихъ развитію. Такъ, напр., въ Харьковскомъ университетѣ осенью 1899 г. студенты историко-филологическаго факультета, преимущест-

венно историки, съ увлеченіемъ взялись за мысль основать кружокъ для собесѣдованія и занятій по предметамъ историко-филологическаго факультета; на частныхъ совѣщаніяхъ съ профессорами выработанъ былъ проектъ правилъ или устава этого кружка. Но прошло много мѣсяцевъ, прежде чѣмъ послѣдовало надлежащее разрѣшеніе. Большинство, отъ долгаго ожиданія, успѣло уже къ тому времени охладѣть; другіе, въ виду приближенія экзаменовъ, должны были больше думать о послѣднихъ, чѣмъ о кружкѣ. Да и самый проектъ подвергся измѣненіямъ: вмѣсто общаго историко-филологическаго кружка разрѣшенъ былъ лишь кружокъ для занятій исторіею литературы и число участниковъ въ немъ было заранѣе ограничено извѣстною цифрою (не болѣе 50 чел.). Такъ кружокъ этотъ тогда и не возникъ. Онъ образовался лишь черезъ два года, осенью 1901 г. Число участниковъ кружка для занятій экономическими науками ограничено было 30.

При Харьковскомъ университетѣ, какъ мы видѣли, существовало въ послѣднее время всего 4 научныхъ студенческихъ кружка; но изъ нихъ кружокъ для изученія государственныхъ наукъ во второй половинѣ 1904 г. не функціонировалъ и руководившій имъ преподаватель, въ виду инсинуацій со стороны „охранителей“, принужденъ былъ отказаться отъ руководительства. Въ концѣ 1901 года, уже въ министерство П. С. Ванновскаго, утверждены „Временныя правила организаціи студенческихъ учрежденій“, предоставлявшія начальству высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія разрѣшать, по ходатайству студентовъ, открытіе студенческихъ кружковъ для научно-литературныхъ занятій, кружковъ для занятій искусствами, ремеслами и разнаго рода физическими упражненіями, а равно студенческихъ столовыхъ, чайныхъ, кассъ (взаимопомощи, ссудо-сберегательныхъ, вспомоществованія), попечительствъ для пріисканія занятій для недостаточныхъ студентовъ, библіотекъ и читаленъ; для обсужденія же вопросовъ, касающихся поименованныхъ учрежденій и кружковъ, и для выбора студентовъ для участія въ комиссіяхъ этихъ учрежденій, а также для выбора курсовыхъ старостъ, разрѣшались студенческія собранія съ соблюденіемъ подробно изложенныхъ правилъ.

Объ организаціяхъ студентовъ подъ руководствомъ кураторовъ,—института, оказавшагося столь мало жизненнымъ,—и о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ, вовсе не функціонировавшемъ, мы уже упоминали раньше (стр. 329—330).

VI.

Не смотря на тяжелыя условія, при которыхъ приходилось дѣйствовать университету въ теченіе разсматриваемаго періода, онъ продолжалъ попрежнему служить государству и обществу не только тѣмъ, что въ немъ получали высшее образованіе сотни молодыхъ людей: и въ эти годы научное, просвѣтительное и общественное вліяніе Харьковскаго университета распространялось широко.

Его учебно-вспомогательными пособіями—библіотекой, клиниками, кабинетами, лабораторіями, коллекціями и проч.—пользовались не одни преподаватели и студенты, но и лица, не причастныя къ университету. Напр., Музей изящныхъ искусствъ и древностей по воскресеньямъ охотно и въ большомъ количествѣ посѣщался учащимися, публикой, среди которой много и представителей бѣдныхъ классовъ населенія г. Харькова, въ будни же въ немъ занимались часто художники, любители, ученики школы рисованія (прежде М. Д. Раевской, Е. Е. Шрейдера, а теперь—городской), и т. д. Утилизируется иногда и спеціальная библіотека Музея не только учащимися, но и членами мѣстнаго общества. Въ Историческомъ архивѣ, состоящемъ при Историко-Филологическомъ Обществѣ, работали какъ мѣстные ученые, не принадлежащіе къ составу университетскихъ преподавателей, такъ и пріѣзжіе: проф. Мякотинъ, Н. П. Василенко, П. П. Короленко, проф. Лилеевъ, Е. А. Альбовскій, А. Я. Ефименко, Д. П. Миллеръ, М. М. Плохинскій, Е. П. Радакова, А. Д. Твердохлѣбовъ и друг. Многія мѣстныя силы, благодаря этому архиву, энергично начали разрабатывать мѣстную исторію и исторію Малороссіи, и такимъ образомъ для нѣкоторыхъ молодыхъ работниковъ Историческій архивъ сыгралъ роль какъ-бы школы, въ кото-

рой воспитались, развились и окрѣпли ихъ склонности къ научнымъ занятіямъ [1]).

Наука сообщалась не только студентамъ и не только посредствомъ читаемыхъ имъ лекцій и практическихъ занятій. Съ 1893 г. возобновленъ былъ общеуниверситетскій органъ. Дѣло въ томъ, что въ 1884 г. печатаніе существовавшихъ раньше „Записокъ", содержавшихъ протоколы совѣтскихъ засѣданій и ученыя изслѣдованія, рѣшено было прекратить, и такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ университетъ не имѣлъ своего органа. Въ 1891 г. ректоромъ М. М. Алексѣенко возбужденъ былъ вопросъ о возобновленіи университетскихъ „Записокъ"; совѣтомъ избрана была коммиссія, которая и выработала программу изданія; характерно, что только послѣ *двукратнаго* ходатайства наконецъ послѣдовало разрѣшеніе (сначала министерство затруднялось дать его въ виду ограниченности денежныхъ средствъ Харьковскаго университета), и съ начала 1893 г. „Записки Импер. Харьк. Унив." стали выходить въ свѣтъ, по 4 книжки въ годъ, не считая, сверхъ того, приложеній. Въ виду приближавшагося юбилея въ нихъ видное мѣсто отведено было „Харьковской университетской лѣтописи". Первымъ редакторомъ возобновленныхъ „Записокъ" (до 1905 г.) былъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Средствомъ общенія между лицами, интересующимися тою или другою отраслью наукъ, какъ принадлежащими къ составу университета, такъ и находящимися внѣ его, служили *ученыя общества*.

[1]) *Е. М. Ивановъ*, Харьк. Истор. архивъ, стр. 29.

[2]) Такихъ обществъ при Харьковскомъ университетѣ въ 1884 г. было 4: 1) Общество испытателей природы; 2) Общество опытныхъ наукъ, подраздѣлявшееся на 2 секціи—физико-химическую и медицинскую; 3) Математическое и 4) Историко-Филологическое. Въ 1887 г. выработанъ и утвержденъ новый уставъ Математическаго Общества. Въ 1894 г. Медицинская секція Общества опытныхъ наукъ выдѣлилась въ самостоятельное Общество научной медицины и гигіены, а другая секція переименована въ Общество физико-химическихъ наукъ. При Историко-Филологическомъ Обществѣ въ 1892 г. учрежденъ Педагогическій отдѣлъ, а въ послѣднее время утвержденъ новый уставъ Общества, дающій ему болѣе широкія рамки. Наконецъ, въ 1901 возникло Юридическое Общество. Такимъ образомъ, къ концу разсматриваемаго періода при Харьковскомъ университетѣ существовало 6 ученыхъ обществъ (не считая Педагогическаго отдѣла).

Общества эти устраивали засѣданія, иногда публичныя; издавали свои „Труды“, „Сборники“ и т. п. Доклады дѣлались не только мѣстными учеными, но и пріѣзжими, иногда выдающимися спеціалистами, напр., въ Историко-Филологическомъ Обществѣ — В. В. Латышевымъ, Ѳ. Е. Коршемъ, въ Математическомъ—проф. Бугаевымъ и друг. Все это способствовало научному движенію и въ то же время взаимодѣйствію дѣятелей университета съ интеллигентными силами изъ мѣстнаго общества. Въ частности слѣдуетъ еще отмѣтить, что, напр., Историко-Филологическое Общество имѣетъ цѣлью способствовать посильными трудами, собраніями и изданіями развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній. Оно и состоящій при немъ Педагогическій отдѣлъ устраивали, какъ увидимъ, публичные курсы и лекціи. Общество это содѣйствовало въ особенности изученію мѣстной старины и исторіи. При немъ, какъ извѣстно, существуетъ Историческій архивъ, Этнографическій музей и библіотека. Основаніемъ Историческаго архива Историко-Филологическое Общество спасло огромное количество цѣнныхъ матеріаловъ, остававшихся до того времени почти безъ призора или, напр., похороненныхъ „въ темныхъ трущобахъ нижняго этажа губернскаго архивохранилища“, и уже этимъ однимъ оказало важную услугу исторической наукѣ. Оно много поработало надъ подготовкой Археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, о чемъ рѣчь впереди. Общество испытателей природы содѣйствовало изученію края въ естественно-научномъ отношеніи. На вопросы общественной и государственной жизни Юридическое Общество отозвалось рядомъ рефератовъ, и т. д. Всѣмъ этимъ Обществамъ университетъ давалъ помѣщеніе и ежегодную субсидію. Главными дѣятелями въ этихъ Обществахъ являлись преподаватели университета, а во главѣ ихъ, въ качествѣ предсѣдателей, стояли выдающіеся ученые, напр. И. Ѳ. Левашовскій (Общ. испыт. прир.), К. А. Андреевъ, А. М. Ляпуновъ (Матем. Общ.), Н. Н. Бекетовъ (физ.-химич. сек.), А. А. Потебня, М. С. Дриновъ (Истор.-Филолог. Общ.).

Многіе преподаватели Харьковскаго университета выступали съ публичными лекціями въ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ цѣляхъ. Читались не только отдѣльныя лекціи,

но и устраивались цѣлыя серіи ихъ. Такъ, при университетѣ, попрежнему, еженедѣльно по вечерамъ читались публичныя общедоступныя лекціи по химіи и технологіи. Въ 1891 г. нѣсколько профессоровъ въ теченіе поста по воскресеньямъ въ думскомъ залѣ прочли лекціи въ пользу Общественной библіотеки, именно для образованія фонда на постройку дома. Въ теченіе многихъ лѣтъ существовали такъ называемые „ферейны", во главѣ которыхъ стоялъ А. П. Шимковъ и Г. И. Лагермаркъ: въ одной изъ аудиторій (химической) время отъ времени происходили чтенія, на которыя приглашалась публика. Лекторами были не только профессора. Такъ, напр., въ одномъ изъ такихъ собраній читалъ А. Ѳ. Кони свою извѣстную лекцію о докторѣ Гаазѣ. Въ 1895 и 1896 г.г. Историко-Филологическимъ Обществомъ, по иниціативѣ правленія Харьковскаго Общества взаимнаго вспоможенія учительницъ, открыты были (въ помѣщеніи Маріинской женской гимназіи) вечернія научныя чтенія для женщинъ; число подписавшихся слушательницъ было около 200. Позже М. А. Шимковой, предсѣдательницею названнаго Общества взаимнаго вспоможенія учительницъ, устроены были серіи лекцій, собственно для женщинъ, сначала по естественнымъ наукамъ, а потомъ преимущественно по историческимъ и юридическимъ. Читались лекціи преподавателями университета въ физической аудиторіи тоже по вечерамъ. Педагогическій отдѣлъ Историко-Филологическаго Общества въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ устривалъ въ торжественной залѣ университета общедоступныя чтенія съ туманными картинами по разнымъ отраслямъ знанія, — чтенія, въ которыхъ участвовали какъ профессора, такъ и другія лица. Наконецъ, на существующихъ въ Харьковѣ курсахъ для рабочихъ лекторами выступали тоже преимущественно преподаватели университета.

Но профессора, по мѣрѣ силъ и возможности, не только распространяли свѣтъ науки: они, въ лицѣ представителей медицины, оказывали помощь страждущему населенію г. Харькова и даже обширнаго края. Въ университетскихъ клиникахъ перебывали тысячи страждущихъ. А сколько, преимущественно простого, бѣднаго люда, ежедневно до поздней ночи толпится въ пріемной того харьковскаго профессора, котораго, по спра-

ведливости, можно назвать „другомъ людей“ и которому А. Ѳ. Кони посвятилъ свою статью о Гаазѣ,—проф. Л. Л. Гиршмана, и встрѣчаетъ со стороны его и ласковое слово, и облегченіе своимъ болѣзнямъ...

Многіе профессора Харьковскаго университета этого періода являлись видными общественными дѣятелями, принимали самое живое участіе въ общественныхъ и просвѣтительныхъ учрежденіяхъ. Развитіе и процвѣтаніе Общества грамотности, Общественной библіотеки, Пушкинскаго училища, курсовъ для рабочихъ неразрывно связано съ именами профессоровъ Харьковскаго университета [1]).

Въ заключеніе этого обзора необходимо упомянуть о моментахъ, которые выходили изъ сферы обыденной университетской жизни, на которые университетъ отзывался или въ которыхъ онъ игралъ видную роль.

Въ ряду ихъ особенно памятнымъ является 17 и 19 октября 1888 г. 17 октября названнаго года, какъ извѣстно, произошло крушеніе Императорскаго поѣзда близъ Борокъ и спасеніе Государя Александра III и Его семьи отъ угрожавшей опасности. Въ дѣлѣ оказанія медицинской помощи раненымъ при этой катастрофѣ на долю Харьковскаго университета выпала чрезвычайно видная роль. На мѣсто крушенія съ экстреннымъ поѣздомъ выѣхалъ проф. В. Ѳ. Грубе съ нѣсколькими врачами и студентами 4-го курса, на пути въ Боркахъ встрѣ-

[1]) Предсѣдателями Общества грамотности были проф. А. П. Шимковъ, П. Т. Степановъ, В. Я. Данилевскій, М. П. Чубинскій, а предсѣдателемъ состоящаго при этомъ Обществѣ комитета по изданію книгъ для народа—проф. Д. И. Багалѣй; предсѣдателемъ правленія Общественной библіотеки былъ тоже Д. И. Багалѣй, при которомъ библіотека обогатилась собственнымъ домомъ; дѣятельными и, можно сказать, постоянными членами правленія Общественной библіотеки—прив.-доц. (нынѣ профессоръ) А. П. Грузинцевъ и прив.-доц. М. А. Масловъ, не говоря уже о другихъ; попечитель Пушкинскаго училища—проф. Н. Ѳ. Сумцовъ; завѣдующимъ курсами для рабочихъ—былъ проф. А. Н. Красновъ; предсѣдателемъ правленія Общества попеченія о нуждающихся учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ былъ проф. Е. К. Рѣдинъ. Въ думѣ, въ качествѣ гласныхъ, профессора Харьковскаго университета нерѣдко играли видную роль. Предсѣдательствующимъ въ думѣ долгое время состоялъ проф. И. К. Зарубинъ (потомъ—Д. И. Багалѣй); городской голова—А. К. Погорѣлко,—прив.-доц. университета и т. д.

Харьковск. О-во Взаимн.

тилъ санитарный поѣздъ съ пострадавшими и, перейдя въ него, сопровождалъ раненыхъ, осматривая ихъ и руководя оказаніемъ имъ медицинской помощи. Наиболѣе тяжело раненые въ числѣ 9 человѣкъ помѣщены были въ университетскую клинику подъ наблюденіе проф. В. Ѳ. Грубе, а 16—въ Александровскую больницу (при которой находится и госпитальная хирургическая клиника университета) подъ наблюденіе проф. И. К. Зарубина.

19 октября Императоръ Александръ III и Императрица Марія Ѳеодоровна вмѣстѣ съ семьей прибыли въ Харьковъ и тотчасъ по прибытіи на станцію объявили о своемъ намѣреніи навѣстить всѣхъ раненыхъ [1]). Въ сопровожденіи проф. В. Ѳ. Грубе и И. К. Зарубина Они посѣтили прежде всего желѣзнодорожную больницу (гдѣ тоже помѣщены были раненые), а затѣмъ—университетскую хирургическую клинику. Возлѣ университетской церкви и клиники улица была запружена людьми, сжатыми въ одну плотную, непроницаемую массу. Государь и Государыня, въ открытой коляскѣ, сопровождаемые Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ царствующимъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ, Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ и свитой, остановились у воротъ хирургической клиники. Толпа и энтузіазмъ были настолько велики, что Государь и Государыня въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не имѣли возможности пройти въ ворота. Наконецъ Они вступили въ палаты при крикахъ „ура“ со стороны собравшихся студентовъ и врачей и здѣсь раздѣлились, отдѣльно обходя всѣхъ пострадавшихъ, распрашивая и утѣшая каждаго изъ нихъ. Особенно долго стояли Они около кровати Ѳедорова, наиболѣе опасно раненаго. При обходѣ проф. В. Ѳ. Грубе вмѣстѣ съ ординаторами давалъ необходимыя объясненія о состояніи каждаго изъ раненыхъ. Вслѣдъ за Государемъ и Государыней къ постелямъ больныхъ подходили Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ. Обойдя всѣхъ, Государь и Государыня съ Наслѣдникомъ

[1]) Пользуемся воспоминаніями проф. В. Ѳ. Грубе („Врачебная помощь при крушеніи Императорскаго поѣзда 17 октября 1888 г.“. Харьк. 1889 г., перепеч. во II т. „Старины и Новизны“, стр. 339 сл.). Приводимъ его слова съ нѣкоторыми сокращеніями.

и Великимъ Княземъ отбыли изъ клиники въ университетскую церковь, а оттуда въ Александровскую больницу, гдѣ также посѣтили находившихся тамъ раненыхъ. Въ больницѣ всѣ необходимыя разъясненія давалъ проф. И. К. Зарубинъ.

До нѣкоторой степени 19 октября 1888 г.—посѣщенію хирургической клиники Императоромъ Александромъ III—Харьковъ, какъ уже упомянуто (стр. 354), обязанъ постройкой новыхъ университетскихъ клиникъ.

Неразъ въ Харьковскомъ университетѣ происходили торжественныя собранія и публичныя засѣданія совѣта или состоящихъ при университетѣ Обществъ, по поводу чевствованія выдающихся дѣятелей: такъ чествовалась память апостола славянъ Меѳодія, основателя университета—В. Н. Каразина [1]) (Истор.-Филол. Обществомъ), знаменитаго геометра Н. И. Лобачевскаго (Математ. Обществомъ), мѣстнаго философа Г. С. Сковороды (Историко-Фнлологическимъ Обществомъ, которое, не ограничившись устройствомъ публичнаго засѣданія и произнесенными въ немъ рѣчами, издало собраніе сочиненій Сковороды, первое полное, на основаніи всѣхъ извѣстныхъ рукописей, съ біографіей философа, составленной его другомъ Ковалинскимъ и со статьями Д. И. Багалѣя, А. С. Лебедева, Ѳ. А. Зеленогорскаго), А. С. Пушкина (при чемъ по постановленію совѣта изданъ Сборникъ статей и изслѣдованій о Пушкинѣ, съ присоединеніемъ неизданныхъ, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи университетской библіотеки матеріаловъ), Жуковскаго, Гоголя и друг. Чествовалась память и мѣстныхъ профессоровъ, въ особенности, напр., А. А. Потебни (Историко-Филологич. Обществомъ), Д. И. Каченовскаго (Юридич. Обществомъ), К. К. Гаттенбергера (тоже), А. И. Кирпичникова (Историко-Филологич. Обществомъ). Изъ чествованій еще живущихъ дѣятелей по широкому участію не только университетской молодежи, но и населенія г. Харькова особенно выдавалось празднованіе 35-лѣтія научной и практической дѣятельности извѣстнаго окулиста Л. Л. Гиршмана (въ сент. 1895 г.), которому устроенъ былъ дотолѣ невиданный въ Харьковѣ факельцугъ.

[1]) Въ настоящее время напечатано собраніе писемъ, сочиненій и проектовъ В. Н. Каразина.

Въ августѣ (съ 15 по 27) 1902 г. въ стѣнахъ университета происходилъ XII-й Археологическій съѣздъ, *первый ученый съѣздъ въ Харьковѣ*. Университетъ и состоящее при немъ Историко-Филологическое Общество, какъ было упомянуто (стр. 379), приняли самое дѣятельное участіе въ его организаціи. Образовано было мѣстное отдѣленіе Предварительнаго комитета по устройству съѣзда, подъ предсѣдательствомъ проф. Д. И. Багалѣя и при секретарѣ проф. Е. К. Рѣдинѣ. Въ составъ его вошли почти всѣ преподаватели историко-филологическаго факультета и большинство членовъ Историко-Филологическаго Общества. Образованная послѣднимъ этнографическая коммиссія вошла потомъ въ составъ Предварительнаго комитета. Общее число членовъ мѣстнаго отдѣла было 62; изъ нихъ больше половины (38)—преподаватели Харьковскаго университета. Задача была не легка. Вообще, тяжелыя подготовительныя къ съѣздамъ работы въ данномъ случаѣ усложнялись тѣмъ, что Харьковъ не имѣлъ почти никакихъ коллекцій древностей, и Харьковская губернія въ археологическомъ отношеніи представляла terra incognita [1]). Къ работѣ необходимо было привлечь всѣ живыя научныя общественныя силы мѣстнаго района. Эту задачу могъ выполнить только Харьковскій университетъ съ учеными силами всѣхъ его факультетовъ и съ состоящими при немъ учеными обществами. „Только подъ авторитетной эгидой университета, Харьковскій Предварительный комитетъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ его преподавателей, и могъ выполнить свою нелегкую задачу“. Комитетъ, выработавъ программу по собранію древностей и свѣдѣній о нихъ, озаботился широкимъ ея распространеніемъ и получилъ болѣе 1000 отвѣтовъ; онъ вошелъ въ сношенія съ комитетами и коммиссіями, образованными въ другихъ городахъ, и устроилъ рядъ экскурсій для собиранія матеріаловъ и производства раскопокъ, напр., для изслѣдованія первобытныхъ древностей, для собиранія этнографическихъ коллекцій, для собиранія церковныхъ древностей и памятниковъ письменности [2]). На призывъ комитета относительно при-

[1]) Изъ Отчета комитета. См. Извѣстія XII Арх. съѣзда, стр. 21 сл.

[2]) Изъ преподавателей Харьковскаго университета раскопки вели: Д. И. Багалѣй, В. Е. Даниловичъ, А. М. Покровскій, Е. П. Трифильевъ, Л. Ю.

сылки предметовъ на выставки откликнулись всѣ слои общества; особенно много предметовъ поступило отъ духовенства на выставку церковныхъ древностей. Этнографическій отдѣлъ явился впервые на Харьковскомъ съѣздѣ; онъ устроенъ былъ на средства южныхъ земствъ. Вообще съѣзду оказана была и значительная матеріальная поддержка университетомъ, общественными учрежденіями и отдѣльными лицами [1]). Разнообразная научная дѣятельность комитета нашла себѣ выраженіе въ печатныхъ его трудахъ, изданныхъ къ съѣзду, каковы: каталогъ всѣхъ отдѣловъ выставки, 2 т. „Трудовъ Харьковскаго Предварит. Комитета"; Историко-Филологич. Общество посвятило XIII-й томъ своего „Сборника" археологическимъ и археографическимъ изслѣдованіямъ и матеріаламъ и, кромѣ того, издало 2 выпуска „Южно-русскаго орнамента" г-жи *Литвиновой*. Харьковскій университетъ гостепріимно предоставилъ съѣзду свои помѣщенія. Засѣданія съѣзда происходили въ торжественной залѣ или въ аудиторіи № 1; выставки церковныхъ древностей и первобытныхъ устроены были въ аудиторіяхъ, а этнографическая—въ залахъ новаго зданія библіотеки. Гостямъ—депутатамъ на съѣздѣ—предоставлено было помѣщеніе въ только-что отстроенномъ тогда зданіи студенческаго общежитія.

Вообще при устройствѣ съѣзда въ Харьковѣ сказалась дружная работа университета и общества. „Только благодаря этому всеобщему сочувствію, мы и могли сдѣлать то, что сдѣлали", говорилъ проф. Д. И. Багалѣй въ заключеніе прочитаннаго при открытіи съѣзда отчета мѣстнаго Предварительнаго комитета. „Сочувствіе мѣстнаго общества къ Харьковскому университету не является чѣмъ-то случайнымъ: нашъ университетъ возникъ благодаря матеріальнымъ пожертвованіямъ, сдѣланнымъ всѣми слоями общества, подвинутаго къ

Шепелевичъ (послѣдній—въ Витебск. губ.); экскурсіи по собиранію этнографическихъ матеріаловъ совершали: Н. Ѳ. Сумцовъ, А. Н. Красновъ, М. Е. Халанскій, церковныхъ древностей—Е. К. Рѣдинъ, а по собиранію документовъ—помощникъ библіотекаря Д. П. Миллеръ и архиваріусъ Е. М. Ивановъ.

[1]) Отъ университета получено до 3000, отъ Историко-Филологическаго Общества болѣе 1200 р.

ХАРЬКОВСК. У-ТА

тому незабвеннымъ В. Н. Каразинымъ. И съ того момента почти цѣлое столѣтіе связь университета съ обществомъ не прерывалась: она пріобрѣла характеръ устойчивой традиціи, усиливавшейся въ одни моменты, нѣсколько ослабѣвавшей въ другіе. На нынѣшнюю помощь и содѣйствіе общества мы позволяемъ себѣ смотрѣть, какъ на интенсивное проявленіе этой традиціи, вызванное потребностью даннаго момента. Харьковскій университетъ до сихъ поръ сравнительно мало занимался археологическими и этнографическими изслѣдованіями края, хотя и здѣсь нѣкоторая преемственность существовала: В. Н. Каразинъ, ректоръ Рижскій, проф. Успенскій, Аристовъ, Морозовъ, знаменитый лингвистъ и этнографъ А. А. Потебня — поддерживали эту нить,—и вотъ теперь, когда, благодаря устройству съѣзда въ Харьковѣ, явилась возможность произвести эти изслѣдованія въ широкихъ размѣрахъ, оказались на лицо и ученыя силы, и матеріальныя средства, и поддержка общества“ [1]). Отчетъ Московскаго Предварительнаго комитета, прочитанный предсѣдателемъ съѣзда, граф. П. С. Уваровой, констатируетъ „крайне благопріятную особенность съѣзда“ въ Харьковѣ, „чуждую доселѣ чисто русскимъ городамъ,—именно горячее участіе городского управленія“ [2]).

По общему признанію, съѣздъ въ Харьковѣ удался и превзошелъ всѣ ожиданія. По словамъ предсѣдателя съѣзда, гр. П. С. Уваровой, сказаннымъ предъ прочтеніемъ отчета въ послѣднемъ засѣданіи, „занятія съѣзда окончены, но воспоминанія о немъ останутся самыя пріятныя“. XII Археологическій съѣздъ можетъ считаться вполнѣ удавшимся, говорится далѣе въ отчетѣ [3]). Онъ положилъ начало изслѣдованію „Половецкой степи“; онъ привлекъ новыхъ работниковъ по археологіи [4]); благодаря ему, положено начало Археологическому и Этнографическому музеямъ при Харьковскомъ универ-

[1]) Извѣстія XII Арх. съѣзда, стр. 23—24.

[2]) См. Изв. XII Арх. Съѣзда, стр. 19.

[3]) Тамъ же, стр. 223 сл.

[4]) Одну изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ раскопокъ (въ Салтовскомъ городищѣ) произвелъ народный учитель г. Бабенко; дѣятельное участіе въ нѣкоторыхъ раскопкахъ принимали гимназисты г. г. Ефименко и Воронецъ.

ситетѣ. Съѣздъ былъ обставленъ такъ, что не остается желать ничего лучшаго: наблюдалось любезное отношеніе университетскаго начальства, дружная работа всѣхъ участниковъ, подъемъ духа въ городѣ, выразившійся, между прочимъ, въ посѣщеніи организованной при съѣздѣ выставки. Съ 16 по 24 августа ее посѣтили 55236 чел. безплатно; кромѣ того, 602 учащихся и 921 платныхъ посѣтителей. Посѣщали выставку и интеллигентныя лица, и простой народъ,—фактъ необычный. Словомъ, не говоря уже о спеціальныхъ изслѣдованіяхъ и научныхъ результатахъ, съѣздъ вызвалъ интересъ къ старинѣ въ самомъ обществѣ, въ народной даже массѣ.

Двадцатилѣтіе отъ введенія устава 1884 г. до 1905 г. можетъ быть подраздѣлено на нѣсколько періодовъ: 1) съ 1884 по 1888 г.—время неуклоннаго проведенія этого устава и мѣръ, дополняющихъ и развивающихъ его основныя начала; 2) съ 1888 до 1899 г.—время болѣе мягкаго примѣненія устава и связанныхъ съ нимъ правилъ, нѣкотораго даже измѣненія въ нихъ, въ смыслѣ возвращенія къ прежнему, и наконецъ 3) съ 1899 до 1905 г.—періодъ массовыхъ студенческихъ безпорядковъ, такъ называемыхъ „*забастовокъ*“, время полнаго крушенія устава 1884 г., признанія его несостоятельности и необходимости коренной реформы *на иныхъ началахъ*.

Въ теченіе этого двадцатилѣтія, съ 1884 по янв. 1905 г., происходитъ, какъ мы видѣли, замѣтный *внѣшній* ростъ Харьковскаго университета—увеличеніе его преподавательскаго персонала и числа студентовъ, хотя не безъ колебаній, расширеніе его помѣщеній и улучшеніе нѣкоторыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Для внутренней же жизни университета условія тогда были вообще неблагопріятны. Тѣмъ не менѣе и въ эти тяжелые годы, не смотря на всѣ затрудненія и препятствія, Харьковскій университетъ сдѣлалъ немало для развитія науки и просвѣщенія; а если мы вспомнимъ, при какихъ условіяхъ ему приходилось выполнять свою миссію, то мы еще болѣе должны будемъ оцѣнить его заслуги, какъ очага просвѣщенія и разсадника науки въ „полуденномъ“ краѣ Россіи.

XIV.

Амфіанъ Степановичъ Лебедевъ [1]).

За послѣдніе годы (1906—1910) историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета понесъ рядъ потерь: одинъ за другимъ сошли въ могилу профессора М. С. Дриновъ, Г. Ѳ. Шульцъ, Е. К. Рѣдинъ, Ѳ. А. Зеленогорскій, Л. Ю. Шепелевичъ (послѣдніе четыре—въ теченіе одного года съ небольшимъ); теперь, 27-го января 1910 г., скончался старѣйшій профессоръ Харьковскаго университета, нашъ „патріархъ", какъ мы его называли, нашъ „Несторъ, благомыслія полный", Амфіанъ Степановичъ Лебедевъ. Его служебная и преподавательская дѣятельность въ общемъ продолжалась болѣе 50 лѣтъ; изъ нихъ болѣе 40 лѣтъ онъ отдалъ Харьковскому университету, какъ профессоръ исторіи церкви, какъ членъ факультета и совѣта.

Амфіанъ Степановичъ Лебедевъ [2]) родился въ 1833 г. въ селѣ Карповѣ, Московской губ., Богородскаго уѣзда, въ семьѣ священника, и прошелъ духовную школу: среднее образованіе онъ получилъ въ Виѳанской семинаріи, а высшее—въ Московской академіи. По окончаніи курса въ послѣдней въ 1856 г. со степенью магистра богословія—его магистерская диссертація была на тему: „О нравственномъ достоинствѣ гражданскихъ законовъ Моисеевыхъ" (М. 1856)—А. С. Лебедевъ занялъ

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1910, апр.

[2]) См. юбилейное изданіе университета: „Историко-Филологическій факультетъ Харьковскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія (1805—1905)". Харьковъ, 1908, стр. 297 сл. „Біографическаго Словаря".

должность сначала помощника инспектора, а затѣмъ (въ 1858 г.) преподавателя или, по тогдашнему выраженію, „профессора“ всеобщей исторіи въ Московской духовной семинаріи, откуда черезъ годъ перешелъ на югъ—въ Херсонскую семинарію.

Въ ту пору онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ; къ тому же преподавательская дѣятельность въ семинаріи его, очевидно, не удовлетворяла. Онъ стремился къ расширенію знанія, къ пополненію своего образованія. Юношескіе годы А. С. Лебедева совпали съ 40-ми годами прошлаго вѣка, а молодость и первые его шаги на преподавательскомъ поприщѣ—съ 50-ми и 60-ми годами, съ эпохой реформъ, и эта эпоха наложила на него свой отпечатокъ: на всю жизнь онъ остался вѣренъ ея лучшимъ началамъ, являясь поборникомъ свѣта и разума... Въ началѣ 1860 года А. С. Лебедевъ беретъ по болѣзни отпускъ заграницу, гдѣ и проводитъ больше года, преимущественно въ Женевѣ: здѣсь, въ Женевской академіи, онъ слушалъ богословско-философскія лекціи извѣстнаго въ то время проф. Навиля.

По возвращеніи его изъ заграницы мы видимъ А. С. Лебедева опять на должности помощника инспектора семинаріи, а потомъ „профессора“—на этотъ разъ церковной исторіи—въ той же Московской семинаріи, въ которой онъ началъ свою служебную дѣятельность. Уже въ то время, въ 60-хъ годахъ, А. С. Лебедевъ напечаталъ довольно много статей: „De la perfectibilité du christianisme“ („L'union chrétienne“, Paris, 1860); „Очерки изъ исторіи христіанской церкви въ первые вѣка христіанства“ („Душеполезное Чтеніе“, 1862, октябрь—ноябрь; 1863, май—іюнь); „Человѣколюбивое участіе церкви въ судьбѣ угнетенныхъ въ IV—VI вѣкахъ“ (тамъ же, 1862, сент.); „О благотворительности въ первые вѣка христіанства“ („Православн. Обозр.“, 1862, ноябрь); „Отпаденіе западной церкви отъ союза съ восточной“ (тамъ же, 1864, апрѣль); „Соціальныя учрежденія древнихъ временъ христіанства“ (въ газ. „День“, 1865); „Новыя изслѣдованія о времени и личности Константинопольскаго патріарха Фотія“ (по поводу ст. Костомарова и книги Гергенретера о Фотіи—„Правосл. Обозр.“, 1868, май и сентябрь); „Миссіи протестантовъ на Востокѣ“ (тамъ же, 1868, декабрь); „Замѣчательныя иностранныя со-

чиненія по исторіи славянства и его церковной жизни" (тамъ же, 1869, май); „Замѣтки на „Очеркъ исторіи христіанскихъ церквей" Михайловскаго" (тамъ же, августъ); рецензія на „Очеркъ церковной исторіи" Куртца, въ перев. Рудакова („Рус. Вѣстн.", 1869, февраль).

На лѣтнее время 1868 г. А. С. Лебедевъ снова уѣзжаетъ, по болѣзни, заграницу и подобно тому, какъ прежде, пользуется отпускомъ и для научныхъ цѣлей; только теперь онъ отправляется не въ Женеву, а къ славянамъ, къ сербамъ австрійскимъ и тогдашняго княжества Сербскаго, „съ цѣлью ближайшаго ознакомленія съ ихъ церковно-религіознымъ бытомъ". Результатомъ этого путешествія явился рядъ статей А. С. Лебедева, знакомящихъ съ положеніемъ церквей сербской и греческой: „О Бѣлградской семинаріи въ Сербіи" („Русск. Вѣстн.", 1870, ноябрь); „О состояніи греческаго монашества вообще, и аѳонскаго въ особенности, въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству иноземныхъ писателей" („Христ. Чтеніе", 1870, февраль); „О сербскомъ духовенствѣ" („Рус. Вѣстн.", 1871, февраль); „Черты народно-религіозной жизни сербовъ" („Чтенія въ Общ. любит. дух. просвѣщ.", 1871, октябрь); „Церковное отлученіе у грековъ, по свидѣтельству иноземныхъ писателей XVII вѣка" (тамъ же, ноябрь). По темѣ сюда же примыкаютъ и позднѣйшія статьи: „Изъ путевыхъ воспоминаній" (Свѣдѣнія о Константинопольскихъ церквахъ и школахъ—о Халкинскомъ богословскомъ училищѣ въ особенности—въ „Правосл. Обозр.", 1882) и о Греческомъ Силлогосѣ въ Константинополѣ („Вѣра и Разумъ", 1884).

Въ 1869 г. по предложенію тогдашняго декана историко-филологическаго факультета Н. А. Лавровскаго, А. С. Лебедевъ избранъ былъ профессоромъ Харьковскаго университета по каѳедрѣ исторіи церкви, введенной уставомъ 1863 г., но дотолѣ не замѣщенной, и съ тѣхъ поръ до самой смерти преподавалъ этотъ предметъ у насъ, при чемъ въ теченіе послѣднихъ 22 лѣтъ (съ 1888 г.), за выслугою 30-лѣтняго срока, состоялъ уже внѣ штата [1]). Свой взглядъ на исторію церкви,

[1]) Въ 1902 г. штатнымъ профессоромъ по этой каѳедрѣ назначенъ былъ І. А. Бродовичъ.

какъ предметъ университетскаго преподаванія, А. С. Лебедевъ выразилъ въ своей вступительной лекціи, прочитанной въ октябрѣ 1869 г. (напечатана она спустя нѣсколько лѣтъ въ „Вѣстн. Евр.“, 1875, октябрь), въ которой онъ доказывалъ важность изученія этой дисциплины. Вообще онъ всегда энергично отстаивалъ „Исторію церкви“, какъ особый предметъ университетскаго преподаванія, и понималъ его широко. Въ теченіе своей болѣе, нежели 40-лѣтней, профессорской дѣятельности въ Харьковскомъ университетѣ А. С. Лебедевъ читалъ разнообразные курсы по исторіи церкви—въ первое время, до введенія устава 1884 г., преимущественно спеціальнаго характера; напримѣръ, намъ, студентамъ-историкамъ, въ концѣ 70-хъ годовъ, онъ читалъ одинъ годъ объ отношеніи между государствомъ и церковью въ Россіи, а второй—о положеніи русскаго духовенства. Съ половины 80-хъ годовъ А. С. Лебедевъ прочитывалъ обыкновенно общій курсъ въ теченіе двухъ семестровъ, примѣнительно къ установленной программѣ. Но, кромѣ того, онъ велъ иногда практическія занятія, состоявшія въ чтеніи церковныхъ историковъ, а также и византійскихъ. Вообще А. С. Лебедевъ былъ отчасти византинистомъ. Еще въ своей вступительной лекціи онъ указывалъ на важное значеніе византійской исторіи, всегда интересовался этою исторіею и посвятилъ ей нѣсколько работъ. Этотъ интересъ къ Византіи сближалъ А. С. Лебедева съ Н. П. Кондаковымъ, Ѳ. И. Успенскимъ, А. И. Кирпичниковымъ, М. С. Дриновымъ, съ которыми онъ былъ въ добрыхъ отношеніяхъ, въ особенности съ послѣднимъ, его другомъ. Ясность, точность и опредѣленность, строгая послѣдовательность и логичность, сжатый, выразительный языкъ—Амфіанъ Степановичъ былъ врагъ растянутаго изложенія, безсодержательныхъ фразъ—, характерныя выдержки и цитаты изъ источниковъ, иногда даже изъ рукописныхъ документовъ, если дѣло шло о русской церкви,—вотъ черты, отличавшія, между прочимъ, лекціи А. С. Лебедева. Эти черты свойственны были и его печатнымъ трудамъ.

Съ переходомъ А. С. Лебедева въ Харьковъ на профессорскую каѳедру его ученая дѣятельность развивается. Рѣдко какой годъ проходитъ безъ того, чтобы не появилось одной или нѣсколькихъ его статей. Кромѣ уже упомянутыхъ работъ,

касающихся церковно-религіознаго быта грековъ и славянъ Балканскаго полуострова, А. С. Лебедевъ пишетъ статьи: „О сочиненіи XVI вѣка Le bienfait de Jésus Christ envers les chrétiens. Матеріалъ для исторіи реформаціи“ („Христ. Чт.“, 1871, январь); „О свободѣ совѣсти въ древней вселенской церкви“ („Бесѣда“, 1871, февраль); разборъ книги Рамбо: „L'empire grec au X siècle“ (тамъ же, 1872, январь); „Молодые годы Фотія—по Гергенретеру“ („Чт. въ Общ. люб. дух. просвѣщ.“, 1873, январь); „Объ избраніи въ епископскій санъ въ древней церкви“ („Рус. Вѣстн.“, 1873, сентябрь): „Споръ о Платонѣ и Аристотелѣ въ XV вѣкѣ“ („Прав. Обозр.“, 1875, августъ); „Голосъ аббата Мишо о русской церкви“ („Правосл. Обозр.“, 1876, февраль); „Евгеній Булгарисъ, архіепископъ Словенскій и Херсонскій“ („Древн. и Нов. Россія“, 1877, февраль).

Вскорѣ эта дѣятельность получаетъ новое направленіе: А. С. Лебедевъ обращаетъ свое вниманіе на мѣстные архивы, работаетъ въ нихъ, разыскиваетъ и извлекаетъ многочисленные документы, нерѣдко спасаетъ ихъ отъ истребленія... Особенно много поработалъ онъ въ архивѣ Харьковской духовной консисторіи, Бѣлгородскаго и Курскаго Знаменскаго монастыря, и большая часть его трудовъ основана на извлеченныхъ изъ этихъ архивовъ матеріалахъ, посвящена исторіи мѣстной южнорусской церкви, касается архіереевъ, монастырей, быта и нравовъ духовенства, преимущественно прежней Бѣлгородской епархіи. Сюда относятся статьи: „Архивъ Курскаго Знаменскаго монастыря“ („Древн. и Нов. Рос.“, 1878, декабрь); „Къ вопросу о крѣпостномъ владѣніи приходскихъ церквей“ („Чт. въ Общ. люб. дух. просвѣщ.“, 1879, янв.); „Молдавскій митрополитъ Антоній Черновскій на русскихъ епископскихъ каѳедрахъ въ Черниговѣ и Бѣлгородѣ“ („Древн. и Нов. Рос.“, 1880, сент.); „Отставные военные на монашескихъ порціяхъ въ монастыряхъ“ („Чт. въ Общ. люб. дух. просвѣщ.“, 1881); „Церковныя отлученія въ Бѣлгородской епархіи въ XVIII в.“ (въ харьк. журн. „Миръ“, 1881, дек.); „Борьба духовенства въ Слободской Украйнѣ въ XVIII в. противъ вечерницъ“ (тамъ же, 1882, янв.); „Ипиновская Троицкая пустынь. Изъ исторіи монастырскихъ нравовъ XVIII в.“ („Чт. въ Общ.

Ист. и Древн. Рос.", 1884, кн. II); „Владѣльческіе документы Сумскаго Успенскаго монастыря" (тамъ же); „Эпизодъ изъ исторіи борьбы духовной власти въ Россіи съ народно-религіозными обычаями" (о запрещеніи синодскимъ указомъ крестнаго хода изъ Курскаго Знаменскаго монастыря въ Коренную пустынь, какъ „противнаго духовному регламенту и архіерейской присягѣ поступка", тамъ же); „Матеріалы къ исторіи сельско-хозяйственной и заводской промышленности на югѣ Россіи, по арх. документамъ Курскаго Знаменскаго монастыря" (тамъ же); „Новооткрытое полемическое сочиненіе противъ лютеранъ XVII в." (тамъ же, 1884, кн. III); „О брачныхъ разводахъ, по архивнымъ документамъ Курской и Харьковской духовной консисторій" (тамъ же, 1887, кн. II); „Духоборцы въ Слободской Украинѣ" („Сборн. Харьковск. Историко-Филологич. Общества", 1890, и отдѣльно); „Вотчинный бытъ монастырей Курскаго Знаменскаго и Бѣлгородскаго Николаевскаго", съ приложеніемъ многочисленныхъ (на 100 стр.) документовъ (тамъ же, 1892, и отдѣльно); „Примѣненіе тѣлесныхъ наказаній въ средѣ духовенства Бѣлгородской епархіи въ XVIII в." („Русск. Стар.", 1892, февр.); „Ѳеоктистъ Мочульскій, архіепископъ Бѣлгородскій и Курскій" („Сборн. Харьк. Истор.-Филолог. Общ.", 1896); „Въѣздъ Бѣлгородскихъ архіереевъ въ епархію и ѣздъ ихъ по епархіи" (тамъ же, 1898); объ Іоасафѣ Горленко, епископѣ Бѣлгородскомъ и Обоянскомъ въ серединѣ XVIII ст., чрезвычайно почитаемомъ, о канонизаціи котораго теперь поднятъ вопросъ, А. С. Лебедевъ помѣстилъ особую статью въ „Трудахъ Педагогич. Отдѣла Харьк. Историко-Филологич. Общ." за 1899 г. (вып. VI).

Подготовка XII Археологическаго съѣзда, который долженъ былъ состояться въ Харьковѣ въ 1902 г. и въ которомъ А. С. Лебедевъ принималъ дѣятельное участіе, дала ему новый поводъ поработать въ отмѣченномъ направленіи. Императорское Московское Археологическое Общество поручило ему ознакомиться съ архивами духовнаго вѣдомства, находящимися въ губ. Курской и Харьковской. Исполняя это порученіе, А. С. Лебедевъ въ 1900 и 1901 г. осмотрѣлъ архивы многихъ монастырей—Курска, Путивля, Рыльска, Коренной, Глинской и Софроніевой пустынь, Курской духовной консисторіи, побывалъ

въ городѣ Сумахъ и Ахтыркѣ съ цѣлью изысканія въ тамошнихъ церквахъ древнихъ документовъ и напечаталъ обширный отчетъ (около 100 стр.): „Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ архивахъ духовнаго вѣдомства въ губерніяхъ Курской и Харьковской". Харьк. 1902 (изъ XIII т. „Сборника Харьк. Истор.-Филолог. Общ."), съ любопытными извлеченіями изъ документовъ. Въ связи съ Археологическимъ съѣздомъ въ Харьковѣ стоитъ и самый крупный трудъ покойнаго А. С. Лебедева,—его книга: „Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности (по архивнымъ документамъ)" (Харьк. 1902, 288 стр.), въ которой мы находимъ біографіи и характеристики 17 бѣлгородскихъ архіереевъ, начиная съ митрополита Ѳеодосія (1667—1671) и кончая архіепископомъ Ѳеоктистомъ Мочульскимъ (1787—1818) А къ XIII Археологическому съѣзду въ Екатеринославѣ А. С. Лебедевъ приготовилъ статью: „Къ вопросу о землевладѣніи и торговыхъ промыслахъ духовенства Бѣлгородской епархіи въ XVIII в." Харьк. 1905 (въ Сборн. статей для этого съѣзда).

Другой крупный трудъ А. С. Лебедева—„Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украйны до учрежденія въ Харьковѣ университета" („Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Рос.", 1885, кн. IV, и отдѣльно). Вообще, исторія просвѣщенія и просвѣтительныхъ учрежденій Харьковскаго края, исторія Харьковскаго университета,—вотъ та другая область изслѣдованія, которая, наравнѣ съ мѣстной исторіей монастырскаго и архіерейскаго быта, особенно привлекала къ себѣ А. С. Лебедева. Онъ читаетъ публичную лекцію о характерной личности французскаго эмигранта „Антона Антоновича Дегурова", бывшаго профессоромъ всеобщей исторіи въ Харьковскомъ университетѣ, а затѣмъ въ Петербургскомъ, гдѣ онъ во времена Рунича сыгралъ неблаговидную роль въ извѣстномъ дѣлѣ Раупаха и другихъ профессоровъ и достигъ потомъ ректорства (лекція эта напечатана въ „Вѣстн. Евр.", 1876, мартъ); пишетъ статьи: „Мандрованные дьяки въ Слободской Украйнѣ" („Харьк. Календарь", 1885); „Объ участіи харьковскаго общества въ открытіи Харьковскаго университета" („Зап. Харьк. Ун.", 1893, вып. I); „Изъ исторіи высшихъ духовныхъ и общественныхъ школъ въ Бѣлгородской епархіи

въ XVIII в." („Сборн. Харьк. Истор.-Филолог. Общ.", 1894); по поводу 100-лѣтняго юбилея со дня смерти извѣстнаго украинскаго философа Г. С. Сковороды посвящаетъ этому философу статью: „Г. С. Сковорода, какъ богословъ" („Вопр. филос. и психол.", 1895, мартъ); составляетъ „Историческую записку о каѳедрѣ богословія въ Харьковскомъ университетѣ" („Зап Харьк. Ун.", 1896, кн. II), по документамъ университетскаго архива.

Подъ конецъ А. С. Лебедевъ снова возвращается иногда къ темамъ, которыя интересовали его еще и въ молодости, и въ сборникѣ, посвященномъ памяти М. С. Дринова (Харьк. 1908), помѣщаетъ статью: „Христіанская помощь нуждающимся въ древнія времена христіанства". Для полноты перечня слѣдуетъ отмѣтить еще его статьи о нѣкоторыхъ книгахъ, кромѣ упомянутыхъ уже раньше, напримѣръ рецензію, составленную имъ по порученію Академіи Наукъ на соч. Д. В. Цвѣтаева: „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій" (см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1892, мартъ), и два отвѣта Д. В. Цвѣтаеву (тамъ же, 1893, окт., и „Зап. Харьк. Унив.", 1893, кн. IV), а также ст. „Ученое увлеченіе папствомъ" („Русск. Вѣстн.", 1899, февр.), по поводу диссертаціи А. С. Вязигина: „Очерки изъ исторіи папства въ XI в." Въ послѣдніе годы Амфіанъ Степановичъ неразъ касался современныхъ церковно-религіозныхъ вопросовъ (въ „Странѣ", „Московск. Еженедѣльникѣ", въ харьковской газетѣ „Утро"). Лебединою же пѣснью его была статья о вѣроисповѣдномъ положеніи армянъ въ Россіи, напечатанная въ 1909 г. (въ „Чт. Общ. Ист. и Древн. Рос"), съ приложеніемъ документовъ, и представляющая собою докладъ, читанный имъ на Археологическомъ съѣздѣ въ Черниговѣ (1908).

Уже изъ этого краткаго, сухого перечня видно, какъ многочисленны, разнообразны и интересны по темѣ ученые труды покойнаго Амфіана Степановича. Харьковскій университетъ оцѣнилъ эти труды: въ 1894 г. А. С. Лебедевъ, до тѣхъ поръ магистръ богословія, получилъ степень доктора русской исторіи honoris causa „за труды, относящіеся по большей части къ территоріи Слободской Украйны, основанные на пер-

воисточникахъ, самолично извлеченныхъ авторомъ изъ архивныхъ хранилищъ", какъ говорится въ представленіи факультета.

И дѣйствительно, среди русскихъ изслѣдователей мѣстной исторіи А. С. Лебедеву принадлежитъ видное мѣсто. Большая часть его трудовъ цѣнна уже по самому матеріалу,—новому, непочатому: въ основу ихъ Амфіанъ Степановичъ клалъ преимущественно рукописные документы, имъ же, какъ сказано, извлеченные изъ архивовъ и спасенные отъ забвенія, а иногда и отъ гибели [1]). Цѣнна, далѣе, и самая обработка матеріала: передъ нами тутъ яркія картины нравовъ и быта прошлаго, нерѣдко съ характернѣйшими подробностями. Амфіанъ Степановичъ умѣлъ пользоваться характерными цитатами изъ документовъ, говорить ихъ словами, и самъ былъ рѣдкій мастеръ слова: ему свойственъ былъ особый стиль, сжатый, образный, мѣткій языкъ. И какъ лекціи, такъ и всѣ эти труды,—все равно посвящены ли они далекому прошлому или касаются наболѣвшихъ вопросовъ современной церковно-религіозной жизни,—проникаетъ духъ гуманности, уваженіе къ человѣческой личности, къ искреннему убѣжденію, къ свободѣ совѣсти и мысли, отвращеніе къ гнету и насилію...

Вообще Амфіана Степановича отличала „человѣчность". Онъ былъ очень добръ и довѣрчивъ къ людямъ, особенно къ бѣднякамъ и обездоленнымъ, которымъ всегда всячески готовъ былъ помочь. Часто его добротою и довѣрчивостью злоупотребляли, и онъ дѣлался жертвой обмана и эксплуатаціи. Какъ человѣкъ нервный, Амфіанъ Степановичъ, когда что либо принималъ близко къ сердцу, способенъ былъ сильно волноваться, проявлять большую, страстную настойчивость; такъ бывало, напр., въ полемикѣ. Но еще больше проявлялись его высокая честность, его благородство и благожелательность, его прямота и правдивость, любовь къ истинѣ и отвращеніе къ фальши, стремленіе быть безпристрастнымъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ и любимыхъ членовъ профессорской коллегіи. Въ свою очередь онъ, сынъ сельскаго священника и пи-

[1]) Амфіанъ Степановичъ успѣлъ обработать только часть собранныхъ имъ архивныхъ матеріаловъ. Имѣвшееся у него собраніе документовъ представляетъ немалый интересъ. Оно пріобрѣтено теперь извѣстнымъ собирателемъ древностей г. Титовымъ.

томецъ духовной школы, сроднился съ нашимъ университетомъ и сталъ, по истинѣ, человѣкомъ „университетскимъ“, живымъ хранителемъ лучшихъ университетскихъ преданій: уроженецъ Московской губерніи, любившій Москву, гдѣ у него было немало друзей, каждыя вакаціи, зимою, на Пасху и лѣтомъ, обыкновенно ѣздившій въ нее, онъ полюбилъ и нашу Украйну, нашъ Харьковъ, и остался вѣренъ ему до конца. Въ 90-хъ годахъ ему представлялась возможность перейти въ Московскій университетъ [1]), и былъ моментъ, когда онъ колебался; помню, мы снарядили къ нему депутацію, прося его не покидать Харьковскій университетъ, и Амфіанъ Степановичъ остался среди насъ.

Особенно близко мы узнали и оцѣнили Амфіана Степановича тогда, когда онъ въ теченіе 10 съ лишкомъ лѣтъ (1891—1901) былъ деканомъ историко-филологическаго факультета. Въ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ на нашемъ факультетѣ происходили большіе раздоры и борьба. Было двѣ партіи, изъ которыхъ одну—не совсѣмъ точно—называли консервативною или нѣмецкою, а другую—тоже неточно—прогрессивною или русскою. Къ этой послѣдней принадлежали составлявшій въ то время славу нашего факультета А. А. Потебня, А. И. Кирпичниковъ (до середины 80-хъ годовъ бывшій профессоромъ въ Харьковѣ), М. С. Дриновъ, Ѳ. А. Зеленогорскій. Къ нимъ примыкалъ и А. С. Лебедевъ. Онъ былъ друженъ съ А. И. Кирпичниковымъ и особенно съ М. С. Дриновымъ, извѣстнымъ славистомъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ борьба начала уже стихать: нѣкоторые изъ видныхъ членовъ факультета покинули университетъ или сошли въ могилу, другіе примирились. Но полное примиреніе настало лишь тогда, когда А. С. Лебедевъ назначенъ былъ деканомъ. Факультетъ быстро пополнился новыми, молодыми силами; въ средѣ его установились самыя добрыя, мирныя отношенія. Амфіанъ Степановичъ проявлялъ ко всѣмъ, начиная со старшихъ и кончая младшими членами факультетской семьи, рѣдкое благородство и

[1]) Если не ошибаюсь, это было послѣ смерти проф. Иванцова-Платонова. Каѳедру занялъ потомъ однофамилецъ и родственникъ Амфіана Степановича—Алексѣй Петровичъ Лебедевъ.

доброжелательство, особенное теплое отношеніе. Деканъ по назначенію, онъ явилъ себя не начальствомъ, какъ это бывало часто на другихъ факультетахъ, а любящимъ „патріархомъ“ этой семьи. То была золотая пора въ жизни нашего факультета... Вотъ какими чертами характеризовали Амфіана Степановича, какъ декана, товарищи его въ адресѣ, поднесенномъ ему по поводу оставленія имъ этой должности: „Въ теченіе почти одиннадцати лѣтъ Вы были достойнѣйшимъ представителемъ нашего факультета, олицетворяя въ своей дѣятельности дорогіе для насъ идеалы правды и добра съ такою яркостью и постоянствомъ, что время Вашего деканства является, по всей справедливости, однимъ изъ наиболѣе свѣтлыхъ періодовъ въ исторіи нашего факультета Ревностное служеніе интересамъ науки и просвѣщенія, горячая поддержка всѣмъ благимъ начинаніямъ, исходившимъ отъ факультета, участливое отношеніе къ нуждамъ отдѣльныхъ его членовъ, наконецъ, Вашъ открытый, прямой и высокочестный образъ мыслей и дѣйствій—создали на нашемъ факультетѣ такую чистую и здоровую атмосферу для мирнаго и согласнаго симбіоза, которая живительно дѣйствовала на наши силы и наилучше способствовала бодрой и дружной научно-педагогической работѣ... Память о Васъ, какъ деканѣ-патріархѣ, сумѣвшемъ соединить въ себѣ высоту научныхъ стремленій и строгость нравственныхъ требованій съ сердечной отзывчивостью на все доброе, искреннее и честное, останется навсегда въ насъ, будетъ навсегда для насъ свѣтлой, дорогой... Намъ въ высшей степени пріятно видѣть Васъ здоровымъ, бодрымъ, жизнерадостнымъ и полнымъ широкихъ научныхъ интересовъ. Это даетъ намъ отрадную увѣренность, что Вы еще многіе и многіе годы останетесь дѣятельнымъ членомъ нашего факультета, являясь въ немъ „Несторомъ, благомыслія полнымъ“, и внося въ его дѣятельность результаты Вашей педагогической опытности, научнаго знанія и любящаго сердца“. Студенты въ своемъ адресѣ благодарили „дорогого Амфіана Степановича“ за „чисто родительскія заботы“, которыя онъ проявлялъ по отношенію къ нимъ, и отмѣчали „отсутствіе всякаго мертвящаго формализма, постоянное желаніе помочь студентамъ совѣтами, исполненными жизненнаго опыта и глубокаго знанія сердца чело-

вѣческаго, гуманное отношеніе къ нимъ и всегдашнюю готовность поддержать ихъ въ тяжелую годину". „Самое живое участіе въ судьбѣ студентовъ всего университета, неуклонное преслѣдованіе ихъ интересовъ, подчасъ съ перенесеніемъ личныхъ непріятностей, спасло", говорилось далѣе въ адресѣ, „немало нашихъ товарищей и вдохнуло глубокую признательность и горячую любовь къ Вамъ среди студентовъ всего университета", въ сердцахъ которыхъ „навсегда останется добрая память о Васъ, какъ о человѣкѣ широко гуманномъ, сердечномъ и отзывчивомъ". И это были искреннія слова: ученики Амфіана Степановича хранятъ о немъ благодарное воспоминаніе. До 40 выпусковъ студентовъ-историковъ, своихъ слушателей, насчитывалъ онъ; въ числѣ его учениковъ есть люди пожилые, убѣленные уже сѣдиной, и молодые, почти юноши, еще находящіеся въ стѣнахъ нашей alma mater. И всѣ они, отъ старшихъ до младшихъ, относились къ Амфіану Степановичу съ уваженіемъ и любовью.

Когда въ Харьковѣ возникла мысль основать при университетѣ Историко-Филологическое Общество, то А. С. Лебедевъ явился однимъ изъ учредителей этого общества; онъ былъ дѣятельнымъ членомъ его, посѣщалъ засѣданія, участвовалъ въ преніяхъ, часто дѣлалъ доклады: многія изъ перечисленныхъ выше статей читались имъ предварительно въ Историко-Филологическомъ Обществѣ. Кромѣ того, А. С. Лебедевъ состоялъ членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, Еллинскаго Филологическаго Силлогоса въ Константинополѣ, Воронежской Ученой Архивной Коммиссіи и проч. Онъ не ограничивалъ своей просвѣтительной дѣятельности университетомъ: онъ принималъ участіе въ Харьковскомъ Обществѣ Грамотности, выступалъ неразъ съ публичными лекціями, читалъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, на курсахъ для рабочихъ... и умеръ на посту!

Могло казаться страннымъ, что не смотря на свои семьдесятъ семь лѣтъ Амфіанъ Степановичъ не только не оставляетъ преподаванія въ университетѣ, но и читаетъ попрежнему общіе, обязательные курсы. Но, во-первыхъ, Амфіанъ Степановичъ чувствовалъ себя еще бодрымъ, а во-вторыхъ, кто

зналъ его, тотъ понималъ, что съ его стороны это была своего рода борьба со старостью — и борьба побѣдоносная до самой смерти: для Амфіана Степановича немыслимо было отказаться отъ обычной дѣятельности, отъ лекцій въ обычномъ объемѣ; для него это было бы равносильно какъ-бы смерти. И онъ продолжалъ читать лекціи, какъ и прежде; читалъ ихъ до конца осенняго семестра 1909 г., и отношеніе слушателей къ нему не измѣнялось: его такъ же цѣнили и любили, какъ и прежде, въ пору расцвѣта его силъ; попрежнему посѣщали его лекціи и интересовались ими...

На Рождество Амфіанъ Степановичъ по обыкновенію поѣхалъ въ Москву. Возвратившись въ Харьковъ, онъ еще экзаменовалъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, посѣтилъ нѣкоторыхъ знакомыхъ. Но 17-го января (1910) почувствовалъ себя нехорошо: онъ простудился и заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Въ теченіе недѣли болѣзнь не принимала угрожающаго характера, ему стало даже лучше; но затѣмъ вдругъ обнаружился поворотъ къ худшему, процессъ распространился, къ воспаленію легкихъ присоединился плевритъ. Амфіанъ Степановичъ испытывалъ сильныя боли, но крѣпился, переходилъ даже изъ комнаты въ комнату; интересовался университетскими дѣлами; еще наканунѣ смерти говорилъ объ измѣненіи въ распредѣленіи своихъ лекцій въ новомъ семестрѣ. Еще утромъ 27-го января онъ могъ перейти изъ одной комнаты въ другую, бралъ съ полки свои тетради и записки, перелистывалъ ихъ; легъ на диванъ... и уснулъ навѣки...

Древній греческій философъ сказалъ: „все течетъ; ничто не остается“. Смѣняются лица, поколѣнія, на смѣну сошедшимъ въ могилу являются новые... „И пусть“, по слову поэта, „у гробового входа младая будетъ жизнь играть“, но все-же грустно и тяжело становится на душѣ, когда вспомнишь, что Амфіана Степановича нѣтъ уже среди насъ. — Это послѣдній профессоръ изъ тѣхъ, которые были членами факультета въ годы моего студенчества. Теперь уже нѣтъ въ живыхъ никого изъ нихъ, и въ ту самую могилу [1]), въ которой временно покоились останки его друга, Марина Степановича Дринова,

[1]) Это не метафора: А. С. Лебедевъ погребенъ въ могилѣ М. С. Дринова.

перевезенные затѣмъ весною 1909 г. въ Болгарію, 29-го января 1910 г. опущенъ прахъ Амфіана Степановича. Съ его смертью словно цѣлый большой періодъ въ жизни нашего факультетета окончательно отошелъ въ область безвозвратнаго прошлаго... Амфіанъ Степановичъ дожилъ до предѣла человѣческой жизни; но это не былъ человѣкъ отжившій и забытый: онъ былъ бодръ; онъ живо интересовался университетомъ, наукой, преподаваніемъ; онъ былъ еще нуженъ намъ, какъ вѣрный хранитель лучшихъ университетскихъ традицій, какъ человѣкъ, въ теченіе своей, болѣе чѣмъ полувѣковой, дѣятельности не шедшій ни на какія сдѣлки съ совѣстью,— особенно нуженъ въ наше безвременье, въ нашу переходную, тяжелую пору...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Къ какому времени года относятся похожденія Чичикова въ первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“?

(Къ характеристикѣ литературныхъ пріемовъ Гоголя) [1]).

Въ I-мъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ Гоголь, не смотря на то, что въ его произведеніяхъ иногда встрѣчаются чудныя картины природы, нигдѣ не говоритъ опредѣленно, къ какому времени года относятся описываемыя имъ здѣсь „похожденія Чичикова“. Онъ даетъ на это лишь косвенныя указанія, и если мы, напр., возьмемъ въ руки иллюстрированное изданіе „Мертвыхъ Душъ“, выпущенное въ свѣтъ Марксомъ въ 1901 г. и обратимъ вниманіе на рисунки, имѣющіеся на первыхъ же страницахъ этого изданія, художественный отдѣлъ котораго находился подъ наблюденіемъ писателя П. П. Гнѣдича и художника М. М. Далькевича, то мы натолкнемся на удивительный контрастъ и нѣкоторую несообразность между двумя изображеніями. На стр. 4 мы видимъ того молодого человѣка, который встрѣтился, когда бричка Чичикова подъѣхала къ гостиницѣ; по описанію Гоголя, молодой человѣкъ этотъ — „въ бѣлыхъ канифасовыхъ панталонахъ, весьма узкихъ и коротких, во фракѣ съ покушеньями на моду, изъ-подъ котораго видна была манишка, застегнутая тульскою булавкою съ бронзовымъ пистолетомъ“. Такъ онъ изображенъ и на упомянутомъ рисункѣ — безъ шинели или пальто, какъ будто время года было еще не позднее и погода стояла теплая или даже жаркая. Но на стр. 10 мы видимъ Чичикова, читающаго

---

[1]) Изъ XVIII т. „Сборн. Харьковск. Истор.-Филолог. Общ.“ (1909).

267

афишу, одѣтымъ въ большую шинель на мѣху, а на заднемъ планѣ —чисто зимній ландшафтъ. Послѣднее—всецѣло плодъ фантазіи художника, но въ мѣховую шинель онъ имѣлъ основаніе облечь Чичикова: поводъ къ этому даетъ самъ Гоголь.

По крайней мѣрѣ, рѣшивши перенести свои визиты за городъ и отправляясь къ Манилову и Собакевичу, Чичиковъ, какъ говорится у Гоголя, надѣваетъ фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой и потомъ *шинель на большихъ медвѣдяхъ*. А описывая попадавшіяся навстрѣчу деревни, Гоголь упоминаетъ о мужикахъ, которые сидѣли на лавкахъ передъ воротами *въ своихъ овчинныхъ тулупахъ*. Все это какъ-бы указываетъ на сравнительно суровую уже пору года, хотя, очевидно, зимы еще не было: страницу спустя [1]) Гоголь говоритъ о прудѣ—въ деревнѣ Манилова—, „покрытомъ зеленью“ и о двухъ бабахъ, „которыя картинно подобравши платья и подтыкавшись со всѣхъ сторонъ, брели по колѣни въ прудѣ, влача за два деревянные кляча изорванный бредень, гдѣ видны были два запутавшіеся рака и блестѣла попавшаяся плотва“. Но какое это было время года, Гоголь прямо не говоритъ; онъ замѣчаетъ лишь, что „день былъ не то ясный, не то мрачный, а какого-то свѣтло-сѣраго цвѣта, — какой бываетъ только на старыхъ мундирахъ гарнизонныхъ солдатъ“. Когда Чичиковъ подъѣзжалъ ко двору Манилова, хозяинъ стоялъ на крыльцѣ „въ зеленомъ шалоновомъ сюртукѣ, приставивъ руку ко лбу, въ видѣ зонтика надъ глазами, чтобы разсмотрѣть получше подъѣзжавшій экипажъ“.

А далѣе мы видимъ разгаръ лѣта. Когда Чичиковъ ѣдетъ отъ Манилова, его дорогой настигаетъ чисто лѣтняя гроза и ливень: „все небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя“; раздались громовые удары, и „дождь хлынулъ, вдругъ, какъ изъ ведра. Сначала, принявши косое направленіе, хлесталъ онъ въ одну сторону кузова кибитки, потомъ, измѣнивши образъ нападенія и сдѣлавшись совершенно прямымъ, барабанилъ прямо въ верхъ его кузова; брызги, наконецъ, стали долетать ему въ лицо“ (стр. 37). На слѣдующій день поля выглядѣли „ярко зелеными,

[1]) Цитирую по 10-му изд., редакт. Тихонравовымъ, т. III, стр. 19 (М. 1889).

освѣженными", и между ними — почернѣвшая отъ дождя дорога (стр. 56). При встрѣчѣ съ Мижуевымъ, зятемъ Ноздрева, въ придорожномъ трактирѣ, и Чичиковъ, и Мижуевъ изъявляютъ удовольствіе, „что пыль по дорогѣ была совершенно прибита вчерашнимъ дождемъ и теперь ѣхать *и прохладно, и пріятно*" (стр. 60),—словно передъ тѣмъ стояла жара!

И только при описаніи небольшого дворика или курятника Коробочки мы встрѣчаемъ подробности, которыя позволяютъ скорѣе всего предположить, что дѣло происходило въ августѣ: свинья уписываетъ *арбузныя корки;* за дворикомъ тянутся „пространные огороды съ капустой, лукомъ, картофелемъ, свеклой и прочимъ хозяйственнымъ овощемъ. По огороду были разбросаны кое-гдѣ яблони и другія фруктовыя деревья, *накрытыя сѣтями* для защиты отъ сорокъ и воробьевъ" (значитъ, на деревьяхъ были плоды). „Для этой же самой причины водружено было нѣсколько чучелъ на длинныхъ шестахъ съ растопыренными руками"... (стр. 44). Съ этимъ согласуется и упоминаніе о „взбороненномъ полѣ" (стр. 38), и описаніе сада Плюшкина съ его „зелеными чащами" и „хмелемъ": „Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ... Хмель, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣсного орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренные солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее какъ темная пасть", гдѣ, въ глубинѣ, мелькала и „молодая вѣтвь клена, протянувшая съ боку свои зеленные лапы-листы"... (стр. 109—110) [1]).

Итакъ, самъ Гоголь не говоритъ опредѣленно, въ какую

[1]) Не останавливаюсь на такихъ подробностяхъ, какъ напр. встрѣча Чичикова, по дорогѣ отъ Ноздрева, съ губернаторскою дочерью, только-что выпущенной изъ института и ѣхавшей домой, чтб указываетъ скорѣе на начало или середину лѣта, или какъ „веселенькій ситецъ" на платьѣ „просто

Харьковск. О-во Вдовин.

пору года происходятъ похожденія его героя въ первой части „Мертвыхъ Душъ“; читателю приходится самому догадываться, дѣлать выводы на основаніи косвенныхъ указаній и описаній [1]). Въ этомъ отношеніи пріемы Гоголя въ „Мертвыхъ Душахъ“ представляютъ полный контрастъ пріемамъ Тургенева въ его большихъ романахъ, которые всѣ начинаются съ болѣе или менѣе опредѣленнаго указанія времени года, когда происходитъ дѣйствіе [2]). Гоголь рисуетъ отдѣльные моменты или картины природы; между ними есть видимая несогласованность, даже противорѣчіе, но Гоголь этого какъ-бы не замѣчаетъ. И если бы подобная несогласованность встрѣтилась у какого-либо автора классической древности, то это, вѣроятно, подало бы поводъ къ разнообразнымъ болѣе или менѣе остроумнымъ и смѣлымъ гипотезамъ, начиная съ предположеній объ интерполяціяхъ и кончая, можетъ быть, сомнѣніями въ принадлежности произведенія тому автору, которому оно приписывается традиціей. Думается, что и по отношенію къ античнымъ писателямъ слѣдуетъ чаще допускать возможность нѣкоторой несогласованности и противорѣчій, упущенныхъ изъ виду самими авторами.

пріятной дамы“. Въ послѣдней главѣ I т. „Мертвыхъ Душъ“ въ исполненномъ лиризма описаніи дороги Гоголь упоминаетъ объ *осени;* но неясно, относится ли это къ путешествію Чичикова или же авторъ рисуетъ себѣ картину, безъ прямого отношенія къ похожденію его героя.

[1]) Извѣстно, что въ своихъ повѣстяхъ Гоголь иногда отмѣчаетъ время года, напр. въ началѣ „Сорочинской ярмарки“: „Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи“..., не говоря уже о такихъ произведеніяхъ, какъ „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“, „Майская ночь“, „Ночь передъ Рождествомъ“, гдѣ въ самомъ заглавіи указывается время дѣйствія.

[2]) *Рудинъ:* „Было тихое *лѣтнее* утро“. *Дворянское гнѣздо:* „*Весенній* свѣтлый день клонился къ вечеру“. *Наканунѣ:* „Въ тѣни высокой липы, на берегу Москвы рѣки, недалеко отъ Кунцова, въ одинъ изъ самыхъ жаркихъ *лѣтнихъ* дней 1856 года, лежали на травѣ два молодыхъ человѣка“... *Вешнія Воды* (послѣ вступленія): „Дѣло было *лѣтомъ* 1840 года“. *Новь:* „*Весною* 1868 года, часу въ первомъ дня, въ Петербургѣ, взбирался по черной лѣстницѣ“... Иногда указывается даже мѣсяцъ и число. Напр. *Отцы и Дѣти:* „—Что, Петръ? не видать еще? спрашивалъ 20 мая 1859 года“.., или *Дымъ:* „10 августа 1862 года, въ четыре часа пополудни въ Баденъ-Баденѣ, передъ извѣстною „Conversation“ толпилось множество народа“.

БИБЛІОТЕКА

ВАЖНѢИШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр. 112, примѣчаніе, стр. 3 снизу. Вм. *Giesebrecbt* слѣд. *Giesebrecht.*

Стр. 117, стр. 8—9 снизу. Вм. Апостолъ Петръ, „замѣчаетъ также Бернардъ“, не являлся слѣд. Апостолъ Петръ“, замѣчаетъ также Бернардъ, „не являлся.

Стр. 157, стр. 4 сверху. Вм. Ergänzungen su слѣд. Ergänzungen zu.

Стр. 175, стр. 15 сверху. Вм. 1832—1936 слѣд. 1832—1836.

Стр. 185, стр. 2 сверху. Вм. Не говоря ужь слѣд. Не говоря ужъ.

Стр. 197, стр. 11 снизу. Вм. вполнѣ оправдывались слѣд. вполнѣ оправдывались“.

Стр. 209, стр. 33 сверху. Вм. за исторію слѣд. на исторію.

Стр. 220, стр. 13 сверху. Вм. опровергаюгъ слѣд. опровергаютъ.

Примѣчанія 2 на стр. 156 не надо.

